This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HL 1RH0 3

A7
Stifen, Dah.
Ugol. prava Anglii.

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 29 1931

Sir James Fitzjames Stephen

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

АНГЛІИ

ВЪ КРАТКОМЪ ОЧЕРТАНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ДЖЕМСА ФИЦ-ДЖЕМСА СТИФЕНА.

ПЕРЕВЕЛЪ

В. СПАСОВИЧЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. КОВАЛЕВСКАГО.

1865.

PRINTED IN RUSSIA.

SEP 29 1931

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переведенная мною книга носитъ въ оригиналѣ заглавіе: A general view of the criminal law of England. London and Cambridge. 1863. Авторъ ея кровный юристъ англійскій, сынъ и внукъ юристовъ, членъ адвокатской корпораціи Inner Temple, бэрристеръ и рекордеръ (судья) въ мѣстечкѣ Ньюаркѣ на Трентѣ Джемсъ Фиц-Джемсъ Стифенъ (James Fitzjames Stephen) изложилъ въ слѣдующихъ словахъ руководящую мысль и планъ своего труда:

„Такъ какъ настоящее сочиненіе имѣетъ довольно особенную задачу, то я позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько объясненій. Почти всѣ юридическія англійскія книги писаны для достиженія однихъ чисто практическихъ цѣлей. Немногія изъ нихъ посвящены образованію студентовъ; огромное большинство состоитъ изъ сводовъ, или изъ указателей, предназначенныхъ для справокъ въ кабинетахъ или въ судахъ. Каждый изъ этихъ двухъ разрядовъ вмѣщаетъ въ себѣ множество сочиненій объ уголовномъ правѣ, столь превосходныхъ по своей ясности и учености, что незачѣмъ и стараться увеличить ихъ число. Каждый изъ этихъ двухъ разрядовъ отличается однако особенностями, которыя оставляютъ мѣсто для трудовъ совсѣмъ инаго рода. Книги для студентовъ (напр., четвертый томъ комментаріевъ серджента Стифена) похожи на генеральную весьма полную и точную карту страны, составленную для

читателя, который намѣренъ самъ изучить эту страну въ подробности. Книга для справокъ по дѣламъ по необходимости нагружены въ такой степени мелочами, что стараться извлечь изъ нихъ общее понятіе о правѣ, значитъ тоже самое, что смотрѣть на пейзажъ въ микроскопъ.

„Настоящая книга не предназначена ни для практики, ни для приготовленія къ адвокатскому званію. Задача ея состоитъ въ объясненіи цѣли, направленія и очертаній весьма важной части англійскихъ учрежденій. Нѣтъ, конечно, отрасли права, которая имѣла бы бо́льшее нравственное значеніе и была бы тѣснѣе связана съ коренными началами нравственности и политики, нежели та, въ силу которой люди убиваютъ, порабощаютъ или инымъ образомъ мучатъ подобныя имъ существа правомѣрно, обдуманно и хладнокровно. Нѣтъ сомнѣнія, что можно изложить начала этой системы и общедоступно и вмѣстѣ съ тѣмъ интересно.

„Взявшись за эту работу, я не заботился о полнотѣ и старался по возможности избѣгать подробностей нехарактеристическихъ. Я ссылался на авторитеты только тогда, когда это нужно было для примѣровъ и притомъ весьма рѣдко. Въ теоретической части моего труда я не ссылаюсь ни на кого. Надѣюсь, что изъ этого умолчанія не будетъ выведено заключеніе, будто я добивался оригинальности въ началахъ и доводахъ. Эти начала и доводы были многократно защищаемы весьма извѣстными писателями, хотя, можетъ быть, не въ связи съ тѣмъ особеннымъ предметомъ, къ которому я пытался ихъ примѣнить“.

Книга Стифена предназначена не для практики, она не годится для справокъ, она предполагаетъ въ читателѣ нѣкоторое знакомство съ главными очертаніями англійской конституціи (по крайней мѣрѣ такое, какое свойственно всякому образованному человѣку, слѣдящему за ходомъ европейской жизни по газетамъ и журналамъ); она имѣетъ теоретическое содержаніе и вмѣщаетъ въ себѣ весьма многое при своемъ относительно невеликомъ объемѣ: исторію англійскаго уголовнаго права, его теперешнее состояніе и про-

екты реформъ, части общую и особенную уголовнаго права матеріальнаго, судопроизводство и теорію доказательствъ, основанную на теоріи познанія, наконецъ изложеніе нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ. Сверхъ сжатости и обилія содержанія сочиненія Стифена, была еще одна причина, склонившая меня заняться переводомъ этой книги. Интересуясь учрежденіями англійскими, по ихъ всемірно-историческому значенію, публика наша заимствовала до сихъ поръ всѣ извѣстія объ нихъ изъ вторыхъ рукъ, въ прежнее время отъ французовъ, потомъ преимущественно отъ нѣмцевъ, отъ Гнейста, Фишеля, Миттермайера. Но понятно, что узнавать учрежденія какого-либо края изъ разсказовъ иностранцевъ, значитъ тоже самое, что знакомиться съ какимъ-либо литературнымъ произведеніемъ, не по подлинному ему тексту, и даже не по подстрочному переводу, а по чьей-либо передѣлкѣ. Передѣлка можетъ быть очень хороша, но подлинникъ все таки лучше. Извѣстно, что нѣмцы первые въ мірѣ систематики; каждый изъ нѣмецкихъ ученыхъ подходитъ къ изучаемому имъ законодательству съ готовою схемою, съ заранѣе составленною сѣтью общихъ понятій, дѣленій и подраздѣленій; по различнымъ клѣточкамъ этой сѣтки, онъ и размѣщаетъ добытый матеріалъ. Сверхъ расположенія матеріала, книга нѣмецкая содержитъ еще и критическую оцѣнку англійскихъ учрежденій, и притомъ оцѣнку ихъ съ нѣмецкой точки зрѣнія, то есть, съ такой, съ которой самъ англичанинъ никогда бы не сталъ смотрѣть на обычаи, учрежденія и законы своей родины. Нѣмецкая точка зрѣнія ближе насъ, посему мы и прибѣгаемъ всего охотнѣе къ нѣмецкимъ руководствамъ, учебникамъ и трактатамъ, но проходя сквозь чуждую ему среду, подлинникъ получаетъ несвойственную ему окраску, притомъ теряется и улетучивается большею частью тотъ духъ, который вѣялъ въ учрежденіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся менѣе понятными тѣ силы, которыхъ произведеніемъ является данное законодательство, то есть тотъ складъ ума и то настроеніе характера народа, которые лежатъ въ основаніи всякаго оригинальнаго

законодательства. Иное дѣло когда авторъ книги объ англійскихъ законахъ самъ кровный англичанинъ-юристъ, тогда его точка отправленія, и образъ мыслей, его пріемы при изученіи предмета и способы группировать факты, становятся для насъ поучительными, потому что и на нихъ не менѣе, какъ и на самомъ предметѣ его изслѣдованій лежитъ одно и тоже клеймо.

Законы и учрежденія англійскія суть сочныя произведенія превосходной почвы, плодъ жизни весьма разнообразной и богатой содержаніемъ. Подобно всѣмъ великимъ созданіямъ человѣческаго творчества, они съ одной стороны весьма національны, съ другой стороны способны къ безграничному, космополитическому распространенію. Лучшія силы народа не ушли въ бездонную глубь міра идей, какъ у нѣмцевъ, но направились на дѣятельность внѣшнюю, дѣловую и на выработку общественныхъ отношеній. Вслѣдствіе необыкновенно благопріятнаго стеченія качествъ даровитой расы и внѣшнихъ условій ея развитія построился порядокъ общественный, изумительный по своей прочности, устойчивости и самый свободный, какой когда-либо существовалъ, въ которомъ самый широкій просторъ предоставленъ энергіи единичной воли. Порядокъ этотъ складывался съ величайшимъ трудомъ, вслѣдствіе упорной борьбы противуположныхъ началъ, медленно и поштучно, безъ перерывовъ, скачковъ и заимствованій, которыхъ не у кого было дѣлать. Есть, или по крайней мѣрѣ была у насъ, одна литературная партія, которая выражала желаніе, чтобы развитіе народа совершалось изъ однихъ древне-народныхъ элементовъ, безъ посредства и вліянія иноземной культуры. Англійское законодательство представляетъ типъ вполнѣ подходящій подъ этого рода требованія. Англія отдѣлена была отъ материка и волнами морскими и еще больше своею исторіею, которая началась съ нормандской деспотіи и доходила потомъ до республиканскихъ почти формъ быта, между тѣмъ какъ на материкѣ Европы событія шли отъ феодализма къ монархической централизаціи. Англія должна была пробавляться своими только средствами, брать тощія, сухія, бѣдныя формы своего обыч-

наго права, размягчать ихъ, растягивать, класть на прорѣхахъ заплатки изъ статутовъ, добавлять недостающее посредствомъ натянутыхъ толкованій и фикцій. Внѣшній видъ цѣлаго, поражаетъ несистематичностью, отсутствіемъ симметріи, точно дубъ раскинулъ во всѣ стороны свои безчисленныя, сучковатыя вѣтви. Но эти старыя, сучковатыя, морщинами покрытыя формы имѣютъ безконечную упругость и тягучесть. Такъ какъ они готовы, а легче брать готовое чужое, нежели до него дорабатываться изъ своихъ собственныхъ народныхъ началъ, то ихъ и заимствуютъ у Англіи другіе народы и племена, преобразуя на свой ладъ сообразно своимъ бытовымъ условіямъ. Не безъ основанія Гнейстъ предсказываетъ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ такое вліяніе въ области государственнаго права, какое имѣло jus civile римское въ области частнаго права. Нѣтъ уже счету различнымъ подраженіямъ, нѣкоторыя англійскія учрежденія проникли во всѣ части свѣта, напримѣръ, учрежденіе присяжныхъ. Теперь оно вводится въ Россію; когда оно будетъ распространено на Сибирь, можно будетъ сказать, что оно обошло кругомъ весь шаръ земной.

Ходъ развитія англійскихъ законовъ и учрежденій опредѣлилъ собою и ходъ развитія науки англійскаго законовѣдѣнія. Эта наука осталась и остается до сихъ поръ исключительно національною. Она не странствовала по чужимъ землямъ, мало училась у римлянъ и грековъ, плохо знаетъ, что дѣлается у материковыхъ сосѣдей Англіи, а если и забѣгала когда нибудь впередъ положительному законодательству, то лишь на нѣсколько шаговъ. Она бѣдна философскимъ элементомъ, а такъ какъ она занималась исключительно своимъ, не заглядывая въ иностранное, то всѣ теоріи, которыя она строитъ, суть не болѣе какъ отвлеченія отъ существующаго въ Англіи порядка вещей. Ея требованія невелики и нерадикальны, потому что ея идеалы не лежатъ въ отдаленномъ, а въ ближайшемъ будущемъ и состоятъ изъ имѣющагося уже порядка немного упрощеннаго и очищеннаго. Но съ другой стороны она

несходила съ форума и передаетъ съ совершенною точностью ровно бьющійся пульсъ мощной и здоровой жизни общественной.

При такихъ условіяхъ, невозможно и ожидать въ Англіи появленія индивидуально-великихъ юристовъ, кабинетныхъ ученыхъ въ родѣ Савиньи и Ганса. Англійскіе юристы большею частью дѣльцы-практики, превосходно знающіе и умѣющіе передать что у нихъ, какъ и изъ чего образовалось. Таковъ и Джемсъ Фиц-Джемсъ Стифенъ. Онъ совершенный позитивистъ, для котораго вовсе не существуютъ метафизическіе вопросы, каковы напримѣръ, вопросы о свободѣ воли, о цѣли наказанія, о предѣлахъ карательной власти государства. Наказаніе говоритъ Стифенъ (гл. IV, стр. 127) приноситъ двоякую пользу: оно предупреждаетъ преступленіе посредствомъ устрашенія; оно даетъ притомъ удовлетвореніе чувству мести. Наказаніе такъ относится къ чувству мести, какъ учрежденіе брака къ половой похоти. И понятіе преступленія и наказаніе состоятъ въ полной волѣ и распоряженіи законодателя. Преступленіемъ считается только то, что запрещено подъ страхомъ наказанія, причемъ противуобщественный характеръ запрещаемаго дѣянія не составляетъ необходимаго условія запрещенія. Многія безправственности не предосудительны потому, что не наказывались. Многія дѣянія, потому только возбуждаютъ негодованіе, что долгое время наказывались напр., ересь. Дуэлей мало бываетъ въ Англіи, потому что бой смертоноснымъ оружіемъ наказывается какъ murder. Сотни тысячъ воздерживаются отъ убійства потому, что гнушаются имъ, гнушаются же они имъ потому что убійцы подвергаются смертной казни повѣшеніемъ (гл. IV стр. 128). Элементъ нравственный можетъ отсутствовать во многихъ законодательныхъ запретахъ, наконецъ, можетъ случиться даже положительное столкновеніе между уголовнымъ запретомъ и нравственностью (стр. 131). Такихъ мѣстъ много у Стифена. Изъ нихъ можно бы заключить, что онъ приверженецъ крутыхъ, деспотическихъ мѣръ и человѣкъ весьма нелиберальный. Подобное заключеніе было бы ошибочно. Самыя рѣзкія изъ этихъ выраженій

имѣютъ совершенно иной смыслъ въ устахъ англичанина, нежели въ устахъ всякаго другаго человѣка. Этотъ же самый террористъ радуется смягченію наказаній (стр. 93), является восторженнымъ хвалителемъ англійскаго судопроизводства, за его снисхожденіе къ несчастію, хотя бы это было несчастіе преступленія (закл. VI гл.). Стифенъ не опасается крутыхъ мѣръ, потому что настоящій sovereign въ Англіи, не кто иной какъ парламентъ; парламентъ всевластенъ и могъ бы, конечно, постановить закономъ, что третье дитя въ каждомъ семействѣ должно быть немедленно повѣшено (глава IX). Но Стифенъ знаетъ, что парламентъ этого не сдѣлаетъ. Въ иныхъ странахъ, говоритъ онъ, надлежитъ различать при опредѣленіи преступленій, во-первыхъ, въ какой степени каждое опредѣленіе соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя и во-вторыхъ, въ какой степени намѣренія законодателя совпадаютъ съ общественнымъ интересомъ. Въ нашей странѣ—Англіи и въ наше время оба эти вопроса совпадаютъ и образуютъ нераздѣльное одно (стр. 127). Само опредѣленіе, что преступленіе есть дѣяніе запрещенное законодателемъ подъ страхомъ наказанія, если вникнуть въ него внимательнѣе, далеко не такъ просто и ясно, какъ могло бы показаться съ перваго раза, потому что между законодателемъ и подсудимымъ становится судья, который толкуетъ смыслъ законодательнаго запрета, съ такою независимостью и съ такимъ авторитетомъ, что совершенно справедливо считается вторымъ законодателемъ. По самой окраинѣ уголовнаго права идетъ полоса такъ называемыхъ мисдеминоровъ-проступковъ опредѣленныхъ только по названію, а не по составу, совершенно туманныхъ и растяжныхъ, каковы nuisance, libel, conspiracy, подъ которыя въ минуты сильнѣйшаго преобладанія правительственной власти, корона пыталась подвести всякую вообще оппозицію. Толкованіями судей и дѣятельностью присяжныхъ, понятія объ этихъ преступленіяхъ, хотя не потеряли своей туманности, но получили болѣе скромные размѣры и перестали быть опасными. Даже и въ области болѣе тяжкихъ преступленій, наука англійскаго уголовнаго права — дочь судебной практики, такъ

опредѣлила составъ этихъ преступленій, что въ него входятъ элементы, ускользающіе отъ законодателя и констатируемые только судьею, напримѣръ, такъ называемая *malice*. Для полноты состава преступленія по англійскому праву требуются не только извѣстныя движенія внѣшнія, не только связующее эти движенія воедино намѣреніе и свободная воля, но еще спеціально — противузаконное настроеніе сознанія или *malice*, злоумышленность, которой опредѣленіе въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи исключительно принадлежитъ судьѣ и присяжнымъ.

Стифенъ великій поборникъ судейскаго законодательства и широкаго простора судейской власти. Сознавая всѣ неудобства отъ несистематичности англійскаго уголовнаго права, и выгоды отъ его упрощенія, онъ не рѣшается однако требовать новой полной его кодификаціи (глава IX). Въ весьма сжатомъ и краткомъ ученіи объ общемъ составѣ преступленія (глава III) особенно интересна, по своей необыкновенной простотѣ и практичности, теорія невмѣняемости по причинѣ сумашествія. Менѣе для насъ важна, любопытная только въ историческомъ отношеніи, особенная часть англійскаго уголовнаго права, самая слабая и отсталая, исполненная дикихъ, странныхъ, уродливыхъ на нашъ взглядъ понятій, доморощенныхъ произведеній англійской почвы. Построить правильную систему особенной части можетъ только тотъ, кто философски образованъ и кто знакомъ съ сравнительно-историческимъ методомъ. Стифену недостаетъ этихъ условій, посему предлагаемыя имъ улучшенія и преобразованія въ классификаціи и опредѣленіяхъ преступленій крайне слабы и во многихъ отношеніяхъ хуже существующихъ въ законодательствѣ положительномъ. Такимъ образомъ смѣшивая право собственности съ другими правами вещными, онъ предлагаетъ дать кражѣ такое опредѣленіе, подъ которое бы подошли всевозможныя нарушенія правъ вещныхъ; путаетъ подлогъ съ мошенничествомъ; изъ *burglary*, соотвѣтствующаго нашей кражѣ со взломомъ, предлагаетъ выбросить самоважнѣйшій признакъ — взломъ и наказывать каторжными работами всякій

входъ въ чужое жилье, съ намѣреніемъ совершить фелонію и т. под. (глава IV).

Гораздо совершеннѣе и занимательнѣе главы, посвященныя уголовному судопроизводству, въ которыхъ, обрисовавъ немногими, но мѣткими чертами процессы французскій и англійскій, Стифенъ съ искусствомъ глубокаго знатока и безпристрастнаго критика берется оцѣнивать достоинства и недостатки англійскаго порядка. Но лучшая часть книги, безъ сомнѣнія, та, которая посвящена теоріи доказательствъ (главы VII и VIII, составляющія около $^1/_4$ всего сочиненія). Въ теченіи вѣковъ, вслѣдствіе упорной работы многихъ поколѣній судей и безъ всякаго почти вмѣшательства со стороны законодательной власти, возникла и сложилась стройная система правилъ о доказательствахъ, образецъ логики, торжество здраваго смысла, которая столь же важна для процесса, какъ руль для корабля и безъ которой учрежденіе присяжныхъ будетъ всегда хромать и давать неудовлетворительные результаты. Значеніе этой теоріи только теперь уясняется, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ сознавать всю неудовлетворительность французскаго jury, рѣшающаго вопросъ о винѣ, по одному безотчетному, чуждающемуся всякаго руководства, впечатлѣнію. У Стифена не только эта теорія представлена очень рельефно, въ сжатомъ видѣ, въ главныхъ ея очертаніяхъ, но ей предпосылается весьма интересная и чисто англійская естественная исторія убѣжденія, въ которой особенно сильно и рѣзко оттѣненъ одинъ изъ факторовъ всякаго убѣжденія — элементъ личной воли убѣждающагося лица. Въ основѣ всякаго человѣческаго дѣянія лежитъ извѣстное убѣжденіе; притомъ тѣ только дѣянія увѣнчиваются успѣхомъ, которыя истинны, то есть согласны съ дѣйствительностью. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ Стифенъ, какъ истый англичанинъ и настоящій утилитаристъ, объясняетъ жажду истины, стремленіе къ ней человѣка. Есть истины, которыя завладѣваютъ сознаніемъ человѣка, постепенно и надосугѣ, незамѣтно и неотразимо, помимо его воли, такъ что убѣждающійся можетъ о себѣ сказать: я не могъ не убѣдиться.

Но въ большей части дѣлъ и отношеній житейскихъ время нетерпитъ, предстоитъ необходимость рѣшиться немедленно безъ отсрочки, сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы прійти къ какому либо, хотя бы на воздухѣ построенному, убѣжденію. Вліяніе воли на убѣжденіе громадное. Посредствомъ воспитанія и пріобрѣтаемыхъ жизнью умственныхъ привычекъ, всякое лицо можетъ довести себя до вѣрованія во что бы то ни было или до невѣрованія ни во что. Милліоны вѣровали въ предложенія противныя разуму и чувствамъ (глава VII). Поставленное въ необходимость рѣшаться, во что бы то ни стало, по имѣющимся въ наличности даннымъ, лицо выводитъ изъ нихъ заключенія, причемъ эти наличныя данныя служатъ меньшими посылками силлогизма, а роль большихъ посылокъ играютъ готовыя выработанныя ходячія убѣжденія, которыхъ большой запасъ имѣетъ каждый изъ насъ въ головѣ и на которыя каждый изъ насъ привыкъ полагаться, хотя они большею частью относительно и условно вѣрны, а есть между ними и фальшивыя. Каждый изъ насъ довольствуется такимъ способомъ рѣшенія практическихъ вопросовъ, лучшаго не можетъ имѣть и общество въ дѣлѣ суда. Возьмите 12 человѣкъ неособенно умныхъ и даровитыхъ, средне-образованныхъ, обяжите ихъ присягою приложить къ обстоятельствамъ дѣла столько вниманія, сколько бы они обратили, если бы дѣло касалось ихъ лично, и дайте имъ въ руководители опытнаго судью, который бы указалъ имъ на относительный вѣсъ каждаго даннаго, приводимаго въ доказательство. Если эти люди будутъ удовлетворены доказательствами и скажутъ: „да, подсудимый виноватъ“, то на этотъ вердиктъ можно смѣло положиться; онъ возможно лучшій при данномъ состояніи общества.

В. Спасовичъ.

27 октября 1865 г.

ГЛАВА I.

ОБЛАСТЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Законъ. — Преступленіе. — Разговорный смыслъ словъ: criminal law. — Точный смыслъ этой фразы. — Наказаніе и санкція. — Punishments и penalties. — Область уголовнаго права въ теоріи и на практикѣ. — Crime и tort. — Дѣленіе уголовнаго права на части.

Настоящая глава занимается опредѣленіемъ того, какое содержаніе имѣетъ уголовный законъ и изъ какихъ частей состоитъ онъ по своему существу. И такъ, прежде всего, поставимъ вопросы: что такое законъ? и что такое преступленіе?

Законъ есть приказаніе держаться извѣстнаго образа дѣйствій. — Приказаніе есть внушеніе, дѣлаемое какимъ либо сильнѣйшимъ разумнымъ существомъ другому слабѣйшему, о томъ, что если сіе послѣднее сдѣлаетъ что нибудь, что первымъ запрещено, или не сдѣлаетъ чего нибудь, что первымъ предписано, то первое повредитъ ему, причинивъ ему извѣстное зло [1]). — Преступленіе есть нарушеніе закона, предписаннаго подъ страхомъ наказанія.

---

[1]) *Austin*, Prov. of Jurisprudence, lect. 1.

Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что всѣ вообще законы въ извѣстномъ смыслѣ могутъ считаться уголовными, потому что по существу своему они состоятъ изъ приказаній, а всякое приказаніе можетъ быть нарушено.

Такой выводъ можетъ показаться чѣмъ то въ родѣ парадокса, но онъ вѣренъ. По общему мнѣнію законы о наслѣдствѣ не имѣютъ никакой связи съ уголовными, однакоже въ сущности они опираются на законы уголовные. Извѣстно что по законамъ англійскимъ отцу наслѣдуетъ старшій сынъ, иными словами, что всѣ лица, за исключеніемъ старшаго сына умершей особы, если таковой существуетъ, имѣютъ приказаніе отъ верховной власти воздерживаться отъ пользованія правами собственности на земли принадлежавшія умершему, если они не могутъ предъявить на пользованіе этими правами особаго законнаго основанія. Коль скоро не будучи въ состояніи предъявить законное основаніе, они однако станутъ присваивать себѣ эти права, то государство прикажетъ шерифу ввести законнаго наслѣдника во владѣніе землею, а съ присвоителей взыскать издержки процесса. Если же шерифъ откажется исполнить это приказаніе, то онъ будетъ подлежать между прочимъ суду по обвиненію въ неисполненіи законныхъ приказаній государя и наказанію штрафомъ и заключеніемъ въ тюрьму по приговору, который повлечетъ за собою обвиненіе. И такъ въ окончательномъ результатѣ правило, *что отцу наслѣдуетъ старшій сынъ*, сводится къ тому, что государь предписываетъ всѣмъ лицамъ сообразоваться съ этимъ правиломъ, и заставляетъ всякаго соблюдать это правило подъ угрозою узаконеннымъ наказаніемъ. Есть юридическія положенія, которыя повидимому еще болѣе отдалены отъ уголовнаго права, нежели законы о наслѣдствѣ. Можно доказывать напримѣръ, что положеніе: *король не умираетъ* входитъ въ составъ англійскаго права, но не можетъ быть выражено въ формѣ приказанія. На это возраженіе отвѣтимъ, что какъ вышеприведенное, такъ и многія другія положенія того же рода предоставлены въ значительной степени благоусмотрѣнію судилищъ,

которыя, по подразумѣваемому соизволенію государя, снабжены извѣстною властью толковать ихъ, такъ что въ предѣлахъ предоставленной имъ власти эти судилища могутъ считаться даже законодателями. На сколько положенія, о которыхъ идетъ рѣчь, зависятъ отъ благоусмотрѣнія судейскаго, на столько они не могутъ считаться законами, но какъ только они выходятъ за предѣлы произвольной власти судейской, то становятся настоящими законами и могутъ быть охраняемы уголовно. Положимъ напримѣръ, что судья, по требованію чьему нибудь о примѣненіи къ данному случаю положенія, что король не умираетъ, положительно отказался отъ удовлетворенія этому требованію; такой отказъ можетъ быть разсматриваемъ какъ преступленіе по должности, за которое судья можетъ быть преданъ суду. Невѣроятно чтобы когда нибудь, могъ выйти подобный случай, однако это обстоятельство нисколько не ослабляетъ прочности выставленнаго нами начала. Съ этимъ началомъ вполнѣ согласно ученіе, утвердившееся въ англійскомъ правѣ, о преступности всякаго ослушанія законному приказанію короля или постановленіямъ акта парламента.

Хотя оба понятія: законъ (law) и преступленіе (crime), суть понятія соотносительныя и взаимно себя дополняющія, и хотя фраза: *законы о преступленіяхъ* (criminal law), то есть уголовное право, можетъ быть разсматриваема какъ плеоназмъ, однако это выраженіе употребляется и можетъ быть съ пользою употребляемо въ извѣстномъ смыслѣ весьма опредѣленномъ на практикѣ и весьма тѣсно ограниченномъ. Въ составъ уголовнаго права включаются обыкновенно законы о смертоубійствѣ, кражѣ, разбоѣ и т. под., но отъ него отдѣляются законы о договорахъ, наслѣдствѣ, управленіи, мореплаваніи, отдачѣ земель въ арендное содержаніе и другихъ тому подобныхъ предметахъ. На чемъ основано и на чемъ должно быть основываемо это дѣленіе? Первый изъ этихъ вопросовъ рѣшится, когда мы сообразимъ какой смыслъ приписываетъ разговорная рѣчь выраженію: законы о преступленіяхъ т. е. уголовные законы? (criminal law) Другой вопросъ будетъ рѣшенъ,

когда мы обратимъ вниманіе на существо предметовъ подлежащихъ классификаціи. Въ обыкновенной, разговорной рѣчи преступленіе (crime) значитъ больше, нежели простое ослушаніе закона: оно обозначаетъ дѣйствіе не только запрещенное закономъ, но и возмущающее нравственное чувство въ обществѣ. Грабежъ или убійство считаются повсемѣстно преступленіями, чего нельзя сказать о проступкахъ противу доходовъ казны. Впрочемъ этотъ способъ очерченія понятій посредствомъ разговорной рѣчи неудовлетворителенъ по причинѣ своей неопредѣленности. Извѣстно, напримѣръ, что убійство всѣми и вездѣ считается тѣмъ, что разговорная рѣчь называетъ преступленіемъ, но тутъ рождается вопросъ: что же такое убійство по смыслу разговорной рѣчи? Многія дѣйствія, которыя законъ называетъ убійствомъ возбуждаютъ въ очень малой степени общественное негодованіе или не возбуждаютъ его вовсе, въ многихъ же слояхъ и группахъ общественныхъ они могутъ вызывать чувства совершенно противуположныя негодованію. Положимъ, напримѣръ, что нѣкто убилъ въ правильномъ поединкѣ человѣка, обольстившаго его сестру. Солдатъ американскій, во время войны за независимость штатовъ, освободилъ брата инсургента, выстрѣливъ въ англійскаго солдата, который взялъ въ плѣнъ этого инсургента. Нѣкто стрѣляя въ домашнюю птицу, съ тѣмъ чтобы ее украсть, ранилъ случайно дробью, которою заряжено было его ружье, человѣка, который умираетъ потомъ спустя шесть мѣсяцевъ отъ этой раны. Повивальная бабка убиваетъ урода, который, хотя и имѣетъ видъ человѣческій, но не былъ бы однако способенъ развиться и созрѣть. Влюбленная чета рѣшается кончить жизнь самоубійствомъ; одинъ изъ влюбленныхъ досталъ ядъ, каждый изъ сговорившихся принимаетъ частицу этого яда, но именно тотъ, который досталъ ядъ, выздоравливаетъ впослѣдствіи. Всѣ исчисленные случаи подходятъ подъ понятіе убійства; каждый изъ нихъ есть, слѣдовательно, уголовное преступленіе, но они разнятся безконечно съ нравственной точки зрѣнія, такъ что общественное мнѣніе, относя нѣкоторые изъ нихъ къ числу преступленій, будетъ иные счи-

тать заблужденіемъ, а иные даже одобритъ и сочтетъ доблестными поступками. Итакъ очевидно, что разговорная рѣчь не объясняетъ достаточно вопроса о томъ, какіе виды нарушеній закона суть собственно въ настоящемъ смыслѣ слова преступленія (crimes)?

Если мы обратимся къ другому вопросу о томъ, на какомъ началѣ должно быть построено опредѣленіе уголовнаго права, то мы должны будемъ вникнуть въ существо предметовъ, подлежащихъ классификаціи. Здѣсь представляется намъ слѣдующее соображеніе. Хотя всѣ законы суть приказанія и потому могутъ быть нарушаемы, наказанія предопредѣлены не за всякое нарушеніе всякаго закона всякимъ лицомъ, дѣйствующимъ въ какомъ бы то ни было характерѣ. Въ случаѣ приведенномъ нами выше изъ законовъ о наслѣдствѣ, изъ закона истекаетъ множество приказаній, относящихся къ собственности умершаго лица. Законъ велитъ всѣмъ лицамъ, кромѣ законнаго наслѣдника, воздерживаться отъ пользованія этою собственностью, если они не имѣютъ къ тому какихъ либо особыхъ основаній. Законъ велитъ судьямъ, когда стороны обратятся къ нимъ съ своими требованіями, рѣшить, существуютъ ли эти особыя основанія или нѣтъ? Законъ велитъ шерифу исполнить приговоръ, который будетъ постановленъ судьями. Приказанія относящіяся къ судьямъ и къ шерифу ограждаются въ случаѣ надобности наказаніями, но общее приказаніе, обращенное къ публикѣ и состоящее въ томъ, чтобы всякій воздерживался отъ вмѣшательства въ отношенія, изъ которыхъ слагается право собственности, ограждается единственно только тѣмъ, что если кто нибудь станетъ вмѣшиваться, то его заставятъ заплатить законному наслѣднику убытки и судебныя издержки. Поступокъ вмѣшивающагося не подлежитъ вообще наказанію, если онъ не облеченъ въ форму кражи или инаго дѣйствія спеціально запрещеннаго подъ страхомъ особой санкціи уголовной.

И такъ понятіе преступленія (crime) можетъ быть точнѣе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: преступленіями называются собственно дѣйствія, запрещаемыя закономъ подъ страхомъ нака-

занія. Это опредѣленіе требуетъ еще объясненія, потому что рождается вопросъ: что такое наказаніе? Всякое приказаніе вмѣщаетъ въ себѣ и санкцію, съ этой точки зрѣнія можно бы полагать, что всякій законъ, запрещающій что нибудь, запрещаетъ это дѣйствіе подъ страхомъ наказанія. Для устраненія недоразумѣнія мы должны дать такое опредѣленіе наказанію, которое бы отдѣлило наказаніе отъ санкціи.

Всѣ санкціи всевозможныхъ законовъ могутъ быть подведены подъ двѣ главныя статьи: нарушители закона или могутъ быть принуждены удовлетворить пострадавшее отъ нарушенія третье лицо уплатою убытковъ или оказаніемъ ему извѣстныхъ услугъ, или же они могутъ быть сами лично подвергнуты извѣстному страданію. И въ томъ и въ другомъ случаѣ законодатель ограждаетъ свое приказаніе санкціями, но въ первомъ случаѣ вся санкція обращена цѣликомъ въ пользу пострадавшаго лица, она въ его волѣ и власти, въ полномъ его распоряженіи. Во второмъ случаѣ санкція состоитъ въ страданіи, которому подвергается ослушникъ закона. Оно налагается на него въ видахъ пользы общественной и не имѣетъ прямой связи съ интересами лица, которое пострадало отъ дѣйствія, влекущаго за собою наказаніе. Слѣдовательно, наказанія суть санкціи, налагаемыя въ видахъ пользы общественной, по требованію и въ зависимости отъ тѣхъ, которые считаются представителями общества.

Стоитъ еще замѣтить, что есть въ правѣ англійскомъ различіе между *punishment* и *penalty*, то есть между настоящимъ уголовнымъ наказаніемъ и штрафомъ уголовно-частнымъ. Случается иногда, что законодатель находитъ удобнымъ удерживать отдѣльныя лица отъ извѣстныхъ дѣйствій, не полагая особыхъ наказаній за совершеніе этихъ дѣйствій, но постановляя, что всѣ вообще или нѣкоторыя лица въ особенности, могутъ, если пожелаютъ, вступаться за эти дѣйствія, какъ за свои частныя обиды и искать за нихъ для себя извѣстнаго вознагражденія. Сюда относятся всѣ статуты, уполномочивающіе частныхъ истцовъ искать оштрафованія въ ихъ

пользу виновныхъ въ разныхъ полицейскихъ проступкахъ (breaches of law); сюда относятся также нѣкоторыя постановленія финансовыхъ законовъ (revenue acts), по которымъ генералъ-атторнею предоставляется право, вчинать по его усмотрѣнію иски объ оштрафованіи виновныхъ. *Penalties* отличаются отъ наказаній тѣмъ, что они поставлены въ зависимость отъ произвола истца и идутъ въ его пользу. Они тѣмъ отличаются отъ убытковъ, что нарушатель закона не причинилъ никакой обиды истцу лично, и что штрафъ, которымъ обогащается истецъ, есть въ сущности награда за его бдительность и труды при раскрытіи проступка, а не вознагражденіе за личныя потери, понесенныя вслѣдствіе проступка.

Точность обозначенныхъ нами предѣловъ уголовнаго права подтверждается многими приговорами англійскихъ судовъ. Актъ парламента, по которому стороны состязающіяся въ гражданскомъ процессѣ допущены къ дачѣ показаній въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, не примѣняется къ уголовному судопроизводству и возникалъ многократно вопросъ, должно ли считаться то или другое дѣло уголовнымъ по смыслу этого акта. Изъ всѣхъ приговоровъ судовъ явствуетъ, что примѣненіе наказанія, въ томъ смыслѣ, какой мы даемъ этому слову есть точный признакъ, которымъ судопроизводство гражданское отдѣляется отъ уголовнаго, и что при этомъ не обращается никакого вниманія на нравственныя свойства дѣйствія, подлежащаго суду [1]).

Мы сказали, что преступленія суть дѣйствія, наказываемыя по закону, слѣдовательно законы о преступленіяхъ, или уголовное право, составляютъ ту часть законодательства, которая имѣетъ предметомъ преступленія. Очевидно, что на основаніи этихъ опредѣленій область уголовнаго права становится гораздо тѣснѣе настоящей юрисдикціи англійскихъ уголовныхъ судовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась на основаніи рутины. Въ Великобританіи

[1]) Att. Gen. v. Radloff, 10 Exch. 84. Сравнить Cattel v. Ireson, 27 L. J. M. C. 167. По дѣлу Berry, Bell, Cr. Ca. 58, рѣшено, что искъ о незаконности рожденія не можетъ считаться уголовнымъ процессомъ.

съ помощью уголовнаго права рѣшается огромное количество дѣлъ, которыя во всѣхъ другихъ странахъ подлежатъ гражданскому разбирательству. Въ Англіи напримѣръ законъ о такъ называемыхъ *нюйзенсахъ* входитъ въ составъ уголовнаго права. *Публичнымъ нюйзенсомъ* или общевреднымъ дѣйствіемъ считается всякое дѣйствіе, причиняющее вредъ и безпокойство всѣмъ вообще подданнымъ королевы; публичный нюйзенсъ разсматривается какъ проступокъ влекущій за собою денежныя пени и заключеніе. Подъ формою уголовнаго права рѣшаются также вопросы о законности производства извѣстныхъ видовъ торговли при извѣстныхъ условіяхъ, о повинности исправленія дорогъ, о удовлетворительномъ состояніи путей сообщенія, о законности сооруженій на рѣкахъ, берегахъ морскихъ, въ мѣстахъ близкихъ къ мостамъ и тому подобное. За всякую неправильность и уклоненіе отъ законнаго порядка въ помянутыхъ дѣлахъ, виновный позывается формально къ уголовному суду и судится какъ за преступленіе уголовное. Если онъ проиграетъ дѣло, то на практикѣ ему предоставляется устранить самому нюйзенсъ, но если онъ этого не сдѣлаетъ, то онъ подвергается настоящему наказанію. Эти особенности англійской системы зависятъ отъ причинъ чисто историческихъ и будутъ точнѣе и подробнѣе раскрыты и объяснены въ послѣдующихъ главахъ настоящаго труда. Здѣсь достаточно замѣтить, что эти особенности еще болѣе подтверждаютъ общее, высказанное нами, положеніе, что нельзя ограничивать область уголовнаго права тѣми только дѣйствіями, которыя слывутъ преступленіями въ разговорной рѣчи, но что уголовное право распространяется на всякое дѣйствіе, которое законъ запретилъ и обставилъ наказаніемъ, каковы бы ни были нравственныя свойства этого дѣйствія.

Выраженіе *penal law* или *наказательные законы* слѣдовало бы предпочесть выраженію: *criminal law* или *законы о преступленіяхъ*. Первое изъ этихъ выраженій оттѣняетъ сильнѣе ту характеристическую черту, которая разграничиваетъ область уголовнаго права отъ другихъ частей законодательства; оно указываетъ

на то, что различіе между уголовнымъ законодательствомъ и другими зависитъ не отъ существа дѣйствій, которыми они занимаются, но отъ того какъ къ этимъ дѣйствіямъ относится законодатель. Преступленія подлежатъ иногда разбирательству не только какъ преступленія и не только съ цѣлью подвергнуть кого либо наказанію; какъ таковыя они составляютъ предметъ законовъ, которые ни въ какомъ смыслѣ не могутъ считаться наказательными. Многія преступленія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и частныя обиды и могутъ дать поводъ къ иску объ убыткахъ, независимо отъ уголовнаго судопроизводства; таковы нападенія съ насиліемъ (assaults), обиды письменныя (libel) и многіе обманы (frauds). Лицо совершающее подобныя дѣйствія можетъ быть присуждено къ наказанію на основаніи уголовнаго обвинительнаго акта (indictment) или приговорено къ уплатѣ убытковъ вслѣдствіе гражданскаго иска. Само дѣйствіе не измѣняется въ своемъ существѣ, но, смотря потому какъ къ нему относятся, оно можетъ раждать тѣ или другія послѣдствія.

Простой разборъ сущности уголовнаго права упраздняетъ затрудненіе, которое не малаго труда стоило юристамъ, какъ разграничить *преступленія* (crimes) отъ *частныхъ неправдъ* (torts)? Оба понятія не исключаютъ взаимно другъ друга, но могутъ быть однако обособлены. Вопросъ о томъ есть ли извѣстное дѣйствіе преступленіе или частная неправда, походитъ на вопросъ: есть ли извѣстное лицо мужъ или братъ? Все что входитъ въ область уголовнаго права есть преступленіе; все что даетъ поводъ къ иску объ убыткахъ за обиду, есть частная неправда; но нѣтъ причины препятствующей тому, чтобы одно и то же дѣйствіе не могло въ себѣ вмѣщать оба эти признака. Наконецъ преступленія могутъ подлежать судебному разбирательству не какъ преступленія и не какъ неправды; такъ напримѣръ двоебрачіе можетъ служить поводомъ къ разводу; зажигательство, совершенное лицомъ застраховавшимъ свое имущество, можетъ служить поводомъ къ отказу страховою компаніею въ уплатѣ денегъ по полису. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ преступленіе должно быть формальнымъ образомъ дока-

зано по суду, но само преступное дѣйствіе будетъ разсматриваемо судомъ не какъ преступленіе и не какъ неправда частная, но какъ дѣйствіе обусловливающее состояніе дѣйствовавшаго лица или обязательство другихъ лицъ къ денежнымъ уплатамъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что характеристическое отличіе преступленій заключается не въ существѣ дѣйствія, но въ послѣдствіяхъ, которыя законъ связуетъ съ дѣйствіемъ.

Мы рѣшили что такое преступленіе и что такое законы уголовные. Посмотримъ теперь изъ какихъ элементовъ слагается уголовное право? Главное дѣленіе двухчленное: всякая система уголовныхъ законовъ должна состоять *во первыхъ* изъ законовъ, запрещающихъ извѣстныя дѣйствія подъ страхомъ извѣстныхъ наказаній; и *во вторыхъ* изъ законовъ о примѣненіи этихъ общихъ запретовъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Первый классъ законовъ называется законами о преступленіяхъ и наказаніяхъ, второй законами объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ состоятъ изъ трехъ разрядовъ: 1) общія начала, опредѣляющія какіе элементы должны стекаться въ дѣйствіи для образованія уголовнаго ослушанія законамъ; 2) опредѣленія отдѣльныхъ преступленій; 3) соразмѣреніе съ ними наказаній.

Законы уголовнаго судопроизводства могутъ быть приведены къ четыремъ статьямъ: 1) предварительное производство, заключающее въ себѣ мѣры предосторожности, обезпечивающія явку въ судъ лица подозрѣваемаго въ преступленіи (подслѣдственный арестъ и проч.); собраніе доказательствъ противу подозрѣваемаго (то что французы называютъ *l'instruction*) и преданіе его суду; 2) судоговореніе; 3) правила о доказательствахъ предъявляемыхъ при судоговореніи; 4) примѣненіе наказанія. Обозначенныя здѣсь части вытекаютъ изъ существа самаго предмета и существуютъ въ томъ и другомъ видѣ у всякаго народа и во всякой системѣ уголовнаго законодательства.

Независимо отъ этихъ главныхъ дѣленій, необходимыхъ во вся-

кой системѣ законодательства, есть еще нѣкоторыя черты, свойственныя той или другой системѣ въ особенности, которыя сообщаютъ каждой ея своеобразность. Остовъ уголовнаго права въ каждой странѣ очерченъ по одному и тому же плану, но форма сочленений, ихъ относительная важность и наружный видъ безконечно различны, отъ чего зависитъ и соотвѣтствующее тому различіе въ функціяхъ, для исправленія которыхъ части эти предназначены.

Въ разныхъ странахъ законы различнымъ образомъ возникаютъ и отмѣняются; различны могутъ быть ихъ вмѣстилища или источники; они занимаются разными предметами, они одушевлены неодинаковымъ духомъ; слѣды этихъ различій проявляются въ каждой части каждой системы. Въ нѣкоторыхъ странахъ опредѣленія преступленій полнѣе, въ другихъ они короче. Въ нѣкоторыхъ наказанія суровѣе, въ другихъ слабѣе. Въ нѣкоторыхъ судопроизводство льготнѣе для подсудимаго, въ другихъ оно питаетъ большее расположеніе къ обвинителю. Правила о доказательствахъ также безконечно разнообразны въ разныхъ странахъ, а во Франціи ихъ почти вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ въ Англіи они образуютъ одну изъ самыхъ рельефныхъ и характеристическихъ частей системы. Особенный характеръ отдѣльныхъ системъ во всѣхъ ихъ частностяхъ можетъ быть опредѣленъ и взвѣшенъ только посредствомъ историческихъ изысканій.

Общій разборъ области уголовнаго права долженъ объяснить и расположеніе частей настоящаго сочиненія. Такъ какъ оно имѣетъ задачею дать общее понятіе объ уголовномъ правѣ Англіи, то оно и начинается очеркомъ исторіи его построенія, что и составляетъ предметъ второй главы. Послѣдующія главы описываютъ въ указанномъ выше порядкѣ всѣ составныя части уголовнаго права, причемъ прежде всего излагаются общія начала, а потомъ особыя учрежденія англійскія въ связи съ этими общими началами. Третья глава посвящена опредѣленію преступленія вообще, четвертая англійскимъ опредѣленіямъ отдѣльныхъ преступленій; пятая говоритъ объ уголовномъ судопроизводствѣ вообще и объ отношеніи

между системами англійскою и французскою; шестая объ особенностяхъ англійскаго судопроизводства; седьмая занимается правилами о доказательствахъ вообще; восьмая англійскими правилами о доказательствахъ; девятая законодательствомъ уголовнымъ англійскимъ, то есть вопросомъ о томъ, какъ возникаютъ въ Англіи законы уголовные. Въ заключеніе будутъ приведены и разобраны четыре англійскіе и три французскіе уголовные процесса съ цѣлью показать, какъ дѣйствуютъ на практикѣ обѣ системы англійская и французская.

ГЛАВА II.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ УГОВНАГО ПРАВА АНГЛІИ.

I. Законы о судопроизводствѣ. — Они древнѣе законовъ о наказаніяхъ. — Организація судовъ. — Разъѣзжіе судьи. — Англосаксонскій процессъ, съ его вирами и казнями. — Суды англосаксонскихъ королей. — Суды норманскіе. — Взглядъ Брэктона на разъѣзжихъ судей. — Capitula itineris. — Двѣ формы суда: по аппилю и по обвиненію повальнымъ обыскомъ. — Присяжные въ смыслѣ органовъ розыска. — Мнѣніе Пэлгрэва о розыскѣ. — Обвиненіе получаетъ письменную форму. — Большое джюри отдѣляется отъ малаго. — Правила о поимкѣ преступниковъ. — Франкъ-пледжъ. — Статутъ уинчестерскій 1825 года. — Статутъ о коронерахъ. — Образованіе теперешней системы мѣръ къ открытію преступленій; арестованіе подсудимыхъ и предварительныя слѣдствія.

II. Законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ. — Источники ихъ. — Опредѣленія преступленій у Брэктона. — Исторія понятія treason. — Homicide и его виды. — Mayhem. — Arson. — Rape. — Theft. — Misdemeanors. — Конституціонное значеніе мисдеминоровъ. — Законы о заговорахъ и о ляйбеляхъ.

III. Внѣшняя исторія англійскаго уголовнаго права. — Кокъ. — Гэль. — Бэнтамъ. — Новѣйшіе консолидирующіе акты. — Собранія судебныхъ приговоровъ.

IV. Исторія теоріи доказательствъ. — Исторія наказаній. — Benefit of clergy. — Просторъ произволу судьи.

Въ предъидущей главѣ я представилъ разборъ уголовнаго права въ порядкѣ мышленія. Теперь я намѣренъ представить очеркъ построенія англійскаго уголовнаго права въ порядкѣ времени. Каждая изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія требуетъ инаго расположенія предметовъ. Въ порядкѣ мышленія законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ предшествуютъ законамъ судопроизводства, какъ цѣль, которой надобно достигнуть, предшествуетъ средствамъ для достиженія этой цѣли. Въ порядкѣ времени на оборотъ, законы уголовнаго судопроизводства предшествуютъ законамъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, потому что опредѣленія преступленій, общія начала, объясняющія взглядъ на нихъ судовъ, наконецъ постановленія о ихъ наказуемости, суть въ Англіи большею частью только плоды дѣятельности самихъ же судовъ. По древнѣйшей наиболѣе распространенной теоріи уголовные законы, равно какъ и все обычное право (common law) страны, хранились въ видѣ неписаннаго преданія въ сознаніи судей, которые изначала и донынѣ пользовались нѣкоторою долею законодательной власти, въ силу присущаго имъ права объявлять съ авторитетомъ что право и что неправо. Та часть уголовнаго законодательства, которая состоитъ изъ положительныхъ предписаній, исходящихъ отъ верховной законодательной власти, беретъ постоянно за исходную точку предшествовавшій предписанію порядокъ вещей; всѣ же измѣненія въ опредѣленіяхъ преступленій и ихъ наказуемости были гораздо шире и врѣзывались гораздо глубже нежели перемѣны, вводимыя въ законы о судопроизводствѣ. Законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ подверглись нѣсколько разъ коренному пересозданію и состоятъ по большей части изъ статутовъ не старѣе 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ судилища примѣняющія законъ испытали мало перемѣнъ, такъ что легко можно указать какимъ образомъ и какими путями выросли они изъ установленій временъ Генриха III.

Посему я и начинаю разсказъ о возникновеніи англійскаго уголовнаго права, изложеніемъ построенія настоящей системы судопроизводства, которую я привожу къ слѣдующимъ двумъ статьямъ:

1) Суды и порядокъ судоговоренія.

2) Задержаніе преступниковъ и приготовленіе дѣла къ судоговоренію. Собственно надлежало бы начать съ послѣдней изъ этихъ статей, но первая изъ нихъ даетъ общее понятіе о характерѣ цѣлой системы, безъ чего разборъ второй статьи былъ бы неудобопонятенъ.

Обстоятельное, систематическое обозрѣніе уголовныхъ англійскихъ судовъ и ихъ образа дѣйствій сдѣлано впервые *Брэктономъ* (Bracton) во второй книгѣ его сочиненія о законахъ и обычаяхъ Англіи. Первымъ зародышемъ нашего современнаго судопроизводства являются суды *разъѣзжихъ судей*, которые онъ описываетъ съ величайшею подробностью. Первое извѣстіе о назначеніи разъѣзжихъ судей (justices in eyre, judices in itinere) относится къ 22 году царствованія Генриха II, то есть къ 1176 послѣ Р. Х. [1]). Мѣсто ихъ заняли въ 4 годъ царствованія Эдуарда III въ 1327 г. отъ Р. Х. [2]) судьи ассизные, nisi prius и oyer et terminer, которые и продолжаютъ съ тѣхъ поръ, въ теченіи почти пяти съ половиною вѣковъ исправлять важнѣйшую часть уголовнаго правосудія страны. Для показанія каковъ былъ первоначальный характеръ этого учрежденія и какимъ перемѣнамъ оно подверглось въ теченіи временъ, необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ о порядкѣ вещей, предшествовавшемъ образованію этого учрежденія, потому что короли норманскіе повидимому воспользовались для управленія страною тѣми установленіями, которыя они нашли у народа ими покореннаго.

Англосаксы имѣли два различные рода судопроизводства; это различіе очень естественно при весьма низкой въ то время степени

---

[1]) Hale, Hist. Com. Law. 170. 1 Madox, Exch. 122.

[2]) Hale, Hist. Com. Law., p. 200.

общественнаго развитія. Оно коренилось не въ существѣ преступленій, но въ степени, такъ сказать, очевидности преступленія. Если преступникъ захваченъ былъ при самомъ совершеніи преступнаго дѣйствія, если убійца найденъ съ ножемъ въ рукахъ, если воръ задержанъ съ поличнымъ въ рукахъ, (handhabend) или на плечахъ (bakbarend), то онъ подлежалъ такъ называемому праву инфангтифа (infangthief), то есть что констабль, шерифъ и господинъ имѣющій грамату на право суда (lord of the franchise) могъ тотчасъ предать его смерти безъ дальнѣйшаго розысканія. Если преступникъ не былъ пойманъ на преступномъ дѣлѣ, то съ нимъ поступаемо было иначе. Англосаксамъ не были повидимому извѣстны тѣ искусные пріемы, посредствомъ которыхъ обвиненія въ преступленіи изслѣдуются въ настоящее время. Всякому простому, полуварварскому народу кажется дѣломъ непостижимымъ и переходящимъ за предѣлы мудрости человѣческой доказать посредствомъ сопоставленія разныхъ обстоятельствъ, что извѣстное преступленіе совершено извѣстнымъ лицомъ, хотя никто не видалъ какъ оно совершалось. Вопросъ посредствомъ котораго Даніилъ изобличилъ во лжи старцевъ клеветавшихъ на Сусанну, очевидно произвелъ на тѣхъ, которые слышали его такое впечатлѣніе, какъ будтобы онъ былъ внушенъ сверхестественною проницательностью, между тѣмъ какъ въ наши времена этотъ вопросъ показался бы до ношлости простымъ пріемомъ самой низатѣйливой слѣдственной снаровки. Англосаксамъ на умъ не приходило пробовать дѣлать подобныя открытія. Если злодѣй не былъ пойманъ на дѣлѣ и не былъ вслѣдствіе того казненъ на мѣстѣ, то участь его зависѣла цѣликомъ отъ его личныхъ качествъ. Онъ могъ быть обвиняемъ нѣсколькими особыми путями и способами. Будучи обвиненъ онъ осуждался безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, если не могъ съ своей стороны представить извѣстное число соприсяжниковъ (compurgators), которые бы поклялись, что онъ невиненъ. Обвиненіе могло быть предъявлено сотнею (hundred) или *ceorl*'ями городской общины (township), если подсудимый самъ былъ *ceorl*, или наконецъ оби-

женною стороною, которая въ свою очередь должна была поставить семь соприсяжниковъ, удостовѣряющихъ что она не поклепала на обвиняемаго понапрасну, по злобѣ къ нему. Если обвиняемый былъ лицо низшаго класса и если его господинъ (lord) и два тана (thanes) присягнули, что онъ хорошій человѣкъ, то онъ былъ допускаемъ къ очищенію себя посредствомъ присяги своей собственной и извѣстнаго числа своихъ сосѣдей или могъ позвать противника на судъ божій (ordeal) кипяткомъ или раскаленнымъ желѣзомъ. Если господинъ его отказывался свидѣтельствовать за него, то въ такомъ случаѣ ордаль была строже и требовалось бо́льшее число соприсяжниковъ. Если подсудимый былъ танъ (thane), то формы и условія расправы были нѣсколько различныя, но въ сущности судъ происходилъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ [1]).

Послѣдствіемъ осужденія было то, что осуждаемый обязывался къ уплатѣ обиженному *виры (were)* т. е. денежнаго штрафа (penalty), соразмѣрнаго обидѣ. Таковъ былъ обыкновенный исходъ дѣлъ, впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что взысканіе виры съ виновнаго не было единственнымъ предметомъ судопроизводства. *Ривъ* говоритъ (Reeve, Hist. Eng. Law. p. 15): „виры за смертоубійство и другія пени (fines) за воровство въ различныхъ его видахъ имѣли назначеніемъ дать откупиться преступнику отъ настоящаго законнаго наказанія, которое состояло въ смертной казни. Откупиться отъ смерти можно было не только уплачивая извѣстную сумму денегъ, но и подвергаясь извѣстнымъ страданіямъ личнымъ, чѣмъ и объясняется великое множество тѣлесныхъ наказаній. Лицо многократно обвиненное въ воровствѣ теряло руку или ногу. Точно также существовали наказанія изгнаніемъ и отдачею въ рабство. Было время когда издано было постановленіе, что кража совзломомъ, поджегъ, открытый разбой, явное убійство и измѣна въ отношеніи къ господину виновника, должны считаться неискупаемыми преступленіями,

[1]) Palgr. Eng. Com. ch. VII, p. 210—215.

то есть что отъ нихъ нельзя отдѣлаться ни денежными взносами, ни какимъ бы то ни было страданіемъ, и увѣчіемъ".

И такъ система англосаксонская можетъ быть опредѣлена слѣдующими чертами. Лицо котораго вина обнаружена поимкою его на дѣлѣ, предаваемо было тотчасъ смерти, то есть съ нимъ поступали какъ съ врагомъ на войнѣ. Если оно было сильно заподозрѣно въ преступленіи такимъ образомъ, что извѣстное число людей удостовѣрило присягою свою увѣренность въ его винѣ, то оно должно было или представить доводъ равносильный обвиненію, то есть поставить извѣстное число другихъ людей, которые бы присягнули, что они увѣрены въ его невинности, или оно должно было звать противную сторону на ордаль или судъ божій. Если оно проигривало тѣмъ или другимъ способомъ, то оно должно было платить вознагражденіе обиженной сторонѣ или подвергнуться наказанію за преступленіе.

Суды приводящіе въ дѣйствіе эту систему уголовныхъ законовъ были *объѣздъ шерифовъ* (sheriffs'turn or circuit) и *leet*. Объѣздъ шерифовъ былъ судъ чинимый дважды въ году шерифомъ и епископомъ въ каждой сотнѣ графства, въ теченіи мѣсяца послѣ пасхи и мѣсяца послѣ св. Михаила. Судъ сотни и судъ *leet* были низшіе уголовные суды, которые производились въ сотняхъ или мѣстностяхъ (manor) болѣе отдаленныхъ, которые неудобно было посѣщать шерифу и епископу при всякомъ ихъ объѣздѣ по дальности разстоянія [1])!

Изъ существа тогдашней уголовной системы слѣдуетъ, что обязанности судей были чисто формальныя. Они не входили въ разбирательство фактовъ по существу дѣла. Ихъ задача состояла только въ томъ, чтобы смотрѣть, было ли представлено каждою изъ сторонъ надлежащее число соприсяжниковъ, была ли уплачена надлежащая вира, была ли совершена ордаль по обрядамъ. Хотя судьями считались шерифъ и епископъ, а не землѣвладѣльцы (freeholders),

---

[1]) Reeve, Hist. Eng. Law, p. 6.

какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, однаго общій характеръ судопроизводства былъ вѣроятно одинаковъ, какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Судъ уголовный имѣлъ видъ общинной сходки подъ предсѣдательствомъ сановниковъ (шерифъ и епископъ), которые наблюдали за исполненіемъ извѣстныхъ формъ, безусловно обязательныхъ и недопускающихъ произвола, и которые выводили потомъ законныя послѣдствія, вытекающія изъ разбирательства дѣла. Нарядъ дѣла, и собираніе доказательствъ, которыми каждая изъ сторонъ подкрѣпляла свои требованія, находились цѣликомъ подъ контролемъ обвинителей и обвиняемыхъ; судьи не мѣшались нисколько въ эти некасающіеся ихъ предметы. Прибавимъ еще, что въ большей части случаевъ производство направлено было къ тому, что мы на нашемъ теперешнемъ языкѣ могли бы назвать взысканіемъ убытковъ. Послѣ всего сказаннаго мы должны будемъ прійти къ убѣжденію, что это судопроизводство, хотя весьма неправильное, неопредѣленное, недостаточное, было однако весьма свободное и приспособленное къ удобствамъ всякой мѣстности, такъ что почти все въ немъ предоставлялось произволу и усмотрѣнію мѣстныхъ жителей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ непосредственно, и въ особенности произволу обиженной стороны.

Надо всѣми мѣстными судилищами стоялъ судъ короля, который съ древнѣйшихъ временъ пользовался по степени власти первенствомъ передъ всѣми низшими судами, такъ что само присутствіе короля пріостонавливало ихъ дѣятельность. Эта верховная власть короля рождала повсюду въ извѣстныя времена и всегда въ извѣстныхъ мѣстахъ, то что называлось *миромъ королевскимъ*, то есть особое королевское покровительство для нѣкоторыхъ отношеній, которое могло быть также жалуемо грамотами въ видѣ особой милости извѣстнымъ лицамъ. Король чинилъ судъ и расправу, вѣроятно такимъ же образомъ, какъ и низшіе суды и объѣзжалъ, когда ему было угодно страну (объѣзды — eyres) съ этою цѣлью [1]).

[1]) Palgrave, Eng. Com. ch. IX, 278, 279 etc.

Такова была система, которую норманскіе короли нашли въ дѣйствіи и съ которою они сообразовали свои собственныя учрежденія. Первымъ ихъ дѣломъ было усиленіе власти короны на счетъ мѣстныхъ судилищъ. *Миръ королевскій* изъ учрежденія мѣстнаго и исключительнаго, превратился въ постоянную и всеобщую гарантію общественной безопасности. Миръ королевскій провозглашался въ началѣ всякаго царствованія. „Церемоніялу этого провозглашенія приписываема была такая важность, что еще въ царствованіе Іоанна Безземельнаго преступленія, совершенныя во время междуцарствія, со дня смерти послѣдняго монарха до признанія королемъ его наслѣдника, считались ненаказуемыми въ судахъ, заимствовавшихъ власть свою отъ короны [1])“. Глава XVII великой хартіи изъяла изъ вѣдомства стараго суда графства (old County Court) большую часть предметовъ его вѣдомства [2]); вслѣдствіе чего миръ королевскій превратился въ постоянное и всеобщее покровительство, а суды королевскіе въ великіе уголовные трибуналы королевства.

Нѣкоторыя указанія на характеръ этихъ судовъ можно отыскать у *Глэнвиля* (Glanville) [3]), но первый систематическій очеркъ ихъ сдѣланъ Брэктономъ въ царствованіе Генриха III. Хотя онъ писалъ свое сочиненіе полтораста лѣтъ послѣ завоеванія, несомнѣнно однако что описываемый имъ порядокъ вещей и въ сущности, и въ главнѣйшихъ своихъ подробностяхъ былъ точно такой же, какой постепенно установленъ королями норманскими и въ особенности Генрихомъ II [4]). Я намѣренъ изложить сущность Брэктонова отчета и обозначить связь учрежденій описываемыхъ Брэктономъ съ учрежденіями, которыя послужили имъ за основаніе и съ учрежде-

---

[1]) Palgrave, p. 285.

[2]) Nullus vicecomes, constabularius, coronator vel alii ballivi nostri teneant placita coronae nostrae. Мелкія обиды не входили въ то время въ составъ *placita coronae*, и остались въ вѣдѣніи шерифова объѣзда, но самъ объѣздъ этотъ вышелъ изъ употребленія въ теченіи времени. — 4 Ste. Com. 401.

[3]) Книга XIV стр. 229 (изд. 1780 г.).

[4]) Palgr. Eng. Com. 239 — 241.

ніями, которыя существуютъ въ настоящее время. Вторая часть третьей книги сочиненія Брэктона о законахъ и обычаяхъ Англіи носитъ заглавіе: *De Corona* и начинается главою, о томъ „какимъ образомъ и порядкомъ должны поступать судьи въ своихъ разъѣздахъ (in itinere)“.

Они должны дать знать о засѣданіи, которое они намѣрены открыть за пятнадцать дней до срока засѣданія; по наступленіи срока они должны прочесть грамоты, или какъ мы бы теперь выразились, объявить о порученіи, по которому они дѣйствуютъ. Изложивъ въ рѣчи цѣль своего объѣзда, они должны избрать и созвать шесть или болѣе человѣкъ изъ именитѣйшихъ людей графства и дать имъ родъ наставленія о томъ, какія мѣры предписываетъ законъ для охраненія мира, какъ-то: объ общественной повинности преслѣдовать злодѣевъ крикомъ и кличемъ (by hue and cry), объ арестованіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ фелоніяхъ или закупающихъ провизію для разбойниковъ или путешествующихъ ночью и скрывающихъ свое званіе. Кажется что отъ понятыхъ требовалась присяга въ исполненіи ими этихъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Потомъ созывались сержанты (sergeants) и бальифы (bailiffs) сотенъ; каждый изъ нихъ долженъ былъ назвать четырехъ рыцарей (knights) изъ своей сотни или участка (wapentake), а эти рыцари выбирали въ каждой сотнѣ двѣнадцать другихъ рыцарей, или за недостаткомъ рыцарей столькихъ же вольныхъ и непорочныхъ мужей, которые и образовали джюри или собраніе присяжныхъ своей сотни. Они приводимы были къ присягѣ въ томъ, что въ назначенный день дадутъ правдивый отвѣтъ на рядъ вопросовъ (capitula itineris), которые предлагались имъ на письмѣ и были различны смотря по обстоятельствамъ. Тѣ вопросы, которые приводитъ въ видѣ примѣровъ Брэктонъ, вмѣщаютъ въ себѣ множество частностей, относящихся ко всѣмъ отраслямъ народнаго управленія и хозяйства. Они должны были поименовать всѣ лица оштрафованныя, безъ опредѣленія количества ихъ штрафовъ; всѣхъ королевскихъ стражей (wards); донести о всѣхъ пожалованіяхъ, и вымо-

роченныхъ имуществахъ, о всѣхъ захватахъ королевской собственности, о мѣстныхъ судахъ, открываемыхъ шерифами и бальифами; о разныхъ конфискаціяхъ, объ имуществахъ секвестрованныхъ королевскими чиновниками, наконецъ о множествѣ другихъ мелочей, которыя трудно даже перечислить. Однимъ словомъ они были обязаны представить общій отчетъ о цѣломъ внутреннемъ управленіи графства. Судья внушалъ имъ, чтобы они арестовали и представляли въ судъ всѣхъ лихихъ людей, подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ *(male creditos de maleficio aliquo)*, или чтобы по крайней мѣрѣ они о таковыхъ людяхъ доводили до свѣдѣнія власти, съ тѣмъ чтобы шерифъ могъ ихъ заарестовать и представить въ судъ.

Неизвѣстно сколько времени давалось присяжнымъ на представленіе отчета (return) и откуда они почерпали требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія, но очевидно что если только присяжные дѣйствительно сообразовались съ даваемыми имъ инструкціями, то отправленіе и гражданскаго и уголовнаго правосудія должно было составлять частицу, и то даже не самую важную, тѣхъ обязанностей, которыя лежали на разъѣзжихъ судьяхъ, однимъ словомъ что по обязанностямъ своимъ разъѣзжіе судьи походили скорѣе на административныхъ чиновниковъ, нежели на современныхъ судей [1]).

Это обстоятельство имѣло сильное вліяніе на роль и участіе судей въ судоговореніи. Судъ имѣлъ форму двоякую: въ одной дѣло вчиналось частнымъ искомъ; въ другой обличителемъ являлась народная молва. Если дѣло взималось частнымъ обвинителемъ, то процессъ носилъ названіе *appeal* и состязаніе рѣшалось обыкновенно судебнымъ поединкомъ (battle), хотя обвиненный могъ, если хотѣлъ, положиться на земство (country), то есть прибѣгнуть къ тому пріему, который былъ свойственъ суду по обвиненію повальнымъ обыскомъ (common report). Дѣло могло быть пріостано-

---

[1]) Срав. ихъ съ *missi dominici* Карла В. 20 лекція Гизо о цивилизаціи во Франціи стр. 303 по брюссельскому изданію 1843 г.

влено въ своемъ теченіи посредствомъ разныхъ отводовъ, о которыхъ уважительности судья обязанъ былъ постановить предрѣшительное опредѣленіе (interlocutory judgment). Отъ истца требовались различныя предварительныя дѣйствія и всякая неправильность въ этихъ дѣйствіяхъ влекла за собою отказъ въ искѣ. Съ другой стороны позванный въ судъ лишенъ былъ права звать противника на судебной поединокъ, если доказательства, свидѣтельствующія о его винѣ, были столь сильны, что устраняли всякое сомнѣніе въ противномъ въ убѣжденіи суда [1]). Въ этихъ случаяхъ осужденіе виновнаго и экзекуція слѣдовали немедленно по духу англосаксонскаго учрежденія *инфангтифа* (law of infongthief).

Если не было на лицо частнаго обвинителя, то судъ производился иначе. Обвиненіе предъявляемо было присяжными понятыми изъ той сотни гдѣ совершено было преступленіе, дѣйствующими на основаніи народной молвы. Кажется, что судьи имѣли родъ контроля надъ этими обвиненіями [2]). „Судья, если онъ добросовѣстенъ, въ случаѣ когда приходится разузнать отъ земства, на основаніи слуховъ и подозрѣній, вѣрно ли то, что извѣстное лицо виновно или нѣтъ, долженъ прежде всего, если онъ сомнѣвается и не вѣритъ присяжнымъ, вывѣдать отъ нихъ отъ кого они, двѣнадцать присяжныхъ, узнали то, что они на кого нибудь показали (обвиненіе indictment въ то время еще не облекалось въ форму письменнаго акта). Услыхавъ ихъ отвѣты по этой статьѣ, судья легко откроетъ нѣтъ ли какой нибудь злости или несправедливости въ показаніи присяжныхъ. Можетъ случиться что одинъ или многіе присяжные скажутъ, что они узнали, то, что повѣдали, отъ одного изъ своихъ товарищей неприсяжныхъ, который будучи спрошенъ въ свою очередь скажетъ, что онъ узналъ сказанное обстоятельство отъ того то или отъ того то. Такимъ образомъ посредствомъ опроса и отвѣта можно идти все дальше и дальше, пока не натолкнешься на какое

---

[1]) Подлежащія цитаты собраны у Ashford v. Thornton. 1 Bar. and Ald., p. 405.

[2]) Bracton, fol. 143.

нибудь подлое и презрѣнное лицо, которому нельзя давать никакой вѣры". Несмотря на нѣкоторую неясность въ изложеніи Брэктона видно, что по облихованіи кого нибудь повальнымъ обыскомъ тому же самому или другому джюри поручаемо было сказать согласны ли съ истиною дѣлаемыя обвиненія. Это джюри рѣшало вопросъ о винѣ не по имѣющимся доказательствамъ, но по своимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ. Брэктонъ сохранилъ для насъ наставленіе даваемое присяжнымъ въ этомъ второмъ случаѣ; оно похоже не на нынѣшнее обращеніе судьи къ присяжнымъ рѣшающимъ о винѣ, но скорѣе на формулу до сихъ поръ употребляемую въ практикѣ при преданіи обвиняемаго суду. Формула Брэктона слѣдующая: „Такой-то здѣсь присутствующій, обвиняемый въ смертоубійствѣ такого то лица, отрицаетъ смертоубійство и цѣлое обвиненіе и полагается въ добрѣ и злѣ на ваши голоса" [1]). Нынѣшняя формула гласитъ: „A. B. обвиняется въ умышленномъ убіеніи C. D.; противу этого обвиненія онъ объявилъ что онъ невиненъ. Ваша обязанность сказать виновенъ ли онъ или нѣтъ и *приложить вниманіе къ доказательствамъ* [2])".

Послѣдняя фраза отмѣченная курсивомъ не содержалась въ старинныхъ наставленіяхъ судьи присяжнымъ; она была ненужна, потому что присяжные были въ тоже самое время и свидѣтелями. Они выводили свои заключенія посредствомъ соображенія своихъ знаній по дѣлу со своими впечатлѣніями; пришедши къ убѣжденію они удостовѣряли искренность его присягою. По видимому судьи имѣли большое вліяніе на убѣжденія присяжныхъ. Брэктонъ говоритъ: „Когда великое злодѣяніе остается не обнаруженнымъ, а присяжные желаютъ скрыть его изъ любви, страха или злобы, то

---

[1]) Fol. b. Such a one here present, accused of the death of such a one, denies the death and the whole charge, and puts himself for good and evil on your voices.

[2]) A. B. stands indicted for the wilful murder of C. D., to this indictment he has pleaded not guilty. Your-charge is to say whether he is guilty or not, and *hearken* to the evidence.

судья можетъ, по своему усмотрѣнію, разлучать присяжныхъ и допрашивать каждаго изъ нихъ порознь, выпытывая у нихъ настоящую истину [1])".

Учрежденіе отвода присяжныхъ выросло и развилось точно такимъ же образомъ. Кажется что первоначально отводъ былъ не что иное, какъ возраженіе противу достовѣрности свидѣтеля, которое постепенно превратилось въ право подсудимаго требовать, чтобы его не судило то или другое лицо. Брэктонъ выражается такъ: „Во время производства розыска, для тѣмъ большей прочности сужденія и для устраненія всякихъ промаховъ и подозрѣній, судья долженъ объявить подсудимому, что если онъ подозрѣваетъ кого нибудь изъ двѣнадцати присяжныхъ, то сей послѣдній будетъ устраненъ. Тоже относится и къ селеніямъ (vill). Если существуетъ сильная вражда между ихъ обитателями и подсудимымъ, или если они имѣютъ притязанія на его владѣнія, то по основательному подозрѣнію всѣ жители селенія должны быть отведены, дабы разбирательство дѣла учинено было безъ всякаго подозрѣнія [2])".

Мы представили по Брэктону очеркъ судопроизводства въ то время, очеркъ въ которомъ многіе пункты неясны, такъ что на основаніи его нельзя провести граничную черту между обвиняющимъ джюри и джюри осуждающимъ или оправдывающимъ подсудимаго; нельзя точнымъ образомъ отдѣлить функцій присяжныхъ отъ функцій судьи; нельзя опредѣлить на сколько обязанности присяжныхъ были судейскія или свидѣтельскія. Всѣ объясненія по этимъ вопросамъ заключаются въ отрывочныхъ, приведенныхъ нами выше, извѣстіяхъ. Кромѣ того есть еще одно мѣсто, которое окончательно путаетъ и сбиваетъ съ толку изслѣдователей. Толкуя о государственной измѣнѣ (*treason, lasa majestas*) Брэктонъ говоритъ: „надобно обращать вниманіе на то, кто можетъ и долженъ судить. Надобно знать, что король самъ не можетъ этого дѣлать,

---

[1]) Bracton fol. 143. b.

[2]) Bracton, lib. III, XXII c. § 3, fol. 143, b.

потому что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы и стороною и судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, въ судѣ о жизни, тѣлѣ, лишеніи наслѣдства, между тѣмъ какъ онъ самъ не заинтересованъ, когда споръ идетъ между двумя другими сторонами. А могутъ ли дѣла эти судить судьи королевскіе? Нѣтъ, потому что судья королевскій въ судѣ является намѣстникомъ и представителемъ короля. Кому же приходится судить? — Я готовъ уступить другому болѣе убѣдительному мнѣнію, но мнѣ кажется, что эти преступленія должны или судиться судомъ пэровъ или оставаться ненаказуемыми“ [1]). Изъ этого отрывка явствуетъ, что судъ пэровъ, который часто смѣшиваютъ съ судомъ присяжныхъ, былъ учрежденіемъ спеціальнымъ, исключительно ограничивающимся дѣлами о государственной измѣнѣ, и что даже и въ этомъ случаѣ были сомнѣнія на счетъ его примѣняемости. Сэръ Ф. Пэльгрэвъ доказалъ весьма убѣдительно, что присяжные болѣе походили на свидѣтелей нежели на судей [2]); впрочемъ ихъ обязанности были вѣроятно на столько судейскія, что судья обязанъ былъ сообразоваться съ ихъ вердиктомъ, хотя онъ могъ вліять на нихъ сильно разными путями.

Нельзя конечно представить полную картину уголовнаго судопроизводства въ эпоху Брэктона, ни изобразить всѣ ступени, которыя прошло, вырабатываясь изъ прежняго, наше теперешнее судопроизводство, но изъ общихъ понятій нашихъ объ обѣихъ этихъ системахъ и изъ нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ, можно догадываться съ значительною вѣроятностью, какимъ образомъ изъ одной изъ этихъ системъ выросла почти незамѣтнымъ образомъ другая. Первое дѣло, помѣщенное въ *State trials*, которое было ведено въ сущности съ соблюденіемъ нынѣ наблюдаемыхъ формъ, было знаменитое дѣло Николая Трокмортона 1554 года. Въ эту эпоху уже вполнѣ выработалось и установилось различіе въ функціяхъ судей, присяжныхъ и свидѣтелей. За сто лѣтъ предъ тѣмъ

---

[1]) Lib III, 2. fol. 119.

[2]) Eng. Com. 246.

сэръ Уилліамъ *Фортэскю* представилъ очеркъ суда присяжныхъ, который въ главныхъ чертахъ своихъ можетъ считаться вѣрнымъ изображеніемъ донынѣ дѣйствующаго порядка [1]).

Слѣдующія замѣчанія могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на то, какъ случились эти превращенія. Система описанная Брэктономъ была только спеціальнымъ примѣненіемъ къ изслѣдованію преступленій того общаго порядка вниканія въ предметы, касающіеся общественныхъ интересовъ, которымъ держалось все почти государственное управленіе королей норманскихъ. Главы Брэктона о розыскахъ доказываютъ, что разъѣзжіе судьи собирали тѣмъ же путемъ и въ тоже самое время свѣдѣнія о цѣломъ внутреннемъ хозяйствѣ страны. Здѣсь безъ сомнѣнія причина того, что наша теперешняя практика прибѣгаетъ къ пособію уголовнаго права при рѣшеніи множества дѣлъ, касающихся полиціи или мѣстнаго управленія, какъ-то: о починкѣ дорогъ, объ упраздненіи построекъ и сооруженій на рѣкахъ и тому подобное.

Техническое названіе этого порядка производства было и есть *inquest* (слѣдствіе, розыскъ). Сущность его та, что люди лично ознакомленные съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, даютъ подъ присягою показанія, которыя и записываются назначенными на то судьями. Этотъ способъ изслѣдованія важныхъ фактовъ не былъ исключительно свойственъ Англіи въ періодъ саксонскій или норманскій, онъ былъ въ большомъ ходу и въ Нормандіи и примѣнялся не только къ тяжбамъ гражданскимъ и уголовнымъ, но и къ собиранію податей, къ понужденію къ исполненію повинностей ленныхъ, къ собиранію разныхъ свѣдѣній и вообще ко всякой отрасли того, что мы теперь называемъ дѣятельностью правительства исполнительною. Сущность розыска и послѣдствія распространенія этого учрежденія изображаются такимъ образомъ у сэра Ф. Пэль-

---

[1]) *Fortescue*, De laudibus legum Angliæ, съ XXV, VI, VII. Предметъ этотъ исчерпанъ недавно въ примѣчаніи къ 11 изданію *Hallam*'a Middle Ages, vol. 2, p. 386—406.

грэва. Описавъ слѣдственныя коммиссіи для составленія Думсдэйбука (Domesday Book) онъ говоритъ:

„Вошло въ обыкновеніе обращаться къ розыску или слѣдствію (inquest or recognition) для удостовѣренія о правахъ короны; съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ продолжался безъ всякаго уклоненія отъ основнаго своего начала и съ легкими только перемѣнами въ формѣ. Такимъ образомъ напримѣръ, когда Генрихъ I потребовалъ отъ Уинчестерцевъ, чтобы они ему служили службы и платили оброки какъ при Эдуардѣ Исповѣдникѣ, то 86 лучшихъ мѣщанъ были наряжены (impannelled) и приведены къ присягѣ для производства слѣдствія. Если этотъ пріемъ употребляемъ былъ безпрестанно королевскою шахматною доскою (экчекиромъ), то нѣтъ сомнѣнія, что его считали весьма полезнымъ. По малочисленности письменныхъ документовъ, корона получала необходимыя свѣдѣнія скорѣе и полнѣе посредствомъ устныхъ показаній изъ живой памяти людей, нежели всякими другими способами. Когда было необходимо разъяснить какой нибудь отдѣльный пунктъ въ слѣдствіи, тогда прибѣгали къ земству для разузнанія истины. По смерти барона чинимъ былъ розыскъ для опредѣленія, какія изъ его владѣній должны поступить въ казну, а какія къ наслѣдникамъ. Тѣже обряды соблюдались, когда чьи либо владѣнія подлежали конфискаціи за измѣну со стороны леннаго владѣльца. Когда кто просилъ корону о пожалованіи ему извѣстной льготы (franchise), то наряжаемо было слѣдствіе для разузнанія не будетъ ли льгота эта убыточна для государя или для общины. Когда извѣстное право давало поводъ къ злоупотребленіямъ, тогда наряжалось слѣдствіе для опредѣленія, чьею властью и чьимъ пожалованіемъ дана была привилегія. Явная цѣль этого порядка производства заключалась конечно въ споспѣшествованіи пользамъ и выгодамъ государя, такъ что присяжные созывались собственно для поддержанія королевской власти. Но какъ только наряжается извѣстное число людей извѣстныхъ и назначаемыхъ для исправленія опредѣленныхъ функцій, то они становятся мало по малу независимыми и начи-

наютъ ставить препоны или соперничать съ властью, коей они обязаны своимъ законнымъ существованіемъ. Какъ только корона пріучилась прибѣгать къ розыскамъ, извѣстныя ограниченія стали налагаться на всѣ части королевской прерогативы. Король можетъ быть поставляемъ въ извѣстность о своихъ правахъ только посредствомъ народа. Всякое пріобрѣтеніе, всякіе выгоды и доходы, на которые корона предъявляла притязанія на основаніи леннаго права, всякія мѣры посредствомъ коихъ она укрощала узурпацію баронства, зависѣли отъ *людей добрыхъ и вѣрныхъ*, наряжаемыхъ для посредниченія между подданнымъ и государемъ, такъ что всѣ громы вестминстерскаго экчекира могли быть отведены и сдѣланы безсильными посредствомъ честности, твердости и упорства какого нибудь упрямаго рыцаря или іеомэна въ какомъ нибудь отдаленномъ графствѣ“ [1]).

Если мы сопоставимъ извѣстія о томъ, что такое былъ розыскъ, съ брэктоновымъ описаніемъ уголовнаго суда, то намъ легко уже объяснится, какимъ образомъ присяжные, бывшіе первоначально оффиціальными свидѣтелями, превратились потомъ въ судей. Розыскъ былъ самымъ естественнымъ въ то варварское время путемъ собиранія свѣдѣній. Съ успѣхами образованія и увеличеніемъ народонаселенія этотъ способъ оказывался все болѣе и болѣе тяжелымъ и затруднительнымъ, но съ другой стороны обнаружились также и стѣсненія, налагаемыя этимъ способомъ на власть королевскую. Единственный путь примиренія дѣятельности присяжныхъ съ ихъ существованіемъ, состоялъ въ раздѣленіи ихъ функцій и въ превращеніи ихъ изъ оффиціальныхъ свидѣтелей въ судей научаемыхъ свидѣтелями. Въ тоже время судьи техники, которыхъ обязанности состояли первоначально только въ записываніи показаній присяжныхъ, но которые имѣли множество неуказанныхъ закономъ случаевъ вліять на содержаніе свидѣтельскихъ показаній, естественно пришли къ тому, что они должны контролировать предла-

---

[1]). Eng. Com. 272, 273.

гаемыя присяжнымъ доказательства и указывать на ихъ силу. Какъ только понято было вполнѣ и осуществлено это дѣленіе труда, тотчасъ же и установились главныя черты теперешней судопроизводственной системы.

Мы опредѣлили главную и самую характеристическую черту англійской судебной организаціи заключающуюся въ отношеніяхъ между судьею, присяжными и свидѣтелями, но эта организація представляетъ еще и другія особенности въ связи съ первыми, которыя не менѣе замѣчательны. Судъ уголовный можетъ быть разсматриваемъ съ двоякой точки зрѣнія: или какъ частное состязаніе, въ которомъ обвинитель домагается наказанія обвиняемаго, а судья посредничитъ между ними, или какъ общественное изслѣдованіе о фактѣ преступленія, въ которомъ заинтересована публика; иными словами можно сказать, что на судъ можно смотрѣть или какъ на состязаніе или какъ на розыскъ. Смотря потому, которое изъ этихъ началъ будетъ принято за основаніе и стороны будутъ различныя въ судѣ, и дѣло будетъ ведено иными путями и въ иномъ направленіи. Степень, въ которой нынѣ мы смотримъ на судъ какъ на состязаніе, а не какъ на розыскъ, составляетъ одну изъ самыхъ рѣзкихъ и выдающихся особенностей нашей системы. Мы постараемся изложить теперь исторію образованія этого взгляда; впослѣдствіи намъ необходимо будетъ во многихъ мѣстахъ рѣшать, въ какой мѣрѣ взглядъ этотъ долженъ считаться преобладающимъ.

Мы уже прежде видѣли, что англосаксы смотрѣли на судъ уголовный преимущественно какъ на состязаніе. Если злодѣй не подлежалъ тотчасъ же преданію его смерти, то производство зависѣло цѣликомъ отъ произвола сторонъ и клонилось обыкновенно ко взысканію виры (were) въ пользу обиженной стороны. Наоборотъ судопроизводство норманское было главнымъ образомъ розыскное, на что прямо указываетъ само его названіе: *inquest*, *inquisitio*. Кажется, что изъ этихъ двухъ источниковъ одинъ далъ готовую форму, а другой далъ духъ, который оживилъ эту форму. По всей вѣроятности сознаніе народное продолжало смотрѣть на

судъ какъ на состязаніе, сама же форма была очевидно гораздо болѣе приспособлена къ тому, чтобы рѣшать дѣла на основаніи доказательствъ, представляемыхъ другими лицами, нежели къ тому, чтобы служить непосредственно къ собиранію свѣдѣній, къ чему она предназначалась первоначально. Такимъ образомъ и по формѣ и по настроенію сторонъ всякій судъ клонился къ тому, чтобы сдѣлаться въ сущности только частною тяжбою.

Это стремленіе усилилось еще вслѣдствіе одного особаго обстоятельства. Саксонская ордаль и норманскіе *аппили* (appeals) [1]), рѣшаемые полемъ (судебнымъ поединкомъ) были состязаніями въ полномъ смыслѣ этого слова. Во Франціи судебные поединки ограничены въ значительной степени и даже запрещены Людовикомъ святымъ въ его владѣніяхъ [2]). Въ Англіи аппили употреблялись обыкновенно во всѣхъ дѣлахъ о смертоубійствѣ до короля Генриха VII и находили столь сильную поддержку въ законодательствѣ, что до акта парламента 3, Генр. VII с. 1, формальное обвиненіе (indictment) не могло быть предъявлено въ розыскномъ порядкѣ раньше истеченія года, и дня съ момента когда убійство совершилось, такъ что истецъ могъ повести дѣло аппилемъ, прежде чѣмъ причинившему смерть открывалась возможность очиститься отъ обвиненія по розыску. Впрочемъ мало по малу вошли въ обычай изъятія, значительно ограничившія право подсудимаго домогаться *поля;* въ такомъ видѣ и осталось это производство, хотя главное его средство вышло изъ употребленія [3]). Еще въ 1768 г. попытка отмѣнить право судиться аппилемъ произвела такое волненіе, что надобно было отъ нея отказаться [4]). Въ 1819 эта форма была отмѣнена по случаю знаменитаго процесса Эшфорда и Торнтона (Ash-

---

[1]) Apellationes значатъ callings или позывы въ судъ, а не жалобы суду высшему на судъ низшій. Срав. нынѣшнюю фразу *calling out* въ смыслѣ: звать на дуэль.

[2]) 1 Hallam, Mid. Ag., p. 244.

[3]) 4 Ree. Eng. Law. 153.

[4]) 3 Ree. Eng. Law. 419. — Horn Tooke хвастается своимъ участіемъ въ этомъ волненіи. См. R. v. Horn Tooke, 20 St. T. 716.

ford v. Thornton) [1]). Въ этомъ дѣлѣ отвѣтчикъ ставилъ на рискъ (waged) свое тѣло и бросилъ перчатку на полъ Вестминстеръ-Голля, а судъ нашелъ, сообразивъ обстоятельства, что онъ имѣлъ право сдѣлать такой вызовъ; но такъ какъ истецъ былъ физически слабъ и не пара отвѣтчику, то эта случайность разстроила предстоявшій скандалъ судебнаго поединка.

Обвиненія облеклись въ письменную форму въ царствованіе Эдуарда I [2]), а подготовка обвинительнаго акта (indictment), когда въ теченіи времени стали требовать отъ этого акта большей точности и обстоятельности, пришлась на долю лицамъ непосредственно въ дѣлѣ заинтересованнымъ, что конечно не было согласно съ теоріею, по которой присяжные вызывались для поставленія судьи въ извѣстность о фактахъ, вѣдомыхъ имъ лично. Постепенное ослабленіе правила, по которому джюри должно было быть набрано изъ той именно сотни, въ которой совершилось преступленіе, немало способствовало также къ превращенію суда въ состязаніе, потому что личныя знанія присяжныхъ ограничиваются только событіями, происходящими въ ближайшемъ отъ каждаго изъ нихъ разстояніи.

Большое джюри, простирающее свою дѣятельность на все графство и имѣющее задачею обвинять а не судить, отдѣлилось отъ малаго въ царствованіе Эдуарда III [3]). Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы личныя знанія присяжныхъ могли быть достаточны для указыванія на лихихъ людей цѣлаго графства, то очевидно, что и присяжные должны были дѣйствовать на основаніи предъявляемыхъ имъ доказательствъ. Такъ какъ не видно никакихъ чиновниковъ, которые бы по должности своей собирали доказательства, то эта работа исправляема была вѣроятно тѣми людьми, которые, пострадавъ отъ преступленія, хотѣли привлечъ виновнаго къ суду.

---

[1]) 1 Bar. and Ald. 405.

[2]) 13 Edw. I. c. (Stat. of Westminster, 20) и 2 Ree. Eng. Law., p. 468.

[3]) 3 Ree. Eng. Law. 133.

И такъ мы можемъ прійти къ слѣдующему общему заключенію, что та система суда, которая существуетъ нынѣ въ Англіи и въ составъ которой входятъ большое джюри, судья, малое джюри и свидѣтели, выстроилась постепенно въ XIV и XV столѣтіяхъ, что по формѣ своей она—общественный розыскъ, но въ сущности по духу своему она есть состязаніе между обвинителемъ и обвиняемымъ. Мнѣ придется часто указывать въ дальнѣйшихъ частяхъ моего сочиненія на послѣдствія и особенности этой системы.

Слѣдующая затѣмъ отрасль уголовнаго судопроизводства, которой исторіею я теперь займусь, относится къ открытію преступленій и поимкѣ преступниковъ. Эта часть уголовнаго права, старѣе всѣхъ другихъ, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ устройствомъ судовъ и замѣчательна еще потому, что она дѣлается тѣмъ яснѣе и понятнѣе, чѣмъ больше станемъ мы углубляться въ прошедшее, отходя отъ настоящаго. Мѣропріятія относительно открытія злодѣяній, существовавшія во времена Эдуарда I несравненно послѣдовательнѣе и связнѣе тѣхъ, кои нынѣ существуютъ и нѣтъ сомнѣнія, что преступленіе занимало въ то время гораздо болѣе видное мѣсто въ жизни нежели теперь. Древнѣйшее изъ англійскихъ учрежденій, установленныхъ съ этою цѣлью, было *frank-pledge* [1]) или *круговая порука* общины. Всѣ лица, связанныя ею отвѣчали солидарно за всякое зло, учиненное которымъ нибудь изъ нихъ. Всякій человѣкъ долженъ былъ вложиться въ какой нибудь франкъ-пледжъ. Кажется, что во многихъ частяхъ Англіи отдѣльнные франкъ-пледжи образовали великую систему называемую *собирательный* (collective) франкъ-пледжъ, въ которой все населеніе составляло какъ бы одно установленіе для предупрежденія и обнаруженія преступленій. Сэръ Ф. Пельгрэвъ говоритъ [2]): „солдатъ не различался отъ мѣщанина; вся страна ограждалась отъ грабежа и разбоя стражею, которая имѣла одинаковую военную организацію и въ томъ

[1]) Palg. Eng. Com., ch. VI.
[2]) Тамъ же p. 200.

случаѣ, когда приходилось отстаивать страну отъ набѣговъ внѣшнихъ непріятелей и въ томъ, когда приходилось преслѣдовать домашняго разбойника и мародера. Караулы на королевскихъ великихъ путяхъ сообщенія содержали сами жители, по четыре человѣка съ каждой сотни подъ командою особаго старшины — *wardreeve*, который за свои услуги освобождался отъ всякихъ поземельныхъ налоговъ съ своей земли, подобно таннандарамъ, прежнимъ полицейскимъ чиновникамъ въ селеніяхъ восточной Индіи. Эти стражи отвѣчали за всякую неисправность и подлежали штрафамъ, если разбойнику удалось бѣжать, унося добычу".

Франкъ-пледжъ былъ учрежденіе англосаксонское, но много лѣтъ спустя послѣ завоеванія держалась основанная на немъ крѣпкая система, которую статутъ уинчестерскій 1285 г. (13 Ed. I, st. 2) упрочилъ въ самой рѣзкой ея формѣ. По этому статуту сотня отвѣчаетъ за разбои, совершенные въ ея предѣлахъ; во всѣхъ большихъ городахъ ворота должны быть запираемы отъ захожденія до восхожденія солнца; каждые пятнадцать дней бальифы должны дѣлать повальные обыски о подозрительныхъ лицахъ. Большія дороги должны быть очищаемы отъ кустарниковъ на разстояніи 200 футовъ съ каждой стороны. Каждый мужчина долженъ носить оружіе и являться на смотры, дѣлаемые дважды въ году констэблями. Всякій разъ когда случится преступленіе, жители обязаны подымать крикъ (hue and cry) и преслѣдовать злодѣя до самыхъ предѣловъ, бальифства (bailiwick).

Еще древнѣйшій статутъ тогоже царствованія (4 Ed. I st. 2), постановленный въ 1276 г., показываетъ каковы были обязанности чиновниковъ, которые имѣли спеціальное назначеніе открывать преступленія. Этотъ статутъ носитъ названіе *de officio coronatoris* (коронера). Шерифы и коронеры занимали въ старинномъ устройствѣ англійскихъ графствъ почти такое же положеніе, какое занимаютъ въ французскомъ департаментѣ чиновники-судьи. Шерифъ былъ на дѣлѣ, а не только по теоріи, какъ въ настоящее время, главою управленія графства (posse comitatus); онъ обя-

занъ былъ спеціально хранить миръ, преслѣдовать и ловить злодѣевъ по крику и кличу, самъ лично или чрезъ своихъ бальифовъ. Обязанности коронера были болѣе похожи на обязанности современнаго *procureur impérial*. По извѣщеніи его королевскими бальифами или честными людьми земства, онъ былъ обязанъ „отправиться на мѣсто гдѣ кто нибудь убитъ или скоропостижно умеръ или раненъ, или гдѣ дома взломаны, или гдѣ говорятъ, что есть кладъ, и долженъ дать приказаніе о нарядѣ понятыхъ изъ пяти ближайшихъ городовъ (здѣсь вѣроятно имѣется въ виду обыкновенная команда, состоящая изъ четырехъ человѣкъ и старосты, reeve) или изъ пяти или изъ шести, дабы они явились передъ нимъ тамъ-то. Когда они явятся, то коронеръ распрашиваетъ ихъ подъ присягою такимъ образомъ: „если кто убитъ то онъ разузнаетъ, знаютъ ли понятые, гдѣ онъ убитъ, въ домѣ ли, въ полѣ, кровати, гостинницѣ или въ большой компаніи; были ли при этомъ какіе либо свидѣтели и какіе именно. Точно такимъ же образомъ долженъ онъ дѣлать слѣдствіе и о утопшихъ и о скоропостижно умершихъ, послѣ чего онъ долженъ удостовѣриться посредствомъ осмотра трупа, точно ли это лицо утоплено или зарѣзано или удавлено, по слѣдамъ веревки на шеѣ или по знакамъ на какомъ нибудь иномъ членѣ или по инымъ поврежденіямъ гдѣ нибудь на тѣлѣ. Осматривая раны коронеръ долженъ отмѣтить ихъ длину, ширину и глубину, и какимъ оружіемъ рана нанесена, и на какой части тѣла она находится и сколько людей виноватыхъ, а если ранъ много, то кто нанесъ каждую рану въ особенности. Все это должно быть записано въ протоколъ (roll) коронера“. Кромѣ дознаній объ убійствахъ и случаяхъ смерти скоропостижной, случайной или насильственной, коронеръ обязанъ былъ чинить дознанія о похищеніяхъ, найденныхъ сокровищахъ, жалобахъ на причиненіе ранъ и увѣчій, кораблекрушеніяхъ и проч.

Если сравнить этотъ статутъ съ постановленіями уинчестерскаго статута, и съ устройствомъ судовъ разъѣзжихъ судей, и если принять въ соображеніе что судьи королевской скамьи были *ex of-*

ficio великими государственными коронерами, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что всѣ эти установленія образовали великое, связное цѣлое, простирающуюся на всю страну громадную систему органовъ для открытія, поимки и наказанія преступниковъ. Члены этой системы получали нужныя свѣдѣнія путемъ, который считался въ то время самымъ обыкновеннымъ и прямо ведущимъ къ цѣли, а именно посредствомъ повальныхъ обысковъ (sworn inquests); рѣшенія ихъ опредѣлялись содержаніемъ, получаемыхъ посредствомъ повальныхъ обысковъ свѣдѣній. Если бы мы поставили *procès verbal* (протоколъ) на мѣсто устнаго опроса понятыхъ, то коронеръ какъ разъ превратился бы въ нынѣшняго французскаго *procureur impérial*, но эта разница, какъ ни маловажна она можетъ показаться на первый взглядъ, имѣла рѣшительное вліяніе на характеръ учрежденія. Способы и пріемы, употребляемые разъѣзжими судьями и коронерами при розыскахъ, по существу своему имѣли то свойство, что клонились къ превращенію слѣдствія въ состязаніе. Императорскій прокуроръ, являющійся на мѣсто преступленія, допрашивающій и записывающій результаты своего дознанія въ протоколы, очевидно исправляетъ иную функцію нежели тотъ, кто не можетъ ничего самъ утверждать относительно обстоятельствъ смерти или нанесенія ранъ, пока эти обстоятельства не заявлены ему земствомъ, то есть не удостовѣрены клятвенно присяжными. Англійское судопроизводство преимущественно состязательное, между тѣмъ какъ французское преимущественно розыскное. Нынѣ до того замерли всѣ преданія о первоначальномъ розыскномъ характерѣ должности коронера, что весьма недавно судебная практика положительно рѣшила, что должность коронера судейская, а не розыскная. Въ послѣднее время послѣдовало одно опредѣленіе [1]) королевской скамьи, что послѣ того какъ коронеръ кончилъ слѣдствіе *super visum corporis* (съ осмотромъ трупа) и съ записаніемъ въ протоколъ вердикта понятыхъ, онъ уже не можетъ *mero motu* (собственнымъ сво-

[1]) R. v. Seager and Fisher 29 L. J. Q. B. 257.

нимъ починомъ) приступить къ новому слѣдствію по тому же предмету. При постановленіи этого опредѣленія Лордъ главный судья (Chief Justice) Кокборнъ (Cockburn) сказалъ: „производя слѣдствіе, коронеръ исполняетъ въ извѣстной степени судейскую обязанность и долженъ быть разсматриваемъ какъ *functus officio* (исполнившій ее окончательно) въ моментъ произнесенія вердикта. Онъ не можетъ приступить къ новому слѣдствію, развѣ послѣдовалъ указъ о *melius inquirendum* или первое слѣдствіе было уничтожено высшимъ судомъ и высшій судъ приказалъ ему произвести новое".

Описанныя нами мѣропріятія для открытія и поимки преступниковъ вышли давно уже, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, изъ употребленія, но они содѣйствовали построенію теперешней англійской уголовной системы. Они никогда не были отмѣнены формально: до сихъ поръ на нихъ построена вся обрядная сторона судопроизводства. Со стороны своей обрядной судъ уголовный есть ничто иное какъ видъ оффиціальнаго розыска. Большое джюри *„присяжные нашей госпожи королевы"*, вызываются для дачи судьямъ показанія о преступленіяхъ, которыя совершены были въ графствѣ. Они *подъ присягою* удостовѣряютъ, что такое-то лицо совершило такое-то зло. Потомъ наряжается малое джюри для того, чтобы судить преступника и подсудимому дозволяется отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ. Потомъ дѣлается слѣдующій вызовъ, обращенный къ публикѣ: „кто можетъ доставить свѣдѣнія судьямъ королевы по настоящему розыску о какихъ либо измѣнахъ, убійствахъ, фелоніяхъ или проступкахъ, сдѣланныхъ и совершенныхъ стоящимъ нынѣ у рѣшетки подсудимымъ, тотъ да встанетъ, а мы его выслушаемъ". Потомъ подсудимый отсылается формально къ малому джюри на судъ посредствомъ формулы почти такой же, какъ у Брэктона. Если преступленіе состоитъ въ смертоубійствѣ, то слѣдствіе коронера, съ вердиктомъ присяжныхъ за ихъ подписями и печатями, служитъ достаточнымъ основаніемъ для преданія кого нибудь суду, помимо вердикта большаго джюри, точно такъ какъ въ тѣ времена, когда коронеръ былъ главою полиціи своего участка.

Изученіе устройства уголовныхъ судовъ и мѣропріятій для открытія и преслѣдованія злодѣевъ, привело насъ къ заключенію, что обѣ эти части составляли когда-то связную систему розыскнаго судопроизводства, которая потомъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и въ особенности вслѣдствіе свойствъ, присущихъ механизму, посредствомъ котораго она приводилась въ дѣйствіе, превратилась постепенно въ систему суда по имѣющимся обвиненіямъ, разбираемымъ въ духѣ частнаго состязанія.

Нѣтъ ничего легче и простѣе задачи, довести исторію системы съ того момента донынѣ. Процессъ развитія англійскаго судоустройства совершался тихо и незамѣтно, съ весьма немногими скачками и перерывами. При Тюдорахъ и Стюартахъ сдѣлана была попытка ввести новую черту въ уголовное судопроизводство посредствомъ усиленія власти государственнаго тайнаго совѣта (Privy Council), введенія процессуальныхъ пріемомъ, основанныхъ на гражданскомъ правѣ и въ особенности способа добыванія доказательствъ пыткою [1]). Эта попытка встрѣтила весьма сильный отпоръ, и осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ что то мѣсто у Фортэскю, которое изображаетъ судъ посредствомъ присяжныхъ, какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ и въ уголовныхъ, вполнѣ согласно съ дѣйствительностью въ XIX столѣтіи, хотя оно писано въ пятнадцатомъ. Немногіе слѣды теоріи, по которой уголовный судъ разсматривался какъ розыскъ, продолжали существовать и держались упорно, но были постепенно искоренены. Самымъ скандальнымъ и несправедливымъ остаткомъ этой теоріи розыска было обыкновеніе не подвергать допросу свидѣтелей подсудимаго или не допрашивать ихъ подъ присягою. Другимъ подобнымъ же остаткомъ можно считать правило, по которому лица обвиняемыя въ фелоніи или измѣнѣ лишались пособія адвоката. Это правило отмѣнено относительно измѣны въ 1696 г. (7 и 8 William III, c. 3), а относительно фелоніи въ 1836 г. (6 и 7 Will. IV, c. 114).

---

[1]) Чтенія Жэрдина (Jardine) о пыткѣ.

Впрочемъ надобно замѣтить, что стѣсненія относительно фелоніи были значительно ослаблены практикою уже въ XVIII столѣтіи дозволеніемъ адвокату подсудимаго подвергать перекрестному допросу и свидѣтелей со стороны короны (по части обвиненія), и свидѣтелей со стороны подсудимаго; ему запрещено было только обращаться съ рѣчью къ присяжнымъ. Впрочемъ это была льгота, не обезпеченная никакимъ актомъ парламентскимъ, весьма неопредѣленная относительно времени ея возникновенія и потому зависящая отъ прихоти судей. Въ 1724 г. когда Арнольдъ судился по Черному Акту за то, что стрѣлялъ въ Лорда Онслова, его адвокату не позволили подвергать перекрестному допросу его же свидѣтелей и свидѣтелей обвинителя, хотя вся защита Арнольда основывалась на его умопомѣшательствѣ [1]). Также строго поступилъ судъ и съ Лордомъ Фэррэрсомъ въ 1760 г.[2]), но по дѣлу Уилліама Бэрнарда, судимаго въ 1758 г. по Черному Акту, адвокатъ подсудимаго допрашивалъ и передопрашивалъ свидѣтелей [3]); тоже самое мы видимъ по дѣлу Маріи Блэнди въ 1752 г.[4]). Къ мѣрамъ для открытія преступниковъ едва ли что нибудь прибавилось, напротивъ того постановленія статута уинчестерскаго и статута о коронерахъ вышли изъ употребленія и сдѣлались нынѣ непримѣнимыми по весьма понятнымъ причинамъ.

Законы объ арестованіи преступниковъ, построены на иныхъ основаніяхъ. Хотя никто нынѣ не обязанъ преслѣдовать преступниковъ; но законъ предоставляетъ всѣ къ тому средства всякому желающему. Мировые судьи, учрежденные въ 1360 г., могутъ по извѣту, подкрѣпленному присягою, давать указы о заарестованіи; даже всякое частное лицо имѣетъ правo арестовать другаго безъ всякаго указа, по основательному подозрѣнію въ фелоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ довольно частыхъ случаяхъ. Въ этомъ отноше-

---

[1]) 16 S. T. 695.
[2]) 20 S. T. 944.
[3]) 20 S. T. 815.
[4]) 19 S. T. 1118.

ніи разница мала между правами органа мировой юстиціи и частнаго лица, исключая того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ органъ мировой юстиціи несетъ на себѣ меньшую отвѣтственность за арестованіе кого нибудь, нежели частное лицо. Законоположенія по этому предмету почти всѣ новы; они приведены въ систему актомъ 11 и 12 Vict., с. 42. (1848 г.). Они клонятся только къ тому, чтобы обезпечить явку въ судъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ. Достойно замѣчанія, что средства предоставляемыя обвинителю въ уголовномъ процессѣ относительно личной свободы подсудимаго, весьма немногимъ сильнѣе средствъ, которыя предоставлялись еще недавно, всякому частному истцу, старающемуся принудить ложнымъ арестомъ должника къ уплатѣ долга посредствомъ такъ называемаго *mesne process*.

Въ своемъ теперешнемъ видѣ предварительное слѣдствіе направлено только къ тому, чтобы удостовѣриться, предъявлены ли обвинителемъ достаточныя причины для содержанія обвиняемаго подъ арестомъ. Законъ не постановляетъ ничего относительно собиранія доказательствъ или допроса подозрѣваемыхъ лицъ; все, что дѣлается въ этомъ отношеніи, дѣлается добровольно заинтересованными въ дѣлѣ лицами. Полиція, установленная въ каждой части страны, не имѣетъ никакихъ спеціальныхъ полномочій на этотъ счетъ, не несетъ никакихъ, закономъ возлагаемыхъ на нее, обязанностей по этимъ предметамъ. То, что она дѣлаетъ для обнаруженія преступленій могло бы быть дѣлаемо вообще всякимъ частнымъ лицемъ, которое бы захотѣло взять на себя эту роль. На эту особенность англійской системы проливаетъ яркій свѣтъ показаніе сэра Фредерика Ро (Roe), бывшаго городскаго судьи въ Боу Стритъ въ Лондонѣ [3]), данное имъ въ 1837 г. уголовной коммиссіи парламента (порядокъ имъ описываемый существуетъ донынѣ): „Нынѣ судья самый дѣятельный и ревностный не смѣетъ ничего предпринять, пока не получилъ жалобы подъ присягою съ указаніемъ на извѣстное лицо. Какъ бы ни было ужасно злодѣяніе, онъ не можетъ самъ начать слѣдствіе. Еслибы онъ распорядился о за-

арестованіи кого нибудь на основаніи однихъ только подозрѣній, порожденныхъ въ умѣ его обстоятельствами дѣла, то онъ подлежалъ бы самъ за то иску и уголовному суду. Все, что онъ вправѣ сдѣлать, ограничивается вызовомъ или лучше сказать приглашеніемъ къ себѣ лицъ съ тѣмъ, чтобы они передали ему то, что знаютъ, пока кто нибудь не предъявитъ обвиненія подъ присягою. Въ другихъ странахъ власти, каково бы ни было ихъ наименованіе, не только уполномочены, но и обязаны вчинать слѣдствія когда преступленіе несомнѣнно. При всемъ моемъ желаніи быть полезнымъ и при всей увѣренности, что я могъ бы содѣйствовать открытію преступленія, я не разъ чувствовалъ, что если бы я предпринялъ какія нибудь мѣры внѣ обыкновеннаго порядка, то я бы навлекъ на себя ужасающую отвѣтственность, что и заставляло меня останавливаться."

Давъ описаніе первоначальнаго судоустройства и старинныхъ мѣръ для открытія и привода въ судъ виновныхъ, я займусь теперь законами, опредѣляющими преступленія и соразмѣряющими съ ними наказанія. Законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ могутъ быть раздѣлены по источникамъ своимъ на три части: *общее* или *обычное право* (common law), *статутовое право* (statute law) и *приговорное право* (case law). Обычное право основывается на неписанныхъ преданіяхъ, вмѣщающихъ въ себѣ и общія начала и опредѣленія и списанныя въ старыя времена. Статутовое право состоитъ изъ актовъ парламента, а судебное приговорное право состоитъ изъ опредѣленій судовъ по дѣламъ судимымъ, какъ на основаніи обычнаго, такъ и на основаніи статутоваго права. Обычное право есть древнѣйшій и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обильнѣйшій и важнѣйшій изъ этихъ трехъ источниковъ; оно вмѣщаетъ въ себѣ общеупотребительнѣйшія начала и опредѣленія.

Для уразумѣнія происхожденія этой системы, необходимо изслѣдовать точнѣе отношенія ея составныхъ частей между собою. Сущность тягчайшихъ и обыкновеннѣйшихъ преступленій остается одна и та же при всякой обстановкѣ и во всѣхъ періодахъ исто-

ріи. Всѣ почти преступленія укладываются въ слѣдующія формы, видоизмѣняемыя до безконечности: неповиновеніе правительству, насиліе, кража, обманъ. Различіе въ уголовныхъ законахъ разныхъ эпохъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, какъ примѣняются, нѣсколькими одно за другимъ слѣдующими поколѣніями, извѣстныя общія начала и сопряженныя этими началами понятія. Способъ примѣненія общихъ началъ опредѣляется иногда прямыми законодательными постановленіями, а иногда судебными рѣшеніями, основанными на особыхъ обстоятельствахъ. Очевидно, что законодательная власть можетъ избрать тотъ или другой путь для достиженія того же результата. Она можетъ или преобразовать опредѣленія и начала, оказывающіяся несовмѣстными съ существующимъ порядкомъ вещей или оставить эти правила и начала не прикосновенными въ ихъ сферѣ дѣйствія и предопредѣлить только нѣкоторые новые непредвидѣнные случаи посредствомъ дополнительныхъ постановленій. Парламентъ всегда слѣдовалъ второму изъ вышеупомянутыхъ путей; въ цѣломъ ряду уголовныхъ статутовъ едвали найдется примѣръ законоподательнаго опредѣленія актомъ парламента какого либо новаго принципа или юридическаго понятія. Судьи, наоборотъ, придерживаются другаго пути. Излагая начала обычнаго права и примѣняя ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ, они вводили отъ времени до времени значительныя измѣненія въ начала обычнаго права и даже въ постановленія статутоваго права, руководствуясь своими собственными соображеніями о симметріи, справедливости или послѣдовательности. И такъ процессъ развитія уголовныхъ законовъ съ тѣхъ поръ, какъ они пріобрѣли нѣкоторую прочность, былъ слѣдующій. Широкія общія правила и начала, положенныя обычнымъ правомъ въ основаніе по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ уголовнаго права, потомъ по мѣрѣ надобности издавались иногда дополнительные статуты; въ то же самое время начала обычнаго права и постановленія статутоваго права измѣняемы были постепенно судебными рѣшеніями. Я берусь теперь описать подробно главнѣйшіе моменты этого процесса.

Брэктонъ считается древнѣйшимъ авторитетомъ по части уголовныхъ законовъ, вытекающихъ изъ обычнаго права. Онъ заимствовалъ изъ римскаго нрава бо́льшую часть своихъ началъ и опредѣленій, такъ что корни многихъ англійскихъ понятій должны быть отыскиваемы въ римскихъ источникахъ. Брэктонъ пользовался такимъ авторитетомъ, что стаундфордовы (Staundforde) *Pleas of the Crown* (производство въ коронныхъ судахъ), писанные въ царствованіе Королевы Маріи, суть ни что иное, какъ новое изданіе труда Брэктона, дополненное новыми статутами и судебными опредѣленіями. Писатели, писавшіе въ промежуткѣ времени между Брэктономъ и Стаундфордомъ, каковы Бриттонъ и Флета, берутъ трудъ Брэктона за основаніе, хотя и измѣняютъ постепенно нѣкоторыя изъ коренныхъ его опредѣленій.

И такъ можно принять за исходную точку въ нашемъ изслѣдованіи, что вся, изучаемая нами теперь отрасль уголовнаго права держится на опредѣленіяхъ Брэктона. Эти опредѣленія немногочисленны и коротки; они могутъ быть приведены къ слѣдующему:

1) *Treason.* Преступленіе измѣны (laesa majestas) многообразно; одинъ изъ его видовъ есть тотъ, когда кто имѣетъ злой умыселъ умертвить нашего господина короля, или поднялъ бунтъ, или содѣйствовалъ поднятію бунта противу нашего господина короля или его войска, или далъ свою помощь, совѣтъ или согласіе тѣмъ, которые бунтуютъ, хотя бы онъ и не дошелъ до совершенія того, что замышлялъ [1]).

2) *Crimen falsi* есть родъ измѣны, напримѣръ когда кто поддѣлалъ печать королевскую на хартіяхъ или указахъ. Другой видъ тогоже злодѣянія составляетъ выдѣлка фальшивой монеты [2]).

3) *Homicide.* Смертоубійство есть убіеніе человѣка человѣкомъ. Оно можетъ быть духовное или тѣлесное. Тѣлесное смертоубійство совершается словомъ или дѣломъ. Тѣлесное смертоубійство словомъ

---

[1]) Lib. III, chap. III, fol. 118, b.

[2]) Тамъ же.

бываетъ посредствомъ приказанія, подговора (advice) и при защитѣ [1]). Тѣлесное смертоубійство дѣломъ бываетъ или по дѣйствію *правосудія*, или по *необходимости*, которая подраздѣляется на отвратимую и неотвратимую; или простому *случаю*, который могъ приключиться при совершеніи какого нибудь дѣйствія законнаго или незаконнаго или наконецъ по *злому умыслу* (wilful), „когда кто зная навѣрное и вслѣдствіе обдуманнаго заранѣе намѣренія, убьетъ другаго по гнѣву или по ненависти, или ради корысти злостно и коварно (wickedly and feloniously), несмотря на миръ королевскій.“ Умышленное смертоубійство, совершаемое тайно и безъ свидѣтелей называлось *murder*. Въ случахъ мэрдера предполагалось что убитый человѣкъ былъ французъ, пока не было доказано жителями, что онъ англичанинъ. Если община не удостовѣрила, что онъ англичанинъ, то она подвергаема была денежному штрафу. [2]).

4) *Mayhem*. Такъ назывались всѣ поврежденія тѣлесныя, изувѣчивавшія человѣка посредствомъ лишенія его какого либо члена или возможности употреблять этотъ членъ для самозащиты. Такимъ образомъ считалось мэймомъ, когда кто кому выбилъ передній зубъ, но не считалось мэймомъ, когда выбитый зубъ былъ боковой [3]).

5) *Arson (iniqua combustio)*. Это преступленіе имѣло мѣсто, когда кто, мятежно бунтуясь (from turbulent sedition) [4]), учинилъ поджегъ злостно и коварно.

6) *Rape* бываетъ когда женщина жалуется на мужчину въ томъ, что онъ насильственно ее употребилъ (oppressam) [5]).

7) *Theft*. Кража по закону есть злоумышленное похищеніе (contrectatio) собственности чужой, съ намѣреніемъ присвоить ее противу воли собственника [6]). Грабежъ (rapine) и разбой (robbery)

---

[1]) Defensione sive tuitione. Самъ авторъ переводимаго сочиненія сознается, что онъ не понимаетъ ясно смысла этой фразы.

[2]) Lib. III; chap. IV, fol. 120, b. — Chap. XV, fol. 134. b.

[3]) Chap. XXIV, fol. 14.

[4]) Chap. XXVII, fol. 146, b.

[5]) Chap. XXVIII, fol. 146.

[6]) Chap. XXXIII, fol. 159, b.

суть видоизмѣненія кражи; о комъ же свойственнѣе сказать, что онъ похитилъ вещъ (quis enim magis contrectat rem) противъ воли собственника ея, какъ о томъ, кто взялъ ее насильственно.

8) *Misdemeanors* [1]). Всѣ эти проступки получили у Брэктона слѣдующее опредѣленіе. „Теперь мы скажемъ нѣчто о меньшихъ и болѣе легкихъ преступленіяхъ, которыя преслѣдуются гражданскимъ порядкомъ, какъ по частнымъ искамъ объ обидахъ, и которыя вчинаются иногда короною, потому что учинены съ нарушеніемъ мира королевскаго. Мы должны разсмотрѣть, что такое обида? Обидою считается все то, что несогласуется съ закономъ. Нѣкоторыя обиды влекутъ за собою наказанія уголовныя, иныя же только пени и заключеніе или одни пени, смотря по свойству дѣйствія. Обидою (Injury) считается не только, когда кого нибудь ударили кулакомъ, высѣкли, изранили или отодрали палками, но и то, когда кого нибудь выругали (cum ei convitium dictum fuerit) или сочинили на него бранные стихи (carmen famosum) или тому подобное“.

Эти скорѣе описанія, нежели опредѣленія преступленій, извлеченныя изъ разныхъ частей сочиненія Брэктона, по которому они разсѣяны весьма не систематически, стали краеугольнымъ камнемъ нынѣшняго уголовнаго права; они переработаны и доведены донеобычайной технической точности послѣдующими поколеніями судей, при случайномъ и въ теченіи долгаго времени весьма скудномъ пособіи со стороны законодательной власти. Я изложу вкратцѣ какъ развивалось каждое изъ этихъ опредѣленій, потомъ въ слѣдующей главѣ я укажу на достоинства и недостатки главнѣйшихъ изъ нихъ.

1. *High treason* (государственная измѣна). Туманность брэктонова опредѣленія государственной измѣны проистекаетъ очевидно отъ страшной неопредѣленности законовъ, относящихся къ этому предмету. Авторъ *Зерцала* (The Mirror) [2]) подводитъ подъ

---

[1]) Chap. XXVI, fol. 155.

[2]) Chap. I. sec. 4. Кажется что Зерцало сочинено или по крайней мѣрѣ

понятіе измѣны всякій обманъ и всякое злоупотребленіе коронныхъ чиновниковъ, всякое присвоеніе власти королевской и всякій ущербъ правамъ королевскимъ; онъ относитъ сюда и ловлю дикихъ звѣрей на собственныхъ земляхъ ловца безъ особаго пожалованія королевскаго, и присвоеніе ни кому непринадлежащихъ вещей во владѣніяхъ королевскихъ и ловлю дичи, рыбы и проч. въ этихъ владѣніяхъ. Неопредѣленность понятія преступленія была великимъ зломъ и заставила издать знаменитый статутъ 25. Edw. III, c. 3, который объяснилъ подробно, что слѣдуетъ считать измѣною. Этотъ статутъ важенъ не только по своему непосредственному вліянію на ходъ развитія политической жизни въ разные періоды исторіи, но еще и потому, что онъ представляетъ единственный въ полномъ собраніи статутовъ примѣръ такого статутарнаго опредѣленія преступленія, которое постановлено съ цѣлью подчинить ему все обычное право и неписанное ученіе законовѣдцевъ, относящееся къ этому предмету. Часть этого статута, касающаяся преступленій политическихъ, гласитъ слѣдующее: „когда кто составитъ заговоръ или задумаетъ извести нашего господина короля, или нашу госпожу его королеву, или ихъ старшаго сына и наслѣдника; или когда кто изнасилуетъ супругу короля или его старшую незамужнюю дочь или жену королевскаго сына и наслѣдника; или когда кто подыметъ войну противу нашего господина короля въ его государствѣ, или пристанетъ ко врагамъ короля въ его государствѣ, давая имъ помощь и поддержку въ нашемъ государствѣ или въ иномъ мѣстѣ и будетъ въ томъ доказательно изобличенъ, въ явномъ дѣлѣ, людьми того же состоянія“. Отъ момента изданія этого акта донынѣ это опредѣленіе образуетъ центръ и ядро всего ученія о государственной измѣнѣ.

Иныя общественныя преступленія уравнены съ измѣною на основаніи актовъ парламента, изданныхъ для достиженія извѣстныхъ

списано въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣли при Эдуардѣ II. Авторъ его неизвѣстенъ; оно не пользуется авторитетомъ. См. 2 Rce. Eng. Law, p. 358.

временныхъ политическихъ цѣлей; также нѣкоторыя преступленія признаны подходящими подъ понятіе измѣны парламентомъ, дѣйствующимъ въ качествѣ суда. Примѣрами узаконеній перваго рода могутъ служить многіе акты временъ Генриха VIII, касающіеся религіи; такъ напримѣръ Статутъ 24 Henr. VIII c. 22. объявляетъ измѣною всякое порицаніе брака, заключеннаго королемъ съ Анною Болэйнъ. Примѣромъ втораго рода узаконеній можетъ служить дѣло повара Роуза, который обвиненъ былъ въ измѣнѣ и за живо сваренъ за отравленіе многихъ лицъ во дворцѣ Лямбэтъ [1]). Впрочемъ всѣ эти узаконенія были временныя и потеряли потомъ свою силу.

Нынѣ еслибы кто нибудь вздумалъ объяснить по существу, независимо отъ техники законодательства, въ чемъ состоитъ измѣна, то по всей вѣроятности онъ бы ее опредѣлилъ такимъ образомъ, что измѣна есть вооруженное сопротивленіе во имя какого нибудь отвлеченнаго принципа, положительнымъ законамъ страны. Наше понятіе о государственномъ измѣнникѣ таково, что мы его представляемъ себѣ какъ человѣка, который утверждаетъ что законы нехороши и который намѣренъ исправить ихъ силою, напримѣръ перемѣняя династію, или провозглашая независимость извѣстной области, или отмѣняя власть королевскую или привилегіи извѣстнаго сословія, напримѣръ сословія пэровъ. Первоначальное опредѣленіе того же приступленія отражаетъ въ себѣ особенности инаго вѣка и построено на иномъ взглядѣ на правительство и общество. Оно очевидно сложилось въ дикія и грубыя времена, когда великая военная сила находилась въ рукахъ у дворянства и когда личный, индивидуальный авторитетъ короля служилъ главною пружиною правленія. По этой причинѣ измѣна понималась не какъ преступленіе противу государства, противу публики, но какъ преступленіе прямо направленное противу личности короля. Лучшее доказательство, подтверждающее этотъ взглядъ, содержится въ одной

[1]) Другіе примѣры можно найти у I. *Hale*, Hist. P. Cr. chap. XXIV.

изъ второстепенныхъ статей того же акта: „Еслибы случилось, что кто нибудь въ этомъ государствѣ отправился вооруженный, тайно и скрытно, съ вооруженною дружиною, съ тѣмъ, чтобы напасть на другаго человѣка и убить его или ограбить, или взять его и держать до тѣхъ поръ пока онъ невыкупится уплатою штрафа или окупа, ни король, ни совѣтъ его неполагаютъ, чтобы эти случаи судились какъ измѣна, но они должны быть разсматриваемы какъ фелонія или убійство (trespass), сообразно съ старинными законами страны и съ особенностями каждаго дѣла". Изъ этихъ словъ видно что „поднятіе войны" о которомъ толкуютъ редакторы статута нисколько не похоже на политическія возмущенія и волненія новѣйшихъ временъ. Примѣненіе устарѣвшаго опредѣленія къ новому порядку вещей представляло большія затрудненія. Перевороты XVI и XVII столѣтій были частью причинами, частью послѣдствіями измѣненій въ цѣломъ составѣ общества. Правительство и законы заняли постепенно то мѣсто, которое когда-то занимала особа короля, такъ что они сдѣлались предметомъ нападеній, которыя въ прежнее время были бы направлены противу короля лично. Королевская власть защищаема была долго силою или временными законами, издаваемыми для охраненія ея, но впослѣдствіи власть эта ослабѣла, а временные законы отмѣнены, вслѣдствіе чего явилась необходимость или дать новое опредѣленіе измѣнѣ, или растянуть старое такимъ образомъ, чтобы оно могло примѣняться къ новому порядку вещей. Сообразно обыкновенію и пріемамъ англійской юридической практики избранъ былъ послѣдній изъ этихъ путей. Лордъ Гэль[1]) даетъ слѣдующее поясненіе тому какъ преобразилось понятіе измѣны: — „Война, подымаемая противу короля можетъ быть двоякая: 1) она можетъ состоять или въ открытомъ и непосредственномъ воеваніи съ королемъ, или съ его полководцемъ и арміею; или въ нападеніи или въ нанесеніи обиды особѣ короля, или во взятіи его и заключеніи, или въ появленіи предъ нимъ и при-

[1]) 1 Hale H. P. C. 131.

нужденіи его къ удаленію отъ себя своихъ совѣтниковъ и министровъ. 2) Толковательно въ переносномъ смыслѣ война считается поднятою противъ короля, когда она предпринята для разрушенія оградъ (inclosures) или для повышенія жалованія служащимъ, или для измѣненія устиновленной законами религіи. Многіе примѣры можно бы привести того же рода. Первое постановленіе о такомъ толкованіи поднятія войны въ переносномъ смыслѣ, нахожу я въ приговорѣ приводимомъ Лордомъ Кокомъ (L. Coke, P. C. p. 10) и относящимся ко временамъ Генриха VIII по дѣлу о повышеніи жалованія служащимъ; слѣдующее затѣмъ по времени постановленіе содержится въ приговорѣ „Бэртона“ (Burton) anno 39, Eliz. (Coke. P. C. p. 10 a. 1597) о собраніи вооруженной силы для уничтоженія повсюду оградъ“.

Въ своей рѣчи о государственной измѣнѣ [1]) Фостеръ слѣдуетъ Гэлю и употребляетъ въ смыслѣ доказательства то соображеніе, что хотя подобные мятежи „направлены не противу особы короля, однако они посягаютъ на его королевское величество и *кромѣ того они прямо клонятся къ разрушенію толпою и вооруженною силою всѣхъ общественныхъ связей, всякой собственности и всякаго правительства*“. Слова помѣченныя курсивомъ содержатъ въ себѣ очевидно настоящую причину, почему судьи рѣшились принять такое толкованіе измѣны; эти соображенія приводятъ къ полному убѣжденію въ томъ, что мятежи должны быть строго наказываемы, но ими не объясняется вовсе почему слово, которое обозначаетъ одну какую нибудь вещь, должно быть употреблено и для обозначенія другой вещи совершенно различной.

Точно такой же характеръ имѣютъ всѣ натяжки употребляемыя для расширенія смысла фразы „сговариваться объ изведеніи короля“ (compassing the king's death). Лордъ Гэль говоритъ [2]): „когда люди сговариваются о заключеніи короля насильственно и

---

[1]) Disc. I, chap. III.

[2]) I Hale H. P. C. 199.

вооруженною рукою, пока онъ не согласится на извѣстныя требованія и съ этою цѣлью набираютъ дружину и пишутъ письма, то эти дѣйствія составляютъ явное доказательство того, что они сговариваются извести короля, потому что они намѣрены отнять у него королевское правленіе". Иными словами дѣйствія перечисленныя здѣсь подходятъ подъ то, что мы въ наше время называемъ измѣною, но для того, чтобы помѣстить ихъ въ измѣнѣ, надобно было размягчить и растянуть опредѣленіе измѣны, составленное за 300 лѣтъ. Фостеръ дѣлаетъ новый шагъ впередъ послѣ Гэля [1]) „Попеченіе закона о личной безопасности короля не ограничивается дѣйствіями или посягательствами злѣйшаго свойства, какъ-то: тайнымъ убійствомъ, отравленіемъ или иными прямыми и непосредственными покушеніями на его жизнь. Оно простирается на всѣ злоумышленныя обдуманно совершаемыя дѣйствія или покушенія, вслѣдствіе которыхъ жизнь короля *можетъ быть* поставлена въ опасность; слѣдовательно мѣры, принимаемыя съ цѣлью низложить короля или заключить его, или предать особу его во власть заговорщиковъ, подходятъ очевидно подъ понятіе измѣны, о которой идетъ рѣчь въ статутѣ, потому что опытъ доказалъ какъ невелико разстояніе отъ тюрьмы государевой до его могилы". Другой отрывокъ еще болѣе характеристиченъ.

„Подговоръ иностранцевъ къ нападенію на королевство есть измѣна необычайно великая. Какъ бы низко ее не цѣнить, при какихъ бы то ни было ея послѣдствіяхъ, она есть попытка, со стороны злодѣя на то, чтобы превратить свою страну въ мѣсто крови и запустѣнія. Однако если не случится, что подговариваемыя державы будутъ въ самомъ дѣлѣ въ войнѣ съ нами въ моментъ подговора, это преступленіе едвали можетъ быть подведено подъ какой нибудь изъ пунктовъ статута объ измѣнѣ, развѣ подъ тотъ пунктъ, который говоритъ о заговорѣ на изведеніе короля; впрочемъ такъ какъ это преступленіе стремится видимо къ тому, чтобы подвергнуть

[1]) Disc. 1, chap. I, pp. 195—6.

опасности особу короля, то по точному смыслу статута и по всѣмъ началамъ здравой политики и справедливости, оно и было пріурочено къ тому виду измѣны, который состоитъ въ заговорѣ на жизнь короля: *ne quid detrimenti respublica capiat*". То обстоятельство, что авторъ особенно налегаетъ на точный смыслъ статута и на всѣ начала здравой политики и справедливости, обнаруживаетъ, что дѣло обстоитъ не такъ какъ онъ его представляетъ, и что ему бы собственно слѣдовало сказать: „по точному смыслу статута надлежало бы сдѣлать къ нему такую-то прибавку."

Въ прошломъ столѣтіи много испытано было затрудненій вслѣдствіе того, что присяжные никакъ не хотѣли подчиниться этому понятію объ измѣнѣ и оправдали Лорда Гордона по первому пункту статута, а Гарди и Горна Тука по второму. Годъ спустя послѣ рѣшенія послѣдняго изъ этихъ дѣлъ (1795) изданъ былъ актъ парламента (35 Georg. III, c. 7), который значительно расширилъ понятіе измѣны, включая положительно въ старое опредѣленіе большую часть пристроекъ, сдѣланныхъ къ нему по аналогіи Гэлемъ и Фостеромъ. Актъ этотъ опредѣляетъ такимъ образомъ измѣну: „кто внѣ государства или внутри его станетъ сговариваться, замышлять, изобрѣтать, или обдумывать смерть или истребленіе, изувѣченіе или нанесеніе ранъ, заключеніе или задержаніе особы короля, или задумаетъ лишить его или отрѣшить его отъ титула, чести или королевскаго имени императорской короны [1]), или задумаетъ поднять войну противу Его Величества съ цѣлью заставить его посредствомъ силы и принужденія перемѣнить свои мѣры или совѣтниковъ, или подвергнуть ихъ какому либо принужденію или насилію, или подчинить своей власти страхомъ обѣ палаты парламента или одну палату; или задумаетъ склонить или вызвать какого либо иностранца или чужеземца къ тому, чтобы сей послѣдній напалъ силою на это государство или на другія владѣнія Его Величества, и эти свои замыслы выразитъ, обнаружитъ или изъявитъ,

[1]) И корона и парламентъ англійскій носятъ титулъ императорскихъ.

письмомъ или печатью, или инымъ явнымъ дѣломъ или поступкомъ". Актомъ парламента, изданнымъ въ 1848 г., по случаю подстрекающихъ къ смутамъ статей въ газетахъ и публикаціяхъ ирландскихъ агитаторовъ, прежній актъ 1795 г. былъ отмѣненъ, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, которые относились къ нападеніямъ на самую особу короля, всѣ же остальные пункты включены въ новый актъ, простирающійся и на Ирландію; всѣ дѣйствія, запрещаемыя этимъ новымъ актомъ, получили вмѣсто измѣны названіе фелоніи и поставлены подъ угрозу наказанія ссылкою въ Австралію. Законъ 1795 г. гласитъ, что его постановленія не должны нисколько ограничивать преслѣдованій измѣны на основаніи обычнаго права (т. е. на основаніи акта 25 Ед. III, который есть ничто иное какъ поясненіе обычнаго права). Законъ 1848 г. опредѣляетъ, что его постановленія ни въ чемъ не умаляютъ силы статута 25 Ед. III.

Обзоръ хода развитія законовъ о измѣнѣ показываетъ, что нынѣшнее опредѣленіе этого преступленія основано на понятіи сформулированномъ 500 лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда общество во всѣхъ отношеніяхъ разнилось отъ теперешняго, а всего больше во взглядахъ своихъ на существо и объемъ власти правительства. Это старинная формула растянута была постепенно судами. Судейскія пристройки частью обращены потомъ въ законъ законодательною властью, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что большая часть, входившихъ въ составъ измѣны дѣяній переименованы въ фелонію, но такъ какъ статутъ Эдуарда III хранится тщательно вмѣстѣ со всѣми ученіями обычнаго права, относящимися къ этому предмету, и какъ эти ученія донынѣ обязательны, то отъ обвинителя зависитъ выбрать одинъ изъ двухъ путей: или обвинить подсудимаго въ фелоніи по статутовому праву или домагаться наказанія его по обычному праву, то есть по судейскому толкованію закона Эдуарда III.

Другая вѣтвь стариннаго ученія объ измѣнѣ выросла изъ того преступленія, которое Брэктонъ называетъ *crimen falsi* и которое касалось преимущественно монетной регаліи. Нѣтъ ничего особен-

наго и заслуживающаго вниманія въ этой части уголовнаго права. Многіе статуты были издаваемы и соглашаемы между собою по поддѣлкѣ монеты; изъ нихъ 32 отмѣнены и консолидированы (consolidated, т. е. сведены въ одинъ систематическій уставъ) закономъ 2 Will. IV, с. 34. Этотъ актъ замѣненъ въ свою очередь актомъ 1861 г. 24 и 25 Vict., с. 99, составляющимъ нынѣ дѣйствующее законодательство по этому предмету. Законъ 1861 г. состоитъ изъ запрещеній, относящихся къ разнымъ обманамъ, которыя имѣютъ связь съ поддѣлкою монеты и которыя обнаружены были въ теченіи времени посредствомъ опыта.

2. *Homicide.* Брэктонъ опредѣляетъ смертоубійство какъ убіеніе человѣка человѣкомъ и подраздѣляетъ его на слѣдующіе виды:

Фантастическій характеръ нѣкоторыхъ подраздѣленій въ этой картинѣ показываетъ, что они собственно никакъ не годятся для юридическаго опредѣленія, да они вѣроятно никогда и не назначались для теоретическихъ цѣлей. Единственная отрасль развѣт-

вляющагося понятія, которая имѣетъ практическую важность есть та, которая носитъ названіе смертоубійства *по злому умыслу* и которая описана слѣдующимъ образомъ: „когда кто, зная навѣрное и вслѣдствіе обдуманнаго заранѣе намѣренія, убьетъ другаго по гнѣву или по ненависти, или ради корысти, злостно и коварно, не смотря на миръ королевскій“. Эти слова нѣсколько похожи на современное опредѣленіе мэрдера (смертоубійства съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ); но у Брэктона мэрдеръ отдѣляется отъ другихъ видовъ умышленнаго смертоубійства не тою чертою, которая его характеризуетъ въ нынѣшнемъ правѣ, а именно *предумышленностью, malice aforethought*, но тѣмъ, что онъ совершается втайнѣ. Въ тѣ времена безсвязность брэктоновой теоріи смертоубійства сопровождалась немногими неудобствами на практикѣ, потому что всякое умышленное смертоубійство, со включеніемъ убійства въ дракѣ или того, что мы назвали убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи, вызванномъ самимъ убитымъ, разсматривалось какъ преступленіе, влекущее за собою смертную казнь, съ другой же стороны смертоубійцы, не исключая и дѣйствовавшихъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, могли пользоваться привилегіею духовнаго званія (benefit of clergy), освобождавшею ихъ отъ казни.

Ученіе, по которому мэрдеръ есть убійство предумышленное, совершенное явно или тайно, котораго предметомъ можетъ быть какъ англичанинъ, такъ и всякое другое лицо, изложено первые у Стаундфорда[1]) и у Лембарда (Lambard)[2]), писателей второй половины XVI столѣтія, но Лембардъ не противуполагаетъ ему еще *manslaughter*'а т. е. умышленнаго убійства безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія. Онъ употребляетъ это послѣднее слово для обозначенія общаго родоваго понятія, включающаго въ себѣ всѣ виды смертоубійства и противуполагаетъ мэрдеру *chance medley* (chaude mêlée) убійство въ дракѣ. Это дѣленіе убійства на murder и chance или

[1]) Book 1, chap. X.
[2]) Eirenarchia, chap. VII.

medley упускаетъ изъ виду многіе другіе случаи смертоубійства или требуетъ для полноты установленія трехъ формъ смертоубійства. Впрочемъ изъ словъ Лэмбарда можно вывести еще другое заключеніе, а именно, что въ его время народный языкъ давалъ иное значеніе словамъ murder и manslaughter, то есть что эти слова обозначали почти тоже, что они обозначаютъ въ настоящее время. Любопытный примѣръ народнаго противупоставленія этихъ двухъ понятій находимъ у Голиншеда, который, говоря о наказаніяхъ въ Англіи, замѣчаетъ, что въ случаяхъ „умышленнаго убійства съ обдуманнымъ намѣреніемъ или при важномъ разбоѣ преступника, или вѣшаютъ живаго въ цѣпяхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ преступленіе или изъ состраданія къ нему давятъ сначала веревкою, а потомъ вѣшаютъ; и продолжаетъ онъ висѣть пока его кости не обратятся въ ничто“. Голиншедъ присовокупляетъ, что въ случаѣ совершенія „умышленнаго *manslaughter*'а, преступника нетолько вѣшаютъ, но ему еще обыкновенно отсѣкаютъ правую руку[1])“. Дѣла уголовныя, возникавшія въ судахъ и сочиненія Кока, Гэля и Фостера довели ученіе объ умыслѣ въ убійствѣ до значительной степени ясности и точности. Не мое дѣло писать подробную исторію опредѣленій судовъ и началъ, пользующихся нынѣ авторитетомъ, посему я ограничусь краткимъ указаніемъ на то, какъ выработалось постепенно въ законодательствѣ понятіе объ умыслѣ въ убійствѣ.

Ученіе Брэктона объ убійствѣ походитъ скорѣе на схоластическій анализъ, нежели на собраніе юридическихъ опредѣленій. Техническую точность и примѣняемость на практикѣ имѣла только та часть этого ученія, которая относится къ собственно такъ называемому мэрдеру, какъ тайному убійству, которое влекло за собою денежный штрафъ, если не было доказано общиною, что убитый былъ англичанинъ. Съ теченіемъ времени имя, которымъ обозначался этотъ оттѣнокъ умышленнаго смертоубійства, перемѣнило свое зна-

[1]) Description of England by Hollinshed, p. 184, 185.

ченіе и стало обозначать самые скверные случаи умышленнаго смертоубійства, между тѣмъ какъ за менѣе злодѣйскими посягательствами на чужую жизнь осталось наименованіе *manslaughter*, которое въ прежнее время было родовымъ понятіемъ всякаго умышленнаго смертоубійства, со включеніемъ и самаго мэрдера. Какъ провести границу между болѣе и менѣе злодѣйскими посягательствами на чужую жизнь? Самый простой и самый скверный видъ смертоубійства тотъ, когда одно лицо хладнокровно задумало убить другое лицо и исполнило этотъ замыселъ. Для обозначенія такого настроенія ума и воли изобрѣтено выраженіе: *malice aforethought*, злостное предумышленіе.

Предумышленіе годилось очень хорошо для разграниченія двухъ главныхъ видовъ смертоубійства, но опытъ доказалъ, что во многихъ случаяхъ черта эта была слишкомъ груба и недостаточна. Положимъ, что убійца встрѣтилъ гдѣ нибудь и убилъ спокойно и коварнымъ образомъ лицо, къ которому онъ не питалъ ни какой вражды до того времени. Положимъ, что разбойникъ убиваетъ сопротивляющагося ему прохожаго не ради вражды, но для сокрытія слѣдовъ преступленія и въ пылу схватки. Нельзя, не насилуя языка, утверждать, что въ этихъ случаяхъ было предумышленіе, но нельзя также не отнести ихъ къ мерзлѣйшимъ злодѣяніямъ. Для устраненія этого затрудненія, для включенія и этихъ случаевъ въ рамки установившагося опредѣленія, юристы изобрѣли ученіе о подразумѣваемомъ злостномъ предумышленіи. Кокъ доказываетъ [1]) что злостное предумышленіе подразумѣвается въ трехъ случаяхъ: 1) по свойству образа дѣйствія преступника—когда онъ убилъ другое лицо, не бывъ къ тому вызванъ симъ послѣднимъ; 2) по свойству убитаго лица—когда убито должностное лицо при исполненіи даннаго ему указа; и 3) по свойству самаго убійцы—когда А нападаетъ на В, чтобы ограбить его, и убиваетъ его вслѣдствіе того, что В ему сопротивляется. Послѣдняя изъ этихъ трехъ формъ еще

[1]) 3 d. Institute, chap. VII, p. 51.

расширена впослѣдствіи, такъ что подъ нее потомъ подошли всѣ случаи смертоубійства, причиняемаго при совершеніи убійцою какой нибудь фелоніи (напр. къ мэрдеру пріурочено и то, когда преступникъ, стрѣляя въ ручную домашнюю птицу, съ тѣмъ, чтобы ее украсть, убилъ случайно человѣка, котораго онъ не замѣтилъ).

Практическая важность ученія о предумышленіи обнаружилась при Генрихѣ VIII, когда актомъ парламента 23 Henr. VIII, c. 13, положено не распространять на смертоубійство съ злобнымъ предумышленіемъ привилегію духовнаго званія, такимъ образомъ оно сдѣлалось на практикѣ преступленіемъ, казнимымъ смертью, между тѣмъ какъ *manslaughter* не всегда влекло за собою смертную казнь. Влѣдствіе того ученіе о предумышленіи превратилось въ искуственный пріемъ, съ помощью котораго судьи могли всякій случай смертоубійства признать смертнымъ преступленіемъ. Если они находили, что преступникъ достоинъ висѣлицы, то имъ только стоило сказать, что онъ дѣйствовалъ съ предумышленіемъ. Въ теченіи вѣковъ суды и писатели потратили бездну ума, знанія, искуства, чтобы совладать съ несовершенствами юридической терминологіи и выработать систематическое ученіе объ умыслѣ. Поучительнѣйшая и талантливѣйшая работа по этой части есть „разсужденіе о смертоубійствѣ“ сэра Михаила Фостера, поражающая ловкостью, съ которою авторъ силится доказать, что положительное законодательство англійское объ убійствѣ есть самое разумное и самое гуманное, какое можно себѣ представить. Искуство Фостера въ совокупленіи діалектическихъ пріемовъ судейскихъ съ законодательными можетъ служить превосходнымъ, самымъ блестящимъ образцомъ судейскаго законодательства. Со времени Фостера теорія мэрдера увеличилась въ своемъ объемѣ весьма незначительными приращеніями, но за то накопилось въ судебныхъ рѣшеніяхъ и въ учебныхъ руководствахъ безчисленное множество примѣровъ примѣненія, установившихся общихъ началъ [1]). Я упомяну о тѣхъ только статутахъ, въ которыхъ

[1]) Лучшая обработка этого ученія заключается, въ Mr. *Roscoe*, Digest of evidence in criminal cases. 664—742.

выразилось постепенное развитіе законодательства объ убійствѣ посредствомъ судебныхъ приговоровъ и практики.

Статутомъ 23 Henr. VIII, c. 13 привилегіи духовнаго званія лишены всѣ лица, изобличенныя въ смертоубійствѣ съ злостнымъ предумышленіемъ. По всей вѣроятности этотъ актъ слѣдуетъ признать за начало новаго періода въ исторіи ученія объ убійствѣ, когда понятіе о *murder'ѣ* „какъ о спеціальномъ manslaughter'ѣ, отличающемся тѣмъ, что оно совершаемо было втайнѣ, вышло изъ употребленія и замѣнено посредствомъ судебной практики двухчленнымъ дѣленіемъ убійства на murder и manslaughter.

Въ царствованіе Якова I изданъ былъ актъ, извѣстный подъ именемъ статута о закланіи (statute of Stabbing) (2 Jam., c. 8)[1]) по которому привилегіи духовнаго званія лишены нѣкоторые виды manslaughter'a. Актъ этотъ гласитъ, что „кто заколетъ или пронзитъ лицо или лица, которыя не вынимали оружія и не нанесли никакого удара лицу заколовшему или пронзившему ихъ", тотъ лишается привилегіи духовнаго званія и подвергается смертной казни, какъ за умышленное смертоубійство, если лицо имъ пораженное умретъ въ теченіи шести мѣсяцевъ „хотя бы и не было доказано, что рана нанесена съ злостнымъ предумышленіемъ." Очевидно, что въ то время, когда писался этотъ актъ, ученіе о подразумѣваемомъ предумышленіи не было еще такъ развито какъ теперь, потому что всѣ тѣ случаи, которые перечисляетъ этотъ актъ, безспорно подходятъ подъ нынѣшнее понятіе о мэрдерѣ по обычному праву. Нѣкоторые писатели [2]) утверждаютъ, что этотъ статутъ былъ только объяснительный и не вводилъ ничего новаго, но это толкованіе имѣетъ только цѣлью устранить предположеніе о постепенномъ строеніи ученія объ умыслѣ судами и о несуществованіи его въ то время, когда статутъ былъ изданъ. Несостоятельность этого толкованія обнаруживается вполнѣ сличеніемъ того, что пишетъ объ умыслѣ Кокъ, съ тѣмъ, что пишетъ Фостеръ.

---

[1]) Развитъ 3 C. I c. 4 и 16 C. I c. 4. Отмѣненъ 9 G. IV c. 1.

[2]) Foster, Criminal Law., p. 298.

3. *Mayhem.* Древнѣйшіе законы англійскіе не обращаютъ почти никакого вниманія на тѣлесныя поврежденія. Причиненіе ранъ, не выходящихъ за предѣлы увѣчія, разсматриваемо было скорѣе какъ частное правонарушеніе, нежели какъ уголовное преступленіе, хотя оно и подлежало наказанію какъ проступокъ (misdemeanors) наравнѣ съ большею частью частныхъ правонарушеній по иску какъ короля, такъ и обиженной стороны. Очень долго самыя насильственныя нападенія, сопровождаемыя даже намѣреніемъ убить, не разсматривались какъ фелоніи, за исключеніемъ случая, когда они лишали лицо, подвергшееся нападенію, какого нибудь члена тѣла. Впослѣдствіи, когда ихъ стали разсматривать какъ фелоніи, искъ объ изувѣченіи могъ быть вчинаемъ только въ формѣ аппиля. Гдѣ только Брэктонъ упоминаетъ о мэймѣ, вездѣ онъ упоминаетъ и объ аппилѣ [1]); въ кругъ вѣдомства коронеровъ входило обязывать отвѣтчиковъ являться въ судъ на таковой аппиль. *Maim* и *rape* принадлежатъ къ числу немногихъ фелоній, не наказываемыхъ смертною казнью. *Rape* или изнасилованіе женщины подвергаемо было смертной казни статутами, но обычное право оказывало до послѣднихъ временъ нелѣпую поблажку насилію въ отношеніи къ лицамъ, какъ бы оскорбительно оно ни было, Джонъ Джайльсъ (Giles) былъ изобличенъ въ 1680 г. въ томъ, что покушался на жизнь мисетера Арнольда въ Чэнсери-Лэнъ [2]). Джайльсъ поджидалъ Арнольда, имѣя при себѣ нѣсколько сообщниковъ, сбилъ его съ ногъ, порѣзалъ ему горло и нанесъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ, изъ которыхъ одинъ оставилъ рану въ 7 дюймовъ длины. За это преступленіе Джайльсъ былъ присужденъ Джеффрейсомъ, бывшимъ городскимъ судьею (Recorder) Лондона, къ троекратной выставкѣ на часъ у позорнаго столба, къ уплатѣ 500 фунтовъ стер. штрафа, къ заключенію въ тюрьму до уплаты штрафа и къ представленію залога въ томъ, что будетъ хорошо

---

[1]) Lib. III, ch. 24, fol 145.
[2]) 1 S. T. 1169.

себя вести на будущее время. Замѣтимъ, что въ то же самое время большая кража считалась смертнымъ преступленіемъ.

Это странное снисхожденіе было отчасти послѣдствіемъ одного особаго явленія, которое нельзя не назвать усовершенствованіемъ въ уголовномъ правѣ. Въ древнѣйшія времена преобладало правило: *voluntas reputabitur pro facto* (злой умыселъ равносиленъ злому дѣлу), такъ что доказанное намѣреніе убить или ограбить, судилось наравнѣ съ исполненіемъ. Это правило вело къ непомѣрной жестокости въ приговорахъ, какъ это видно изъ статута объ измѣнѣ, по которому до настоящаго времени для полноты состава преступленія требуется только, чтобы кто нибудь составилъ заговоръ или „задумалъ“ преступленіе и обнаружилъ этотъ умыселъ, какимъ бы то ни было явнымъ дѣломъ. Съ теченіемъ времени само правило вышло изъ употребленія и принято наказывать только за исполненіе. Вслѣдствіе того всѣ преступленія съ наиболѣе злодѣйскими замыслами потеряли свои эквиваленты въ лѣстницѣ наказаній и вошли въ обширный классъ легкихъ проступковъ (misdemeanors).

Однако отъ времени до времени учащались нѣкоторые виды тѣлесныхъ поврежденій, которые по своей свирѣпости обращали на себя вниманіе и запрещаемы были подъ угрозою особыхъ наказаній, посредствомъ особыхъ актовъ парламента. Таковъ очень извѣстный Coventry Act (23 Char II, c. 1), по которому признано фелоніею, когда кто „намѣренно и съ злобнымъ предумышленіемъ и кроясь въ засадѣ, противузаконно, отрѣжетъ кому языкъ или выколетъ глазъ, или зарубитъ носъ, или отрѣжетъ губы, или приведетъ въ бездѣйствіе какой либо удъ или членъ“ съ намѣреніемъ изувѣчить или обезобразить лицо, подвергающееся нападенію. Нѣкто Кокъ [1]), судимый по обвиненію, основанному на этомъ статутѣ, защищалъ себя въ судѣ тѣмъ, что имѣлъ намѣреніе убить, а не обезобразить. Лордъ главный судья Кингъ объяснялъ по этому

[1]) 16 S. T. 53.

дѣлу присяжнымъ: что они должны рѣшить, заключается ли въ намѣреніи убить намѣреніе обезобразить какъ средство для достиженія главной цѣли убійства. Другой примѣръ такой же законодательной дѣятельности представляетъ, такъ называемый *Черный Актъ* (Black Act), направленный противу шаекъ лѣсныхъ воровъ, охотящихся за чужою дичью, которые мазали себѣ сажею лица и называемы были уальтгэмскими черными молодцами (Waltham Blacks). Кромѣ того, изданы еще нѣкоторые меньшей важности акты, которые консолидированы (сведены въ одинъ уставъ) актомъ 9 Geor. IV, c. 31, который въ свою очередь замѣненъ актомъ 24 и 25 Vict., c. 100.

Отмѣтки, на поляхъ послѣдняго и самаго обширнаго изъ этихъ уставовъ, поясняютъ очень хорошо несистематичность англійскаго законодательства и его мозаикообразной укладъ. Этотъ актъ наказываетъ:

1) *Murder* (убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ).

2) Заговоръ на убійство и подстреканіе къ нему.

3) *Manslaughter* (убійство безъ предумышленія).

4) Отравленіе или нанесеніе ранъ и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій съ намѣреніемъ убить кого либо.

5) Разрушеніе или поврежденіе строенія взрывомъ пороха или инаго удобовоспламеняющагося вещества съ намѣреніемъ убить кого либо.

6) Поджегъ или потопленіе корабля съ намѣреніемъ убить кого либо.

7) Покушеніе на отравленіе или стрѣляніе въ кого либо, или покушеніе на стрѣляніе, или покушеніе на утопленіе съ намѣреніемъ убить кого либо.

8) Покушеніе иными какими либо средствами на убійство.

За всѣ послѣдніе пять пунктовъ (4 — 8), принадлежащіе къ числу покушеній на убійство, полагается одно и тоже наказаніе. Всѣ эти дѣленія весьма характеристичны и очень поучительны; они показываютъ, посредствомъ какихъ приращеній и прибавокъ

законодательство вырабатывалось постепенно, пока оно не приняло теперешній свой видъ, но гораздо проще было бы слить всѣ пять пунктовъ въ одинъ и постановить разъ навсегда, что всякій, покушающійся какими бы то ни было средствами на жизнь другаго лица, долженъ подлежать такому-то наказанію.

Точно такимъ же образомъ мелкими кусочками и отрывками опредѣлены и другіе виды тѣлесныхъ поврежденій.

4. *Arson.* Опредѣленіе зажигательства возникло и развилось такимъ же образомъ какъ и все ученіе о поврежденіяхъ тѣлесныхъ. Брэктонъ даетъ о преступленіи самое общее понятіе, но постепенно, смотря по обстоятельствамъ разные статуты положили разныя наказанія за особенные случаи зажигательства. Всѣ эти случаи просмотрѣны и консолидированы актомъ 24 и 25 Vict., с. 97. Одно оглавленіе отдѣльныхъ пунктовъ этого акта достаточно для того, чтобы вполнѣ уразумѣть его характеръ. Имъ воспрещаются:

1) Поджегъ церкви или часовни.

2) Поджегъ обитаемаго строенія, когда въ немъ находятся люди.

3) Поджегъ дома, амбара, фабрики, фермы.

4) Поджегъ станціи желѣзной дороги.

5) Поджегъ общественнаго зданія.

6) Поджегъ всякаго инаго строенія.

Дробность этихъ постановленій просто смѣшна; какъ смѣшенъ бы былъ актъ, въ которомъ бы законодатель, воспрещая нанесеніе удара рукою вообще, подраздѣлилъ этотъ запретъ на 10 пунктовъ по числу пальцевъ на обѣихъ рукахъ и въ каждомъ пунктѣ говорилъ о какомъ либо одномъ изъ этихъ пальцевъ.

5. *Rape.* Нѣтъ надобности излагать подробно исторію преступленій противу цѣломудрія женщинъ, потому что они довольно просты и однообразны при всякихъ условіяхъ, при всевозможныхъ обстоятельствахъ времени и мѣста.

6. *Theft.* Исторія законодательства о кражѣ есть, можетъ быть, самый характеристическій образчикъ развитія уголовнаго

права въ Англіи. Въ ней обрисовываются превосходно всѣ хитросплетенія, вытекающія изъ совмѣстнаго дѣйствованія двухъ производителей: судей, пользующихся извѣстною ограниченною законодательною властью, когда того требуютъ особенности разбираемыхъ ими дѣлъ, на основаніи вымысла юридическаго, который состоитъ въ томъ, будто бы судьи были хранители обширной системы обычнаго права, приложимой къ какимъ угодно случаямъ; и парламента, пользующагося полною законодательною властью, но признающаго обязанность уважать общія начала обычнаго права и издающаго отъ времени до времени только частныя узаконенія по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ.

Предлагаемый нами историческій очеркъ законовъ о кражѣ весьма неполонъ, но въ сущности онъ вѣренъ и можетъ служить хорошимъ примѣромъ, поясняющимъ ходъ развитія современной системы. Первое опредѣленіе кражи мы встрѣчаемъ у Брэктона; оно состоитъ въ слѣдующемъ: furtum est cecundum leges contrectatio rei alienie fraudulenta cum animo furanda invito illo domino cujus res ista fuerit. Это опредѣленіе взято цѣликомъ изъ римскаго права, но переиначено и исковеркано. Римское право гласитъ (Inst. IV, tit. 1 [1]): furtum est contrectatio rei fraudulosa vel ipsius rei vel etram usus ejus possessionisve, quod lege naturali prohibitum est admittere. Брэктонъ передаетъ грубо и неискусно, но рѣзко и сильно, одинъ только самопростѣйшій видъ кражи, а именно похищеніе чужой движимости, находящейся въ дѣйствительномъ владѣніи другаго лица.

Во времена Брэктона собственность личная существовала въ однѣхъ только простѣйшихъ своихъ формахъ. Движимости, которыя онъ имѣетъ въ виду, это скотъ, земледѣльческіе продукты и домашняя рухлядь. Есть данныя, на основаніи коихъ можно себѣ представить почти наглядно, какъ простъ долженъ былъ быть въ ту эпоху вопросъ о кражѣ. Въ царствованіе Эдуарда I (29 Edw.

[1]) 1 Rot. Par. 243; см. также *Lingard*, Hist. Eng. (12 mo), p. 130.

I) совершена была люстрація въ Кольчестерѣ и четырехъ прилегающихъ къ нему мѣстечкахъ, съ цѣлью обложить жителей податью въ 15-ю долю дохода. Въ описи люстраціи внесены всѣ вещи, принадлежащія каждому изъ облагаемыхъ податью: горшки, кострюли, настольныя чаши, скатерти, четверти ржи и ячменя, волы, телята, свиньи. Количество монеты у жителей весьма малое, въ особенности если принять въ соображеніе, что тогда не было банковъ и, что слѣдовательно, всякій человѣкъ имѣлъ только тѣ деньги, которыя были у него въ кошелькѣ. Самые большіе денежные капиталы, которые мнѣ удалось подмѣтить въ этихъ описяхъ, доходятъ у одного изъ жителей до 30 шиллинговъ, у другаго до 10. По цѣнности, которую представляли въ то время эти суммы сравнительно съ теперешними условіями денежнаго обращенія, я бы могъ сказать, что первая сумма соотвѣтствовала бы нынѣ 37 фунтамъ стерлинговъ и 10 sh., а вторая 12 ф. ст. 10 [1]). Очевидно, что при такомъ убожествѣ и скудости частной собственности, преступленія противу нея должны были быть простыя. Единственный способъ лишить сосѣда собственности его, состоялъ въ захватѣ этой собственности и въ обращенія ея захватчикомъ на свои нужды.

Первое ограниченіе, сдѣланное въ простомъ описаніи кражи Брэктономъ, относилось къ вопросу, что можетъ быть ея предметомъ. Въ царствованіе Эдуарда III [2]), найдено, что нельзя обвинять человѣка уголовнымъ порядкомъ въ кражѣ, за то, что онъ срубилъ и увезъ деревья, потому что деревья составляютъ принадлежность почвы, кража же есть похищеніе вещи не только чужой, но еще движимой и тѣлесной („moveable corporal“ — по Брэктону). Эта тонкость высказана въ зерцалѣ (The Mirror), въ отрывкѣ, который имѣетъ отчасти только юридическій, а болѣе риторическій характеръ [3]). Впрочемъ, этотъ отрывокъ содѣйствовалъ

---

[1]) 3 Hallam, Middle Ages, p. 369.

[2]) Chap. I sec. I p. 318.

[3]) Rec. Eng. Law, p. 122.

точнѣйшему опредѣленію понятія кражи, такъ какъ чрезъ него уяснилось, что кража можетъ имѣть предметомъ только вещи принадлежащія къ извѣстной категоріи. Дѣло о порубкѣ деревьевъ было первое въ своемъ родѣ; за нимъ пошли и другія. При Эдуардѣ IV ученіе о кражѣ сдѣлало новый шагъ впередъ [1]). Нѣкто укралъ ящикъ съ документами; судьи нашли, что документы суть недвижимая собственность, если они относятся къ поземельной собственности, и что самъ ящикъ долженъ быть вмѣстѣ съ ними причисленъ къ классу вещей недвижимыхъ.

Эти рѣшенія проторили дорогу для гораздо важнѣйшаго ученія о владѣніи, выработавшагося въ это же царствованіе [2]). Въ первичномъ состояніи общества личная собственность имѣетъ весьма незначительную цѣнность. Личная собственность, какая существовала въ то время, на столько была полезна собственнику, на сколько онъ имѣлъ возможность держать ее и передвигать по своему произволу, такъ что похищеніе ее руками было единственнымъ путемъ на практикѣ, которымъ собственникъ могъ быть лишенъ своей собственности. Понятно, почему въ опредѣленіи кражи вошли слова *взятіе* и *унесеніе* (tooking and carrying), а такъ какъ недвижимости не могли быть уносимы, то законодательство и объявило, что предметами кражи не могутъ быть вещи по той или другой причинѣ причисляемыя къ разряду недвижимостей. Что касается до вещей, могущихъ быть предметами кражи, то кража ихъ обусловлена тѣмъ, чтобы онѣ были похищены изъ владѣнія (т. е. изъ тѣлеснаго ими обладанія собственника). Во время оно въ немногихъ только случаяхъ собственникъ выпускалъ свои вещи изъ своего владѣнія; это онъ дѣлалъ или когда питалъ къ кому нибудь особенное довѣріе, или когда хотѣлъ оказать ему услугу. Никто не разставался охотно съ своею лошадью, своимъ оружьемъ, своею утварью, развѣ отдавалъ ихъ положительно въ займы; при та-

---

[1]) 3 Bee. Hist., p. 411.

[2]) Bee., тамъ же.

кихъ отношеніяхъ едвали можно было смотрѣть какъ на вора, на лицо, взявшее вещь въ займы, въ наемъ или на подержаніе и, или забывающее, или уклоняющееся, или на прямикъ, отказывающееся возвратить эту вещь. Нельзя было уловить моментъ, въ который бы совершалось превращеніе должника въ вора; нельзя было уловить дѣйствіе, къ которому бы можно было прикрѣпить названіе кражи. Съ развитіемъ торговли обнаружилось, что бываютъ случаи, которые подходятъ подъ опредѣленіе кражи, хотя они не имѣлись въ виду при составленіи этого опредѣленія. Извощикъ, которому поручена была доставка товаровъ, взломалъ ящики и похитилъ заключавшіеся въ нихъ товары. Этотъ случай встрѣтился при королѣ Эдуардѣ IV [1]) и былъ весьма тщательно разбираемъ и въ звѣздной палатѣ и въ палатѣ шахматной доски. Судьи пришли наконецъ къ тому заключенію, что присвоеніе себѣ извощикомъ ящиковъ не было кражею, а только нарушеніемъ оказаннаго ему довѣрія, но что взломъ ящиковъ и похищеніе оттуда товаровъ слѣдуетъ считать кражею, потому что на эти дѣйствія извощикъ не имѣлъ никакого уполномочія по договору, заключенному имъ съ товаровладѣльцемъ.

Этотъ приговоръ и другіе, за нимъ послѣдовавшіе, утвердили начало, что кража обусловливается похищеніемъ движимостей изъ владѣнія собственника, что повело къ весьма страннымъ послѣдствіямъ. Гдѣ не было владѣнія, тамъ не могло быть и кражи, но есть одинъ видъ собственности, возрастающій непрерывно въ громадныхъ размѣрахъ, который отличается тѣмъ, что онъ не находится во владѣніи собственника; таковы: долги на другихъ лицахъ, деньги слѣдующіе по счету и пр. Эти предметы получили наименованіе *choses in action* и принято за общее правило, что *chose in action* не можетъ быть предметомъ кражи. Документы на полученіе *choses in action*, каковы: заемныя письма, векселя, росписки, счеты признаны имѣющими тотъ же характеръ какъ и самыя *choses in*

[1]) 3 Ree. Eng. Law. 410.

action, слѣдовательно такими, въ отношеніи къ коимъ кража не мыслима.

Неудобства этого изобрѣтенія очевидны; весьма замѣчательны мѣры предпринятыя законодательствомъ для избѣжанія этихъ неудобствъ. И начала обычно права, и странное опредѣленіе относящееся къ *choses in action* и появившееся въ промежуткѣ времени отъ Брэктона до Кока, считаемы были неприкосновенными. По всему видно, что парламентъ былъ твердо убѣжденъ, что преступленія существуютъ сами по себѣ, а опредѣленія ихъ также сами по себѣ, и что исправить актомъ парламента уродливое опредѣленіе юридической практики было бы столь же неприлично и ни съ чѣмъ несообразно, какъ и то, если бы парламентъ пытался посредствомъ своихъ актовъ заправлять силами природы. Парламентъ не рѣшился вступиться въ теорію обычнаго права о кражѣ, но довольствовался дополнительными постановленіями, относящимися къ случаямъ, которые не подходятъ подъ обычное право, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени матерія самая простая до того запуталась, что едва найдется человѣкъ, который бы что нибудь понималъ въ этомъ омутѣ.

Прослѣдимъ главные моменты этого усложненія и запутыванія теоріи о кражѣ. Вслѣдствіе вышеприведенныхъ нами рѣшеній служители стали часто и безнаказанно обкрадывать своихъ господъ, похищая у нихъ драгоцѣнности, деньги и проч. Для укрощенія ихъ изданъ законъ (21 Henr. VIII, c. 7), которымъ постановлено, что похищеніе или обращеніе въ свою пользу слугами „ящиковъ, драгоцѣнностей, денегъ, вещей или рухляди“, отданныхъ имъ на храненіе господами, есть фелонія. Этотъ статутъ основывался на нѣкоторыхъ тонкихъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ владѣніе вещью слуги предполагалось при извѣстныхъ условіяхъ владѣніемъ господина, такимъ образомъ, что по смыслу закона слуга, обращающій вещи господина въ свою пользу, беретъ ихъ изъ своего владѣнія, какъ изъ владѣнія служительскаго, которое въ сущности есть ничто иное какъ владѣніе господское и обращаетъ ихъ въ свое

собственное владѣніе воровское, что составляетъ фелонію. Этотъ статутъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ практики въ теченіи двухсотъ лѣтъ и только былъ дополненъ немногими спеціальными актами парламента, обратившими въ фелонію нѣкоторыя злоупотребленія чиновъ почтоваго вѣдомства и англійскаго банка, въ отношеніи къ собственности установленій, въ которыхъ они состоятъ на службѣ.

Наконецъ, однако, случилось въ 1799 году, что судъ освободилъ отъ наказанія за фелонію прикащика (клерка) банкирскаго, положившаго себѣ въ карманъ банковый билетъ, который представленъ былъ въ банкирскую контору однимъ изъ частныхъ плательщиковъ [1]). Этотъ случай далъ поводъ къ изданію акта (39 Georg. III, c. 85), по которому постановлено, что если слуга, дѣйствуя въ качествѣ слуги приметъ въ свое владѣніе вещь отъ имени своего господина и потомъ эту вещь злонамѣренно себѣ присвоитъ (embezzle), то судъ долженъ предполагать, что онъ эту вещь укралъ. Этотъ статутъ породилъ многія затрудненія на практикѣ; иногда трудно было рѣшить, составляетъ ли извѣстное дѣйствіе, названное въ обвинительномъ актѣ *присвоеніемъ* (embezzlement), настоящее присвоеніе или кражу. Бывали частые примѣры явныхъ воровъ освобождаемыхъ отъ суда, потому что въ обвинительномъ актѣ они названы были присвоителями чужой собственности, и наоборотъ, примѣры присвоителей освобождаемыхъ потому, что въ обвинительномъ актѣ они обвинялись въ кражѣ. Эта путаница продолжалась до 1851 г., когда изданъ былъ статутъ (14 и 15 Vict., c. 100), который устранилъ положительно эти промахи на будущее время, постановляя (s. 13), что если окажется, что судимый за кражу виновенъ въ присвоеніи чужой собственности, то онъ долженъ быть наказанъ какъ за присвоеніе, а если судимый за присвоеніе окажется виновнымъ въ кражѣ, то онъ долженъ быть наказанъ какъ за кражу. Это узаконеніе замѣнено и исправ-

[1]) Дѣло Bazeley 2 Leach, 835.

лено статутомъ 24 и 25 Vict., c. 96, s. 72., имѣющимъ нынѣ обязательную силу. Съ перваго взгляда кажется, какъ будто бы этими актами рѣшены всѣ спорные вопросы, но въ сущности затрудненія не обойдены а только перемѣщены, потому что какъ ни названо преступленіе, кражею или присвоеніемъ, преступникъ долженъ быть наказанъ только за то преступленіе именно, которое онъ совершилъ въ самомъ дѣлѣ. Слѣдовательно, если судья скажетъ присяжнымъ, что въ данномъ случаѣ преступникъ совершилъ присвоеніе, вслѣдствіе чего они и осудятъ его за присвоеніе, между тѣмъ окажется, что судья долженъ былъ назвать преступленіе кражею и присяжные должны были осудить преступника за кражу, то таковой приговоръ неправиленъ и подлежитъ уничтоженію. И такъ трудная обязанность сказать: составляетъ ли данное дѣйствіе кражу или присвоеніе, сложена только съ лица составляющаго обвинительный актъ и перенесена на судью, руководящаго судоговореніемъ.

Эти узаконенія оставляли однако ненаказуемымъ цѣлый обширный классъ правонарушеній. Съ теченіемъ времени оказалось, что значительныя денежныя чужія суммы накопляются въ рукахъ у людей, которыхъ нельзя было признать ни домашними слугами, ни чинами банка или почтоваго вѣдомства, ни прикащиками. Общій уровень нравственности такихъ лицъ, располагающихъ чужими деньгами, былъ, должно быть, довольно высокъ, что можно заключить изъ того, что ихъ продѣлки и злоупотребленія не обращали на себя вниманія законодательной власти въ теченіи весьма долгаго времени, до 1812 года[1]). Въ этомъ году нѣкто Беньяминъ Уэльшъ маклеръ судимъ былъ въ Ольдъ Бэйли за похищеніе 11,500 ф. стер. у Томаса Плюмера, происходящихъ отъ продажи чека, который былъ данъ ему Плюмеромъ съ тѣмъ, чтобы онъ на всю сумму чека купилъ билетовъ государственнаго казначейства (exchequer bills). Судьи нашли, „что Уэльшъ не можетъ быть подвергнутъ

[1]) R. v. Walsh, Leach, Cr. Law, 1054.

наказанію, потому что онъ не склонилъ Плюмера обманомъ къ дачѣ ему чека, что чекъ не подходитъ подъ понятіе движимыхъ вещей и не имѣлъ въ рукахъ у Плюмера никакой цѣнности, что Плюмеръ не вошелъ во владѣніе деньгами, которыя Уэльшъ получилъ отъ банкировъ и посему эти деньги не могутъ быть названы его деньгами, что банкиры освободились отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи къ Уэльшу, уплачивая деньги по чеку, такъ что дѣйствіе Плюмера для нихъ безубыточно и нельзя сказать, чтобы деньги были украдены у нихъ". Это дѣло послужило поводомъ къ изданію статута 52 Georg. III, c. 63, s. 1., который вошелъ въ составъ статута 7 и 8 Georg. IV, c. 29., замѣненнаго нынѣ дѣйствующимъ статутомъ 24 и 25 Vict., c. 96, s. 75, 76, 77. Эти статуты постановляютъ, что если какія либо деньги или кредитивы (security) довѣрены будутъ банкиру, купцу, маклеру, атторнею или иному агенту, съ письменнымъ наставленіемъ о томъ, чтобы онъ обратилъ означенныя деньги или тѣ, которыя выручены будутъ по кредитиву, на опредѣленную какую либо цѣль, онъ же, впротивность данному наставленію и съ нарушеніемъ оказаннаго ему довѣрія, обратитъ эти деньги, или этотъ кредитивъ, или деньги вырученныя по кредитиву въ свою собственную пользу, то онъ долженъ подлежать отвѣтственности. Эти статуты упускаютъ изъ виду и оставляютъ безъ наказанія всѣ мошенническія нарушенія довѣрія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя учинены банкирами, купцами, маклерами, атторнеями и иными агентами, дѣйствующими противно даннымъ имъ письменно инструкціямъ.

Была сдѣлана попытка исправить этотъ пропускъ. Актъ парламента 20 и 21 Vict., c. 54, замѣненный потомъ актомъ 24 и 25 Vict., c. 96 s. 3, полагающій наказанія за различныя мошенничества, постановляетъ между прочимъ (s. 4), что въ случаѣ если извѣстное лицо, взявъ на сохраненіе извѣстную вещь, возьметъ ее злоумышленно или обратитъ въ свою собственную пользу или въ пользу какого нибудь инаго лица, кромѣ собственника, хотя бы оно и не взломало хранилища, въ которомъ содержится поклажа, то

оно должно быть считаемо виновнымъ въ кражѣ. Казалось бы, что этотъ актъ ставитъ подъ наказаніе всевозможныя уголовныя злоупотребленія довѣрія, но выходитъ иначе на дѣлѣ. Священникъ, бывшій казначеемъ извѣстной миссіи, присвоилъ себѣ деньги миссіи, которыя онъ долженъ былъ представить въ центральное управленіе миссіонерствующаго общества [1]). Повѣренный коммерческаго дома, посланный въ банкъ для внесенія туда 40 ф. стерл., бѣжалъ съ этими деньгами [2]). Въ обоихъ этихъ случаяхъ суды нашли, что подсудимые не подлежатъ дѣйствію акта, потому что не бывъ обязаны внести въ центральное управленіе или въ банкъ тѣ самыя штуки монеты, которыя они употребили въ свою пользу, они не могутъ считаться принимателями вещей на сохраненіе (bailies). Иные спорные вопросы возникли изъ ss. 80 и 81 Larceny Akt'a [3]) относительно повѣренныхъ, но мы считаемъ излишнимъ излагать ихъ.

Ученіе о томъ, что можетъ быть предметомъ кражи, значительно измѣнено законодательствомъ. Не беремся за скучный перечень относящихся къ этому предмету статутовъ, скажемъ только, что этотъ вопросъ рѣшается нынѣ на основаніи акта 24 и 25 Vict., c. 96, изъемлющаго изъ общаго правила, что недвижимая собственность не можетъ быть предметомъ кражи, всѣ принадлежности недвижимой собственности, какъ-то: части строенія, деревья, ограды, растенія и минералы; и изъемлющаго изъ общаго правила, что *choses in action* не могутъ быть предметами кражи, всякую chose in action, о кражѣ которой возникали когда нибудь дѣла въ судахъ или которая пришла на умъ редактору статей статута. Такимъ образомъ одна статья s. 27 говоритъ о всякомъ документѣ, на цѣнность, кромѣ удостовѣряющихъ права на поземельную собственность; а другая статья s. 28, о всякомъ документѣ на поземельную собственность или на какія либо ея части.

---

[1]) R. v. Garrett, 8. Cox. C. C. 368.

[2]) R. v. Hassal, 1 Leigh et Cave, 58.

[3]) R. v. Fletcher, 1 Leigh et Cave, 180.

Нынѣшняя система законовъ о кражѣ можетъ быть изображена вкратцѣ слѣдующими чертами:

Кража обусловливается нахожденіемъ похищаемой вещи въ чьемъ либо настоящемъ владѣніи. Изъ сего изъемлются однако нѣкоторые классы кредитныхъ знаковъ цѣнностей или *choses in action*, спеціально поименованные статутами. Эти предметы перечисляемые въ 1, 27 и 28 статьяхъ (sections) акта 24 и 25 Vict., с. 96. Въ числѣ ихъ помѣщаются и тѣ choses in action, которыя встрѣчаются всего чаще на практикѣ.

Во вторыхъ, кража обусловливается похищеніемъ вещи изъ владѣнія собственника. Это правило не относится къ деньгамъ, полученнымъ клерками и служителями и присвоеннымъ себѣ этими лицами; оно не относится къ деньгамъ или кредитнымъ знакамъ довѣреннымъ банкиру, купцу, маклеру, атторнею или иному агенту на сохраненіе или для обращенія ихъ по письменному наставленію на какую либо цѣль; оно не относится къ собственности, присвоенной злоумышленно лицами, взявшими ее на сохраненіе и обращенной этими лицами въ свою пользу или въ пользу третьихъ лицъ, хотя бы и безъ взлома; оно не относится также къ вещамъ растраченнымъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ повѣренными. Внѣ этихъ исключеній общее правило имѣетъ полную силу; впрочемъ владѣніе котораго оно требуетъ можетъ быть не только дѣйствительное, но и фиктивное, воображаемое; чрезъ эту форточку судебная доктрина подводитъ подъ кражу весьма многіе случаи.

Хотя широкія изъятья введены въ общее правило обычнаго права и хотя оно такимъ образомъ значительно дополнено съ теченіемъ времени, однако его постановленія остаются въ силѣ и по каждому отдѣльному случаю надобно доказывать спеціально, что къ нему должно быть примѣнено такое-то изъятіе или такое-то дополненіе. Посягательство на чужую собственность тогда только наказуемо, когда оно подходитъ подъ форму или простой кражи (larceny), или присвоенія (embezzlement), или кражи учиненной принявшимъ вещь на сохраненіе (larceny by a bailie), или зло-

умышленнаго обращенія ея въ свою пользу банкиромъ, повѣреннымъ, вообще когда оно учинено при обстоятельствахъ именно указанныхъ статутами и когда оно правильно изображено въ обвинительномъ актѣ. Послѣднее изъ этихъ требованій не отмѣняется вслѣдствіе предоставленія судьямъ власти исправлять обвинительный актъ при оцѣнкѣ фактовъ, потому что если судьи неправильно назовутъ преступленіе въ приговорѣ, то ихъ приговоръ долженъ подлежать кассаціи.

7. *Misdemeanor.* Исторія законовъ о misdemeanors въ такой же степени интересна и характеристична, какъ и исторія законовъ о кражѣ. На первый взглядъ ничего нельзя разобрать въ вопросѣ о различіи между misdemeanors и felonies. Если основаніе дѣленія заключается въ тяжести наказанія, почему же присвоеніе чужой собственности и двоеженство принадлежатъ къ одному классу, а вымогательство и клятвопреступленіе къ другому? Если дѣленіе основано на тяжести наказанія и на подсудности, то почему же признающіеся въ фелоніи могутъ быть судимы полицейскимъ судьею, между тѣмъ какъ палата коммонеровъ предаетъ суду виновныхъ въ high crimes and misdemeanors?

Нынѣ дѣленіе это не имѣетъ, безъ сомнѣнія, никакого смысла, но можно догадываться, откуда оно произошло. Кажется, что въ началѣ дѣленіе основано было на томъ, что нѣкоторыя правонарушенія считаемы были столь частыми и важными, что самъ король ихъ розыскивалъ въ видахъ общественнаго блага, иныя же разсматривались и преслѣдовались какъ обиды частныя, по иску короля или лицъ дѣйствующихъ именемъ королевскимъ. Тяжесть преступленія и учащеніе повтореній были первоначальною причиною дѣленія, но дѣленіе выражалось въ формѣ процессуальной. Брэктонъ говоритъ очень ясно [1]): Nunc autem dicendum est de minoribus et levioribus criminibus *quae civiliter intentantur, sicut de actionibus injuriarum personalibus*, et pertinent ad co-

[1]) Lib III, c. 36., fol 135.

ronam eo quod aliquando sunt contra pacem domini regis. Эти „minora et leviora crimina“ были вѣроятно корнемъ, изъ котораго выросли потомъ misdemeanors. Хотя misdemeanors наказывались весьма строго наказаніемъ именуемымъ *praemunire* и состоящимъ въ вѣчномъ заключеніи и конфискаціи всего имущества или въ жестокихъ изувѣчивающихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, сопровождаемыхъ раззорительными штрафами, однако съ технической точки зрѣнія они разсматривались только какъ частное нарушеніе подданными правъ короны. Этотъ взглядъ сохранился въ формулахъ присяги, даваемыхъ присяжными въ дѣлахъ фелоніяхъ, и въ дѣлахъ о мисдеминорахъ. Формула присяги по дѣламъ о фелоніи гласитъ: „Вы должны судить, и правдиво рѣшить и *правдиво освобожденіе учинить* (true deliverance make), по дѣлу между нашею государынею королевою и подсудимымъ (prisoner), стоящимъ у рѣшетки, который обвиненъ (having the prisoner in charge); и вы должны дать правдивый вердиктъ согласный съ доказательствами“. Формула присяги въ дѣлахъ о мисдеминорахъ гласитъ: „вы должны судить и правдиво рѣшить споръ, возникшій (issue joined) между нашею Государынею Королевою и отвѣтчикомъ (defendant)“... Выраженія „having the prisoner in charge“, и make deliverance“ очевидно восходятъ къ той эпохѣ, когда присяжные были въ одно и то же время судьями и свидѣтелями, которые показывали о винѣ или невинности подсудимаго по собственнымъ своимъ о томъ свѣдѣніямъ. Слова же „issue joined“ и „defendant“ вмѣсто „prisoner at the bar“ идутъ только къ обыкновенной гражданской тяжбѣ.

Различіе между felony и misdemeanor подходитъ весьма близко къ старинному и почти повсемѣстно употреблявшемуся различію между преступленіями (crimes) и частными неправдами (delits or torts [1]), то есть между зломъ причиненнымъ обществу и зломъ причиненнымъ частнымъ лицамъ. Обвиненія въ мисдеминорѣ

[1]) *Maine*, Ancient Law, 370.

почти тоже самое, что искъ о частной неправдѣ, вчинаемый самою Королевою и клонящійся не ко взысканію убытковъ, но къ наказанію отвѣтчика. Въ сущности, судя по наказанію, нѣтъ никакого почти раціональнаго различія между статутовыми мисдеминорами и фелоніями, но вопросъ: что значитъ misdemeanor по обычному праву? не допускаетъ никакого отвѣта, кромѣ того что misdemeanor есть частная неправда преслѣдуемая короною.

Дабы показать всю важность опредѣленія, надобно сказать нѣсколько словъ о частныхъ неправдахъ (torts), какъ о предметахъ гражданскихъ исковъ. Одинъ писитель, изучавшій этотъ вопросъ старательно и съ большимъ знаніемъ, выражается о немъ слѣдующимъ образомъ [1]): „частная неправда (torts) на языкѣ статутовъ обозначаетъ зло причиненное кому либо, не касающееся обязательствъ по договору. Оно вмѣщаетъ въ себѣ понятіе если не нарушенія закона, то по крайней мѣрѣ нарушенія или отрицанія чьего либо юридическаго права или нарушенія юридической обязанности“. Потомъ онъ исчисляетъ разные виды неправдъ, вытекающіе или изъ посягательства на чье либо право, или изъ неисполненія обязанности общественной или частной, возлагаемой статутами, или обычнымъ правомъ. Важнѣйшія изъ этихъ неправдъ суть: нападенія на чужую личность, на чужую честь и на чужое имущество и пр., побои, письменныя обиды, противузаконное задержаніе и заключеніе, захватъ чужихъ движимостей и т. п. Частная неправда есть самое общеупотребительнѣйшее изъ выраженій и вмѣщаетъ въ себѣ множество дѣйствій, не укладывающихся въ рамки ни одного болѣе строгаго опредѣленія.

Тоже почти опредѣленіе съ малыми измѣненіями можетъ быть примѣнено къ misdemeanors. В. Руссель говоритъ: [2]) „слово misdemeanors въ обыкновенномъ его смыслѣ примѣняется ко всѣмъ обидамъ, которымъ законъ не даетъ особаго названія“. По-

---

[1]) Broom's Commentaries 658 — 849.

[2]) Russ. on Crimes, 45.

томъ онъ предлагаетъ нѣсколько частныхъ примѣровъ, и называетъ мисдеминорами всѣ возмущенія спокойствія, всѣ угнетенія и притѣсненія, чинимыя должностными лицами. Потомъ онъ присовокупляетъ: „кажется можно признать за правило, что мисдеминоромъ по обычному праву считается все то, что явно оскорбляетъ приличіе, и общественную нравственность. Можно вообще принять за достовѣрное, что когда какой нибудь статутъ воспрещаетъ извѣстное дѣйствіе, могущее служить помѣхою свободѣ или безопасности чьей нибудь, или предписываетъ какую нибудь повинность въ видахъ общественной пользы, на пр. поправку мостовыхъ на городскихъ улицахъ, то нарушитель такого статута долженъ быть признанъ виновнымъ въ мисдеминорѣ".

Сличеніе представляемыхъ нами выдержекъ приводить къ заключенію, что есть большое сходство между torts и misdemeanors. Оба эти класса вмѣщаютъ въ себѣ нарушенія обязанностей, устанавливаемыхъ статутовымъ или обычнымъ правомъ; оба класса состоятъ изъ дѣйствій, относимыхъ къ нимъ потому только, что они не могутъ быть помѣщены въ другихъ классахъ правонарушеній, ниже пріурочены къ фелоніямъ. Оба эти класса заключаютъ въ себѣ почти однѣ и тѣ же составныя части; начала, по которымъ то или другое дѣйствіе должно быть по качеству своему причислено къ которому нибудь изъ этихъ классовъ, почти совершенно одинаковы, они различаются только по свойствамъ лица, которое служитъ предметомъ правонарушенія. Это различіе можно довольно точно выразить слѣдующимъ образомъ: То же дѣйствіе, которое считается *tort*, когда предметомъ его есть частное лицо, будетъ *misdemeanor*, когда оно направлено противу общества.

Исторія законовъ о misdemeanors соотвѣтствуетъ вполнѣ выведенному, нами опредѣленію этого класса преступленій. Вчинаніе исковъ по мисдиминорамъ, служило всегда орудіемъ усиленія верховной власти и приводило иногда правительство, а иногда и всю судебную администрацію въ столкновеніе съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Не подлежитъ спору что, когда какая нибудь

сила добивается власти надъ людьми на основаніи общихъ отвлеченныхъ началъ, которыя не выражаются вполнѣ опредѣлительно, вполнѣ систематически, то является обширная промежуточная спорная область отношеній, въ которой и не разберешь порядкомъ, что законно и что незаконно? Такъ какъ въ Англіи признавалось всегда то правило, что каковъ ни есть законъ, но нѣтъ ничего выше его, то эти иски о misdemeanors были въ рукахъ правительства естественнымъ и даже единственнымъ возможнымъ способомъ констатированія отъ времени до времени правъ своихъ. Это утвержденіе и осуществленіе правъ короны посредствомъ исковъ о misdemeanors совершалось иногда полюбовно, иногда вооруженною рукою; корона иногда одерживала верхъ, а иногда проигрывала; порою ея успѣхъ, а порою и ея неудача оказывались благодѣтельными для общества, во всякомъ случаѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ единственный конституціонный путь, представляемый закономъ коронѣ для поддержанія правъ ея, былъ одинъ и тотъ же, а именно путь исковъ о misdemeanors.

Правда что повременамъ, въ самыя смутныя эпохи англійской исторіи, вмѣсто этого законнаго конституціоннаго образа дѣйствія, избираемы были другіе пути и мѣры. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Генриха VIII множество дѣйствій, противныхъ видамъ правительства, которыя въ другое болѣе спокойное время были бы преслѣдуемы какъ misdemeanors, объявлены государственною измѣною или фелоніею, но подобныя суровыя законоположенія существовали недолго и исчезали скоро съ измѣненіемъ политическихъ, вызвавшихъ ихъ обстоятельствъ, такъ что можно сказать, что они не въ состояніи поколебать общее правило, что misdemeanors для короны тоже самое, что искъ гражданскій о правонарушеніи для частныхъ лицъ. Постараюсь представить нѣсколько примѣровъ, объясняющихъ какъ производились дѣла о мисдиминорахъ въ разные періоды англійской исторіи.

Начиная съ Генриха III до вступленія на престолъ Генриха VII важнѣйшіе изъ мисдиминоровъ вѣдаемы были спеціально осо-

бымъ установленіемъ, котораго устройство не вполнѣ еще объяснено, которое называлось обыкновенною думою короля (King's ordinary Council) и было предшественникомъ звѣздной палаты. Этотъ чрезвычайный судъ разсматривалъ дѣла, по которымъ, по словамъ Галлэма, „отправленіе правосудія обыкновеннымъ порядкомъ до того было затрудняемо вліяніями, насильственными дѣйствіями и происками отвѣтчиковъ, что приговоры низшихъ судовъ оставались бы безъ всякаго исполненія [1])“. Законность этой юрисдикціи сомнительна, но предметъ ея вѣдѣнія показываетъ, что понималось въ старину подъ словомъ misdemeanors. Статутъ 3. Henr, VII, c. I опредѣлилъ точнѣе какого рода правонарушенія подсудны этому суду. Онъ говорилъ, „что порядокъ и благоустройство въ государствѣ сильно возмущаются противузаконными происками и вмѣшательствами, наряжаніемъ сторонникъ людей въ ливреи, раздачею имъ мѣтокъ и знаковъ, взятіемъ съ нихъ грамотъ, обѣщаній, присягъ, зароковъ, недобросовѣстными поступками шерифовъ при составленіи списковъ присяжныхъ, взиманіемъ взятокъ присяжными, великимъ сконищами и противузаконными собраніями“. Законъ уполномочиваетъ то установленіе, которое потомъ стало извѣстно подъ именемъ звѣздной палаты, „звать въ свое присутствіе сказанныхъ злодѣевъ указомъ своимъ или за печатью королевскою“ и „наказывать ихъ по дѣломъ“. Исторія звѣздной палаты извѣстна и не требуетъ повторенія, я упоминаю о ней съ тѣмъ только, чтобы показать какъ широко и неопредѣленно было понятіе мисдеминора. Многіе мисдеминоры пропущены въ краткомъ перечнѣ ихъ, дѣлаемомъ статутомъ Генриха VII, но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ дѣйствія, поименованныя этимъ статутомъ, были мисдеминоры по обычному праву и продолжали считаться таковыми по упраздненіи звѣздной палаты въ 1640 г.

Во второй половинѣ XVII столѣтія бывали многіе случаи, въ которыхъ королевская скамья присваивала себѣ власть судить

---

[1]) 3. Hallam's Middle Ages, 138 and 249 въ примѣчаніи.

многія дѣйствія въ качествѣ мисдеминоровъ на основаніи общихъ началъ и соображеній въ размѣрѣ столь же почти обширномъ, какъ и звѣздная палата. Чэрльзъ Сэдли судился въ 1663 г. [1]) за то, что онъ показывался нагой публично. Судьи королевской скамьи рѣшили, что „хотя звѣздная палата не существуетъ, но подсудимый долженъ знать, что судъ королевской скамьи есть *custos morum* всѣхъ подданныхъ короля; настало время казнить такія дѣйствія, исполненныя соблазна, противныя всякой скромности, которыя участились теперь ко вреду христіанства и нравственности". На томъ же основаніи пріурочены къ мисдеминорамъ изданіе въ свѣтъ антирелигіозныхъ и непристойныхъ сочиненій и изображеній, и устное богохуленіе.

Если бы это начало доведено было до своего полнаго развитія, то оно сдѣлалось бы невыносимо для общества, потому что на этомъ же основаніи можно бы попасть подъ судъ за коварство, неблагодарность, месть и всякую иную безнравственность, обнаруженную внѣшнимъ образомъ. Впрочемъ форма, въ которую подобныя преслѣдованія облечены были въ законъ отчасти по случаю, отчасти намѣренно, предотвратила большую часть неудобствъ, которыя могли бы на практикѣ вытекать изъ этого источника. Донынѣ судьи пользуются въ извѣстномъ отношеніи властью законодательною въ томъ смыслѣ, что могутъ объявить извѣстныя дѣйствія уголовно-преступными на общемъ основаніи безнравственности этихъ дѣйствій и вреднаго вліянія ихъ на общество, но они дѣлаютъ это не иначе, какъ посредствомъ фикціи, которая бываетъ столь тонка, что съ перваго взгляда и не покажется даже, чтобы мы имѣли дѣло съ фикціею. Фикція, которую мы имѣемъ въ виду, состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ предполагается, что преступно не само дѣйствіе, но нѣкоторые способы совершенія его. Лучшій примѣръ подобнаго пріема представляютъ законы о заговорахъ (conspiracy). По законамъ о заговорахъ пре-

[1]) 17 S. T. 155.

ступленіемъ считается соглашеніе нѣсколькихъ лицъ на совершеніе дѣйствія, которое не считалось бы вовсе преступнымъ, если бы было совершено однимъ только лицомъ. Такимъ образомъ, прелюбодѣяніе и обольщеніе ненаказуемы уголовно, но заговоръ на обольщеніе или на склоненіе кого нибудь къ прелюбодѣянію подлежитъ наказанію [1]). Купецъ можетъ безнаказанно пустить въ ходъ объявленіе, клонящееся ко введенію публики въ обманъ относительно предмета его торговли, но директоры банка не смѣютъ подъ страхомъ наказанія сдѣлать по общему соглашенію подобное объявленіе. Въ сущности нельзя не назвать законодательною властью право судовъ опредѣлять, по какимъ именно дѣйствіямъ незапрещаемымъ законами, можетъ быть преступно соглашеніе нѣсколькихъ лицъ. Посредствомъ этой формы законодательства англійскіе суды пользуются до сихъ поръ прерогативою *custodis morum*, которая нѣкогда принадлежала одному лишь суду королевской скамьи.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, почему преступный характеръ дѣйствія опредѣляется исключительно только заговоромъ, то есть совершеніемъ его не однимъ а нѣсколькими лицами по воспослѣдовавшему предварительно между ними соглашенію; заговоръ есть одно изъ весьма второстепенныхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ. Положимъ, что A и B совершили каждый съ своей стороны прелюбодѣяніе, съ разными, усиливающими вину ихъ, обстоятельствами, съ употребленіемъ измѣны и обмана. Образъ дѣйствій B отличается отъ образа дѣйствій A тѣмъ только, что B упросилъ C одолжить ему коляску для увезенія A. Трудно понять, почему B и C будутъ подлежать наказанію за заговоръ, между тѣмъ какъ A останется свободенъ отъ всякаго взысканія. Самое вѣроятное объясненіе этой странности заключается въ томъ, что нѣкогда заговоры были страшнѣе и сопровождались всѣми приготовленіями къ открытому насильству, нынѣ тоже са-

[1]) Case of Lord Grey of Wesne 9 S. T. 127.

мое преступленіе опредѣляется въ законѣ словами, которыя представляютъ собою гораздо меньшія правонарушенія, нежели тѣ какія имѣлись въ виду первоначально. Статутъ 33 Edw. I, st. 2 опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ заговорщики; изъ этого опредѣленія видно, какого рода злодѣевъ имѣло преимущественно въ виду законодательство, хотя оно съ ними рядомъ помѣстило и другихъ менѣе опасныхъ правонарушателей. Это опредѣленіе, которое мы приведемъ ниже, походитъ на опредѣленіе разбоя на большихъ дорогахъ (highway robbery). Нѣкогда слово: разбойники обозначало вооруженныхъ наѣздниковъ изъ грабительства сдѣлавшихъ себѣ ремесло; теперь оно примѣняется къ какому нибудь ничтожному воришкѣ, который обобралъ пьянаго товарища по выходѣ изъ кабака, вытащилъ у него изъ кармана нѣсколько шиллинговъ. Статутъ говоритъ: „заговорщиками должны считаться тѣ, кои совокупляются и обязуютъ себя присягою, зарокомъ или инымъ союзомъ къ тому, чтобы помогать другъ другу дѣлать злостнолживыя обвиненія, или вчинать или поддерживать ябедническіе иски; или склонять малолѣтнихъ дѣтей обвинять кого либо въ фелоніи, отъ чего многіе попадаютъ напрасно въ тюрьму и терпятъ убытки; или содержать на своихъ хлѣбахъ и на жалованіи многихъ людей съ тѣмъ, чтобы они имъ помогали въ ихъ злоумышленныхъ предпріятіяхъ. Заговорщиками должны считаться какъ дающіе, такъ и берущіе, а равно и управляющіе и прикащики великихъ лордовъ, которые, пользуясь во зло данною имъ властью, должностью или уполномочьемъ, будутъ вмѣшиваться и поддерживать ссоры, тяжбы и распри, касающіяся постороннихъ лицъ, а не ихъ самихъ или ихъ господъ“ [1]).

Законы о ляйбэляхъ или о злоумышленіяхъ письмомъ и печатью развились тѣмъ же путемъ какъ и законы о заговорахъ. Въ теченіи всего почти XVIII столѣтія общимъ правиломъ принималось

[1]) Примѣромъ подобнаго заговора можетъ служить дѣло о заговорѣ противъ Спэнсеровъ A. Д. 1321 3 Lingard Hist. 321.

и считалось, что суды, какъ оффиціальные представители и показатели нравственности и обязанностей въ отношеніи къ правительству, могутъ объявить преступнымъ всякое, какое бы то ни было сочиненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что народный инстинктъ былъ правъ когда относился столь подозрительно къ новой силѣ, которая могла сдѣлаться гибельною для свободы; нѣтъ сомнѣнія, что Libel Act былъ законъ полезный. Но, разсматривая вопросъ съ чисто юридической точки зрѣнія, нельзя не признать что рѣшеніе о томъ, составляетъ ли извѣстное сочиненіе libel или нѣтъ, зависѣло исключительно отъ произвола суда, что удостовѣреніе о томъ, былъ ли у сочинителя злой умыселъ не требовало никакихъ доказательствъ и даваемо было присяжными по совѣсти сообразно съ указаніями и поученіями судьи.

Прямымъ послѣдствіемъ Libel Act'а было то, что съ тѣхъ поръ свобода печати опредѣлилась слѣдующимъ образомъ: на нее стали смотрѣть какъ на возможность печатать что угодно, подъ страхомъ однако наказанія, если присяжнымъ угодно будетъ признать, что авторъ заслуживаетъ быть наказаннымъ за это сочиненіе. Замѣтимъ, что вердиктъ присяжныхъ не составлялъ преюдиката обязательнаго для судовъ на будущее время, чѣмъ онъ и отличался отъ опредѣленій судейскихъ. Изъ сказаннаго видно, что нынѣшнее законоположеніе о ляйбеляхъ было дѣломъ законодательства не судейскаго, а народнаго, но что это народное законодательство въ дѣлахъ о libels соображалось съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая и не стѣснялось давать обратное дѣйствіе своимъ постановленіямъ. Осужденіе кого нибудь за libel не вело вовсе къ установленію общаго правила, что всѣ лица, которыя напишутъ то-то, будутъ такимъ-то образомъ наказаны. Оно равнялось заявленію что А или В долженъ быть наказанъ за то, что написалъ такое-то именно сочиненіе.

Изъ всѣхъ нашихъ наблюденій слѣдуетъ, что разрядъ мисдеминоровъ вмѣщалъ въ себѣ первоначально всѣ правонарушенія менѣе важныя, не требующія особыхъ опредѣленій и преслѣдованія

ихъ особеннымъ порядкомъ судопроизводства. По ихъ неопредѣленности они были поискиваемы на тѣхъ же основаніяхъ какъ и частныя обиды. Власть правительства называть извѣстныя дѣйствія мисдеминорами, въ случаѣ настоящей въ томъ надобности, повела къ тому, что преслѣдованіе мисдеминоровъ сдѣлалось конституціоннымъ средствомъ поддержанія и укрѣпленія въ народѣ общихъ обязанностей уваженія и послушанія закону. Когда общій порядокъ суда о тяжкихъ преступленіяхъ изъ розыскнаго сдѣлался состязательнымъ, тогда сгладились и исчезли главныя процессуальныя различія между фелоніями и мисдеминорами, и очень многія изъ спеціально опредѣленныхъ мисдеминоровъ только по имени отличаются нынѣ отъ crimes (напр. вымогательство или обманы и нарушенія довѣрія со стороны банкировъ).

Давъ краткій очеркъ исторіи нынѣшней англійской системы уголовнаго судопроизводства, и хода развитія понятій о важнѣйшихъ преступленіяхъ, постараемся изобразить внѣшнюю исторію англійскаго уголовнаго права въ разные періоды его существованія.

Мы изложили выше довольно обстоятельно, какъ оно стало опредѣляться и слагаться во времена Генриха III. Съ тѣхъ поръ и до XVII столѣтія оно подверглось весьма незначительнымъ измѣненіямъ. Нѣкоторыя части его вышли изъ употребленія на практикѣ, напримѣръ судебный поединокъ. Нѣкоторыя подраздѣленія и изъятія внесены судебными приговорами въ безсвязныя опредѣленія преступленій, сдѣланныя Брэктономъ, но эти подраздѣленія встрѣчаются только въ законахъ о воровствѣ и убійствѣ; они существуютъ и нынѣ съ разными дополненіями и усложненіями, которыхъ потребовало время.

Въ теченіи XVII вѣка появились два замѣчательныя сочиненія по уголовному праву, которыя не только даютъ возможность представить себѣ наглядно весь объемъ уголовнаго права Англіи въ первой и во второй половинѣ этого столѣтія, но и пользуются донынѣ великимъ авторитетомъ. Эти сочиненія суть *Third institute* Кока (Coke) и *History of the Pleas of the Crown* Гэля (Hale).

Книга Кока походитъ на остальныя сочиненія того же автора и весьма несистематична. Она не больше какъ сборникъ постановленій, указывающій только мѣстами, при случаѣ, на успѣхи законодательства, съ тѣхъ поръ какъ оно получило письменную форму. Явились многія прибавки и дополненія, но ни одно изъ нихъ не произвело ощутительной перемѣны въ общей рутинѣ уголовнаго правосудія. Приведемъ нѣкоторые примѣры подобныхъ дополненій. Разными актами признанъ фелоніею вывозъ изъ государства шерсти, овчинъ, кожъ и свинца; подъ фелонію подведена совершаемая во второй разъ поддѣлка актовъ, грамотъ, печатей, судебныхъ приговоровъ и духовныхъ завѣщаній. Закономъ, который названъ у Кока „новымъ и дурнымъ“ (1 Нер. VII, с. 7.), признанъ виновнымъ въ фелоніи тотъ, кто запирается въ томъ, что онъ охотился ночью, когда противу него есть извѣстнаго рода улики. Статутъ Якова I превратилъ въ фелоніи колдовство и волшебство, которыя по обычному праву подлежали вѣдѣнію однихъ только духовныхъ судовъ. Фелоніею сочтено присвоеніе служителями, имѣющими болѣе 18 лѣтъ, вещей отданныхъ имъ на сохраненіе цѣною свыше 40 шиллинговъ. Число такихъ спеціальныхъ и случайныхъ статутовъ было весьма незначительное.

„Исторія коронныхъ судовъ“ Гэля отличается существенно отъ „третьяго института“ Кока и со стороны слога и со стороны основнаго плана. Она излагаетъ систематически многіе предметы, которыхъ Кокъ коснулся мимоходомъ и отрывочно. Гэль разбираетъ обстоятельно вопросъ о вліяніи умопомѣшательства на уголовную отвѣтственность, между тѣмъ какъ Кокъ, не углубляясь нигдѣ въ этотъ предметъ, упоминаетъ о немъ вскользь при разборѣ отдѣльныхъ преступленій. Гэль излагаетъ обстоятельно теорію наказаній вообще и особенно теорію тягчайшихъ наказаній. Съ большимъ знаніемъ и большимъ нежели Кокъ сочувствіемъ къ предмету вникаетъ Гэль въ исторію законовъ, которыми онъ занимается и поводовъ ихъ изданія. Въ промежуткѣ времени между появленіемъ обоихъ сочиненій объемъ уголовнаго права увеличился нѣкоторы-

ми, впрочемъ немногими, прибавленіями; въ сущности уголовное право продолжало быть тѣмъ, чѣмъ оно было и прежде, то есть весьма устарѣлою, нескладною и тощею системою узаконеній, имѣющею довольно значительные размѣры и повидимому удовлетворяющею цѣлямъ и требованіямъ практики.

Быстрое приращеніе народнаго богатства и развитіе общественнаго благосостоянія во второй половинѣ XVII и въ теченіи всего XVIII столѣтій обнаружили недостаточность этой тощей и морщинами покрытой системы. Многія преступленія сходили съ рукъ безнаказанно, иныя наказывались непропорціонально винѣ. Въ теченіи 120 лѣтъ уголовное право было безпрестанно дополняемо все новыми и новыми уголовными статутами. Вслѣдствіе накопленія этихъ статутовъ, издаваемыхъ безъ всякой связи между собою, безъ всякаго порядка съ цѣлію противудѣйствовать учащенію извѣстныхъ правонарушеній, которыя стали по какой нибудь причинѣ обращать на себя общественное вниманіе, законы до того перепутались, что никто ихъ не зналъ, не исключая самихъ юристовъ. Зло усиливалось еще отъ необходимости судебнаго толкованія многихъ статей статутовъ; судебные приговоры толкующіе законъ, пользуясь авторитетомъ, становились вспомогательнымъ правомъ, имѣющимъ обязательную силу. Противу этого-то порядка вещей направилъ свою безпощадную, но не безосновательную, критику Іеремія Бэнтамъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Сочиненія Бэнтама и примѣры многихъ иностранныхъ государствъ, приступившихъ къ кодификаціи законовъ въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія, обратили вниманіе англійскаго общества на вопросъ о кодификаціи. Въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ огромныя усилія посвящены были приведенію законодательства въ порядокъ. Для достиженія этой цѣли избранъ былъ слѣдующій путь: всѣ существующіе законы подвергнуты классификаціи по содержанію, всѣ старые статуты отмѣнены, а имѣющія силу ихъ постановленія собраны и изложены въ одномъ новомъ статутѣ или консолидирующемъ актѣ парламента (consoli-

dation act). Можно отличить три слои этихъ узаконеній. Важнѣйшіе законы перваго пласта суть:

7 и 8 Georg IV, c. 29 о кражѣ;
7 и 8 Georg IV, c. 30 объ умышленныхъ поврежденіяхъ чужой собственности;
1 Willm IV, c. 66 о подлогѣ.
2 Willm IV, c. 34 о поддѣлкѣ монеты.

Эти законы измѣнены и дополнены нижеслѣдующими постановленіями:

1 Vict., c. 85 о преступленіяхъ противъ личности.
1 Vict., c. 86 о взломѣ ночью (burglary).
1 Vict., c. 87 о грабежѣ.
1 Vict., c. 88 о морскомъ разбоѣ.
1 Vict., c. 89 о зажигательствѣ.

Состояніе законодательства не было признаваемо удовлетворительнымъ. Послѣ многихъ колебаній и откладываній изданы были консилидирующіе акты 1861 года. Они замѣняютъ собою всѣ прежнія постановленія относящіяся къ предметамъ, составляющимъ ихъ содержаніе и служатъ ядромъ нынѣ дѣйствующему уголовному праву Англіи. Эти новые законы суть:

24 и 25 Vict., c. 96 о кражѣ.
24 и 25 Vict., c. 97 объ умышленныхъ поврежденіяхъ чужой собственности.
24 и 25 Vict., c. 98 о подлогѣ.
24 и 25 Vict., c. 99 о поддѣлкѣ монеты.
24 и 25 Vict., c. 100 о преступленіяхъ противъ личности [1]).

---

[1]) См. для исторіи консолидирующихъ актовъ 1861 г. предисловіе къ изданію этихъ актовъ, сдѣланному Гривэсомъ (Greaves).

Одновременно съ пересозданіемъ статутоваго права совершился другой еще процессъ въ ходѣ законодательства, въ теченіи послѣдняго полувѣка. Этотъ процессъ, который дополнилъ и прибавилъ весьма многое къ законамъ, состоитъ въ публикованіи приведенныхъ въ систему судебныхъ рѣшеній по частнымъ случаямъ. Мы старались показать, что многія изъ самыхъ сложныхъ частей законодательства (какъ напримѣръ цѣлое ученіе о владѣніи въ законахъ о кражѣ) возникли изъ судебныхъ, иногда весьма старинныхъ рѣшеній. Въ прежнія времена рѣшенія судовъ не были всякому доступны, собранія ихъ не пользовались авторитетомъ, многія собранія ихъ существовали только въ рукописи и были весьма неполныя. Члены коммиссіи начертившей консолидирующіе акты 1837 г. выразились прямо, что „еще весьма недавно способъ публикованія судебныхъ рѣшеній по короннымъ дѣламъ (crown cases) былъ признаваемъ самымъ неудовлетворительнымъ со стороны лицъ имѣющихъ большой авторитетъ [1]). Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ издаваемы были безпрерывно и періодически судебные приговоры по дѣламъ уголовнымъ, постановляемые или вестминстерскими судьями, во время ихъ разъѣздовъ по округамъ, или въ Лондонѣ, или учрежденнымъ въ 1848 году уголовнымъ судомъ для дѣлъ коронныхъ вносимыхъ на высшее усмотрѣніе (Court for Crown Cases Reserved). Публикуются только такіе приговоры, которыми суды объясняютъ въ предѣлахъ предоставленной имъ власти значеніе словъ и выраженій извѣстнаго статута или высказываются относительно существа установившагося юридическаго принципа, такъ что всякій публикуемый приговоръ прибавляетъ что нибудь къ англійскому праву. Будучи безконечно разнообразны и различны и относительно степени важности своей и относительно своего авторитета, эти приговоры разсыпаны по всей области уголовнаго права безъ всякой связи между собою и безъ всякаго порядка.

И такъ общій выводъ изъ сдѣланнаго нами историческаго очерка

---

[1]) 1 Rep., p. 2.

можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ. Уголовное право Англіи основано на цѣлыхъ группахъ отрывочныхъ опредѣленій и описаній преступленій, изъ которыхъ важнѣйшія восходятъ ко временамъ Брэктона. На этомъ фундаментѣ сооружена въ теченіи главнымъ образомъ XVIII столѣтія совершенно несистематическая и въ высшей степени неправильная надстройка, состоящая изъ актовъ парламента, которые имѣли по большей части назначеніемъ дополнить и закрыть недостатки первоначальной системы, образующей фундаментъ. Эти акты были переливаемы дважды въ теченіи нынѣшняго столѣтія, разъ въ промежуткѣ времени отъ 1826 до 1832 года и другой разъ въ 1861 г. Кромѣ того они испытали многочисленныя измѣненія и поправки въ 1837 г. Наконецъ каждая отдѣльная частица системы сдѣлалась предметомъ судебныхъ толкованій, вызванныхъ особенностями случайно возникавшихъ дѣлъ уголовныхъ, которыхъ бо́льшая половина принадлежитъ къ періоду, состоящему изъ послѣднихъ 50 лѣтъ.

Въ этомъ общемъ очеркѣ важнѣйшихъ явленій исторіи уголовнаго судопроизводства и законовъ о преступленіяхъ, мы обошли умышленно молчаніемъ все то, что сочтено было нами не существеннымъ для замѣчаній, которыя мы намѣрены сдѣлать о различныхъ частяхъ англійской уголовной системы. Намъ слѣдуетъ еще коснуться мимоходомъ двухъ предметовъ, которые не подходятъ ни подъ одну изъ двухъ названныхъ нами статей, а именно: теоріи доказательствъ и системы уголовныхъ наказаній.

Теорія доказательствъ (одна и та же для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ), въ томъ видѣ въ какомъ она теперь существуетъ, обязана своимъ происхожденіемъ временамъ новѣйшимъ. Въ древности присяжные были сами же и свидѣтелями по дѣлу. Когда они превратились въ судей рѣшающихъ дѣла по представляемымъ имъ доказательствамъ, явилась надобность установить для нихъ руководящія правила. Эти правила были двоякаго рода: одни изъ нихъ относились къ опредѣленію достовѣрности извѣстныхъ лицъ, другія къ опредѣленію достовѣрности извѣстныхъ родовъ доказа-

тельствъ, такъ напримѣръ постановлено, что атеистъ не можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ и что показаніе по слухамъ не считается доказательствомъ, за немногими изъятіями. Правила о достовѣрности свидѣтелей образовали сложную и хорошо обработанную систему, но они отмѣнены теперь, за исключеніемъ какихъ нибудь двухъ, трехъ положеній, такъ что ими незачѣмъ и заниматься. Правила о допущеніи извѣстнаго рода доказательствъ сводятся къ немногимъ руководящимъ положеніямъ, изъ которыхъ важнѣйшія суть слѣдующія:

Доказательства допускаются только такія, которыя относятся къ спорнымъ пунктамъ.

Изъ многихъ доказательствъ допускается только наилучшее, какое возможно по обстоятельствамъ дѣла; если оно не можетъ быть представлено, то должно быть объяснено почему его нѣтъ.

Свидѣтельствованіе по слухамъ не должно быть допускаемо въ смыслѣ доказательства.

Никто не обязывается самъ себя обвинять.

Весьма трудно да притомъ едва ли полезно излагать исторію этихъ правилъ, съ тѣхъ поръ какъ были они впервые сформулированы. Нѣкоторыя изъ этихъ началъ, напр. то начало, которое отвергаетъ свидѣтельствованіе по слухамъ, были уже признаваемы до революціи (1688 г.). Въ подробныхъ инструкціяхъ, заготовленныхъ сэромъ Уилліамомъ Уилліамсомъ для Эльджернона Сиднея указывается только на одно правило о значеніи слуховъ. Инструкція гласитъ: „желаемъ, чтобъ не было представляемо никакое доказательство по слухамъ отъ свидѣтелей; мы его не допускаемъ и требуемъ, чтобы судъ отвергалъ подобное доказательство“ [1]). Кажется, что это правило не было строго соблюдаемо въ обыкновенныхъ (неполитическихъ) процессахъ, чему можетъ служить примѣромъ, въ числѣ весьма многихъ другихъ процессовъ, дѣло полковника Турнера, судимаго за ночной взломъ, которое вмѣщаетъ въ

[1]) S. Trials, 826.

себѣ множество показаній по слухамъ; такъ напримѣръ заарестовавшій его чиновникъ показалъ: „я пришелъ и допросилъ двухъ служителей лакея и служанку; отъ нихъ я узналъ, что подсудимые ужинали не у себя дома, а въ танцовальномъ заведеніи и т. п.“ Другія правила первоклассной важности были повидимому неизвѣстны въ XVII столѣтіи. По дѣлу о нѣкоемъ духовномъ лицѣ Гаукинсѣ судимомъ за кражу въ 1668 г. кольца и денегъ у Генриха Лэримора, лордъ Гэль допустилъ обвинителю доказывать, что Гаукинсъ укралъ когда-то пару сапоговъ у нѣкоего Чильтона, и что за годъ до того времени онъ мошеннически вытащилъ что-то изъ кармана у нѣкоего дворянина. Въ своей заключительной рѣчи Лордъ Гэль, коснувшись кражей у Чильтона и у дворянина, присовокупилъ, что за эти преступленія подсудимый не можетъ уже подлежать суду присяжныхъ [2]).

Вся почти нынѣшняя система доказательствъ выросла и развилась въ теченіи XVIII ст. постепенно и почти незамѣтно. По всей вѣроятности правила о доказательствахъ выработались первоначально въ гражданскомъ судопроизводствѣ и изъ гражданскаго перенесены въ уголовные суды, по мѣрѣ того какъ исчезали слѣды теоріи, по которой судъ уголовный есть общественный розыскъ, и какъ увеличивались гуманность и безпристрастіе въ судьяхъ. Нѣтъ ни одной отрасли права, которая была бы объемистѣе, сложнѣе и и важнѣе теоріи доказательствъ, но вся теорія доказательствъ держится на однихъ только рѣшеніяхъ судовъ. Парламентъ вмѣшивался отъ времени до времени и отсѣкалъ ограниченія, которыми судьи стѣсняли нѣкоторые виды доказательствъ, такимъ образомъ онъ отмѣнилъ цѣликомъ всю систему отводовъ свидѣтелей, основанныхъ на недостовѣрности этихъ свидѣтелей, по интересу какой они имѣютъ въ дѣлѣ или по совершеннымъ ими преступленіямъ (6 и 7 Vict., c. 85). Въ обыкновенныхъ дѣлахъ единственными

---

[1]) S. Tr., 512.

[2]) S. Tr. См. *Turner*, trial for burglary, passim 6 S. Tr. 560. Trial of Nye for treason 6 S. T. 514. Trial of Harrison for murder 12. S. Tr. 859 etc.

лицами неспособными свидѣтельствовать считаются подсудимый обвиняемый въ преступленіи, его супругъ и всѣ тѣ лица, которыя предполагаются несознающими обязанностей налагаемыхъ присягою, какъ-то: дѣти непонимающія значенія присяги или атеисты отвергающіе присягу.

Образованіе въ теченіи одного съ небольшимъ столѣтія цѣлой области въ правѣ, столь существенной, столь сложной и обширной, можетъ служить разительнымъ примѣромъ участія, которое законъ предоставляетъ судьямъ въ законодательной власти вслѣдствіе того, что онъ имъ даетъ право объявлять съ авторитетомъ, что сообразно съ правомъ и что нѣтъ.

Наказанія. При короляхъ нормандскихъ наказанія были въ значительной степени произвольныя. Одинъ лѣтописецъ говоритъ, что Генрихъ I въ началѣ своего царствованія наказывалъ преступниковъ преимущественно урѣзываніемъ членовъ, но что впослѣдствіи онъ предпочиталъ денежные штрафы [1]). Кажется, что совершенный произволъ при опредѣленіи наказаній продолжался до временъ Эдуарда II. Въ эту эпоху сложилась уже постепенно слѣдующая лѣстница наказаній:

За государственную или великую измѣну (high treason) повѣшеніе, разорваніе на части и четвертованіе для мущинъ, сожженіе для женщинъ.

За малую измѣну (родъ убійства) повѣшеніе и разорваніе на части для мущинъ, сожженіе для женщинъ.

За всякія фелоніи кромѣ малой кражи повѣшеніе.

За малую кражу бичеваніе.

За мисдеминоры — штрафъ и тюрьма порознь взятые или употребляемые въ совокупности по усмотрѣнію суда, съ прибавкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ бичеванія, обрѣзанія ушей и выставки у позорнаго столба.

Система наказаній спутана была страннымъ образомъ посред-

---

[1]) 2 Malmsbury, 641.

ствомъ такъ называемой привилегіи духовнаго званія (benefit of clergy), которой болѣе точное опредѣленіе относится ко временамъ Эдуарда III (25 Edw. III st 3, c. 4). До изданія Эдуардова статута духовенство претендовало на совершенное почти неподлежаніе дѣйствію уголовнаго права. Статутъ очертилъ предѣлы привилегіи и постановилъ, что не подлежатъ уголовному наказанію всѣ духовные (clercs), изобличаемые въ treasons или felonies, направленныхъ противъ всѣхъ лицъ кромѣ самаго короля, его особы или его королевскаго величества. Статутъ распространялся не только на всѣхъ дѣйствительно состоящихъ въ духовномъ званіи, но и на всѣхъ способныхъ получить посвященіе въ духовный санъ, однимъ словомъ на всѣ лица мужскаго, а не женскаго пола, умѣющія читать.

Съ теченіемъ времени нѣкоторыя сквернѣйшія злодѣянія лишены были льготы, предоставляемой имъ этимъ статутомъ, но все таки однако ею пользовались убійцы до 1531 г., въ которомъ привилегіи духовнаго званія лишены всѣ убійцы съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ (murder of malice propense), за исключеніемъ однихъ только клерковъ дѣйствительно облеченныхъ въ санъ священства. На женщинъ привилегія духовнаго званія распространена отчасти статутомъ 27 James I, c. 6 и вполнѣ статутомъ 3 и 4 William and Mary, c. 9, наконецъ статутомъ 5 Ann., c. 6 участниками привилегіи духовнаго званія сдѣланы всѣ лица даже неграмотныя, наравнѣ съ грамотными.

Съ другой стороны статутъ 18 Eliz., c. 7 опредѣлилъ, что всѣ лица, пользующіяся привилегіею духовнаго званія, могутъ быть заключаемы въ тюрьму на годъ, и что во всякомъ случаѣ они должны подлежать клейменію на рукѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Эта странная система смягчала чрезмѣрную суровость обычнаго права, но смягченіе было столь же нераціонально, какъ и суровость. Въ окончательномъ результатѣ можно сказать, что почти всякій преступникъ подвергался опасности быть повѣшеннымъ, но если онъ избавлялся отъ висѣлицы, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освобождался и

отъ всякихъ непріятностей, которыя бы заслуживали названія уголовной казни. Жестокость старой системы наказаній возбуждала негодованіе уже въ XVII столѣтіи. Лордъ Кокъ говоритъ: „дознано опытомъ, что частыя казни не предотвращаютъ преступленій... Преступленія часто совершаемыя часто и наказываются, но учащеніе наказаній дѣлаетъ ихъ столь обыкновенными, что они перестаютъ устрашать людей. Какое напримѣръ плачевное зрѣлище видѣть столькихъ христіанъ, мущинъ и женщинъ, вѣшаемыхъ ежегодно на проклятомъ древѣ висѣличномъ. Если бы кому довелось узрѣть вдругъ на одномъ великомъ полѣ всѣхъ тѣхъ христіанъ, которые претерпѣваютъ эту преждевременную и постыдную смерть въ Англіи въ теченіи одного только года, то его сердце облилось бы кровью отъ жалости и состраданія, если въ немъ есть хотя одна искра благодати или человѣколюбія [1]).“

Сдѣланныя нами замѣчанія относятся къ однимъ только фелоніямъ. Мисдеминоры, которые вмѣщали въ себѣ между прочимъ, всякое неповиновеніе закону, всякое умышленное ослушаніе и поруганіе правительства или судебныхъ мѣстъ, наказывались обыкновенно штрафами и тюрьмою, по усмотрѣнію суда. Наказанія такимъ образомъ полагаемыя бывали иногда весьма строги. Не останавливаясь на очень извѣстныхъ примѣрахъ обрѣзыванія членовъ и биченія за мисдеминоры, которые случались при Стюартахъ, упомяну въ особенности о приговорѣ по дѣлу Уилліама Гэльса, которое послужило поводомъ къ изданію одного изъ древнѣйшихъ статутовъ, сообщившихъ значеніе фелоніи подлогу кредитныхъ обязательствъ [2]). Гэльсъ былъ изобличенъ въ поддѣлкѣ многихъ коммерческихъ промессовъ, за что и былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію, къ двукратной выставкѣ у поворнаго столба и къ штрафу въ 50 марокъ.

Путаница происходящая отъ этой чрезмѣрной, хотя и не на

---

[1]) 3 Inst. 243.

[2]) 17 S. Tr. 296.

всѣхъ простирающейся строгости въ наказываніи обыкновенныхъ болѣе тяжкихъ преступленій, и широкій произволъ, предоставленный судамъ въ отношеніи къ мисдеминорамъ, усилились еще въ теченіи XVIII столѣтія отъ чрезвычайнаго умноженія уголовныхъ статутовъ. Нѣкоторыми изъ этихъ статутовъ совершающіе извѣстныя преступленія лишены привилегіи духовнаго званія, другими введены новыя второстепенныя наказанія, напримѣръ, ссылка на разные сроки, которыхъ продолжительность зависѣла повидимому отъ доброй воли и прихоти лицъ составлявшихъ статутъ. Относительно перваго изъ названныхъ нами явленій Блэкстонъ, писавшій въ половинѣ XVIII вѣка, замѣчаетъ: „горько сознаться въ томъ, что изъ дѣйствій, которыя совершаются людьми ежедневно, не менѣе 160 причислены актами парламента къ классу преступленій, влекущихъ за собою неминуемо смертную казнь [1]). Хаосъ въ области второстепенныхъ наказаній изображается слѣдующимъ образомъ въ докладѣ комиссіи для преобразованія уголовнаго права: „Законы Англіи представляютъ великое разнообразіе наказаній, которыя однако не сообразуются съ постепенностью или оттѣнками въ винѣ, но имѣютъ характеръ произвола, а иногда и чистой прихоти.... Не было сдѣлано до сихъ поръ никакихъ попытокъ степенить эти наказанія систематически на извѣстномъ логическомъ основаніи. Во многихъ случаяхъ, имѣющихъ одно и тоже maximum главной казни, тюремное заключеніе, замѣняющее эту казнь, разнообразится изумительнымъ образомъ и относительно своего maximum и относительно своего minimum, такъ что minimum иногда обозначается, а иногда его не полагается вовсе, безъ всякаго видимаго основанія въ существѣ преступленій, которое бы оправдывало такое различіе при опредѣленіи наказаній“. Указавъ на произвольныя колебанія въ срокахъ ссылки за извѣстныя преступленія и въ соотвѣтствующихъ имъ количествахъ заключенія, члены комиссіи присовокупляютъ: „еще достойно замѣчанія, что законы

[1]) 4 Ste Com. 105, n.

дѣлаютъ слѣдующее произвольное различіе въ классѣ преступленій, влекущихъ за собою ссылку пожизненную или по крайней мѣрѣ на 7 лѣтъ или заключеніе непревышающее 4 лѣтъ и сопряженное или несопряженное съ тяжкими работами, что за нѣкоторыя изъ этихъ преступленій судъ можетъ прибавлять къ наказанію бичеваніе, а за другія нѣтъ, такимъ образомъ, что бичеваніе можетъ, напримѣръ, быть полагаемо за укрывательство краденаго, поврежденіе морскихъ плотинъ, мостовъ и т. д., но ему не могутъ подлежать поддѣльщики звонкой монеты, похитители писемъ съ почты и т. под.“ „Странно и даже ни съ чѣмъ несообразно то обстоятельство, что законъ, ограничивающій 14 годами ссылку, предоставляетъ вполнѣ неограниченную власть суду относительно срока заключенія. Въ двухъ случаяхъ, въ которыхъ срокъ заключенія совершенно неопредѣленный предоставленъ усмотрѣнію судьи, положено, что къ заключенію можетъ быть присовокупляемо бичеваніе безъ показанія числа ударовъ и денежный штрафъ безъ опредѣленія его высоты“.

Практическія неудобства отъ этого порядка вещей устранены отчасти статутомъ 9 и 10 Vict., c. 24, отмѣнившимъ минимумы наказаній и постановившимъ, что судья можетъ понижать мѣру наказанія сколько ему угодно. Смертная казнь ограничена преступленіями: *treason* или *murder*. Преступленія противуестественныя наказываются каторжными работами (penal servitude) до 10 лѣтъ. Почти во всякомъ случаѣ суду предоставляется власть выбирать наказанія и полагать или пожизненныя каторжныя работы, или срочныя до 3 лѣтъ, или тюремное заключеніе на время до 2 лѣтъ, сопряженное или несопряженное съ каторжными работами. Maximum наказанія колеблется весьма значительно и безъ всякой причины. Страшный просторъ предоставляемый усмотрѣнію судьи составляетъ особенность англійскаго законодательства и всегда наблюдался на практикѣ. Въ то время когда всѣ или почти всѣ преступленія были угрожаемы смертной казнью, судья выбиралъ лица, которыя должны были подвергнуться экзекуціи, большинство

же преступниковъ отдѣлывалось посредствомъ помилованія гораздо меньшими наказаніями. Въ Лондонѣ рекордеръ докладывалъ королю въ совѣтѣ послѣ каждой сессіи о лицахъ приговариваемыхъ къ смертной казни, король принималъ лично участіе въ разсмотрѣніи доклада и рѣшалъ, кто изъ приговоренныхъ долженъ быть наказанъ смертною казнью и кто нѣтъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что исторіи наказаній въ Англіи есть исторія перехода отъ самой варварской строгости къ чрезмѣрной кротости. И суровость эта и кротость умѣряются посредствомъ широкаго простора, предоставляемаго усмотрѣнію судьи, которымъ судья пользуется или на основаніи юридическихъ фикцій или на основаніи прямой воли законодателя, выраженной въ актахъ Парламента.

ГЛАВА III.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВООБЩЕ.

Составъ преступленій. — Преступленіе какъ дѣяніе. — Духовныя элементы дѣянія: намѣреніе и воля. — Обозначеніе ихъ въ обвинительномъ актѣ. — Преступленія какъ дѣянія, наказуемыя по закону. — Необходимый признакъ ихъ; malice или злость. — Вопросъ объ отвѣтственности. — Отвѣтственность дѣтей и замужнихъ женщинъ. — Отвѣтственность сумашедшихъ. — Значеніе сумашествія у медиковъ и у юристовъ. — Понятіе о мотивахъ. — Виды сумашествія: 1) мономанія; 2) непреодолимое влеченіе; 3) нравственное помѣшательство. — Оцѣнка положительнаго законодательства Англіи о сумашедшихъ.

Преступленія по составленному нами выше опредѣленію суть дѣйствія наказуемыя по закону. Есть извѣстныя качества, которыя предполагаются присущими всѣмъ дѣйствіямъ наказуемымъ по закону. Наличность этихъ качествъ въ данномъ случаѣ составляетъ необходимое условіе преступности. Такъ какъ ихъ наличность обусловливаетъ собою преступленіе, то съ другой стороны можно сказать, что ихъ отсутствіе въ данномъ случаѣ устраняетъ всякое предположеніе о преступленіи. Изъ сего слѣдуетъ, что предварительно опредѣленію отдѣльныхъ преступленій мы должны при-

ступить къ разбору элементовъ общихъ всѣмъ какимъ бы то ни было преступленіямъ. Этотъ разборъ и составляетъ предметъ настоящей главы.

Элементы общіе всѣмъ преступленіямъ бываютъ двоякаго рода: одни изъ нихъ свойственны преступленіямъ какъ дѣяніямъ вообще, другіе свойственны всѣмъ дѣяніямъ наказуемымъ по закону. Прежде всего поставимъ вопросъ: что такое дѣяніе? Дѣяніе есть совокупность произвольныхъ тѣлесныхъ движеній связанныхъ единствомъ помышленія, относящагося къ извѣстному предмету. Это опредѣленіе предполагаетъ, что дѣяніе есть совокупленіе извѣстныхъ внѣшнихъ движеній съ извѣстными внутренними ощущеніями, о наличности которыхъ въ движущемся лицѣ мы заключаемъ изъ того, что подобныя же движенія, чинимыя всякимъ наблюдателемъ, предшествуются или сопровождаются точно такими же ощущеніями, происходящими въ его душѣ. Это заключеніе дѣлается каждымъ изъ насъ столь безсознательно, скоро и просто, что мы и не замѣчаемъ, что оно есть не фактъ, а только умозаключеніе о фактѣ. Все, что одно лицо положительно знаетъ о другомъ, ограничивается только тѣмъ, что его тѣло имѣетъ извѣстный объемъ, цвѣтъ и т. д. и что въ извѣстныхъ случаяхъ оно движется извѣстнымъ образомъ. Выраженіе лица, звуки голоса производятся тонкими движеніями различныхъ мускуловъ, а равно мяса и кожи покрывающихъ эти мускулы. Всякая умственная работа, всякій толчекъ страсти должны воплотиться въ извѣстное движеніе мышечное или нервное, прежде нежели они могутъ сдѣлаться извѣстны кому бы то ни было, даже можетъ быть тому самому лицу, которое ихъ ощущаетъ. Многое можетъ быть выражено огнемъ очей или движеніемъ ноздрей, но прежде нежели произойдетъ перемѣна въ зрачкахъ или въ ноздряхъ никто не можетъ догадываться о томъ, что происходитъ въ душѣ. И такъ дѣянія человѣческія состоятъ прежде всего изъ тѣлесныхъ движеній, изъ которыхъ мы заключаемъ о наличности внутреннихъ ощущеній. Приписывая извѣстное дѣяніе извѣстному лицу мы утверждаемъ, что вслѣдствіе извѣстныхъ внутреннихъ ощущеній тѣло

его двигалось извѣстнымъ образомъ, такъ что его движенія служатъ доказательствами, посредствомъ которыхъ мы убѣждаемся о существованіи предшествовавшихъ движеніямъ внутреннихъ ощущеній.

Употребляемые въ рѣчи глаголы обозначаютъ всегда извѣстное дѣяніе настоящее или метафорическое; оно бываетъ дѣйствительное, когда дѣйствующимъ предметомъ является одушевленное существо; оно бываетъ метафорическое, когда дѣйствующимъ предметомъ является какая нибудь вещь. И такъ фразы: „человѣкъ идетъ“ или „рыба плаваетъ“ обозначаютъ настоящее дѣяніе, фразы же въ родѣ слѣдующихъ: „искра воспламѣняетъ порохъ“, „порохъ выталкиваетъ пулю“, „пуля поражаетъ человѣка“, обозначаютъ дѣянія метафорическія, то есть для большей скорости и простоты разсказа онѣ олицетворяютъ искру, порохъ и пулю. Различіе между этими двумя родами выраженій состоитъ въ томъ, что въ перваго рода выраженіяхъ говорящій утверждаетъ, что видимое явленіе тѣла, движущагося по землѣ или въ водѣ, сопровождается и предшествуется совокупностью ощущеній присущихъ этому тѣлу или иными словами совокупностью извѣстныхъ состояній сознательности, подобныхъ тѣмъ, какія говорящій испыталъ въ себѣ самомъ до и во время подобныхъ же измѣненій въ своемъ положеніи, чего не бываетъ въ выраженіяхъ втораго рода.

Ощущенія сопровождающія всякое дѣяніе и отличающія его отъ простой случайности суть: *намѣреніе* и *воля*. Первый шагъ къ дѣянію состоитъ въ томъ, что оно представляется уму. Умственный болѣе или менѣе ясный образъ того, что можетъ быть сдѣлано, составляется посредствомъ дѣятельности воображенія. Слѣдующій за тѣмъ шагъ состоитъ въ размышленіи о томъ, слѣдуетъ ли вообще совершить то, что имѣлось въ виду или нѣтъ? Это размышленіе заканчивается умственнымъ кризисомъ, который вмѣщаетъ въ себѣ рѣшимость на совершеніе. Слѣдующій за рѣшимостью на дѣяніе шагъ состоитъ въ пріисканіи средствъ къ его исполненію. Среди всего періода, въ теченіи котораго идетъ приготовленіе, дѣйствующее лицо считается намѣревающимся учинить преступленіе

(intend to do the act). Метафора, заключающаяся въ этомъ словѣ, весьма выразительна. Намѣреніе есть протягиваніе руки къ преступленію, направленіе ума на дѣяніе и мышленіе о дѣяніи, какъ о чемъ то такомъ, что должно быть совершено, когда придетъ тому время. Когда наконецъ, наступитъ это удобное для совершенія преступленія время, тогда происходитъ въ душѣ второй кризисъ или спазмъ. Человѣкъ начинаетъ желать тѣмъ особеннымъ способомъ желанія, который называется волею (willing), вслѣдствіе чего члены его тѣла подвергаются извѣстнымъ движеніямъ. Мускулы ногъ поднимаютъ туловище, голова и руки располагаются извѣстнымъ образомъ, голова повышается; языкъ, ротъ, горло и щеки принимаютъ участіе въ высказаніи тото, что человѣкъ думалъ сказать, рѣшился сказать, вознамѣрился сказать и теперь говоритъ. Въ чемъ состоитъ этотъ кризисъ? чѣмъ разнится подобнаго рода и степени желаніе отъ другихъ пожеланій? почему оно тотчасъ осуществляетъ себя на дѣлѣ? это вопросы, на которые не дано никогда отвѣта, но самъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всякій человѣкъ имѣетъ о предметѣ, обозначаемомъ словомъ „хотѣть“ или его однозначащими, столь живое представленіе какъ и то, которое зрящій связываетъ съ словами „видѣть“.

Хотѣть — значитъ испытывать то душевное состояніе, которое, по удостовѣренію опыта, имѣетъ всегда своимъ послѣдствіемъ движеніе, если только тѣло находится въ нормальныхъ условіяхъ своего существованія. Воля можетъ существовать и не производить соотвѣтствующаго ей движенія, напримѣръ, когда человѣкъ пораженъ параличемъ, хотя и въ этомъ случаѣ нѣкоторые органы, которыми мы владѣемъ, могутъ двигаться безсознательно, но не на столько, чтобы привести въ движеніе органы, которые намѣрено были привести въ движеніе хотящее лицо. Движеніе можетъ происходить безъ воли, напримѣръ въ случаѣ судорогъ. Наконецъ есть цѣлый классъ тѣлесныхъ движеній, которыя по видимому независятъ отъ воли, напримѣръ біеніе сердца.

Непроизвольность нѣкоторыхъ движеній, нисколько не ослаб-

ляетъ положенія, что большая часть движеній тѣла причиняется дѣятельностью воли, предполагаетъ предварительно своему совершенію извѣстную дѣятельность воли и всегда слѣдуетъ за таковою дѣятельностью. Подобныя тѣлесныя движенія, разсматриваемыя въ совокупности съ событіями въ сознаніи движущагося лица, которыя имъ предшествовали и о которыхъ можно изъ нихъ заключать, суть дѣянія. Почти для всякаго дѣянія необходимо безчисленное множество движеній тѣлесныхъ. Сотни и даже тысячи подобныхъ движеній сопутствуютъ написанію лицомъ письма или прочтенію книги. Вѣроятно, что каждое изъ таковыхъ движеній требуетъ особаго предварительнаго толчка со стороны воли. То, что связуетъ и направляетъ всѣ тѣлесныя движенія къ одному общему концу, называется намѣреніемъ. Иными словами намѣреніе есть созерцаніе умомъ одного общаго результата, къ которому ведутъ всѣ тѣлесныя движенія вмѣстѣ взятыя.

И такъ дѣяніе состоитъ изъ представленія въ умѣ, размышленія, рѣшимости, намѣренія, воли и исполненія или, если можно такъ выразиться, изъ перевода того, что происходитъ въ душѣ въ совокупность тѣлесныхъ движеній, направленныхъ къ одному преднамѣреваемому предмету. Этотъ процессъ, со всѣми содержащимися въ немъ моментами, можетъ быть сжатъ въ безконечное малое пространство времени или растянутъ на многіе годы. Притомъ отдѣльные моменты этого процесса могутъ перепутываться, такъ что напримѣръ человѣкъ можетъ дѣйствовать нерѣшительно, даже при исполненіи своего намѣренія, или что имѣя уже волю на совершеніе, онъ продолжаетъ намѣреваться; но никакое дѣяніе немыслимо, пока въ немъ нѣтъ на лицо слѣдующихъ двухъ элементовъ: воли, причиняющей тѣлесныя движенія и намѣренія, связующаго ихъ воедино. Отсутствіе котораго нибудь изъ этихъ элементовъ или обоихъ вмѣстѣ препятствуетъ дѣянію совершиться или превращаетъ дѣйствія въ прямую случайность, причемъ и рѣчи быть не можетъ о преступности.

Для объясненія этихъ положеній приведемъ нѣсколько примѣ-

ровъ. И воля и намѣреніе могутъ: *во первыхъ*, отсутствовать, когда кто, напримѣръ, въ припадкѣ умоизступленія или падучей болѣзни ударилъ другаго и убилъ его. Онъ не совершилъ преступленія, потому что не совершилъ и дѣянія. Съ нимъ самимъ что-то сдѣлалось, не сила воли напрягала его мышцы; его движенія не были направлены на нанесенный имъ ударъ умственнымъ созерцаніемъ этого удара, иными словами, онъ не хотѣлъ и не замышлялъ дѣянія. Зло, причиненное въ припадкѣ болѣзни, не считается дѣяніемъ больнаго человѣка и сей послѣдній столь же мало отвѣчаетъ за него, какъ и тотъ, кого толкнули и кто вслѣдствіе того ударилъ или раздавилъ другое лицо. Сомнительно, можетъ ли изъ подобнаго происшествія возникнуть даже гражданскій искъ. Оно похоже на тотъ случай, когда больное лицо безъ умысла или неосторожности съ своей стороны заразило другихъ.

Во вторыхъ, воля можетъ существовать безъ намѣренія, чему могутъ служить хорошимъ объясненіемъ движенія дитяти. Новорожденный младенецъ двигаетъ ногами и руками и хватается за предметы, которые попадаютъ ему между пальцевъ. Судя по аналогіи, мы должны предполагать, что эти движенія произвольны, то есть что имъ предшествуетъ извѣстная дѣятельность воли, отчасти похожая на ту, какая замѣчается и у взрослыхъ, но связь и направленіе подобныхъ движеній на опредѣленный предметъ чужды дѣтямъ въ теченіи многихъ лѣтъ отъ роду и пріобрѣтаются ими посредствомъ долговременнаго навыка. По всей вѣроятности къ того же рода дѣйствіямъ слѣдуетъ причислить сонноходство и другія движенія во время сна. Они произвольны, но лишены намѣренія, потому что не согласованы въ виду извѣстнаго опредѣленнаго результата. Если кто во время сна убилъ другое лицо, то онъ не повиненъ преступленію за отсутствіемъ намѣренія, а слѣдовательно и дѣянія. Могъ случиться рядъ произвольныхъ тѣлесныхъ движеній, но они не согласованы въ умѣ въ виду результата, который они на самомъ дѣлѣ произвели.

Въ третьихъ, намѣреніе можетъ существовать безъ воли. Часто

случается, что лицо отказывается отъ составленнаго имъ плана, причемъ очевидно, что дѣянія никакого нѣтъ. Можно себѣ представить (хотя подобные случаи едвали бываютъ на практикѣ), что замышляемое событіе случилось впрочемъ безъ участія воли, причемъ не будетъ также преступленія. Необходимо допустить для обстановки этого предположенія, что движеніе тѣла, осуществившее намѣреніе лица, причинено не дѣйствіемъ силы воли, но инымъ какимъ нибудь внѣшнимъ толчкомъ. Подобный случай столь неправдоподобенъ, что его можно назвать почти невозможнымъ, но воображеніе можетъ однако создать примѣръ, подходящій подъ эти требованія. Вообразимъ, что X хочетъ столкнуть Z — а съ утеса, что онъ къ нему подошелъ съ этою цѣлью, что въ эту минуту съ нимъ случился эпилептическій припадокъ; что этотъ припадокъ и далъ его рукѣ толчекъ, который безъ этого припадка былъ бы сообщенъ той же рукѣ собственною же волею X — а. Здѣсь одно намѣреніе безъ воли; если бы можно было доказать, что всѣ, сдѣланныя нами, предположенія имѣли мѣсто (что на дѣлѣ невозможно), то надлежало бы оправдать X — а, потому что дѣяніе не можетъ начаться, пока весь рядъ движеній, которыя составляютъ приведеніе его въ исполненіе, не воспослѣдовалъ подъ вліяніемъ руководительницы ихъ — воли. Ближайшій къ разбираемому нами вопросу примѣръ представляютъ случаи небезъизвѣстные практикѣ, когда нѣкто дѣйствуетъ по неразумному и безотчетному влеченію, которое порождено силою воли, но имѣетъ съ нею лишь отдаленную связь. Такой случай найдемъ мы въ дѣлѣ Уилліама Дова, которымъ займемся впослѣдствіи.

Воля и намѣреніе суть существенныя условія всякаго преступленія и обозначаются во всякомъ обвинительномъ актѣ посредствомъ того дѣйствительнаго глагола въ качествѣ сказуемаго, котораго подлежащее есть собственное имя лица обвиняемаго въ преступленіи. Когда присяжные рѣшатъ, что А убилъ В, то они утверждаютъ, что воля А заставила члены его тѣла совершить извѣстныя движенія, которыя были согласованы предварительно умомъ его въ

виду произведенія извѣстнаго дѣянія, какъ-то: нанесенія удара, порѣзанія, отравленія и т. под., каковое дѣяніе имѣло своимъ послѣдствіемъ смерть B. Для уничтоженія такимъ образомъ построеннаго обвиненія необходимо или показать, что тѣлесныя движенія не были причинены силою воли, или что, хотя они и были причинены волею, но не были согласованы въ виду произведенія полученнаго результата. Первый способъ защиты употребляется, когда защита основана на сумашествіи подсудимаго, второй способъ принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ судебной практикѣ. Положимъ, что нѣкто ударилъ другое лицо, чѣмъ и убилъ его. Адвокатъ станетъ утверждать, что рана причинена случайно. Эта защита не основывается на томъ, будто движеніе руки, державшей ножъ и вонзившей его въ тѣло человѣка, было непроизвольное, но на томъ, что оно не входитъ въ составъ системы движеній членовъ тѣла A, направленныхъ умомъ его къ произведенію этого результата, что роковое поднятіе руки не было составною частицею въ нападеніи A на B, но что оно было частицею другой системы движеній, напримѣръ, частицею системы движеній, имѣвшихъ цѣлью защититься отъ третьяго лица C.

Въ старинныхъ обвинительныхъ актахъ всѣ обстоятельства преступленія были излагаемы самымъ мелочнымъ образомъ, напримѣръ: „сказанный Джонъ O'B. имѣя и держа въ правой рукѣ палку цѣною въ 2 шиллинга, злоумышленно ударилъ, побилъ, окровянилъ и ранилъ сказаннаго B. G.; послѣ чего сказанный Дж. O'B. палкою, которую онъ вышеупомянутымъ образомъ держалъ, ударилъ и ранилъ сказаннаго B. G. въ правую сторону головы, нанесши ему посредствомъ сказанной палки, по сказанной правой сторонѣ головы сказаннаго G. B., одну смертельную рану длиною въ 3 дюйма и шириною въ 1 дюймъ“ [1]). Какъ ни смѣшнымъ и дѣтскимъ можетъ показаться намъ этотъ слогъ, однако онъ имѣетъ то великое достоинство, что обнаруживаетъ ясное по-

[1]) Дѣло O'Бріена 1 Den. Cr. Ca. 10.

нианіе существа дѣяній, то есть того, что дѣяніе состоитъ не изъ одного какого нибудь опредѣленнаго движенія тѣла, но изъ множества такихъ движеній, клонящихся къ одной цѣли, сопровождаемыхъ или предшествуемыхъ извѣстными состояніями сознанія.

И такъ мы пришли къ заключенію, что дѣяніе состоитъ изъ произвольныхъ тѣлесныхъ движеній, направленныхъ умомъ на одинъ предметъ. Намѣреніе есть во всякомъ случаѣ необходимое условіе преступленія, потому что оно необходимое условіе дѣянія, всякое же преступленіе есть дѣяніе, что явствуетъ изъ употребленія дѣйствительныхъ глаголовъ во всякомъ обвинительномъ актѣ.

Таковы психическія условія, которыя принадлежатъ преступленію разсматриваемому какъ дѣяніе. Кромѣ того есть еще и другія психическія условія сопряженныя съ дѣяніемъ, при отсутствіи которыхъ оно не можетъ быть наказуемо по закону. Дѣяніе не можетъ быть само по себѣ преступно, если психическій элементъ его — намѣреніе, не есть состояніе сознанія, запрещаемое закономъ. Это состояніе сознанія различно, смотря по свойствамъ каждаго случая. Пустить въ обращеніе поддѣльное кредитное обязательство не есть еще преступленіе, пока не доказано, что пустившій документъ въ обращеніе зналъ о его подложности и что слѣдовательно онъ имѣлъ намѣреніе надуть другихъ людей. Для подведенія лица подъ дѣйствіе статута, сообщающаго значеніе фелоніи тяжкимъ поврежденіямъ тѣлеснымъ, необходима наличность намѣренія убить или причинить тяжкое поврежденіе тѣлесное. Убіеніе лица не считается мэрдеромъ (убійствомъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ), пока нѣтъ на лицо malice, то есть *предумышленія*. Присвоеніе себѣ чужой собственности считается кражею только тогда, когда оно чинится завѣдомо о принадлежности этой вещи другому лицу. Однимъ словомъ дѣяніе становится преступнымъ не тогда, когда оно намѣренное въ томъ общемъ смыслѣ этого слова, который мы старались объяснить, но только тогда, когда оно сопровождается особеннымъ намѣреніемъ, спеціально воспрещаемымъ по закону въ примѣненіи къ этому особенному случаю.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это особенное намѣреніе опредѣлено закономъ, воспрещающимъ преступленіе, напр. въ случаѣ нанесенія раны съ намѣреніемъ изувѣчить или обезобразить, но всего чаще оно обозначается только весьма общимъ выраженіемъ: *malice*. Malice или злой умыселъ въ той или другой формѣ, есть необходимая приправа всякаго преступленія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы составить извѣстное специфическое преступленіе, онъ долженъ пріоблечь особенную форму. Едвали можно найти въ цѣломъ уголовномъ правѣ другой терминъ, который бы употреблялся въ болѣе разнообразныхъ и одно другому противуположныхъ значеніяхъ; нѣтъ другаго термина, котораго бы правильное уразумѣніе было важнѣе для науки и практики. Слѣдующее объясненіе, которое мы намѣрены представить, заимствовано не отъ какого нибудь писателя, пользующагося авторитетомъ, но изъ сравненія различныхъ смысловъ, придаваемыхъ этому слову, и изъ соображенія существа различныхъ преступленій.

Обратимся къ этимологіи. *Malice* и *malicious* означаютъ то же, что злость и злостный (wicked and wickedness). Извѣстно, что юристы допускаютъ весьма неохотно и недовѣрчиво нравственные оттѣнки и различія въ юридическихъ матеріяхъ. По ихъ понятіямъ возможно-лучшая система уголовнаго права должна опираться на совокупность такимъ образомъ составленныхъ опредѣленій преступленій, чтобы по простому буквальному смыслу слова, обозначающаго преступленіе, уже можно было себѣ составить ясное представленіе о дѣяніи, подлежащемъ наказанію, не смѣшивая его ни съ какимъ другимъ. Такъ какъ всѣ термины, долженствующіе выражать нравственныя понятія бываютъ, всегда болѣе или менѣе неопредѣлены, и такъ какъ безконечные споры ведутся и будутъ вестись о томъ, что такое нравственность, то по понятіямъ юристовъ, введеніе въ законодательство словъ относящихся къ нравственности должно произвести запутанность и сбивчивость.

Эта мысль вполнѣ вѣрна, но съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію, что какъ бы неопредѣленны и ненаучны не были

терминъ, обозначающіе нравственныя понятія, уголовное правосудіе основывается однако на нравственности. Оно обусловливается въ своемъ дѣйствіи полнымъ своимъ согласіемъ съ нравственными чувствами своего народа; оно становится нестерпимымъ, коль скоро оно начинаетъ возмущать въ значительной степени эти чувства. И такъ безусловная необходимость заставляетъ строить опредѣленія преступленій на нравственныхъ оттѣнкахъ и различіяхъ, какъ ни трудно указать съ точностью на то, въ чемъ должны состоять эти оттѣнки и различія. Практика доказываетъ невозможность дать словамъ *malice* и *malicious* иной смыслъ кромѣ „злость“ и „злостный“. Легко нападать на туманность этихъ выраженій. Въ дѣйствительности вся трудность заключается не въ употребленіи самихъ терминовъ, но въ теоріяхъ посредствомъ коихъ мы пытаемся объяснять ихъ. Предложеніе, что ложь есть зло, понимается милліонами людей, незнающихъ даже и о существованіи различныхъ нравственныхъ теорій. Это предложеніе обозначаетъ, что ложь на дѣлѣ порицается и даже при извѣстныхъ обстоятельствахъ наказывается. Причины, почему ложь порицается и наказывается, суть нѣчто постороннее, право же основывается на дѣлѣ, на фактѣ, а не на теоріяхъ объясняющихъ фактъ.

Какъ ни очевиденъ недостатокъ точности въ приведенныхъ нами терминахъ, этотъ недостатокъ пополняется на практикѣ посредствомъ опыта. Слѣдствіемъ того, что *malice* или злость признана вообще необходимымъ условіемъ всякаго преступленія, нѣкоторыя дѣянія, напримѣръ лишеніе кого нибудь жизни или присвоеніе чужихъ вещей, считаются съ перваго же взгляда (prima facie) злодѣяніями, хотя могутъ открыться обстоятельства умаляющія или выдѣляющія изъ нихъ злостность. Съ теченіемъ времени опытъ учитъ, въ чемъ заключаются эти обстоятельства, вслѣдствіе чего и вырабатывается технически точное опредѣленіе убійства, кражи и др. прест., хотя первоначальное опредѣленіе тѣхъ же преступленій вмѣщало въ себѣ терминъ весьма неопредѣленный еще въ то время, когда его стали впервые употреблять. И такъ

напримѣръ, когда одно лицо убило другое лицо предполагается, что оно учинило это дѣяніе злоумышленно и совершило такимъ образомъ мэрдеръ, но это предположеніе можетъ быть устранено доказательствомъ, что дѣяніе совершено при самооборонѣ или вслѣдствіе одной только неосторожности.

Если бы насъ спросили, зачѣмъ оставлять слово *malice* при подобныхъ условіяхъ? почему бы напримѣръ не опредѣлить мэрдеръ такимъ образомъ, что оно есть убіеніе человѣка при всемożныхъ обстоятельствахъ за исключеніемъ только тѣхъ, которыя специфически предусмотрѣны закономъ, то мы бы отвѣтили, что слово malice годится и донынѣ къ употребленію, потому что оно совмѣщаетъ въ себѣ понятнымъ образомъ многія отдѣльныя предложенія и еще потому, что все таки возможно, хотя и мало вѣроятно появленіе новыхъ случаевъ непредусмотрѣнныхъ закономъ, къ которымъ надобно будетъ приложить слово malice въ его естественномъ значеніи. Предложимъ, что нѣкто во время кораблекрушенія, пожара или инаго бѣдствія убилъ другое лицо, чтобы спасти третье. Вопросъ о томъ, совершилъ ли онъ *murder*, будетъ вертѣться вокругъ другаго вопроса, о томъ было ли его дѣяніе въ сущности тождественно съ тѣми дѣяніями, которыя законъ именуетъ *malicious* или злостными. Главный результатъ отъ употребленія слова *malice* и отъ ученія, что злость есть существенный элементъ преступленія, состоитъ въ возложеніи на лицъ совершающихъ извѣстнаго рода дѣянія, обязанности доказать, что эти дѣянія совершены не при обстоятельствахъ предусмотрѣнныхъ законодателемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ предоставленіи этимъ лицамъ возможности очиститься предъявленіемъ надлежащихъ доказательствъ.

Степень туманности, сопряженной съ словомъ malice, различна, смотря по преступленіямъ; въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ она довольно значительна, чему примѣромъ можетъ служить законъ о злоумышленныхъ поврежденіяхъ чужой собственности. Статутъ 24 и 25 Vict., c. 97, s. 51 полагаетъ наказанія для лицъ, которыя „незаконно и злостно учинятъ вредъ, и ущербъ или захватъ чьей

бы то ни было собственности“ цѣною свыше 5 ф. стерл. Положимъ, что А разбилъ цѣнный предметъ, напримѣръ статую или вазу въ магазинѣ. Если будетъ доказано, что этотъ поступокъ былъ произвольный и намѣренный, то судъ предположитъ, что онъ былъ злостный, развѣ дѣйствовавшему лицу удастся разрушить это предположеніе доказательствами, которыя онъ имѣетъ полную свободу представить суду. Положимъ, что онъ можетъ доказать, что получилъ соизволеніе собственника вещи на разрушеніе ея; этимъ онъ защитится отъ обвинительнаго акта, потому что докажетъ отсутствіе злости, но дѣяніе его можетъ все таки быть противузаконно и подвергать его отвѣтственности по гражданскому иску. Его поведеніе могло быть безразсудное, но не считается злостнымъ, оно даетъ право собственнику вещи искать вознагражденія, но не влечетъ за собою наказанія дѣйствовавшаго лица.

Этотъ примѣръ основанъ на началѣ, что *malicious* значитъ злостный. Польза отъ этого слова очевидна и ее можетъ отрицать развѣ тотъ, кто станетъ доказывать, что это слово въ статутѣ есть чистый плеоназмъ и что всякое лицо, подлежащее гражданскому иску за поврежденіе собственности сосѣда, должно быть подвергаемо по закону заключенію въ тюрьмѣ съ тяжкими работами или даже каторжнымъ работамъ, если оно дѣйствовало ночью. Нѣтъ сомнѣнія, что слово *maliciously* довольно туманно въ примѣненіи къ дѣянію, о которомъ идетъ рѣчь, между тѣмъ какъ фраза *malice aforethought* (предумышленность) въ обвинительныхъ актахъ о мэрдерѣ весьма ясна и опредѣлительна, но причина этой опредѣлительности заключается въ томъ, что важность и древность этой послѣдней фразы сдѣлала ее предметомъ весьма многихъ судебныхъ рѣшеній, вслѣдствіе чего смыслъ ея установился совершенно точнымъ образомъ, чего недостаетъ слову *maliciously* въ очень недавнемъ по своему происхожденію статутѣ королевы Викторіи. Судебное законодательство опредѣлило, какіе виды убіенія бываютъ злостные, но оно не опредѣлило еще съ тою же аккуратностью, ка-

кіе виды поврежденій собственности должны быть считаемы злостными.

Практическая важность изслѣдованныхъ составныхъ элементовъ преступленія обнаруживается всего лучше при примѣненіи этого анализа къ вопросу объ отвѣтственности, то есть къ вопросу о томъ, должны ли быть освобождаемы какіе либо классы лицъ и какіе именно отъ наказаній за преступленія. Если опредѣлить наказаніе какъ дѣяніе наказуемое по закону, то вопросъ объ отвѣтственности можетъ показаться чѣмъ-то въ родѣ contradictio in adjecto, потому что гдѣ нѣтъ подлежанія наказанію, тамъ не можетъ быть и преступленія. Но этотъ же самый вопросъ можетъ быть выраженъ въ иной логически болѣе правильной формѣ, а именно: могутъ ли быть общія причины, недопускающія считать преступными дѣянія, которыя были бы сочтены преступными, если бы не существовали вышеупомянутыя причины? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ прямо изъ предъидущихъ, сдѣланныхъ нами, замѣчаній. Коль скоро намѣреніе и воля суть существенныя принадлежности всякаго дѣянія, а намѣреніе, воля и злоумышленность существенныя принадлежности всякаго преступленія, то отсутствіе намѣренія или воли мѣшаетъ поступку считаться дѣяніемъ, отсутствіе же злоумышленности вообще, или въ извѣстной особенной ея формѣ, мѣшаетъ дѣянію считаться преступленіемъ. Объ этомъ отсутствіи мы можемъ заключать не только изъ особенныхъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, но изъ извѣстныхъ общихъ соображеній. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ однако вопросъ остается тотъ же: онъ состоитъ въ томъ, стекаются ли въ этомъ отдѣльномъ случаѣ всѣ элементы, требуемые для образованія преступленія.

Вопросъ объ отвѣтственности (то есть о подлежаніи наказанію) часто разсматривается такимъ образомъ, что предполагаютъ будто извѣстные классы лицъ, напр. дѣти, замужныя женщины или сумашедшіе безотвѣтственны. Въ сущности этотъ вопросъ сводится къ констатированію факта, состоящаго въ томъ, совершило ли лицо,

о которомъ идетъ рѣчь, извѣстное дѣяніе произвольно и злоумышленно? Дѣтство, замужество или сумашествіе суть не болѣе какъ доказательства (подлежащія иногда и опроверженію) того, что совершенное дѣйствіе было или непроизвольно, или ненамѣренно, или незлоумышленно.

Въ этомъ общемъ результатѣ согласны между собою всѣ научные авторитеты, но въ отношеніи къ замужнимъ женщинамъ и дѣтямъ выставленное нами правило требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій. Въ принципѣ не можетъ быть сомнѣнія, что во всякомъ отдѣльномъ случаѣ присяжные должны рѣшить по обстоятельствамъ, дѣйствовала ли жена подъ вліяніемъ мужа и имѣло ли дитя разумѣніе достаточно развитое для пониманія своего дѣянія и для совмѣщенія въ немъ намѣренія, воли и злостности. Фактъ присутствія мужа составляетъ въ современной практикѣ въ дѣлахъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ достаточное доказательство для удостовѣренія, что дѣйствія жены не были свободны. Фактъ, что дитя моложе 7 лѣтъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ его неспособности къ преступленію. Первое изъ этихъ правилъ ведетъ иногда къ большимъ несправедливостямъ, второе можетъ считаться пустячнымъ, потому что никакой судъ присяжныхъ не приговорилъ бы къ наказанію ребенка не имѣющаго 7 лѣтъ.

Единственный случай, представляющій настоящее затрудненіе или требующій болѣе подробнаго изученія есть случай сумашествія. Этотъ предметъ породилъ большіе споры; успѣхи медицины пролили на него много свѣту, но съ другой стороны они указали на существованіе новыхъ затрудненій, которыя не были даже и подозрѣваемы до сихъ поръ. Важность предмета заставитъ извинить насъ за то, что мы войдемъ въ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, подробное объясненіе отношеній между уголовнымъ правомъ и сумашествіемъ.

Такъ какъ преступленіе есть дѣяніе наказуемое по закону, если оно произвольное, намѣренное и злостное, то, коль скоро дѣяніе предполагается или коль скоро оно доказано, единственный способъ опроверженія его преступности заключается въ отрицаніи присут-

ствія въ немъ воли, намѣренія или злостности. Если только хотя бы одно изъ этихъ отрицаній удалось, то преступленіе падаетъ само собою. Какимъ образомъ данныя свидѣтельствующія о сумашествіи подсудимаго могутъ вести къ одному изъ этихъ трехъ результатовъ? Предварительно рѣшенію этого вопроса мы должны согласиться относительно того, что понимать подъ словами здоровье психическое и сумашествіе? Полнаго отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ нельзя дать, но можно сдѣлать опытъ отвѣта достаточно точнаго для цѣлей практики.

Есть нѣкоторыя положенія, относящіяся къ образу дѣйствія людей, которыя приняты, которыя не допускаютъ сомнѣнія и которыя принимаются за основаніе не только при рѣшеніи дѣлъ судами, но и во всякомъ обращеніи людей другъ съ другомъ. Одно изъ такихъ положеній состоитъ въ томъ, что есть состояніе нормальное, въ которомъ всякое человѣческое существо дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же началамъ, и что безконечное разнообразіе дѣйствій людей въ ихъ нормальномъ состояніи зависитъ какъ отъ различнаго способа примѣненія принциповъ къ фактамъ, такъ и отъ различнаго способа пониманія фактовъ. Всѣ люди избѣгаютъ, напримѣръ, страданія, но на однихъ дѣйствуетъ предвидимое будущее страданіе весьма сильно, на другихъ же весьма слабо. Притомъ опытъ учитъ, что лица, находящіяся въ нормальномъ состояніи, предполагаются обладающими извѣстными знаніями, которыми они руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ напримѣръ предполагается, что всякій человѣкъ здравомыслящій знакомъ со значеніемъ словъ разговорной рѣчи и съ ихъ обыденнымъ употребленіемъ. Такимъ образомъ весь ходъ правосудія держится на началѣ, что всякій знаетъ законъ и боится его наказаній. Законы не пишутся для скотовъ. Общее понятіе о психическомъ здоровьѣ состоитъ въ томъ, что лицо, пользующееся имъ, ведетъ себя нормальнымъ образомъ, то есть, что оно знакомо съ окружающими его обстоятельствами, что оно дѣйствуетъ не безъ цѣлей, что оно сообразуетъ свое поведеніе

съ предметами составляющими цѣли его дѣйствій и съ общими представленіями, господствующими въ этой области понятій.

Важныя послѣдствія вытекаютъ изъ этого взгляда на здравомысліе. Прежде всего надобно имѣть въ виду, что оно есть состояніе не души и не тѣла, но поведенія человѣка. Вопросы о томъ, есть ли различіе между душою и тѣломъ и какое именно, какъ и чѣмъ они связаны? относятся къ области физіологіи и психологіи. Они чужды праву. Нельзя не сознаться, что великую важность имѣютъ слѣдующія загадки: суть ли душа и тѣло два отдѣльные предмета таинственно совокупленные? есть ли душа только совокупность извѣстныхъ функцій тѣла? не есть ли тѣло только совокупность впечатлѣній производимыхъ на душу? Утвержденіе или отрицаніе этихъ положеній, а равно построеніе новыхъ положеній того же рода, какъ бы согласны ни были эти положенія съ истиною, не имѣетъ никакого вліянія на ходъ правосудія и не объясняетъ нисколько отношенія между сумашествіемъ и отвѣтственностью. Чтобы мы ни думали о связи души съ тѣломъ, мы всегда можемъ сказать въ примѣненіи къ данному случаю, похоже ли было поведеніе лица или не похоже на обыкновенный образъ дѣйствій огромнаго большинства рода человѣческаго. Изъ сего слѣдуетъ заключеніе, которое касается всего, разбираемаго нами, ученія о сумашествіи и рѣшаетъ бо́льшую часть возникающихъ въ этомъ ученіи затрудненій, а именно, что юристы и медики понимаютъ двѣ разныя вещи подъ однимъ словомъ: *сумашествіе*. Юристъ понимаетъ извѣстный образъ поведенія. Медикъ понимаетъ извѣстную болѣзнь, имѣющую, между прочимъ, то послѣдствіе, что она производитъ извѣстный образъ поведенія. Если бы можно было опредѣлить въ каждомъ случаѣ патологическій характеръ сумашествія, то разница во взглядахъ между юристомъ и медикомъ была бы еще яснѣе. Положимъ, что дознано, что сумашествіе происходитъ отъ воспаленія мозга. Очевидно, что было бы нелѣпо уничтожить вполнѣ разумное духовное завѣщаніе, составленное повидимому послѣ зрѣлыхъ размышленій, потому только, что вскрытіе трупа завѣщателя обнаружило,

что онъ страдалъ воспаленіемъ мозга въ моментъ составленія завѣщанія, но тотъ же фактъ, обнаруженный вскрытіемъ, будетъ служить надлежащимъ доказательствомъ того, что завѣщатель былъ человѣкъ сумашедшій въ медицинскомъ смыслѣ этого слова.

Сходство поведенія лица съ поведеніемъ другихъ людей, требуемое для удостовѣренія только его здоровья психическаго, есть сходство общее, а не особенное (специфическое), иными словами, только формальное, а не матеріальное. Оно можетъ существовать при какой угодно степени необразованности, при какихъ угодно страстяхъ и порокахъ. Положимъ, что X убилъ отца, дабы завладѣть принадлежащими сему послѣднему 5 ф. стерл. и скрылъ свое преступленіе столь неискуснымъ образомъ, что его тотчасъ же открыли, Его поведеніе слѣдуетъ однако признать поведеніемъ здравомыслящаго человѣка, потому что оно обнаруживаетъ пониманіе предмета, основанное на обыкновенномъ мотивѣ — корыстолюбіи, раціональное соображеніе средствъ съ цѣлію, пониманія сущности жизни и смерти, а равно и доставляемой смертью лица возможности воспользоваться его добромъ, наконецъ знаніе о томъ, что убійство требуетъ сокрытія для избѣжанія наказанія. Это такое дѣяніе къ которому неспособно ни одно изъ самыхъ понятливыхъ животныхъ, каковы слонъ или собака.

Мысль о томъ, что здоровье психическое, по понятіямъ юристовъ, зависитъ отъ общаго сходства въ поведеніи даннаго лица съ поведеніемъ другихъ лицъ, разрѣшаетъ нѣкоторыя затрудненія, которыя порождаются вопросомъ о мотивахъ. И судьи и адвокаты повторяютъ безпрестанно, что наличность или отсутствіе мотива дѣйствія неважно въ уголовномъ судѣ, потому что мотивы безконечно разнообразны и точная оцѣнка ихъ дѣло невозможное. Это совершенно справедливо, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы не важенъ или не разрѣшимъ былъ вопросъ о томъ, не совершено ли дѣяніе безъ всякаго мотива, подобнаго тѣмъ, какими руководствуются всѣ люди вообще. Всякія дѣянія даже самыя безумныя имѣютъ свои мотивы, хотя иногда и нелегко указать на нихъ специфи-

чески; вообще всегда бываетъ возможно составить себѣ мнѣніе о томъ, проистекаетъ ли дѣяніе изъ неизвѣстнаго безумнаго мотива или изъ неизвѣстнаго здраваго (нормальнаго) мотива. Положимъ, что двое мужей, жившихъ весьма ладно съ своими женами, убили сихъ послѣднихъ. Одинъ изъ нихъ совершилъ убійство посредствомъ отравы, которую онъ тайкомъ пріобрѣлъ и тайкомъ подмѣшалъ къ пищѣ. Другой безъ всякаго къ тому повода или предостереженія съ своей стороны, всталъ изъ-за стола среди обѣда въ присутствіи двадцати гостей и закололъ свою жену. Мотивы дѣйствій обоихъ мужей могутъ остаться навсегда неизвѣстными, но обстоятельства обоихъ случаевъ таковы, что съ перваго разу представляется, что одинъ изъ мужей дѣйствовалъ по какому либо неизвѣстному, но обыкновенному мотиву, каковы: злоба, ревность и т. п., другой же дѣйствовалъ по мотиву, имѣющему свой источникъ въ психической болѣзни, напримѣръ по внезапному умоизступленію, котораго существованіе, если оно будетъ допущено присяжными, будетъ имѣть большее вліяніе на оцѣнку вины подсудимаго.

Если такова сущность психическаго здоровья или сумашествія, спрашивается какимъ образомъ наличность того или другаго вліяетъ на три поставленныя нами предложенія: что данное дѣяніе было намѣренное, что оно было произвольное и что оно было злостное, и какъ доказать эту наличность? Психическое здоровье человѣка влечетъ за собою предположеніе о присутствіи намѣренія и воли во всѣхъ его дѣйствіяхъ; если данное дѣяніе принадлежитъ къ разряду дѣяній запрещаемыхъ закономъ, то по закону и предполагается, что оно злостное. Мы описали общія послѣдствія этого предположенія, но спрашивается, какимъ образомъ оно можетъ быть, уничтожено доказательствомъ что человѣкъ сошелъ съ ума? Предположимъ, что нѣкто не поступаетъ какъ другіе люди; какое вліяніе имѣетъ это обстоятельство на характеръ его дѣйствій? Законъ говоритъ, что поджегъ дома есть злодѣяніе. Какимъ образомъ это положеніе разрушается вслѣдствіе того, что зажигатель сумашед-

шій? Можетъ ли дѣяніе считаться злодѣяніемъ, хотя бы дѣйствующій не зналъ его свойствъ или былъ въ невозможности воздержаться отъ совершенія его? Отвѣтъ на эти вопросы требуетъ болѣе полнаго предварительнаго разбора матерій, которыхъ они касаются. Спрашивается; какой точный смыслъ имѣетъ предложеніе, что такое-то дѣяніе есть злое дѣло? Тотъ смыслъ, что оно осуждается извѣстною системою нравственности, каковую систему считаетъ истинною лицо, которое произноситъ слово: *злое дѣло*. Положимъ напримѣръ, что нѣкто говоритъ: „я считаю злымъ дѣломъ, когда двоюродные сочетаются между собою бракомъ“. Оно значитъ тоже что: „я признаю за истину извѣстную систему нравственности, которая осуждаетъ подобные браки изъ видовъ пользы или на основаніи имяннаго божественнаго запрещенія. Спрашивается: признаетъ ли право какую либо систему нравственности за истину и какую именно? Право не утверждаетъ ничего подобнаго, оно не имѣетъ никакого дѣла до таковой истины. Право есть система исключительно практическая, изобрѣтенная и поддерживаемая въ видахъ извѣстнаго существующаго въ дѣйствительности состоянія общества. Но хотя право вполнѣ независимо отъ всякой нравственной философіи и хотя суды, примѣняющіе законъ, должны быть не доступны для всѣхъ доводовъ, заимствованныхъ изъ этого источника, однако оно ссылается безпрестанно на нравственныя чувства, а иногда и отмѣчаетъ въ законѣ, ради извѣстныхъ особенныхъ цѣлей, тѣ нравственныя понятія, которыя существуютъ какъ общій фактъ въ народѣ, управляемомъ правомъ. И такъ, напримѣръ, законъ запрещаетъ *libel* или диффамацію на письмѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и привилегированные по закону случаи разглашенія предосудительныхъ о другихъ лицахъ фактовъ, случаи которые оправдываютъ разгласителя и освобождаютъ его и отъ гражданскаго иска и отъ уголовнаго обвиненія на основаніи признаваемой закономъ „нравственной и общественной несовершенной (т. е. не требуемой подъ страхомъ наказанія) обязанности“ доводить до свѣдѣнія обще-

ства обо всемъ, что можетъ вредить сему послѣднему [1]). Большая часть законовъ о договорахъ есть не болѣе какъ развитіе нравственныхъ правилъ о справедливости и добросовѣстности, которыя не были никогда облечены авторитетомъ со стороны законодательной власти. Судъ королевской скамьи присваиваетъ себѣ власть *custodis morum* и наказываетъ многія дѣянія потому только, что они составляютъ нападенія на положительную нравственность народа. Этимъ только основаніемъ объясняются наказуемость богохуленія и вся система постановленій, относящихся къ обидамъ на письмѣ или къ заговору.

И такъ система нравственности, подразумѣваемая подъ словомъ *malice*, есть система или лучше сказать совокупность тѣхъ нравственныхъ чувствъ, которыя фактически существуютъ въ цѣломъ народѣ. Изъ всѣхъ нравственныхъ понятій самое общее и по природѣ своей и по своему примѣненію, состоитъ въ томъ, что тѣ только дѣянія нравственно предосудительны, которыя совершены лицомъ, знающимъ, что они предосудительны и которое властно воздержаться отъ нихъ. О томъ, что лицо знаетъ объ ихъ предосудительности, мы заключаемъ изъ того, что оно обладаетъ обыкновенными способами познанія, то есть, что оно на столько умно и образовано, что способно понимать смыслъ обыкновенныхъ предложеній и предвидѣть простыя и непосредственныя послѣдствія дѣянія. О томъ, что оно могло бы воздержаться, мы заключаемъ изъ того, что оно дѣйствуетъ подобно другимъ людямъ; это заключеніе можетъ быть устранено только положительнымъ доказательствомъ противнаго.

Все сказанное нами выше можетъ быть выражено въ двухъ краткихъ предложеніяхъ, что 1) предположеніе о злоумышленности уничтожается доказательствомъ того, что дѣйствовавшее лицо не знало, что дѣяніе было злое, или 2) что оно не могло отъ него воздержаться. Ни одинъ присяжный не затруднится отвѣчать на

---

[1]) Harrisson v. Bush, 5 Ell. and Bl. 344.

простые вопросы: зналъ ли подсудимый, что онъ чинитъ зло? Могъ ли онъ его не дѣлать? Но при болѣе глубокомъ анализѣ этой матеріи могутъ возникнуть вопросы, требующіе объясненій, которыя мы старались представить.

Эти начала рѣшаютъ всѣ вопросы, могущіе возникнуть въ уголовныхъ дѣлахъ относительно психическаго здоровья или сумашествія подсудимыхъ. Судъ рѣшаетъ, дѣйствовалъ ли подсудимый намѣренно, произвольно и злоумышленно, иными словами на простонародномъ языкѣ: что сдѣлалъ онъ? могъ ли онъ этого не сдѣлать? зналъ ли онъ, что чинитъ зло? По закону судъ долженъ предполагать, что всѣ эти вопросы рѣшаются утвердительно. Доказательство противнаго всего чаще направлено къ тому, чтобы показать, или что поведеніе подсудимаго въ данномъ случаѣ было безумное, или что подсудимый страдалъ душевнымъ недугомъ, рождающимъ предположеніе, что онъ дѣйствовалъ безумно. Когда представлены доказательства въ подтвержденіе того и другаго пункта, то задача присяжныхъ обыкновенно легка. Такихъ случаевъ бываетъ бездна на практикѣ. Подсудимая женщина жаловалась лѣкарю во все время ареста на боль въ головѣ, потерю аппетита и тоску. Она была мучима религіознымъ страхомъ. Она судилась за то, что поднялась ночью и утопила четверо дѣтей своихъ въ рѣкѣ. Она сознается въ томъ, но утверждаетъ, что ей явилась какая-то черная фигура, которая объявила, что Богъ велитъ ей утопить дѣтей, потому что эти дѣти сквернословятъ и что имъ лучше умереть въ дѣтствѣ нежели вырости и стать злыми людьми [1]). Никто не усомнится сказать, что эта подсудимая не знала о томъ, что она дѣлала злое дѣло, потому что физическая болѣзнь, удостовѣряемая прямыми доказательствами, причинила уму ея галлюцинаціи, которыя разрушили способность ея понимать свойства ея дѣйствій.

Когда представлены доказательства по одному только пункту, то возникаютъ весьма трудные для рѣшенія вопросы, но они за-

---

[1]) R. v. Wilson, Lincoln Summer Assizes. 1861.

труднительны только для присяжныхъ, а не для судей. Юридическій принципъ простъ и ясенъ, но столкновеніе доказательствъ за и противъ можетъ привести и приводитъ, рѣшающихъ дѣло, въ недоумѣніе и колебаніе. Для совершеннѣйшаго объясненія этихъ колебаній сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о формахъ чудачества или сумашествія, обыкновенно приводимыхъ въ доказательство для уничтоженія предположенія, будто бы данное дѣяніе было намѣренное, произвольное и злостное. Главныя формы умопомѣшательства суть: 1) частное умоповрежденіе или мономанія; 2) непреодолимое влеченіе, которое подраздѣляется на множество видовъ, каковы: *phonomania* или страсть къ убійству, *kleptomania* или страсть къ воровству, *pyromania* или страсть къ поджегу и т. д.; наконецъ 3) нравственное помѣшательство. Случаи полнаго безумія и идіотизма не требуютъ никакого поясненія.

Важнѣе другихъ формъ та, которую Лордъ Гэль называетъ *частнымъ умоповрежденіемъ* (partial insanity), ее зовутъ также мономаніей. Мнѣ кажется, что въ юридическомъ отношеніи она не разнится отъ тѣхъ привидѣній или самообольщеній на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ, которые не возмущаютъ хода помышленій, относящихся ко всѣмъ другимъ предметамъ. Какимъ образомъ существованіе подобной болѣзни вліяетъ на преступность даннаго дѣянія? Оно можетъ вліять двумя способами. *Во первыхъ*, оно можетъ служить доказательствомъ отсутствія того вида злоумышленности (malice), котораго законъ требуетъ для полноты состава преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый. Нѣкто судится за нанесеніе раны съ намѣреніемъ убить. Доказано, что онъ нанесъ рану, воображая, что онъ разбиваетъ сосудъ. Намѣреніе убить устраняется такимъ образомъ и подсудимый долженъ быть оправданъ, но если окажется, что онъ не имѣлъ права разбить воображаемый сосудъ, то онъ можетъ быть наказанъ какъ за противузаконное и злоумышленное нанесеніе раны. Разбить злоумышленно сосудъ, значитъ совершить злоумышленное дѣяніе; тотъ кто ранилъ другое лицо при этомъ случаѣ, ранилъ его противузаконно и злоумышлен-

но. Этотъ случай представляетъ намъ рѣдкій и далеко неважный примѣръ примѣненія частнаго умоповрежденія или самообольщенія. Важнѣе бываютъ тѣ случаи, когда частное умоповрежденіе служитъ доказательствомъ того, что умъ подсудимаго былъ до того поврежденъ, что онъ не могъ знать о томъ, что его дѣло злое, что онъ не могъ составить себѣ разумнаго сужденія о дѣлѣ. Примѣненіе этого доказательства къ отдѣльнымъ случаямъ требуетъ величайшей осторожности, что можетъ быть всего лучше объяснено примѣрами. Разбойникъ по ремеслу убилъ прохожаго на большой дорогѣ, ограбилъ его, зарылъ трупъ въ землю, самъ же переодѣлся и бѣжалъ, скрываясь отъ поисковъ правосудія. Положимъ дознано, что онъ имѣлъ странную манію: ему привидѣлось, что его малый палецъ состоитъ изъ пяти суставовъ. Если этимъ только и ограничивается самообольщеніе, то оно столь же мало можетъ послужить къ оправданію преступника, какъ и заблужденіе на счетъ имени убитаго лица, такъ что въ этомъ случаѣ частное умоповрежденіе будетъ существовать совмѣстно съ уголовною отвѣтственностью. Сокрытіе трупа и бѣгство послужатъ ясными уликами того, что преступникъ зналъ о злодѣйскомъ качествѣ своего дѣянія. Если онъ совершилъ убійство тайкомъ, наединѣ, то это будетъ служить доказательствомъ, что онъ имѣлъ возможность воздержаться; кромѣ того весь ходъ жизни преступника, обнаруженный по этому случаю, показалъ бы вѣроятно, что дѣяніе совершено въ здравомъ умѣ и злоумышленно. Однако могутъ существовать обстоятельства, которыя превращаютъ галлюцинацію извѣстнаго рода въ полное доказательство отсутствія злоумышленности. Положимъ, что эта галлюцинація случилась послѣ сильной болѣзни, что она сопровождалась странными выходками и иными обстоятельствами, показывающими, что подсудимый совершилъ дѣяніе не потому, что имѣлъ въ виду его послѣдствія, но потому что до своего помѣшательства велъ злодѣйскую жизнь и былъ увлеченъ къ насилію и грабежу старинными связями; эти обстоятельства могутъ образовать доказательство отсутствія злоумышленности. Прибавляя все новые и новые факты къ той или другой сто-

ронѣ вопроса, можно усложнять его по произволу и затруднить его рѣшеніе, но вопросъ самъ по себѣ остается неизмѣненъ. Для поясненія его мы дадимъ въ концѣ настоящей книги краткій отчетъ о знаменитомъ дѣлѣ Уилліама Дова, судимаго въ Іоркѣ въ 1856 г.

Разборъ самообольщеній даетъ отвѣтъ на довольно основательную на первый взглядъ теорію, по которой знаніе, требуемое для образованія злонамѣренности, не должно быть знаніе о томъ, что данное дѣло злое, но знаніе о томъ, что оно противузаконное. Если бы эта теорія была справедлива, то она поставила бы законъ въ противорѣчіе съ нравственными понятіями, на которыя онъ долженъ опираться и получила бы въ замѣнъ за то въ результатѣ степень точности, не болѣе той, какую злонамѣренность имѣетъ въ настоящее время на практикѣ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Говорятъ о Гэдфильдѣ, что онъ выстрѣлилъ въ Георга III, вообразивъ, что онъ, Гэдфильдъ, есть спаситель міра и что онъ долженъ претерпѣть смерть за спасеніе рода человѣческаго. По его понятіямъ преступно было бы наложить руку на самаго себя, вслѣдствіе чего онъ и совершилъ дѣяніе, за которое онъ надѣялся, что его казнятъ смертью другіе. Если таково было заблужденіе Гэдфильда, то онъ не только зналъ о противузаконности своего дѣйствія, но это самое знаніе было причиною его дѣйствія. Намъ кажется, что подобное дѣяніе не должно быть наказано; но ненаказуемо по той причинѣ, которую даетъ законъ понимаемый, какъ мы его понимаемъ, то есть что умъ Гэдфильда былъ въ такомъ странномъ настроеніи, что не могъ составить разумнаго сужденія о замышляемомъ дѣяніи, слѣдовательно умъ этотъ не могъ знать, что замышляемое дѣло есть злое дѣло, хотя и сознавалъ, что оно противузаконно.

Въ заключеніе замѣтимъ, что практика имѣетъ склонность оцѣнивать слишкомъ низко значеніе отдѣльныхъ коньковъ, галлюцинацій, и причудъ, какъ обстоятельствъ уничтожающихъ предположеніе о знаніи, что извѣстный поступокъ есть злое дѣло. Мономаніи бываютъ иногда до того странныя, и происходятъ иногда отъ

столь отдаленныхъ и столь сокровенныхъ причинъ, что трудно сказать, какимъ образомъ они связаны съ поступками лица, которые кажутся по видимому не имѣющими съ причудами мономана никакого соотношенія. Нѣкто имѣлъ безумную страсть къ вѣтрянымъ мельницамъ и глазѣлъ па нихъ по цѣлымъ днямъ. Друзья надѣясь исцѣлить его, помѣстили его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было вѣтряныхъ мельницъ. Тогда онъ заманилъ ребенка въ лѣсъ и пытался зарѣзать его, какъ оказалось, въ надеждѣ, что его посадятъ въ наказаніе въ такое мѣсто гдѣ есть вѣтряныя мельницы. [1]) Этотъ случай показываетъ, что связь между предметомъ мономаніи и дѣяніемъ можетъ быть столь же странная, какъ и самъ предметъ мономаніи, и что когда существованіе мономаніи вполнѣ доказано, то присяжные должны требовать прямыхъ доказательствъ злоумышленности, но не начинать, съ предположенія, что оно имѣется на лицо.

Перейдемъ къ случаямъ *непреодолимаго влеченія* (impulsive insanity). Говорятъ, что случалось, что люди обуреваемы были безумнымъ и непреодолимымъ влеченіемъ къ убійству, кражѣ, зажигательству и что подъ вліяніемъ такого влеченія они совершали дѣянія, которыя при другихъ условіяхъ имѣли бы характеръ жесточайшихъ преступленій. Много подобныхъ случаевъ собрано въ медицинскихъ книгахъ. Нелѣпо было бы отвергать возможность подобныхъ влеченій, были также примѣры, что лица, ощущавшія подобныя влеченія, боролись съ ними и не поддавались имъ. Единственный вопросъ, возбуждаемый въ дѣлахъ уголовныхъ подобными влеченіями, состоитъ въ томъ, было ли влеченіе непреодолимое или нѣтъ? Если оно было непреодолимое, то подсудимый долженъ быть оправданъ, потому что дѣяніе его не было произвольное и не было даже собственнымъ дѣяніемъ его. Если влеченіе было преодолимое, то обстоятельство, что оно было болѣзненное, не служитъ вовсе извиненіемъ. Если нервы человѣка до того были раздражены при-

[1]) Taylor, Med. Jur. 921.

комъ дитяти, что онъ тотчасъ убилъ это дитя, то его дѣяніе будетъ считаться все-таки убійствомъ. Точно также оно будетъ считаться убійствомъ, если тоже раздраженіе и вызванное имъ желаніе были порождены какимъ либо внутреннимъ разстройствомъ. Великая задача уголовнаго права состоитъ въ томъ, чтобы пріучить людей контролировать свои влеченія и нѣтъ причинъ почему бы люди не должны были контролировать свои влеченія анормальныя, болѣзненныя, точно также какъ они контролируютъ нормальныя. Доказательство того, было ли влеченіе непреодолимо, зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая. Самые обыкновенные и самые важные случаи бываютъ тѣ, когда матери убиваютъ дѣтей своихъ безъ всякаго мотива и не скрываясь, тотчасъ послѣ родовъ.

Нравственное помѣшательство (moral insanity) по мнѣнію тѣхъ, которые рѣшаются употребить этотъ терминъ, состоитъ въ неспособности понимать различіе между добромъ и зломъ и дѣйствовать сообразно этому различію. Оно есть родъ нравственной слѣпоты, вслѣдствіе которой лицо, будучи психически здорово во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, неспособно дѣйствовать сообразно съ установившимися нравственными понятіями. Вопросъ о томъ, существуетъ ли такое психическое разстройство и страдаютъ ли имъ нѣкоторыя лица, есть въ сущности вопросъ фактическій. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы существованіе его въ данномъ случаѣ было доказано, то оно бы послужило основаніемъ къ оправданію подсудимаго по отсутствію злоумышленности въ его дѣйствіи. Положимъ, что нѣкто М покушался убить N. Можно защищать его такимъ образомъ, что онъ зарядилъ пистолетъ и направилъ его на голову N-а, но что выстрѣлъ послѣдовалъ отъ внезапнаго, судорожнаго и непроизвольнаго сжатія мускуловъ руки, а не отъ воли подсудимаго. Вся трудность состоитъ только въ убѣжденіи присяжныхъ повѣрить такому объясненію. Вообще доказательства, приводимыя въ подтвержденіе того, что кто нибудь *нравственно помѣшанъ*, суть такого рода, что они могутъ сов-

падать и съ предположеніемъ, что этотъ человѣкъ великій дуракъ или великій подлецъ, или съ предположеніемъ, что онъ пораженъ особенною психическою болѣзнью, существо которой темно и сомнительною.

Изложенная нами нынѣ дѣйствующая система законодательства была часто порицаема. Нѣкоторые сѣтовали на ея распущенность, иные болѣе многочисленные на ея жестокость. Намъ, кажется, что она вполнѣ раціональна. Наказываніе людей, которые не могли воздержаться отъ преступленія или не знали, что они чинятъ злое дѣло, не увеличило бы ни сколько устрашенія, производимаго наказаніемъ, оно бы только лишило наказаніе той поддержки, которую наказаніе заимствуетъ отъ нравственнаго чувства народа. Съ другой стороны намъ кажется, что было бы крайне опасно допустить, что фактъ сумашествія пресѣкаетъ ходъ всякаго уголовнаго дѣла, то есть, что человѣкъ, страдающій психическимъ разстройствомъ въ какой бы ни было степени, можетъ совершать безнаказанно какія угодно преступленія надъ своими сосѣдями, хозяевами или товарищами въ больницѣ умалишенныхъ. Наше время обращается съ сумашедшими болѣе гуманно и даетъ имъ бо́льшую степень свободы, нежели всѣ предъидущіе вѣка. Эта гуманность и эта свобода стали бы невозможны, если бы сумашедшіе были лишены защиты закона, вслѣдствіе освобожденія ихъ отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ. Гэнуэль и Кольней Гэтсъ содержатъ въ себѣ тысячу сумашедшихъ, которые находятся между собою въ свободномъ общеніи, забавляются вмѣстѣ воздѣлываютъ землю сообща и живутъ почти такъ, какъ и другіе люди, за исключеніемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ ограниченій. Представимъ себѣ, что каждый изъ этихъ сумашедшихъ узналъ, что онъ можетъ убивать, калѣчить и грабить всякаго встрѣчнаго безнаказанно. Результатъ былъ бы тотъ, что свобода обращенія сумашедшихъ должна бы подвергнуться значительному стѣсненію, то есть что ихъ надлежало бы трактовать не какъ свободныхъ дѣятелей, управляемыхъ закономъ, но какъ животныхъ, укрощае-

мыхъ только силою. Современное англійское право признаетъ въ полной мѣрѣ всякій симптомъ психической болѣзни доказательствомъ въ пользу положенія, что совершенное дѣяніе не было преступно. Если однако, несмотря на умопомѣшательство подсудимаго, окажется, что онъ совершилъ преступленіе, то нельзя пріискать никакой причины, почему бы его не наказать уголовно. Состояніе его душевныхъ способностей составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, основаніе ходатайства о помилованіи, но ходатайство о помилованіи есть чисто дѣло благоусмотрѣнія судей и нѣтъ поводовъ къ изъятію дѣлъ о сумашествіи изъ вѣдѣнія судовъ, которые пользуются правомъ ходатайствовать о помилованіи для сумашедшихъ съ величайшею гуманностью, что признаютъ самые злые критики ихъ [1]).

---

[1]) Важнѣйшій источникъ для ученія о сумашествіи и объ уголовной отвѣтственности сумашедшихъ содержится въ отвѣтахъ вестминстерскихъ судей на вопросы предложенные имъ палатою лордовъ по поводу освобожденія M'Нartена отъ наказанія за убіеніе г. Друммонда въ 1843 году. 1 Car and Kir. 134. Стоитъ просмотрѣть еще слѣдующія книги: 1 *Hale* Pleas of the Crown, ch. IV; R. v. Arnold, 16 St. Tr. 764; R. v. Lord Ferrers, 19 St. Tr. 886; R. v. Sir A. Kinloch, 28 St. Tr. 891; R. v. Hadfield 27 St. Tr. 1282; R. v. Oxford 9 C. and. P. 547; R. v. M'Naghten изданный отдѣльною брошюрою. См. также 1 Townsend's St. Tr. 314. Медицинскіе взгляды на тотъ же вопросъ изложены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Dr. Forbes-Winslow*, Lettsomian Lectures; *Dr. Prichard*, Medical Jurisprudence of Insanity; *Dr. Ray* о томъ же и *Taylor*, medical Jurisprudence, ch. LXVII.

ГЛАВА IV.

КЛАССИФИКАЦІЯ И ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Цѣль опредѣленій. — Три класса преступленій. — Отношеніе каждаго изъ этихъ классовъ къ нравственности. — Сбивчивость дѣленія преступленій на treasons, felonies и misdemeanors. — Доводы въ пользу и противъ сохраненія этой классификаціи. — Treason. — Отношеніе общественнаго понятія объ измѣнѣ къ юридическому. — Murder и manslaughter. — Легкомысленное и случайное лишеніе человѣка жизни. — Дуэли. — Provocation. — Самоубійство. — Дѣтоубійство. — Поврежденія тѣлесныя. — Покушенія на убійство. — Изнасилованіе. — Кража. — Несостоятельность опредѣленія ея въ правѣ англійскомъ. — Проектъ новаго опредѣленія. — Объясненіе его примѣрами. — Burglary. — Forgery или подлогъ. — Поддѣлка монеты. — Поврежденіе и истребленіе чужой собственности. — Arson или зажигательство. — Misdemeanors. — Нравственный элементъ въ мисдеминорахъ. — Ляйбели. — Заговоры. — Нюйзенсы. — Консолидація статутовъ. — Вопросъ о кодификаціи англійскаго уголовнаго права.

Такъ какъ преступленія суть дѣянія наказываемыя по закону, то законодатель можетъ превратить всякое дѣяніе въ преступленіе. Въ царствованіе Генриха VIII актъ Парламента запрещалъ читать

новый завѣтъ на англійскомъ языкѣ всякому мужчинѣ не домовладѣльцу и всякой женщинѣ не дворянскаго происхожденія. Пока этотъ актъ былъ въ силѣ, чтеніе новаго завѣта по-англійски считалось столь же преступнымъ, какъ и убійство и по той же причинѣ, то есть потому, что оба дѣянія были запрещены верховною властью. Опредѣленія преступленій, сами по себѣ взятыя, приносятъ только ту пользу, что выражаютъ съ ясностью и полнотою мысль законодателя, такъ что самое совершеннѣйшее опредѣленіе преступленія то, которое въ примѣненіи къ дѣйствительности вмѣщаетъ въ себѣ или исключаетъ по прямому смыслу словъ всѣ случаи, кои законодатель намѣренъ былъ включить или исключить. Когда мы подвергаемъ критикѣ цѣлую систему опредѣленій преступленій, то мы должны обращать вниманіе на два пункта: на то, въ какой степени опредѣленіе соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя, и на то, въ какой степени намѣрѣніе законодателя совпадаетъ съ общественнымъ интересомъ. Въ странахъ гдѣ существуетъ антагонизмъ въ понятіяхъ, нравственности и интересахъ тѣхъ, которые дѣлаютъ законы и тѣхъ, которые имъ повинуются, эти два пункта могутъ быть рѣшаемы въ противуположныхъ направленіяхъ. Въ наше время и въ нашей странѣ (Англіи) оба пункта совпадаютъ и могутъ быть выражены совмѣстно въ слѣдующей формулѣ: какъ должны быть составлены опредѣленія преступленій въ виду общественныхъ выгодъ, доставляемыхъ уголовнымъ правомъ?

Выгоды доставляемыя уголовнымъ правомъ двоякія: во-первыхъ, оно предупреждаетъ преступленія, устрашая; во-вторыхъ, оно даетъ законное удовлетвореніе жаждѣ мести. Не настаивая на важность второй изъ доставляемыхъ выгодъ, удовольствуюсь для тѣхъ, которые отвергаютъ ее, ссылкою на сочиненія двухъ величайшихъ англійскихъ моралистовъ, изъ которыхъ каждый былъ представителемъ и бойцомъ особой философской школы по уголовному праву, а именно Бутлера и Бэнтама [1]). Уголовное

[1]) Проповѣди *Бутлера* VIII и IX *Бэнтама*, Principles of legislation, v. II,

право такъ относится къ жаждѣ мести, какъ бракъ относится къ половой похоти.

Изъ двухъ выгодъ доставляемыхъ уголовнымъ правомъ, первая — предупрежденіе преступленій устрашеніемъ, по существу своему простирается на всю область уголовнаго права; вторая же — удовольствіе мести, достигается только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе, запрещенное закономъ, возбуждаетъ чувства нравственнаго негодованія. Такимъ образомъ только та часть уголовнаго права, которая клонится къ удовлетворенію жажды мести имѣетъ тѣсную связь съ нравственностью. Для уразумѣнія началъ, руководящихъ при опредѣленіи преступленій, необходимо разобрать отношенія между сими двумя предметами.

Дѣянія, запрещенныя закономъ, слѣдовательно преступныя, могутъ быть раздѣлены на три класса:

1. Крупныя нарушенія прямыхъ нравственныхъ обязанностей. Всего обыкновеннѣе въ этомъ классѣ насиліе и нечестность. Предупрежденіе этихъ преступленій устрашеніемъ имѣетъ неоспоримую важность. Предупрежденіе ихъ посредствомъ той торжественной санкціи, которую уголовное право сообщаетъ внушаемому ими омерзенію и обдуманное удовлетвореніе, доставляемое уголовнымъ правомъ, возбуждаемой ими жаждѣ мести, одинаково необходимы и, по всей вѣроятности, одинаково дѣйствительны. Есть люди, конечно, которые воздерживаются отъ убійства потому, что боятся быть повѣшенными, но сотни тысячъ воздерживаются отъ того же преступленія потому, что питаютъ къ нему омерзеніе, въ числѣ же причинъ, почему они питаютъ къ немъ омерзеніе, не послѣднее мѣсто занимаетъ та, что убійцы подвергаются наказанію висѣлицею при сердечномъ одобреніи ихъ казни со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей. Люди такъ созданы, что энергія ихъ нравственныхъ чувствъ значительно усиливается, когда эти чувства нахо-

---

р. 129. (Dumont). Въ классификаціи Бэнтама месть, удовольствіе злорадства, и составляетъ одинъ изъ 15 классовъ удовольствій вообще.

дять воплощеніе въ какой либо конкретной формѣ. Даже безразличныя или добродѣтельныя дѣянія бываютъ осуждаемы нравственнымъ чувствомъ извѣстныхъ мѣстъ и временъ, когда они запрещены закономъ. Исповѣдываніе особенныхъ религіозныхъ мнѣній осуждается отчасти потому, что въ теченіи многихъ лѣтъ людей жгли за новшество въ дѣлѣ вѣры, да и теперь ересь наказывается соціально, хотя и не уголовно [1]). Злодѣянія проходятъ непорицаемыя тамъ, гдѣ законъ сихъ дозволяетъ. Противуестественные пороки возбуждаютъ въ Англіи болѣе омерзенія, нежели въ какой либо иной странѣ, можетъ быть потому, что съ древнѣйшихъ временъ они влекли за собою смертную казнь. Этотъ второстепенный результатъ уголовнаго права объясняетъ всю важность полнѣйшаго согласованія уголовнаго права и нравственности такимъ образомъ, чтобы право давало удовлетвореніе чувствамъ возбуждаемымъ нравственностью.

2. Второй классъ законодательныхъ запретовъ вмѣщаетъ въ себѣ дѣянія, которыя заимствуютъ свое нравственное значеніе единственно только изъ того факта, что они запрещены закономъ; напримѣръ, корчемство, привозъ контрабанды, противузаконная охота на дикихъ звѣрей, нарушенія закона о займахъ подъ закладъ движимостей или нарушенія закона о торговомъ мореплаваніи. Законодатель руководствуется, издавая запреты, какою либо особенною цѣлью, нравственное же чувство, возбуждаемое нарушеніемъ этого запрета, зависитъ отчасти отъ взглядовъ на предметъ отдѣльныхъ классовъ общества или отдѣльныхъ лицъ, отчасти же отъ степени уваженія къ закону въ народѣ. Сквайръ и мужикъ совсѣмъ иначе смотрятъ на охоту на чужихъ земляхъ. Англичане и Венеціанцы (теперешніе) совсѣмъ иначе понимаютъ обязанность повиноваться закону. Вотъ почему опредѣленіе этого разряда преступленій есть спеціальная матерія,

---

[1]) Т. е. ограниченіями въ правахъ и нерасположеніемъ къ нимъ со стороны общественныхъ нравовъ.

мало связанная съ какого бы то не было рода общими принципами, въ особенности же съ началами нравственности.

3. Третій классъ законодательныхъ запретовъ образуется изъ нападеній на собственный авторитетъ законодателя или изъ ослушанія этого авторитета. Важнѣйшіе виды сего класса суть: измѣна, бунтъ и т. под.; кромѣ того сюда же надобно отнести множество частныхъ правонарушеній, носящихъ въ англійскомъ правѣ общую фирму мисдеминоровъ, такъ, напримѣръ, обиды на письмѣ, наказываемыя какъ нарушенія мира, то есть того самаго общаго и весьма важнаго приказанія законодателя, по которому всякій гражданинъ долженъ хранить миръ и спокойствіе. Точно такимъ же образомъ мисдеминоромъ считается всякое неповиновеніе законному приказу свыше, какъ-то: ослушаніе лордомъ — маіоромъ или шерифомъ указовъ королевы, ослушаніе кѣмъ бы то ни было приказаній судьи въ судѣ, напримѣръ, приказанія молчать; ослушаніе приказа констэбля объ оказаніи ему помощи при заарестованіи преступника, ослушаніе всякаго приказанія содержащагося въ актѣ парламента и т. д.

Писатели юристы старались многократно изобразить всю скверность вины преступника, изобличаемаго въ преступленіяхъ послѣдняго класса, напримѣръ, въ государственной измѣнѣ. Ужасающая уродливость казней, полагаемыхъ въ прежнія времена за эти преступленія, доказываетъ въ какой степени склонны были прежнія правительства къ вымогательству, посредствомъ устрашенія, нравственной поддержки со стороны своихъ подданныхъ. Нельзя сказать, чтобы усилія правительствъ не были увѣнчаны успѣхомъ, по крайней мѣрѣ суровость уголовнаго права кладетъ и до сихъ поръ клеймо безчестія на словахъ: бунтовщикъ и измѣнникъ, современная же исторія представляетъ множество примѣровъ того, съ какою тратою ума люди воюютъ со словами, вмѣсто того, чтобы, помирившись съ ними, стараться объяснить дѣянія сокрытыя подъ этими словами. Въ сущности нравственный характеръ этого класса преступленій можетъ быть безконечно различенъ, смотря по обстоя-

тельствамъ. Они могутъ считаться хорошими или дурными или глупыми дѣяніями въ разныхъ степеняхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дворяне пригласившіе Вильгельма III завоевать Англію были измѣнники. Точно также несомнѣнно, что, совершая уголовное преступленіе, они учинили дѣло доброе и натріотическое. Съ другой стороны точно такіе же измѣнники Эмметъ и Тистльвудъ должны быть признаны настоящими злодѣями. Положимъ, что нѣкто A сказалъ о B, что онъ совершилъ десять мэрдеровъ, между тѣмъ какъ B совершилъ на дѣлѣ только 9 мэрдеровъ и одно непредумышленное убійство (manslaughter) съ увеличивающими вину обстоятельствами. Вслѣдствіе сего A можетъ быть наказанъ какъ клеветникъ (libeller) наравнѣ съ B, который обвинилъ въ десяти мэрдерахъ совершенно невинное лицо; но вина A можетъ быть даже важною услугою обществу и доблестнымъ дѣломъ, между тѣмъ какъ вина A самая черная. Ослушаніе законнаго приказа можетъ быть плодомъ трусости и подлости, напримѣръ, когда судья или чиновникъ отказывается или боится возстановить нарушенный миръ. Тоже ослушаніе можетъ не вмѣщать въ себѣ никакой нравственной вины и быть простымъ способомъ удостовѣренія о какомъ либо фактѣ или о значеніи извѣстной фразы, напримѣръ, когда дорожный надсмотрщихъ отказывается отъ починки извѣстной дороги или когда чиновникъ сомнѣвается на счетъ точнаго смысла парламентскаго акта и испытываетъ обязательность этого акта, допуская, чтобы его самаго отдали за ослушаніе акту подъ судъ. Замѣчательный примѣръ сего рода представляетъ дѣло *R. v. Jones* [1]), состоящее въ томъ, что казначей графства Энглеси былъ судимъ за отказъ въ уплатѣ денегъ по письменному требованію (order) клерка ассизовъ за нѣкоторыя издержки, потому что требованіе было надорвано въ половину, такъ что отдѣльныя статьи расхода не всѣ уцѣлѣли, но цѣлъ былъ только общій итогъ. Этотъ казначей былъ оправданъ на томъ основаніи, что письменное требованіе должно быть цѣлое, а не надорванное.

[1]) 9 Car. and. P. 401.

Вся эта обширная и важная часть уголовнаго права имѣетъ слабую и перемежающуюся связь съ нравственностью. Законодатель поставленъ въ необходимость поддерживать иногда порядокъ вещей несправедливый, дурной. Нельзя сказать безусловно, чтобы общество находилось всегда въ состояніи равновѣсія, и чтобы всякое возмущеніе этого порядка достойно было наказанія, въ особенности, если это возмущеніе направлено противу самой законодательной власти. Такъ бываетъ вообще въ большей части случаевъ, но бываютъ и многочисленныя изъятія. Могутъ возникнуть и возникаютъ случаи, когда родъ человѣческій получаетъ много выгодъ отъ нападеній словомъ, письмомъ, или дѣломъ на авторитетъ и существующій порядокъ; точно тоже можно сказать и о нападеніяхъ на частныя лица, о противузаконныхъ повидимому ослушаніяхъ приказамъ и о стремленіяхъ къ цѣлямъ, которыя осуждаетъ законъ положительный.[1]) Съ другой стороны сущность правительства заключается въ верховной непреодолимости его. Всякое учрежденіе становится недостойнымъ этого имени, если оно не наказываетъ строго и неукоснительно за всякія нападенія на его существованіе, за всякое презрѣніе его авторитета, не смотря на то, выйдетъ ли изъ этого презрѣнія добро или зло. Вѣрный взглядъ на характеръ наказаній за этого рода правонарушенія выраженъ энергически, хотя весьма рѣзко, лордомъ судьею-секретаремъ (justice clerk) шотландіи по дѣлу Гарральда, одного изъ лицъ, изобличенныхъ въ участіи въ Эдинборгскомъ бунтѣ 1794: „я много слыхалъ о невинности намѣреній подсудимаго, но вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ моего брата и предполагая, что подсудимый дѣйствовалъ по принципу и что его мотивы были чистые, я утверждаю, что считаю его болѣе опаснымъ членомъ общества нежели тотъ, чье поведеніе было по истинѣ злодѣйское и кто дѣйствовалъ изъ-за преступныхъ мотивовъ“ [2]).

---

[1]) Мы не беремъ на себя отвѣтственности за эту чисто англійскую выходку автора, которая объяснима только съ точки зрѣнія англійской конституціи.
Прим. переводчика.

[2]) 23 St. Tr. 1011 — 1012.

Возможность раздвоенія и даже столкновенія права и нравственности служитъ однимъ изъ безчисленныхъ подтвержденій той великой истины, что добро и зло неразрывно перепутаны въ дѣлахъ сего міра и что безусловныхъ выгодъ и добра нельзя ожидать ни отъ какого одного источника. Раздвоеніе можетъ быть доведено до minimum посредствомъ признанія того, что оно существуетъ и посредствомъ такого формулированія опредѣленій преступленій разсматриваемаго нами класса, чтобы они какъ можно меньше и какъ можно рѣже шокировали нравственное чувство народа. Разборъ отношеній существующихъ между правомъ и нравственностью показываетъ, что при опредѣленіи преступленій надобно всегда обращать вниманіе на нравственный характеръ опредѣляемаго дѣянія и сообщать по возможности юридическія послѣдствія обстоятельствамъ усиливающимъ, ослабляющимъ или удаляющимъ нравственную вину. Этотъ разборъ показываетъ еще, что право и нравственность держатся рука объ руку только въ одной области уголовнаго права, въ другихъ же областяхъ они независимы другъ отъ друга и даже могутъ сталкиваться.

Даже и въ примѣненіи къ той области уголовнаго права, которая вся построена на нравственности, не слѣдуетъ забывать, что юридическое опредѣленіе преступленія не можетъ никогда удовлетворить въ полной мѣрѣ нравственное чувство, раздражаемое преступленіемъ, по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому что всякое дѣяніе есть предметъ сложный, образуемый и тѣлесными движеніями и состояніями сознанія, о которыхъ мы догадываемся изъ тѣлесныхъ движеній. Съ другой стороны и юридическія и нравственныя опредѣленія по необходимости привязываются прежде всего къ движеніямъ тѣлеснымъ и уже потомъ отмѣчаютъ состоянія сознанія, какъ примѣсь къ движеніямъ тѣлеснымъ, и притомъ какъ примѣсь необходимую для образованія дѣянія, которая предполагается существующею, пока не будетъ доказано, что ея нѣтъ. Посему даже и нравственныя опредѣленія далеко не удовлетворительны для вызывающаго ихъ нравственнаго чувства, а

тѣмъ болѣе опредѣленія юридическія. Вторая причина состоитъ въ томъ, что по природѣ своей законъ долженъ быть точенъ. О многихъ дѣяніяхъ невозможно и неинтересно сказать, нравственныя ли они или безнравственныя, но существо права и состоитъ именно въ томъ, чтобы о всякомъ вообразимомъ дѣяніи, можно было сказать, законно ли оно или противузаконно. Посему демаркаціонная линія, разграничивающая дѣянія юридически виновныя отъ дѣяній юридически невинныхъ, идетъ часто извиваясь между дѣяніями, которыя не отличаются одно отъ другаго въ нравственномъ отношеніи; точно также и нравственныя опредѣленія должны иногда оттѣнять дѣянія, возбуждающія одно и тоже нравственное чувство. Тотъ, кто уложилъ чужой товаръ въ повозку съ тѣмъ, чтобы увезти его, считается воромъ, но онъ не считается воромъ, когда держитъ только въ рукахъ этотъ товаръ. Человѣкъ лицемѣрный и фальшивый до мозга костей можетъ быть никогда не былъ уличенъ во лжи. И юристовъ и казуистовъ надобно извинить за кажущуюся схоластичность системъ, которыхъ они придерживаются съ педантизмомъ; это качество ихъ вытекаетъ изъ необходимости проводить рѣзкія граничныя линіи между различными классами дѣяній.

Мы старались доказать цѣну и значеніе опредѣленій преступленій; теперь займемся вопросомъ какой лучшій способъ составлять и формулировать эти опредѣленія. Опредѣленія преступленій основаны на общемъ однообразіи человѣческихъ дѣйствій и должны указывать, чѣмъ отличается данное преступленіе и отъ всѣхъ другихъ дѣяній и отъ всѣхъ другихъ преступленій. Часто обѣ цѣли достигаются въ одно и тоже время, такъ напримѣръ, всякое какое угодно опредѣленіе убійства послужитъ къ отличенію этого преступленія и отъ кражи, и отъ поддѣлки монеты, и отъ дѣяній невинныхъ. Бываютъ однако случаи, когда задача становится труднѣе, такъ напримѣръ, опредѣленіе убійства вмѣщаетъ въ себѣ и посягательство на жизнь короля, но сіе послѣднее дѣяніе не есть убійство, а государственная измѣна (high treason). Весьма важно для практики точное размежеваніе однородныхъ преступленій. Боль-

шая часть схоластичности и запутанности, въ которыхъ не безъ основанія обвиняютъ англійское право, проистекаетъ отъ безнаказанности преступниковъ, кои, совершивъ одно преступленіе, были судимы за другое подобное, но по закону отъ перваго отличное. Есть только двѣ причины оправдывающія установленіе различій между сходными въ сущности преступленіями, а именно: различіе въ наказаніяхъ за оба преступленія или различіе въ подсудности. Всѣ эти различія могли бы быть упрощены и уменьшены числомъ, если бы законодатель предложилъ немногія, ясныя, общія опредѣленія самыхъ обыкновенныхъ преступленій, основанныя, на нравственномъ сродствѣ этихъ преступленій однихъ съ другими, и если бы онъ опредѣлилъ что особенныя обстоятельства должны влечь за собою усиленіе наказаній.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступаемъ къ разбору англійскихъ опредѣленій преступленій и ихъ классификаціи.

Самое употребительное въ англійскомъ правѣ дѣленіе преступленій есть трехчленное, на *treason*, *felony* и *misdemeanor*. Подобныя дѣленія встрѣчаются во всѣхъ положительныхъ законодательствахъ и основаны или на различіи наказаній, соотвѣтствующихъ этимъ разрядамъ преступленій, или на различіи судовъ, которымъ эти преступленія подсудны. Французскій Code pénal (art. 1) дѣлитъ преступленія на *contraventions*, влекущія за собою les peines de police; *délits*, влекущія за собою *les peines correctionnelles* (тюрьма, штрафъ, временное ограниченіе въ пользованіи правами гражданскими), наконецъ *crimes*, влекущія за собою *les peines afflictives et infamantes* (смертная казнь, каторжныя работы, ссылка и тяжкое заключеніе, носящее названіе *réclusion*). Въ Англіи фелонія обозначаетъ преступленіе, влекущее за собою конфискацію имущества (forfeiture); въ этомъ отношеніи оно вмѣщаетъ въ себѣ и treason [1]). Мисдеминоръ есть преступленіе, не влекущее за собою конфискаціи. Въ прежнія времена фелонія влекла

[1]) 4 Ste Com. p. 92.

за собою вообще смертную казнь, хотя многіе случаи фелоніи освобождены были отъ этой казни, каковы: самоубійство, изувѣченіе и малая кража.

Мы изложили выше происхожденіе этого дѣленія и старались показать, какимъ образомъ послѣдующее законодательство лишало его всякой послѣдовательности и даже всякаго смысла. Проистекающая оттого запутанность составляетъ важный и весьма существенный, не со стороны одной только формы, недостатокъ въ правѣ, который сопряженъ съ очень значительными неудобствами. Всякій частный человѣкъ можетъ заарестовать другаго по основательному подозрѣнію въ фелоніи, но онъ не пользуется этимъ правомъ въ отношеніи къ мисдеминорамъ; отсюда проистекаютъ самыя нелѣпыя послѣдствія. Г. Гривэсъ въ своемъ изданіи консолидирующихъ актовъ 1861 г. приводитъ слѣдующія соображенія по этому поводу: „кто завладѣетъ посредствомъ обмана цѣлымъ стадомъ чужаго рогатаго скота, тотъ можетъ ходить спокойно, зная, что никто, даже чиновникъ-хранитель мира, не смѣетъ заарестовать его безъ письменнаго указа (warrant), но если онъ предложилъ продать кому нибудь кусокъ дерева, похищенный имъ изъ чужаго забора, то онъ не только можетъ, но и долженъ быть заарестованъ“ [2]). Если бы законы о конфискаціи соблюдались строго, чего на дѣлѣ нѣтъ, то различіе между фелоніями и мисдеминорами повело бы къ вопіющимъ несправедливостямъ. Можетъ ли быть что нибудь уродливѣе того, что преступникъ, укравшій шиллингъ, терялъ бы все свое имущество, между тѣмъ свободнымъ отъ конфискаціи остался бы тотъ, кто добылъ 10,000 ф. ст. заговоромъ, обманомъ или лживою присягою. Равнымъ образомъ нелѣпо и то, что воръ судимый за мелкую кражу можетъ отвести безъ показанія причинъ 20 присяжныхъ, между тѣмъ какъ человѣкъ обвиняемый въ клятвопреступленіи долженъ терпѣть что злѣйшіе враги его будутъ засѣдать по его дѣлу на скамьѣ присяжныхъ и не можетъ освободиться отъ

---

[2]) P. 146 примѣчаніе къ 24 и 25 Vict., c. 85, s. 103.

нихъ, если не представитъ положительныхъ доказательствъ того, что они его враги.

Неправильно и ни съ чѣмъ несообразно и то, что можно заниматься мошенничествомъ въ видѣ ремесла, можно быть изобличеннымъ въ повтореніи уголовнаго обмана многократно, не подвергаясь за то наказанію бо̀льшему, нежели три года каторжныхъ работъ, между тѣмъ какъ наказаніе за вторичную фелонію уже доходитъ до десяти лѣтъ каторжныхъ работъ. Этотъ недостатокъ устраняется отчасти 8 статьею статута о малой кражѣ (24 и 25 Vict., c. 98), который однако устанавливаетъ совершенно произвольное различіе между осужденіемъ за фелонію послѣ прежняго осужденія за фелонію же и осужденіемъ за фелонію послѣ прежняго осужденія за нѣкоторые мисдеминоры; въ первомъ случаѣ полагается 10, а во второмъ 7 лѣтъ каторжныхъ работъ. Этотъ статутъ умалчиваетъ также о вторичномъ осужденіи за мисдеминоръ.

Слабость и кротость, съ которыми уголовное правосудіе дѣйствуетъ въ настоящее время, не могутъ покрыть недостатковъ подобныхъ указаннымъ нами. Кто знаетъ, можетъ быть настанутъ времена, когда судьи будутъ построже въ отношеніи къ конфискаціямъ и обвинители станутъ отстаивать недопущеніе подсудимыхъ къ отводу присяжныхъ. Самое лучшее время для отмѣны злоупотребленій есть именно то, когда за выходомъ ихъ изъ практики, практика допускаетъ, что они не болѣе какъ злоупотребленія.

Различіе между тризономъ и фелоніею простое, удобопонятное, специфическое, опирается на многіе акты парламента и не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній.

Различіе между felony и misdemeanor можетъ показаться безполезнымъ. Можно спросить, почему бы не сопоставить всѣхъ преступленій въ одномъ и томъ же ряду. Отвѣчая на этотъ вопросъ, слѣдуетъ принять въ соображеніе всѣ важнѣйшія послѣдствія, сообщаемыя закономъ каждому изъ этихъ разрядовъ преступленій. Важнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія три:

1) Фелонія влечетъ за собою конфискацію, отъ которой свободенъ мисдеминоръ.

2) Легче заарестовать виновнаго въ фелоніи, нежели виновнаго въ мисдеминорѣ.

3) Порядокъ суда за фелоніи разнится во многихъ частностяхъ отъ порядка суда за мисдеминоры. Судимые за фелонію судятся по обыкновенному порядку суда *inquisition* по обвинительному акту (indictment), но къ обвиняемымъ въ мисдеминорахъ примѣняется особый порядокъ суда *information*. Лица, обвиняемыя въ фелоніяхъ, могутъ отводить присяжныхъ безъ показанія причинъ, чего не могутъ дѣлать обвиняемые въ мисдеминорахъ. Вообще судопроизводство по мисдеминорамъ ближе подходить къ судопроизводству по гражданскимъ искамъ о частныхъ правонарушеніяхъ.

Таковы главныя характеристическія черты различія между фелоніями и мисдеминорами. Спрашивается: желательно ли оставить тоже дѣленіе на будущее время, и, если желательно, то какъ провести между ними демаркаціонную линію во избѣжаніе той запутанности, которая существуетъ нынѣ между обоими классами преступленій?

Прежде всего желательно было бы отмѣнить цѣликомъ конфискацію. На дѣлѣ имущество преступника никогда не отбирается въ казну. Наказаніе никогда непримѣняемое есть наказаніе очевидно безполезное, которому незачѣмъ существовать. Отмѣна конфискаціи поведетъ къ устраненію весьма важныхъ недостатковъ существующаго права. Нынѣ гражданскій искъ не допускается вовсе въ дѣлахъ о фелоніяхъ, отчасти потому, что, на основаніи весьма сомнительной юридической аксіомы, гражданская обида утопаетъ вся (is merged) въ фелоніи, отчасти потому, что по закону собственность виновнаго въ фелоніи должна по осужденіи его поступить въ казну, отчасти потому, что если бы допустить преслѣдованіе преступленій гражданскимъ порядкомъ, то многія преступленія только и были бы преслѣдуемы гражданскимъ порядкомъ; наконецъ отчасти потому, что огромное большинство преступниковъ

принадлежитъ къ разряду неимущихъ и несостоятельныхъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, власть же, которою снабжены суды, постановлять о возвращеніи по принадлежности вещей похищенныхъ или того, что получено въ замѣнъ за эти вещи, считается достаточною для требованій практики.

Послѣдніе два довода имѣютъ конечно нѣкоторый вѣсъ, но они могутъ быть съ успѣхомъ устранены предоставленіемъ лицамъ, пострадавшимъ отъ преступленія, права, которымъ пользуется во Франціи *partie civile* и которое состоитъ въ присоединеніи къ имѣющемуся иску о наказаніи другаго иска о вознагражденіи убытковъ. Несуществованіе такого права въ Англіи составляетъ весьма существенный недостатокъ англійской системы, предоставляющей преслѣдованіе преступленій частнымъ лицамъ. Признаніе этого права не причинитъ никакого замѣшательства, когда присяжнымъ, которые судили преступника, дана будетъ власть опредѣлять количество вознагражденія, слѣдующаго лицу пострадавшему отъ преступленія. Практическая польза подобной мѣры не уменьшится нисколько отъ того, что эта мѣра не будетъ употребляема въ бо̀льшей части случаевъ. Большинство преступленій совершается несостоятельными людьми, но бываютъ нерѣдко преступленія, совершаемыя и лицами имѣющими кой-какую собственность; крайне обидно, что пострадавшіе отъ этихъ преступленій не получаютъ никакого удовлетворенія. Убійство можетъ раззорить цѣлую семью; нанесеніе раны можетъ лишить раненаго всѣхъ средствъ существованія. Нѣтъ причинъ, почему бы виновники этихъ преступленій не были обязаны вознаградить зло, по мѣрѣ средствъ своихъ, лицамъ пострадавшимъ отъ злодѣянія. Предлагаемая нами реформа способна скорѣе пріохотить частныя лица къ вчинанію уголовныхъ исковъ, нежели уменьшить ихъ число. Желательно было бы также, чтобы приговоръ противъ подсудимаго вмѣщалъ въ себѣ и опредѣленіе о взысканіи судебныхъ издержекъ по усмотрѣнію суда, равнымъ образомъ, чтобы приговоръ, оправдывающій подсудимаго, могъ вмѣщать въ себѣ постановленіе о вознагражденіи его за нанесен-

ныя отъ иска потери, если только судъ положительно убѣжденъ, что онъ невиненъ. Бѣднякъ можетъ быть поставленъ въ ужасающую необходимость продать все, что имѣетъ, для оказанія своей невинности, такъ что изъ суда онъ можетъ выйти свободнымъ, но нищимъ. Конечно такіе случаи рѣдки, но они возможны и судамъ надлежало бы довѣрить власть рѣшенія, значитъ ли оправданіе подсудимаго только то, что онъ освобожденъ по недостаточности доказательствъ или то, что онъ вполнѣ убѣдилъ судъ въ своей невинности. Расходы на этотъ предметъ не могли бы быть значительны въ общей сложности своей, но впечатлѣніе, производимое на публику, было бы весьма хорошее. Если подсудимый изобличается въ преступленіи, то нѣтъ причины почему бы не приговорить его къ уплатѣ издержекъ процесса, если, по своимъ средствамъ, онъ можетъ ихъ заплатить.

Постановленія о конфискаціи не даютъ повода къ сохраненію впредь дѣленія преступленій на фелоніи и мисдеминоры; иное дѣло — постановленія о заарестованіи. Очевидно, что есть большой классъ преступленій, требующихъ самаго скораго дѣлопроизводства и есть другой классъ, въ примѣненіи къ которому подобная скорость была бы крайне непріятна и обременительна. Весьма важно, чтобы всякій безъ исключенія человѣкъ имѣлъ и право и обязанность арестовать пойманнаго на дѣлѣ вора, грабителя, убійцу, но чтобы виновный въ обидѣ на письмѣ или въ заговорѣ былъ подвергаемъ заарестованію не иначе, какъ на основаніи особаго приказа должностнаго, отвѣтственнаго за то лица. Различія фелоній отъ мисдеминеровъ въ порядкѣ судопроизводства не столь существенны и необходимы, но такъ какъ они существуютъ, то устраненіе ихъ не обошлось бы безъ нѣкоторыхъ практическихъ затрудненій. Можно жалѣть, что англійское законодательство усвоило себѣ теорію, по которой неисправленіе публичной дороги или построеніе плотинъ на судоходной рѣкѣ входятъ въ область уголовнаго права. Такъ какъ на дѣлѣ эти проступки судятся во всѣхъ отношеніяхъ одинаково съ тяжбами гражданскими, то въ мнѣніи общественномъ подсудность

ихъ судамъ уголовнымъ не считается нисколько обидною и унизительною для подсудимыхъ. Нравственное чувство общества могло бы быть однако возмущено понапрасну, если бы смотритель дорогъ, утверждающій что его приходъ неповиненъ исправлять извѣстную дорогу, долженъ былъ судиться тѣмъ же порядкомъ, какъ и воръ залѣзающій въ чужіе карманы.

Надобно имѣть въ виду еще и то, что когда-какое либо общее дѣленіе введено въ цѣлую сложную область права и наблюдалось въ теченіи многихъ вѣковъ, то нѣтъ возможности сказать, какія послѣдствія повлечетъ за собою его отмѣна. Никто не возьмется предсказать въ точности результаты новаго закона, который бы постановилъ, что по истеченіи извѣстнаго срока всѣ преступленія будутъ разсматриваемы или какъ фелоніи или какъ мисдеминоры.

И такъ, повидимому, надобно сохранить дѣленіе преступленій на фелоніи и мисдеминоры, преимущественно потому, что оно имѣетъ капитальную важность въ системѣ предварительнаго ареста. Спрашивается, можно ли провести между ними черту, которая бы послужила къ избѣжанію теперешней запутанности и сбивчивости? Мы старались изложить происхожденіе и исторію этого дѣленія и доказать, что оно опирается, не на относительную важность злодѣяній, содержащихся въ этихъ двухъ классахъ, но на степень точности, съ которою они были опредѣляемы. Главная задача дѣленія состояла, повидимому, въ томъ, чтобы въ одномъ разрядѣ помѣстить массу преступленій, совершаемыхъ по влеченію разнуздавшихся страстей, а въ другомъ массу менѣе частыхъ и менѣе опредѣлительныхъ нарушеній закона, подходящихъ подъ слѣдующія статьи: посягательство на общеуважаемыя права, ослушаніе властей, неисполненіе юридическихъ обязанностей, обусловливающихъ собою существованіе какого бы то ни было устойчиваго правительства. Весьма желательно поддерживать или даже и возстановлять это дѣленіе, потому что оно въ значительной степени соотвѣтствуетъ нравственному различію между тремя классами преступленій, котораго изложеніемъ мы занимались выше. Фелоніи принадлежатъ всего чаще къ

первому классу, мисдеминоры ко второму и третьему. Кража, зажигательство и т. д. ложатся неизгладимымъ пятномъ на характеръ лица, но нельзя считать безусловно позорнымъ осужденіе кого-либо за ляйбэль или за нападеніе съ насиліемъ, или за заговоръ, или за осужденіе акта парламента, или за неисполненіе общественной повинности. При извѣстныхъ условіяхъ осужденіе можетъ иногда дѣлать честь человѣку, напримѣръ при извѣстныхъ условіяхъ осужденіе за политическій памфлетъ. Если бы можно было провести аккуратнымъ образомъ линію, которая бы разграничала оба класса, то самыя лучшія и удобопонятныя названія, которыя можно было бы дать этимъ классамъ, были бы фелоніи и мисдеминоры.

Хотя нельзя рѣшить эту задачу вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, слѣдовало бы однако подойти къ возможно правильному ея рѣшенію, постановляя, что фелоніями надлежитъ считать преступленія, влекущія за собою смертную казнь, каторжныя работы или заключеніе въ тюрьмѣ съ тяжкими работами, всѣ же остальныя преступленія надлежитъ считать мисдеминорами. Законодательство подвергаетъ тяжкимъ работамъ въ тюрьмѣ вообще только за такіе статутовые мисдеминоры, которые и чаще другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ позорны, какъ-то: клятвопреступленіе, личныя нападенія, оскорбляющія стыдливость, мошенничество. Это дѣленіе будетъ совпадать въ бо́льшей части случаевъ, хотя и не совсѣмъ, съ дѣленіемъ преступленій на такія, за которыя можно арестовать безъ письменнаго приказа о заарестованіи, и на такія, въ которыхъ арестованіе должно происходить только по надлежащему приказу.

Перехожу къ опредѣленіямъ отдѣльныхъ преступленій. Всѣмъ извѣстны ихъ запутанность, чрезмѣрная схоластичность, а равно безполезныя тонкости и нераціональныя вставки, искажающія большую часть руководящихъ опредѣленій. Нельзя не сознаться, что ходъ англійскаго правосудія страдаетъ сильно отъ шансовъ безнаказанности, даваемыхъ ими преступникамъ, и отъ кажущейся прихотливости, которую, вслѣдствіе уродливости опредѣленій, носятъ часто судебныя рѣшенія.

Главныя причины этого порядка вещей заключаются: *во первыхъ*, въ несистематичности и случайности законодательныхъ актовъ, запретившихъ извѣстныя дѣянія подъ страхомъ наказанія; *во вторыхъ*, въ привязанности практики къ началамъ обычнаго права, въ то самое время, когда законодательная власть надѣлала такое множество самыхъ широкихъ изъятій изъ этихъ началъ, что въ дѣйствительности многія изъ нихъ совсѣмъ отмѣнены. Въ предъидущей главѣ мы старались показать, какимъ образомъ дѣйствовала каждая изъ этихъ причинъ, теперь постараемся познакомить читателя съ тѣмъ, какимъ образомъ примѣняются къ англійскому праву принципы, руководящіе при опредѣленіи преступленій. Съ этою цѣлью разсмотримъ важнѣйшія и самыя характеристическія изъ этихъ опредѣленій, причемъ изложимъ прежде всего общія примѣты цѣлыхъ классовъ запрещаемыхъ закономъ дѣяній съ обозначеніемъ и нравственныхъ соотвѣтствующихъ имъ различій, послѣ чего укажемъ, какое по нашему мнѣнію существуетъ и какое должно существовать отношеніе между этими фактами и теперешнимъ состояніемъ права. Я избралъ для примѣра опредѣленія treason и главныхъ преступленій составляющихъ содержаніе законовъ 1861 года, а изъ мисдеминоровъ *libel*, *nuisance* и *conspiracy*.

Treason (измѣна).

Сопротивленіе установленному правительству есть дѣяніе, котораго нравственный характеръ зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая. Въ наши времена и въ нашей странѣ (Англіи) подобное сопротивленіе было почти всегда дѣломъ безразсуднымъ, пагубнымъ и потому весьма злымъ, но бывали случаи, когда оно становилось даже похвальнымъ или проистекало изъ очень благородныхъ заблужденій. Нельзя сказать, чтобы всякій необразованный мужикъ или пастухъ, сражавшійся подъ Кулоденъ или подъ Вэйнегаръ Гилль былъ злой человѣкъ, хотя дѣло, за которое они сражались было самое дурное. Еще нелѣпѣе было

бы утверждать вопреки очевидности, что участники революціи 1688 года не были измѣнниками и бунтовщиками, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ, хотя они совершали весьма благое дѣло. Однако въ сознаніи народа измѣна и бунтъ неразлучны съ представленіемъ о винѣ.

Нравственное чувство, осуждающее измѣну и тому подобныя дѣйствія есть *loyalty* или подданническая вѣрность, которая съ теченіемъ времени перешла въ патріотизмъ, хотя еще и теперь это трезвое и разсудочное чувство сильно окрашено въ Англіи личною привязанностью и гордымъ сочувствіемъ славѣ древнѣйшаго и благороднѣйшаго въ цѣломъ свѣтѣ рода. Чувство личной вѣрности доведено до высочайшей степени въ средніе вѣка и находитъ свое полнѣйшее выраженіе въ обрядѣ ленной присяги, оканчивавшейся слѣдующими словами: „вѣру и вѣрность буду я хранить вамъ и вашимъ наслѣдникамъ королямъ Англіи въ жизни и членахъ и земной чести противу всѣхъ людей, которые живутъ и умираютъ“ [1]). Чувство того, что личная привязанность и самоотверженіе въ счастіи и несчастіи составляютъ обязанность всякаго вассала въ отношеніи къ своему господину и въ особенности въ отношеніи къ верховному господину королю, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній исторіи англійской. Особенное отвращеніе, связанное со словами измѣна и измѣнникъ, происходитъ безъ сомнѣнія, отъ личнаго характера отношеній, которыхъ нарушеніе обозначаютъ эти слова. Въ нихъ сказывается то глубокое убѣжденіе, что король есть нѣчто въ родѣ вдохновеннаго героя, и что нарушать его довѣріе или отвергать его величіе есть признакъ низкаго и недостойнаго характера. Съ теченіемъ времени вмѣсто короля подставленъ былъ народъ въ смыслѣ предмета, возбуждающаго тоже чувство, вслѣдствіе чего и выработалось новое понятіе объ измѣнѣ, обозначающее скорѣе дѣянія непатріотическія, нежели содержащія въ себѣ

[1]) Faith and loyalty I will bear to you and your heirs kings of England, of life and limb and earthly honour, against all men that may live and die.

нарушеніе подданнической вѣрности. Статутъ объ измѣнахъ отражаетъ въ себѣ древнѣйшее представленіе объ этомъ предметѣ. Выросшія изъ этого статута судебныя толкованія, вошедшія отчасти въ статутъ 11 Vict., c. 12, построены на послѣднемъ, новѣйшемъ представленіи.

Несмотря на постепенное видоизмѣненіе въ нравственномъ чувствѣ, относящемся къ сопротивленію правительству, нѣкоторыя дѣянія, подходящія подъ понятіе измѣны, были и будутъ всегда считаться въ высшей степени ненавистными. Пристать къ врагу, служить шпіономъ, злоупотреблять довѣріемъ, которое народъ даетъ иностранцу, допуская его къ себѣ, посягать на жизнь государя — суть дѣянія въ высшей степени мерзкія по чьимъ угодно понятіямъ. Измѣна, какъ преступленіе, дѣлится по существу своему на слѣдующіе три вида:

1) Злодѣйскій замыселъ на особу государя, задуманный или исполненный;

2) Предательство въ отношеніи къ государству въ пользу внѣшняго врага;

3) Насильственныя дѣйствіа направленныя противъ правительства страны [2]). Теперешнее нравственное настроеніе англійскаго народа осуждаетъ безусловно два первые разряда дѣяній, но судитъ о дѣяніяхъ третьяго класса, смотря по обстоятельствамъ.

Въ этомъ случаѣ однако законодательству незачѣмъ подчиняться нравственному настроенію публики. Верховной власти слѣдуетъ по праву смотрѣть на бунтъ и обходиться съ нимъ, какъ съ самымъ тяжкимъ преступленіемъ безъ всякихъ съ своей стороны

---

[2]) Вольтеръ, касаясь коннетабля Бурбона, выражаетъ со свойственною ему мѣткостью тоже самое различіе. Коннетабль Бурбонъ, попавъ въ немилость Франциска I, поступилъ на службу Карла V. Вольтеръ замѣчаетъ: Tous les historiens fletrissent Bourbon du nom de traître. On pouvait il est vrai l'apeller rebelle et transfuge; il faut donner à chaque chose son nom véritable. Le traître est celui qui livre le trésor, ou le sécret ou les plans de son maître, ou son maître lui méme à l'ennemi. Le terme latin *tradere* n'a pas d'autre signification. Essai sur les moeurs c. 123, 7 томъ соч. Вольтера (ed. Lahure) p. 622.

уступокъ. Верховная власть можетъ, безъ сомнѣнія, заблуждаться, то есть она можетъ дѣйствовать въ ущербъ общественнымъ интересамъ, но она не можетъ и не должна смотрѣть на себя съ этой точки зрѣнія, а такъ какъ уголовное право есть одно изъ сильнѣйшихъ его орудій, то верховная власть вправѣ употреблять его до послѣдней крайности, пока сама не будетъ осилена. Возможность столкновенія права государя приказывать и права подданныхъ сопротивляться, есть необходимое послѣдствіе несовершенства нашего быта и будетъ вѣчно продолжаться, пока есть на свѣтѣ люди непросвѣщенные, слабые и злые. По этой причинѣ англійскіе законы объ измѣнѣ не вполнѣ сообразуются съ нравственными понятіями народа, но лишь на столько, на сколько это желательно и возможно, смотря по существу предмета.

Остается разсмотрѣть на сколько естественная теорія измѣны совпадаетъ съ положительнымъ законодательствомъ Англіи въ другихъ отношеніяхъ. Въ англійскомъ опредѣленіи измѣны умѣщаются, кромѣ дѣйствій очевидно измѣнническихъ по здравому смыслу, еще и другія, которыя никогда не случались на практикѣ и вѣроятно не будутъ случаться. Такъ, напримѣръ, законъ считаетъ измѣною изнасилованіе супруги короля или его старшей незамужней дочери или убіеніе канцлера, или казначея или судей сидящихъ на своихъ мѣстахъ и исправляющихъ свою должность. Подобные казусы суть не болѣе какъ археологическіе курьозы и едва ли заслуживаютъ уваженія; они суть единственные примѣры случаевъ, въ которыхъ юридическое понятіе измѣны шире того, какое господствуетъ въ общежитіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что до изданія статута 39 и 40 Georg. III, преобразованнаго потомъ съ многими измѣненіями статутомъ 11 Vict., c. 12., понятіе измѣны общежительное было шире юридическаго, вотъ почему судьи старались растянуть законъ посредствомъ выводимыхъ изъ него толкованій. Въ сущности существующее нынѣ опредѣленіе измѣны довольно удовлетворительно по содержанію, хотя по формѣ оно устарѣлое, велерѣчивое и неловкое.

Впрочемъ оно весьма хорошо понимается практикою; замѣшательство отъ его передѣлки и возможность промаховъ отъ непониманія со стороны судей перевѣсили бы по всей вѣроятности тѣ выгоды, какія передѣланное опредѣленіе доставило бы вслѣдствіе бо́льшей своей ясности и симметричности.

Еще одинъ пунктъ требуетъ поясненія. Судебныя толкованія статута Эдуарда III получили силу закона, вошедши въ составъ статутовъ 36 Georg. III, c. 5 и 57 Georg. III, c. 6. Сіи послѣдніе статуты частью отмѣнены, частью вошли въ составъ статута 11 Vict., c. 12, который превратилъ однако многіе случаи, причисляемые до того времени къ измѣнѣ въ фелоніи, наказываемыя пожизненною ссылкою. Однако статутъ Викторіи не уничтожилъ самаго статута Эдуарда III, такъ что если бы кто нибудь былъ преданъ суду по обвиненію въ измѣнѣ за дѣянія, которыя считались измѣною по статуту Эдуарда III, но признаны фелоніями статутомъ Викторіи, то можетъ возникнуть вопросъ о правильности нѣкоторыхъ старинныхъ судейскихъ толкованій. Очень можетъ быть, что на практикѣ это недоумѣніе рѣшилось бы производствомъ дѣла по статуту Викторіи; въ противномъ случаѣ судьи стали бы по всей вѣроятности придерживаться образа дѣйствій своихъ предшественниковъ, который можетъ быть вполнѣ справедливъ съ точки зрѣнія законодательной, но нарушаетъ буквальный смыслъ статута Эдуарда III и сглаживаетъ то естественное и раціональное нравственное различіе, какое существуетъ между насиліемъ, направленнымъ противъ особы государя, и сопротивленіемъ авторитету правительства. Поэтому случаю можетъ обнаружиться сильное различіе во взглядахъ на этотъ вопросъ судей и присяжныхъ, что и дастъ адвокатамъ поводъ къ разглагольствованію *ad captandam benevolentiam.*

Murder (убійство).

Лишить человѣка жизни можно при столь различныхъ обстоятельствахъ и столь различными способами, что чувства, возбуждае-

мыя лишеніемъ кого-нибудь жизни, вполнѣ зависятъ отъ состоянія сознанія, предполагаемаго у виновника этого дѣянія. Если предполагается, что онъ обдумалъ дѣяніе и дѣйствовалъ по внушенію какой-либо злой страсти, какъ-то: зависти, ревности, мести, корыстолюбія, то дѣяніе будетъ возбуждать сильнѣйшее негодованіе. Если предполагается, что виновникъ лишилъ жизни другое лицо хотя и намѣренно, но въ пылу гнѣва, вызваннаго несправедливостью со стороны убитаго, то негодованіе становится значительно слабѣе. Когда предполагается, что виновникъ дѣйствовалъ ненамѣренно, тогда чувство, возбуждаемое дѣяніемъ, зависитъ отъ качества этого дѣянія, такъ что степень негодованія будетъ сообразоваться съ тѣмъ, было ли дѣяніе доброе или злое, сопровождалось ли оно неосторожностью или нѣтъ, можно ли было предвидѣть, что отъ него произойдетъ смерть или нѣтъ; эти различія вызываютъ чувства самыя разнообразныя отъ строжайшаго порицанія до соболѣзнованія о злосчастности убійцы. Ненамѣренное дѣяніе, способное причинить смерть, можетъ произвести точно такое же нравственное впечатлѣніе, какъ и дѣяніе, руководимое прямымъ намѣреніемъ убить. Такъ, напримѣръ, когда кто, шутя, выстрѣлилъ въ упоръ въ голову другаго человѣка, то въ подобномъ поступкѣ маловажно то обстоятельство, желалъ ли онъ убить другое лицо, или нѣтъ. Напротивъ того когда, мальчикъ, играя съ товарищемъ, бросилъ въ него камень и убилъ его, то это дѣйствіе почти не вызоветъ никакого порицанія. Есть однако одинъ, достойный замѣчанія, оттѣнокъ между всѣми меньшими степенями, порицанія. Иное дѣло убить человѣка, причиняя ему тѣлесное поврежденіе умышленно, или внезапно въ пылу гнѣва, и иное причинить ему смерть вслѣдствіе неосторожнаго поступка законнаго или незаконнаго, но неимѣющаго непосредственной связи съ поврежденіемъ тѣлеснымъ. Съ точки зрѣнія нравственности нѣтъ никакого сходства между образомъ дѣйствія человѣка, который, отвѣчая ударомъ за ударъ, поражаетъ на смерть другое лицо и по-

ступкомъ извощика, который заснулъ на козлахъ, вслѣдствіе чего лошади его раздавили какого-нибудь прохожаго.

Англійское опредѣленіе мэрдера или предумышленнаго смертоубійства соотвѣтствуетъ этимъ, указаннымъ нами, нравственнымъ оттѣнкамъ вины. Введеніе термина *malice aforethought* или „злостное предумышленіе“ въ опредѣленіе мэрдера, о чемъ мы писали въ одной изъ предъидущихъ главъ, дало силу закона нравственному чувству, котораго существо опредѣлилось постепенно, по мѣрѣ того, какъ возникали уголовные случаи, которые уяснили тѣ или другія стороны понятія. Мэрдеръ представляетъ одинъ изъ многихъ примѣровъ судебнаго законодательства, надобно же сознаться, что вообще судебная практика разрѣшила предстоявшую ей задачу ловко и искусно. Для показанія, какъ строго придерживается право тѣхъ различій, которыя мы старались вывести теоретически, хотя нельзя сказать, чтобы оно не впадало порою въ педантизмъ и схоластичность, представимъ въ видѣ системы правилъ тѣ оттѣнки въ преступленіи, которые установлены были приговорами судовъ [1]).

1. Мэрдеръ есть произвольное человѣкоубійство съ злостнымъ предумышленіемъ.

2. Злостное (malice), значитъ дурное въ нравственномъ отношеніи (wicked).

3. Слѣдующія состоянія сознанія признаются особенно злостными или злыми въ такой степени, что достаточны для полноты понятія мэрдера:

a) Намѣреніе убить, направленное противу того лица, которое убито, или противу иного опредѣленнаго лица, или противу какого бы то ни было, хотя бы и неопредѣленнаго лица.

b) Намѣреніе совершить фелонію.

c) Намѣреніе причинить кому-либо противузаконно поврежденіе тѣлесное.

d) Легкомысленное равнодушіе къ жизни человѣческой при

---

[1]) Мы придерживаемся соч. *Roscoe*, Digest Crim. Ev. 678 — 742.

совершеніи дѣянія способнаго причинить смерть, причемъ все равно, было ли это дѣяніе законное или противузаконное.

e) Обдуманное намѣреніе сражаться смертельнымъ оружіемъ.

f) Намѣреніе сопротивляться законному задержанію, совершаемому лицомъ, снабженнымъ законною властью для заарестованія.

4. Слѣдующія состоянія сознанія составляютъ болѣе легкую степень злости, достаточную для образованія преступленія *manslaughter* или непредумышленнаго убійства:

a) Намѣреніе убить, вызванное или значительнымъ личнымъ насиліемъ, которое убитый причинилъ убійцѣ, или созерцаніемъ прелюбодѣянія совершеннаго убитымъ съ женою убійцы.

b) Намѣреніе причинить поврежденіе тѣлесное, неспособное, повидимому, причинить смерть, явившееся по неважному какому-нибудь вызову, напримѣръ, когда нѣкто ударилъ другое лицо не очень тяжкою палкою и убилъ его симъ ударомъ.

c) Обдуманное намѣреніе сражаться несмертоноснымъ, повидимому, оружіемъ, или намѣреніе употребить смертоносное оружіе въ борьбѣ, начатой безъ намѣренія воспользоваться этимъ оружіемъ.

d) Намѣреніе сопротивляться противузаконному задержанію или такому задержанію, о законности котораго подсудимый не имѣлъ никакого понятія.

e) Исполненное съ ненужною насильственностью намѣреніе заарестовать кого-либо или исполнить какое-либо юридическое дѣйствіе (legal process).

f) Неосторожность при совершеніи дѣянія законнаго или незаконнаго, но не составляющаго фелоніи.

5. Слѣдующія состоянія сознанія считаются совсѣмъ незлостными или незлыми, такъ что наличность ихъ въ моментъ причиненія смерти исключаетъ возможность допустить преступленіе:

a) Намѣреніе исполнить смертный приговоръ.

b) Намѣреніе защищать лицо, жилище или собственность отъ лица, очевидно пытающагося посредствомъ насилія или хитрости

совершить видимую фелонію, какъ напримѣръ, изнасилованіе, разбой, зажигательство, ночной взломъ и т. д.

c) Намѣреніе на законномъ основаніи заарестовать или держать подъ стражею фелона, который не могъ бы быть инымъ образомъ арестованъ, или содержимъ подъ стражею, или намѣреніе водворить миръ, который инымъ образомъ не могъ бы быть водворенъ.

d) Отсутствіе всякаго противузаконнаго или злостнаго намѣренія или состоянія сознанія (случайность дѣйствія).

6. Когда въ одномъ дѣяніи стекаются два противузаконныя намѣренія или злостныя состоянія сознанія, то дѣяніе считается мэрдеромъ.

7. *Теорія доказательствъ.* Когда одно лицо убило другое, то въ убійствѣ предполагается высшая степень злонамѣренности, пока оно не докажетъ, что эта злонамѣренность существовала въ меньшей степени, или что ея вовсе не было.

Вообще говоря, изложенныя нами правила даютъ общенародному нравственному чувству самую раціональную и самую опредѣлительную форму, хотя и при этомъ, какъ при всякомъ другомъ опредѣленіи извѣстнаго чувства, попадаются трудные и неподходящіе случаи. Такъ, напримѣръ, на практикѣ почти невозможно отличить отмѣченные теоріею случаи легкомысленнаго равнодушія къ человѣческой жизни при совершеніи дѣянія, способнаго причинить смерть (murder), отъ неосторожности при совершеніи дѣянія законнаго или даже незаконнаго (manslaughter). Писатели уголовнаго права помѣщаютъ въ книгахъ своихъ изобрѣтенные ими примѣры подходящаго подъ мэрдеръ легкомысленнаго лишенія жизни человѣка, но на практикѣ подобные случаи необычайно рѣдки, такъ что ни объ одномъ не удалось намъ что нибудь вычитать или услышать. Однако дѣленіе, основанное на этомъ различіи, должно быть сохранено, потому что можетъ встрѣтиться случай столь важнаго пренебреженія человѣческой жизни, что онъ возмутитъ общественное нравственное чувство. Положимъ, на-

примѣръ, что нѣкто безъ всякихъ дальнѣйшихъ цѣлей поставилъ на рельсы и пустилъ на всѣхъ парахъ локомотивъ, который столкнулся съ идущимъ на тѣхъ же рельсахъ поѣздомъ желѣзной дороги и убилъ многихъ пассажировъ; нѣтъ злодѣянія, которое было бы чернѣе подобной легкомысленности.

Правило, различающее случаи законнаго и противузаконнаго заарестованія, построено на однихъ тонкостяхъ техническихъ, но этотъ недостатокъ есть неизбѣжное послѣдствіе постоянства формъ судопроизводства и безусловно необходимъ для обезпеченія за гражданами спокойнаго пользованія законными правами ихъ. Нравственное различіе можетъ быть самое ничтожное между выстрѣломъ, направленнымъ противъ полицейскаго чиновника, который арестуетъ кого-либо по подозрѣнію въ кражѣ шиллинга и выстрѣломъ въ полицейскаго чиновника, который арестуетъ кого-либо по подозрѣнію въ томъ, что это лицо надуло мошенническимъ образомъ другое лицо на шиллингъ, но за то огромное разстояніе отдѣляетъ выстрѣлъ направленный противъ полицейскаго чиновника, который арестуетъ кого-либо, исполняя свою обязанность и выстрѣлъ, направленный противъ частнаго лица, арестующаго другое лицо безъ всякой на то законной власти, между тѣмъ едва ли можно провести другую практически годную линію, разграничивающую вышеупомянутые два разряда случаевъ, кромѣ той, которая основана на различіи между заарестованіемъ законнымъ и незаконнымъ.

Коренной принципъ права проченъ, но отдѣльныя частности даютъ пищу критикѣ. Въ опредѣленіи мэрдера выраженія *malice aforethought* (злостное предумышленіе) кажутся намъ неловкими, такъ что мы бы имъ предпочли фразу *wilful and malicious homicide* (произвольное и злоумышленное смертоубійство). Слово aforethought поддерживаетъ находящееся въ обращеніи заблужденіе, по которому для полноты состава мэрдера необходимо обдуманное заранѣе намѣреніе убить кого-либо, между тѣмъ, какъ такое обдуманное заранѣе намѣреніе есть одно изъ многихъ другихъ состоя-

ній сознанія, наличность которыхъ обусловливаетъ собою мэрдеръ. Притомъ выраженіе: предумышленіе логически неправильно, потому что мысль должна всегда предшествовать дѣлу, причемъ все равно предшествуетъ ли она дѣлу на одну секунду или на двадцать лѣтъ.

Часто говорятъ, что *manslaughter* отличается отъ мэрдера отсутствіемъ злоумышленности (malice), но это предложеніе, будетъ правильно, когда слово malice будетъ обозначать одно изъ особенныхъ, вышеописанныхъ нами, настроеній сознанія. Если же брать это слово въ обширнѣйшемъ объемѣ, то malice необходима для мэнслефтера, не менѣе какъ и для мэрдера. Нѣкто раздраженный чьимъ либо поступкомъ, убиваетъ его по этому вызову. Конечно, онъ совершилъ злое дѣло, но не столь злое, какъ убить кого-либо безъ всякаго вызова. Сумашествіе, доходящее до помраченія всякихъ понятій о правдѣ и неправдѣ, должно служить доказательствомъ противу обвиненія въ *manslaughter*, равно какъ и противъ обвиненія въ *murder*, но только потому, что и manslaughter допускаетъ родъ malice или злаго настроенія сознанія. Въ противномъ случаѣ надобно допустить, что и идіотъ можетъ совершить преступленіе. И такъ правильнѣе будетъ сказать, что есть двѣ степени злоумышленности (malice), одна свойственная мэрдеру, другая мэнслефтеру, нежели утверждать, что одно изъ тягчайшихъ уголовныхъ преступленій независимо отъ всякихъ нравственныхъ элементовъ.

Правило, по которому всякое намѣреніе учинить фелонію считается злоумышленностью, достаточною для полноты понятія мэрдера, подлежитъ строгой критикѣ. Примѣръ, приводимый Фостеромъ [1]), лучше всякихъ доводовъ объяснитъ въ чемъ дѣло: „А стрѣлялъ въ гусей В и убилъ человѣка; если его намѣреніе клонилось къ тому, чтобы убивъ гусей украсть ихъ, то это будетъ мэрдеръ по причинѣ фелоннаго намѣренія, но если онъ это сдѣлалъ въ шутку и безъ намѣренія украсть, то его поступокъ будетъ только мэнслеф-

[1]) Crown. Law, p. 258.

теръ". Эта несообразность проистекаетъ отъ нелогичности различія между фелоніею и мисдеминоромъ. Таже несообразность повторяется при множествѣ того же рода случаевъ. Убить лицо обвиненное въ фелоніи, когда нельзя иначе воспрепятствовать его побѣгу, значитъ совершить ненаказуемое смертоубійство. Убить при тѣхъ же условіяхъ лицо обвиняемое въ мисдеминорѣ — значитъ совершить мэнслефтеръ. Сговариваться на мэрдеръ — значитъ совершать только мисдеминоръ, но украсть банку вареній — значитъ совершить фелонію. Нелѣпо, что констэбль можетъ, согласно съ закономъ, убить парня, укравшаго банку вареній для предупрежденія его побѣга, но долженъ допустить бѣжать заговорщика, имѣющаго въ рукахъ заряженное оружіе.

Законъ о безвинномъ убіеніи бѣгущаго могъ бы быть *во первыхъ*, ограниченъ перечисленіемъ преступленій, совершеніе которыхъ сопряжено съ опасностью для жизни другихъ людей, какъ-то: ночной взломъ, разбой, пиратство, изгнаніе плода, изнасилованіе, зажигательство, нѣкоторые случаи контрабаннаго привоза товаровъ, вообще всѣ преступленія, влекущія за собою каторжныя работы на десять лѣтъ и свыше; *во вторыхъ*, онъ могъ бы быть распространенъ на лица бѣгущія и приговоренныя къ смертной казни, каторжнымъ работамъ или заключенію въ тюрьмѣ съ тяжкими работами, на всѣ лица, которыя, предварительно обвиненію, по коему они заарестованы, были уже осуждены за фелонію, наконецъ, на всѣ лица заарестованныя по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою каторжныя работы.

Правило, по которому обдуманное намѣреніе сражаться смертельнымъ оружіемъ въ достаточной степени злоумышленно, для полноты состава мэрдера, и по которому, слѣдовательно, смерть причиненная въ поединкѣ есть мэрдеръ, можетъ служить примѣромъ сильнаго вліянія закона на преобразованіе правовъ народа. Извѣстно, что на практикѣ совсѣмъ не встрѣчается приговоровъ осуждающихъ за мэрдеръ, въ поединкѣ. Если бы было допущено, что

убіеніе лица въ поединкѣ не есть мэрдеръ, то обычай поединковъ держался бы гораздо дольше въ общежитіи.

Что касается до провокаціи или вызова на убійство со стороны убитаго, то сомнительно, могутъ ли оправдать убійцу какія-либо другія обстоятельства, кромѣ созерцанія прелюбодѣянія въ дѣйствіи. По одному дѣлу [1]) допущено, что можетъ быть оправданъ отецъ, совершившій убійство при видѣ того, что его сына насильственно склоняли къ мужеложству; по всей вѣроятности къ той же категоріи надлежало бы отнести человѣка, лишившаго другое лицо жизни для недопущенія, чтобы его мать, сестра или дочь подверглись изнасилованію или даже обольщенію. Нельзя допустить, чтобы присяжные осудили при подобныхъ условіяхъ убійцу, или чтобы приговоръ о немъ приведенъ былъ въ исполненіе.

Правило отмѣченное цифрою 6 выражается обыкновенно такимъ образомъ, что доказательство прямой злоумышленности уничтожаетъ смягчающую вину силу предшествовавшаго преступленію вызова на убійство. Положимъ, напримѣръ, что Стокли объявилъ, что если Уэльмъ осмѣлится его заарестовать, то онъ Стокли выстрѣлитъ въ Уэльма; Уэльмъ пытался, несмотря на то, заарестовать Стокли и былъ симъ послѣднимъ убитъ. Приказъ о заарестованіи былъ неправиленъ, вслѣдствіе чего дѣяніе Стокли подходитъ подъ понятіе *manslaughter*, но писатель Истъ (East) поднимаетъ вопросъ не долженъ ли Стокли, не смотря на неправильность приказа быть изобличенъ въ мэрдерѣ, если только присяжные найдутъ, что онъ дѣйствовалъ не въ пылу гнѣва причиненнаго придиркою къ нему со стороны Уэльма, но по давнишнему недоброжелательству своему къ Уэльму [2]). Намъ кажется, что въ такомъ случаѣ Стокли подлежитъ осужденію за мэрдеръ, наравнѣ съ тѣмъ, кто, имѣя обдуманное намѣреніе убить кого-либо, навязывается сему послѣднему съ тѣмъ, чтобы получить вызовъ на убійство [3]).

---

[1]) R. v. Fisher, 8 C. and P., p. 182.

[2]) 1 East, p. 311. Дѣло Куртиса въ Foster, Crim. Law, p. 137.

[3]) Дѣло Масона *Foster*, Cr. Law, 132.

Капитальный вопросъ, который должны рѣшить присяжные, есть вопросъ о настроеніи сознанія убійцы; если они убѣждены, что убійца дѣйствовалъ по обдуманному недоброжелательству и что вызовъ со стороны убитаго послужилъ только предлогомъ къ убійству, то разница незначительна между тѣмъ случаемъ, когда убійца самъ пріискивалъ предлогъ и тѣмъ, когда убійца воспользовался, попавшимся ему подъ руку, предлогомъ.

Правило, по которому произвольное убіеніе кого либо предполагается злоумышленнымъ, основано на сознаніи о великомъ значеніи жизни человѣческой. Оно можетъ быть разсматриваемо еще и какъ остатокъ стариннаго закона, по которому всякое, даже случайное убійство, влекло за собою конфискацію имущества, отчасти изъ наклонности правительства къ конфискаціямъ, отчасти по понятію, что всякая пролитая кровь оскверняетъ страну.

Законы о мэрдерѣ требуютъ смягченія по отношенію къ самоубійству. По закону самоубійство считается мэрдеромъ; всякое лицо, подстрекавшее на самоубійство или помогавшее самоубійцѣ, считается виновнымъ наравнѣ съ главными виновниками мэрдера, за что оно можетъ быть присуждено къ наказанію и наказано. Представимъ себѣ, что два лица рѣшились лишить себя жизни совмѣстно, но только одинъ изъ нихъ умеръ а другой выжилъ, то оставшійся въ живыхъ считается виновнымъ въ мэрдерѣ [1]). Что подобное рѣшеніе вопроса слишкомъ жестокое, явствуетъ изъ того, что никто на практикѣ не наказывается за подобный поступокъ. Самоубійство можетъ быть злымъ дѣломъ; оно есть конечно преступленіе противу общества, но преступленіе несравненно меньшее, нежели мэрдеръ. Зла причиненнаго лицу, которое просило, чтобъ его убили, нельзя взвѣсить, ни принимать въ разсчетъ. Зло, причиняемое лицамъ, оставшимся въ живыхъ, бываетъ вообще незначительное. Это преступленіе не приводитъ общества въ тревожное

[1]) R. vt Dyson. Russand Ry, p. 533. Однако кажется, что слово *murder* въ актѣ парламента не должно еще *ex vi termini* вмѣщать въ себѣ и самоубійства. Дѣло Горгеса, 1 Leigh and Cave, 259.

состояніе и исключаетъ возможность повторенія. Было бы раціональнѣе перестать смотрѣть на него, какъ на тяжкое преступленіе, и постановить что тотъ, кто самъ пытался себя убить или помогалъ другимъ къ самоубійству, подлежитъ за то какому нибудь второстепенному наказанію. Такимъ образомъ за серьезный проступокъ положено было бы и наказаніе серьезное, присяжные были бы избавлены отъ борьбы между долгомъ и состраданіемъ, а коронерское джюри не было бы поставляемо въ необходимость лжесвидѣтельствовать, удостовѣряя подъ присягою, что лишившій себя жизни дѣйствовалъ въ припадкѣ умопомѣшательства.

Дѣтоубійство заслуживаетъ также вниманія. Большая часть совершаемыхъ въ Англіи ежегодно мэрдеровъ принадлежитъ къ этому спеціальному виду убійства. Представимъ себѣ, что женщина убила свое новорожденное дитя, дабы скрыть его рожденіе. Нищета и стыдъ, которыми страдаетъ мать незаконнорожденнаго младенца въ моментъ родовъ, суть столь могущественные стимулы, толкающіе ее на преступленіе и порождаютъ такое къ ней сочувствіе, что при подобныхъ условіяхъ едва ли возможны смертные приговоры, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, давно не было примѣровъ исполненія смертной казни за дѣтоубійство. Почти всегда подсудимая признается только виновною въ утайкѣ рожденія младенца, что составляетъ мисдеминоръ, или въ крайнемъ случаѣ виновною въ мэнслефтерѣ. Въ первомъ случаѣ она подвергается наказанію, которое не превышаетъ двухлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ съ тяжкими работами. Во второмъ, присяжные изъ состраданія обходятъ законъ. Можно было бы образовать новое преступленіе, запретивъ матери новорожденнаго младенца лишать его жизни съ цѣлью сокрыть его рожденіе, подъ страхомъ максимума второстепенныхъ наказаній. Если этотъ способъ будетъ отвергнутъ, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ усилить наказаніе за сокрытіе родовъ, и сдѣлать чрезъ то по возможности равномѣрнымъ винѣ наказаніе, полагаемое за этотъ видъ смертоубійства.

Теперь легко составить опредѣленіе тѣхъ нападеній на лич-

ность, которыя примыкаютъ непосредственно къ посягательствамъ на жизнь человѣка. Поврежденіе тѣлесное заимствуетъ, подобно смертоубійству, свой нравственный характеръ отъ состоянія сознанія виновника этого преступленія. Когда тяжкое поврежденіе задумано и сдѣлано покушеніе на совершеніе его, то и опасность и вина мало будутъ разниться въ томъ случаѣ, когда вредъ отъ дѣянія произошелъ, и въ томъ, когда онъ не произошелъ. Когда поврежденіе было ненамѣренное, то дѣйствительное воспослѣдованіе его все-таки меньше по своей винѣ, нежели намѣренное, кончившееся на одномъ только покушеніи. Съ другой стороны, каково бы не было намѣреніе виновника, самъ фактъ причиненія значительнаго поврежденія становится, по удобопонятной причинѣ, обстоятельствомъ, усиливающимъ строгость наказанія.

Весь классъ нападеній на личность можетъ быть подраздѣленъ на слѣдующія статьи:

1) *Murder*, который уже разобранъ нами выше.

2) Покушеніе на мэрдеръ.

3) Причиненіе тяжкаго поврежденія тѣлеснаго, сопровождаемое противузаконнымъ намѣреніемъ.

4) Покушеніе на причиненіе тяжкаго поврежденія тѣлеснаго.

5) Причиненіе менѣе тяжкаго поврежденія тѣлеснаго.

6) Меньшей важности нападенія (assault). Законъ признаетъ эти оттѣнки, но классификація ихъ, неловкая и запутанная (историческія причины этой путаницы мы старались изложить въ предъидущихъ главахъ). Постараемся указать, въ чемъ состоятъ недостатки закона.

Трудно повѣрить, но тѣмъ не менѣе справедливо, что до самаго 1861 года покушеніе на мэрдеръ разсматривалось только какъ мисдеминоръ, наказуемый заключеніемъ не свыше двухъ лѣтъ съ тяжкими работами. Тотъ кто пытался лишить жизни многія лица, обрѣзавъ веревку, по которой опускаются рабочіе въ каменноугольныя копи, подлежалъ только двухгодичному заключенію; въ тоже самое время первостепенными преступленіями считались порѣзаніе,

побіеніе, или нанесеніе раны, или причиненіе поврежденія опаснаго для жизни, или подача яда, или выстрѣлъ въ человѣка посредствомъ спущенія собачки, или покушеніе на выстрѣлъ изъ заряженнаго оружія въ человѣка, или покушеніе утопить кого либо, задушить его, или удавить. Этотъ страшный пробѣлъ въ законѣ пополненъ теперь весьма характеристическимъ образомъ. Въ четырехъ статьяхъ (sections) статута 24 и 25 Vict., с. 100 перечисляется десять или двѣнадцать способовъ покушенія на мэрдеръ, причемъ наказаніе за эти способы остается одно и тоже. Затѣмъ въ слѣдующей (15) статьѣ тоже наказаніе примѣнено къ покушенію на мэрдеръ „всякими иными способами, кромѣ исчисленныхъ въ предъидущихъ статьяхъ".

Практическія возраженія противъ подобной системы состоятъ въ томъ, что каждая изъ предъидущихъ статей возбуждаетъ множество тонкихъ и сложныхъ вопросовъ, дающихъ шансы безнаказанности злодѣямъ. Примѣръ подобныхъ затрудненій представляетъ статья 19 того же статута, поясняющая статьи 14 и 18. Въ каждой изъ сихъ послѣднихъ статей наказаніе грозитъ тому „кто выстрѣлитъ или покусится выстрѣлить изъ заряженнаго оружія въ человѣка" съ намѣреніемъ умертвить его или изувѣчить. 19 статья нужнымъ считаетъ объяснить, что значитъ „заряженное ружье" и говоритъ что „заряженнымъ оружіемъ считается ружье, пистолетъ или иное орудіе" въ дуло котораго насыпанъ порохъ, или иное удобовоспламеняющееся вещество и вложены пуля, дробъ, или иной разрушительный матеріалъ, хотя бы выстрѣлъ и не послѣдовалъ по недостатку затравки, пистона или по иной причинѣ". Эта статья направлена противу судебной практики, которая отказывала въ названіи заряженнаго оружія ружье безъ затравки или безъ насаженнаго пистона. Со смысломъ ея можно согласиться; но спрашивается, зачѣмъ вводить въ законъ цѣлую диссертацію о способахъ заряжать ружье? Всѣ случаи покушенія на мэрдеръ можно вмѣстить въ слѣдующую формулу: „кто сдѣлаетъ покушеніе на мэрдеръ и т. д." Эта формула устранила бы всѣ споры о томъ, считать

ли извѣстныя дѣйствія подачею яда, что такое ядъ, доказалъ ли обвинитель, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто порѣзаніе, или нанесеніе побоевъ, или нанесеніе раны и т. под.; споры эти возникали безпрерывно при прежнихъ статутахъ, безъ сомнѣнія они родятся и при новомъ статутѣ, хотя законодатель и старался всячески предупредить ихъ появленіе.

Почти одинаковыя наказанія положены за причиненіе тяжкаго поврежденія тѣлеснаго, сопровождаемаго намѣреніемъ причинить это поврежденіе, или намѣреніемъ сопротивляться законному заарестованію или намѣреніемъ учинить иное какое либо преступленіе. Одна статья (18) направлена противъ тѣхъ, которые стрѣляютъ или покушаются стрѣлять или ранить; другая (21) противъ пытающихся задушить или удавить, иная (22) противъ злоупотребляющихъ хлороформъ, иная (23) противъ злоумышленнаго сообщенія яда. Всѣ эти случаи могли бы быть совмѣщены въ одной общей формулѣ.

Еще одно преступленіе противъ личности должно быть разсмотрѣно нами, не потому, чтобы опредѣленіе его отличалось чѣмъ либо особеннымъ, но потому что возникаетъ вопросъ, не слѣдовало бы распространить значительно силу и дѣйствіе законовъ объ этомъ преступленіи. Мы разумѣемъ изнасилованіе, которое состоитъ по опредѣленію закона въ тѣлесномъ соитіи съ женщиною *противъ ея воли*, что должно обозначать: безъ ея на то согласія [1]). Всѣ тѣ, которые слѣдили за производящимися въ судахъ дѣлами объ изнасилованіи, не могли не замѣтить, что почти всегда подсудимый освобождается отъ суда по предполагаемому согласію на соитіе женщины въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ слѣдуетъ сожалѣть о совершенной его безнаказанности. Согласіе бываетъ часто вынужденное силою, значительная часть дѣлъ, оканчивающихся оправданіемъ подсудимаго, можетъ быть опредѣлена такимъ образомъ, что они вмѣщаютъ въ себѣ насильственное обольщеніе (forcible seduc-

[1]) R. v. Fletcher, Bell. C. C., 63 2) 2 Pl. Cr., 553.

tion). Если бы законъ воспретилъ обольщать женщинъ съ употребленіемъ насилія для тѣлеснаго съ ними соитія и если бы присяжные могли признавать подсудимаго виновнымъ въ томъ менѣе тяжкомъ преступленіи, то многія лица, злоупотребляющія своимъ физическимъ превосходствомъ, подвергались бы вполнѣ заслуживаемому ими наказанію, котораго они избѣгаютъ въ настоящее время. Впрочемъ этотъ предметъ не лишенъ весьма важныхъ затрудненій. Хотя всякій, кому извѣстны процессы объ изнасилованіи, легко пойметь, въ чемъ состоитъ введеніе предполагаемаго нами различія, но весьма трудно воплотить это различіе въ точное опредѣленіе; можетъ быть, что усвоеніе нашего предложенія повело бы отчасти къ сообщенію уголовнаго характера простой невоздержности въ половой похоти.

Theft (кража).

Такъ какъ кража есть самое обыкновенное преступленіе, то весьма важно, чтобы оно было опредѣлено точнѣйшимъ образомъ; между тѣмъ нѣтъ опредѣленія въ уголовномъ правѣ англійскомъ, которое бы было менѣе удовлетворительно. Мы пытались начертить во 2 главѣ очеркъ развитія теоріи этого преступленія; постараемся теперь изложить теперешнее ея состояніе и представить, въ какомъ смыслѣ должны быть преобразованы законы о кражѣ.

Одно изъ самыхъ авторитетныхъ опредѣленій кражи есть то, которое предлагаетъ Истъ 2 (East): „кража есть безправое (wrongful) и корыстное (fraudulent) взятіе и унесеніе извѣстнымъ лицомъ имущества другаго лица, съ фелоннымъ (felonious) намѣреніемъ обратить это имущество въ пользу похитителя и въ его собственность, безъ согласія на то собственника этого имущества.“ Гораздо проще и удобопонятнѣе опредѣленіе Роско (Roscoe): „кража есть безправое завладѣніе имуществомъ другаго лица, съ намѣреніемъ лишить собственника этого имущества его собственности.“ [1])

[1]) Dig. Cr. Er., 559.

Это опредѣленіе имѣетъ одинъ недостатокъ; оно не различаетъ обиднаго завладѣнія чужимъ имуществомъ, дающаго поводъ къ гражданскому иску, отъ завладѣнія составляющаго кражу, а это и есть тотъ самый пунктъ, который всего труднѣе выразить словами. Слово *фелонное* намѣреніе лишаетъ формулу Иста всякихъ правъ на значеніе настоящаго опредѣленіе; потому что слово: *фелонное* требуетъ точно такихъ же поясненій какъ и слово *malice* въ опредѣленіи мэрдера.

Для полноты состава кражи необходимо, чтобы взятіе вещи было не только безправое, но и завѣдомо безправое. Когда берущій былъ увѣренъ, что онъ дѣйствуетъ по праву, то о кражѣ не можетъ быть и рѣчи. Вещи взятыя, напримѣръ, при незаконномъ арестѣ, не будутъ считаться украденными, если между сторонами существовало отношеніе землевладѣльца къ арендатору или само лицо, налагавшее арестъ, было убѣждено, что это отношеніе существуетъ. Если оно было убѣждено въ противномъ, то это дѣйствіе можетъ имѣть характеръ кражи. Общее понятіе о кражѣ требуетъ особаго опредѣленія всѣхъ элементовъ изъ которыхъ оно составлено. Рядъ судебныхъ рѣшеній выяснилъ, что значитъ взятіе и что унесеніе. Установилось много казуистическихъ тонкостей. Держать въ рукахъ узелъ съ вещами, не значитъ еще совершить кражу, потому что вещи еще не унесены, но достаточно сдвинуть съ мѣста или поднять этотъ узелъ для признанія факта кражи, потому что эти дѣйствія суть видъ уноса вещей.

Такъ какъ преступленіе обусловливается взятіемъ и уносомъ вещей, то остюда слѣдуетъ, что есть цѣлый классъ предметовъ, а именно поземельная собственность, относительно которыхъ кража немыслима, потому что они не могутъ быть унесены. Отсюда вытекаетъ общее начало, что только движимости могутъ быть предметами кражи, и накопилось множество приговоровъ о томъ, что документы на недвижимую собственность, деревья на корнѣ, минералы не бываютъ предметами кражи; тоже самое повторяютъ многочисленные статуты.

Большая часть схоластическихъ тонкостей въ ученіи о кражѣ построена на правилѣ, по которому кража есть взятіе вещи изъ чужаго владѣнія. Во первыхъ то, что не находится во владѣніи лица, не можетъ быть взято изъ этого владѣнія, но юристы ухитрились раздѣлить движимости на choses in possession и choses in action, каковы долги. Долги и тому подобные предметы не могутъ быть украдены, равнымъ образомъ заемныя письма, векселя, разсчеты и иные документы, служащіе только кредитными знаками. Эта уродливая нелѣпость составляетъ нынѣ дѣйствующій законъ, хотя статуты и ввели нѣкоторыя сложныя и мудреныя изъятія изъ этого страннаго начала.

Дальнѣйшее послѣдствіе того же начала состоитъ въ томъ, что коль скоро собственникъ отправился въ путь, то всѣ его движимости за исключеніемъ взятыхъ имъ съ собою остаются лишенными защиты уголовнаго права. Отсюда вытекаютъ затрудненія, изложенныя во II главѣ, которыя повели къ тому, что ученіе о кражѣ сложилось изъ слѣдующихъ, входящихъ въ составъ его преступленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое особое опредѣленіе и отличается отъ другихъ едва замѣтными чертами:

1) *Larceny* или кража, то есть взятіе и унесеніе движимостей изъ владѣнія собственника съ намѣреніемъ лишить его собственности.

2) *Embezzlement* или присвоеніе, то есть обращеніе служителемъ въ свою пользу денегъ полученныхъ на счетъ его господина.

3) Статутовый мисдеминоръ, состоящій въ полученіи отъ другихъ лицъ денегъ или вещей обманомъ (by false pretenses).

4) Нѣкоторыя нарушенія довѣрія, исчисленныя въ larceny akt'ѣ (s. 75 и слѣд.) и имѣющія значенія статутовыхъ мисдеминоровъ.

Такова система законовъ о кражѣ. Спрашивается, на сколько необходимы хитросплетенія, которыя составляютъ ея особенность? Прежде всего надлежитъ обратить вниманіе на свойства нравственнаго чувства, на которомъ должна основываться система. Это

чувство есть честность (honesty), требующая, чтобы всякій человѣкъ уважалъ чужую собственность. Что же такое собственность? Обыкновенно подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ земли, дома, монету, мебель и т. п., но такое пониманіе неточное. Собственность (Property) лица есть совокупность всѣхъ его законныхъ правъ надъ вещами. Собственность, которую я имѣю въ моихъ часахъ, состоитъ въ томъ, что я властенъ продать ихъ, разбить, бросить, подарить, отдать въ закладъ или въ займы и не допустить, чтобы тѣ же дѣйстія совершены были съ моими часами кѣмъ-либо другимъ, за исключеніемъ случаевъ поименованныхъ закономъ. Если я подвергъ отчужденію нѣкоторыя этихъ правъ, то я имѣю меньше собственности въ моихъ вещахъ, но за мною остается однако нѣкоторая доля собственности. Если я заложилъ мои часы, то за мною остаются только слѣдующія права: право выкупить ихъ и право на храненіе ихъ въ цѣлости заимодавцемъ впредь до выкупа, между тѣмъ какъ права собственности заимодавца въ тѣхъ же часахъ состоятъ въ томъ, что онъ хранилъ часы въ своемъ владѣніи и можетъ продать ихъ съ публичнаго торга, въ случаѣ если они мною не будутъ выкуплены. Строго, говоря ни одна вещъ не составляетъ исключительной собственности одного лица, хотя обыкновенно говорятъ, что она составляетъ чью либо собственность, пока всѣ полезныя права на нее (beneficial rights) не будутъ соединены въ одномъ какомъ либо лицѣ [1]).

Такъ какъ право есть власть, данная лицу закономъ, то оно не можетъ быть самовольно переносимо съ одного лица на другое. Такъ какъ законъ даетъ мнѣ власть устранить всѣ лица, подчиненныя этому закону отъ всякаго обращенія съ моими часами, то никто не можетъ получить эту власть отъ меня инымъ путемъ, кромѣ способовъ опредѣленныхъ закономъ, каковы: мѣна, купля, арестъ за долги и т. п. Но хотя я не могу быть помимо закона лишенъ самаго права моего на вещь, я могу однако быть лишенъ средствъ

[1]) Сравн. Бэнтама (изд. Dumont) Traité de législation, chap. VIII de la propriété.

пользоваться выгодами отъ этой вещи. Когда кто броситъ мои часы въ Темзу, то я не перестаю быть собственникомъ часовъ, но они не могутъ уже приносить мнѣ никакой пользы. Когда воръ похищаетъ вещь, то онъ не уменьшаетъ правъ собственника, но дѣлаетъ ихъ безполезными за исключеніемъ, права получить вещь обратно по изобличеніи вора въ кражѣ. И такъ первый элементъ кражи есть безправое лишеніе кѣмъ-либо другаго лица всѣхъ выгодъ, проистекающихъ отъ собственническихъ правъ сего послѣдняго на извѣстную вещь, составляющую предметъ его собственности. Очевидно, что этотъ элементъ есть общій, свойственный и кражѣ и многимъ другимъ преступленіямъ, а именно всѣмъ посягательствамъ на чужую собственность. Спрашивается, есть ли какія-либо нравственныя различія въ способахъ безправаго лишенія другихъ лицъ выгодъ, проистекающихъ отъ ихъ собственническихъ правъ? Намъ кажется что самыя крупныя различія, способныя исчерпать вопросъ, состоятъ въ слѣдующемъ.

Незаконное лишеніе кого либо выгодъ, проистекающихъ изъ собственническихъ правъ его, бываетъ или злоумышленное (malicious) или незлоумышленное.

Если оно злоумышленное, то оно можетъ быть совершено съ намѣреніемъ самому воспользоваться этими выгодами или безъ этого намѣренія.

Что касается до значенія слова *злоумышленно* (malicious), то намъ нечего прибавлять къ тому, что сказано по этому же поводу въ предъидущей главѣ. Случаи незлоумышленнаго, но безправаго лишенія однимъ лицомъ другаго лица его собственническихъ выгодъ, повторяются ежедневно; самыя обыкновенныя формы ихъ суть случайность, неосторожность и добросовѣстное незаконное владѣніе по ошибочному представленію о правѣ на вещь. Законное средство противъ этого зла заключается только въ гражданскомъ искѣ.

Коль скоро лишеніе собственническихъ выгодъ есть злоумышленное, то оно содержитъ въ себѣ уголовное нарушеніе закона, причемъ

замѣчается большая нравственная разница между случаями, когда нарушитель имѣлъ намѣреніе самъ воспользоваться собственническими выгодами (to defraud) и случаями, когда онъ не имѣль этого намѣренія. Смѣшно было бы сказать, что сжечь чужую картинку тоже самое преступленіе, что похитить ее и продать; слово „fraud“ (корысть) не идетъ очевидно къ первому изъ этихъ случаевъ. Слово *fraud* обозначаетъ не только лишеніе кого нибудь извѣстныхъ выгодъ, но и противузаконное и злоумышленное перенесеніе выгодъ съ одного лица на другое лицо. И такъ нравственная идея кражи состоитъ въ томъ, что кража есть противузаконное и злоумышленное перенесеніе выгодъ, вытекающихъ изъ собственности, съ лица собственника на другое лицо. Эта фраза несмотря на ея правильность, можетъ поразить многихъ новизною; она основана не на общепринятомъ взглядѣ на собственность. Для практическихъ цѣлей она можетъ быть облечена въ слѣдующую форму, посредствомъ которой мы смѣемъ думать, что замѣнены были бы съ пользою теперешнія опредѣленія кражи:

Красть значитъ обратить въ чью либо пользу противузаконнымъ образомъ и съ корыстнымъ намѣреніемъ посредствомъ похищенія, или присвоенія, или мошенничества, или инымъ путемъ, какую либо собственность, недвижимую или движимую, имѣющуюся въ наличности или изображаемую кредитными знаками, лишая чрезъ то собственника этой вещи собственническихъ выгодъ, принадлежащихъ ему по строгому праву или по совѣсти [1]).

Первымъ послѣдствіемъ принятія этого новаго опредѣленія было бы совмѣщеніе въ одной и той же формулѣ всѣхъ однородныхъ правонарушеній, которыхъ совокупность образуетъ нынѣ пре-

---

[1]) To steal is unlawfully and with intent to defraud, by taking, by embezzlement, by obteining by false pretenses, ar in any other manner whatever to appropriate to the use of any person any property whatever, real or personal, in possession or in action, so as to deprive any other yerson of the advantage of any beneficial interest at law, or in equity, which he may have therein.

ступленіе кражи. Здѣсь умѣстятся и кража въ тѣсномъ смыслѣ слова (larceny), и присвоеніе чужихъ вещей (embezzlement), и мошенничество (false pretenses), и злоупотребленія повѣренныхъ (larceny by bailies), и другія корыстныя нарушенія довѣрія (fraudulent breaches of trust) и преступленія агентовъ, прикащиковъ, банкировъ, однимъ словомъ за однимъ разомъ пропадетъ пять или шесть ненужныхъ и искуственныхъ перегородокъ, разграничивающихъ нынѣ однородныя преступленія. Въ то же время будутъ устранены всѣ школьныя тонкости, основанныя на различіи предметовъ кражи, и тѣ, которыя вытекаютъ изъ темнаго ученія о владѣніи.

Для показанія какимъ образомъ совершилось бы это упрощеніе, разберемъ порознь всѣ составныя части даннаго нами опредѣленія:

Красть значитъ и т. п. Цѣль новаго опредѣленія кражи должна состоять не въ томъ, чтобы избѣгнуть послѣдствій старинаго опредѣленія кражи, но въ томъ, чтобы поставить все ученіе о кражѣ на здоровомъ и раціональномъ основаніи.

Обративъ въ чью либо пользу. Мы употребили эти слова вмѣсто словъ: „обратить въ свою пользу“, дабы имѣть возможность подвести подъ понятіе кражи случай человѣка, крадущаго чужія вещи для третьяго лица или передающаго ввѣренную ему чужую собственность третьимъ лицамъ. Главная цѣль этихъ словъ состоитъ въ разграниченіи кражи отъ умышленнаго поврежденія и истребленія чужой собственности, (напр., когда кто умышленно разбилъ чужую статую или драгоцѣнную вазу).

Противузаконнымъ образомъ. Эта фраза должна обозначать, что дѣяніе и по внѣшней формѣ своей должно быть противузаконное, иными словами, что кража не можетъ быть совершена одними только чисто безнравственными дѣйствіями (напр. не будетъ считаться кражею принятіе кѣмъ либо денежнаго подарка, съ тѣмъ чтобы лишить этихъ денегъ лицо, которому бы они были въ противномъ случаѣ уплочены).

И съ корыстнымъ намѣреніемъ. На первый взглядъ эта фраза можетъ показаться ограниченіемъ того понятія, которое выражается въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ словами „*фелонное* намѣреніе“, но на дѣлѣ выходитъ противное. Она употребляется постоянно въ уголовныхъ законахъ напр., въ статутѣ о подлогахъ.

Посредствомъ похищенія или присвоенія, или обмана, или инымъ путемъ. Этотъ перечень могъ бы быть замѣненъ однимъ терминомъ: *присвоитъ*, но мы предпочли исчислить главнѣйшіе виды присвоенія во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній.

Посредствомъ похищенія. Нынѣшнее опредѣленіе кражи требуетъ взятія вещи и унесенія (carrying away или asportation), но терминъ: унесеніе совершенно ненуженъ и даже вреденъ, потому что даетъ поводъ къ излишнимъ тонкостямъ. Линія отдѣляющая невинность отъ вины бываетъ всегда болѣе или менѣе произвольная, но актъ взятія вещи или похощенія ея способенъ служить гораздо болѣе правильною и приличною границею между этими двумя понятіями, нежели актъ уноса вещи.

Посредствомъ мошенничества (obteining by false pretenses). Это выраженіе заимствовано изъ судебной практики. Оно опирается, конечно, на весьма тонкія различія и суды затруднялись порою отличить уголовный обманъ или мошенничество отъ простой лжи, чему примѣромъ можетъ служить очень извѣстное дѣло Бріяна [1]). Въ этомъ дѣлѣ судъ призналъ, что нельзя считать мошенничествомъ увѣреніе со стороны подсудимаго, что предлагаемыя имъ ложки изъ накладнаго серебра содержатъ въ себѣ столько же серебра сколько и *Elkington's A* (такъ назывался, технически извѣстный въ торговлѣ сортъ ложекъ, содержащій въ себѣ болѣе серебра нежели другіе сорты); но что если бы подсудимый выдавалъ свои ложки за настоящіе Elkingston's A, то это было бы мошенничество съ его стороны). Эти затрудненія неразлучны съ существомъ самаго предмета и не могутъ быть обойдены, какого бы

---

[1]) R. v. Bryan, Dear. and Bell, C. C., 265.

не было искуство законодателя. Понятно, что простая ложь не можетъ считаться преступленіемъ, но понятно также, что нравственное чувство публики не признаетъ большой разницы между лжецомъ и воромъ. Посему различіе кражи отъ лжи небольшое въ нравственномъ отношеніи; оно не требуетъ установленія второстепеннаго подраздѣленія похищенія на кражу, учиненную при посредствѣ лжи и кражу, учиненную безъ посредства лжи. Включеніемъ мошенничества въ область кражи мы избѣгаемъ затрудненій, вызываемыхъ необходимостью разграничить два однородныя преступленія, въ то же время оно не сглаживаетъ нисколько черты, отдѣляющей дѣйствія юридически невинныя отъ одной изъ формъ юридической вины.

Или инымъ путемъ. Эти слова клонятся къ тому, чтобы включить въ область кражи всѣ случаи, въ которыхъ фактическое обладаніе предметомъ отдѣлено отъ идеальной собственности. Они принесутъ ту пользу, что на основаніи ихъ въ составъ кражи войдетъ множество корыстныхъ нарушеній довѣрія, изъ которыхъ многія вовсе ненаказуемы, а иныя наказуемы на основаніи спеціальныхъ статутовъ, смыслъ коихъ сомнителенъ. Новѣйшія узаконенія озаботились отчасти поставить злоупотребленіе довѣрія подъ угрозу наказаній. Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ этого направленія законодательства, состоитъ въ томъ, что довѣряющіе могутъ обезпечить себя залогами, поручительствомъ или инымъ способомъ на счетъ вѣрности лицъ, кому они довѣряютъ свое имущество и что уголовное право не должно служить подспорьемъ частной предусмотрительности. Это возраженіе неосновательно. Довѣритель (cestui que trusts) и завѣщатель должны часто полагаться на повѣренныхъ и исполнителей завѣщаній, которыхъ не они сами выбрали. Если бы и была справедлива эта мысль, то непонятно, почему бы уголовное право не должно было охранять это отношеніе, основанное на довѣренности. Положимъ, что отношеніе между довѣрителемъ и повѣреннымъ образовалось добровольно, но тотъ, кто ручается за повѣреннаго, согласится охотнѣе пору-

читься за сего послѣдняго, когда знаетъ что его отвѣтственность по поручительству начнется только съ того момента, когда повѣренный совершитъ преступленіе, за которое онъ долженъ быть наказанъ. Уголовное право доставляетъ, между прочимъ, ту пользу обществу, что оно гарантируетъ постоянство различныхъ житейскихъ отношеній; нѣтъ причинъ, почему бы столь обыкновенное и столь важное отношеніе, каково отношеніе довѣрителя къ повѣренному, не было охраняемо тѣмъ же способомъ, какимъ охраняются другія. Вслѣдствіе недобросовѣстности повѣренныхъ, множество богатыхъ семействъ впадаетъ въ нищету и странно видѣть, что виновники этихъ несчастій пользуются относительно бо̀льшею безопасностью, нежели другіе злодѣи.

Какую либо собственность. Всякая собственность можетъ быть предметомъ кражи, движимая и недвижимая, настоящая (in possession), равно какъ и выражающіе ея цѣнность кредитные знаки (in action). Мы предлагаемъ упразднить весь длинный перечень предметовъ неспособныхъ нынѣ по закону быть предметами кражи, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и громоздкія изъятія, на основаніи статутовъ, изъ принципа, который остается въ силѣ, хотя всѣ сознаютъ его нелѣпость. Трудно понять, почему бы нельзя было украсть недвижимую собственность, точно такъ какъ и движимую. Одно изъ проклятій въ простонародіи относится къ тому, кто отодвинулъ межу своего сосѣда и такимъ образомъ укралъ его землю. Допустимъ, что нѣкто выстроилъ стѣну противузаконно и съ корыстною цѣлію, такимъ образомъ, что посредствомъ нея онъ захватилъ кусокъ земли завѣдомо чужой; спрашивается, почему не считать его похитителемъ этой земли? Предположимъ, что два торговца, будучи въ трудныхъ обстоятельствахъ продали поземельное владѣніе, принадлежащее малолѣтнимъ, которое первый изъ нихъ вѣдалъ въ качествѣ повѣреннаго и которымъ второй владѣлъ въ качествѣ пожизненнаго арендатора, послѣ чего они обратили на свои торговыя предпріятія деньги, вырученныя продажею (этотъ случай взятъ изъ дѣйствительности). Они украли въ

двоемъ землю и стоимость этой земли; они столь же виновны какъ воры, которые опорожнили у кого нибудь карманъ. Нынѣ дѣйствующее законодательство выходитъ изъ предположенія, что начало, которое съ трудомъ примѣняется на практикѣ, не можетъ быть вѣрное. Нельзя не согласиться, что недвижимая собственность весьма рѣдко бываетъ предметомъ кражи, но всетаки и она можетъ быть украдена. Если допустить, что она не можетъ быть предметомъ кражи, то надобно равнымъ образомъ допустить, что не можетъ быть предметомъ кражи кусокъ желѣза въ 10,000 тоннъ, потому что въ отношеніи къ нему унесеніе немыслимо.

Что касается до choses in action, то ученіе объ нихъ обычнаго права столь нелѣпо, что незачѣмъ его и разбирать.

Немало хлопотъ представляютъ дикія животныя. Нынѣ *ferae naturae* не считаются ничьею собственностью. Проще всего было бы предположить, что эти животныя, каковы бы они не были, воробьи или фазаны, лещи или лососи суть собственность того, по чьей почвѣ они ходятъ, надъ чьею почвою они летаютъ въ данную минуту, или въ чьихъ водахъ они плаваютъ. Конечно, трудно будетъ уговорить присяжныхъ, чтобы они признали виновнымъ въ кражѣ мальчика, который поймалъ карася въ прудѣ у помѣщика, но въ сущности это вопросъ полицейскій, а не уголовно-юридическій. Симметрія опредѣленія менѣе важна, нежели общее чувство публики, которое выражается въ опредѣленіи.

Лишая собственника вещи собственническихъ выгодъ, принадлежащихъ ему по строгому праву или по совѣсти. Мы имѣли случай замѣтить выше, что противузаконное дѣяніе не измѣняетъ правъ собственника, но оно можетъ уничтожить всѣ или нѣкоторые выгоды, извлекаемыя имъ изъ собственности. На этомъ основаніи мы считаемъ кражею, когда лицо, имѣющее права собственности на вещь, распорядится этою вещью такимъ образомъ, что лишитъ другія лица, имѣющія совмѣстно съ нимъ права на эту вещь, принадлежащихъ имъ въ силу того выгодъ. Онъ въ правѣ распорядиться только собственными своими правами, какъ ему

угодно. Въ силу этого начала мы бы признали виновнымъ въ кражѣ лицо, взявшее чужую вещь въ закладъ и передавшее эту вещь въ третьи руки, съ пресѣченіемъ возможности собственнику вещи выкупить ее; но мы не сочли бы его виновнымъ въ кражѣ, если бы уступая заложенную вещь въ третьи руки, онъ обусловилъ эту уступку возможностью выкупа со стороны собственника.

По строгому праву или по совѣсти (at law or in equity). Нѣтъ сомнѣнія, что это выраженіе неудобно, но это неудобство зависитъ непосредственно отъ раздѣленія англійскаго гражданскаго права на двѣ части, которыя разнятся между собою главнымъ образомъ только по имени. Въ случаяхъ мошенничества довольно трудно провести границу между безнравственностью и преступленіемъ; равнымъ образомъ, трудно сказать о нѣкоторыхъ поступкахъ, суть ли они кражи или простыя нарушенія договоровъ. На основаніи сдѣланнаго нами опредѣленія вопросъ о кражѣ подымается только тогда, когда противузаконность дѣянія стекается съ корыстнымъ намѣреніемъ. По нашему мнѣнію законодательство не должно бы вовсе стараться смягчать непріятныя послѣдствія отсутствія честности, противуполагая гражданское вознагражденіе наказанію. Когда купецъ, который вретъ, восхваляя товаръ или продавецъ, который дважды продалъ свой участокъ земли съ корыстною цѣлью, избѣгаютъ по англійскому праву наказанія, то они не должны по крайней мѣрѣ жаловаться на то, что имъ не такъ-то легко было убѣдить судъ, что они только плуты, а не воры. Затрудненіе, о которомъ мы говоримъ, существуетъ и въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ, такъ какъ по 80 ст. Larceny Act'a всякій кто, будучи повѣреннымъ, дѣйствуя съ корыстнымъ намѣреніемъ, присвоитъ себѣ ввѣренную ему собственность или обратитъ ее въ свою пользу, или въ пользу кого бы то ни было, кромѣ самаго довѣрителя, подлежитъ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ (это правило находится въ ближайшей связи съ опредѣленіемъ, кого считать повѣреннымъ въ 1 статьѣ).

Эту часть предлагаемаго нами опредѣленія легко было бы огра-

дить отъ возможныхъ злоупотребленій, прибавивъ къ ней примѣчаніе въ родѣ того, которое содержится въ послѣдней части приведенной нами 80 статьи Larceny Act'a. Въ этой статьѣ сказано, что производство уголовнымъ судомъ дѣлъ о преступленіяхъ, указанныхъ въ этой статьѣ, начинается не иначе какъ съ разрѣшенія генералъ-атторнея, а равно суда или судьи, которому подсуденъ искъ гражданскій противъ лица, къ коему статья имѣетъ быть примѣнена. Можетъ быть слѣдовало бы предоставить самому обвиняемому въ преступленіи просить вмѣшательства генералъ-атторнея въ это дѣло. Когда кто совершитъ преступленіе, то прежде всего предполагается, что онъ долженъ быть наказанъ, ему же предоставляется привести спеціальные доводы, опровергающіе эту необходимость наказанія. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что можно бы достигнуть значительнаго улучшенія въ правѣ, посредствомъ включенія преступленій повѣренныхъ въ опредѣленіе кражи и показанія, что они совпадаютъ съ кражею во всѣхъ существенныхъ чертахъ, хотя надобно сознаться, что при этой системѣ подъ опредѣленіе кражи подойдутъ многія дѣянія, которыя нежелательно было бы наказывать.

Въ заключеніе представимъ нѣсколько замѣчаній о предлагаемомъ нами опредѣленіи, взятомъ въ цѣломъ его составѣ. Оно разнится отъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ въ двухъ главныхъ отношеніяхъ: 1) въ томъ, что оно требуетъ наличности корыстнаго намѣренія въ моментъ завладѣнія собственностью, а не въ моментъ уноса [1]); 2) въ томъ, что оно считаетъ продметомъ кражи неспеціальное право собственника на обладаніе данною вещью, но совокупность выгодъ которыя онъ можетъ извлечь изъ вещи. Я постараюсь объяснить каждый изъ этихъ пунктовъ примѣрами.

1. Предлагаемое опредѣленіе имѣетъ въ виду намѣреніе преступника въ моментъ завладѣнія вещью, а не въ моментъ ея уноса. По нынѣ дѣйствующему праву если вещь была взята безъ корыст-

[1]) Дѣло Тэрборна. 1 Den. C. C. 387.

наго умысла, то, послѣдующее за взятіемъ корыстное распоряженіе вещью не будетъ считаться кражею. Тэрборнъ захватилъ банковый билетъ, думая, что этотъ билетъ потерянъ владѣльцемъ; потомъ узнавъ, кто его владѣлецъ, онъ размѣнялъ билетъ на деньги. Судъ рѣшилъ что въ этомъ случаѣ нѣтъ кражи, потому что въ моментъ взятія билета Тэрборнъ не имѣлъ преступнаго намѣренія. По предполагаемому нами опредѣленію взятіе вещи не есть еще кража, когда взявшій полагаетъ bona fide, что они потеряны, потому что коль скоро вещи потеряны, то выгоды собственника прекращаются. Но обращеніе вещи въ свою пользу, когда собственникъ извѣстенъ, будетъ присвоеніемъ вещи съ цѣлью лишить собственника его права на полученіе билета обратно или по крайней мѣрѣ на храненіе его впредь до востребованія.

Въ упомянутомъ нами (во 2 главѣ) дѣлѣ казначея миссіи, присвоившаго себѣ деньги миссіи, которыя онъ долженъ былъ представить въ центральное управленіе миссіонерствующаго общества [1]), основаніе освобожденія подсудимаго отъ наказанія за кражу состояло въ томъ, что повѣренный можетъ дѣлать что угодно съ тѣми штуками монеты, которые получены имъ по довѣренности. Это ученіе согласно съ общею теоріею обычнаго права, но весьма не раціонально. Положимъ, что два лица получили по 100 ф. стерл. банковыми билетами принадлежащими извѣстному обществу; каждый изъ нихъ присвоилъ себѣ полученный имъ билетъ, но одинъ, честный человѣкъ, внесъ въ банкъ сто совереновъ на счетъ общества, другой же, плутъ, не внесъ ничего. Въ обоихъ случаяхъ произошло присвоеніе себѣ повѣреннымъ того, что принадлежитъ обществу, но уплата однимъ изъ повѣренныхъ эквивалента показываетъ, что онъ не имѣлъ корыстнаго намѣренія, отсутствіе же уплаты другимъ повѣреннымъ показываетъ что у сего послѣдняго было корыстное намѣреніе.

2) Предлагаемое опредѣленіе имѣетъ въ виду не передвиженіе

---

[1]) R. v. Garrett, 8 Cox. C. C. 368, sup. p. 55.

съ мѣста на мѣсто извѣстной движимости, но корыстное перенесеніе собственническихъ выгодъ съ одного лица на другое. Казначей извѣстнаго общества получилъ на счетъ общества 100 ф. стерл. золотою монетою (соверенами). Онъ обмѣнялъ ихъ на банковые билеты, внесъ эти билеты въ банкъ, открылъ въ банкѣ кредитъ, послѣ чего, при посредствѣ банка, купилъ на эту сумму извѣстное число билетовъ государственнаго казначейства (exchequer bills), которыя въ концѣ концовъ продалъ, и вырученныя деньги истратилъ на свои надобности. Обычное право говоритъ собственникамъ: ваша собственность состояла первоначально въ соверенахъ, съ той минуты какъ вы ихъ довѣрили кому-либо, уголовный законъ пересталъ защищать васъ. Спрашивается: почему уголовное право не признаетъ, наравнѣ съ совѣстными судами (of equity), что собственникъ сувереновъ заинтересованъ какъ собственникъ и во всѣхъ эквивалентахъ этихъ сувереновъ, то есть въ банковыхъ билетахъ, кредитѣ у банкира, билетахъ государственнаго казначейства и деньгахъ вырученныхъ продажею билететовъ казначейства, такъ что коль скоро казначей обратилъ въ свою пользу съ корыстною цѣлію одинъ изъ этихъ фондовъ, то тѣмъ самымъ онъ сдѣлался виновнымъ въ кражѣ.

Дѣло R. v. *Phillips*[1]), послужившее основаніемъ многихъ послѣдующихъ рѣшеній, представляетъ другой примѣръ разницы между нынѣ дѣйствующимъ обычнымъ правомъ и предлагаемымъ нами опредѣленіемъ. Это дѣло представляетъ слѣдующій случай. Нѣкто похитилъ лошадь изъ чужой конюшни, проѣхалъ на ней 30 милей и бросилъ ее на постояломъ дворѣ, гдѣ она могла быть отыскана хозяиномъ. Судъ нашелъ, что въ этомъ случаѣ не было кражи, потому что похититель намѣренъ былъ только временно пользоваться чужою собственностью. Если такъ, то служитель можетъ отдать въ закладъ столовое серебро своихъ хозяевъ, съ тѣмъ, чтобы выкупить это серебро по истеченіи десяти лѣтъ, а между тѣмъ на

[1]) 2 Ea P. C. 662.

деньги взятыя взаймы подъ закладъ серебра отправиться въ Австралію; по смыслу обычнаго права онъ долженъ быть освобожденъ, если успѣетъ убѣдить присяжныхъ, что таково было его намѣреніе. По смыслу предлагаемаго нами опредѣленіа обращеніе даже въ свое временное пользованіе лошади или столоваго серебра должно считаться кражею. Могутъ возразить, что нельзя же назвать воромъ человѣка, который взялъ на столѣ у своего пріятеля книгу на одинъ часъ безъ позволенія сего послѣдняго. На это возраженіе можно отвѣтить, что переносъ съ одного лица на другое собственническихъ выгодъ долженъ совершаться съ цѣлью лишить собственника этихъ выгодъ, слѣдовательно весь вопросъ сводится къ тому, можно ли предполагать что подсудимый руководствовался этою цѣлію при данныхъ обстоятельствахъ? если нѣтъ, то его надлежитъ освободить. Нельзя не сознаться что могутъ встрѣтиться трудные случаи. Положимъ, напримѣръ, что лакей надѣлъ на одинъ вечеръ платье своего господина. Нельзя допустить, чтобы онъ могъ предполагать, что господинъ его на это бы согласился, но какъ-то неловко назвать этотъ поступокъ фелоніею; впрочемъ онъ подходитъ подъ понятіе кражи и мы можемъ только замѣтить, что *de minimis non curat lex.* Еслибы было доказано, что нѣкто взялъ безъ позволенія собственника листъ бумаги, дабы написать на этотъ листѣ письмо, то строго говоря и этотъ поступокъ есть ничто иное какъ кража, по сдѣланному нами опредѣленію.

Въ одномъ только пунктѣ наше опредѣленіе будетъ снисходительнѣе, нежели нынѣ дѣйствующіе законы. Положимъ, что кучеръ беретъ овесъ безъ позволенія хозяина дабы накормить хозяйскихъ лошадей. Этотъ поступокъ считается нынѣ кражею, но онъ теряетъ значеніе кражи по нашему опредѣленію, потому что не содержитъ въ себѣ перенесенія выгодъ съ собственника на другое лицо. Это дѣйствіе ничто иное, какъ перемѣна въ способѣ пользованія собственникомъ его же собственностью.

Если бы кража была надлежащимъ образомъ опредѣлена, то вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть Larceny Act'a сдѣлалась бы

излишнею и подлежала бы отмѣнѣ. Можно было бы отмѣнить всѣ статьи, заключающія въ себѣ изъятія изъ тѣхъ началъ обычнаго права, которыя устраняются предлагаемымъ нами опредѣленіемъ. Такъ напр. статьи 27 и 28 о кражѣ документовъ сдѣлаются ненужными, также статьи о кражѣ живыхъ животныхъ, плодовъ, растеній, кустарниковъ на корнѣ. Желательно чтобы остались статьи, перечисляющія обстоятельства усиливающія вину, но ихъ можно бы упростить въ значительной степени. Еслибы всякая собственность безъ различій вводимыхъ отдѣльными статутами сдѣлана была предметомъ кражи, то можно было бы ввести извѣстную постепенность въ наказанія, взявъ за масштабъ цѣну покраденнаго. Невдаваясь въ подробности приведемъ примѣръ поясняющій нашу мысль. Намъ кажется, что нельзя равнять кражу кровной собаки, стоющей нѣсколько фунтовъ стер. и любимой господиномъ, съ кражею ошейника этой собаки, который стоитъ можетъ быть не болѣе полкроны.

Главными усиливающими вину обстоятельствами считаются нынѣ: свойства похищаемаго предмета (кража скота, кража сырыхъ матеріаловъ на фабрикахъ, кража духовныхъ завѣщаній); свойства способовъ употребленныхъ для совершенія преступленія (кража съ оружіемъ, кража съ насиліемъ); мѣсто совершенія преступленія (кража съ лица, кража изъ обитаемаго дома цѣною свыше 5 ф. ст.; кража въ церкви или часовнѣ; кража на кораблѣ съ пристани и на кораблѣ во время кораблекрушенія); наконецъ свойства лицъ совершающихъ преступленіе (кражи совершаемыя агентами, банкирами, повѣренными, прислугою, должностными лицами и рецидивистами, которые были осуждены уже прежде того на наказаніе за кражу).

Важнымъ недостаткомъ законовъ о кражѣ считаемъ мы то обстоятельство, что цѣна покраденнаго, отдѣльно взятая, не является никогда обстоятельствомъ усиливающимъ вину и наказаніе, но она имѣетъ иногда это значеніе, когда берется въ совокупности съ другими отягочающими преступленіе обстоятельствами. Принимая въ расчетъ громадные размѣры кражей за послѣдніе года, мы считаемъ,

что не худо было бы подраздѣлить это преступленіе по цѣнѣ покраденнаго на кражу до 100 ф. ст. и кражу свыше 100 ф. ст.

Если бы законодательство наше затруднилось усвоить себѣ новое опредѣленіе столь радикально противуположное прежнему, то надлежало бы по крайней мѣрѣ постановить, что дѣянія, которыя носятъ нынѣ особыя названія кражи, присвоенія вещей, мошенничества, злоупотребленій довѣрія, чинимыхъ недобросовѣстными повѣренными и людьми принимающими вещи на сохраненіе должны носить общее названіе *кражей*, такъ что долженъ быть судимъ по обвиненію въ кражѣ всякій, кому доказано, что онъ совершилъ какое либо изъ вышеназванныхъ преступленій. Подобное постановленіе уничтожило бы сразу перегородки, существующія между этими преступленіями и устранило бы множество возбуждающихся по этому поводу недоумѣній.

Одно изъ преступленій предусмотрѣнныхъ статутомъ о кражахъ (Larceny Act) заслуживаетъ особаго разбора по причинѣ его важности, его частаго появленія и характеристической запутанности постановленій о немъ, происходящей отъ того, что въ этихъ узаконеніяхъ недостаточное опредѣленіе обычнаго права перекрещивается съ множествомъ статутовыхъ приставокъ, предназначенныхъ пополнять его недостатки. Мы хотимъ говорить о *Burglary* или о ночномъ взломѣ.

Обычное право даетъ слѣдующее опредѣленіе: „*burglary* есть тотъ случай, когда кто ночью вломался и вошелъ въ чужой жилой домъ или проникнулъ въ обнесенный стѣнами городъ, выломавъ стѣну или ворота съ намѣреніемъ учинить фелонію, причемъ все равно совершилъ ли онъ эту фелонію или нѣтъ“ [1]).

Многіе споры возникали относительно точнаго значенія словъ „ночью“, „жилой домъ“, „вломался и вошелъ“. Ночью принято считать пространство времени отъ 9 часовъ вечера до 6 утра. Для опредѣленія сущности взлома придуманы разныя тонкости, которыя

---

[1]) Hawkin's P. 1. Cr. 199.

вошли въ нынѣ дѣйствующее право. Такимъ образомъ установилось правило, что когда подъемное окошко не было притворено на два дюйма и подсудимый воспользовавшись этою скважиною, приподнялъ окошко и пропикъ въ жилье, то это дѣйствіе несчитается взломомъ [1]), но если преступникъ просунувъ руку сквозь разбитое стекло поднялъ задвижку и отворилъ такимъ образомъ окошко, то поднятіе задвижки равносильно взлому [2]). Влѣзаніе чрезъ дымовую трубу уравнено со взломомъ, но не считается подходящимъ подъ взломъ влѣзаніе чрезъ отверстіе въ крышѣ, служащее для пропусканія свѣта [3]). Благодаря этой казуистикѣ многіе преступники избѣгали наказанія, въ предотвращеніе чего помѣщено особое постановленіе въ статутѣ о кражахъ, по которому самъ „входъ въ чужой домъ ночью съ намѣреніемъ совершить фелонію“ признанъ также фелоніею, влекущею за собою семилѣтнія каторжныя работы [4]).

Burglary представляетъ намъ лучшій примѣръ того какъ вырабатываются въ Англіи опредѣленія преступленій совмѣстною дѣятельностью двухъ источниковъ законодательства: права обычнаго и статутоваго. Право обычное есть система весьма суровая, отличающаяся особенною строгостью наказаній; оно отмѣтило особыми терминами сложныя преступленія. Статутовое право взяло за исходную точку опредѣленія этихъ сложныхъ преступленій и изобрѣло меньшія преступленія, дабы пополнить такимъ образомъ скважины и пробѣлы въ системѣ обычнаго права. Такой порядокъ прямо противуположенъ естественному ходу развитія понятій. Онъ похожъ на то, какъ если бы натуралистъ, которому задано опредѣлить лошадь, опредѣлилъ сначала что такое кровный скакунъ такой-то породы, а потомъ сталъ опредѣлять лошадь, говоря что она есть кровный скакунъ которому недостаетъ такихъ-то качествъ.

---

[1]) Rv. Smith, 1 Mo Cr. C. 178.
[2]) Rv. Robinson, ib. 327.
[3]) Rv. Sprigg, 1 Mo and Ro 357.
[4]) Sec. 54.

Самое общее понятіе въ разбираемомъ нами случаѣ составляетъ фелонія вообще; особенныя видоизмѣненія этого преступленія суть: фелонія въ *жиломъ строеніи; входъ* въ жилое строеніе *съ намѣреніемъ* совершить фелонію; входъ въ жилое строеніе и *совершеніе* фелоніи; входъ въ жилое строеніе *ночью* съ намѣреніемъ совершить фелонію; входъ въ жилое строеніе *ночью и совершеніе* фелоніи; *взломъ* и входъ въ жилое строеніе съ намѣреніемъ совершить фелонію; взломъ и входъ въ жилое строеніе и *совершеніе* фелоніи, наконецъ взломъ, входъ и совершеніе фелоніи *ночью* въ жиломъ строеніи.

Если нѣтъ возможности обойтись безъ этихъ мелочныхъ подраздѣленій, то слѣдуетъ расположить именно въ такомъ порядкѣ. Въ настоящее время эти виды занимаютъ 6 статей въ законѣ (sec. 51—57), каждый подраздѣляется еще на нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, между которыми нѣтъ существенныхъ и раціональныхъ разницъ относительно максимума наказаній. Когда взломъ стекается съ воспослѣдовавшимъ за нимъ совершеніемъ фелоніи, то maximum наказанія доходитъ до 14-лѣтнихъ каторжныхъ работъ; когда взломъ учиненъ съ неосуществившимся потомъ намѣреніемъ совершить фелонію, то maximum наказанія доходитъ до 7-лѣтнихъ каторжныхъ работъ. Отбросивъ ненужный и служащій помѣхою терминъ „взломъ“ можно бы тому же самому содержанію дать слѣдующую болѣе простую и болѣе раціональную форму:

Кто войдетъ въ жилое строеніе съ намѣреніемъ совершить фелонію подлежитъ и т. д. (каторжнымъ работамъ на 14 лѣтъ).

Кто войдетъ въ жилое строеніе ночью съ намѣреніемъ совершить фелонію подлежитъ и т. д. (пожизненнымъ каторжнымъ работамъ).

Кто совершитъ въ жиломъ строеніи фелонію, будетъ бѣжать изъ этого жилаго строенія послѣ совершенія и вслѣдствіе совершенія фелоніи, подлежитъ и т. д.

Послѣдній изъ этихъ пунктовъ имѣетъ цѣлью точнѣе опредѣлить значеніе, весьма строгихъ постановленій нынѣшняго права,

относящихся къ тому, когда преступникъ дѣлаетъ взломъ дабы выйти изъ дому. По нашему мнѣнію главная тяжесть преступленія *burglary* состоитъ въ взломѣ для входа въ домъ, такъ что нельзя смѣшивать его съ тѣмъ случаемъ, когда лицо, въ домѣ находящееся, напримѣръ жилецъ, повреждаетъ дверь съ цѣлью бѣжать изъ дому.

Такъ какъ *burglary* во всѣхъ ея видахъ влечетъ за собою (какъ и слѣдуетъ) пожизненныя каторжныя работы, то нѣтъ надобности обозначать усиливающія это преступленіе обстоятельства. До 1861 года burglary наказывалась смертною казнью, когда была совершаема нѣсколькими (двумя и болѣе) вооруженными лицами.

Forgery (подлогъ).

Собственно говоря подлогъ и поддѣлка монеты суть только особенные виды кражи, въ томъ смыслѣ, какой мы даемъ этому преступленію въ предлагаемомъ нами опредѣленіи, такъ что еслибы не было особыхъ постановленій, относящихся къ тому же предмету, то всѣ случаи подлога и поддѣлки монеты можно было бы разсматривать какъ кражи, совершаемыя посредствомъ мошенничества (obteining goods or money by false pretenses). Разница нравственная весьма мала между вышеупомянутыми преступленіями и обыкновенными кражами. Подлоги принадлежатъ ко второму изъ трехъ классовъ, на которые дѣлятся всѣ преступленія вообще, а именно къ классу дѣяній, запрещаемыхъ закономъ не по особенной ихъ безнравственности, но съ спеціальною цѣлью отбить у людей охоту къ нѣкоторымъ безнравственнымъ дѣйствіямъ, по причинѣ великой опасности и вреда отъ этихъ дѣйствій для общества. — При критической оцѣнкѣ опредѣленій даваемыхъ подлогамъ, нравственный элементъ имѣетъ второстепенное значеніе, главная же задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить въ какой степени законъ достигаетъ цѣли, ради которой онъ установленъ.

Статутъ о подлогахъ растянутъ безъ нужды и чрезмѣрно сло-

женъ. Преступленіе *подлогъ* опредѣлялось очень просто по обычному праву, какъ „составленіе *malo animo* письменнаго документа съ цѣлію обмануть кого-либо“ [1]). Съ успѣхами торговли штрафъ и тюрьма оказались недостаточными наказаніями для обузданія столь важныхъ правонарушеній, вслѣдствіе чего законодательство превратило въ первокласную фелонію (влекущую за собою смертную казнь) поддѣлку духовныхъ завѣщаній, торговыхъ векселей и нѣкоторыхъ другихъ актовъ. Термины для обозначенія этихъ актовъ были многочисленные и довольно сбивчивые, такъ что много споровъ возникло изъ-за того, подходятъ ли тѣ или другіе документы подъ статутъ.

Нынѣ дѣйствующій статутъ состоитъ изъ 56 статей, изъ коихъ 24 посвящены одному только исчисленію различныхъ актовъ, которыхъ поддѣлка считается фелоніею. Особая статья говоритъ о фальшивыхъ завѣщаніяхъ, особая о фальшивыхъ судебныхъ актахъ, особая о фальшивыхъ счетныхъ книгахъ, особая о фальшивыхъ банковыхъ билетахъ. Притомъ каждая статья составлена столь педантски мелочно и велерѣчиво, что даетъ поводъ къ безчисленнымъ недоумѣніямъ при примѣненіи каждаго отдѣльнаго постановленія къ данному документу. Почти для всѣхъ случаевъ положено одно и тоже наказаніе котораго максимумъ — пожизненныя каторжныя работы. Дѣла о подлогахъ не могутъ быть судимы на четвертныхъ засѣданіяхъ мировыхъ судей. Большая часть статута о подлогахъ, совсѣмъ безполезна и могла бы быть замѣнена слѣдующею формулою:

Кто злоумышленно и съ цѣлью обмануть кого-либо поддѣлаетъ какой-либо актъ письменный, печатный или инымъ образомъ приспособленный для чтенія или сдѣлаетъ надлежащее употребленіе изъ подобнаго акта завѣдомо о его фальшивости, подлежитъ, по изобличеніи его въ томъ, наказанію или пожизненными каторжными

---

[1]) Making malo animo of any written instrument for the purpose of fraud or deceit. — 2 East P. C. 852.

работами, или каторжными работами на время не менѣе трехъ лѣтъ, или заключеніемъ въ тюрьмѣ соединеннымъ съ тяжкими работами, или безъ тяжкихъ работъ на время, не превышающее двухъ лѣтъ.

Это опредѣленіе можетъ быть оспариваемо на основаніи его видимой строгости: оно подвергаетъ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ лица виновныя въ подлогахъ по обычному праву, изъ которыхъ многіе неважны. На это возраженіе мы можемъ отвѣтить, что подлогъ есть одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ для упрощенія закона необходимо вооружить судью самою широкою произвольною властью при назначеніи наказаній. Нынѣ дѣйствующія опредѣленія manslaughter'a и burglary точно также упруги и допускаютъ столь же широкіе предѣлы мѣры наказанія. На основаніи ихъ, съ одной стороны мальчикъ, который убилъ товарища бросивъ въ него камень, или человѣкъ, который разбивъ стекло похитилъ грошовую булку хлѣба утромъ до 6 часовъ, могутъ быть присуждены оба къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Съ другой стороны ничто не препятствуетъ судьямъ приговорить по своему усмотрѣнію къ аресту на одинъ день, безъ тяжкихъ работъ, человѣка, который, поборовъ противника и поваливъ его наземь, топталъ его ногами и раздавилъ ему черепъ сильнымъ ударомъ каблука; или шайку разбойниковъ по ремеслу, которые бывъ вооружены вломались ночью въ жилое строеніе, грозили смертью всѣмъ жильцамъ и обобрали ихъ до чиста. На практикѣ этотъ просторъ вовсе не опасенъ. Судьи съумѣютъ соразмѣрить наказаніе съ виною; предоставленіе участи подсудимаго ихъ благоусмотрѣнію есть несравненно меньшее зло, нежели умноженіе схоластическихъ различій которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ усложненія опредѣленій преступленій.

Offences against the coin (поддѣлка монеты).

Поддѣлка монеты имѣетъ ту особенность, что она легко превращается въ правильное ремесло. Для успѣшнаго противудѣйствія

ей необходимо запретить подъ страхомъ наказанія множество дѣяній, которыя сами по себѣ безвинны, какъ-то храненіе у себя формъ и инструментовъ для поддѣлки монеты. При такихъ условіяхъ, эта отрасль уголовнаго права допускаетъ въ гораздо меньшей степени, нежели другія, возможность сокращенія. Многія статьи статута о подлогахъ нашли бы болѣе приличное мѣсто въ области поддѣлки монеты, нежели въ области подлога, какъ-то фабрикація бумаги похожей на бумагу англійскаго банка, гравированіе банкоцеттелей на металлическихъ таблицахъ и т. под.

Злоумышленное поврежденіе и истребленіе чужой собственности (malicious injuries to property).

Узаконенія относящіеся къ этому предмету требуютъ болѣе подробнаго опредѣленія, по причинѣ безконечнаго разнообразія формъ и видовъ собственности, а равно и способовъ, которыми она можетъ быть повреждена. Однако, есть полная возможность формулировать ученіе объ этомъ преступленіи въ общихъ чертахъ, чему доказательствомъ служатъ весьма ясныя и сжатыя постановленія послѣдняго уголовнаго статута, посвященнаго этому предмету (24 и 25 Vict. c. 97 s. 51), гдѣ сказано: „кто противузаконно и злоумышленно совершитъ вредъ, ущербъ или захватъ какой-либо собственности, движимой или недвижимой, частной или общественной, если за это дѣйствіе не положено особеннаго наказанія и если вредъ превышаетъ цѣною 5 ф. ст.“, тотъ подлежитъ наказанію заключеніемъ въ тюрьмѣ на время до двухъ лѣтъ съ тяжкими работами, когда преступленіе совершено днемъ, когда же оно совершено ночью, то наказаніе доходитъ до 5-лѣтнихъ каторжныхъ работъ.

Другіе статуты, относящіеся къ тому же предмету, растянуты безъ всякой нужды. Важнѣе всѣхъ другихъ преступленій того же класса — зажигательство (arson). По обычному праву оно есть злоумышленное и произвольное сожженіе чужаго дома ночью или

днемъ [1]). Такъ какъ практика, ограничила слово „домъ“ одними жилыми строеніями, то издано множество статутовъ, воспрещающихъ поджегъ разныхъ строеній, земледѣльческихъ произведеній и рудниковъ. Эти постановленія наполняютъ 1, 8, 16, 17, 18 и 26 статьи консолидирующаго статута 1861 года. На основаніи сихъ статей зажигательство вообще влечетъ за собою пожизненную каторжную работу; 6 статья грозитъ только 14-лѣтними каторжными работами лицу зажигающему всякія иныя строенія, кромѣ исчисленныхъ въ первыхъ 5 статьяхъ, въ которыхъ поименованы: церкви, часовни, станціи желѣзныхъ дорогъ, общественныя строенія и ин. др. Поджегъ скирды хлѣба влечетъ за собою пожизненныя каторжныя работы, но за поджегъ хлѣба на корню положены только 14-лѣтнія каторжныя работы. Зажигательство есть преступленіе столь тяжкое, что не мѣшало бы положить одно и тоже maximum для всевозможныхъ его видовъ, подобно тому, какъ одно и тоже maximum полагается для всѣмъ видовъ burglary и manslaughter'a. Въ такомъ случаѣ всѣ посвященныя зажигательству 12 статей могли бы быть сжаты въ одну такимъ образомъ составленную:

Зажигательство есть противузаконное и умышленное воспламененіе какой-либо недвижимой собственности (слѣдовательно, всѣхъ строеній, рудниковъ, растущаго хлѣба) или собранныхъ растительныхъ продуктовъ, или движимой собственности, смежной съ недвижимою, или соединенной съ нею такимъ образомъ, что воспламененіе первой поставляетъ и послѣднюю въ опасность.

Совершившій зажигательство подлежитъ... (пожизненнымъ каторжнымъ работамъ).

Покушавшійся на зажигательство подлежитъ... (14-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ).

---

[1]) 1 Haw. P. 1. Cr. p. 137.

Misdemeanors.

Приступаемъ теперь къ опредѣленію нѣкоторыхъ преступленій, направленныхъ противъ общегражданской обязанности, на которой держится весь законъ, уважать установленныя права и подчиняться установленнымъ властямъ. Общее названіе ихъ *Misdemeanors* — дурное поведеніе — опредѣляетъ приблизительно ихъ характеръ. Главныя преступленія въ этой области суть: *libel* (злоупотребленіе словомъ или печатью), *conspiracy* (заговоръ) и такъ называемыя *nuisances* (общевредныя дѣйствія).

На первый взглядъ кажется что между всѣми названными здѣсь преступленіями нѣтъ никакой связи, но сличеніе ихъ опредѣленій покажетъ, что при всѣхъ своихъ различіяхъ они имѣютъ одну и туже сущность. Разсматривая ляйбэль, сэръ Уилліамъ Россель говоритъ [1]): „поводомъ къ судебному его преслѣдованію служитъ общественный вредъ, на причиненіе коего ляйбэли расчитаны, состоящій въ отчужденіи умовъ народа отъ религіи и доброй нравственности, въ вооруженіи ихъ противъ правительства и оффиціальныхъ органовъ страны; если же ляйбэли направлены противъ частныхъ лицъ, то вредъ ихъ состоитъ въ такомъ раздраженіи обижаемыхъ, которое можетъ располагать ихъ къ нарушенію мира“. Тотъ же писатель говоритъ о заговорѣ: „заговоръ на остановленіе, предупрежденіе или затрудненіе хода общественнаго правосудія, на разстройство общественнаго здоровья.... на причиненіе инаго вреда общественнаго.... есть преступленіе наказуемое по обвинительному акту.... Сказано въ книгѣ, имѣющей большой авторитетъ, что всѣ союзы (confederacies) съ цѣлью причинить безправно вредъ третьему лицу, въ высшей степени преступны по обычному праву.“ О нюйзенсахъ Россель говоритъ: „общественными нюйзенсами считаются всѣ нападенія на общественный порядокъ и на экономическое устройство государства, состоящія или въ чиненіи

[1]) Russ. Cr. 220.

чего либо непріятнаго для всѣхъ подданныхъ короля, или въ упущеніи дѣлать что либо, чего требуетъ общественное благо". Всѣ опредѣляемыя такимъ образомъ преступленія основаны на понятіи о нормальномъ состояніи спокойствія и порядка, котораго возмущеніе письмомъ, сговоромъ, произвольнымъ дѣйствіемъ или упущеніемъ составляетъ уголовное преступленіе.

Нравственный характеръ этихъ преступленій имѣетъ мало значенія. Если бы уголовное право было произведеніемъ одного ума, то по всей вѣроятности всѣ три названныя нами преступленія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими того же рода, каковы скопища, противузаконныя собранія и возмутительные крики, были бы слиты во едино и образовали бы нѣчто цѣлое. Законодатель разсматривалъ бы ихъ какъ общевредныя дѣйствія, *communia nocumenta*, то есть какъ посягательства отдѣльныхъ лицъ на общіе интересы публики. Къ счастью случилось противное; мы повторяемъ: къ счастію, потому что существованіе въ законѣ столь неопредѣленнаго и широкаго преступленія сообщило бы судамъ почти деспотическую власть. Въ этомъ случаѣ ограниченность и крайняя спеціальность англійскихъ опредѣленій преступленій, противная всякимъ обобщеніямъ, сдѣлалась случайнымъ образомъ настоящимъ благодѣяніемъ для общества.

Что касается до самихъ опредѣленій то они крайне туманны; притомъ, за исключеніемъ опредѣленія нюйзенсовъ, они полагаютъ преступность не въ винѣ, но въ способахъ совершенія виновныхъ дѣяній. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о каждомъ изъ названныхъ нами преступленій. Опредѣленіе ляйбэля приводитъ на память великій конституціонный вопросъ прошлаго столѣтія объ отношеніи между функціями судей и присяжныхъ по дѣламъ объ этомъ преступленіи. Споръ рѣшенъ статутомъ о ляйбэляхъ (Libel Act.) 32 Georg III, c. 60, который, въ совокупности съ послѣднимъ закономъ Лорда Кампбеля 6 и 7 Vict. c. 96 составляетъ основаніе нынѣ дѣйствующей системы законодательства. Рельефнѣйшіе пункты этого спора не лишены интереса еще и въ настоящее время,

не только по остроумію, съ которымъ ведены были пренія, но и потому, что они проливаютъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя руководящія начала англійскаго уголовнаго права [1]).

Исходною точкою преній служитъ вопросъ въ какомъ смыслѣ считать присяжныхъ судьями факта намѣренія лица, опубликовавшаго извѣстный ляйбэль? Лордъ Эрскинъ утверждалъ, что они вправѣ оправдать всякаго, чьи мотивы они одобряютъ, и что они вправѣ также дѣлать заключенія объ этихъ мотивахъ изъ содержанія публикуемаго сочиненія. Лордъ Мэнсфельдъ и другіе судьи были повидимому того мнѣнія, что законъ о ляйбэляхъ воспрещаетъ безусловно нѣкотораго рода сочиненія, какъ-то, напримѣръ, неблагопріятную для короля критику его поведенія, такъ что у всякаго, кто съ умысломъ порицаетъ поведеніе короля, уже есть на лицо въ его сознаніи то, что законъ называетъ преступнымъ или злоумышленнымъ намѣреніемъ, каково ни было личное мнѣніе присяжныхъ объ основательности или нравственномъ характерѣ порицанія. И такъ по дѣлу о ляйбэлѣ судья долженъ разсуждать такимъ образомъ: критиковать короля запрещено; а такъ какъ данное сочиненіе критикуетъ короля, то оно злоумышленное. Единственные вопросы предлагаемые присяжнымъ относятся только къ тому, было ли сочиненіе опубликовано и каковъ точный смыслъ приводимыхъ обвиненіемъ словъ его текста.

Въ концѣ концовъ признано, что присяжные могутъ и должны принимать въ соображеніе весь ляйбэль съ полнымъ его текстомъ съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться относится ли онъ (злонамѣренно или нѣтъ) къ королю, правительству или иному лицу, противу котораго онъ по содержанію обвиненія будто бы написанъ, причемъ сочтено безспорнымъ, что истинность или лживость ляйбэля есть вещь для суда безразличная. Такимъ образомъ до сихъ поръ еще держится правило: чѣмъ больше истины въ ляйбэлѣ тѣмъ больше

[1]) Взглядъ Лорда Эрскина можно изучить въ дѣлѣ декана св. Асафа 21 S. Tr. 847 мнѣнія судей помѣщены въ преніяхъ палаты Лордовъ 1789 г. 22 Sl. Tr. 279.

онъ преступенъ (the greather the truth the more the libel), хотя это правило обставлено нынѣ весьма значительными ограниченіями, содержащимися въ статутѣ Лорда Кампбеля.

Намъ кажется что съ точки зрѣнія чисто юридической судьи были правы, а Лордъ Эрскинъ неправъ. Какъ ни смотрѣть на этотъ вопросъ, нельзя не сознаться, что рѣшать какія дѣянія преступны и какія нѣтъ — есть дѣло законодателя а не судьи. Когда законодатель постановляетъ что извѣстный классъ дѣяній преступенъ, то тѣмъ самимъ онъ опредѣляетъ, что то настроеніе сознанія, которое ведетъ къ подобнымъ дѣяніямъ, есть настроеніе злонамѣренное. Когда законодатель воспрещаетъ въ общихъ выраженіяхъ извѣстный родъ дѣяній, то на долю судей, какъ подчиненныхъ законодателей, приходится довести эту общность выраженій до той степени опредѣленности, которая требуется для практическихъ цѣлей и обозначить какіе мотивы соотвѣтствующіе этимъ дѣяніямъ хотѣлъ запретить законодатель. Въ ходѣ правосудія водворился бы страшный хаосъ, если бы присяжные, въ качествѣ судей факта, рѣшали по обстоятельствамъ каждаго преступленія было ли оно злоумышленное или нѣтъ. Во всѣхъ другихъ областяхъ уголовнаго права судьи законодательствовали на основаніи фикціи, что они снабжены властью авторитетнаго толкованія закона. Судебные приговоры опредѣлили какія убійства злоумышленны и какія нѣтъ, какія похищенія фелонны и какія нѣтъ, точно на томъ же основаніи имъ, а не кому либо другому, слѣдуетъ предоставить опредѣлять, какія сочиненія совмѣщаютъ въ себѣ признаки ляйбэля (libellous writing) и какія нѣтъ. Однако законодательство нашло полезнымъ отнять у судей эту власть, причемъ оно отступило отъ общей теоріи права. Въ томъ видѣ, въ какомъ право примѣняется въ настоящее время, оно представляетъ собою систему законодательства *ex post facto*, примѣняемаго присяжными къ каждому отдѣльному случаю. Теперь юристы опредѣляютъ ляйбэль, не безъ основанія, такимъ образомъ, что онъ состоитъ въ написаніи кѣмъ либо того, за что присяжные считаютъ сего послѣдняго достойнымъ наказанія. Объ-

ясненіе сей странности заключается въ томъ, что ляйбэли наказываются не какъ безнравственныя дѣйствія (хотя они бываютъ часто таковыми), но какъ строптивые поступки, если же бы всякія неповиновенія и строптивости въ отношеніи къ законодателю укрощались наказаніями, несмотря на то въ какой мѣрѣ его запреты разумны и цѣлесообразны, то власть законодателя получила бы деспотическій характеръ. Посему съ цѣлью сообщить закону ту нравственную санкцію, которая не могла бы быть обезпечена никакимъ опредѣленіемъ, власть судебнаго законодательства перенесена съ людей, которые по своему общественному положенію всего склоннѣе поддерживать всякіе авторитеты, на представителей общества, которое должно всячески опасаться злоупотребленія этой власти.

Вопросъ о томъ, что такое ляйбэль вовсе не зависитъ отъ вопроса, насколько обвиняемый можетъ оправдываться доказательствомъ того, что содержаніе ляйбэля согласно съ истиною. Этотъ предметъ рѣшенъ теперь статутомъ Лорда Кампбеля по которому судимый за ляйбэль можетъ доказывать, что изложенное имъ въ сочиненіи справедливо и что обнародованные имъ факты доведены до свѣдѣнія публики въ интересѣ общественнаго блага. Это рѣшеніе ставитъ вопросъ на раціональномъ основаніи и обращаетъ большую часть постановленій о ляйбэляхъ въ историческіе курьезы, потому что удача или неудача отвѣтчика, при доказываніи имъ справедливости сказаннаго въ сочиненіи, предрѣшаетъ въ сущности вопросъ о злоумышленности его.

Законы о заговорахъ въ рукахъ придирчивыхъ судей могли бы сдѣлаться столь же опаснымъ орудіемъ, какимъ были всегда законы о ляйбэляхъ. Заговоръ есть „соглашеніе нѣсколькихъ лицъ относительно совершенія противузаконнаго дѣянія или относительно совершенія законнаго дѣянія противузаконными средствами. Лордъ Дэнманъ замѣтилъ, что по его мнѣнію эта антитеза неправильна [1]). Она не существуетъ на самомъ дѣлѣ и есть только кажущаяся. На-

[1]) R. v. Peck, 9 Aand E. 69.

стоящее опредѣленіе заговора должно состоять въ томъ, что заговоръ есть соглашеніе о совершеніи противузаконнаго дѣянія, составляющаго или конечную цѣль, или только переходную ступень къ достиженію заговорщиками другой какой либо цѣли. Во 2-й главѣ мы старались начертить исторію законодательства о заговорахъ. Относительно опредѣленія этого преступленія въ настоящее время мы должны замѣтить, что слово „противузаконное“ берется здѣсь въ самомъ широкомъ его смыслѣ, такъ что оно вмѣщаетъ въ себѣ всякій видъ безнравственнаго, непатріотическаго, безчестнаго и вообще предосудительнаго образа дѣйствія по предварительно состоявшемуся соглашенію между двумя и болѣе лицами. Небезполезно имѣть отрасль права, которая даетъ возможность судамъ наказывать посредствомъ мѣры похожей на остракизмъ людей, становившихся вредными или опасными обществу; необходимость подъискивать рѣшенію примѣры въ прошедшемъ, гласность судопроизводства и неподкупность судей служатъ достаточными гарантіями противъ злоупотребленій этой власти, хотя нельзя несознаться, что сама власть эта опасна и должна быть сторожима съ величайшею подозрительностью.

Законы о нюйзенсахъ еще неопредѣленнѣе, нежели законы о заговорахъ, но на практикѣ эти преступленія занимаютъ самое послѣднее мѣсто въ классѣ мисдеминоровъ. „Общевредными дѣйствіями“ или нюйзенсами считаются захваты земель, состоящихъ подъ общественными дорогами, преступленія противъ судоходства по рѣкамъ, вредные для публики виды торговли, содержаніе непотребныхъ домовъ и другіе тому подобные предметы, входящіе въ область полиціи. Къ счастью тѣ, чьими руками выработана система законовъ о нюйзенсахъ, не напали на мысль подвести подъ понятіе нюйзенсовъ ляйбэли и заговоры, въ противномъ случаѣ они бы вѣроятно растянули область уголовнаго права далеко за теперешніе ея предѣлы и нашли бы средство наказывать всякій образъ дѣйствій непріятный правительству.

Примѣромъ огромнаго практическаго значенія мѣткаго эпи-

тета, обозначающаго преступленіе и избраннаго по причинѣ того энергическаго порицанія, которое въ немъ высказывается, можетъ служить шотландскій законъ о возмущеніи (sedition). Развитый судебными приговорами по дѣламъ, которыя судились въ Эдинборгѣ въ 1793 г., этотъ законъ давалъ правительству возможность наказывать пожизненною ссылкою всякую политическую оппозицію. Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Томаса Мюира, одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ состоялъ въ томъ, что подсудимый подстрекалъ и убѣждалъ нѣкоторыя лица читать *„права человѣка“* Пэна (Paine), за что между прочимъ Мюиръ и былъ наказанъ 14-лѣтнею ссылкою. Въ самой Англіи онъ былъ бы наказанъ по законамъ о заговорахъ только въ такомъ случаѣ, если бы по соглашенію съ другими лицами онъ открылъ лавочку для продажи сочиненій Пэна, или по законамъ о ляйбэлѣ, если бы онъ ихъ издавалъ и распространялъ въ публикѣ; но тотъ же результатъ, который достигнутъ въ Шотландіи, могъ бы быть достигаемъ и въ Англіи посредствомъ растяженія законоположеній о нюйзенсахъ, вслѣдствіе чего судъ могъ бы приговорить подсудимаго къ наказанію, незадаваясь трудными вопросами о томъ было ли сочиненіе обнародовано, или о томъ, существовало ли соглашеніе нѣсколькихъ лицъ на одно и тоже дѣло. Можно было бы формулировать обвиненіе такимъ образомъ, что А, какъ злонамѣренный человѣкъ имѣлъ обыкновеніе возбуждать и подстрекать другія лица къ чтенію „правъ человѣка“ Пэна ко общему вреду (nuisance) подданныхъ королевства и т. д. Въ настоящую минуту нѣтъ поводовъ опасаться подобнаго извращенія законовъ для достиженія политическихъ цѣлей, но не худо знать какія статьи закона могли бы быть такимъ образомъ извращены.

Кончивъ разборъ новыхъ руководящихъ опредѣленій преступленій англійскаго права, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ ихъ характерѣ.

Много было говорено въ послѣдніе года о необходимости кодификаціи права вообще и въ особенности уголовнаго права. Въ

отвѣтъ на доводы заступающіеся на очевидную пользу отъ такой кодификаціи противники ея возражали, что кодификація статутоваго права уже совершена или будетъ въ скоромъ времени совершена посредствомъ такъ называемыхъ консолидирующихъ статутовъ, кодификація же обычнаго права вовсе нежелательна, потому что она лишила бы это преступленіе его „упругости.“ Подъ этимъ терминомъ почитатели его разумѣютъ ту степень неопредѣленности, вслѣдствіе которой судьи и присяжные могутъ употреблять законъ какъ имъ понадобится, смотря по обстоятельствамъ. Мы постараемся въ другомъ мѣстѣ разобрать вопросъ о судебномъ законодательствѣ, но примѣры приведенные нами въ этой главѣ даютъ возможность читателю судить о томъ, кто правъ въ этомъ спорѣ, насколько онъ касается опредѣленій преступленій. Мы соглашаемся съ противниками кодификаціи въ томъ, что шесть статутовъ изданныхъ лѣтомъ 1861 г. образуютъ уголовный уставъ, большею частью довольно полный для практическихъ цѣлей. Собрать все уголовное право въ одно сплошное цѣлое есть дѣло просто невозможное, потому что въ извѣстномъ смыслѣ, на который мы указывали, все право въ цѣломъ его объемѣ можетъ считаться уголовнымъ. Всякій приказъ законодателя о чемъ бы то не было, ограждается въ случаѣ неисполненія его наказаніями. Мы должны будемъ прійти къ тому же результату, когда возьмемъ уголовное право, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, то есть когда мы на него посмотримъ какъ на совокупность законовъ о дѣяніяхъ наказуемыхъ по закону. Почти каждый актъ парламента прибавляетъ нѣчто къ уголовному праву (напр., новѣйшіе статуты о торговомъ судоходствѣ и о банкротствѣ). Если мы остановимся на уголовномъ правѣ въ смыслѣ, какой этотъ терминъ имѣетъ въ разговорной рѣчи, то есть на той ежедневно употребляемой части уголовнаго права, которая примѣняется къ общей массѣ злодѣяній, противныхъ въ одно и тоже время всякому праву и всякой нравственности, статуты 1861 года вполнѣ почти соотвѣт-

ствуютъ этой фразѣ. Совокупность заключающихся въ нихъ постановленій можетъ быть сведена къ чѣтыремъ заповѣдямъ:

Почитай и повинуйся королю.

Не убивай никого, не поражай.

Не кради, не мошенничай посредствомъ подлога и фальшивой монеты.

Не повреждай злоумышлено чужой собственности.

Уголовный кодексъ въ общенародномъ смыслѣ этого слова обозначаетъ облеченіе приведенныхъ нами общихъ мѣстъ въ форму достаточно опредѣленную для цѣлей практики. Мы полагаемъ что невходящія въ составъ статутовъ 1861 г. преступленія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ весьма важны напр., ляйбэль, должны быть оставлены въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ. Мы бы не желали касаться законовъ объ измѣнѣ, потому что симметрія въ опредѣленіи есть дѣло второстепенное въ законахъ, которые примѣняются необычайно рѣдко, напротивъ того для общества очень важно избѣгать по возможности риска расширенія границъ преступленій, потому что къ подобному расширенію общество относится не безъ основанія подозрительно. Мы бы не коснулись также законовъ о ляйбэлѣ и о другихъ мисдеминорахъ, потому что по существу своему эти преступленія должны оставаться неопредѣленными. При нынѣшнемъ состояніи законодательства, судьи и присяжные пользуются въ отношеніи къ нимъ извѣстнымъ просторомъ законодательной дѣятельности, который, какъ дознано опытомъ, вообще благопріятенъ для общества. Недовольство существующемъ порядкомъ, реформы, духъ критики и сопротивленія правительству могутъ имѣть свои хорошія стороны, но ихъ необходимо держать въ уздѣ, никакая же узда не можетъ сдѣлать меньше вреда и больше пользы, нежели неопредѣленная власть, предоставленная судьямъ и присяжнымъ сказать, что такое то сочиненіе есть ляйбэль, или что такой то митингъ есть заговоръ и что виновные въ этихъ дѣйствіяхъ должны отправиться въ тюрьму. Законы о заговорахъ обуздали движеніе затѣянное О'Коннелемъ самымъ дѣй-

ствительнымъ и самымъ конституціоннымъ образомъ, чѣмъ они предупредили можетъ быть, кровопролитную и бѣшеную междоусобную войну.

Но если противники кодификаціи станутъ утверждать, что шесть статутовъ 1861 г., вмѣстѣ съ опредѣленіями преступленій обычнаго права, вошедшими въ ихъ составъ, не допускаютъ никакого дальнѣйшаго усовершенствованія, то мы должны будемъ разойтись съ ними въ этомъ пунктѣ по причинамъ, изложеннымъ подробно въ первой части настоящей главы. Эти опредѣленія исполнены ненужныхъ хитросплетеній, едва понятныхъ тонкостей, зависящихъ отъ коренныхъ недостатковъ въ опредѣленіяхъ преступленій по обычному праву (таковы въ особенности недостатки ученія о кражѣ), отъ совершенно спеціальнаго и случайнаго характера тѣхъ законоположеній которыя консолидированы статутами 1861 г., наконецъ отъ безполезнаго умноженія числа статей закона, вслѣдствіе установленія разныхъ максимумовъ наказаній за разныя однородныя въ сущности дѣянія, или за такія дѣянія, за которыя надлежало бы предоставить наказывать по его усмотрѣнію.

Не только по содержанію но и по формѣ статуты въ 1861 г. не выдерживаютъ критики, въ особенности же статутъ о кражахъ содержитъ множество постановленій плохо пристающихъ одни къ другимъ. Первоначально предполагалось составить особый статутъ изъ тѣхъ его статей, которыя относятся къ ловлѣ оленей, кроликовъ и иныхъ дикихъ животныхъ. Преступное вымогательство посредствомъ угрозъ могло бы также найти особое мѣсто отдѣльно отъ кражи. Немногія измѣненія такого рода въ редакціи, вмѣстѣ съ предлагаемыми нами преобразованіями, сообщили бы системѣ англійскаго уголовнаго права такую симметрію и ясность, какими славится французскій *Code pénal*, не вредя его содержанію, которое мы считаемъ болѣе разумнымъ, нежели содержаніе законодательства французскаго.

ГЛАВА V.

ОВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ВООБЩЕ.

Опредѣленіе уголовнаго судопроизводства. — Періоды процесса. — Отсутствіе оффиціальнаго преслѣдователя. — Подготовленіе обвиненія атторнеемъ по части обвиненія. — Приготовленія къ защитѣ. — Подслѣдственный арестъ. — Допросъ подсудимыхъ. — Отдача подъ судъ. — Судоговореніе. — Вердиктъ и приговоръ. — Уголовное судопроизводство французское. — Ministère public. — Instruction. — Обвинительный актъ. — Ассизы. — Сравненіе французской системы съ англійскою и оцѣнка обѣихъ. — Подразумѣваемыя правила дѣятельности адвокатовъ въ англійскомъ судѣ.

Судопроизводство вообще есть та часть права, которая опредѣляетъ способы примѣненія общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ. Такимъ образомъ, право вообще постановляетъ, что договоры должны быть исполняемы и что, въ случаѣ ихъ неисполненія, неисполняющая сторона обязана къ уплатѣ вознагражденія, судопроизводственное же право опредѣляетъ какимъ путемъ А можетъ получить отъ В вознагражденіе за нарушеніе контракта. А долженъ предварительно извѣстнымъ образомъ доказать, что до-

говоръ состоялся и былъ нарушенъ, послѣ чего вознагражденіе будетъ присуждено ему извѣстнымъ судомъ. Когда онъ достигъ этого результата, то онъ вооруженъ со стороны закона властью на взысканіе этого вознагражденія; этою властью онъ можетъ пользоваться только извѣстнымъ спеціально обозначеннымъ въ законѣ способомъ и т. д.

Уголовное судопроизводство есть та часть права, которая опредѣляетъ, какимъ путемъ извѣстныя лица могутъ быть наказываемы за совершеніе дѣяній запрещаемыхъ закономъ. Сторонами въ уголовныхъ дѣлахъ являются: во-первыхъ—обвиняемый; во-вторыхъ—государство, какъ юридическое лицо, въ качествѣ обвинителя. Характеръ этого судопроизводства зависитъ отъ приведенныхъ по всей его системѣ предположеній и догадокъ законодателя о степени и родѣ интереса, который имѣетъ въ процессѣ каждая изъ участвующихъ въ немъ сторонъ. На практикѣ оказывается, что почти всѣ системы уголовнаго судопроизводства руководствуются однимъ изъ слѣдующихъ двухъ взглядовъ на этотъ предметъ. Они смотрятъ на уголовный процессъ или какъ на общественный розыскъ, производимый съ цѣлью удостовѣриться объ истинѣ происшествія въ видахъ общественнаго блага, или какъ на частный споръ, въ которомъ обвинитель стремится достигнуть того, чтобы обвиняемый былъ наказанъ, а обвиняемый старается избѣгнуть наказанія, полагаемаго по закону за извѣстное преступленіе. Можетъ быть, ни одна изъ положительныхъ процедуръ не основана исключительно на одномъ изъ этихъ принциповъ, или лучше сказать, ни одна не доводитъ своего принципа на практикѣ до всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые могли бы быть выведены изъ него теоретически, но въ каждой процедурѣ преобладаетъ тотъ или другой взглядъ. Для большей ясности назовемъ одно начало состязательнымъ, другое розыскнымъ. Англійское судопроизводство почти исключительно состязательное, французское—почти исключительно розыскное. Сравненіе или лучше сказать противопоставленіе обѣихъ системъ прольетъ свѣтъ на крѣпкія и слабыя стороны каждой

изъ нихъ и будетъ составлять приличное введеніе къ подробному разбору руководящихъ основаній англійскаго судопроизводства.

Уголовное судопроизводство по существу своему состоитъ изъ слѣдующихъ періодовъ: 1) обнаруженіе и поимка преступниковъ; 2) подготовленіе дѣла къ судоговоренію, неимѣющее названія въ англійскомъ судопроизводствѣ, но извѣстное во французскомъ подъ именемъ *instruction* (слѣдствіе); 3) судоговореніе, оцѣнка силы доказательствъ и произнесеніе приговора судомъ; 4) исполненіе приговора.

Обстоятельства, изложенныя нами во 2-й главѣ настоящаго сочиненія, сообщили англійскому процессу во всѣхъ сихъ періодахъ форму частнаго состязанія вмѣсто формы общественнаго розыска, которую онъ имѣлъ первоначально. Практическимъ результатомъ сего факта объясняется та особенность, что англійское право не установляетъ особенной системы мѣропринятій для открытія и поимки преступниковъ. Оно допускаетъ всякому брать на себя эти функціи, причемъ все равно, пострадалъ ли онъ самъ отъ преступленія или нѣтъ; оно уполномочиваетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязываетъ юридическія лица, каковы нѣкоторыя городскія корпораціи и четвертныя засѣданія мировыхъ судей, содержать на счетъ обществъ полицейскую силу для достиженія этой цѣли, но въ сущности, полицейскій въ качествѣ оффиціальнаго лица не имѣетъ больше правъ при обнаруженіи и поимкѣ преступниковъ, какъ и всякій частный человѣкъ. Они не пользуются никакими спеціальными облегченіями для производства розысканій, изъ которыхъ состоитъ слѣдствіе и нѣтъ чиновника, который бы былъ обязанъ предпринимать подобныя розысканія по долгу службы, отличному отъ долга частнаго гражданина, въ отношеніи къ тѣмъ, на чьей службѣ онъ состоитъ. Охраненіе общественнаго мира есть, безъ сомнѣнія, обязанность, лежащая на нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ, каковы мэры и шерифы, которые могутъ быть привлечены къ суду и наказаны за ея упущеніе, но въ Англіи нѣтъ чиновника (за исключеніемъ, можетъ быть коронера), который бы былъ ex officio

обязанъ ловить преступниковъ или розыскивать преступленіе. Единственное средство, охраняющее интересъ, который общество имѣетъ въ преслѣдованіи злодѣевъ, состоитъ въ общегражданской нравственной обязанности преслѣдовать преступниковъ, привлекать ихъ къ мировымъ судьямъ и склонять сихъ послѣднихъ къ отсылкѣ обвиняемыхъ къ суду, но ни на практикѣ, ни въ теоріи нѣтъ власти, которая была бы въ состояніи заставить людей вчинать дѣла уголовныя оффиціально и, если обвинитель предпочтетъ измѣнить своимъ первоначальнымъ заявленіямъ, то противу этого зла публика не гарантирована ничѣмъ. По видимому, функціи генералъ-атторнея составляютъ исключеніе изъ общаго правила, но только по видимому. Его оффиціальная должность состоитъ въ томъ, чтобы преслѣдовать преступниковъ въ дѣлахъ сопряженныхъ съ общественнымъ интересомъ, но онъ не обязанъ къ тому юридически и не пользуется никакими особенными преимуществами при отправленіи этой функціи, за исключеніемъ привилегіи предавать непосредственно суду посредствомъ *information, ex officio* нѣкоторые классы правонарушителей, безъ посредства большаго джюри.

Та часть судопроизводства, которую французы называютъ instruction (слѣдствіе), то есть собраніе и приготовленіе доказательствъ, которыя должны быть предъявлены въ судѣ, находится въ Англіи цѣликомъ на рукахъ какого-нибудь атторнея по части обвиненія (attorney for the prosecution). Ни въ какомъ отношеніи нельзя его назвать должностнымъ лицомъ или чиновникомъ (public oficer), развѣ въ томъ смыслѣ, что всякій атторней долженъ быть приписанъ къ какому-нибудь суду. Онъ подготовляетъ уголовное дѣло къ суду точно такимъ же образомъ и на такомъ же основаніи какъ и всякое гражданское, то есть, онъ получаетъ вознагражденіе отъ своего довѣрителя — обвинителя, хотя онъ имѣетъ право получать нѣкоторое вознагражденіе и отъ общества. Обыкновенно въ большей части случаетъ онъ долженъ довольствоваться однимъ только вознагражденіемъ отъ общества, въ особенности когда обвинитель самъ лично не заинтересованъ въ дѣлѣ и является

только свидѣтелемъ по дѣлу. Вообще атторней по части обвиненія (часто эту роль берутъ на себя судейскіе клерки), задаетъ себѣ весьма мало труда по поводу дѣла. Свидѣтели, являвшіеся передъ судьею, обязаны сами собою явиться и въ четвертное засѣданіе или въ ассизы; атторней списываетъ ихъ показанія въ краткихъ словахъ въ формѣ протокола (brief) и передаетъ эти отмѣтки адвокату въ день назначенный для судоговоренія (по крайней мѣрѣ, такъ дѣлается въ провинціи). [1])

Иной порядокъ бываетъ въ дѣлахъ возбуждающихъ общественное любопытство или въ которыхъ заинтернсованы лица, готовыя жертвовать значительныя деньги на издержки процесса. Въ такихъ дѣлахъ много старанія и ума посвящается собранію доказательствъ, адвокатъ избирается заранѣе, онъ даетъ свои указанія и совѣты относительно собираемыхъ доказательствъ, однимъ словомъ для раскрытія обстоятельствъ дѣла употребляются тѣ же самые способы, которые употребительны въ гражданскихъ тяжбахъ. Какова бы не была важность дѣла, предварительное слѣдствіе находится цѣликомъ въ рукахъ у обвинителя, атторнея, котораго употребляетъ обвинитель и адвоката, къ которому въ сомнительныхъ случаяхъ атторней обращается за совѣтомъ.

Защита подсудимаго держится на тѣхъ же точно основаніяхъ. Подсудимый имѣетъ столько же простора для приготовленія своей защиты отъ уголовнаго обвиненія, сколько отвѣтчикъ по гражданскому иску. Если онъ человѣкъ съ состояніемъ, то онъ можетъ нанять заранѣе адвокатовъ и атторнеевъ, звать въ судъ своихъ свидѣтелей на немного болѣе благопріятныхъ для сихъ послѣднихъ условіяхъ (сомнительно можетъ ли свидѣтель домогаться уплаты

---

[1]) Большая часть замѣчаній о практической сторонѣ англійскаго судопроизводства основаны на личномъ моемъ опытѣ. Я долженъ замѣтить что моя практика ограничивается моимъ округомъ — Midland Disaud (средній округъ), но что она можетъ разниться въ мелкихъ потребностяхъ отъ практики другихъ округовъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, каковы Лидсъ, Бермингэмъ, одни и тѣ же атторнеи занимаются всѣми обвиненіями.

ему его издержекъ до дачи показанія въ судѣ [1]). Въ большей части случаевъ подсудимый бѣденъ и не имѣетъ друзей, если же онъ посаженъ въ тюрьму, то онъ не въ состояніи ничего сдѣлать, а можетъ только сказать тоже самое, что повторитъ потомъ на судѣ. Впрочемъ, онъ имѣетъ право получать по весьма низкой цѣнѣ ($1\frac{1}{2}$ пэнса т. е. около $3\frac{1}{2}$ копѣекъ, за страницу изъ 90 словъ) копіи съ показаній свидѣтелей противной стороны, кромѣ того, установился въ адвокатурѣ обычай по которому всякій подсудимый можетъ потребовать отъ одного изъ бэрристеровъ того суда, который будетъ судить дѣло, взять на себя защиту, за уплатою этому бэрристеру вознагражденія въ 1 ф. ст. 3 sh. и 6 пэнсовъ (т. е. 7 рублей 30 копѣекъ [2]), причемъ показаніе подсуднаго заступаетъ мѣсто слѣдственныхъ актовъ.

Важная черта въ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ та, что подслѣдственный арестъ, служитъ только средствомъ предупрежденія побѣга, но не средствомъ добытія доказательствъ. Судья долженъ довольствоваться денежными залогами въ дѣлахъ о мисдеминорахъ и можетъ довольствоваться денежнымъ залогомъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ о фелоніи и даже о измѣнѣ; принципъ закона состоитъ въ томъ, что залогъ долженъ быть принимаемъ, коль скоро онъ обезпечиваетъ явку подсудимаго въ судъ. Эта явка и служитъ единственною цѣлію ареста; всѣ формальности и обряды у рѣшающаго о заарестованіи судьи расчитаны въ пользу подсудимаго. Съ одной стороны они обусловливаютъ его заарестованіе, съ другой они поставляютъ его въ извѣстность о дѣлѣ, по которому онъ будетъ судимъ. Уголовный подсудимый находится въ положеніи, относительно лучшемъ, нежели отвѣтчикъ въ гражданскомъ судѣ, потому что послѣдній могъ бы еще и нынѣ подлежать аресту по старинному закону объ арестѣ, посредствомъ такъ называемаго *mesne process*, по которому всякій истецъ властенъ,

---

[1]) 2 Russ. Cr. 947.

[2]) 6 и 9 W. M. 4. c. 114 — 133.

давши въ томъ надлежащую присягу арестовать другое лицо, къ которому онъ простираетъ гражданское притязаніе, послѣ чего арестованный оставался въ заключеніи до самаго судоговоренія, не имѣя никакихъ почти средствъ освѣдомиться о существѣ направленнаго противъ него иска. Этотъ образъ дѣйствія непріятнымъ къ обвиняемому въ преступленіи, который подлежитъ аресту только тогда, когда мировый судья удостовѣрится, что къ нему идетъ эта мѣра [1]).

До самаго судоговоренія подсудимый не обязанъ давать показанія на допросахъ. До 1848 года по старинному статуту Филиппа и Маріи, исправленному и распространенному статутомъ 7. Georg. IV c. 64 ss. 3 и 4, судьи обязаны были выслушивать лица, обвиняемыя въ фелоніяхъ и мисдеминорахъ и даже подвергать ихъ, по своему усмотрѣнію, формальному допросу. Нынѣ, по статуту 11 и 12 Viet. c. 42 s. 18, судья обязанъ прочесть или приказать прочесть подсудимому показанія свидѣтелей, направленныя противъ него, послѣ чего онъ долженъ сказать: „выслушавъ доказательство, желаете ли вы сказать что нибудь въ отвѣтъ на обвиненіе? Вы не обязаны говорить, если не желаете, но все, что вы скажете будетъ списано и можетъ быть употреблено, какъ доказательство, противъ васъ на судѣ". Здѣсь опять подсудимый находится въ лучшемъ положеніи, нежели отвѣтчикъ въ гражданской тяжбѣ, подлежащій допросу, на который онъ долженъ отвѣчать подъ присягою [2]).

Эта система или лучше сказать это отсутствіе всякой системы предварительнаго слѣдствія показываетъ самымъ яснымъ образомъ, что коренная форма англійскаго судопроизводства состязательная, а неровнымъ формальное обвиненіе подсудимаго большимъ джюри или коронерскимъ слѣдствіемъ есть не болѣе какъ остатокъ старины, слѣдъ бывшей розыскной системы. Оно превратилось въ пу-

[1]) 2 Russ. Crim. 853, 854.

[2]) 17 и 18 Vict. ct. c. 25 s. 57.

стую форму, въ поддержаніи которой никто незаинтересованъ и которая остается только ради нѣкоторыхъ соціальныхъ выгодъ, извлекаемыхъ отъ общенія класса, изъ среды котораго берутся присяжные большаго джюри съ лицами, которымъ поручено отправленіе уголовнаго правосудія.

Чисто состязательный характеръ системы проявляется въ полномъ блескѣ при самомъ судоговореніи. Прежде всего замѣтимъ, что рѣзкая черта отдѣляетъ приготовленія къ суду отъ самаго судоговоренія (trial). Когда подсудимый преданъ англійскому суду присяжныхъ, тогда всѣ предварительныя слѣдственныя дѣйствія пропадаютъ и не принимаются въ расчетъ. Всякій фактъ долженъ быть доказанъ изъ подлинныхъ источниковъ; по открытіи судоговоренія не можетъ быть никакихъ ни отговорокъ ни отсрочекъ, за исключеніемъ только внезапной болѣзни одного изъ присяжныхъ или тому подобной случайности. Открытіе новаго неожиданнаго доказательства или неявка свидѣтеля могутъ быть причиною откладыванія дѣла, пока судъ еще не начинался, но и они не могутъ быть поводами къ отсрочкѣ, когда судоговореніе началось. Часто случается, что присяжные оправдываютъ подсудимаго по неявкѣ свидѣтеля, хотя бы причиною отсутствія свидѣтеля было какое либо случайное обстоятельство. Таковъ общій обычай практики, впрочемъ кажется что судъ имѣетъ право отпускать присяжныхъ въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ, когда такой образъ дѣйствій необходимъ для хода правосудія, напримѣръ, когда позванный въ судъ свидѣтель отказывается отъ дачи показаній, которыя имѣютъ существенную важность для успѣха обвиненія, но само существованіе и предѣлы власти суда въ этомъ случаѣ подвержены сомнѣнію. Этотъ предметъ былъ недавно разбираемъ съ приводомъ всѣхъ служащихъ къ объясненію его авторитетовъ по дѣлу R. v. Charlesworth [1]). Во Франціи то, что англичане называютъ *trial* (судоговореніе) составляетъ только послѣдній актъ

[1]) I Best and Smith, 460.

въ обширномъ производствѣ, къ которому онъ относится и которое онъ дополняетъ собою. Бэнтамъ сдѣлалъ уже замѣчаніе, незнаю въ какой степени справедливое, что ни одинъ языкъ не имѣетъ термина равносильнаго англійскому *trial*, обозначающему одно только окончательное слушаніе дѣла, за исключеніемъ всего что происходило до этого момента [1]).

Общая форма англійскаго судоговоренія весьма извѣстна. Оно начинается объявленіемъ со стороны подсудимаго признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ (prisoner's plea). Теорія этого обряда основана на состязательномъ началѣ, на предположеніи, что судъ есть рѣшеніе спора между подсудимымъ и обвинителемъ. Если подсудимый объявляетъ себя виновнымъ (pleaded guilty), то и конецъ дѣлу, не нужно дальнѣйшее слѣдствіе, не спрашиваются свидѣтели и отъ присяжныхъ не требуется даже вердикта. Присяжные не приводятся и не могутъ быть приводимы къ присягѣ, пока не опредѣлены спорные пункты (until the issue is joined), по которымъ они должны дать отвѣтъ утвердительный или отрицательный. Во Франціи несмотря на собственное признаніе подсудимаго онъ подвергается несмотря на то, допросу, потомъ свидѣтели допрашиваются, адвокаты обращаются въ рѣчахъ своихъ къ присяжнымъ и присяжные даютъ вердиктъ.

По объявленіи себя невиннымъ со стороны подсудимаго присяжные приводятся къ присягѣ; подсудимому представляется воспользоваться въ отношеніи къ нимъ правомъ отвода; потомъ адвокатъ, по части обвиненія, открываетъ процессъ вступительною рѣчью или, если подсудимый не имѣетъ защитника, начинаетъ обыкновенно съ того, что не произнося вступительной рѣчи вызываетъ по очереди свидѣтелей съ своей стороны [2]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ положеніе адвоката по части обвиненія въ

---

[1]) 2 Rat. Lud. Ev. 309.

[2]) См. Crim. Law. Com. 2 Rep. p. 10. Практика о которой рѣчь въ текстѣ свойствена Мидлэндскому округу, въ которомъ она сохраняется еще и теперь.

англійскомъ судѣ. Порядокъ судопроизводства предоставляетъ ему бо̀льшую власть и вліяніе по уголовному дѣлу, нежели по гражданскому. Его усмотрѣнію предоставляется ничѣмъ не ограничиваемая власть вызывать сообразуясь съ существующею теоріею доказательствъ какихъ угодно свидѣтелей и предлагать имъ какіе угодно вопросы. Въ многихъ случаяхъ онъ имѣетъ возможность выбирать то или другое изъ обвиненій, которыя могутъ быть направлены противъ подсудимаго, напримѣръ, отъ него часто зависитъ рѣшить долженъ ли быть поставленъ присяжнымъ вопросъ о мэрдэрѣ или о манслэфтерѣ, долженъ ли подсудимый, уличаемый въ насильственныхъ дѣйствіяхъ (assault) быть обвиненнымъ въ нанесеніи ранъ съ намѣреніемъ причинить тяжкое тѣлесное поврежденіе или просто въ противузаконномъ нанесеніи ранъ. Кромѣ того, есть пункты, по которымъ судья обязанъ требовать предварительно заключенія адвоката по части обвиненія. Отъ адвоката по части обвиненія зависитъ ходатайствовать о спросѣ одного изъ подсудимыхъ въ качествѣ короннаго свидѣтеля (King's evidence) или объявить, что онъ не считаетъ умѣстнымъ представить доказательства по извѣстному пункту обвиненія. Въ тѣхъ и иныхъ важныхъ случахъ адвокатъ по части обвиненія есть на практикѣ *dominus litis* въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ слова, нежели въ въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ процессѣ гражданскомъ онъ обязанъ считать себя представителемъ своего кліента, но по части уголовнаго обвиненія честный человѣкъ не можетъ согласиться стать простымъ орудіемъ частной мести. Какъ ни парадоксальнымъ покажется такой взглядъ на адвоката по части обвиненія, мы считаемъ, что нельзя не признать этого адвоката однимъ изъ органовъ отправленія правосудія. Онъ обязанъ имѣть въ виду не только средства, но и цѣль процесса. Онъ дѣйствуетъ какъ адвокатъ, но какъ адвокатъ на которомъ лежатъ многія обязанности судьи и отвѣтственность почти судейская, такъ что онъ обязанъ стараться не объ успѣхѣ обвиненія вочтобы то не стало, но о полномъ признаніи со стороны судьи и присяжныхъ той стороны

истины, для раскрытія которой онъ установленъ. Его долгъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣло подсудимаго ведено было со всею строгостью и полнотою, но онъ не обязанъ скрывать или ослаблять значеніе слабыхъ пунктовъ обвиненія. Его функція не состоитъ конечно въ раскрытіе истины, но въ обнаруженіи съ возможно большею умѣренностью и безстрастностью той части истины, которая неблагопріятна подсудимому.

По открытіи процесса адвокатъ, по части обвиненія, вызываетъ свидѣтелей и допрашиваетъ ихъ сообразно установившейся теоріи доказательствъ, то есть обнаруживаетъ посредствомъ задаваемыхъ вопросовъ, которыя не имѣютъ формы подсказыванія допрашиваемому того, что онъ долженъ говорить, тѣ факты относящіеся къ спорнымъ пунктамъ, подлежащимъ рѣшенію, которые непосредственно извѣстны допрашиваемому. Подсудимый или его адвокатъ передопрашиваютъ потомъ свидѣтеля, посредствомъ такъ называемаго перекрестнаго допроса (cross-examination), то есть выпытываютъ у него посредствомъ вопросовъ, которые могутъ быть названы подсказывающими отвѣтъ, потому что допрашиваемый можетъ на нихъ отвѣчать простѣйшимъ образомъ, словами: да или нѣтъ, тѣ факты благопріятные для кліента, которые полагаются извѣстными свидѣтелю.

Различіе въ постановкѣ вопросовъ при допросахъ первоначальномъ и перекрестномъ весьма характеристично и представляетъ можетъ быть самое разительное доказательство состязательнаго характера англійскаго уголовнаго права. Оно основано на предположеніи, что свидѣтель предрасположенъ въ пользу той стороны, которая его вызываетъ, и что, слѣдовательно, существуетъ опасность чтобы онъ не произнесъ чего нибудь подсказаннаго одною стороною или не сокрылъ чего нибудь не добытаго отъ него посредствомъ вопросовъ противною стороною. Англійское право не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно допроса свидѣтелей судьею, потому что судья предполагается заинтересованнымъ только въ обнаруженіи истины.

За допросомъ свидѣтелей по части обвиненія слѣдуетъ защита подсудимаго, предлагаемая имъ лично или посредствомъ адвоката, который старается объ обезпеченіи для своего кліента всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія могутъ быть извлечены изъ раскрываемыхъ фактовъ или изъ закона. Если подсудимый вызываетъ свидѣтелей, то они допрашиваются и передопрашиваются перекрестно тѣмъ же манеромъ, какъ и свидѣтели по части обвиненія, послѣ чего адвокатъ по части обвиненія возражаетъ, въ противномъ случаѣ онъ воздерживается отъ возраженія.

Право возражать (за исключеніемъ случаевъ когда обвинителемъ является самъ генералъ-атторней) состоитъ въ строгой зависимости отъ теоріи состязанія. Коренной принципъ всякаго состязанія выражается словами: *audi alteram partem*. Обѣ стороны должны быть выслушаны по каждому изъ взвѣшиваемыхъ судомъ предметовъ, слѣдовательно если одна обвиняющая сторона или какъ выражаются англичане — одна корона ставитъ свидѣтелей, то защитою подсудимаго оканчиваются пренія. Если же подсудимый приводитъ новыя обстоятельства, то обвиняющая сторона получаетъ право быть опять выслушанною судомъ. Исключительное право генералъ-атторнея возражать подсудимому, хотя бы онъ не ставилъ никакихъ свидѣтелей, есть очевидная неправильность и анахранизмъ. Она по всей вѣроятности есть остатокъ древней розыскной системы уголовнаго суда, по которой подсудимый не могъ имѣть при себѣ адвоката, свидѣтели же его не допускались къ присягѣ. При подобныхъ условіяхъ понятно что лицо ведшее розыскъ могло суммировать его результаты.

По предъявленіи доказательствъ и окончаніи преній судья произноситъ свое краткое слово. Его положеніе сначала до конца есть положеніе посредника между двумя спорящими сторонами. Онъ допускаетъ или воспрещаетъ совершать извѣстныя дѣйствія, но самъ не дѣйствуетъ своимъ починомъ. Его заключительная рѣчь можетъ и должна выражать его мнѣніе, но мнѣніе являющееся только результатомъ предъявленныхъ въ судъ доказательствъ, а

не самостоятельныхъ розысканій. Производство дѣла оканчивается вердиктомъ присяжныхъ и приговоромъ судьи, который по сей послѣдней части своихъ функцій пользуется независимостью и извѣстнымъ просторомъ власти. Вердиктъ и приговоръ окончательны и подлежатъ кассаціи только вслѣдствіе какой нибудь неправильности въ ходѣ судопроизводства, явствующей изъ актовъ дѣла и признанной или высшими судами по жалобѣ называемой writ of error, или апелляціоннымъ уголовнымъ судомъ то есть такъ называемымъ судомъ дѣлъ коронныхъ представляемыхъ на высшее усмотрѣніе (Court of the Crown Cases reserved), когда по возбужденному вопросу судьею предсѣдательствовавшимъ на ассизахъ послѣдуетъ мнѣніе названнаго нами высшаго судилища, благопріятное для подсудимаго. Предсѣдательствующему на ассизахъ судьѣ предоставлено возбуждать подобные вопросы по своему благоусмотрѣнію. Законъ не допускаетъ апелляціи на рѣшеніе присяжныхъ относительно фактовъ дѣла.

Система французскаго уголовнаго судопроизводства представляетъ почти во всѣхъ своихъ частяхъ полнѣйшій контрастъ англійской. Общій принципъ на которомъ она построена выраженъ такимъ образомъ въ первой статьѣ *Code l'instruction criminelle:* L'action pour l'application des peines n'appartient qu'aux fonctionnaires, auquels elle est confiée par la loi. Система установленій предназначенныхъ для открытія и наказанія преступниковъ можетъ быть изображена слѣдующими чертами: Франція имѣетъ 28 апелляціонныхъ судовъ *cours imperiales.* При каждомъ изъ нихъ состоитъ генералъ-прокуроръ со своими генералъ-адвокатами и субститутами. Въ каждомъ arrondissement (de sous préfecture) имѣется судья — слѣдователь (juge d'instruction) избираемый на три года изъ среды членовъ мѣстнаго гражданскаго трибунала; при каждомъ такомъ tribunal civil de première instance состоитъ особый императорскій прокуроръ. Этимъ властямъ подначальны полицейскіе комиссары, полицейскіе агенты, жандармы и иные низшіе служители. Изъ всѣхъ этихъ органовъ обра-

зуется одна іерархія, простирающаяся непрерывно отъ жандармовъ до генералъ-прокурора. Самъ генералъ-прокуроръ похожъ отчасти на англійскаго *judge advocate*. Считаясь членомъ апелляціоннаго суда онъ засѣдаетъ въ этомъ судѣ во время судоговоренія и вмѣшивается въ ходъ его во многихъ случаяхъ *ex officio*. Функціи всѣхъ названныхъ нами чиновниковъ, состоящихъ между собою въ постоянномъ сообщеніи и тѣснѣйшей связи, имѣютъ почти исключительно розыскной характеръ. Они собираютъ доказательства всякаго рода, имѣющія какое нибудь отношеніе къ совершившемуся преступленію, допрашиваютъ и передопрашиваютъ подсудимаго по всякому пункту обвиненія и даютъ ему отъ времени до времени очныя ставки съ свидѣтелями. Они имѣютъ полную власть подвергнуть обвиняемаго одиночному заключенію (au secret), чѣмъ и пользуются очень часто съ цѣлію воспрепятствовать ему сообщаться съ пріятелями и помѣшать ему въ составленіи систематическаго плана защиты. Они оставляютъ его въ неизвѣстности относительно даваемыхъ въ пользу его или противу него показаній и спрашиваютъ его только о фактахъ, которыхъ касаются эти показанія. Сличая одни съ другими эти разнородные источники познанія они постепенно вырабатываютъ цѣлую теорію даннаго случая, которая можетъ имѣть безчисленныя развѣтвленія и опирается не только на доказательства, иногда весьма тонкія, но и на соображенія заимствованныя изъ того, какъ даютъ свои показанія свидѣтели, какую степень откровенности обнаружилъ подсудимый въ своихъ отвѣтахъ и прочая. Совокупность этихъ дѣйствій носитъ названіе *инструкція процесса* (предварительнаго слѣдствія).

Окончательные результаты *инструкціи* воплощаются въ форму обвинительнаго акта за подписью генералъ-прокурора. Этотъ актъ не только перечисляетъ основанія по которымъ Ministère public (то есть совокупность органовъ общественнаго иска) заключаетъ о винѣ обвиняемаго лица, но въ тоже время излагаетъ и опровергаетъ доводы защиты, предупреждая судъ въ этомъ отношеніи.

Тѣсная связь соединаетъ должностныя лица совершающія *инструкцію* процесса съ апелляціоннымъ судомъ, рѣшающимъ дѣло окончательно. Особый пятичленный комитетъ этого суда образуетъ нѣчто соотвѣтствующее большому джюри англійскому подъ названіемъ *chambre des mises en accusation.* По выслушаніи генералъ-прокурора они опредѣляютъ, есть ли достаточные поводы для преданія обвиняемаго суду; они могутъ, если заблагоразсудятъ наряднть дополнительное слѣдствіе на томъ же основаніи, какъ и низшіе органы, производящіе инструкцію. Когда рѣшается вопросъ о преданіи суду, обвиняемый, равно какъ и *partie civile* (т. е. гражданскій истецъ, поискивающій вознагражденія за зло причиненное преступленіемъ) могутъ предлагать судьямъ записки (mémoires), которыя должны быть выслушаны обвинительною палатою предварительно рѣшенію.

Когда обвинительная палата найдетъ, что есть достаточные поводы для преданія обвиняемаго суду, тогда дѣло препровождается въ департаментскій ассизный судъ. Въ этомъ судѣ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ апелляціоннаго суда командируемый ad hoc, если же ассизный судъ наряжается въ томъ же городѣ въ которомъ состоитъ и апелляціонный судъ, то весь судъ ассизный образуется изъ членовъ апелляціоннаго суда. По открытіи суда прежде всего президентъ допрашиваетъ подсудимаго. Свидѣтели призываются или генералъ-прокуроромъ или подсудимымъ, кромѣ того президенту ассизнаго суда предоставлено приглашать въ судъ всѣхъ тѣхъ дополнительныхъ свидѣтелей, которыхъ по его мнѣнію желательно бы выслушать въ судѣ.

Судоговореніе начинается съ чтенія обвинительнаго акта. Потомъ генералъ-прокуроръ излагаетъ обыкновенно сущность обвиненія, причемъ онъ выражается гораздо горячѣе и рѣшительнѣе противу подсудимаго, нежели считалось бы умѣстнымъ и приличнымъ по англійскимъ понятіямъ. Потомъ предсѣдатель допрашиваетъ подсудимаго, излагая вкратцѣ сущность фактовъ. Потомъ выслушиваются свидѣтели, причемъ генералъ-прокуроръ рѣшаетъ

о томъ, въ какомъ порядкѣ они должны быть призываемы одинъ послѣ другаго къ отвѣту. Нѣтъ никакой теоріи доказательствъ. Свидѣтели передаютъ событія своими словами и безъ всякаго перерыва, вслѣдствіе чего они произносятъ часто длинныя рѣчи, исполненныя обстоятельствъ неидущихъ къ дѣлу.

По отобраніи показаній предсѣдатель передопрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, послѣ чего адвокатъ защитника можетъ имъ предлагать свои вопросы, но не иначе какъ обращась къ нимъ чрезъ предсѣдателя. Этимъ правомъ рѣдко пользуются защитники, что и ставитъ французскій судъ въ рѣзкую противуположность съ англійскимъ; въ послѣднемъ изъ нихъ передопрашиваніе свидѣтелей составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ и самыхъ характеристичныхъ частей судопроизводства.

По окончаніи допросовъ адвокатъ гражданскаго истца, генералъ-прокуроръ, наконецъ адвокатъ подсудимаго произносятъ рѣчи, обращаясь къ присяжнымъ, послѣ чего предсѣдатель заключаетъ пренія своимъ краткимъ словомъ, которое имѣетъ несравненно меньшее значеніе во французскомъ процессѣ, нежели въ англійскомъ, потому что *resumé* предсѣдателя бываетъ часто небольше, какъ повтореніе всѣхъ доводовъ приводимыхъ сторонами.

Изъ этого краткаго очерка французскаго судопроизводства можно заключить о томъ, что оно чуждо состязательнаго начала. Обвиняемый съ первыхъ же поръ лишается всякой самостоятельности, всякаго простора дѣйствія. Онъ не можетъ устраивать свою защиту по своему усмотрѣнію; всѣ заботы о ней беретъ на себя Ministère public; оно парализируетъ средства защиты по мѣрѣ того, какъ подвигается слѣдствіе, и заключаетъ о винѣ подсудимаго иногда изъ того, что свидѣтель благопріятный для подсудимаго смѣшался или сказалъ какую нибудь ложь. Исходъ судоговоренія предрѣшенъ уже при слѣдствіи, до открытія суда, и есть ничто иное какъ послѣднее дѣйствіе длиннѣйшаго непрерывнаго производства. Едва ли можно упрекнуть насъ въ преувеличеніи, когда мы скажемъ, что джюри во французскомъ судѣ есть нѣчто ненор-

мальное, въ родѣ нароста. Такъ какъ оно введено во Францію только со времени революціи, и такъ такъ значительная часть наполеоновскихъ кодексовъ есть только передѣлка законовъ существовавшихъ до того времени, то весьма вѣроятно, что цѣлая система французскаго уголовнаго судопроизводства, въ которую оно вставлено, прилажена въ своей организаціи къ старому порядку вещей, въ которомъ она имѣла назначеніемъ производить извѣстное убѣжденіе въ сознаніи членовъ суда. Слѣдуетъ еще замѣтить, что исправительные суды (tribunaux correctionels), приговаривающіе къ пятилѣтнему заключенію съ лишеніемъ гражданскихъ правъ судятъ безъ присяжныхъ и что девятнадцать двадцатыхъ уголовныхъ дѣлъ рѣшается этимъ порядкомъ помимо ассизнаго суда.

Чтобы нагляднѣе представить англичанамъ главныя черты французской системы, мы должны допустить, что въ англійской системѣ судопроизводства произошла слѣдующая перемѣна: атторней обвинителя, судья предающій суду и адвокатъ по части обвиненія состоятъ между собою въ іерархическихъ отношеніяхъ начальства и подчиненности, что адвокатъ по части обвиненія есть товарищъ судьи ассизовъ и засѣдаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ судѣ, что мѣсто пятнадцати вестминстерскихъ судей занимаетъ весьма многочисленное сословіе, разсѣянное по всей странѣ группами отъ трехъ до пяти человѣкъ, что каждой такой группѣ оффиціально подначальны всѣ предающіе суду чиновники и всѣ адвокаты и атторнеи по части обвиненія на пространствѣ обширнаго судебнаго округа, наконецъ что эти же группы сами исправляютъ функціи большаго джюри. Представимъ себѣ притомъ, что судопроизводство бываетъ негласное по день суда, что подсудимый можетъ быть подвергаемъ одиночному заключенію, прерываемому столькими допросами и очными ставками съ тѣмъ или другимъ свидѣтелемъ, сколько сочтетъ нужнымъ произвести судья-слѣдователь.

Если уголовное обвиненіе должно быть разсматриваемо какъ общественный розыскъ, то понятно, что тѣ, которые занимаются имъ, должны состоять другъ къ другу въ порядкѣ подчиненности.

Система въ которой совершенно независимы другъ отъ друга: а) атторней обвинитель собирающій доказательства, б) судья предлагающій отдачу подъ судъ, в) большое джюри утверждающее это предложеніе, г) адвокатъ по части обвиненія, располагающій не только тѣмъ, въ какомъ порядкѣ должны быть вызываемы свидѣтели, но и тѣмъ, должны ли они быть вызваны или нѣтъ и какіе вопросы должны быть имъ предложены, наконецъ д) судья и ж) присяжные рѣшающіе дѣло, имѣетъ единственнымъ своимъ назначеніемъ удостовѣриться посредствомъ постепенныхъ повѣрокъ, въ томъ, какой имѣетъ вѣсъ положеніе обвинителя, утверждающаго, что подсудимый виноватъ. Напротивъ того результатъ французской системы состоитъ въ постепенной выработкѣ теоріи даннаго преступленія, опирающейся на массу данныхъ, которыя собраны и расположены цѣлою группою чиновниковъ, подчиненныхъ одни другимъ, связанныхъ тѣснѣйшими узами оффиціальнаго esprit de corps и сильно заинтересованныхъ по внушенію личнаго самолюбія въ томъ, чтобы восторжествовало въ судѣ заключеніе, къ которому они пришли.

Трудно одними общими чертами обрисовать всю противуположность обѣихъ системъ. Для уразумѣнія практическихъ послѣдствій той или другой, необходимо изучать уголовные процессы англійскіе и французскіе и сличать ихъ между собою. Съ этою цѣлію я намѣренъ разсказать въ концѣ моей книги нѣсколько процессовъ англійскихъ и французскихъ, которыхъ разборъ обнаружитъ достоинства и недостатки обѣихъ системъ гораздо скорѣе и проще, нежели пространная диссертація, посвященная тому же предмету. Краткій очеркъ обѣихъ системъ предлагаемый въ настоящей главѣ, несмотря на свою сжатость, даетъ однако возможность оцѣнить главныя заслуги англійскаго уголовнаго судопроизводства, понять настоящій смыслъ его особенностей, изъяснить коренныя его начала и указать на тѣ усовершенствованія, которыя могутъ быть введены не разрушая гармоніи въ цѣломъ.

Что касается до главныхъ достоинствъ англійскаго уголовнаго

судопроизводства, то надобно сознаться, что розыскная теорія уголовнаго процесса вообще вѣрна и справедлива. Не подлежитъ сомнѣнію, что судъ уголовный есть ничто иное какъ общественное изслѣдованіе истины происшествія, въ которомъ общество сильно заинтересовано. Но можетъ случиться, какъ и случилось въ самомъ дѣлѣ, въ наше время и въ нашей сторонѣ (Англіи), что лучшимъ путемъ изслѣдованія признано уподобленіе уголовнаго суда состязанію съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ привести все то, что они могутъ сказать въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ на происшествіе; иными словами, что судъ уголовный долженъ походить на всякій иной правильный споръ, въ которомъ сторонникамъ противныхъ мнѣній предоставляется разъяснить истину посредствомъ преній свободно и гласно. Мы старались показать, что въ большей части своихъ формъ уголовное судопроизводство англійское есть состязательное, хотя нѣкоторыя части его имѣютъ розыскной характеръ. Въ концѣ концовъ сущность англійскаго уголовнаго судопроизводства можетъ быть выражена довольно точно слѣдующею формулою: уголовный судъ англійскій есть общественный розыскъ, производимый съ цѣлью раскрыть истину, но для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли облекающійся въ форму состязанія между обвинителемъ и подсудимымъ.

Эта теорія опирается на практикѣ, на систему подразумѣваемыхъ правилъ, опредѣляющихъ обязанности адвокатовъ. Практика принимаетъ за общее правило, что обвинитель обязанъ нравственно и по званію имѣть неуклонно въ виду одну цѣль — раскрытіе истины, но этотъ долгъ не лежитъ на подсудимомъ и его представителѣ, потому что нельзя требовать отъ человѣческой природы болѣе того, что она можетъ сдѣлать, и что лучше не налагать на людей обязанности, которая будетъ неминуемо нарушаема систематически. Обѣ стороны строжайшимъ образомъ обязаны воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, клонящихся къ распространенію лжи. Трудно объяснить практическое значеніе этого чувства долга, одушевляющаго судью и адвокатовъ, но оно породило множество

правилъ, относящихся къ званію адвоката, не облеченныхъ въ письменную форму, но хорошо понимаемыхъ и постоянно примѣняемыхъ. Эти правила возлагаютъ извѣстныя обязанности на адвоката по части обвиненія, равно какъ и на адвоката по части защиты. На основаніи ихъ столь же легко отличить приличное нападеніе и защиту отъ неприличнаго и нечестнаго, какъ на основаніи военныхъ обычаевъ можно различить правильную войну отъ неправильной и разбойнической. Немногіе примѣры, которые мы намѣрены привести, послужатъ къ уясненію существа адвокатскихъ обязанностей по обычаю.

Адвокатъ, по части обвиненія, не долженъ скрывать никакихъ вѣдомыхъ ему фактовъ, благопріятныхъ для подсудимаго. Предположимъ что свидѣтель, отмѣченный при предварительномъ слѣдствіи, отзывался такимъ образомъ, что изъ словъ его можно было заключить о невинности подсудимаго; адвокатъ по части обвиненія обязанъ вызвать его, если только онъ не полагаетъ, что показаніе этого свидѣтеля лживое; въ послѣднемъ случаѣ онъ предоставитъ подсудимому сослаться на означеннаго свидѣтеля, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть его перекрестному допросу и сдѣлать потомъ приличное возраженіе въ опроверженіе показанія. Напротивъ того, адвокатъ подсудимаго обязанъ не раскрывать вѣдомыхъ ему фактовъ неблагопріятныхъ для подсудимаго, напримѣръ не долженъ вызывать свидѣтелей для доказательства несостоятельности отзыва подсудимаго о своемъ *alibi*. Нѣкто былъ судимъ за изнасиливаніе; были сомнѣнія на счетъ его тождественности съ лицомъ, совершившимъ преступленіе. Онъ имѣлъ подъ рукою свидѣтеля для удостовѣренія своего нахожденія въ другомъ мѣстѣ въ моментъ совершенія преступленія; въ сущности этотъ свидѣтель могъ только удостовѣрить, что онъ видѣлъ подсудимаго за четверть часа до того времени, когда преступленіе совершено, въ пунктѣ отстоящемъ на одну англійскую милю ($1\frac{1}{2}$ версты отъ мѣста совершенія преступленія). Адвокатъ подсудимаго заблагоразсудилъ не вызывать

этого свидѣтеля, хотя его показаніе могло бы въ значительной степени содѣйствовать обнаруженію истины.

Адвокатъ по части обвиненія не долженъ уличать подсудимаго доводами, о неосновательности которыхъ онъ убѣжденъ и обязанъ самъ предостерегать присяжныхъ о возраженіяхъ, которыя могутъ быть ему сдѣланы и которыя ослабляютъ силу его доводовъ. Однимъ словомъ, при предъявленіи доказательствъ, уличающихъ подсудимаго въ преступленіи, рѣчь адвоката по части обвиненія должна по возможности походить на *resumé* судьи. Адвокатъ подсудимаго можетъ пускать въ ходъ доводы относительно которыхъ онъ убѣжденъ, что они неосновательны; дѣло присяжныхъ рѣшить, по выслушаніи судьи, уважительны-ли эти доводы или нѣтъ.

Есть однако и такія обязанности, которыя въ одинаковой степени лежатъ на каждой изъ сторонъ, участвующихъ въ процессѣ. Ни той ни другой сторонѣ не позволительно смущать или стращать свидѣтеля или сбивать его съ толку, хотя каждой дозволено указывать на противурѣчія въ его показаніи или повѣрять достовѣрность его показанія посредствомъ строжайшаго перекрестнаго допроса. Ни одной изъ сторонъ не позволительно умышленно прикидываться непонимающею словъ свидѣтеля или искажать въ рѣчахъ къ присяжнымъ сущность его показаній, разъединяя связные факты или приводя ихъ отрывочно съ пропусками и умолчаніями.

Соблюденіемъ или несоблюденіемъ тѣхъ и многихъ другихъ правилъ того же рода опредѣляется на практикѣ рѣзкое различіе, которое тотчасъ становится замѣтно опытному глазу, между людьми которые адвокатствуютъ достойно и честно и тѣми которые позорятъ свое благородное званіе. Различіе это существуетъ, хотя никакая система правилъ не можетъ исчерпать его вполнѣ, такъ что оно опирается главнымъ образомъ на совѣсть и добрыя чувства. Англійское судопроизводство въ своемъ настоящемъ видѣ, даетъ весьма широкій просторъ дѣятельности адвоката; отъ способа пользованія этимъ просторомъ зависитъ считать ли въ данномъ случаѣ

его функцію олицетвореніемъ общественнаго долга или явленіемъ вреднымъ для общества.

Критикуя нынѣ дѣйствующую систему англійскаго уголовнаго судопроизводства, мы будемъ имѣть постоянно въ виду, что главныя черты этой системы должны остаться и на будущее время. Если бы необходимость заставила поставить вмѣсто существующаго нѣчто новое, то это новое было бы конечно, дѣломъ одного ума, но никакъ нельзя предполагать, чтобы Парламентъ возъимѣлъ къ какому-нибудь одному лицу столь полное довѣріе, чтобы предоставилъ его личному усмотрѣнію столь громадной важности предметъ.

ГЛАВА VI.

АНГЛІЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

I. Отсутствіе общественнаго обвинителя. — Недостатки теперешняго порядка. — Необходимость усилить дѣятельность полиціи, увеличить гонораріи атторнеевъ, обезпечить защиту неимущихъ подсудимыхъ. — Проекты преобразованій. — Троякаго рода оправданія: правдивыя, лживыя и надувательскія. — Выдача подсудимымъ копій съ обвинительнаго акта. — Назначеніе адвокатовъ ex officio.

II. Система уголовныхъ преній и обвинительный актъ. — Его условія. — Его растянутость, и запутанность. — Частыя кассаціи. — Статутъ 1851 года, упростившій обвинительные акты. — Проектъ болѣе радикальныхъ преобразованій. — Никто не можетъ судиться заразъ за нѣсколько фелоній. — Правила о venue или о подсудности.

III. Обычай не допрашивать подсудимаго. — Основанія этого обычая. — Время когда онъ возникъ. — Недопрашиваніе подсудимаго иногда для него же неблагопріятно. — Проектъ преобразованія. — Вопросъ о томъ кто долженъ бы былъ допрашивать подсудимаго: судья, адвокатъ обвинитель или адвокатъ защитникъ.

IV. Вердиктъ присяжныхъ. — Крѣпость этого института въ Англіи. — Квалификаціи требуемыя отъ присяжныхъ. — Смыслъ и вѣсъ его. — Второстепенныя удобства доставляемыя судомъ

присяжныхъ. — Вердикты не образуютъ антецедентовъ. — Они служатъ гарантіями честности приговоровъ. — Показанія экспертовъ. — Предлагаемые пункты преобразованій основаны на непониманіи учрежденія присяжныхъ и сущности рѣшаемыхъ ими вопросовъ. — Способность присяжныхъ рѣшать вопросы на основаніи доводовъ науки. — Положеніе экспертовъ въ процессѣ французскомъ. — Доводы противъ назначенія оффиціальныхъ экспертовъ по дѣлу. — Эксперты по дѣламъ гражданскимъ. — Единогласіе присяжныхъ. — Фраза Бэнтама. — Цѣль требуемаго единогласія. — Проектъ рѣшать дѣла по большинству голосовъ простому и усиленному. — Лишеніе присяжныхъ огня и пищи.

V. Апелляція по уголовнымъ дѣламъ. — Уголовный апелляціонный судъ. — Writ of error. — Прерогатива помилованія. — Дѣло Смиферста. — Доводы противъ установленія второй инстаціи по уголовнымъ дѣламъ. — Способы исправленія недостатковъ теперешней системы. — Духъ англійскаго уголовнаго судопроизводства.

Въ предъидущей главѣ изложенъ общій характеръ уголовнаго судопроизводства; настоящая глава посвящена разбору особенностей англійскаго уголовнаго процесса съ указаніемъ желательныхъ въ немъ измѣненій, при изъясненіи коихъ мы будемъ держаться того предположенія, что уголовный судъ не перестанетъ быть въ сущности чѣмъ онъ нынѣ есть, а именно общественнымъ розыскомъ, облеченнымъ въ форму состязанія. Обзоръ всѣхъ рельефныхъ пунктовъ англійской системы можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія статьи:

1) Отсутствіе общественнаго обвинителя.

2) Обвинительный актъ и система уголовныхъ преній.

3) Обычай не допрашивать подсудимаго.

4) Вердиктъ присяжныхъ; постановка предлагаемыхъ имъ вопросовъ. Можетъ ли вердиктъ касаться техническихъ вопровъ и долженъ ли онъ состояться единогласно?

5) Послѣдствія вердикта; пересмотръ дѣла вновь; апелляція въ дѣлахъ уголовныхъ.

I.

Отсутствіе общественнаго обвинителя.

Пока не будетъ измѣнена до корней цѣлая система англійскаго судопроизводства, до тѣхъ поръ нельзя ожидать установленія въ Англіи общественныхъ обвинителей, которые были бы сколько нибудь похожи на французскихъ прокуроровъ и ихъ помощниковъ. Вся англійская система держится на предположеніи, что обвинитель нападаетъ, а подсудимый защищается по своему собственному усмотрѣнію. Напротивъ того, французская система имѣетъ видъ сложнаго розыска, производимаго цѣлымъ штабомъ чиновниковъ, дѣйствующихъ не обращая вниманія ни на выгоды публики, ни на желанія лица пострадавшаго отъ преступленія, ни на положеніе лица обвиняемаго въ преступленіи. Практическіе результаты этой системы будутъ объяснены при разборѣ нѣсколькихъ французскихъ процессовъ, приложенныхъ въ концѣ этой книги. Когда преступленіе совершено, множество невинныхъ лицъ призывается къ отвѣту и должно доказывать свою невинность, отдавая отчетъ въ томъ, чѣмъ они занимались въ моментъ совершенія преступленія[1]). Полиція собираетъ свѣдѣнія о цѣлой жизни подозрѣваемаго лица и роясь въ ней выводитъ наружу секретнѣйшія отношенія и событія, которыя случились много лѣтъ предъ тѣмъ[2]). По усмотрѣнію чиновниковъ, производящихъ слѣдствіе, подсудимые подвергаются одиночному заключенію въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, до изобличенія ихъ въ преступленіи и потому только, что они могутъ быть найдены виновными вслѣдствіи[3]). Однимъ словомъ эта

---

[1]) Joanon (обвиняемый въ убійствѣ) fut appelé *ainsi que beaucoup d'autres* à justifier l'emploi de leur temps. Дѣло St. Cyr. p. 18.

[2]) Au commencement de l'instruction, *alors que la justice explorait avec le plus grand soin la vie entière de Conte* (лицо подозрѣваемое въ преступленіи, которое было спрошено потомъ въ качествѣ свидѣтеля), оказалось что этотъ Контъ за 7 лѣтъ предъ тѣмъ обольстилъ сестру своей жены. Дѣло монаха Леотада p. 71.

[3]) Ce n'est dans l'interêt de son corréveau que Jubrien (свидѣтель) a accepté

система полагаетъ что удобства, тайны и даже личная свобода множества невинныхъ лицъ не важны въ сравненіи съ возможностью открытія преступленія. Подобная система не могла бы быть терпима въ Англіи; она бы сдѣлала органы правосудія въ высшей степени ненавистными.

Хотя о введеніи въ Англію сложной машины для открытія преступниковъ, употребляемой на материкѣ не можетъ быть и рѣчи, нельзя однако не сознаться что отсутствіе всякой системы по этой части есть также важное зло. Во-первыхъ, многія преступленія остаются безгласными, потому что никому дѣла нѣтъ до обнаруженія ихъ. Во-вторыхъ многія обвиненія падаютъ вслѣдствіе крайне небрежной подготовки дѣла, когда обвинители бѣдны и когда атторнеи по части обвиненія расчитываютъ только на скудное вознагражденіе отъ графства. Въ третьихъ когда преступленіе преслѣдуется энергически, обвинитель большею частью а даже можно сказать почти всегда поставленъ въ необходимость издерживать много денегъ на свой искъ. Всѣ эти пункты вполнѣ выяснены въ работахъ комитета, наряженнаго въ 1855 году изъ членовъ палаты коммонеровъ по вопросу объ общественныхъ обвинителяхъ[1]).

Англійская система не только связываетъ руки преслѣдованію и способствуетъ безнаказанности злодѣевъ, но притѣсняетъ еще жестокимъ образомъ невинныя лица, которыя попали случайно подъ судъ. Батракъ земледѣлецъ или ремесленникъ обвиняется, положимъ, въ преступленіи и преданъ ассизному суду. Если онъ не въ состояніи представить залогъ, или если судья не захочетъ принять этотъ залогъ, то онъ долженъ сидѣть въ тюрьмѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ, въ теченіи которыхъ семейство его голодаетъ. Онъ поставленъ въ необходимость продать свои пожитки и инструменты, дабы выручить нѣсколько фунтовъ въ уплату адвокату, такъ что хотя его и оправдаютъ, но изъ тюрьмы онъ выйдетъ все таки ни-

pendant troit mois les rigueurs d'une captivité préventive. Дѣло монаха Леотада p. 61.

[1]) Показанія гг. Гривеса, Гоблера, сэра А. Кокборна и другихъ.

щимъ. Кромѣ того, если для оправданія его нужны свидѣтели, то очень можетъ быть, что онъ даже не будетъ и оправданъ. Пріисканіе и подобраніе свидѣтелей, доставка ихъ въ городъ, гдѣ отбываются ассизы, содержаніе свидѣтелей пока не наступитъ очередь дѣлу, сопряжены со столь значительными издержками, что бѣдный поденщикъ нести ихъ не въ состояніи. Еслибы само общество изслѣдовало вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго, то надлежало бы допустить, что и свидѣтели въ оправданіе подсудимаго должны быть пріискиваемы и вызываемы въ судъ на счетъ общества, наравнѣ со свидѣтелями, уличающими его въ винѣ. Но такъ какъ уголовный судъ имѣетъ видъ состязанія, въ которомъ общество играетъ только роль истца, то на подсудимомъ лежитъ такое бремя, которое онъ часто не въ состояніи нести по своей необразованности или по своей бѣдности. Англійская система превосходна, пока дѣло не въ деньгахъ, которыя должна платить каждая сторона. Все что можетъ быть собрано, устроено и подготовлено для суда собирается и подготовляется людьми, обладающими въ высшей степени техническою снаровкою и искусствомъ. Присяжнымъ предлагаются всѣ матеріалы для образованія убѣжденія относительно событія по всѣмъ правиламъ теоріи доказательствъ. Когда какой нибудь свидѣтель не вызывается или какой нибудь вопросъ ему не предлагается, то присяжные должны заключать, что показаніе этого свидѣтеля или отвѣтъ на вопросъ вышли бы не въ пользу той стороны, которая не ставитъ вопроса или не вызываетъ свидѣтеля. Въ дѣйствительности бываетъ часто противное; обвинитель можетъ быть небреженъ, подсудимый несвѣдущъ и бѣденъ, а послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ бываетъ то, что присяжнымъ предлагается дѣло въ видѣ неполномъ и весьма неудовлетворительномъ.

Разныя лекарства предлагаемы были на излѣченіе этихъ недостатковъ. Совѣтовали установить въ каждомъ графствѣ особаго чиновника, который бы розыскивалъ преступленія и собиралъ по этой части доказательства; кромѣ того содержать нѣсколько по-

стоянныхъ коронныхъ адвокатовъ, обязанныхъ давать совѣты относительно силы доказательствъ и вести всѣ или нѣкоторыя обвиненія. Этотъ планъ не сбыточенъ по значительности требуемыхъ имъ издержекъ и по системѣ правительственной опеки, которую онъ влечетъ за собою. Та же цѣль можетъ быть достигаема гораздо простѣйшими средствами. Обнаруженіе преступленій, въ раскрытіи коихъ не заинтересованы непосредственно частныя лица должно бы составлять важнѣйшую статью обязанностей главнаго констэбля графства или города. Въ графствахъ констэбли бываютъ обыкновенно люди хорошо воспитанные, умные и опытные; часто изъ офицеровъ, такъ что они вполнѣ способны вникать въ обстоятельства всевозможныхъ преступленій при пособіи немногихъ второстепенныхъ агентовъ. При подготовкѣ процесса къ суду вся суть дѣла заключается въ деньгахъ. Никто не жалуется на то какъ подготовляются къ суду дѣла въ *nisi prius* (суды съ присяжными по гражданскимъ искамъ). Уголовные иски вообще легче вести, нежели гражданскіе; если бы они были поручаемы тѣмъ же атторнеямъ, которые заняты гражданскими, съ тѣмъ что вознагражденіе будетъ такое же какъ по гражданскимъ, то нѣтъ сомнѣнія что атторнеи превосходно исполняли бы свою обязанность. Вся трудность нынѣ въ томъ, что занятія по уголовной части столь непріятны и гонораріи за нихъ столь не помѣрно малы, что достойнѣйшіе изъ атторнеевъ отклоняютъ отъ себя эти занятія, исключая въ томъ случаѣ, когда они состоятъ клерками при судьяхъ, но будучи клерками они обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что списываютъ показанія и отмѣчаютъ въ протоколѣ имя адвоката и гонораріи, которыя должны быть заплочены ему по таксѣ. Въ большей части случаевъ эти отмѣтки достаточны, когда дѣло объясняется самыми незатѣйливыми доказательствами и когда обвиненіе влечетъ за собою заключеніе срокомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но они недостаточны въ болѣе важныхъ случаяхъ. Еслибы судья, отсылая обвиняемаго къ суду, имѣлъ власть поручать дѣла атторнеямъ по своему выбору, съ тѣмъ, что труды ихъ будутъ оцѣни-

ваемы по той же таксѣ, какъ и въ процессѣ гражданскомъ, то этимъ путемъ получились бы всѣ выгоды ожидаемыя отъ общественныхъ обвинителей, при гораздо меньшихъ издержкахъ. Аттурнеи стали бы добиваться получать важнѣйшіе уголовные иски и были бы побуждаемы къ тому чтобы вести ихъ старательно обыкновенными мотивами, желаніемъ не повредить своей репутаціи. Для предупрежденія злоупотребленій желательно, чтобы былъ какой нибудь центральный контроль надъ мѣстными судьями. Такъ какъ этотъ контроль пригодился бы еще и для иныхъ цѣлей, то объ немъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ одной изъ по слѣдующихъ главъ (IX).

Нѣкоторые писатели предлагали учредить постоянныхъ адвокатовъ-обвинителей. Еслибы адвокатъ по части обвиненія соотвѣтствовалъ французскому генералъ-прокурору и стоялъ въ главѣ іерархіи, вмѣщающей въ себѣ судью-слѣдователя, атторнея по части обвиненія и полицейскихъ констэблей, то установленіе постоянныхъ констэблей обвинителей было бы логично, но при нынѣшнемъ устройствѣ правосудія, оно оказалось бы безполезнымъ для публики и обиднымъ для адвокатскаго сословія. Промахи правосудія, состоящіе въ освобожденіи отъ суда настоящихъ злодѣевъ, проистекаютъ нынѣ отъ небрежности или нерадѣнія при вчинаніи уголовныхъ исковъ. Юридическая техника такъ развита въ адвокатскомъ сословіи, что кольскоро дѣло перешло въ руки адвоката, общество уже обезпечено на счетъ того, что это дѣло будетъ ведено энергически и представлено суду въ возможно совершенномъ видѣ. Еслибы были установлены постоянные адвокаты-обвинители то дѣло не моглобы быть лучше настоящаго, между тѣмъ исчезли бы нѣкоторыя несомнѣнныя выгоды теперешняго порядка вещей. Теперь одни и тѣ же лица обвиняютъ и защищаютъ подсудимыхъ; это частое чередованіе въ функціяхъ содѣйствуетъ безпристрастію и самостоятельности адвокатовъ. Человѣкъ, который только то и дѣлаетъ, что обвиняетъ, кончитъ тѣмъ, что сдѣлается инквизиторомъ и будетъ считать долгомъ всячески стараться, чтобы въ судъ

послѣдовало какъ можно болѣе обвиняющихъ приговоровъ. Человѣкъ, который только то и дѣлаетъ что защищаетъ подсудимыхъ, станетъ въ концѣ концовъ смотрѣть на обвинителя, какъ на своего естественнаго врага и соперника. Желательно, чтобы адвокатъ по части обвиненія смотрѣлъ на себя во многихъ отношеніяхъ, какъ на судью, обязаннаго не обвинять во чтобы то ни стало, но стараться, чтобы дѣло подсудимаго представлено было присяжнымъ со всѣми его и сильными и слабыми сторонами; желательно, чтобы адвокатъ подсудимаго, хотя онъ только адвокатъ а не судья, не забывалъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ обществу. Ничто такъ не содѣйствуетъ такому отношенію къ дѣлу обвинителя и защитника, какъ обыкновеніе то обвинять то защищать подсудимыхъ поочередно, которое ведетъ къ тому что люди научаются практически различать добросовѣстные и недобросовѣстные пріемы обвиненія и защиты.

Какія бы не были приняты мѣры для поддержанія обвиненій, не надо терять изъ виду, что если законодатель усилитъ ихъ черезъ мѣру и доведетъ до крайности, то его реформа выйдетъ односторонняя. Основаніе теоріи уголовнаго суда состоитъ въ томъ, что для разоблаченія истины каждая сторона должна сказать все то, что она можетъ сказать въ подкрѣпленіе своего взгляда на событіе, слѣдовательно, что законодатель долженъ одинаково заботиться о полномъ раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу подсудимаго; но англійское законодательство не обращаетъ никакого вниманія на положеніе подсудимаго, подсудимый же не въ состояніи радѣть самъ о себѣ, по причинамъ изложеннымъ выше и нуждается въ поддержкѣ и вспомоществованіи.

Общая теорія права потребуетъ безъ сомнѣнія, чтобы подсудимому оказано было подобное пособіе и оказано притомъ щедрою рукою, но на практикѣ возникаетъ множество препятствій мѣшающихъ принять эту мѣру. Вообще въ большей части случаевъ подсудимые бываютъ виноваты, а если и невиноваты то все-таки люди

дурнаго характера. Общественное мнѣніе вооружится несомнѣнно противъ всякаго предположенія, клонящагося къ тому, чтобы дать подсудимымъ защищаться на общественныя деньги. Это чувство весьма естественно, хотя оно не похвально и незаслуживаетъ чтобы ему потворствовали. Оно служитъ источникомъ множества скверныхъ и нераціональныхъ уступокъ и уклоненій, которыя выдаются за практическія мѣры и извороты, между тѣмъ, какъ они прикрываютъ собою тѣ притѣсненія и недостатки практики, въ которыхъ нельзя не упрекать законодательство. Всѣ злоупотребленія отстаиваются болѣе или менѣе сознательно на томъ основаніи, что хотя они стѣснительны для невиннаго, но въ то же самое время уменьшаютъ таксы безнаказанности настоящаго злодѣя. Въ новѣйшихъ, напримѣръ, политическихъ процессахъ (State trials) подсудимые жаловались порою, что они не имѣютъ въ рукахъ копіи обвинительнаго акта, на что получали въ отвѣтъ, что жалоба имъ пустячная или что сообщеніе имъ копіи обвинительнаго акта помѣшало бы изобличенію ихъ въ преступленіи. Самый обыкновенный доводъ противъ допущенія подсудимыхъ защищаться посредствомъ адвокатовъ состоялъ въ томъ, что злодѣи умѣютъ сами прискустно, выпутываться изъ бѣды. Тоже возраженіе приводится часто въ опроверженіе апелляціи по дѣламъ уголовнымъ. Общій отвѣтъ на всѣ этого рода доводы состоитъ въ томъ, что всякій шагъ по пути къ открытію истины есть выигрышъ для невиннаго и потеря для виноватаго, и что единственное основаніе предпочтенія, даваемаго одной системѣ судопроизводства передъ другою состоитъ въ томъ, которая изъ нихъ проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на истину событія. Если англійская уголовная система не достигаетъ этой цѣли, то ее слѣдуетъ преобразовать такимъ образомъ, чтобы она достигала, но нельзя никакъ посредствомъ уродливаго смѣшенія понятій, выдавать за торжество практическаго здраваго смысла сочетаніе вопіющихъ и противуположныхъ одна другой несообразностей.

Легче сказать чего требуетъ отвлеченная теорія, нежели ука-

зать какъ должны быть удовлетворены эти требованія въ дѣйствительности. Намъ кажется, что можно бы остановиться на слѣдующемъ планѣ преобразованія. По причинамъ, которыя мы изложимъ впослѣдствіи въ особой статьѣ, намъ кажется, что слѣдовало бы постановить, что подсудимые допрашиваются не только въ судѣ, но и передъ производящимъ предварительное слѣдствіе судьею, что этотъ судья долженъ производить допросъ подсудимаго тотчасъ по выслушаніи свидѣтелей по части обвиненія, и что онъ долженъ спросить подсудимаго не желаетъ ли сей послѣдній чтобы были вызваны въ свидѣтели, лица упоминаемые въ его показаніи. Если подсудимый изъявитъ свое желаніе воспользоваться предложеніемъ судьи, производящаго предварительное слѣдствіе, то судья обязанъ вызвать свидѣтелей подсудимаго, выслушать ихъ и довести ихъ показанія до суда. Судья долженъ быть снабженъ властью обязывать свидѣтелей подсудимаго къ явкѣ въ судъ, на томъ же точно основаніи, на которомъ обязываются къ явкѣ свидѣтели по части обвиненія, но онъ долженъ имѣть власть и отказывать подсудимому въ обязаніи его свидѣтелей къ явкѣ въ судъ, потому что въ противномъ случаѣ не обошлось бы безъ величайшихъ злоупотребленій со стороны подсудимыхъ.

Теперешняя практика во многихъ мѣстахъ не допускаетъ выслушивать показанія свидѣтелей подсудимаго, когда подсудимый повидимому сразу уличенъ въ преступленіи. Часто этотъ обычай бываетъ весьма стѣснителенъ для подсудимаго, отнимаетъ у него возможность доказать свою невинность и подвергаетъ его безполезному и часто продолжительному заключенію. Этотъ обычай способствуетъ безнаказанности преступника, если преступникъ виноватъ, и если его защита основана на ложныхъ или неидущихъ къ дѣлу фактахъ, притомъ онъ обременителенъ и для обвинителя, который лишается возможности знать, чѣмъ будетъ защищаться подсудимый, вслѣдствіе чего обвинитель долженъ въ значительной степени полагаться на счастіе и ловкость своего адвоката, въ томъ,

что сей послѣдній отгадаетъ увертки подсудимаго и успѣетъ разстроить ихъ.

Оправданія подсудимыхъ въ судѣ бываютъ троякаго рода: правдивыя, лживыя и надувательскія (sham defense). Оправданіе бываетъ правдивое, когда подсудимый можетъ представить подлинныя и вполнѣ очищающія его доказамельства невинности, или когда окажется что изъ доказательствъ противъ него представляемыхъ нельзя заключить о его винѣ. Оправданіе бываетъ лживое, когда подсудимый подготовилъ доказательства лживыя, но прямо очищающія его. Оправданіемъ надувательскимъ называемъ мы тотъ случай, когда подсудимый старается доказать непрочность доводовъ относящихся къ неоспариваемымъ фактамъ, то есть, къ такимъ фактамъ, которыхъ бы самъ подсудимый не оспаривалъ, если бы былъ порядкомъ допрошенъ при слѣдствіи. Положимъ что нѣкто обвиняется въ грабежѣ; онъ готовъ допустить что фактъ, въ которомъ онъ уличается случился, но намѣренъ только представить этотъ фактъ въ иномъ свѣтѣ. Онъ хочетъ сказать, напримѣръ, что онъ встрѣтился съ обвинителемъ, идущимъ въ пьяномъ видѣ домой и помогалъ ему туда добраться. Его адвокатъ взявшись за дѣло и разобравъ доказательства, можетъ найти что его кліенту гораздо выгоднѣе защищаться инымъ манеромъ, оспаривая тождественность свою съ лицомъ совершившимъ преступленіе, сказать, напримѣръ, что обвинитель былъ пьянъ, не видалъ никогда подсудимаго и могъ смѣшать его съ другимъ лицомъ. Если бы подсудимый былъ допрошенъ при слѣдствіи и если бы въ то время, защищая себя, онъ сослался на какое-нибудь лицо, съ которымъ вмѣстѣ онъ будто бы провожалъ обвинителя, завелъ его въ кабакъ и передалъ хозяину заведенія его кошелекъ съ деньгами, то очевидно, что послѣ этого тотъ же подсудимый не могъ бы никакъ подымать вопросъ о своей тождественности и строить на этомъ основаніи свою защиту. Представимъ себѣ иной случай. Адвокатъ замѣтилъ, что по обстоятельствамъ дѣла подсудимый поддерживалъ и приводилъ шатающагося отъ опохмѣленія обвинителя,

но что обвинитель потерялъ свой кошелекъ до своей встрѣчи съ подсудимымъ, между тѣмъ въ актахъ слѣдствія отмѣчено, что подсудимый ссылался на неправдоподобное *alibi*. Адвокатъ оставитъ эту отмѣтку не касаясь ея, но если бы отзывъ подсудимаго о его alibi былъ разобранъ порядкомъ при слѣдствіи, то отъ него бы прямо зависѣло обвиненіе или оправданіе подсудимаго. Присяжнымъ не пришлось бы рѣшать съ невинною ли цѣлью подсудимый прикасался къ обвинителю, послѣ того какъ подсудимый отозвался лживо, что онъ не имѣлъ съ обвинителемъ никакого сообщенія. Въ приведенномъ нами въ предъидущей главѣ процессѣ объ изнасилованіи подсудимый былъ оправданъ, но еслибы онъ сослался передъ слѣдователемъ на лицо, видавшее его не въ очень дальнемъ разстояніи отъ мѣста совершенія преступленія, то вѣроятно, онъ былъ бы осужденъ.

Предположимъ теперь, что оправданіе фальшивое и основано на прямомъ лжесвидѣтельствѣ, напримѣръ, что оно опирается на подложное *alibi*, исключающее возможность бытности подсудимаго на мѣстѣ преступленія. Свидѣтели подсудимаго будутъ впервые предъявлены обвинителю и его адвокату въ самомъ судѣ, передъ допросомъ ихъ. Единственный способъ опроверженія ихъ показаній состоитъ въ перекрестномъ допросѣ, но, вопреки установившемуся мнѣнію о необыкновенной дѣйствительности этой мѣры, мы должны сказать, что перекрестный допросъ есть оружіе далеко не всемогущее въ примѣненіи къ прямой умышленной лжи. Не трудно повести перекрестный допросъ такимъ образомъ, чтобы привести искаженные преувеличеніемъ факты къ ихъ настоящимъ размѣрамъ, указать на предвзятую идею руководившую свидѣтелемъ или на неясность въ его показаніи, или на смѣшеніе и запамятованіе фактовъ, но если свидѣтель рѣшился напрямикъ показать ложь подъ присягою, напр. сказать облыжно, что данное лицо было въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, или что нѣчто было сказано въ данномъ случаѣ, то весьма трудно и почти невозможно изобличить его въ лжи посредствомъ одного только перекреснаго допроса.

Самый простой способъ опроверженія подложнаго *alibi* состоитъ въ томъ, чтобы допрашивать каждаго свидѣтеля отдѣльно, задавая многочисленные вопросы, относящіеся къ подробностямъ событія и стараясь поймать допрашиваемыхъ на противорѣчіяхъ. Какъ было одѣто лицо? гдѣ оно сидѣло? что оно говорило? кто первый пришелъ? и т. д., и т. д. Когда на эти вопросы получены будутъ разные отвѣты, то предполагается, что нельзя довѣрять этимъ свидѣтелямъ, потому что ихъ показанія не выдержали повѣрки, но подобное заключеніе весьма не удовлетворительно. Память человѣческая отражаетъ событія столь не точнымъ образомъ, что хотя этого рода противорѣчія могутъ служить поводами къ заподозрѣнію добросовѣстности свидѣтеля, но они могутъ также встрѣчаться и въ показаніяхъ весьма правдивыхъ свидѣтелей. Принимается ли alibi или оно отвергнуто, все-таки порою остается сомнѣніе, не приговоренъ ли по этому поводу невинный къ наказанію или неоправданъ ли злодѣй. Еслибы подсудимый былъ допрашиваемъ при слѣдствіи и еслибы были при слѣдствіи вызываемы его обвинители, то можно было бы не торопясь вникнуть въ основательность принятой подсудимымъ системы защиты. Еслибы подсудимый хранилъ эту систему въ тайнѣ до послѣдней минуты, то самъ фактъ ея скрыванія сильно бы подрывалъ вѣру въ ея вѣроятность въ глазахъ присяжныхъ. Недавно нѣкто былъ преданъ суду на четвертномъ съѣздѣ мировыхъ судей за взломъ. Онъ оправдывался посредствомъ alibi. Многіе свидѣтели присягнули передъ мировыми судьями, что въ ночь совершенія преступленія они праздновали чью-то свадьбу на дому у подсудимаго. При дальнѣйшимъ изслѣдованіи оказалось, что лицо чья свадьба будто бы праздновалась, вступило въ бракъ въ иное время года. Свидѣтели не были вызвавы въ судъ по совѣту адвоката, но если бы они были призваны въ судъ въ первый разъ до раскрытія неточности въ ихъ показаніяхъ, очень можетъ быть что судъ оправдалъ бы подсудимаго. Вслѣдствіе предварительныхъ розысканій его первоначальная система защиты пала и адвокатъ его долженъ былъ употребить все

свое искусство чтобы доказать, что онъ былъ невиненъ, хотя и защищался сначала поддѣльнымъ доказельствомъ.

Предположимъ наконецъ, что оправданіе подсудимаго есть оправданіе правдивое. Очевидно что оно можетъ только выиграть отъ новѣрки и что подсудимому облегчены будутъ чрезъ него всѣ способы поставить въ судъ своихъ свидѣтелей. Если онъ сошлется, напр., на подлинное alibi и если при возможности предоставляемой обвинителю повѣрить это alibi, обвинитель не рѣшился его опровергать, то самъ этотъ фактъ не можетъ не увеличить силы показанія подсудимаго.

И такъ средства, которыя мы считаемъ вѣрнѣйшими для достиженія возможной правильности въ приговорахъ, состоятъ по нашему мнѣнію, какова ни была система оправданія, въ допросѣ подсудимаго и свидѣтелей судьею производящимъ предварительное слѣдствіе и въ полновластіи предоставленномъ этому судьѣ обязывать къ явкѣ въ судъ свидѣтелей подсудимаго. Независимо отъ мѣръ относящихся къ явкѣ въ судъ свидѣтелей подсудимаго, желательно, чтобы подсудимому сообщаемы были даромъ копіи съ показаній свидѣтелей. По таксѣ за переписку показаній взимается $1\frac{1}{2}$ пенса ($3\frac{1}{2}$ копѣйки) съ 92 словъ или 2 шилинга и 6 пенсовъ (70 копѣекъ) съ 20 листовъ (1840). Показанія бываютъ рѣдко столь пространны и сложность выручаемыхъ за переписку денегъ доходитъ вообще до незначительной суммы, но освобожденіе отъ этой платы бѣдныхъ подсудимыхъ было бы для нихъ великимъ благодѣяніемъ. Для нихъ много значатъ 2 или 3 шиллинга, притомъ они столь безпомощны и неразвиты, что часто не знаютъ о своемъ правѣ требовать изготовленія копій съ показаній. Они не понимаютъ значенія этихъ копій; ихъ собъетъ съ толку и испугаетъ всякая формальность, коль скоро ею обусловлено полученіе нужныхъ по дѣлу бумагъ. Если на нихъ самихъ лежитъ бремя защиты, то не мѣшаетъ наставлять ихъ, объясняя имъ вразумительно, какъ имъ слѣдуетъ дѣйствовать, стараться разузнать могутъ ли они

привести какіе либо доводы въ свое оправданіе и помогать имъ представить эти доводы суду.

Въ нѣкоторыхъ странахъ напримѣръ, во Франціи, всякому обвиняемому дается адвокатъ, такъ что если подсудимый самъ невыбралъ себѣ защитника, то судъ назначаетъ таковаго *ex officio;* каждый членъ адвокатуры, какъ бы онъ знаменитъ не былъ, обязанъ взять на себя защиту подсудимаго, когда ему придется быть *nommé d'office.* И въ Англіи соблюдается нѣчто подобное въ преступленіяхъ влекущихъ за собою смертную казнь, когда подсудимый не имѣетъ защитника, причемъ подсудимый не платитъ адвокату никакихъ гонораровъ. Я уже замѣтилъ выше, что всякій бэрристеръ, находящійся въ судѣ на лицо, обязанъ взять на себя какую придется уголовную защиту, за уплатою ему вознагражденія, равняющагося одной гвинеѣ. Такъ какъ большая часть платящихъ гонорары по этой таксѣ суть почти нищіе, то не лучше ли было бы иззбавить ихъ совсѣмъ отъ этой уплаты. Можно было бы такъ устроить дѣло, чтобы въ ассизахъ и въ засѣданіяхъ, въ которыя являются адвокаты, нѣкоторое число младшихъ членовъ сословія исправляли должность постоянныхъ адвокатовъ для лицъ, желающихъ защищаться на правахъ бѣдняковъ.

Этими простыми видоизмѣненіями теперешняго порядка вещей, общая теорія англійскаго судопроизводства могла бы быть въ значительной степени усовершенствована, какъ въ примѣненіи къ случаямъ, когда и та и другая сторона бѣдна и необразована, такъ и къ случаямъ, которые сильнѣйшимъ образомъ обращаютъ вниманіе общества и въ которыхъ ходъ дѣла поручается знаменитѣйшимъ юристамъ.

II.

Система уголовныхъ преній и въ особенности обвинительный актъ.

Система преній (pleading) одинакова и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. И въ тѣхъ и другихъ присяжные рѣшаютъ

вопросы о фактѣ. И въ тѣхъ и въ другихъ цѣль преній состоитъ въ поставленіи вопросовъ о фактѣ, которые рѣшаются присяжными. Въ гражданскихъ дѣлахъ эта цѣль достигается подачею истцомъ письменнаго изложенія существа его иска или такъ называемой *declaration*, на которую отвѣтчикъ возражаетъ, или вообще тѣмъ, что онъ невиноватъ (когда истецъ жалуется на правонарушеніе) или отрицая одно изъ матеріальныхъ основаній иска посредствомъ такъ называемаго *traverse*, или допуская что обжалованный фактъ имѣетъ мѣсто, но оправдывая его посредствомъ ссылки на какое нибудь новое обстоятельство, посредствомъ такъ называемаго *plea in confession and avoydance*. Обвинительный актъ — *indictment* есть тоже по отношенію къ уголовному суду, что *declaration* по отношенію къ гражданскому, а объявленіе подсудимаго что онъ невиноватъ (not guilty) имѣетъ такое же значеніе, какъ простое отрицательство со стороны отвѣтчика, вслѣдствіе котораго обвинитель долженъ доказать всѣ факты, коими онъ уличаетъ подсудимаго въ винѣ.

Заимствуемъ изъ сочиненія Арчбольда *Criminal Pleading* [1]) слѣдующее изложеніе общей теоріи обвинительнаго акта. „Всякое преступленіе состоитъ изъ извѣстныхъ дѣйствій совершенныхъ или упущенныхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Обвинительный актъ не довольствуется простымъ обвиненіемъ отвѣтчика въ совершеніи извѣстнаго дѣянія, напримѣръ въ томъ, что отвѣтчикъ убилъ J. S. или обокралъ J. или совершилъ ночной взломъ у J. S. и т. под., но всѣ факты, изъ которыхъ слагается преступленіе, должны быть поштучно исчислены.... Не только всѣ факты и обстоятельства, составляющія преступленіе должны быть поименованы, но они должны быть поименованы съ такою точностью и полнотою, чтобы отвѣтчикъ могъ судить составляютъ ли они преступленіе подлежащее суду и вслѣдствіе того или отклонить этотъ судъ по некомпетентности его, или подчиниться ему; чтобы отвѣтчикъ могъ

[1]) Pleading and Evidence in Criminal Cases. 1859, p. 43.

уразумѣть видъ преступленія и сообразно съ тѣмъ приготовить свою защиту; чтобы отвѣтчикъ былъ поставленъ въ возможность объявить, что онъ виновенъ или не виновенъ въ виду другаго иска за тоже самое преступленіе и чтобы не могло быть сомнѣнія на счетъ осужденія которое должно послѣдовать если отвѣтчикъ найденъ будетъ виновнымъ". Касательно степени удостовѣренія (certeinty) при изложеніи обстоятельствъ доказываемаго преступленія, Арчбольдъ парафразируетъ извѣстное мѣсто у Кока: „удостовѣреніе относительно наличности извѣстнаго намѣренія въ каждомъ особомъ фактѣ, которое требуется въ *pleas of estoppel* и *pleas of abatement;* удостовѣреніе относительно общаго намѣренія, которое требуется въ обыкновенныхъ дѣлахъ и удостовѣреніе относительно извѣстнаго намѣренія вообще которое требуется въ декларацiяхъ и обвинительныхъ актахъ". Это послѣднее удостовѣреніе о извѣстномъ намѣреніи вообще Арчбольдъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „оно стоитъ по серединѣ между двумя первыми; оно степенью ниже перваго и степенью выше втораго, что я постараюсь такъ объяснить. Когда требуется удостовѣреніе извѣстнаго намѣренія въ каждомъ особомъ фактѣ, судъ долженъ предполагать, что все то чего истецъ прямо не утверждаетъ, должно рѣшаться отрицательно, и что все то, чего истецъ прямо не отрицаетъ, должно рѣшиться положительно, иными словами слѣдуя выраженію Лорда Кока, что слова истца исключаютъ всякое заключеніе противу него направленное. Когда требуется только удостовѣреніе относительно общаго намѣренія, судъ долженъ толковать въ пользу истца всякое предложеніе, которое по здравому разсудку заключается само собою въ искѣ, хотя оно и не поименовано. Когда употреблены слова, которыя могутъ имѣть кромѣ простаго смысла еще и другой смыслъ искуственный или переносный, то простому ихъ смыслу должно быть дано предпочтеніе".

Несмотря на эти общія правила, различная степень обстоятельности требовалась, да еще и теперь требуется въ обвинительныхъ актахъ въ примѣненіи къ различнымъ преступленіямъ. Обви-

нительные акты по дѣламъ о кражахъ пишутся всегда въ общихъ выраженіяхъ. Въ нихъ не нужно выражать, что А вложилъ свою руку въ карманъ сертука В, бывшаго тогда надѣтымъ и В, гдѣ и взялъ носовой платокъ, составляющій собственность означеннаго В, послѣ чего вынулъ этотъ платокъ изъ помянутаго кармана и такимъ образомъ фелонно похитилъ, взялъ и унесъ сказанный платокъ. Достаточно сказать въ общихъ словахъ, что А фелоннымъ образомъ похитилъ, взялъ и унесъ носовой платокъ составляющій собственность В. Но въ дѣлахъ объ убійствѣ (murder и manslaughter) бывало иначе. Необходимымъ считалось [1]) объявить въ актѣ какимъ орудіемъ совершено было преступленіе, которою рукою держалъ убійца это орудіе, какая была цѣна орудія (были споры на счетъ существенности этой подробности), въ какую часть тѣла раненъ былъ убитый, какова была длина, ширина и глубина раны (эти подробности не всегда требовались, безъ нихъ обходилось когда какой нибудь членъ тѣла былъ урѣзанъ), въ какое время и въ какомъ мѣстѣ умеръ раненый человѣкъ. Всѣ эти обстоятельства брались вѣроятно въ прежнія времена для помѣщенія въ обвинительномъ актѣ изъ коронерскаго слѣдствія, въ которомъ статутъ 4 Edw. 1 st. 2 предписываетъ помѣщать ихъ. Практика настаивала потомъ чтобы въ актѣ употреблено было слово *murdravit* и приписывала этому слову такую важность, что малѣйшая въ немъ ошибка и пр. написаніе *murderavit* вмѣсто *murdravit*, влекла за собою недѣйствительность акта [2]).

Необходимо было не только поименовать всѣ эти обстоятельства, но еще и доказать, что все было такъ, какъ въ актѣ описано. Въ предвидѣніи того, что могутъ въ судѣ оказаться разницы между событіемъ, какъ оно было въ дѣйствительности, и какъ оно описано въ актѣ, вводимы были въ актъ разные варіанты при описаніи событія, въ одномъ мѣстѣ говорилось, что ножъ былъ въ

---

[1]) 2 Hale P. C. 184.

[2]) 2 Hale P. C. ibidem.

правой рукѣ убійцы, въ другомъ что въ лѣвой, въ третьемъ что вообще въ рукѣ его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорилось, что лицо убитое было удавлено, въ иныхъ что оно было заколото, въ третьихъ что оно раздавлено. Когда имя убитаго вызывало сомнѣнія, то въ разныхъ варіантахъ обвинительнаго акта онъ назывался разными именами, съ тѣмъ что какое нибудь изъ нихъ окажется настоящимъ въ судѣ. Однимъ словомъ въ обвинительномъ актѣ помѣщаемо было столько различныхъ разсказовъ о происшествіи сколько могъ ихъ придумать истецъ въ надеждѣ, что который нибудь изъ нихъ окажется справедливымъ. Второй мотивъ велерѣчивости обвинительныхъ актовъ заключался въ томъ, что составлявшіе ихъ чиновники получали плату за свой трудъ сообразно величинѣ акта и числу выставляемыхъ въ немъ пунктовъ.

Чрезвычайная растянутость обвинительныхъ актовъ и частые промахи правосудія, происходящіе отъ неточной ихъ редакціи, вызвали серьезныя жалобы во времена лорда Гэля. Лордъ Гэль говоритъ [1]): „во огражденіе жизни требовалась во всѣ времена великая точность въ обвинительныхъ актахъ въ такой степени, что наконецъ она превратилась въ пятно права и помѣху при отправленіи правосудія. Болѣе преступниковъ избѣгаютъ наказанія, вслѣдствіе излишней податливости судей на отводы по недостаточности обвинительнаго акта, нежели вслѣдствіе своей невинности. Часто страшныя убійства, ночные взломы, разбои и иныя мерзкія и вопіющія преступленія остаются безнаказанными вслѣдствіе этихъ непристойныхъ тонкостей, въ ущербъ закону, въ посрамленіе правительства, въ поощреніе злодѣйства и въ поношеніе Богу. Давно бы пора исправить посредствомъ особаго закона это чрезмѣрное любопытство и страсть къ тонкостямъ, которыя сдѣлались нынѣ настоящею болѣзнью права и могутъ оказаться смертельною болѣзнью, если не приложено будетъ вовремя стараній къ искорененію ихъ“. Частныя реформы введены были постепенно для про-

[1]) 2 Hale P. C. 193.

тивудѣйствованія этимъ недостаткамъ; эти реформы уменьшили до извѣстной степени зло, но не излечили его радикально. Установился рядъ странныхъ и сложныхъ примѣчаній, относящихся къ тому, какія подробности акта существенны и какія несущественны, то есть, какія изъ нихъ должны быть доказаны и какія не нуждаются въ томъ. Посредствомъ правилъ, которыя донынѣ существуютъ (но съ изъятіями), на основаніи множества изумительныхъ судебныхъ приговоровъ, опредѣлялось какимъ образомъ слѣдуетъ удостовѣряться въ томъ, существенно ли или нѣтъ данное обстоятельство. Обвиненіе въ кражѣ овцы поддерживается доказательствомъ того, что украденъ ягненокъ, но по замѣчанію Тэйлора [1]) весьма сомнительно, можетъ ли обвиненіе въ кражѣ жеребца поддерживаться доказаніемъ того, что уведена выхолощенная лошадь (gelding). Обвиненіе въ отравленіи кого-нибудь посредствомъ мышьяка состоятельно, когда будетъ доказано, что онъ отравленъ посредствомъ синильной кислоты. Доказаніе того, что нѣкто совершилъ преступленіе въ понедѣльникъ достаточно для поддержанія обвиненія въ томъ, что это преступленіе совершено тѣмъ же лицомъ въ субботу, но съ другой стороны практика требуетъ помѣщенія въ актѣ и такихъ оговорокъ, которыхъ нѣтъ надобности доказывать. Донеллэнъ обвинялся, напримѣръ, въ отравленіи сэра Томаса Боутона. Оказалось, что онъ отравилъ Боутона лавровыми каплями, что и найдено достаточнымъ; но если бы обвинительный актъ не поименовалъ никакой отравы специфически, а ограничился только тѣмъ, что Боутонъ отравленъ, то это былъ бы существенный недостатокъ. Вслѣдствіе сихъ послабленій уменьшились трудности въ поддержаніи обвиненія, но вопросъ о томъ, какъ упростить составленіе обвинительнаго акта, остался нерѣшеннымъ.

Послѣдствіе ошибки въ обвинительномъ актѣ, можетъ быть двоякое. Нѣкоторыя ошибки даютъ поводъ къ уничтоженію обвинительнаго акта по требованію подсудимаго (quashing by motion),

[1]) Taylor on Evidence p. 235.

иныя къ уничтоженію процесса посредствомъ, такъ называемаго, *demurrer*, по неимѣнію къ нему законнаго основанія. Когда обвинительный актъ кассированъ, обвинитель можетъ начать искъ по новому обвинительному акту. Когда подсудимому отказываемо было судомъ въ его *demurrer*, практика сомнѣвалась, можно ли ему объявить себя невиннымъ (plead not gnilty); лучшіе изъ юристовъ полагали что можно [1]). Возраженіе, предъявляемое въ этомъ періодѣ процесса, могло произвести въ томъ даже случаѣ, когда оно увѣнчивалось успѣхомъ, одну только остановку, но были другія средства, употребляемыя по произнесеніи вердикта, каковы *motion of arrest of judgment* или *writ of error*, и влекущія за собою или пересмотръ дѣла въ судебномъ порядкѣ, или освобожденіе подсудимаго.

Таково было состояніе законодательства до 1851 года, когда изданъ былъ статутъ 14 и 15 Vict., c. 100 видоизмѣнившій практику и составляющій основаніе теперешней системы постановленій, объ обвинительныхъ актахъ. Этотъ статутъ, вошедшій въ составъ замѣнившихъ его консолидирующихъ статутовъ 1861 года, имѣлъ задачею покончить съ крючкотворствомъ и занялся опредѣленіемъ, какія ухищренія подсудимаго не должны быть принимаемы судомъ. Онъ постановляетъ, что всѣ формальныя возраженія, относящіяся къ обвинительнымъ актамъ, должны быть предъявлены посредствомъ *demurrer* или *motion to quash the indictment* до привода присяжныхъ къ присягѣ, послѣ чего судъ можетъ самъ исправить поставленные на видъ недостатки акта и приступить къ рѣшенію дѣла. Практическая польза сихъ постановленій состоитъ въ томъ, что теперь почти не дѣлаются возраженія противъ обвинительныхъ актовъ.

Статутъ 1851 года даетъ суду власть исправлять варіанты неважные, не измѣняющіе существа дѣла и не стѣсняющіе подсудимаго въ его свободѣ защиты, напримѣръ, неточности относительно

---

[1]) 4 Ste. Com. 466.

того, кому принадлежатъ покраденныя вещи, недостаточности и неполноты въ описаніи этихъ вещей, ошибки въ названіяхъ лицъ и тому под. Во всѣхъ сихъ случаяхъ судъ можетъ измѣнять обвинительный актъ, согласуя его съ дѣйствительностью, причемъ предполагается, что если низшій судъ сдѣлаетъ промахъ, напримѣръ, припишетъ собственность вещей не тому, кому слѣдовало, или ошибется относительно способовъ пользованія предоставленною ему властью, то адвокатъ подсудимаго потребуетъ переноса дѣла въ судъ дѣлъ коронныхъ, представляемыхъ на высшее усмотрѣніе; когда сей судъ найдетъ что низшій судъ неправъ, то подсудимый будетъ освобожденъ. Близко подходящій къ разбираемому нами вопросу примѣръ случился недавно. Нѣкто обвиненъ былъ въ противузаконной ночной охотѣ на земляхъ Джорджа Уилліама Фредрика Чэрльза герцога Кэмбриджскаго. Въ судѣ оказалось, что герцогъ точно называется Джорджъ Уилліамъ, но что другія его имена крестныя не тѣ, которыя поименованы въ обвинительномъ актѣ. Обвинитель требовалъ, чтобы актъ былъ исправленъ исключеніемъ изъ него словъ: Фридрикъ Чэрльзъ, но четвертное засѣданіе отказало ему въ томъ, и предоставило присяжнымъ рѣшить, достаточно ли, по ихъ мнѣнію, доказана тождественность лица, упоминаемаго въ обвинительномъ актѣ, съ лицомъ существующимъ въ дѣйствительности. Присяжные осудили подсудимаго, но высшій судъ кассировалъ этотъ приговоръ на томъ основаніи, что a) обвинитель не доказалъ того, что имъ прописано въ актѣ, хотя онъ могъ и не прописать того, чего онъ не доказалъ, и b) что четвертное засѣданіе не заблагоразсудило исправить актъ вычеркнувъ лишнія ошибочныя имена, что оно вправѣ было сдѣлать [1]).

Многія статьи статута 1851 года постановляютъ [2]), что при обвиненіи въ смертоубійствѣ, нѣтъ надобности перечислять какими способами оно совершено; при обвиненіи въ подлогѣ и мошенни-

---

[1]) R. v. Frost. Dearsley. C. C. R. 474.

[2]) 4, 5, 6, 7, 8.

чествѣ намѣреніе отвѣтчика можетъ быть обозначено общими чертами, безъ поясненія чьимъ добромъ намѣренъ онъ былъ воспользоваться; что письменные документы могутъ быть обозначаемы или тѣми названіями, которыя даются имъ въ общежитіи, или изложеніемъ ихъ содержанія, причемъ не требуется приложенія копій съ нихъ или снимковъ (fac-simile).

Тѣ и другія постановленія меньшей важности упростили конечно форму обвинительныхъ актовъ и значительно уменьшили случаи ошибокъ, но не подрѣзали зло въ самомъ его корнѣ. Старая юридическая система продолжаетъ жить, хотя по выраженію Бэнтама, она вся „исцарапана изъятіями“. Это обстоятельство составляетъ весьма важный недостатокъ права, потому что обвинительные акты по всѣмъ другимъ преступленіямъ, кромѣ исчисленныхъ въ статутѣ 14 и 15 Vict., с. 100, должны быть составляемы со включеніемъ въ нихъ „удостовѣренія относительно извѣстнаго намѣренія вообще“, вслѣдствіе чего они бываютъ растянуты, запутаны и загружены техническими терминами до послѣдней возможности. Эти неудобства встрѣчаются при всякомъ уголовномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновеннѣйшихъ преступленій, и при многихъ дѣлахъ принадлежащихъ къ разряду обыкновенныхъ, на пр., при мошенничествѣ (false pretenses) и лжесвидѣтельствѣ. Обвинительный актъ по дѣлу о мошенничествѣ долженъ безошибочно обозначить существо обмана, такъ что всякая разница между обманомъ, какъ онъ описанъ въ актѣ, и обманомъ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности, ведетъ къ проигрышу иска и не можетъ быть исправлена. Для того, чтобы обойти эту опасность, обвинитель долженъ прибѣгать къ варіантамъ и описывать обманъ нѣсколькими разными способами; не смотря на то случается, что подсудимый ускользаетъ потому только, что преступленіе не опредѣлено надлежащимъ образомъ, хотя можно доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ совершилъ мошенничество, за которое его бы слѣдовало наказать, если бы обвинительный актъ былъ хорошо составленъ.

Единственное средство положить конецъ этому злу состоитъ

въ отмѣнѣ правилъ, выработанныхъ обычнымъ правомъ, а не въ уничтоженіи вредныхъ ихъ послѣдствій посредствомъ изъятій параллельныхъ самимъ правиламъ. Обвинительный актъ есть формальное изложеніе преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый, и обстоятельствъ давшихъ поводъ къ обвиненію. Не трудно дать этому изложенію такой видъ, чтобы оно было всякому удобопонятно. Надлежало бы только разъ навсегда опредѣлить статутомъ, какіе должны быть существенные пункты обвинительнаго акта и присовокупить, что умолчаніе иныхъ, кромѣ перечисленныхъ, обстоятельствъ, не должно вредить прочности акта. Назначеніе обвинительнаго акта состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить спорные пункты состязанія (issue) и образовать письменное основаніе (record) для судопроизводства; для достиженія обѣихъ этихъ цѣлей достаточно, когда происшествіе, порождающее уголовный искъ, описано такимъ образомъ, что не можетъ быть сомнѣнія на счетъ его тождественности и когда обвиненіе обозначено общими чертами. Обыкновенно теперешняя форма обвинительнаго акта удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ, но если бы законъ гласилъ, что никакія другія условія не должны быть требуемы ни въ какомъ случаѣ, то вопросъ о томъ, достаточенъ ли обвинительный актъ или недостаточенъ, сталъ бы вопросомъ скорѣе фактическимъ, нежели юридическимъ.

Кромѣ того, надлежало бы присовокупить нѣкоторыя придаточныя постановленія. Слѣдовало бы положить, что разницы между обвинительнымъ актомъ и дѣйствительными фактами не важны, коль скоро найдено будетъ судомъ, что и обвиненіе и обстоятельства дѣла относятся въ дѣйствительности къ одному и тому же происшествію, а также что защитѣ подсудимаго не дѣлается чрезъ то ущерба и когда очевидно, что подсудимымъ совершено преступленіе того же рода, какъ и названное въ обвинительномъ актѣ. Слѣдовало бы постановить спеціально, что въ обвинительныхъ актахъ о кражѣ нѣтъ никакой надобности объяснять, чью собственность составляли похищенныя вещи, но что достаточно, когда окажется

несомнѣннымъ образомъ, что похищенное не принадлежало подсудимому.

Слѣдовало бы еще предоставить суду право давать отсрочку обвинителю на исправленіе обвинительнаго акта, если бы подсудимый доказалъ передъ началомъ преній, что редакція этого акта такова, что она его затрудняетъ или стѣсняетъ его защиту.

Еще одно преобразованіе было бы крайне полезно для устраненія одного изъ источниковъ, изъ котораго проистекаютъ частые промахи правосудія. Когда сомнительно подъ то ли, или подъ другое, или подъ третье преступленіе подходитъ данное дѣяніе, надлежало бы дозволить формулировать обвинительный актъ такимъ образомъ, чтобы въ немъ всѣ преступленія, подъ которыя можетъ быть подведено дѣйствіе, были перечислены, напр. „присяжные (grand jury) и т. д. находятъ, что А В, располагая съ корыстною цѣлью денежными суммами, полученными въ качествѣ казначея манчестерскаго братства Добрыхъ Молодцовъ, совершилъ простую кражу, или присвоеніе и кражу въ качествѣ служителя, или кражу, въ качествѣ повѣреннаго, или корыстное нарушеніе довѣрія, или пріобрѣтеніе имущества посредствомъ обмана.“ Если бы по этому обвиненію послѣдовало осужденіе за какое-нибудь изъ этихъ преступленій, то не было бы надобности потомъ опредѣлять, какое именно. Если бы возникло какое-нибудь сомнѣніе, низшій судъ долженъ былъ бы пріостановить производство дѣла, представитъ сомнительныя обстоятельства на усмотрѣніе высшаго суда и руководствоваться потомъ его указаніями. Такимъ образомъ ошибка низшаго суда не шла бы впрокъ подсудимому. Подобное преобразованіе было бы только обобщеніемъ нѣкоторыхъ, существующихъ нынѣ, частныхъ узаконеній, которыя допускаютъ совокупное обсуживаніе нѣкоторыхъ, стекающихся преступленій, напримѣръ кражи и укрывательства краденаго.

Одна рѣзкая особенность англійскихъ обвинительныхъ актовъ, отличающая ихъ отъ таковыхъ же актовъ французскихъ и шотландскимъ состоитъ въ томъ, что обвиненія „не должны быть двой-

ныя", то есть, что можно искать одновременно только за одну фелонію (это правило не примѣняется къ мисдеминорамъ), хотя одно и тоже преступленіе можетъ быть описываемо различнымъ образомъ, посредствомъ нѣсколькихъ варіантовъ. И такъ по англійскому праву одно и тоже происшествіе можетъ быть поводомъ къ предъявленію нѣсколькихъ разныхъ обвинительныхъ актовъ, которые могли бы быть обсуживаемы весьма хорошо за однимъ разомъ. Положимъ, что шайка ночныхъ охотниковъ, охотясь на чужихъ земляхъ, убила одного лѣснаго сторожа, покушалась убить другаго и причинила тяжкіе побои третьему. На этомъ основаніи могутъ быть построены отдѣльные обвинительные акты въ убіеніи A, въ покушеніи на убіеніе B, въ нанесеніи ранъ C, (съ разными намѣреніями, изъ которыхъ каждому посвященъ будетъ особый варіантъ), наконецъ въ противузаконной охотѣ ночью. По каждому изъ этихъ актовъ возникаетъ нынѣ особое судопроизводство, хотя всѣ эти процессы будутъ рѣшаемы по однимъ и тѣмъ же доказательствамъ.

Въ 1862 г. нѣсколько человѣкъ судилось зимою ассизнымъ судомъ линкольнскимъ: за 1) нападеніе на полицейскаго A съ намѣреніемъ убить его или причинить ему тяжкое поврежденіе тѣлесное; 2) за таковое же нападеніе на лѣснаго сторожа; 3) за охоту ночью. Пятеро изъ подсудимыхъ были по первому обвинительному акту признаны виновными въ противузаконномъ причиненіи ранъ. Обвинители, не довольствуясь этимъ, продолжали искъ по второму акту, по которому одинъ подсудимый найденъ виновнымъ въ нападеніи съ намѣреніемъ причинить тяжкое поврежденіе тѣлесное, а остальные четверо въ противузаконномъ причиненіи ранъ. Послѣ того тѣже подсудимые судились по третьему акту и признаны виновными въ охотѣ на чужихъ земляхъ ночью (night poaching). Причина, почему искъ продолжаемъ былъ по второму и третьему актамъ, состояла въ томъ, что преступленія подсудимыхъ сопровождались страшно отягчающими ихъ вину обстоятельствами, между тѣмъ какъ maximum наказанія за противузаконное причиненіе раны доходитъ только до 2 лѣтъ заключенія съ тяжкими работа-

ми. Въ концѣ концовъ подсудимые приговорены къ многолѣтнимъ каторжнымъ работамъ за тѣже самыя дѣянія, за которыя maximum наказанія по первому осужденію не превышало бы двухлѣтнихъ тяжкихъ работъ въ тюрьмѣ. Цѣлый день былъ безполезно истраченъ на троекратное обсуживаніе одного и того же дѣла.

И во Франціи и въ Шотландіи происшествіе составляющее одно сложное цѣлое можетъ составлять предметъ одного и того же процесса, хотя оно вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнообразныя преступленія. Можно себѣ представить, что группа подсудимыхъ совершила за однимъ разомъ: убійство, поджегъ, нанесеніе ранъ съ разными намѣреніями, ночной взломъ, разбой съ разными отягчающими вину обстоятельствами, изнасилованіе и кражу; притомъ что всѣ эти преступленія до того между собою перепутаны, что для доказанія одного изъ нихъ надобно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ другихъ [1]). Нѣтъ никакой причины, почему бы присяжные не могли давать вердикта по всѣмъ этимъ преступленіямъ за разъ. Этотъ образъ дѣйствій устранилъ бы необходимость судить тоже дѣло вторично. Это преобразованіе тѣмъ раціональнѣе, что оно приложитъ къ фелоніямъ правило, примѣняемое уже нынѣ къ мисдеминорамъ, такъ что напр. когда приходится судить такъ называемый *riot*, или возмущеніе общественнаго спокойствія скопомъ, то всего чаще обвинительный актъ вмѣщаетъ въ себѣ обвиненія въ *riot*'ѣ, въ составленіи противузаконнаго скопища, въ нападеніи на констэблей во время исправленія ими обязанностей службы и въ простомъ нападеніи.

Послѣдняя особенность обвинительнаго акта, заслуживающая вниманія, есть *venue* или подсудность, которая по всѣмъ преступленіямъ бываетъ помѣстная (local), то есть, что есть извѣстныя мѣста, въ которыхъ должны судиться преступленія, совершаемыя внутри извѣстныхъ округовъ. Изъ этого правила дѣлается множество сложныхъ изъятій, такъ что порою трудно опредѣлить, гдѣ

---

[1]) См. Дѣло St. Cyr. въ концѣ этой книги.

должно судиться дѣло, когда по этому дѣлу судится не одно лицо а болѣе. Правила о подсудности проистекаютъ отъ давнишней системы суда присяжныхъ, въ которой присяжные разсматривались какъ оффиціальные свидѣтели, удостовѣряющіе о томъ, что имъ самимъ было вѣдомо. Для большей достовѣрности ихъ показанія требовалось, чтобы они были люди осѣдлые въ томъ околодкѣ (vicinetum-visne — venue), въ которомъ совершилось преступленіе, для чего въ древнѣйшія времена общій списокъ присяжныхъ долженъ былъ вмѣщать въ себѣ извѣстное число присяжныхъ изъ каждой сотни (hundred) графства, изъ коихъ можно было бы образовать джюри по дѣлу. Впослѣдствіи законодательство о подсудности (venue) получило свою теперешнюю форму, то есть форму общаго правила, что преступленія должны быть судимы въ графствѣ, гдѣ они совершены, сопровождаемаго 26 изъятіями изъ этого правила, которыхъ одно перечисленіе съ обозначеніемъ разныхъ содержимыхъ въ нихъ тонкостей, занимаетъ въ сочиненіи Арчбольда десять страницъ убористой печати.

Все это хитросплетеніе вещь ненужная и лишняя. Подсудность по мѣсту опредѣляется только двумя соображеніями: удобствами подсудимаго и уплатою издержекъ суда графствомъ. При одинаковыхъ благопріятныхъ для защиты условіяхъ въ нѣсколькихъ разныхъ мѣстахъ подсудимому все равно гдѣ его будутъ судить; точно также все равно и для публики, пока одно графство не понуждаетъ другія графства къ уплатѣ денегъ за своихъ преступниковъ. Такъ какъ законы о *venue* могутъ имѣть въ виду только эти два предмета, то затрудненіе можетъ быть легко устранено посредствомъ постановленія, что нельзя возражать противъ подсудности послѣ преній и что единственное возраженіе, допускаемое до начала преній, можетъ состоять въ томъ, что подсудимый считаетъ себя стѣсненнымъ въ свободѣ защиты посредствомъ сдѣланнаго въ данномъ случаѣ выбора суда, вслѣдствіе чего всякая подсудность будетъ хороша въ отношеніи къ подсудимому, коль скоро она не причиняетъ ему ущерба. Отнесеніе судебныхъ издержекъ на над-

лежащее графство можетъ быть совершено слѣдующимъ образомъ. Если бы оказалось, что преступленіе совершено не въ томъ графствѣ, въ которомъ дѣло судилось, можно бы поставить въ обязанность клерку ассизъ, клерку мировому, или иному должностному лицу, чтобы онъ обращалъ вниманіе суда на это обстоятельство и чтобы затѣмъ судъ опредѣлялъ, съ какого графства должны быть взысканы издержки по части обвиненія.

III.

Обычай не допрашивать подсудимаго.

Англійскій способъ представленія дѣла присяжнымъ составляетъ несомнѣнно лучшую часть англійскаго уголовнаго судопроизводства; онъ до того хорошъ, что выкупаетъ многіе недостатки какъ самаго законодательства, такъ и судебной практики. Сильная сторона англійской системы состоитъ въ томъ, что эта система вмѣщаетъ въ себѣ всевозможныя гарантіи полнѣйшаго приведенія въ извѣстность доказательствъ за и противъ. Англійская процедура достигаетъ этой цѣли предоставленіемъ лицамъ болѣе другихъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ возможности предъявить всѣ доказательства, какія могутъ быть ими представлены и повѣрить строжайшимъ образомъ, посредствомъ перекрестнаго допроса, доказательства предъявляемыя противною стороною. Эта система производитъ превосходные результаты. По нашему мнѣнію она единственная, которая можетъ сдѣлать судью совершенно безпристрастнымъ и повести къ полнѣйшей достовѣрности изслѣдуемыхъ фактовъ.

Если сравнить этотъ англійскій порядокъ съ французскимъ, состоящимъ въ возложеніи обязанности собирать доказательства на одного чиновника, который предполагается безпристрастнымъ изслѣдователемъ истины, то англійскій порядокъ являетъ разительный примѣръ всей важности дѣленія труда, что мы постара-

емся доказать въ концѣ этой книги при разборѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ процессовъ англійскихъ и французскихъ. По дѣлу Пальмера матеріалы, предложенные присяжнымъ для составленія убѣжденія по вопросу отравленъ ли Кукъ стрихниномъ, были несравненно полнѣе тѣхъ, по которымъ французскіе присяжные въ дѣлѣ Леотада, на основаніи отмѣтокъ и фиговыхъ зеренъ на рубахѣ, найденной въ монастырѣ, рѣшили вопросъ о томъ, носилъ ли эту рубаху убійца или нѣтъ. Противурѣчащія доказательства, о томъ, что дѣлалъ Пальмеръ въ вечеръ смерти Кука, представлены присяжнымъ въ приличномъ видѣ, съ полнѣйшимъ раскрытіемъ силы и слабости каждаго изъ нихъ, съ той и другой стороны. Но противурѣчащія одни другимъ данныя по вопросу, видалъ ли Контъ Леотада или нѣтъ въ проходѣ монастырскомъ, до того сбиты и запутаны усиліями президента и генералъ-прокурора, направленными къ объясненію ихъ, что наконецъ стало совершенно невозможно сказать, кто сказалъ правду и кто солгалъ. Англійская система была бы безупречно совершенна, если бы приняты были надлежащія мѣры къ поставленію обвиняющей стороны въ такую же извѣстность относительно средствъ защиты, какую имѣетъ подсудимый относительно средствъ обвиненія.

Англійская система даетъ поводъ къ одному весьма важному замѣчанію. Она не содержитъ никакихъ постановленій относительно допроса подсудимаго. Это обстоятельство есть такая особенность и такое, повидимому, непростительное пренебреженіе самымъ естественнымъ и важнѣйшимъ средствамъ открытія истины, что прежде чѣмъ принять его за недостатокъ, надобно подвергнуть его строжайшей критикѣ и повѣркѣ. Замѣчательно, что это упущеніе, составляющее одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей англійскаго права, обязано своимъ происхожденіемъ весьма недавней практикѣ. Оно не опирается ни на какой имянной авторитетъ, ни на какой общій принципъ, высказанный юридически точнымъ образомъ. Теперешняя практика по этому предмету не старѣе революціи (1688), даже, можетъ быть, она еще новѣе, но такъ какъ нѣтъ

никакихъ данныхъ относительно момента ея установленія, то мы должны рѣшать вопросъ о томъ, какъ она возникла, на основаніи однихъ только догадокъ.

Правила, что никто не долженъ быть свидѣтелемъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что никто не обязанъ самъ себя обвинять и что пытка чужда обычному праву, считались господствовавшими въ Англіи съ давнихъ временъ. Первое изъ этихъ правилъ объясняетъ, почему подсудимый не считается достовѣрнымъ свидѣтелемъ по своему собственному дѣлу, но изъ него еще не слѣдуетъ, что подсудимый не долженъ быть вовсе допрашиваемъ, потому что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что все, что подсудимый скажетъ до судоговоренія и во время судоговоренія, должно быть принимаемо во вниманіе присяжными. Когда подсудимый, защищаясь, заблагоразсудитъ сдѣлать показаніе, и судья и присяжные могутъ и должны смотрѣть на это показаніе какъ на составную часть дѣла и считать это показаніе на столько вѣроятнымъ, на сколько оно того заслуживаетъ по другимъ соображеніямъ. Два другія правила выражаютъ не то, что подсудимый не можетъ быть допрашиваемъ, но то, что онъ не долженъ быть принуждаемъ къ допросу, ни посредствомъ нравственной пытки, состоящей въ присягѣ, ни посредствомъ страданій физическихъ. Первые процессы въ которыхъ нашла примѣненіе аксіома: *nemo tenetur prodere se ipsum*, относятся ко временамъ королевы Елисаветы [1]); на основаніи ея указа запрещено было законодательнымъ порядкомъ духовнымъ судамъ допрашивать стороны подъ присягою по дѣламъ влекущимъ за собою конфискацію. Въ новѣйшее время та же аксіома послужила для огражденія свидѣтелей отъ необходимости отвѣчать на вопросы, на основаніи которыхъ могло бы возникнуть обвиненіе ихъ самихъ въ преступленіи; но никто не сомнѣвался въ томъ, что подобные вопросы могутъ быть задаваемы и что отказъ отвѣчать на нихъ можетъ быть разсматриваемъ какъ доказательство, что

[1]) Cullier v. Cullier, 1 Cro. Eliz. 32, 33.

лицо отказывающееся отвѣчать виновно въ преступномъ образѣ дѣйствій, о которомъ можно заключать изъ его молчанія. Слѣдовательно всѣ три правила могутъ согласоваться съ допрашиваніемъ подсудимаго, они только претятъ принуждать его къ отвѣтамъ.

Судебная практика до революціи 1688 г. и нѣкоторое время спустя подвергала подсудимаго допросу въ судѣ. До самаго 1848 г. отсылающіе подсудимаго къ суду судьи обязаны были статутами дѣлать его „examination“ —слово которое обозначаетъ допрашиваніе и которымъ вполнѣ оправдывалось допрашиваніе подсудимаго. Многіе примѣры такого допрашиванія можно найти въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ (State Trials). Въ 1388 г. одинъ изъ министровъ короля Ричарда II обвиненъ былъ въ парламентѣ въ государственной измѣнѣ по 39 пунктамъ. Онъ требовалъ отсрочки, но судьи обязали его отвѣчать тотчасъ и-порознь на каждый пунктъ, содержащійся въ статьяхъ объ измѣнѣ [1]). Сэръ Т. Трокмортонъ былъ подробно допрашиваемъ по всѣмъ, предъявленнымъ противъ него доказательствамъ [2]); тоже случилось съ герцогомъ Норфолькскимъ въ 1571 году [3]) и съ Юдэллемъ (Udall) [4]), (Мартинъ Мэрпрэлятъ) въ 1590. Дѣло Юдэлля весьма замѣчательно; онъ отказался отвѣчать передъ королевскимъ тайнымъ совѣтомъ (privy council) на основаніи статута 42 Edw. III, c. 3 гласящаго, что „никто не долженъ быть ставимъ къ отвѣту до отсылки его къ судьямъ и т. д.,“ но онъ не возражалъ нисколько противъ допроса, которому онъ былъ подвергнутъ на Кройдонскихъ ассисахъ. Въ позднѣйшія времена, кажется, что установился обычай, что отсылающіе къ суду чиновники допрашивали обвиняемыхъ по задержаніи ихъ [5]) и что судьи суда рѣшающаго дѣла по предъявленіи въ

---

[1]) 1 S. T. 114.

[2]) 1 S. T. 871.

[3]) 1 S. T. 970.

[4]) 1 S. T. 1290.

[5]) Смотри показаніе Бриджмэна, судьи допрашивавшаго убійцъ Тынна (Thynn) 9 S. T. 22.

судѣ доказательствъ по части обвиненія, излагали вкратцѣ подсудимому значеніе этихъ доказателлствъ и спрашивали его, что онъ можетъ отвѣтить на каждую улику, причемъ они задавали столько вопросовъ, сколько того требовали обстоятельства. Такъ дѣлалось по дѣлу полковника Тёрнера[1]) судимаго въ 1664 за ночной взломъ, по дѣлу графа Конингсмарка[2]), судимаго за пособничество предшествовавшее покушенію на убіеніе мистера Тынна въ 1682 году и по дѣлу Генриха Гэррисона, судимаго за убіеніе доктора Клэнча въ 1692 г. Дѣло Гэррисона такъ характеристично въ этомъ отношеніи, что мы изъ него позаимствуемъ слѣдующій отрывокъ [3]).

Лордъ главный судья (Holt). Между тѣмъ не угодно ли объяснить слѣдующіе пункты: *Во-первыхъ*, почему вы называли себя членомъ парламента? *Во-вторыхъ*, почему вы переѣхали съ прежней вашей квартиры на новую, на дворъ церкви Св. Павла? *Въ третьихъ*, за чѣмъ вы сказали, что у васъ есть секретное дѣло? Дайте отчетъ, въ чемъ состояло это дѣло и что за господинъ поджидалъ васъ на улицѣ? Когда г. Гендстонъ приглашалъ васъ къ себѣ ужинать, что помѣшало вамъ принять это приглашеніе? Мы хотимъ, чтобы вы сообразили всѣ эти обстоятельства и дали намъ отвѣты. Вы должны дать эти отвѣты для вашей же собственной пользы.

Гэррисонъ. Милордъ, *во-первыхъ*, я объявляю что я никогда не выдавалъ себя за члена парламента, ни же себя такъ не называлъ. *Вовторыхъ* я намѣренъ былъ уѣхать изъ города, я объявилъ во многихъ кофейняхъ, что я уѣзжаю изъ города по важному дѣлу, кромѣ того я передалъ слишкомъ двадцати лицамъ, что я уѣзжаю изъ города. Я хотѣлъ ѣхать въ Вэзингстокъ къ одному джентльмену, который долженъ былъ мнѣ деньги, къ нѣкоему г. Вэллингу, но я не могъ собрать денегъ на поѣздку.

Л. Гл. Суд. Докажите что вы хотѣли уѣхать въ провинцію.

---

[1]) 6 S. T. 601 — 618 etc.

[2]) 9 S. T. 1, 61, 62 etc.

[3]) 12 S. T. 859.

Гэррисонъ. Милордъ, я не могу теперь доказать это, развѣ послать справиться въ Бэзингстокъ?

Л. Гл. Суд. Вы должны были сдѣлать это до суда. Почему вы не остались у г. Гендстона, приглашавшаго васъ ужинать? Вы бы приличнѣе провели время, нежели въ пивномъ кабакѣ, куда вы отправились играть въ карты съ незнакомцами по пэнни на очко.

Гэррисонъ. Милордъ, я не хотѣлъ оставаться у г. Гэндстона, потому что тамъ были незнакомцы.

Л. Гл. Суд. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вы не до того застѣнчивы, чтобы не могли поужинать съ незнакомцами.

Гэррисонъ. Милордъ, мистеръ Роу обвиненъ вмѣстѣ со мною.

Л. Гл. Суд. Что же изъ этого слѣдуетъ? Онъ былъ въ нѣкоторомъ подозрѣніи и долженъ былъ показать, гдѣ находился въ то время когда преступленіе совершилось, но теперь онъ освобожденъ отъ обвиненія.

Въ процессѣ Ловика о заговорѣ на убійство въ 1696 г. тотъ же судья дѣйствовалъ употребляя тѣ же пріемы [1]). По дѣлу Петра Кука обвиняемаго въ участіи въ томъ же заговорѣ, по которому должность предсѣдателя исправлялъ главный судья Треби, подсудимому не были задаваемы никакіе вопросы [2]). Кажется, что въ это время выходилъ уже изъ употребленія обычай допрашивать подсудимаго, но что лордъ главный судья Гольтъ особенно любилъ прибѣгать къ этому способу.

Въ XVIII вѣкѣ кажется, что практика допрашиванія подсудимыхъ въ судѣ совсѣмъ исчезла, вѣроятно потому, что въ теченіи этого періода все болѣе и болѣе укоренялась теорія, по которой уголовный судъ есть въ сущности состязаніе между двумя сторонами, а вмѣстѣ съ тѣмъ правила о доказательствахъ приведены были въ систему. Понятно, что изъ начала, что сторона — недостовѣрный свидѣтель по своему дѣлу, могло быть выведено въ этотъ

---

[1]) 23 S. Tr. 800, 801.

[2]) 3 S. Tr. 311.

періодъ заключеніе, что судья не долженъ допрашивать подсудимаго.

Надобно однако замѣтить, что въ теченіи всего сего періода вплоть до 1836 г. подсудимые должны были защищаться сами безъ пособія со стороны адвоката, за исключеніемъ дѣлъ о государственной измѣнѣ. На практикѣ выходило, что послѣдствія почти одинаковы, былъ ли допрашиваемъ подсудимый или нѣтъ, потому что предъявленіе доказательствъ противъ подсудимаго есть само по себѣ родъ косвеннаго вопроса и никакое обстоятельство не ложится такою тяжестью на вѣсахъ его вины, какъ именно недача имъ отвѣта на этотъ вопросъ. Когда адвокатъ говоритъ рѣчь въ защиту своего кліента, то онъ часто можетъ и даже долженъ сказать: „уста подсудимаго теперь безмолвны и ему нельзя уже объясняться, но еслибы онъ могъ, то онъ бы иначе разсказалъ событіе, нежели передаютъ его свидѣтели“. Этотъ адвокатскій пріемъ находитъ свою точку опоры въ правилѣ, воспрещающемъ адвокату дѣлать какія-либо показанія отъ имени своего кліента, правилѣ, которое проводимо было съ такою послѣдовательностью, что когда случалось, что подсудимый заблагоразсудилъ сдѣлать показаніе, то существовало мнѣніе, что его адвокатъ не вправѣ уже сказать рѣчь къ присяжнымъ. Когда подсудимому приходилось говорить за себя, то практика требовала, чтобы онъ воздерживался отъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыми порою адвокаты сражаются съ большимъ успѣхомъ. Онъ не могъ, не дѣлая подразумѣваемаго признанія въ винѣ, настаивать на шаткость предъявляемыхъ противъ него доказательствъ и на возможность согласованія ихъ со своею невинностью. Присяжные ожидали отъ него простого объясненія приводимыхъ противъ него данныхъ. Когда онъ не могъ дать вполнѣ удовлетворительнаго объясненія, то они признавали его виновнымъ, чего примѣромъ можетъ служить знаменитое дѣло Евгенія Арама. Рѣчь которую произнесъ Арамъ была остроумнымъ и весьма изящнымъ опытомъ изложенія недостаточности всѣхъ приводимыхъ противъ него доказательствъ, но онъ видимо старался избѣгать вся-

каго торжественнаго удостовѣренія о своей невинности или всякаго такого объясненія сомнительныхъ обстоятельствъ, какого можно бы ожидать отъ невиннаго человѣка. Эта рѣчь дала судьѣ предсѣдательствующему замѣтить, что она не есть прямой отвѣтъ невиннаго человѣка, но искусственное сочиненіе виновнаго, вслѣдствіе чего Арамъ и былъ признанъ виновнымъ, хотя и до сихъ поръ нѣтъ полной достовѣрности о его винѣ. Точно такимъ же образомъ отсутствіе всякого объясненія со стороны Донеллэна относительно подозрительныхъ обстоятельствъ въ его поведеніи содѣйствовало его осужденію.

Очевидно что этотъ косвенный способъ добиваться отвѣта отъ подсудимаго былъ гораздо менѣе благопріятенъ для невинныхъ, нежели способъ употребляемый судьями до революціи и состоящій въ задаваемыхъ ему запросахъ по каждому пункту предъявленныхъ противъ него доказательствъ. И Трокмортонъ и графъ Конингсмаркъ просили, чтобы имъ, въ видѣ милости, позволено было отвѣчать по вопроснымъ пунктамъ на каждое доказательство порознь, то есть, чтобы ихъ спрашивали по каждой статьѣ отдѣльно, снисходя къ ихъ слабой памяти, а нѣтъ сомнѣнія, что подобный допросъ и есть эта форма, которую принимаетъ естественнымъ образомъ уголовное судоговореніе при отсутствіи положительно установленнаго порядка судопроизводства.

Полное освобожденіе подсудимаго отъ всякихъ допросовъ въ судѣ, прямыхъ или косвенныхъ, воспріяло свое начало только съ изданія въ 1836 г. статута объ адвокатахъ подсудимыхъ (Prisoners' Counsel Act); до 1848 года обычай допрашиванія подсудимаго передъ судьею считался законнымъ хотя и устарѣвшимъ [1]).

---

[1]) Трудно пріискать надлежащія данныя для поясненія, какъ относились въ прежнее время судьи къ подсудимому, но въ книжкѣ, содержащей въ себѣ между прочимъ разсказъ о судѣ надъ Туртелемъ судимымъ за убіеніе Вира, я нахожу слѣдующее изображеніе производства дѣла въ судѣ (p. 5): «Подсудимый Гунтъ (Hunt) былъ вызванъ. Г. Ноэль, дѣйствовавшій въ качествѣ адвоката по части обвиненія, сказалъ ему, что судьи и онъ, Ноэль, считаютъ долгомъ предложить Гунту нѣкоторые вопросы, по что онъ Гунтъ предупреждается, что онъ не обя-

Даже и теперь подсудимые, незащищаемые адвокатами (а они составляютъ огромное большинство въ общемъ итогѣ подсудимыхъ) допрашиваются косвеннымъ образомъ по вышеизложенному способу. Нѣтъ формы допроса, которая была бы менѣе благопріятна для невиннаго человѣка, потому что сей послѣдній, вслѣдствіе своей забывчивости, смущенія, поспѣшности или нервнаго раздраженія, теряетъ часто способность сказать нѣчто существенное для своей защиты потому только, что не былъ поставленъ надлежащій вопросъ, относящійся къ этому обстоятельству. Повидимому на первый взглядъ кажется, что не можетъ быть ничего гуманнѣе предоставленія подсудимому полнѣйшей свободы говорить или молчать и осторожнаго воздержанія отъ всего того что можетъ стращать его или вліять на него; нѣтъ сомнѣнія, что таковы были именно понятія, положенныя въ основаніе этого порядка. На дѣлѣ однако результаты практики были гораздо менѣе хороши для подсудимаго, нежели казалось съ виду и по теоріи. Глупый и необразованный человѣкъ находится въ гораздо худшемъ положеніи, когда его предоставлятъ самому себѣ, нежели когда его статутъ распрашивать.

занъ отвѣчать, развѣ самъ того желаетъ, въ особенности что онъ не долженъ говорить ничего, клонящагося къ обвиненію себя самаго... Потомъ вызванъ былъ Джонъ Туртель и, получивъ подобное же предостереженіе, подвергнутъ былъ долго продолжавшемуся допросу, по окончаніи коего его спросили еще, носилъ ли онъ при себѣ когда нибудь пистолеты? онъ отвѣчалъ: не носилъ и т. д.» Не знаю, на сколько слѣдуетъ вѣрить этому разсказу, но могу сказать что ничто подобное не моглобы случиться въ настоящее время. Кажется, что допросы (examinations) при предварительномъ слѣдствіи не были и въ прежнее время приводимы въ смыслѣ доказательствъ при судоговореніи.

Одинъ французскій юристъ (Cottu) въ своемъ оффиціальномъ рапортѣ французскому правительству о ходѣ правосудія въ Англіи изъясняется слѣдующимъ образомъ о допросахъ дѣлаемыхъ судьею подсудимымъ: «едвали предлагаются подсудимому какіе-либо вопросы; если у него спрашиваютъ о чемъ нибудь относящемся къ нему лично, то онъ отвѣчаетъ когда захочетъ; судья не считаетъ нисколько своею обязанностью указывать на его противорѣчья съ самимъ собою или на его разногласіе со свидѣтелями. Отъ подсудимаго вовсе не требуютъ объясненія относительно уликъ, вытекающихъ изъ свидѣтельскихъ показаній. Онъ объясняетъ если можетъ это сдѣлать удовлетворительнымъ образомъ, въ противномъ случаѣ молчитъ.

Защищается ли подсудимый адвокатомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, если онъ не виненъ, молчаніе его производитъ невыгодное для него впечатлѣніе. Когда у него есть защитникъ, онъ можетъ одинаково пострадать и отъ неловкости и отъ остроумія этого защитника. Когда защитникъ, вслѣдствіе забывчивости или неловкости упуститъ объяснить какое-нибудь подозрительное обстоятельство, то это упущеніе имѣетъ вѣсъ большой въ глазахъ присяжныхъ и судьи. Когда адвокатъ представитъ полное и связное объясненіе, присяжные смотрятъ на это объясненіе подозрительно, потому что оно дано человѣкомъ, который по званію своему привыкъ пріискивать приличныя объясненія для подозрительныхъ фактовъ. Если же подсудимый не имѣетъ защитника, то его положеніе бываетъ порою достойно сожалѣнія; пояснимъ примѣрами затрудненія, съ которыми ему приходится бороться. Большая часть уголовныхъ процессовъ имѣетъ слѣдующій видъ. Десять или двѣнадцать неуклюжихъ простяковъ помѣщаются въ *докъ* (мѣсто въ судѣ отгороженное для подсудимыхъ); тамъ сидятъ они перемѣшанные и имѣющіе видъ запуганнаго стада животныхъ, по мѣткому выраженію одного изъ остроумнѣйшихъ англійскихъ адвокатовъ. Они сбиты съ толку формулами, съ которыми къ нимъ обращается судья, объ отводѣ присяжныхъ, о пледированіи по обвинительному акту и т. под. Начинаются пренія и свидѣтели вызываются лицомъ, для котораго весь ходъ судопроизводства превратился въ рутину и котораго хладнокровіе должно смущать и пугать необразованныхъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ слушателей. По выслушаніи свидѣтеля происходитъ слѣдующая сцена, которую юристы-практики знаютъ наизусть, но на которую я не могу смотрѣть безъ боли душевной.

Судья. Желаете ли вы предложить какіе-либо вопросы свидѣтелю?

Подсудимый. Да, сэръ. Я спрошу у него милордъ, о слѣдующемъ. Я шелъ по улицѣ съ двумя другими людьми, потому что я слыхалъ....

Судья. Нѣтъ, нѣтъ, вы хотите оправдываться, а вамъ слѣ-

дуетъ теперь только распросить его. Потомъ вы будете говорить что угодно къ присяжнымъ, теперь вы только допрашивайте свидѣтеля.

Иными словами отъ подсудимаго, неимѣющаго никакой практической подготовки требуютъ, чтобы онъ расположилъ свое оправданіе въ формѣ ряда вопросныхъ пунктовъ хорошо осмысленныхъ и приспособленныхъ и къ лицамъ, которыя должны быть распрошены, и къ предметамъ, о которыхъ ихъ слѣдуетъ распрашивать, однимъ словомъ, чтобы онъ исполнилъ задачу, которую не всегда съумѣютъ выполнить удовлетворительно записные юристы, послѣ многолѣтней практики. Послѣ такой троекратной или четырекратной остановки, въ теченіи одного и того же процесса, подсудимый окончательно смущается, забываетъ что хотѣлъ говорить и считаетъ, наконецъ, приличнымъ молчать изъ уваженія къ суду.

Едва ли найдется между необразованными людьми кто-нибудь, кто бы могъ разсказать простѣйшее событіе, не примѣшивая къ разсказу неидущихъ къ дѣлу подробностей, или не дѣлая пропусковъ, происходящихъ оттого, что разскащикъ полагаетъ, что все ему извѣстное извѣстно равнымъ образомъ и другимъ. Судьямъ не достаетъ часто терпѣнія просѣять зерна и отдѣлить ихъ отъ шелухи. Немногіе вопросы привели бы все въ ясность, но подсудимый не долженъ быть допрашиваемъ и свобода его приносится часто въ жертву неосновательному опасенію, чтобы ее не нарушить. Судьи напутствуютъ порою подсудимаго, давая ему указанія и намеки, которые были бы неоцѣнимы, если бы они были облечены въ форму прямыхъ вопросовъ, но которые пропадаютъ понапрасну, вслѣдствіе необразованности, смущенія и тупости подсудимыхъ. Пусть попробуетъ кто-нибудь вывѣдать простѣйшее происшествіе отъ служителей своихъ или отъ дѣтей, не задавая имъ прямыхъ вопросовъ; послѣ того онъ мгновенно пойметь всю важность допрашиванія въ примѣненіи къ подсудимому. Всякому должно быть извѣстно, что въ важныхъ случаяхъ ничтожная причина можетъ заставить подсудимаго забыть существеннѣйшую часть того, что

онъ намѣренъ былъ сказать. Весьма вѣроятно, что большая часть несправедливыхъ приговоровъ, осуждающихъ невинныя лица, обязана своимъ происхожденіемъ тому, что по необразованности своей или по замѣчательству подсудимые упустили спросить или дать объясненія, которыя бы обнаружили въ настоящемъ свѣтѣ ихъ характеръ. При производствѣ дѣла, о которомъ упомянуто было выше и которое рѣшено линкольнскими зимними ассизами въ 1862 году, случилось, что одни и тѣ же подсудимые судились трижды почти за одно и тоже преступленіе. Они не имѣли адвокатовъ, но замѣчено, что ихъ защита по третьему процессу была гораздо удачнѣе нежели по первому и произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Подсудимые пришли постепенно къ уразумѣнію силы доказательствъ и способа повѣрки ихъ посредствомъ перекреснаго допроса или отклоненія ихъ посредствомъ приличныхъ объясненій. Если бы они по первому же процессу были допрошены, то это было бы для нихъ великимъ облегченіемъ, хотя судья, который руководилъ преніями дозволялъ имъ задавать по ихъ усмотрѣнію вопросы безъ всякаго въ то своего вмѣшательства. По дѣлу священника Гаукинса (Hawkins), судимаго за кражу въ Эйльсбери, судья М. Гэль спросилъ его, почему онъ не допустилъ обыска въ своей квартирѣ [1])? Подсудимый далъ тотчасъ удовлетворительное объясненіе, въ подкрѣпленіе коего по внушенію судьи онъ сослался на свидѣтеля. Если бы онъ упустилъ сдѣлать это по забывчивости или нервному разстройству, то таковое упущеніе не могло бы не произвести весьма дурнаго впечатлѣнія на присяжныхъ. Одинъ изъ современныхъ адвокатовъ-практиковъ замѣтилъ, что „немногія данныя свидѣтельствуютъ противу подсудимаго сильнѣе недачи ими объясненій по обстоятельствамъ, повидимому уличающимъ его въ винѣ“. Отсутствіе всякихъ наставленій, какъ со стороны судей, такъ и со стороны присяжныхъ о томъ, какія обстоятельства требуютъ объясненія, еще болѣе усиливаетъ тяжесть по-

[1]) 6 S. T. 942.

дозрѣнія, такъ что подсудимый крайне нуждается въ защитѣ и притомъ въ искусной защитѣ. Замѣчено, что всякое новое обстоятельство, приводимое въ смыслѣ довода со стороны обвиненія, есть въ сущности новый вопросъ предлагаемый подсудимому. Это предложеніе вполнѣ справедливо; изъ него слѣдуетъ, что было бы разумно указать прямо подсудимому на фактъ въ формѣ недопускающей недоразумѣнія.

По симъ причинамъ, равно какъ и потому что надобно всячески стараться объ изобличеніи виновныхъ, мы полагаемъ, что прямое и открытое допрашиваніе подсудимыхъ было бы весьма желательно, какъ со стороны судьи, отсылающаго его къ суду, такъ и въ рѣшительномъ судѣ съ присяжными. Это допрашиваніе сдѣлало бы невозможными надувательскія оправданія и подрѣзало бы въ самомъ корнѣ то незаконнорожденное остроуміе, въ которомъ изощряются адвокаты, выдумывая для подсудимыхъ такія системы защиты, которыя бы никогда не пришли въ голову подсудимымъ и которыя основаны не на дѣйствительныхъ фактахъ, но на пробѣлахъ, и недостаткахъ въ системѣ докательствъ обвинителя.

Главныя возраженія противу предлагаемаго преобразованія состоятъ въ томъ, что оно усилило бы строгость закона и что оно оказалось на практикѣ дурнымъ во Франціи. Если подъ *строгостью* закона понимать строгость наказаній, то она не имѣетъ ничего общаго съ требуемымъ нами нововведеніемъ. Если подъ этимъ словомъ понимать бо̀льшую дѣйствительность способовъ, употребляемыхъ для изобличенія виновныхъ, то въ этомъ отношеніи законъ никогда не можетъ быть слишкомъ строгъ. Если наконецъ, подъ этимъ словомъ понимать бо̀льшее расположеніе суда къ признанію виновными подсудимыхъ, каковы бы они не были, виновные или невинные, то на это возраженіе мы можемъ отвѣчать, что всякій способъ раскрытія истины способствуетъ въ одно и то же время и оправданію невинныхъ и осужденію виновныхъ лицъ.

Возраженіе, основанное на французской практикѣ, заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія.. Разборы французскихъ процессовъ въ концѣ

этой книги показываютъ какъ нельзя яснѣе, что французская система была бы нестерпима для англичанъ. Причина ея непригодности для Англіи обнаруживается при сличеніи французскихъ процессовъ съ сущностью системы французскаго судопроизводства. Въ англійскомъ судѣ все прилажено къ одной только цѣли: къ тому, чтобы убѣдить присяжныхъ. Во французскомъ судѣ институтъ присяжныхъ является наростомъ. Цѣль, которая сквозитъ въ цѣломъ громадномъ слѣдственномъ снарядѣ, заключается только въ удовлетвореніи совѣсти лицъ производящихъ розыскъ; въ сущности слѣдственный снарядъ французскій есть тотъ самый, который издавна существовалъ во Франціи до введенія иститута присяжныхъ. И судьи и общественные обвинители удовлетворяютъ своей совѣсти, дѣйствуя непрестанно на сознаніе лица, подозрѣваемаго ими въ преступленіи до тѣхъ поръ, пока они не заставятъ его сдѣлать признаніе или доказать свою невинность вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Допрашиваніе подсудимыхъ не есть одно изъ множества данныхъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, но оно составляетъ всю суть процесса, такъ что всѣ другія данныя имѣютъ только вспомогательное значеніе. Это допрашиваніе не есть свободное и публичное испытаніе, совершаемое однократно, среди бѣлаго дня, но продолжительная нравственная пытка, усиливаемая посредствомъ настоящей физической пытки въ полномъ смыслѣ этого слова, то есть посредствомъ одиночнаго заключенія. Эта мысль выражена была недавно однимъ безъимяннымъ писателемъ въ слѣдующихъ словахъ [1]). „Отмѣна судебной пытки во Франціи считается однимъ изъ важнѣйшихъ и несомнѣннѣйшихъ благодѣяній революціи, но и до сихъ поръ употребляются безпрестанно пріемы въ сущности тождественные съ пыткою, противъ которыхъ никто не возражалъ до настоящаго дня. Въ XVIII столѣтіи допускалось заключать въ деревянный ящикъ ногу лица, сильно подозрѣваемаго въ преступленіи и вбивать клины въ промежутки между досками ящика и тѣ-

[1]) Essays of a Barrister въ Saturday Review за 1863 годъ. 144.

ломъ, пока пытаемый не сознавался въ преступленіи. Теперь этотъ образъ дѣйствій считается незаконнымъ; но законнымъ признается и употребляется ежедневно другой пріемъ, состоящій въ томъ, чтобы держать подозрѣваемое лицо безъ суда въ одиночномъ заключеніи, съ явною цѣлью добыть отъ него посредствомъ многократныхъ допросовъ доказательства преступленія, въ которомъ онъ обвиненъ. Очевидно что во многихъ случаяхъ лишній поворотъ винта, которымъ придавляется большой палецъ, взятый въ тиски, или нѣсколько клиновъ, забиваемыхъ въ испанскіе сапоги, могутъ быть менѣе тягостны, нежели продолжительное одиночное заключеніе". Въ добавокъ я долженъ еще присовокупить, что обхожденіе французскихъ судей съ подсудимыми не могло бы имѣть мѣста въ Англіи и не было бы терпимо. Судья и чиновникъ, который бы осмѣлился поступить въ Англіи съ подсудимымъ, какъ поступаемо было съ Леотадомъ и Жоанономъ, сдѣлался бы предметомъ всеобщаго омерзенія и ни одно джюри не рѣшилось бы сказать: да, на основаніи добытыхъ такимъ образомъ доказательствъ. Отрицать пользу допрашиванія подсудимаго изъ опасенія, что допросы будутъ производимы противнымъ образомъ, несогласнымъ съ духомъ народа и съ цѣлою системою судопроизводства, значитъ являть странный примѣръ робости и непониманія народнаго характера.

Могутъ спросить, какъ же должны быть производимы допросы подсудимыхъ? При предварительномъ слѣдствіи допрашивать долженъ, по нашему мнѣнію, судья, производящій слѣдствіе, послѣ того какъ обвиняемый сдѣлалъ показаніе и до преданія его суду, при чемъ слѣдуетъ предполать, что онъ выслушалъ, въ чемъ его уличаютъ, имѣлъ время собраться съ духомъ и обдумалъ, что сказать. Всякій вопросъ и всякій отвѣтъ должны быть записываемы дословно. Потомъ должны быть вызваны и спрошены свидѣтели обвиняемаго. Распросы должны происходить при открытыхъ дверяхъ и однократно.

При судоговореніи мы полагаемъ, что адвокатъ по части обвиненія долженъ подвергать подсудимаго допросу по окончаніи

своей рѣчи и до представленія подсудимымъ своей защиты. Я бы полагалъ возможнымъ предоставить ему допрашивать по пунктамъ, равнымъ образомъ я бы полагалъ предоставить адвокату подсудимаго передопрашивать сего послѣдняго, наконецъ, дозволить судьѣ и присяжнымъ задавать подсудимому вопросы по своему усмотрѣнію. Практика банкротскаго суда (Bancruptcy Court) и допросы производимые въ немъ банкротамъ, противу оправданія которыхъ дѣлаемы были возраженія, представляютъ хорошіе антецеденты и доказываютъ не только полезность этого обряда, но и возможность совершать его гуманно и прилично. Необходимость выслушанія свидѣтелей противной стороны послужила бы хорошимъ поводомъ къ предоставленію адвокату по части обвиненія права возражать подсудимому, когда сей послѣдній былъ защищаемъ адвокатомъ. Эта особенность послужила бы къ сравненію уголовнаго судоговоренія съ гражданскимъ; въ большей части дѣлъ, она была бы совсѣмъ ненужна. Основанія, предлагаемаго нами проекта, состоятъ въ томъ, что есть только три возможные способа допрашиванія подсудимаго. Подсудимый можетъ быть допрашиваемъ или судьею, или адвокатомъ по части обвиненія, или, наконецъ, его слѣдуетъ превратить въ годнаго свидѣтеля, съ предоставленіемъ его адвокату ссылаться на него. Возраженіе, дѣлаемое противъ предоставленія судьѣ дѣлать допросъ, состоитъ въ томъ, что въ высшей степени важно, чтобы подсудимый былъ старательно ограждаемъ отъ всего, что только можетъ быть похоже на стращаніе. Авторитетъ судьи и выраженія общественнаго чувства будутъ ограждать подсудимаго надлежащимъ образомъ отъ адвоката по части преслѣдованія, но ничто не можетъ защитить его отъ самаго судьи. Крайне вредно было бы допустить, чтобы то ни было умаляющее безусловное безпристрастіе судьи, нѣтъ же человѣка, который бы былъ вполнѣ безпристрастенъ, когда его заставятъ допрашивать неоткровеннаго свидѣтеля.

Проектъ о томъ, чтобы смотрѣть на подсудимаго какъ на годнаго свидѣтеля, опирается на систему, которая на первый

взглядъ прельщаетъ своею кажущеюся правильностью. Онъ согласуется очень хорошо съ такъ называемою, состязательною теоріею уголовнаго суда, но опровергается съ другой стороны весьма сильными возраженіями. Во-первыхъ, подсудимый никакъ не можетъ быть настоящимъ свидѣтелемъ. Не въ человѣческой природѣ сказывать истину, состоя подъ такимъ давленіемъ, какое выноситъ на себѣ подсудимый. Мудрено водворить систему, которая по всякому случаю будетъ прямо вести къ клятвопреступленію. Смѣшно приводить къ присягѣ человѣка въ томъ, что онъ скажетъ истину, которая должна ему повредить. Можетъ быть возразятъ, что эти соображенія ведутъ къ тому, что подсудимаго совсѣмъ не сдѣдуетъ допрашивать, но подобное возраженіе не имѣетъ прочнаго основанія. Иное дѣло давать кому-нибудь право свидѣтельствовать въ свою собственную пользу, вводить его въ искушеніе сочинить такой разсказъ, какой можетъ онъ считать самымъ выгоднымъ для себя, иное же подвергать его распросамъ въ интересѣ его обвинителя. Въ первомъ случаѣ подсудимый добивается, чтобы повѣрили его разсказу о событіи; во второмъ отъ него требуютъ, чтобы онъ или подтвердилъ, или отвергнулъ, или объяснилъ нѣкоторыя особенныя обстоятельства, причемъ дознанная съ его стороны возможность дать такое объясненіе, принимается за доказательство его невинности, а невозможность дать объясненіе — признакомъ вины. Въ первомъ случаѣ человѣкъ подвергается искушенію выдумать ложь, во второмъ онъ испытуется съ цѣлью открыть истину.

Предоставить на волю адвокату подсудимаго допрашивать подсудимаго, значитъ доводить до крайности начало состязательной формы уголовнаго процесса. Въ концѣ концовъ судъ уголовный есть все-таки изслѣдованіе истины, но нельзя же предполагать, что адвокатъ подсудимаго будетъ на него смотрѣть именно съ этой точки зрѣнія. Онъ будетъ или не будетъ допрашивать подсудимаго не въ виду интересовъ истины, но въ виду одного только вердикта и будетъ дѣйствовать пользуясь обстоятельствами дѣла. Предо-

ставленная на произволъ его власть внесетъ множество затрудненій въ процессъ. Для самаго адвоката подсудимаго эта власть будетъ тяжкое бремя. Недопрашивая подсудимаго онъ рискуетъ, что ему станутъ вмѣнять будто бы сдѣланное имъ подразумѣваемое признаніе вины; допрашивая подсудимаго, онъ подводитъ подсудимаго подъ перекрестный допросъ, при которомъ даже и невинный человѣкъ можетъ показаться виновнымъ. И то и другое непріятно и для судьи и для присяжныхъ. Какъ имъ знать, какое заключеніе вывести изъ факта, что подсудимый не былъ допрашиваемъ? Подобное заключеніе будетъ чистѣйшая догадка. Появятся разные второстепенные спорные вопросы. Не легко будетъ устроить на прочномъ основаніи право возражать подсудимому и ограничить надлежащимъ образомъ право адвоката по части обвиненія дѣлать перекрестный допросъ подсудимому. Если бы онъ допрашивалъ подсудимаго самъ своимъ починомъ, по долгу званія, то вѣроятно въ это дѣйствіе онъ бы вносилъ много изъ тѣхъ чувствъ, которыя имѣетъ судья, и имѣлъ бы въ виду обнаруженіе истины. Но образъ его дѣйствій будетъ совсѣмъ иной, когда онъ будетъ обращаться съ подсудимымъ какъ со свидѣтелемъ, выставленнымъ противною стороною; тогда судья исчезнетъ, а остается адвокатъ ратоборствующій для полученія вердикта. Многіе весьма щекотливые вопросы возникнутъ по этому случаю, напримѣръ, можетъ ли адвокатъ по части обвиненія, подвергая подсудимаго перекрестному допросу, спрашивать его (какъ спрашиваются свидѣтели) судился ли онъ до того времени и былъ ли осужденъ и т. д. Если на подсудимаго смотрѣть какъ на свидѣтеля, то нельзя не согласиться, что подобные вопросы въ порядкѣ вещей, между тѣмъ предлагать ихъ, значитъ судить косвенно человѣка за всю его предъидущую жизнь.

IV.

Вердиктъ присяжныхъ.

То обстоятельство, что преступники дѣйствительно судятся и что дѣла о нихъ рѣшаются *bona fide* вердиктомъ присяжныхъ, составляетъ главный пунктъ въ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ и считается, по мнѣнію многихъ писателей, важнѣйшею изъ всѣхъ англійскихъ свободъ. За границею, конституціонныя государства, обыкновенно спѣшатъ тотчасъ по введеніи конституціи усвоить себѣ институтъ присяжныхъ. Учрежденіе присяжныхъ разхвалено до того, что оно можетъ пострадать отъ преувеличенной и излишней популярности. Судъ посредствомъ присяжныхъ долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ производствомъ, подготовляющимъ дѣло къ этому суду и заключаемомъ имъ. Въ странѣ, въ которой, по выраженію французовъ, *инструкція* дѣла находится въ частныхъ рукахъ, и въ которой состязательная теорія уголовнаго процесса запустила столь глубокіе корни какъ въ Англіи, судъ посредствомъ присяжныхъ сталъ вполнѣ дѣйствительностью. Онъ можетъ быть только шуткою или лучше сказать оскорбленіемъ для усердія судейскаго въ странѣ, въ которой предварительное слѣдствіе похоже на французское и въ которой присяжные обязаны на практикѣ признавать доказательствами, рѣшающими спорные вопросы, протоколъ судьи-слѣдователя, или показаніе экспертовъ.

Въ англійскомъ судопроизводствѣ институтъ присяжныхъ находится на родной почвѣ и есть учрежденіе живучее. Можно считать присяжныхъ хромыми или дурными судьями, но они настоящіе судьи въ Англіи и рѣшаютъ цѣлый процессъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ на свою собственную отвѣтственность. Адвокаты заявляютъ, какія доказательства они желаютъ предъявить, судьи-техники рѣшаютъ, какія доказательства могутъ быть предъявлены

адвокатами и опредѣляютъ вѣсъ и отношенія каждаго доказательства, но только присяжные рѣшаютъ каждый пунктъ, исчерпая его до дна. Они не принимаютъ ничего на вѣру. Полнѣйшія и самыя развитыя научныя теоріи подчиняются присяжнымъ, присяжные должны сказать, чего стоютъ эти теоріи и какимъ образомъ они примѣняются къ данному случаю. Присяжные рѣшаютъ тончайшіе вопросы, относящіеся, напримѣръ, къ состоянію умственныхъ способностей помѣшаннаго человѣка, или къ дѣйствію новооткрытаго яда. Съ другой стороны они не изъяты отъ отвѣтственности относительно самыхъ мелкихъ данныхъ, доставляемыхъ имъ оффиціальнымъ путемъ. Предшествовавшее дѣлу осужденіе преступника, которое приводится въ усиленіе его наказанія, должно быть доказано удовлетворительнымъ для присяжныхъ образомъ. Присяжные должны въ вердиктѣ своемъ сказать и то, что А В признается виновнымъ въ такомъ то преступленіи и то, что подсудимый по дѣлу есть то самое лицо А В, которое присуждено было когда-то къ наказанію.

Общественное положеніе и порядокъ комплектованія присяжныхъ находятся, повидимому, въ рѣзкомъ разладѣ съ обязанностями, которыхъ исполненіе требуется отъ нихъ. Классъ, изъ котораго берутся присяжные, состоитъ [1]) изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ (фригольдеровъ или копэйгольдеровъ) имѣющихъ 10 фунтовъ дохода, изъ всѣхъ арендующихъ чужія земли пожизненно или срокомъ по крайней мѣрѣ на 21 годъ и имѣющихъ дохода 20 ф. стерлин., изъ домохозяевъ, которыхъ хозяйства оцѣнены по налогу для бѣдныхъ въ Миддлесексѣ въ 30, а въ другихъ графствахъ въ 20 ф. ежегоднаго дохода. По возрасту присяжные должны имѣть отъ 21 до 60 лѣтъ. Значительныя изъятія изъ присяжнической повинности дѣлаются въ пользу нѣкоторыхъ особыхъ званій, какъ-то: духовныхъ, юристовъ, врачей, мореходцевъ. Всѣ лица, названныя въ книгѣ присяжныхъ эсквайрами или лицами высшихъ званій,

---

[1]) 6 Georg IV, c. 50, s, 1.

каковы банкиры или оптовые купцы, помѣщаются въ особомъ спискѣ, носящемъ названіе списка спеціальныхъ присяжныхъ, хотя они не изъемлются по закону отъ обязанности служить присяжными по уголовнымъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ, кои судятся спеціальными присяжными, но на практикѣ они никогда почти не призываются по подобнымъ дѣламъ и участвуютъ только въ процессахъ судимыхъ посредствомъ спеціальныхъ присяжныхъ, то есть въ важнѣйшихъ гражданскихъ тяжбахъ, а равно въ такихъ дѣлахъ о мисдеминорахъ, которыя по указамъ *certiorari* издаваемымъ королевскою скамьею изъемлются изъ вѣдѣнія ассизныхъ судовъ или лондонскаго центральнаго уголовнаго суда и рѣшаются королевскою скамьею или отсылаются въ ассизы обратно для рѣшенія ихъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства.

Имена всѣхъ лицъ, имѣющихъ требуемыя закономъ качества, помѣщаются въ общемъ спискѣ, изъ котораго шерифъ заимствуетъ извѣстное число этихъ именъ передъ всякими ассизами, или четвертными засѣданіями и образуетъ такъ называемый *panel* или очередный списокъ лицъ, которыя обязываются присутствовать при всѣхъ засѣданіяхъ суда. На четвертныхъ засѣданіяхъ мировой клеркъ, а въ ассизахъ ассизный клеркъ выбираетъ двѣнадцать очередныхъ присяжныхъ по жребію; изъ выбираемыхъ такимъ образомъ подсудимый можетъ отвести 20 безъ показанія причинъ. Обвиняющая сторона можетъ отводить неограниченное число присяжныхъ, но только условно, то есть до тѣхъ поръ, пока не окажется, что за исчерпаніемъ всего очереднаго списка присяжныхъ нельзя образовать для дѣла комплекта изъ 12 человѣкъ, въ такомъ случаѣ отъ обвиняющей стороны требуется показаніе причинъ отвода. Теперешняя система отводовъ весьма хороша и удачна, но она совсѣмъ не похожа на то, чѣмъ была въ началѣ. Первоначально она была простымъ отрицаніемъ годности свидѣтеля, теперь она стала устраненіемъ судей. Она немного странна и нѣсколько запутана; иногда она получаетъ необыкновенную важность. Значеніе ея для подсудимаго очевидно. Значеніе ея для обвиняющей

стороны состоитъ въ томъ, что иногда судъ о преступленіи вызываетъ въ народонаселеніи мѣста, гдѣ оно совершилось, сильныя проявленія духа партій, или что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господствуютъ сильныя предубѣжденія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Въ очень извѣстномъ процессѣ объ убійствѣ, происходившемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ присяжные изъ жителей Мэдстона были отведены обвиняющею стороною, потому что въ этой мѣстности господствовало сильное движеніе противъ смертной казни [1]).

На практикѣ присяжными по дѣламъ уголовнымъ бываютъ обыкновенно фермеры и лавочники, неимѣющіе никакого юридическаго образованія или снаровки и ни сколько не пріученные слѣдить со вниманіемъ по цѣлымъ часамъ за общимъ какимъ-либо предметомъ. Ихъ впечатлѣніямъ при разборѣ доказательствъ подъ руководствомъ судьи-техника законъ довѣряетъ столь неограниченно, что никто никогда не пробовалъ серьезно и не предлагалъ иного юридическаго метода въ отмѣну суда посредствомъ присяжныхъ. Весьма важно при сужденіи о достоинствахъ англійскаго уголовнаго права взвѣсить и узнать цѣну этихъ впечатлѣній. Существо впечатлѣній, производимыхъ на совѣсть присяжныхъ и выраженныхъ словами: виновенъ или не виновенъ, опредѣлено съ величайшею точностью посредствомъ долговременной практики. Вердиктъ: виновенъ обозначаетъ, что присяжные не имѣютъ такихъ сомнѣній въ истинѣ утверждаемаго обвинительнымъ актомъ, которыя бы поколебали бы ихъ въ дѣлѣ, въ коемъ бы они сами были сильно заинтересованы. Вердиктъ: невиновенъ обозначаетъ, что у нихъ есть такого рода сомнѣнія [2]). Спрашивается: какой же вѣсъ имѣетъ ихъ утвержденіе и отрицаніе, предполагая, что они люди расторопные и опытные, что они люди безпристрастные и притомъ что они поставлены въ условія умѣренно безбѣднаго существованія

[1]) Mansell v. R. 8. Ell. et Bl. 54. По случаю этого процесса подвергаемы были критикѣ законы объ отводахъ и судебная практика.

[2]) Этотъ предметъ полнѣе разобранъ въ слѣдующей главѣ.

(условія эти вытекаютъ непосредственно изъ требуемыхъ отъ нихъ квалификацій)?

Отвѣтъ на этотъ на вопросъ зависитъ въ значительной степени отъ личнаго опыта и наблюдательности отвѣчающаго. Я долженъ заявить, что вообще присяжные приходятъ къ заключенію, къ которому бы пришло огромное большинство членовъ общества, еслибы оно имѣло въ своемъ распоряженіи тѣже источники познанія; я же думаю, что предлагаемые присяжнымъ въ обыкновенныхъ процессахъ источники познанія суть самые лучшіе, какіе только можно имѣть, что я постараюсь доказать разбирая правила о доказательствахъ. Это есть самый высшій уровень достовѣрности, какого только можно ожидать для цѣлей практики; не надобно никогда терять изъ виду, что отправленіе правосудія есть дѣло практики, а не философскаго изслѣдованія. Для цѣлей практики крайне необходимо, чтобы производство было скорое и рѣшительное. Устрашительное дѣйствіе наказанія пропало бы совсѣмъ и нравственная поддержка закона, которую закону отказываетъ общественное сочувствіе, была бы потеряна, еслибы преступленіе забылось до поры послѣдованія приговора, или еслибы окончательное рѣшеніе о винѣ его или невинности было результатомъ производства, котораго пріемовъ публика не была бы въ состояніи оцѣнить.

Надобно помнить, что для общества важно въ одинаковой степени не только то, чтобы приговоры были справедливы, но и то, чтобы они признаваемы были справедливыми, ни одно же учрежденіе не въ состояніи прямѣе довести до этой цѣли, какъ судъ присяжныхъ. Онъ доставляетъ публикѣ ни съ чѣмъ несравнимую гарантію не только правдивости (truth), но и справедливости (fairness) окончательнаго рѣшенія. Нельзя не цѣнить весьма высоко это преимущество въ политическомъ отношеніи, такъ какъ уголовное правосудіе есть самая обыкновенная, самая разительная и самая интересная форма, въ которой верховная власть даетъ о себѣ знать огромному большинству своихъ подданныхъ.

Надобно также имѣть въ виду, что легко могутъ быть преу-

величиваемы возраженія противъ обычая довѣрять нетехникамъ рѣшеніе вопросовъ, требующихъ сложныхъ и трудныхъ соображеній. Простой присяжный съ трудомъ можетъ быть станетъ объясняться, какіе резоны заставили его дать тотъ, а не другой вердиктъ. Онъ будетъ приводить, можетъ быть, дурные резоны и едвали когда нибудь удастся ему судить о силѣ доказательствъ съ тою мѣткостью, которою отличаются опытный судья или имѣющій сноровку адвокатъ, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы его мнѣніе не было полновѣсно: оно столь же полновѣсно какъ могло бы быть мнѣніе многихъ людей значительно превосходящихъ его силою мышленія и діалектикою. Общее впечатлѣніе, производимое уголовнымъ судомъ похоже на впечатлѣніе, оставляемое книгою или бесѣдою. Большая часть прочитаннаго или выслушаннаго забывается прежде чѣмъ умъ дошелъ до выводовъ, но результатъ остается, хотя обстоятельства дѣла стушеваны. Лицо, обязанное выслушать огромную массу доказательствъ, приходитъ въ своемъ сознаніи къ заключенію достигли ли эти доказательства или нѣтъ той цѣли, къ которой они были направлены. Точно такимъ же образомъ лицо читающее предлинную диссертацію можетъ удовлетвориться доводами автора и согласиться съ нимъ въ выводѣ, хотя оно не въ состояніи повторить цѣлый рядъ умозаключеній автора. Присяжные убѣждаются постепенно помѣрѣ того какъ дѣло подвигается впередъ. Они чувствуютъ, что такой-то пунктъ поставленъ внѣ сомнѣнія, что такой-то свидѣтель подозрителенъ или заслуживаетъ довѣрія. На относительный вѣсъ ихъ заключеній оказываетъ малое вліяніе то обстоятельство, что означенныя заключенія суть продуктъ мышленія лицъ, которыя не сознаютъ какими путями они дошли до этихъ заключеній. Большая часть мнѣній и рѣшимостей въ обыденной жизни образуется этимъ только образомъ. Кто можетъ пересказать всѣ резоны, почему онъ любитъ то или другое лицо, или почему онъ кидается въ то или другое предпріятіе.

Съ судами присяжныхъ соединены нѣкоторыя второстепенныя случайныя удобства, изъ которыхъ одно состоитъ въ томъ, что

этотъ институтъ есть какъ бы клапанъ безопасности для общественныхъ страстей. Образъ дѣйствій правосудія не можетъ быть вполнѣ безстрастенъ, если только онъ долженъ пользоваться общественнымъ сочувствіемъ, потому что право само есть грубое и несовершенное средство, а безусловно непреклонное примѣненіе его во всякомъ возможномъ случаѣ не могло бы быть терпимо. Возьмемъ напримѣръ предѣльную черту отдѣляющую мэрдеръ отъ мэнслефтера, хотя бы опредѣленіе обоихъ этихъ видовъ было на словахъ превосходно, во многихъ случаяхъ примѣненіе этихъ опредѣленій къ дѣйствительности не обошлось бы безъ великаго индивидуальнаго притѣсненія. Какъ быто ни было, хотя бы судья сдѣлалъ присяжнымъ всевозможныя увѣщанія относительно обязанности ихъ держаться только закона и не обращать вниманія на послѣдствія вердикта (судья обязанъ дѣлать подобныя увѣщанія), присяжные все-таки не могутъ не обращать вниманія на эти послѣдствія и видоизмѣняютъ сообразно съ ними свой вердиктъ; они похожи въ этомъ отношеніи на канатъ протянутый черезъ рѣку, можно его натягивать, но онъ разорвется прежде нежели дастъ себя вытянуть въ прямую линію. Для массы публики, которая не вдается въ детали, кончаетъ на грубыхъ очертаніяхъ и заботится болѣе объ частныхъ результатахъ, нежели объ общихъ правилахъ, эта гибкость института присяжныхъ содѣйствуетъ популярности отправленія правосудія. Эта такая выгода, за которую законодателю не слѣдуетъ гоняться, но когда она къ счастью случится на лицо, то нельзя ею пренебрегать легкомысленно.

Второе случайное удобство суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что онъ рѣшаетъ процессы, не рождая антецедентовъ. Одно изъ величайшихъ дѣлъ въ правѣ заключается въ быстротѣ, съ которою оно покрывается антецедентами. Еслибы судьи рѣшали одновременно и о фактѣ и о правѣ и мотивировали свои рѣшенія, то неумѣстное остроуміе и старательность рэпертеровъ, сберегли бы сотни самыхъ неудачныхъ приговоровъ. Но изъ вердикта присяж-

ныхъ пельзя ничего заключить, слѣдовательно каждый отдѣльный вердиктъ существуетъ только самъ по себѣ и для своего дѣла.

По удобопонятнымъ причинамъ наше время сознаетъ въ слабой степени важность суда присяжныхъ въ смыслѣ гарантіи, какъ дѣйствительной, такъ и видимой честности приговоровъ, но нельзя безъ самоувѣренности полагаться на безконечное продолженіе нашего теперешняго благополучія. Можно представить себѣ въ будущемъ такія обстоятельства, въ которыхъ естественная и врожденная склонность судей-техниковъ преклоняться предъ властью и предъ ея органами, можетъ потребовать обсужданія со стороны присяжныхъ. Даже и въ наше время бываютъ процессы, которые доказываютъ не только существованіе, но и всю важность этой узды. Въ судахъ съ присяжными, въ особенности въ четвертныхъ засѣданіяхъ нерѣдко попадаются вердикты, въ которыхъ высказывается явно порицаніе превышеній власти со стороны полиціи или такихъ дѣйствій со стороны лицъ власть имущихъ, кои имѣютъ видъ угнетенія, несправедливости или даже просто недостатка великодушія въ отношеніи къ преступнику. Присяжные часто освобождаютъ подсудимаго, когда, по ихъ мнѣнію доказательство добыто нечестнымъ образомъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обычай не хорошъ, но онъ укрощаетъ всякое поползновеніе на самовластіе и поощряетъ грубо и рѣзко, но энергически, народную любовь къ тому образу производства, для котораго нѣтъ инаго болѣе приличнаго названія, какъ *fair play* (честная игра).

Приведенные нами доводы оправдываютъ вполнѣ, по нашему мнѣнію, самое популярное изъ англійскихъ учрежденій, но есть два пункта тѣсно связанные съ этимъ предметомъ, и которые заслуживаютъ особаго разбора, а именно: 1) допустивъ годность присяжныхъ для обыкновенныхъ дѣлъ, не слѣдовало ли бы предоставить рѣшеніе вопросовъ, очевидно превышающихъ ихъ познавательныя способности, экспертамъ, которыхъ бы приговоръ былъ окончателенъ по этимъ вопросамъ? и 2) правы ли англичане въ томъ, что они требуютъ постановленія вердикта присяжными единогласно?

Показанія экспертовъ.

Были дѣлаемы предложенія въ томъ смыслѣ, чтобы замѣнить неограниченное нынѣ право какъ обвиненія, такъ и защиты звать въ судъ сколько угодно свидѣтелей, предоставленіемъ суду власти относить научные вопросы, отъ коихъ зависитъ исходъ состязанія, на судъ дополнительнаго джюри изъ свѣдующихъ людей, котораго бы отвѣты принимаемы были за основаніе дальнѣйшаго производства. Тотъ же проектъ является еще въ слѣдующемъ видоизмѣненіи: предлагали, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, нѣсколько ученыхъ людей засѣдали въ судѣ, выше присяжныхъ и выслушивали доказательства, наравнѣ съ присяжными.

Независимо отъ неудобствъ и практическихъ затрудненій при существованіи этого плана, намъ кажется, что онъ основанъ на непониманіи результатовъ, которые должны быть достигнуты и способовъ, ведущихъ къ достиженію этихъ результатовъ. Изложенный нами проектъ предполагаетъ, что предметъ розыска есть одно обнаруженіе истины, и что люди науки способнѣе открывать ее, нежели другія лица. Противъ подобнаго взгляда можно возразить, что результатъ, который имѣется въ виду, не есть сама истина, но такое приближеніе къ истинѣ, къ какому способно огромное большинство людей, и что этотъ результатъ скорѣе можно найти въ мнѣніяхъ массы, нежели въ мнѣніяхъ немногихъ людей науки.

Принципъ на которомъ держится судъ присяжныхъ, состоитъ въ томъ, что никто не долженъ быть наказываемъ, пока доказательства его вины не устранятъ всякаго сомнѣнія изъ сознанія тѣхъ 12 мужей, которые представляютъ средній умъ общества. Вопросъ состоитъ не въ томъ, виноватъ ли подсудимый, но въ томъ, имѣютъ ли присяжные какое-нибудь основательное сомнѣніе на счетъ того, что онъ виноватъ. Всѣмъ извѣстно частое примѣненіе такой постановки вопроса въ пользу подсудимаго, но она можетъ выйти и во вредъ подсудимому. Присяжный не есть ученый изыскатель, но судья, обязанный присягою сказать, удовлетворяетъ

ли извѣстное доказательство его познавательныя способности или нѣтъ, къ чему нисколько не обязанъ ученый изыскатель, который можетъ останавливаться на одномъ вопросѣ, сколько ему угодно, оставлять на время предметъ изслѣдованій и возвращаться къ нему столько разъ, сколько того требуютъ интересы истины. Его цѣль — одно только достиженіе истины, цѣль же присяжнаго дать то, что англичане называютъ *true verdict* (правый вердиктъ). Когда онъ говоритъ: не виновенъ, то обыкновенно онъ тѣмъ выражаетъ: я сомнѣваюсь; когда онъ произноситъ: виновенъ, то онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ: я вполнѣ увѣренъ.

Спрашивается, можетъ ли честный человѣкъ оказаться свободнымъ отъ всякаго сомнѣнія относительно истины ложнаго предложенія, которое разобрано было предъ нимъ со всею старательностью, какую можетъ доставить искусство изощренное практикою? Мы отвѣчаемъ: можетъ, потому что всякій человѣкъ вноситъ въ свое изслѣдованіе, какого бы то не было вопроса, множество данныхъ, основанныхъ на однихъ только авторитетахъ, изъ коихъ многіе могутъ быть фальшивые, но которые по необходимости должны быть принимаемы за истинные въ дѣлахъ житейскихъ, какъ бы громадны ни были вытекающія изъ того послѣдствія, потому что въ противномъ случаѣ ему остается только на выборъ не рѣшаться ни на что, имѣющее какую-либо важность. Въ наше время, если бы законы сами остались въ старомъ видѣ, вердикты осуждающіе по обвиненію въ колдовствѣ и чародѣйствѣ были бы совершенно невозможны, потому что въ сознаніи почти каждаго человѣка лежитъ то убѣжденіе, что колдовство и чары не существуютъ; въ дѣйствительности никакія доказательства въ подкрѣпленіе этого рода обвиненія не могли бы убѣдить въ немъ присяжныхъ. Два вѣка тому назадъ общенародное убѣжденіе было совсѣмъ иное; правдивые судьи и честные присяжные принимали участіе въ осужденіяхъ за преступленіе, которое считается нынѣ невозможнымъ дѣломъ. Очевидно, что они не могли иначе поступать и что съ ихъ стороны было бы неблагоразумно входить

въ разборъ мнѣнія, считаемаго тогда сумазбродствомъ, которое отвергало возможность колдовства. Точно такимъ же образомъ, если бы въ первой половинѣ XVI столѣтія, обвиненіе подсудимаго зависѣло отъ положенія, что солнце вращается вокругъ земли, то присяжные, не обинуясь, осудили бы его, потому что начинавшіе ходить тогда слухи о томъ, что земля вращается вокругъ солнца, не имѣли еще столько вѣса, чтобы возбудить сомнѣніе въ умахъ благоразумныхъ людей. Эти благоразумные люди сказали бы тогда: „Ученіе объ обращеніи солнца вокругъ земли есть общепризнанное и установившееся мнѣніе лицъ, которымъ слѣдуетъ вѣрить въ этихъ матеріяхъ по общему отзыву современниковъ. Мы должны дѣйствовать на этомъ основаніи. Мы бы сами сообразовались съ нимъ если бы намъ пришлось это дѣлать въ важныхъ дѣлахъ, касающихся насъ самихъ. И такъ не вдаваясь въ ученые споры, мы должны поступить такъ а не иначе въ настоящемъ процессѣ, хотя противная сторона подкрѣпляетъ свое мнѣніе нѣкоторыми доказательствами“. Сумма знаній въ обществѣ увеличивается отъ критической повѣрки существующихъ мнѣній, но дѣла житейскія рѣшаются посредствомъ примѣненія этихъ мнѣній, какъ они есть, къ обстоятельствамъ и случаямъ, область же дѣятельности присяжныхъ не есть философская спекуляція, но жизнь практическая. Вопросъ, который они рѣшаютъ, состоитъ вовсе не въ томъ, что сказалъ бы умнѣйшій человѣкъ по данному дѣлу, но чтобы сказали обыкновенные люди, полагаясь на мнѣнія спеціалистовъ, на сколько того требуютъ логическіе пріемы ихъ вѣка и ихъ отечества. Этотъ принципъ находитъ примѣненіе въ уголовныхъ процессахъ похожихъ на дѣла о Пальмерѣ, Довѣ, Смиферстѣ, которыя мы намѣрены разобрать въ концѣ настоящаго сочиненія. Разборъ нашъ приведетъ, мы надѣемся, къ заключенію, что существующая система англійскаго судопроизводства подходитъ ближе всѣхъ другихъ къ высказанному нами принципу. Мы постараемся доказать, что люди средняго ума способны, при содѣйствіи оказываемомъ присяжнымъ англійскою системою судопроизводства и при

посредствѣ установившихся въ наукѣ пріемовъ, составить себѣ правильное убѣжденіе по уголовнымъ вопросамъ, и даже что они вѣрнѣе приходятъ къ истинному лишенному предубѣжденія заключенію, нежели джюри составленное изъ однихъ экспертовъ.

Показанія экспертовъ отбираются подъ присягою, они подчиняются всѣмъ правиламъ о доказательствахъ. Эксперты подлежатъ перекрестному допросу. Судья, котораго вся жизнь прошла въ пріобрѣтеніи и упражненіи способностей, требуемыхъ этимъ званіемъ, указываетъ присяжнымъ, какія части показанія свѣдущаго человѣка относятся къ дѣлу и существенны и какія относятся къ области отвлеченностей. Понятно, что при такомъ пособіи со стороны судьи, присяжные могутъ прійти къ положительному заключенію по предлагаемымъ вопросамъ, не подверженнаго серьезному сомнѣнію. Слово: *могутъ* весьма здѣсь существенно. Цѣль суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, чтобы наказаніе не полагалось, пока не будетъ представлена сумма доказательствъ, удовлетворившая 12 обыкновенныхъ людей и способная удовлетворить всѣхъ обыкновенныхъ людей, о томъ, что подсудимый виноватъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ доводовъ науки, присяжные *могутъ* быть удовлетворены. Никто не думалъ усомниться въ томъ, что г-жа Довъ отравлена стрихниномъ, хотя это заключеніе основано на научныхъ доводахъ, о силѣ которыхъ едва ли могло бы судить одно лицо на десятъ тысячь. Единственные случаи, въ которыхъ могло бы пригодиться джюри изъ экспертовъ, предполагая что его мнѣніе было бы цѣннѣе мнѣнія джюри, состоящаго изъ обыкновенныхъ людей, это такіе случаи, когда достовѣрность опирается на столь тонкія доказательства, что они оставляютъ существенныя сомнѣнія въ умахъ обыкновенныхъ людей. Рѣшенія джюри изъ экспертовъ въ подобнымъ случаяхъ не могли бы ни въ какомъ отношеніи удовлетворить публику. Публика домогается того, чтобы никто не былъ наказанъ, пока его вина не доказана доказательствами вполнѣ понятными для массы. Судья всевѣдущій и непогрѣшимый,

который бы рѣшалъ дѣла посредствомъ непонятныхъ для массы пріемовъ, не доставилъ бы ей удовлетворенія, потому что, хотя бы его рѣшенія были всегда вѣрны, никто бы не былъ въ состояніи повѣрять ихъ. Съ трудомъ можно представить себѣ процессъ, въ которомъ обыкновенные люди были бы вполнѣ увѣрены въ винѣ, а эксперты бы сомнѣвались, за исключеніемъ однихъ только процессовъ, по коимъ эксперты стоятъ впереди своего вѣка, (напр. по вопросамъ о колдовствѣ). Въ этихъ случаяхъ однако полезно, чтобы судъ былъ производимъ согласно убѣжденіямъ народныхъ массъ, что и достигается посредствомъ суда присяжныхъ. По нашему мнѣнію лучшая *reductio ad absurdum* данной системы состояла бы въ томъ, если бы можно было, напр., доказать, что при ея существованіи не могло бы никогда случиться осужденія за колдовство.

Мы старались доказать возможность для присяжныхъ обходиться съ научными доводами, не имѣя научныхъ познаній; опытъ показываетъ, что доводы, предлагаемые имъ, могутъ быть самые полные и точные. Не многіе процессы возбуждали такое всеобщее любопытство, какъ дѣло Пальмера судимаго за убіеніе Кука; едва ли притомъ найдется другой процессъ, въ которомъ бы присяжные имѣли дѣло съ такимъ громаднымъ количествомъ противуположныхъ и сталкивающихся взаимно научныхъ доказательствъ. Если въ подобномъ процессѣ присяжные оказались компетентными судьями, то ихъ слѣдуетъ признать компетентными во всякомъ другомъ дѣлѣ. Единственный вопросъ по дѣлу Пальмера, требовавшій содѣйствія науки, состоялъ въ томъ: умеръ ли Кукъ отъ отравленія, причиненнаго стрихниномъ. Доводы, поддерживающіе это предположеніе, состояли въ слѣдующемъ. Доказано было, что Кукъ умеръ отъ столбняка (тетаноса), доказано также, что есть три только извѣстныя формы этого недуга: столбнякъ отъ ранъ, столбнякъ внезапный и столбнякъ причиняемый стрихниномъ. Что столбнякъ въ данномъ случаѣ не могъ произойти отъ ранъ было ясно; на умершемъ никакихъ ранъ не оказалось. Догадка о внезапномъ столбнякѣ была весьма невѣроятна, во-первыхъ, потому что такой

случай никогда не бывалъ до того времени наблюдаемъ въ Англіи; во-вторыхъ, что порядокъ симптомовъ былъ во многихъ отношеніяхъ отличенъ отъ наблюдаемаго въ внезапномъ столбнякѣ; наконецъ, въ-третьихъ, потому что не обнаружено никакой причины, которая бы могла его породить. Кромѣ того, тринадцать экспертовъ, вызванныхъ въ защиту подсудимаго, признали, что симптомы, наблюдаемые въ умершемъ, весьма были похожи на симптомы отравленія стрихниномъ. Эти данныя въ совокупности съ очевидными мотивами убійцы, съ найденнымъ во владѣніи Пальмера стрихниномъ, котораго происхожденія онъ не могъ объяснить и съ обнаруженнымъ фактомъ, что стрихнинъ подмѣшиваемъ былъ къ большей части кушаньевъ, которыми Кукъ питался во время своей послѣдней болѣзни, образовали такую достовѣрность, на которую всякой могъ бы положиться въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и больше которой нелѣпо было бы и требовать.

Лицамъ, сомнѣвающимся въ томъ, съумѣютъ ли присяжные обращаться съ доводами научными, слѣдуетъ помнить, что людямъ приходится порою не будучи присяжными судить на основаніи научныхъ данныхъ по вопросамъ о жизни и смерти. Нѣкто замѣтилъ небольшую опухоль на колѣнѣ; онъ отправляется къ хирургу, который ему говоритъ: „Это аневризмъ; если вы не позволите мнѣ сдѣлать операцію и перевязать артерію, то вы можете умереть внезапно“. Онъ идетъ къ другому, совѣтуется и получаетъ отвѣтъ: „это вовсе не аневризмъ, но простой нарывъ, который я согласенъ перерѣзать; если вы не позволите этого сдѣлать, то вы должны опасаться весьма скверныхъ послѣдствій; впрочемъ, если я ошибаюсь и если у васъ въ самомъ дѣлѣ аневризмъ, то вы умрете отъ перваго нарѣза ножемъ“. Въ этомъ случаѣ мы видимъ человѣка, который поставленъ судьею своей собственной жизни и смерти и который не можетъ избѣжать необходимости рѣшиться. Эти примѣры показываютъ, что джюри составленное какъ оно составляется теперь, способнѣе прійти къ заключеніямъ удовлетворяющимъ пуб-

лику, нежели джюри изъ экспертовъ, или джюри обязанное подчиняться рѣшенію экспертовъ.

Возраженіе противу джюри, составленнаго изъ однихъ экспертовъ, состоитъ въ томъ, что въ каждомъ процессѣ обстоятельства дѣла перемѣшаны, такъ что иногда трудно сказать. куда отнести данное обстоятельство, къ тому ли или къ другому классу и предстоитъ слѣдующая дилемма: или отдать всѣ обстоятельства дѣла въ руки одного и того же персонала, или по каждому отдѣльному обстоятельству наряжать особое джюри. Такимъ образомъ по дѣлу Пальмера надлежало бы нарядить джюри изъ медиковъ по медицинскому вопросу, джюри изъ химиковъ по химическому, джюри изъ спортсмэновъ по вопросу о пари и ставкахъ, наконецъ, джюри обыкновенное для рѣшенія, въ какой степени разные свидѣтели и эксперты находятся подъ вліяніемъ духа партій или личнаго профессіональнаго озлобленія. Всякая попытка ввести начало дѣленія отвѣтственности поведетъ къ этому нелѣпому результату и нанесетъ гибельный ударъ значенію вердиктовъ присяжныхъ.

Предложеніе о томъ, чтобы присяжные были нѣкоторымъ образомъ связаны рѣшеніями экспертовъ, понятнѣе въ практикѣ у народовъ материка Европы. Во Франціи мнѣніе экспертовъ необязательно для присяжныхъ по закону, но оно бываетъ обязательно на практикѣ, потому что доводы, имѣющіе научный характеръ, допускаются не иначе какъ по усмотрѣнію суда, который опредѣляетъ исключительно кто долженъ и кто не долженъ дать *renseignements* въ послѣднихъ случаяхъ. Очевиднымъ послѣдствіемъ подобной системы является то, что присяжные не несутъ отвѣтственности за научные элементы своего вердикта. Имъ въ сущности ставятъ вопросъ такимъ образомъ: „вы должны считать за изрѣченіе науки, что если кто вкусилъ количество стрихнина достаточное для отравленія его, то это обстоятельство откроется по его смерти посредствомъ такого-то состоянія его органовъ“.

Есть три возраженія противъ введенія подобной системы въ Англію, гдѣ цѣль показаній экспертовъ не въ томъ, чтобы они

удовлетворили судей, но въ томъ, чтобы они удовлетворили присяжныхъ; каждое изъ этихъ возраженій считаемъ мы вполнѣ убѣдительнымъ. Во-первыхъ невозможно на практикѣ формулировать такимъ образомъ вопросъ, предлагаемый экспертамъ, чтобы они могли на него отвѣчать простыми: да или нѣтъ. По дѣлу Пальмера одинъ изъ техническихъ вопросовъ состоялъ въ слѣдующемъ: считать ли д-ра Тэйлора столь хорошимъ химикомъ, чтобы принять его показаніе о томъ, что онъ исполнилъ извѣстную операцію на извѣстной части тѣла Кука, отдѣлилъ эту часть отъ цѣлаго тѣла при такихъ-то условіяхъ и не нашелъ въ этой части стрихнина, за достаточное доказательство того, что въ цѣломъ тѣлѣ Кука не было стрихнина въ моментъ смерти Кука или не задолго до этого момента? Если не считать отзыва Тэйлора вполнѣ убѣдительнымъ, то какое значеніе дать этому показанію? Ни одинъ экспертъ не согласился бы отвѣчать прямо на подобные вопросы. Отвѣтъ на нихъ не имѣлъ бы ровно никакого вѣса, безъ углубленія въ тончайшія подробности и безъ оцѣнки всякаго обстоятельства дѣла. Тончайшія подробности открываются и обстоятельства оцѣниваются посредствомъ перекрестнаго допроса, безъ котораго изрѣченія оффиціальныхъ экспертовъ будутъ ничтожны, при употребленіи же котораго они будутъ излишни.

Во-вторыхъ всякій доводъ, показывающій существованіе медицинскаго и вообще научнаго спора, доказываетъ, что изрѣченія присяжныхъ не могутъ быть принимаемы на вѣру. Положимъ, напримѣръ, что по дѣлу Пальмера предоставлено сэру Беніамину Броди, д-ру Тодду, м-ру Керлингу и м-ру Солли опредѣлить причину смерти Кука; положимъ, что согласно тому, что они сказали со скамьи свидѣтелей, они бы нашли, что онъ умеръ отъ стрихнина и что это предположеніе принято ими за достовѣрное за исключеніемъ всѣхъ другихъ. Спрашивается: могъ ли бы этотъ результатъ заслужить одобреніе общественное? Мнѣнію экпертовъ противупоставлено было бы тотчасъ то обстоятельство, что другіе доктора произнесли бы совсѣмъ иной вердиктъ и что надобно бы при-

бѣгнуть къ посреднику, который бы рѣшилъ чье мнѣніе основательнѣе; иными словами, общественное мнѣніе заявило бы, что эксперты должны быть свидѣтелями, а не судьями.

Въ третьихъ судъ изъ экспертовъ рѣшалъ бы всегда не о достовѣрности доказательства, по о субъективныхъ частныхъ взглядахъ тѣхъ или другихъ экспертовъ на вопросы, къ которымъ относится доказательство. Публика требуетъ отъ уголовнаго суда слѣдующей гарантіи: чтобы осужденія основывались на упроченныхъ и общепризнанныхъ принципахъ. Присяжныхъ спрашиваютъ: согласенъ ли извѣстный фактъ съ общепризнаваемымъ мнѣніемъ? Вопросъ, который бы рѣшали эксперты, состоялъ бы непремѣнно въ томъ: истиненъ ли фактъ? Между тѣмъ на практикѣ желателенъ отвѣтъ не на послѣдній, но на первый изъ этихъ вопросовъ. На первый взглядъ эта мысль покажется парадоксомъ, но она вѣрна какъ нельзя болѣе. Никому не придетъ въ голову, набирать джюри изъ духовныхъ лицъ для сужденія человѣка обвиняемаго въ ереси. Духовные рѣшали бы вопросъ не потому, что составляетъ въ сущности ученіе англиканской церкви, но по своимъ субъективнымъ взглядомъ о томъ, что считаютъ они богословски истиннымъ. Положимъ, что какой нибудь юридическій вопросъ возбудилъ жаркіе и продолжительные споры и что для рѣшенія его приходится нарядить джюри изъ юристовъ. Никто, можетъ быть, не зналъ такъ хорошо англійскихъ законовъ, какъ Лордъ Мэнсфильдъ или мистеръ Фирнъ, но нѣтъ людей, которые бы могли считаться менѣе безпристрастными судьями по вопросу о томъ напр., отказалъ ли завѣщатель по дѣлу *Perrin* v. *Blake* свое имѣніе въ феодъ или только въ пожизненное владѣніе? Извѣстный примѣръ того же рода представляетъ дѣло *Reg* v. *Millis* [1]), при рѣшеніи котораго палата Лордовъ, дѣйствуя въ качествѣ суда, раздѣлилась на двѣ равныя части по вопросу: можетъ ли бракъ по обычному праву быть совершенъ *per verba de praesenti*, безъ присутствія и благословенія священ-

[1]) 10 Cl. and Fin. 534.

ника, надлежащимъ образомъ поставленнаго? Всякое изъ мнѣній лордовъ-юристовъ (law-lords) [1]) показываетъ какъ сильно на ихъ сужденія вліяли соображенія, которыя вполнѣ умѣстны при употребленіи той какъ бы законодательной власти, какою пользуются судьи при толкованіи закона, но которыя были бы крайне неумѣстны со стороны присяжныхъ при обсуживаніи дѣла. Еслибы джюри, составленному изъ ученыхъ людей, дано было рѣшить: обусловливаетъ ли обычное право Англіи законность брака тѣмъ, чтобы бракъ былъ заключенъ при посредствѣ священника? то они бы на вѣрное сказали: „мы сильно колеблемся.“ Еслибы отъ этого рѣшенія зависѣло рѣшеніе другаго вопроса: виновенъ ли извѣстный человѣкъ или не виновенъ? то они бы должны были обратить и вѣроятно обратили бы это сомнѣніе въ пользу подсудимаго. Еслибы изъ предъявленныхъ доказательствъ оказалось что заключеніе о томъ, умеръ ли извѣстный человѣкъ отъ дѣйствія стрихнина построено на основаніяхъ, которыя составляютъ предметъ серьезнаго спора между учеными, то они вѣроятно поступили точно такимъ же образомъ и въ этомъ случаѣ. Серьезенъ ли споръ, то есть, ведется ли, онъ *bona fide* или нарочито? Это такой вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ расторопными присяжными и который, слѣдовательно, долженъ быть имъ предоставленъ.

Говорено было порою, что непріятно смотрѣть на противурѣчія и опрометчивыя присяги свидѣтелей-экспертовъ и что посему ихъ бы слѣдовало замѣнить оффиціальными экспертами. Есть доля истины въ первой посылкѣ, но заключеніе ложно. Спрашивается, почему считать оффиціальныхъ экспертовъ болѣе достовѣрными, нежели ихъ неоффиціальныхъ собратьевъ? Никто нестановится честенъ потому только, что онъ получаетъ жалованье отъ правительства. Цѣль уголовнаго права не состоитъ въ томъ, чтобы тушить скандалы, но въ томъ чтобы изобличать ложь. Если людямъ науки не нравится перекрестный допросъ, то пусть они говорятъ правду.

---

[1]) Т. е. лицъ возведенныхъ въ достоинство лордовъ за свои заслуги въ качествѣ вестминстерскихъ судей.

Практическія затрудненія при назначеніи экспертовъ ex officio (каковы бы ни были ихъ функціи) весьма велики. Если суду предоставлено будетъ назначать ихъ, то это подорветъ коренное начало англійскаго провосудія, что судъ неутраленъ и что обвинитель и подсудимый должны сами заботиться о своемъ дѣлѣ. Если сторонамъ предоставленъ будетъ выборъ, то онѣ никогда не согласятся, вслѣдствіе чего изрѣченія экспертовъ не будутъ имѣть убѣдительной силы въ глазахъ присяжныхъ.

Эти соображенія относятся только къ уголовнымъ прогрессамъ, въ которыхъ общество требуетъ для своего собственнаго удовлетворенія чтобы двѣнадцать представителей массы народонаселенія сказали, что они убѣждены въ винѣ подсудимаго. Въ гражданскихъ дѣлахъ можетъ случиться, что обѣ заинтересованныя стороны предпочтутъ сослаться на рѣшеніе эксперта, какъ онѣ ссылаются иногда на третейскій судъ. Такъ какъ въ гражданскихъ дѣлахъ общество не заинтересовано, то къ нимъ не примѣняются доводы, приведенные нами выше. Эти доводы не идутъ напримѣръ къ дѣламъ о привилегіи на изобрѣтенія. Публика вполнѣ равнодушна къ вопросу, было ли извѣстное лицо первымъ изобрѣтателемъ фотографіи на бумагѣ или нѣтъ. Напротивъ того когда дѣло идетъ о томъ слѣдуетъ ли казнить смертью человѣка, какъ убійцу, весьма важно, чтобы признаніе его убійцею покоилось на прочныхъ основаніяхъ, удобопонятныхъ для всякаго.

Всѣ выгоды, которыхъ бы можно было достигнуть назначеніемъ экспертовъ ex officio, будутъ достигнуты допущеніемъ наряжать спеціальныхъ присяжныхъ по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, причемъ слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, обезпечивающія право подсудимаго на отводъ этихъ присяжныхъ. Нѣтъ причины, почему бы публикѣ не пользоваться наравнѣ съ частными истцами тѣми выгодами, какія вытекаютъ изъ услугъ, оказываемыхъ присяжными стоящими выше массы по уму и воспитанію. Въ дѣлахъ о мисдеминорахъ могутъ быть и теперь

наряжаемы спеціальные присяжные, и непонятно, почему бы не допускать того же въ дѣлахъ о фелоніяхъ.

Хотя несомнѣнно, что никто не долженъ быть наказываемъ, пока причины его наказанія не сдѣлаются удобопонятны для обыкновенныхъ людей и хотя также несомнѣнно, что люди должны быть наказываемы, когда по упроченнымъ убѣжденіямъ массы народонаселенія они должны быть найдены виновными (напр. въ дѣлахъ о колдовствѣ, ереси и нѣкоторыхъ видахъ ляйбэля), однако можетъ случиться, что судъ присяжныхъ сдѣлаетъ промахъ при оцѣнкѣ доказательствъ вслѣдствіе сложности ихъ, или вслѣдствіе какой нибудь ошибки при предъявленіи доказательства, или вслѣдствіе невольныхъ заблужденій со стороны свѣдущихъ людей-свидѣтелей, или вслѣдствіе того, что по неразумію или иной причинѣ подсудимый упустилъ позвать въ судъ свидѣтелей, могущихъ доставить важныя свѣдѣнія суду. Какимъ образомъ надлежитъ обращаться съ подобными сомнительными осужденіями, о томъ будетъ разсуждать слѣдующая статья.

Единогласіе присяжныхъ.

Вопросъ о томъ, требовать ли единогласія присяжныхъ, возбуждалъ въ послѣдніе года горячіе споры. Бэнтамъ называлъ требуемое правомъ единогласіе, купно съ средствами для достиженія его „системою клятвопреступленія съ прибавкою пытки;“ эта сильная фраза воплощаетъ въ себѣ большую часть возраженій дѣлаемыхъ противъ единогласія.

Еслибы всякій присяжный присягалъ въ томъ, что онъ имѣетъ точно такое же мнѣніе какъ и его 11 сотоварищей и о каждомъ отдѣльномъ доказательствѣ и о цѣломъ дѣлѣ, то очевидно, что онъ бы поставленъ былъ въ необходимость совершить клятвопреступленіе, но на самомъ дѣлѣ отъ него требуется только, чтобы онъ сказалъ, убѣжденъ ли онъ вообще или нѣтъ въ винѣ подсуди-

маго; это убѣжденіе, положительное или отрицательное совмѣстно съ бесчисленными оттѣнками въ мнѣніяхъ, относительно обстоятельствъ дѣла. Возраженіе основано на непониманіи существа института присяжныхъ и ихъ вердиктовъ. Въ большей части современныхъ системъ уголовнаго права законодатели сознали необходимость постановить извѣстное условіе, которое должно быть исполнено прежде, нежели обвиняемое лицо можетъ быть предано наказанію. Въ системахъ основанныхъ на римскомъ правѣ это условіе состояло, по большей части въ признаніи подсудимаго. Теорія пытки построена на томъ, что когда кто сильно заподозрѣнъ, то его надлежитъ испытывать посредствомъ физическихъ страданій, причемъ предполагается, что невинность устоитъ противъ этого испытанія, но вина не выдержитъ. Во многихъ странахъ и въ особенныхъ случаяхъ наблюдалось чтобы люди присуждались къ наказанію не иначе какъ по ихъ собственному признанію, добываемому пыткою или иными путями [1]). Даже и тамъ гдѣ признаніе не считается необходимымъ условіемъ осужденія, напр. во Франціи, великое значеніе приписывалось и приписывается признанію подсудимаго. Всякій изъ предлагаемыхъ въ концѣ этого сочиненія процессовъ можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что всѣ пріемы французскаго судопроизводства направлены къ достиженію одной главной цѣли, а именно къ полученію признанія, и что власть предоставленная присяжнымъ признавать подсудимаго виновнымъ со смягчающими вину обстоятельствами равносильна по своимъ послѣдствіямъ правилу, что человѣкъ не иначе можетъ быть казненъ смертью, какъ только по собственному признанію или по удостовѣренію очевидцевъ. Въ процессахъ подобныхъ дѣлу Леотада или дѣлу Ленье смягченіе наказанія основывалось, безъ сомнѣнія, не на неполнотѣ вины, но не на полнотѣ достовѣрности. Еслибы Леотадъ признался, то его бы казнили смертью. Эта сдѣлка не выдерживаетъ критики; она можетъ

[1]) Замѣчательные процессы собранные Фейербахомъ.

быть выражена такимъ образомъ: „мы подозрѣваемъ васъ въ степени достаточной для приговоренія васъ къ вѣчной каторгѣ, но недостаточной для приговоренія васъ къ отсѣченію головы“, умозаключеніе, которое очевидно лишено всякой логики.

Въ нашей странѣ (Англіи) та же цѣль достигается вполнѣ и раціонально требованіемъ единогласія присяжныхъ. Англійское право не содержитъ никакихъ постановленій, сколько требуется свидѣтельскихъ показаній, чтобы присудить человѣка къ наказанію. Оно не знаетъ никакой *probatio plena* или *semiplena*, но оно постановляетъ, что никто не можетъ быть признанъ виновнымъ, пока извѣстное число достовѣрныхъ лицъ не сойдется въ такомъ мнѣніи о немъ. Это стеченіе составляетъ всю суть института. Отнимите его и вердиктъ присяжныхъ потеряетъ свое значеніе.

Самое крайнее и самое послѣдовательное мнѣніе, раздѣляемое противниками единогласія присяжныхъ состоитъ въ томъ, что надобно постановлять вердиктъ по простому большинству голосовъ, но подобный образъ дѣйствія уничтожилъ бы одну изъ существующихъ гарантій противъ несправедливыхъ осужденій. На этомъ основаніи если семеро присяжныхъ убѣдятся въ винѣ подсудимаго, то онъ будетъ осужденъ, хотя бы остальные пятеро на основаніи тѣхъ же данныхъ были вполнѣ убѣждены въ его невинности. При такомъ раздѣленіи голосовъ нѣтъ никакой причины полагать, что одно изъ этихъ мнѣній непремѣнно лучше другаго. Эта система устранила бы всякія пренія и обсужденія обстоятельствъ дѣла, имѣющія мѣсто въ настоящее время. Присяжные будутъ вотировать по личному впечатлѣнію, не сличая своихъ впечатлѣній съ впечатлѣніями своихъ товарищей. Польза отъ сличенія и обсужденія впечатлѣній особенно важна въ примѣненіи къ судьямъ неспеціалистамъ. Мы уже замѣтили выше, что вердиктъ въ окончательномъ результатѣ представляетъ собою общія впечатлѣнія, основанныя на выводахъ, изъ которыхъ многіе забываются въ теченіи хода судоговоренія, хотя же этимъ впечатлѣніямъ приписываютъ иногда слишкомъ малое значеніе, нельзя не согласиться, что ихъ

важность зависитъ, если неглавнымъ образомъ, то въ значительной степени, отъ возможности ихъ повѣрки, сличенія и согласованія съ общими впечатлѣніями другихъ лицъ. Понятіе о томъ, что присяжные должны совершать клятвопреступленіе сходясь въ одномъ вердиктѣ, основано на предположеніи, что никакой разумный человѣкъ не измѣняетъ никогда своихъ впечатлѣній, сличая ихъ съ таковыми же впечатлѣніями другихъ людей, которые имѣли случай наблюдать тѣже самыя данныя. Тотъ фактъ, что присяжные всегда единогласны въ своихъ вердиктахъ доказываетъ, что этотъ процессъ гораздо практичнѣе въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели обыкновенно полагаютъ.

Не многіе писатели предлагаютъ постановлять вердикты простымъ большинствомъ голосовъ, чаще же всего противники единогласія требуютъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени, вердиктъ былъ постановляемъ усиленнымъ большинствомъ голосовъ. Въ биллѣ, внесенномъ въ 1859 г. Лордомъ Кэмпбеллемъ о присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, предлагалось, чтобы вердиктъ постанавлялся послѣ безуспѣшныхъ шести часовъ совѣщаній большинствомъ девяти голосовъ противъ трехъ. На первый взглядъ это предложеніе нравится, но при болѣе внимательномъ разборѣ оказывается, что оно вмѣщаетъ въ себѣ два отдѣльные оптическіе обмана, изъ которыхъ каждый достаточенъ для опроверженія его. Во-первыхъ зачѣмъ требовать большинства 9 голосовъ? Потому что число 9 внушаетъ болѣе увѣренности въ справедливости приговора, нежели число 7. Но въ такомъ случаю почему же не дойти до числа 12, при которомъ увѣренность пропорціонально еще большая. Если требуемая нынѣ гарантія, ограждающая общество отъ промаховъ, слишкомъ стѣснительна, то пониженіе ея должно бы совершаться посредствомъ уменьшенія комплекта присяжныхъ, то есть посредствомъ образованія единогласнаго джюри изъ 9, 7 или какъ въ судахъ графствъ (County courts) изъ 4 человѣкъ. Допускать возможность того чтобы вердикты состоялись при раздѣленіи голосовъ, значитъ измѣнять не степень гарантіи, но ея существо, потому что

большинство $^3/_4$ голосовъ показываетъ, что простое большинство не внушаетъ достаточной увѣренности, настоящая же увѣренность достигается только единогласіемъ.

Предложеніе о томъ, чтобы вердиктъ большинствомъ 9 голосовъ былъ постановляемъ не иначе, какъ послѣ шести часоваго ожиданія, вмѣщаетъ въ себѣ тотъ же оптическій обманъ въ увеличенномъ видѣ. Зачѣмъ заставлять присяжныхъ выжидать 6 часовъ? Дабы они могли обсудить вопросъ. Но зачѣмъ имъ обсудить вопросъ? дабы они могли согласиться. Но зачѣмъ имъ соглашаться? затѣмъ, что ихъ согласіе сообщаетъ авторитетъ ихъ вердикту. Спрашивается: зачѣмъ допускать, чтобы состоялся вердиктъ при раздѣленіи голосовъ, когда обнаружилось, что дѣло до того исполнено сомнѣній, что послѣ 6-часовыхъ преній, обсуждающіе его не могли прійти ни къ какому соглашенію? Если при данной совокупности фактовъ доказано, что 12 обыкновенныхъ людей сошлись въ убѣжденіяхъ и произнесли подъ присягою единогласный приговоръ, то есть вѣроятность, что они правы; но если послѣ 6-часовыхъ преній, девятеро изъ нихъ оказались одного мнѣнія, а трое другаго, то есть вѣроятность, что вердиктъ сомнителенъ. Зачѣмъ предполагать по сторонѣ этихъ трехъ, а не девяти, подкупъ, упрямство, предубѣжденіе или тупоуміе. Очень можетъ быть, что мнѣніе этого меньшинства есть протестъ противъ общенароднаго предубѣжденія или противъ стремленія обойти законъ въ видахъ достиженія какой-либо непосредственной выгоды. Меньшинство, которое не отступаетъ отъ своего убѣжденія послѣ 6 часовъ искуса, можетъ быть не меньше право, какъ и большинство. Нелѣпо было бы уменьшать вѣсъ вердикта пропорціонально тому, чѣмъ труднѣе спорные вопросы и требовать, чтобы по простымъ дѣламъ двѣнадцать человѣкъ сошлись въ вердиктѣ, но чтобы по весьма сомнительнымъ, достаточно было девятерыхъ, обладающихъ тѣми же средствами познанія. Такъ разсуждая, можно было бы, наконецъ, добиться до слѣдующаго результата: что вопросъ о казненіи чело-

вѣка смертью долженъ быть рѣшаемъ простымъ большинствомъ, но для заключенія человѣка въ тюрьму необходимо единогласіе.

Та часть Бэнтамовой фразы, которая клеймитъ названіемъ „пытки“ мѣры, употребляемыя для достиженія единогласія, заслуживаетъ болѣе вниманія, нежели та, которая осуждаетъ единогласіе, какъ клятвопреступленіе. Слово „пытка“ есть любопытный примѣръ употребленія метафоры лицомъ, которое всю жизнь воевало противъ употребленія метафоръ. Еслибы подъ словомъ „пытка“ разумѣть какое бы то не было тѣлесное неудобство, то конечно, подъ пытку подойдетъ и лишеніе присяжныхъ огня и пищи, пока они не постановятъ приговора, но подъ нее подойдетъ также и необходимость сидѣть по цѣлымъ часамъ въ жаркой комнатѣ, на жесткой скамьѣ, и выслушивать скучныя рѣчи и безсмысленные доводы. Слово „пытка“ ничего не доказываетъ, а процессъ, который обзывается этимъ словомъ, не заслуживаетъ такого названія; онъ страненъ и устарѣлъ, но едва ли можно его назвать жестокимъ. Засадить дюжину фермеровъ въ пустую комнату и сказать имъ: „вы не пойдете обѣдать пока не согласитесь“, есть, безъ сомнѣнія, грубый и почти юмористическій способъ заставить ихъ шевелить мозгами. Онъ основанъ на предположеніи, что присяжные не лишены нѣкоторой умственной лѣни, которая преодолѣвается легкими внѣшними понужденіями. Смотрѣть на него трагически, значитъ не понимать его. Впрочемъ, надобно сознаться, что эта мѣра суровая и грубая, есть уцѣлѣвшій остатокъ нравовъ болѣе простаковатыхъ, нежели наши. Одного заключенія достаточно; судьѣ надлежало бы дать право разрѣшать присяжнымъ пользоваться нѣкоторыми удобствами напр. огнемъ или пищею. На практикѣ затрудненія рѣшаются тѣмъ, что судьи присвоили себѣ власть распускать присяжныхъ, когда присяжные не придутъ къ соглашенію по истеченіи извѣстнаго продолжительнаго времени и когда они объявятъ, что нѣтъ шансовъ къ соглашенію. Въ подобныхъ случаяхъ подсудимый долженъ быть вновь судимъ; этотъ порядокъ

есть очевидно самый послѣдовательный и согласный съ общимъ характеромъ института [1]).

V.

Апелляція по уголовнымъ дѣламъ.

Послѣдній пунктъ заслуживающій разбора въ связи съ уголовнымъ судопроизводствомъ состоитъ въ томъ, какія послѣдствія имѣетъ вердиктъ? Вердиктъ есть рѣшеніе окончательное, такъ какъ законъ не установилъ никакого способа возобновлять вопросъ, который рѣшенъ вердиктомъ. Впрочемъ, это положеніе требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій или, лучше сказать, объясненій. Когда возникнетъ вопросъ или о томъ, образуютъ ли доказанные факты юридическое преступленіе, или были ли доказательства, предъявленныя при судоговореніи, допущены на законномъ основаніи, или, говоря словами статута (1848 года), которымъ установленъ судъ дѣлъ коронныхъ представляемыхъ на высшее усмотрѣніе (Court for Crown Cases reserved), когда „возбужденъ будетъ въ судѣ какой-нибудь вопросъ юридическій“ (question of law), то судья представляетъ дѣло на разсмотрѣніе въ вышеупомянутый *Court for Crown Cases Reserved* [2]), который можетъ или кассировать, или подтвердить послѣдовавшее по вердикту сужденіе. Результатъ кассаціи такой же, какъ если бы подсудимый былъ присяжными оправданъ.

Если въ судѣ нарушены были предписанные закономъ обряды, то подсудимый можетъ потребовать, чтобы нарушенія были отмѣчены въ актахъ или въ формальномъ описаніи хода дѣйствій долж-

[1]) R. v. Newton 13 Q. B. 716. По этому дѣлу подсудимый судился трижды за одно и то же убійство. Его наконецъ, оправдали.

[2]) Mellor's Case въ Dear and Bel, 468. Этотъ судъ установленный статутомъ, 11 и 12 Vict., s. 78, изъ 5 по крайней мѣрѣ вестминстерскихъ судей подъ предсѣдательствомъ чифъ-бэрона суда шахматной доски или одного изъ chief-justices.

ностныхъ членовъ суда. Послѣ того, онъ можетъ съ разрѣшенія генералъ-атторнея испросить *writ of error*, то есть, онъ можетъ перенести акты дѣла въ судъ королевской скамьи, которая рѣшаетъ, было ли производство неформальное или нѣтъ, послѣ чего она или постановляетъ новый приговоръ въ пользу короны, или въ пользу подсудимаго, или объявляетъ бывшій судъ недѣйствительнымъ и опредѣляетъ, что дѣло должно быть судимо вновь. Меньшей важности недостатки не могутъ служить поводомъ къ изданію *writ of error*, въ настоящее время, существенные же недостатки въ производствѣ бываютъ столь рѣдки, что учрежденіе *writs of errors* имѣетъ теперь небольшую практическую важность. Слѣдовательно, съ сущности можно принять за фактъ, что вердиктъ присяжныхъ не можетъ быть опровергнутъ или отмѣненъ.

Хотя вердиктъ не можетъ быть отмѣненъ, однако его послѣдствія могутъ быть смягчены или отвращены посредствомъ королевской прерогативы помилованія. Въ теченіи многихъ лѣтъ прошедшихъ, министръ статсъ-секретарь по департаменту внутреннихъ дѣлъ, оффиціальный совѣтникъ короны въ пользованіи правительствомъ этою прерогативою, пересматривалъ вердикты присяжныхъ и испрашивалъ осужденному или полное прощеніе, или смягченіе наказанія, когда того требовали обстоятельства дѣла. Эта функція имѣетъ мѣсто обыкновенно только въ случаяхъ, когда судья недоволенъ рѣшеніемъ, или когда появляются новыя доказательства, кои не были предъявляемы въ судѣ присяжныхъ. Обыкновенный порядокъ помилованія бываетъ такой, что подсудимый подаетъ прошеніе, изъясняя свою невинность и домогаясь милосердія. Если статсъ-секретарь сочтетъ нужнымъ, онъ требуетъ предварительно мнѣнія судьи, который судилъ дѣло и судья обязанъ дать ему таковое. Послѣ того, статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ продолжаетъ по своему усмотрѣнію дальнѣйшія розысканія и или отказывается ходатайствовать о подсудимомъ передъ ея величествомъ, или ходатайствуетъ объ отмѣнѣ или о смягченіи наказанія. Все это производство совершается безъ соблюденія какихъ-либо особенныхъ формъ,

не при открытыхъ дверяхъ, безъ допрашиванія свидѣтелей, безъ адвокатскихъ преній и даже безъ всякаго контроля со стороны парламента. По всякимъ иного рода дѣламъ, министръ несетъ отвѣтственность, за совѣты даваемые государю, но дѣла о помилованіи составляютъ единственное изъятіе изъ этого общаго правила.

Результаты такого порядка вещей весьма странны и крайне неудовлетворительны, чему можетъ служить примѣромъ дѣло Смиферста [1]). Смиферстъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ. Вердиктъ сильно взволновалъ публику; были заявлены мнѣнія, что научныя доказательства, по двумъ важнѣйшимъ пунктамъ дѣла были представлены въ неполномъ видѣ при судоговореніи, и что въ дѣлѣ есть обстоятельства и благопріятныя и неблагопріятныя для подсудимаго, которыя бы требовали болѣе основательнаго изслѣдованія. Статсъ-секретарь отнесся къ знаменитѣльнѣйшему современному хирургу сэру Беніамину Броди (Brodie), который далъ мнѣніе основанное далеко не на однихъ медицинскихъ или научныхъ соображеніяхъ, что нѣтъ „абсолютныхъ доказательствъ вины подсудимаго“, вслѣдствіе чего Смиферстъ получилъ полное прощеніе. И такъ простое частное мнѣніе знаменитаго хирурга, который могъ бы быть, но не былъ позванъ въ судъ въ качествѣ эксперта, который не былъ спрошенъ, который не былъ приведенъ къ присягѣ, который не слышалъ ни свидѣтелей, ни адвокатовъ, ни заключительной рѣчи судьи, оказалось сильнѣе вердикта присяжныхъ, пользовавшихся всѣми этими преимуществами. Мнѣніе суда Броди можетъ быть и было раздѣляемо нѣкоторыми членами джюри, судившаго Смиферста, сказавшими однако: виновенъ, потому что очень часто бываетъ, что мы не считаемъ сомнѣній, внушаемыхъ отсутствіемъ абсолютныхъ доказательствъ, достаточными для измѣненія нашего образа дѣйствій.

Если бы насъ спросили: кто виноватъ въ этомъ результатѣ?

---

[1]) Смотри послѣднюю главу настоящаго сочиненія. Для французскаго судопроизводства см. тамъ же дѣло Ленье.

то мы бы не могли указать ни на одно лицо, которое бы заслуживало порицанія. Судья и сэръ Б. Броди отвѣчали только на вопросы статсъ - секретаря внутреннихъ дѣлъ. Статсъ - секретарь избралъ путь, который онъ признавалъ самымъ лучшимъ для раскрытія истины; при отсутствіи правилъ, которыми бы онъ могъ руководствоваться нельзя объ немъ сказать, что онъ поступилъ не хорошо. Онъ не могъ не ходатайствовать о подсудимомъ послѣ того, какъ судья заявилъ, что дѣло представлено было присяжнымъ въ видѣ менѣе благопріятномъ, нежели слѣдовало, для подсудимаго. Нельзя было отъ него также требовать, чтобы онъ попытался составить свое личное мнѣніе на основаніи собственныхъ розысканій по темнымъ вопросамъ, возникающимъ изъ дѣла, и безъ того пособія, какимъ пользуются присяжные, когда подъ руководствомъ судьи адвокаты обѣихъ сторонъ представляютъ имъ въ систематическомъ порядкѣ ряды доказательствъ за и противъ. Неудовлетворительность результата должна быть отнесена на счетъ несостоятельности самаго закона. Спрашивается: въ чемъ состоятъ недостатки закона и какимъ образомъ могутъ они быть устранены? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ такимъ образомъ, что недостаточность закона заключается въ отсутствія права требовать новаго суда, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, иными словами, въ отсутствіи права подачи апелляціи на приговоры въ высшій судъ. Эти предложенія должны быть разобраны обстоятельно.

При обыкновенномъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства въ *Nisi prius*, допускается сторонамъ просить новаго суда, когда доказано будетъ, что судья ввелъ присяжныхъ въ заблужденіе, что вердиктъ данъ въ противность доказательствамъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Предлагаютъ поставить и гражданское и уголовное судопроизводство на одну и ту же ногу, предоставленіемъ высшимъ судамъ права выслушивать прошенія о пересмотрѣ судебнымъ порядкомъ всѣхъ дѣлъ рѣшенныхъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ.

Есть многія причины, требующія рѣшительнаго отклоненія подобнаго проекта. Хотя несомнѣнно что уголовное судопроизводство имѣетъ форму частнаго состязанія сторонъ, но столь же несомнѣнно, что оно есть въ сущности общественный розыскъ. Изъ этой посылки вытекаетъ заключеніе, что вердиктъ о виновности требуетъ вообще бо̀льшей степени достовѣрности, нежели вердиктъ по гражданскому иску. Весьма трудно опредѣлить, какихъ правилъ долженъ держаться судъ при разсмотрѣніи прошенія о наряженіи новаго производства по дѣлу. Обыкновенное основаніе подобныхъ прошеній состояло бы, по формѣ, въ томъ, что вердиктъ данъ впротивность доказательствамъ, по существу же въ томъ, что присяжные не обратили въ пользу подсудимому то сомнѣніе, которое должно было возникнуть въ ихъ умахъ. Какъ можетъ судъ судящій по строгому праву сказать, должны ли были присяжные сомнѣваться или нѣтъ? Еслибы пришлось рѣшать подобную задачу, то онъ долженъ бы былъ сдѣлать одно изъ двухъ; или сказать: „это вердиктъ постановленный присяжными, который присяжные въ правѣ были постановить и котораго мы ненамѣрены трогать“ (такъ бы и судъ постановилъ безъ всякаго сомнѣнія); или онъ долженъ былъ бы пересматривать всякое дѣло вновь по прошеніямъ подсудимыхъ и предопредѣлять вердикты вторичнаго джюри своими постановленіями о вердиктахъ первоначальныхъ джюри.

Предположимъ, что прошеніе о перерѣшеніи дѣла вновь подано по дѣлу Смиферста. Высшій судъ долженъ былъ бы сказать и вѣроятно сказалъ бы слѣдующее: „доказательствъ предъявлено довольно для вердикта; эти доказательства могли бы быть яснѣе и точнѣе въ нѣкоторыхъ мелочахъ; равнымъ образомъ защита подсудимаго могла бы быть лучше. Доказательства съ коронной стороны (т. е. по части обвиненія) удовлетворили присяжныхъ, если же доказательства со стороны подсудимаго удовлетворили ихъ, то въ томъ его же собственная вина; намъ незачѣмъ вступаться въ дѣло“. Если бы дѣло получило такой оборотъ, то подсудимый былъ бы подвергнутъ смертной казни, хотя процессъ былъ такого рода,

что самъ судья, предсѣдательствовавшій на ассизахъ заявилъ, что по его мнѣнію съ обѣихъ сторонъ могли бы быть представлены болѣе полныя доказательства. При подобныхъ условіяхъ экзекуція Смиферста ни въ какомъ случаѣ не удовлетворила бы публику. Съ другой стороны высшій судъ могъ бы также разобрать всѣ доказательства, дать свое мнѣніе о нихъ и нарядить новый судъ, на томъ основаніи, что приговоръ перваго построенъ на недостаточномъ основаніи. Второй судъ послѣ такого предварительнаго производства, всему свѣту извѣстнаго, долженъ былъ бы кончиться освобожденіемъ подсудимаго, но это освобожденіе столь же мало удовлетворило бы публику, какъ и экзекуція, до которой бы дошло при описанномъ нами передъ симъ иномъ исходѣ дѣла.

Представимъ себѣ, что процессъ состоитъ въ гражданскомъ искѣ, предъявленномъ родными миссъ Бэнксъ противъ Смиферста (и весьма возможномъ), о причиненіи смерти помянутой миссъ помянутымъ Смиферстомъ, и что судъ присудилъ истцамъ огромные убытки съ отвѣтчика. По подобному дѣлу высшій судъ, не обинуясь откажется отъ вмѣшательства въ вердиктъ, потому что это такой вопросъ, въ которомъ общество не заинтересовано. Высшій судъ отозвался бы очень резонно: „истецъ не долженъ быть лишаемъ постановленнаго въ пользу его вердикта, потому только, что вы, отвѣтчикъ, не защищались такъ хорошо, какъ вы могли бы защищаться. Вы должны нести на себѣ послѣдствія вашего же собственнаго упущенія. Этотъ примѣръ показываетъ существенную разницу уголовнаго процесса отъ гражданскаго, хотя по внѣшности они могутъ быть другъ на друга похожи. Цѣль гражданскаго суда: дать полную свободу сторонамъ нападать другъ на друга и защищаться; цѣль уголовнаго суда открыть истину. Разрѣшеніе вторичнаго производства по дѣлу соотвѣтствуетъ цѣли гражданскаго суда, но оно не соотвѣтствуетъ цѣли уголовнаго.

Чѣмъ болѣе будемъ мы углубляться въ этотъ предметъ, тѣмъ сильнѣе будемъ убѣждаться въ истинѣ этого заключенія. По гражданскимъ дѣламъ можно разрѣшить многократный пересмотръ од-

ного и того же дѣла, когда встрѣтится въ томъ надобность. Это вполнѣ справедливо съ точки зрѣнія состязающихся сторонъ. Всякая сторона, домогающаяся новаго суда, говоритъ въ сущности слѣдующее: „я согласенъ проиграть или выиграть по правому вердикту (fairly given), но вердиктъ по которому я проигралъ неправый, потому что я не пользовался въ судѣ преимуществомъ, которое даетъ мнѣ законъ.“ Въ уголовномъ судѣ лицо домогающееся пересмотра дѣла должно бы утверждать, что закономъ установленное производство для открытія истины не достигло своей цѣли. Это повело бы къ повторенію процесса, но не понятно почему бы вторичное производство должно было оказаться болѣе удовлетворительнымъ, нежели первое? По гражданскимъ дѣламъ каждая изъ сторонъ можетъ домогаться новаго суда; по уголовнымъ коронная сторона (т. е. обвиняющая) связана освобожденіемъ подсудимаго, точно также какъ и подсудимый связанъ своимъ осужденіемъ. По произнесеніи приговора: не виновенъ, подсудимый можетъ встать со скамьи подсудимыхъ, съ полною увѣренностью въ своей безнаказанности, похваляясь открыто, что онъ совершилъ мерзѣйшее убійство. По произнесеніи приговора: виновенъ онъ можетъ быть осужденъ и казненъ, хотя бы другія лица признались въ той же винѣ и были вслѣдствіе того судимы и казнены. Если дать право подсудимому просить о пересмотрѣ дѣла, то надлежитъ для послѣдовательности предоставить тоже право и обвинителю, что поведетъ къ величайшимъ затрудненіямъ, потому что противится чувству внушившему правило, *non bis in idem*, и давшему въ англійскомъ правѣ начало предъявленію отвода по *autrefois acquit*. Это чувство по всей вѣроятности раціонально, если принять во вниманіе смущеніе и разстройство которое причиняется уголовнымъ искомъ, хотя правило которое изъ него вытекаетъ, есть мѣра грубая и несовершенная.

Всѣ эти доводы достаточны по нашему мнѣнію для показанія, что право просить о пересмотрѣ рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ не отвратило бы недостатковъ теперешняго положенія вещей и въ

тоже время ввело бы многое дурное въ практику. Оно бы растянуло чрезъ край состязательную теорію уголовнаго процесса, которая оказываетъ и безъ того слишкомъ великое вліяніе на англійское право.

Должны ли мы, Англичане, установить у себя апелляціонный судъ? Право апеллировать есть право лица, недовольнаго рѣшеніемъ низшаго суда, требовать, чтобы высшій судъ постановилъ свое рѣшеніе по тому же дѣлу. Это право не только не можетъ быть признано общимъ привиломъ англійскаго судопроизводства, но даже сомнительно, существуетъ ли оно въ высшихъ судахъ обычнаго права. Лица недовольныя рѣшеніями мировыхъ судей могутъ апеллировать въ четвертныя засѣданія. Существуютъ также апелляціи отъ нѣкоторыхъ низшихъ судовъ напр., отъ духовныхъ судовъ къ королевѣ въ тайномъ совѣтѣ (Queen in Council), но апелляція вообще чужда общему ходу гражданскаго судопроизводства въ *Nisi Prius*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ юридическихъ вопросовъ посредствомъ *bill of exceptions*. Одно изъ существеннѣйшихъ условій апелляціоннаго суда состоитъ въ томъ, чтобы переносъ дѣла по апелляціи былъ въ полной власти лица, считающаго себя обиженнымъ, что и наблюдается во всѣхъ приведенныхъ нами инстанціяхъ допускающихъ апелляцію; но если допустить апелляцію по уголовнымъ дѣламъ, то нѣтъ сомнѣнія, что по всѣмъ важнѣйшимъ процессамъ подсудимые будутъ апеллировать, хотя бы для того только, чтобы отсрочить исполненіе казни. Неминуемымъ послѣдствіемъ подобныхъ апелляцій будетъ то, что если апелляціонный судъ будетъ судить безъ присяжныхъ, то самъ институтъ присяжныхъ будетъ отмѣненъ по всѣмъ важнѣйшимъ преступленіямъ, потому что рѣшеніе апелляціоннаго суда сдѣлается важнѣе вердикта присяжныхъ, чувство же отвѣтственности въ присяжныхъ пропорціонально тому ослабѣетъ.

Эти доводы достаточны для показанія что настоящій апелляціонный судъ вовсе не требуется для уголовныхъ дѣлъ. Подобное заключеніе не противорѣчитъ нисколько тому, что въ уголовномъ

правосудіи замѣченъ важный недостатокъ, доказываемый появленіемъ случаевъ подобныхъ дѣлу Смиферста. Судъ присяжныхъ вообще есть превосходное учрежденіе, хотя иногда онъ дѣлаетъ промахи, большею частью вслѣдствіе того, что въ данномъ случаѣ столкновеніе противуположныхъ доказательствъ не вывело наружу всю истину. Эта неполнота проистекаетъ или изъ того, что адвокатъ по своимъ соображеніямъ не предъявилъ извѣстныхъ доказательствъ, или что онъ не понялъ настоящаго значенія и важности представленныхъ доказательствъ. По дѣлу Смиферста по неизвѣстнымъ причинамъ ни одна ни другая сторона не настаивали особенно на фактѣ беременности миссъ Бэнксъ, химическіе вопросы остались неисчерпанными и дневникъ подсудимаго не былъ предъявленъ присяжнымъ. Подобные пропуски являются необходимыми послѣдствіями того, что адвокаты смотрятъ на процессъ, какъ на состязаніе. Въ 1859 священникъ Гэчъ (Hatch) былъ осужденъ за неблагопристойное нападеніе на женщину. Онъ имѣлъ свидѣтелей, которыхъ адвокатъ его не позвалъ въ судъ, по своимъ соображеніямъ. Впослѣдствіи главный свидѣтель по дѣлу Гэча былъ уличенъ въ клятвопреступленіи показаніями тѣхъ людей, на которыхъ защита Гэча могла бы сослаться. Адвокатъ Гэча имѣлъ конечно свои резоны почему онъ не позвалъ сихъ послѣднихъ, но въ интересѣ истины было бы весьма желательно, чтобы они были позваны. И такъ англійское судопроизводство нуждается нынѣ только въ снарядѣ, отвращающемъ промахи, которые въ особенно трудныхъ и сложныхъ дѣлахъ бываютъ пораждаемы приложеніемъ къ нимъ метода изслѣдованія, самаго лучшаго, какой только есть для дѣлъ обыкновенныхъ.

Необходимость этого снаряда явствуетъ изъ контроля надъ вердиктами присяжныхъ, который находится нынѣ въ рукахъ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ. Современная практика не только сознаетъ зло, но и изобрѣла во отвращеніе его средство въ сущности вполнѣ справедливое, но употребляемое безъ разбора и ненадлежащимъ образомъ. Самъ принципъ вѣренъ въ томъ отно-

шеніи, что даетъ въ руки правительству полную власть допускать апелляцію. Примѣненіе этого начала дурное, потому что функція въ сущности судебная исправляется судилищемъ неправильнымъ, состоящимъ изъ одного только сановника, который не обладаетъ спеціальными юридическими познаніями, ни опытомъ по части суда, который не допрашиваетъ свидѣтелей, не приводитъ никого къ присягѣ и который завершаетъ свое безформенное производство тѣмъ, что испрашиваетъ подсудимому прощеніе въ винѣ по причинѣ его невинности.

Лучшимъ средствомъ для предотвращенія этого порядка вещей было бы установленіе настоящаго суда, обязаннаго совершать явно и формально то же самое, что статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ совершаетъ теперь секретно. Можно бы поставить статутомъ, что когда министръ статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ найдетъ, что послѣ осужденія кого-нибудь за преступленіе, открыты были новыя доказательства или новые поводы сомнѣваться въ подлинности или въ точности доказательствъ, предъявленныхъ суду, или когда судья судившій дѣло, остался не доволенъ вердиктомъ, въ такомъ случаѣ статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ можетъ нарядить судъ, состоящій изъ судьи судившаго дѣло, изъ другаго вестминстерскаго судьи и изъ самого статсъ-секретаря; судъ этотъ вызываетъ свидѣтелей, допрашиваетъ, какъ ихъ самихъ, такъ и подсудимаго, при открытыхъ дверяхъ; выслушиваетъ, если ему угодно, адвокатовъ и постановляетъ, наконецъ, рѣшеніе подтверждающее, кассирующее или видоизмѣняющее вердиктъ присяжныхъ по своему усмотрѣнію. Для сохраненія конституціоннаго авторитета присяжныхъ надлежало бы постановить положительно, въ видѣ условія, отъ котораго зависитъ нарядъ предполагаемаго суда, чтобы статсъ-секретарь удостовѣрилъ при этомъ нарядѣ, что открыты новыя доказательства, или чтобы судья судившій дѣло удостовѣрилъ, что онъ остался недоволенъ вердиктомъ. Такимъ образомъ, прерогатива помилованія была бы заключена въ свои надлежащіе предѣлы, то есть она ограничилась бы смягченіемъ строгости наказа-

ній въ нѣкоторыхъ особенныхъ случахъ; практика покончила бы съ нелѣпостью прощенія вины по причинѣ невинности, публика же узнала бы изъ приговора окончательнаго и пользующагося авторитетомъ, на какомъ основаніи отмѣненъ вердиктъ присяжныхъ.

Это преобразованіе не исправитъ однако, одного важнаго злоупотребленія. Оно послужитъ гарантіею противъ неосновательныхъ осужденій, но не противъ неосновательныхъ оправданій. Такъ какъ веденіе дѣла зависитъ цѣликомъ отъ адвокатовъ, то цѣлыя существенныя части его бываютъ часто скрываемы отъ присяжныхъ. Въ дѣлѣ Гэча, напримѣръ, тѣ свидѣтели, которыхъ показанія обнаружили потомъ, что онъ былъ осужденъ напрасно, должны бы были быть вызваны въ судъ, въ общественномъ интересѣ, въ чью бы пользу не послужили ихъ показанія, въ пользу ли обвиненія или защиты. Въ настоящее время адвокаты каждой изъ сторонъ могутъ воздерживаться отъ вызова въ судъ достовѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ, потому только что они боятся, вызвавъ ихъ, помочь другой сторонѣ. Хотя бы судья и нашелъ при судоговоренія, что свидѣтели скрыты, онъ не имѣетъ никакого средства исправить зло, за исключеніемъ того, что онъ можетъ замѣтить присяжнымъ, что свидѣтели не вызваны. Онъ долженъ бы имѣть власть потребовать ихъ въ судъ и въ крайнемъ случаѣ даже отсрочить засѣданіе по дѣлу, пока они не будутъ вызваны и отпустить присяжныхъ, когда окажется, что вердиктъ былъ бы построенъ на недостаточныхъ доказательствахъ.

Таковы замѣчанія, которыя можно сдѣлать по главнымъ частямъ англійскаго уголовнаго судопроизводства. Если смотрѣть на него какъ на одно цѣлое, то нельзя отказать ему въ томъ, что оно представляетъ собою благородную, гуманную и великодушную систему, весьма благопріятную для недѣлимыхъ и свободную для всякаго оттѣнка той заносчивой трусости, которая домогается наказанія кого-нибудь, во что бы то ни стало, ради защиты общества. Нельзя однако не сознаться, что эта благородная система имѣетъ многіе недостатки и что вслѣдствіе нерадѣнія о принципахъ и упу-

щенія ихъ она производитъ иногда тѣ самыя притѣсненія, которыя она должна была предотвращать. Законодатели англійскіе весьма склонны противупоставлять неразумное стѣсненіе, неразумному послабленію, т. е., выбивать клинъ клиномъ и предполагаютъ, что они не могутъ дѣлать промаховъ на практикѣ, потому что они явно пренебрегаютъ всякою теоріею. Вообще, однако, недостатки уголовнаго права должны быть лечимы осторожно и съ величайшею осмотрительностью, чтобы не испортить и не помрачить его весьма свободный и благородный характеръ.

Нѣтъ зрѣлища, которое бы лучше годилось для удовлетворенія массы, для наученія ея смотрѣть на правительство какъ на друга, для преподаванія ей уроковъ правды, деликатности, умѣренности и уваженія къ правамъ другихъ лицъ, въ особенности къ правамъ слабыхъ и злыхъ, какъ именно видъ отправленія уголовнаго правосудія въ Англіи. Нельзя не быть тронутымъ, когда видишь, какъ судья, достигнувши важнаго занимаемаго имъ поста, вслѣдствіе необыкновеннаго сочетанія таланта, труда и счастія, напрягаетъ всѣ свои умственныя способности, чтобы уразумѣть и разобрать ту едва понятную смѣсь вопросовъ и показаній, ту утомительную дичь и чепуху, которую несетъ какой-нибудь запуганный до нельзя бѣднякъ. Чрезвычайный просторъ дѣйствія, даваемый подсудимому въ судѣ, дѣлаетъ величайшую честь англійскому судопроизводству. Подсудимый не подвергается выговору за самыя дикія выходки свои, за исключеніемъ прямаго оскорбленія наносимаго суду или свидѣтелю [1]).

---

[1]) Замѣчанія одного иностраннаго писателя оказываются и теперь еще вполнѣ согласными съ дѣйствительностью, хотя они писаны назадъ тому сорокъ лѣтъ. «Всѣ говорятъ въ Англіи и то же самое повторяется и во Франціи, что англійскіе судьи, суть защитники виновныхъ. Это избитое замѣчаніе, которое слышалось въ устахъ даже низшихъ классовъ общества, доказываетъ въ какой степени англійскій народъ увѣренъ въ правосудіи, мягкости и гуманности своихъ судей. Это замѣчаніе вполнѣ справедливое, не даетъ полнаго понятія о защитѣ удѣляемой судью подсудимому. Судья обращается съ нимъ, какъ съ несчастнымъ человѣкомъ, а его благосклонность находитъ сильную поддержку въ

Великодушное и достойное состраданіе къ несчастію, хотя бы это несчастіе было несчастіемъ преступленія, составляетъ драгоцѣнное качество; оно въ значительной степени заслоняетъ собою и даже оправдываетъ въ глазахъ поверхностныхъ наблюдателей несомнѣнные недостатки, одушевляемой этимъ началомъ системы. Одна изъ главныхъ причинъ, почему слѣдуетъ отмѣчать и стараться исправить эти недостатки, заключается въ томъ, что они суть пятно въ красотѣ учрежденія, которое англійскій юристъ вправѣ назвать практическою школою правды, нравственности и снисхожденія.

присутствующей на судѣ публикѣ, народѣ, адвокатахъ и присяжныхъ». *Cottu*, О ходѣ правосудія въ Англіи стр. 91. Въ примѣръ простора, даваемаго подсудимому, можно сослаться на дѣло Роша (Rush). Его допустили допрашивать по цѣлымъ днямъ свидѣтелей перекрестнымъ допросомъ, и не останавливали, пока онъ не дошелъ до наглѣйшаго оскорбленія всякой благопристойности и самой человѣческой природы. Защита Гона (Hone) служитъ доказательствомъ того же самаго снисхожденія.

ГЛАВА VII.

НАЧАЛА ДОСТОВѢРНОСТИ ВЪ СВЯЗИ ИХЪ СЪ УГОЛОВНЫМЪ ПРАВОМЪ.

Введеніе въ область теоріи доказательствъ. Дѣленіе ея на части.

I. Что такое доказательство? — Повѣрка того, какіе факты могутъ служить доказательствами.

II. Что такое убѣжденіе? — Мнѣнія о существѣ убѣжденія. — Его естественная исторія. — Почему люди убѣждаются? — Участіе воли въ убѣжденіи. — Побудительныя причины составленія убѣжденій. — Степени убѣжденія. — Проектъ Бэнтама выражать ихъ числами.

III. Какимъ образомъ доказательства порождаютъ убѣжденіе? — Моменты процесса образованія убѣжденія. — Матерія и форма въ убѣжденіи.

Заключеніе изъ доказательства объ истинѣ утвержденнаго имъ факта. — Доказательства вещественныя и словесныя. — Вѣроятность и относительный вѣсъ показанія. — Различіе въ понятіяхъ: вѣроятное и возможное. — Различіе въ понятіяхъ о вѣроятности и о шансахъ. — Математическая оцѣнка силы доказательствъ.

Заключеніе изъ принимаемыхъ за истину фактовъ объ истинѣ искомаго заключенія. — Начала логики въ примѣненіи выводовъ изъ отдѣльныхъ фактовъ и изъ совокупности многихъ фактовъ. — Безусловная достовѣрность. — Сужденія по неполнымъ доказательствамъ. — Измѣреніе вѣса судебнаго доказательства. — Значеніе правилъ о доказательствахъ.

Дѣленіе доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя. — Основанія дѣленія. — Доводы его несостоятельности. — Всякое доказательство есть обстоятельственное относительно намѣренія виновника. — Безполезность дѣленія. — Оно вводитъ въ заблужденіе присяжныхъ относительно существа ихъ обязанностей. — Одинаковая сила прямыхъ и обстоятельственныхъ доказательствъ. — Фраза: обстоятельственное доказательство годится только для софизмовъ.

Теорія доказательствъ составляетъ самую характеристическую и самую интересную часть уголовнаго судопроизводства. Мы старались указать въ I главѣ на ея происхожденіе въ Англіи. Она образуетъ нынѣ одну изъ самыхъ обширныхъ отраслей законодательства и почерпаетъ свое содержаніе изъ множества статутовъ и изъ цѣлыхъ тысячъ судебныхъ приговоровъ [1]). Мы не беремся за основательное изложеніе столь обширнаго предмета въ такомъ сочиненіи какъ наше, но мы не можемъ обойти этотъ предметъ, потому что это значило бы выпустить самыя характеристическія черты при описаніи англійскаго судопроизводства. Мы ограничимся указаніемъ въ настоящей главѣ принциповъ, на которыхъ должны основываться, по нашему мнѣнію, правила о доказательствахъ и на которыхъ основываются большею частью нынѣ существующія правила о доказательствахъ англійскаго судопроизводства. Слѣдующая глава будетъ посвящена очерку англійскихъ правилъ о доказательствахъ и ихъ важнѣйшихъ практическихъ примѣненій.

Первый вопросъ, который ставится по этому предмету, со-

---

[1]) М-г. Pitt *Taylor*, писавшій сочиненіе о теоріи доказательствъ, пользовался слишкомъ 5,000 судебныхъ рѣшеній.

стоитъ въ томъ: съ какою цѣлью устанавливаются правила о доказательствахъ? Они устанавляются для разныхъ цѣлей. Одни изъ нихъ опредѣляютъ, какая должна быть санкція предлагаемыхъ доказательствъ; другія опредѣляютъ какимъ образомъ должны быть избираемы доказательства; третьи — годность и достовѣрность свидѣтелей; четвертыя — достовѣрность доказательствъ вообще. Тѣ правила, которыя относятся къ способности свидѣтельствовать свидѣтелей и къ силѣ ихъ показаній, а равно къ достовѣрности доказательствъ вообще опираются на начало, что полезно, чтобы на уста извѣстнаго рода лицъ наложено было молчаніе, или чтобы извѣстнаго рода факты не были принимаемы въ соображеніе присяжными. Всѣ они должны опираться на общіе принципы, касающіеся того, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ люди должны составлять себѣ мнѣнія объ истинѣ, или лживости положеній о извѣстныхъ фактахъ. Въ настоящей главѣ мы постараемся изобразить эти общіе принципы, на сколько они приложимы къ уголовнымъ англійскимъ процессамъ.

Вердиктъ присяжныхъ въ уголовномъ судѣ можетъ быть сформулированъ такимъ образомъ: „Мы присяжные убѣждены, что извѣстныя положенія, изложенныя въ обвинительномъ актѣ согласны съ истиной, потому что мы слышали извѣстныя показанія извѣстныхъ людей и осматривали извѣстные вещественные, предъявленные намъ предметы“.

Убѣжденіе (belief) присяжныхъ есть искомый результатъ. Слова показаній и предъявленныя вещи суть доказательства. Выслушаніе первыхъ и осмотръ послѣднихъ суть дѣйствующія причины убѣжденія присяжныхъ, законы же достовѣрности (или теорія доказательствъ) суть тѣ правила, которыми законодатель предписываетъ, какого рода доказательства и какимъ образомъ должны быть предлагаемы присяжнымъ. Совершенство теоріи доказательствъ вообще заключается въ томъ, чтобы она была основана на правильномъ понятіи существа искомыхъ послѣдствій и способовъ, которыми указанныя нами причины производятъ эти послѣд-

ствія. Совершенство всякой положительной системы судебныхъ доказательствъ, зависитъ отъ того, какъ отвѣчаютъ они на слѣдующіе вопросы:

Что такое доказательство?

Что такое убѣжденіе?

Какимъ образомъ доказательства порождаютъ убѣжденіе?

Каждому изъ этихъ вопросовъ посвящена будетъ особая статья.

I.

Что такое доказательство?

Всѣ извѣстные намъ факты, видимые или невидимые, внутренніе или внѣшніе связуются въ одну нескончаемую цѣпь, которую мы называемъ связью причинъ и слѣдствій. Природа вещей такова, что люди способны изъ существованія какого-нибудь факта, заключать о существованіи въ прошедшемъ или въ будущемъ, другихъ фактовъ. Изъ отпечатка ноги на мягкой почвѣ, мы заключаемъ, что чья-то нога ступала по этой почвѣ. Изъ того факта, что нѣкто ставитъ ногу на мягкій грунтъ, мы заключаемъ, что по совершеніи имъ движенія, отпечатокъ ноги появится на почвѣ. Какой-нибудь опредѣленный фактъ или группа фактовъ, употребляемыхъ съ цѣлью заключить изъ нихъ о существованіи другаго факта, называется доказательствомъ сего послѣдняго. Положимъ, что поставленъ вопросъ умеръ ли Джонъ Смитъ или живъ? А говоритъ: „я знаю Джона Смита и видѣлъ его мертвымъ“. В говоритъ: „я знаю Джона Смита, видалъ его лежащаго въ постелѣ и сильно больнаго. Вскорѣ потомъ я услыхалъ что онъ умеръ, видѣлъ похороны, самъ участвовалъ въ проводахъ и слышалъ, что это похороны Смита; я видѣлъ какъ погребальное шествіе начиналось у дома Смита и направилось на кладбище, гдѣ и опущенъ былъ въ землю гробъ, на которомъ надписана была его фамилія.“

C говоритъ: „Z сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ X, что Джонъ Смитъ умеръ“. D говоритъ: „мнѣ снилось, что Джонъ Смитъ умеръ“. Каждый изъ этихъ фактовъ можетъ служить доказательствомъ смерти Джона Смита, когда ихъ станутъ употреблять съ цѣлью вывести заключеніе, что Джонъ Смитъ дѣйствительно умеръ. Показанія A и B будутъ вообще принимаемы за убѣдительныя, показаніе C будетъ признано весьма сомнительнымъ, показаніе же D будетъ сочтено вздорнымъ и можетъ подѣйствовать только на людей, исполненныхъ суевѣрія. Эта мысль можетъ еще быть выражена такимъ образомъ: показанія A и B суть хорошія доказательства, а показаніе D есть несостоятельное доказательство смерти Смита. Впрочемъ, этотъ способъ выражаться неправиленъ; вопросъ о томъ, служитъ ли одинъ фактъ доказательствомъ другому факту, зависитъ отъ способа употребленія перваго изъ нихъ. Если бы люди имѣли обычай вѣрить снамъ, тогда бы показаніе лица, которому приснилась смерть Смита было бы достаточнымъ доказательствомъ его смерти. Вопросъ о томъ: благоразумно ли принимать за доказательство смерти Смита то или другое обстоятельство, зависитъ отъ отвѣта на другой вопросъ: приводитъ ли на дѣлѣ къ правильному убѣжденію обычай заключать изъ того, что сонъ приснился о томъ, что приснившееся сбылось?

Такимъ образомъ, поставленная задача рѣшается посредствомъ силлогизма. Въ этомъ силлогизмѣ, доказательство образуетъ меньшую посылку; слѣдуетъ только удостовѣриться, согласно ли лицо выводящее заключеніе принять на вѣру и большую посылку, которая содержится въ меньшей. Если обернемъ силлогизмъ въ случаѣ, который мы изучали, то получимъ его въ слѣдующемъ видѣ:

Джонъ Смитъ умеръ (заключеніе);

D приснилось, что онъ видѣлъ Смита умершимъ (меньшая посылка); и

Когда кому снится, что другой человѣкъ умеръ, то сей послѣдній въ самомъ дѣлѣ умеръ (большая посылка);

Можно большую посылку видоизмѣнять еще такимъ образомъ:

„когда D снится, что кто нибудь умеръ, то этотъ человѣкъ умеръ“, или: когда D *при извѣстныхъ условіяхъ* снится и т. д. Если лицо доискивающееся, живъ ли Смитъ или умеръ, не готово усвоить себѣ одно изъ этихъ общихъ предложеній, то для него сонъ D не можетъ служить доказательствомъ; если оно готово, то сонъ D будетъ для него достаточнымъ доказательствомъ. Кто вѣритъ въ спиритизмъ, тому шумъ и постукиваніе служатъ доказательствами истины того, что выражаютъ будто бы духи этими знаками. Что таково настоящее значеніе доказательствъ, явствуетъ изъ соображенія, что въ противномъ случаѣ не мыслимо было бы доказательство ложнаго предложенія. Два свидѣтеля показали облыжно, что они видѣли какъ А бралъ заемное письмо. Не служатъ ли ихъ присяжныя удостовѣренія доказательствомъ, что А бралъ заемное письмо? На дѣлѣ оказывается, что А не бралъ письма; ложное заключеніе должно и здѣсь опираться на ложную большую посылку, обыкновенно принимаемую на вѣру. Въ данномъ случаѣ, эта бо́льшая посылка состоитъ въ слѣдующемъ: „правдоподобные разсказы достовѣрныхъ свидѣтелей истинны“, ошибка же проистекаетъ изъ непринятія въ разсчетъ того, что общее правило подлежитъ весьма многимъ исключеніямъ въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ.

Приведенные нами примѣры объясняютъ сущность понятія о доказательствѣ. Общія наблюденія людей надъ міромъ окружающимъ ихъ, міромъ вещей и міромъ людей, воплощаются болѣе или менѣе явственно и сознательно въ извѣстное число общихъ положеній. Эти общія положенія образуютъ большія посылки (онѣ большею частью подразумѣваются) заключеній, которыя мы выводимъ на каждомъ шагу и по каждому случаю. Все то, что можетъ быть обращено въ меньшую посылку, соотвѣтствующую которой нибудь изъ большихъ, служитъ доказательствомъ сей послѣдней. Большія посылки достовѣрны въ весьма различной степени. Многія изъ нихъ ложныя. Немногія вполнѣ опредѣлительны, за исключеніемъ тѣхъ, кои относятся къ сравнительно простымъ явленіямъ, напри-

мѣръ, къ отношеніямъ пространствъ и чиселъ. Почти всѣ онѣ требуютъ точнѣйшей характеристики и не досказываемыхъ въ нихъ ограниченій, такъ что они понимаются людьми вообще неясно.

Для поясненія приведемъ примѣры. Важнѣйшая изъ большихъ посылокъ въ примѣненіи къ правосудію есть та, что люди обыкновенно сказываютъ подъ присягою правду о вѣдомыхъ имъ фактахъ. Это такое всеобщее убѣжденіе, вслѣдствіе котораго слова: „я видѣлъ, какъ это случилось“ принимаются за доказательство, что сказываемое дѣйствительно случилось. Но ограниченія, коимъ подлежитъ большая посылка, о которой мы говоримъ, столь многочисленны, столь сложны и столь существенно важны, что едва ли есть задача труднѣе опредѣленія, какую степень вѣры слѣдуетъ дать голословному утвержденію неизвѣстнаго лица о томъ, что такое-то происшествіе случилось. Оно служитъ доказательствомъ истины происшествія, то есть оно принадлежитъ къ разряду фактовъ обыкновенно связуемыхъ по категоріи причинности съ другими фактами, о существованіи которыхъ идетъ рѣчь — вотъ все что можно сказать по этому предмету.

Поставимъ примѣръ совершенно противуположный первому. Вопросъ состоитъ въ томъ, взошелъ ли мѣсяцъ въ данную ночь, въ данное время. Представленъ мѣсяцесловъ, по которому слѣдуетъ, что взошелъ. Въ этомъ случаѣ, заключеніе состоитъ въ томъ, что мѣсяцъ взошелъ тогда-то. Меньшая посылка будетъ состоять въ томъ, что мѣсяцесловъ удостовѣряетъ, что мѣсяцъ взошелъ тогда-то. Большая посылка будетъ: все то вѣрно, что удостовѣряетъ мѣсяцесловъ о восхожденіи мѣсяца. Связь между меньшею посылкою и заключеніемъ здѣсь столь же явственная и прямая, какъ и въ случаѣ удостовѣренія чего нибудь очевидцемъ, но большая посылка утверждается съ гораздо бо̀льшею силою и съ меньшимъ числомъ ограниченій; отсюда слѣдуетъ что доказательство во второмъ примѣрѣ гораздо убѣдительнѣе, нежели въ первомъ. И такъ мы имѣемъ дѣло съ двумя отдѣльными, хотя и тѣсно связанными между собою вопросами: что такое доказательство? и какова убѣ-

дительная сила извѣстнаго доказательства? Все то можетъ служить доказательствомъ, что составляетъ частный случай общаго правила, которое судья готовъ принимать за истину. Убѣждающая сила или вѣсъ доказательства зависитъ отъ степени увѣренности, съ которою судья готовъ утверждать истину общаго правила, и отъ ясности и полноты выраженія этого общаго правила. Мы займемся разборомъ вѣса доказательствъ или убѣждающей силы, подобающей каждому изъ нихъ, въ статьѣ о томъ, какимъ образомъ доказательства порождаютъ убѣжденіе. Теперь мы попробуемъ изслѣдовать существо убѣжденія.

II.

Что такое убѣжденіе?

Человѣкъ убѣжденъ въ какомъ нибудь положеніи, когда онъ думаетъ, что это положеніе истинно. Слѣдуетъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ такое настроеніе ума? Умъ можетъ относиться четырьмя способами къ извѣстному предложенію. Человѣкъ можетъ быть убѣжденъ въ чемъ нибудь или думать, что это предложеніе истинно. Онъ можетъ быть убѣжденъ въ противномъ или думать, что это предложеніе ложно. Онъ можетъ сомнѣваться, то есть онъ можетъ думать о предложеніи, не рѣшая, считаетъ ли онъ это предложеніе истиннымъ или ложнымъ. Наконецъ, онъ можетъ быть равнодушенъ къ предмету и не думать о немъ вовсе. Всякій человѣкъ долженъ непремѣнно состоять въ одномъ изъ этихъ отношеній ко всякому предложенію, какое только мыслимо.

Два мнѣнія о существѣ убѣжденія сдѣлались знаменами двухъ противуположныхъ школъ философскихъ. Одни утверждали, что уму человѣческому врождена склонность вѣрить и что эта склонность и есть собственно основаніе довѣрія нашего къ свидѣтельству. Другіе утверждали, что единственная настоящая причина убѣжденія заключается въ наблюдаемомъ посредствомъ опыта со-

гласіи свидѣтельства съ свидѣтельствуемыми имъ фактами. Намъ кажется, что это два отдѣльные вопроса; каждая изъ школъ даетъ частный отвѣтъ на одинъ изъ нихъ, но для полнаго уразумѣнія предмета надлежитъ отвѣтить удовлетворительно на оба. Первый изъ этихъ вопросовъ состоитъ въ томъ, какъ на самомъ дѣлѣ убѣждаются люди? или иными словами: какова естественная исторія убѣжденія? Второй вопросъ состоитъ въ томъ, чѣмъ и въ чемъ люди должны убѣждаться? или иными словами: на какихъ основаніяхъ и до какихъ предѣловъ позволительно людямъ убѣждаться? Очевидно, что для полнаго уразумѣнія предмета надлежитъ имѣть полный отвѣтъ на эти вопросы, потому что наши инстинкты могутъ увлекать насъ и служить не проводниками, а ловушками. Инстинкты человѣка ведутъ его ко многому весьма нежелательному. Великая задача и нравственности и права заключается въ томъ, чтобы вразумленіемъ или силою заставить людей обходиться разумнымъ образомъ со внушеніями инстинкта.

Вопросъ о томъ, какова естественная исторія убѣжденія? есть вопросъ психологическій и метафизическій и имѣетъ мало общаго съ правилами о доказательствахъ. Очень вѣроятно, что первый шагъ человѣка къ убѣжденію заключается въ умѣніи говорить. Дѣти думаютъ, вѣроятно, посредствомъ воспроизведенія въ умѣ представленій, образовъ и звуковъ, прежде чѣмъ пріучатся говорить. Вѣроятно, что по мѣрѣ того какъ они привыкаютъ отличать слухомъ отдѣльныя слова, въ умѣ ихъ начинается сочетаніе этихъ словъ съ изображаемыми ими предметами, то есть съ умственными представленіями предметовъ. Находя по опыту, что слова соотвѣтствуютъ внѣшнимъ предметамъ и что они имѣютъ свойство вызывать тѣ умственныя представленія, которыя въ дѣтствѣ кажутся человѣку столь же реальными, какъ и самъ міръ внѣшній, люди быстро привыкаютъ убѣждаться въ томъ, что каждому сказанному слову соотвѣтствуетъ нѣчто реальное. Иными словами, люди съ дѣтства привыкаютъ убѣждаться во всемъ, что они слышатъ. Допущеніе, независимо отъ этого объясненія, еще иного какого-то инстин-

кта заставляющаго насъ вѣрить и пріискивать въ оправданіе этого инстинкта особые резоны, кажется мнѣ совершенно произвольною ипотезею, похожею на ту *virtus dormitiva*, присущую опіуму, которая будто бы дѣлаетъ опіумъ способнымъ наводить сонъ [1]).

Какъ бы то не было, не подлежитъ сомнѣнію, что такъ или иначе люди пріобрѣтаютъ съ малолѣтства и сохраняютъ во всю жизнь сильное расположеніе вѣрить во все, что имъ говорится. Всякая задача, состоящая въ связи съ достовѣрностью, вертится вокругъ вопроса: какіе принципы должны руководить этою наклонностью? или иными словами: на какихъ основаніяхъ и до какихъ предѣловъ позволительно людямъ убѣждаться?

На первый взглядъ вопросъ можетъ показаться дѣтскимъ. Причина, почему я убѣждаюсь, та, что я не могу не убѣдиться. Пробовать сомнѣваться въ истинѣ результатовъ таблички умноженія, значитъ то же, что пробовать поднять рукою тяжесть въ десять тоннъ. Еслибы этотъ взглядъ на убѣжденія былъ вѣренъ, то изъ него бы слѣдовало, что есть показатель достовѣрности независимый отъ лицъ и отъ обстоятельствъ, къ которымъ онъ примѣняется; если это такъ, то цѣль правилъ о доказательствахъ должна состоять въ принятіи мѣръ, чтобы доказательства, предлагаемыя по дѣлу, подходили какъ разъ подъ этотъ показатель. Таково начало, на которомъ построена старинная теорія доказательствъ материка Европы. Прямое удостовѣреніе такого-то числа свидѣтелей есть *plena probatio*. За тѣмъ идетъ *minus plena probatio*, потомъ *semiplena major* и *semiplena minor*. Слагая извѣстное число полудоказательствъ, напримѣръ счетныя книги купца съ его

---

[1]) Demandatur a me
Doctissimo doctore
Quare opium facit dormire?
Et ego respondeo:
Quia est in eo
Virtus dormitiva
Cujus natura est assoupire.
(Molière).

дополнительною присягою, можно получить въ суммѣ доказательство полное. На этомъ-то основаніи употребляема была и пытка, для полученія признанія въ винѣ. Признаніе разсматриваемо было какъ доказательство дополнительное къ тѣмъ, обстоятельствамъ, которыя считались опровдывающими ея примѣненіе [1]).

Очевидно эти доказательства суть причины убѣжденія. Весьма важно знать, измѣряется ли эта способность доказательства производить убѣжденіе одними только присущими ему качествами или еще и настроеніемъ ума убѣждающагося лица? Опытъ доказываетъ, что хотя данный человѣкъ не имѣетъ въ данный моментъ выбора въ томъ, хочетъ ли онъ или не хочетъ убѣдиться въ истинѣ извѣстныхъ предложеній, но что посредствомъ воспитанія и посредствомъ пріобрѣтенныхъ умственныхъ привычекъ всякое лицо вообще можетъ довести себя до того, что оно будетъ въ чемъ угодно убѣждаться или ни во что не вѣрить. Милліоны вѣровали фанатически въ предложенія, противныя ихъ разуму и чувствамъ. Если бы того потребовала непремѣнно религія или политика, то можно было бы пріучить народъ сомнѣваться въ простѣйшихъ аксіомахъ геометріи и арифметики. Такъ какъ привычка убѣждаться, подобно всѣмъ другимъ нашимъ привычкамъ, состоитъ подъ нашимъ собственнымъ контролемъ, то спрашивается: при какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ давать волю этой привычкѣ?

Природѣ человѣческой присуще желаніе дѣйствовать и притомъ дѣйствовать съ успѣхомъ. Но мы такъ устроены, что всѣ наши дѣйствія предполагаютъ убѣжденіе, міръ же притомъ такъ устроенъ, что всѣ успѣшныя дѣйствія предполагаютъ убѣжденіе согласное съ истиною. Основная причина, ради которой мы убѣж-

---

[1]) Заимствуемъ отъ Бэнтама слѣдующую выдержку изъ Гейнекція: Juris interpretes probationem in plenam et minus plenam, et hanc iterum in semiplenâ majorem et semiplenâ minorem dispescunt. Quamvis verius sit juris Romani principiis unius testimonium plene non admittendum esse licet praeclaro curiæ honore praefulgeat; adeoque non meliorem esse conditionem ejus qui semiplene, quam ejus qui nihil probavit, 1 Bentham, Rat. Jud. Ev. 95. Новѣйшій примѣръ того же въ австрійскомъ уголовномъ кодексѣ, разд. X. ст. 396—414.

даемся, та, что безъ убѣжденія мы не можемъ дѣйствовать. Причина, ради которой мы стараемся убѣдиться въ истинѣ, та, что безъ вѣрнаго убѣжденія въ истинѣ мы не можемъ дѣйствовать успѣшно. И такъ настоящая причина, заставляющая насъ стараться убѣждаться въ истинѣ, заключается не въ чистой любви къ истинѣ, но въ выгодахъ, проистекающихъ изъ убѣжденія въ истинѣ, въ противуположности съ убѣжденіемъ во лжи. Положеніе, что въ царствованіе Георга II такой-то человѣкъ жилъ въ такомъ-то домѣ въ Лондонѣ можетъ быть вполнѣ согласно съ истиной, но едвали одинъ человѣкъ на десять милліоновъ заинтересуется этимъ фактомъ и сдѣлаетъ его предметомъ своего убѣжденія. Съ другой стороны причина, почему мы вѣримъ табличкѣ умноженія, заключается не въ ея истинѣ, но въ практической пользѣ, вытекающей изъ ея истины. Еслибы всѣ дѣла житейскія, со включеніемъ нравственнаго и умственнаго воспитанія могли быть столь же хорошо ведены лицомъ убѣжденнымъ въ томъ, что дважды два шесть, какъ и тѣмъ кто убѣжденъ, что дважды два четыре, то не было бы никакого основанія отдавать предпочтеніе одному изъ этихъ предложеній предъ другимъ. И такъ убѣжденіе не есть отпечатокъ, оставляемый въ умѣ нашемъ, пассивнымъ созерцаніемъ фактовъ внѣшняго міра, но оно есть дѣятельная привычка, предполагающая участіе въ ней воли.

Надобно замѣтить, что эти начала ни въ какомъ отношеніи не умаляютъ важности истины или обязанности нашей искать истины, они только показываютъ почему исполненіе этой обязанности столь существенно необходимо. Прибавимъ еще для устраненія нѣкоторыхъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы по этой статьѣ, что польза отъ способности приходить къ истиннымъ убѣжденіямъ не зависитъ отъ пользы, доставляемой существованіемъ предмета, къ которому относится убѣжденіе. Весьма полезно имѣть здоровыя легкія, но нѣтъ никакой важности въ томъ, имѣетъ ли извѣстное лицо ложное или истинное понятіе о состояніи легкихъ другаго лица.

Такъ какъ убѣжденіе предполагаетъ извѣстную самодѣятельность ума, то отсюда слѣдуетъ, что первый вопросъ, возникающій когда предлагается извѣстное положеніе съ цѣлію убѣдить другихъ, состоитъ въ томъ, имѣетъ ли лицо, которому предлагается это положеніе, достаточныя побудительныя причины для составленія себѣ мнѣнія о немъ. Если у этого лица нѣтъ подобныхъ побудительныхъ причинъ, то оно не нуждается въ принятіи или въ отрицаніи убѣжденія. Предложеніе будетъ носиться въ его умѣ, не порождая никакого опредѣленнаго мнѣнія. Всякая газета содержитъ десять или двадцать разсказовъ о процессахъ, которые просматриваются тысячами читателей. Едва ли одинъ читатель на 10,000 полагаетъ, что стоитъ вникнуть порядкомъ, въ который нибудь изъ этихъ процессовъ и составить себѣ мнѣніе о немъ. Каковъ бы не былъ предметъ размышленій, всеобщій опытъ доказываетъ, что согласное съ истиною мнѣніе или убѣжденіе есть всегда самое лучшее, каковы бы не были кажущіяся выгоды отъ выработанія себѣ ложнаго убѣжденія. Но тотъ же опытъ показываетъ, что во многихъ случаяхъ убѣжденіе такимъ образомъ выработанное бываетъ только тогда полезно, когда не только считается истиннымъ, но и на самомъ дѣлѣ согласно съ истиною; въ другихъ же случаяхъ зло, проистекающее отъ несоставленія себѣ какого бы то ни было убѣжденія бываетъ больше того, которое заключается въ рискѣ составить себѣ ложное убѣжденіе, которому подвергается лицо убѣждающееся поспѣшно.

Крайній примѣръ въ одномъ изъ обозначенныхъ нами направленій представляетъ математика. Изучающій математику имѣетъ побудительную причину составить себѣ мнѣніе объ истинѣ какой нибудь теоріи, которою онъ занимается; если убѣжденіе, къ которому онъ пришелъ, невѣрное, то лучше бы ему не имѣть никакого; посему онъ и откладываетъ трудъ составленія мнѣнія о теоріи до тѣхъ поръ, пока не переберетъ и не исчерпаетъ всѣ возможные взгляды на предметъ. Таковы бываютъ пріемы всякаго истинно-научнаго метода. Законы науки цѣнятся лишь тогда и на столько,

на сколько они истинны, и по этой причинѣ они усвоиваются только на основаніи сильнѣйшихъ доводовъ. Крайній примѣръ въ противуположномъ направленіи представляетъ намъ случай, когда человѣку предстоитъ внезапно рѣшиться на что нибудь важное. Нѣкто потерялся въ горахъ, онъ дошелъ до мѣста, въ которомъ дорога развѣтвляется на два пути, изъ которыхъ одинъ ведетъ къ дому, а другой къ крутому, непроходимому обрыву. Если онъ будетъ стоять на мѣстѣ, то по всей вѣроятности замерзнетъ, возвращаться же назадъ ему никакъ нельзя. Въ этомъ примѣрѣ зло отъ нерѣшимости больше, или по крайней мѣрѣ равно злу отъ дурной рѣшимости. Человѣкъ долженъ вдругъ составить себѣ мнѣніе, на возможно лучшихъ основаніяхъ, какія онъ въ состояніи немедленно открыть, послѣ чего онъ долженъ дѣйствовать, сообразуясь съ выработаннымъ, такимъ образомъ, рѣшеніемъ. Въ серединѣ между этими двумя крайними пунктами могутъ умѣститься всѣ дѣла житейскія самыя разнообразныя. Во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ требуется мнѣніе; во всѣхъ искомая цѣль заключается въ образованіи мнѣнія согласнаго съ истиной, но едва ли можно придумать два другія сочетанія обстоятельствъ, въ которыхъ бы оба соображенія о необходимости составить мнѣніе и о необходимости составить истинное мнѣніе стекались въ болѣе различныхъ пропорціяхъ и вліяли болѣе различнымъ образомъ на окончательную выработку убѣжденія.

Эти примѣры показываютъ, что убѣжденіе есть состояніе ума, допускающее безчисленное множество оттѣнковъ. Когда говорятъ, что путешественникъ убѣжденъ въ томъ, что путь, который онъ выбралъ, есть настоящій путь, ведущій куда слѣдуетъ, и когда говорятъ, что математикъ убѣжденъ въ истинѣ бинома Ньютона, то одно и тоже слово употребляется для обозначенія двухъ весьма различныхъ настроеній сознанія, изъ которыхъ ни одно, однако, непохоже на состояніе, которое можетъ быть выражено слѣдующею фразою: „я много думалъ объ этомъ и убѣжденъ, что меня надуваютъ“. Всѣ фразы однако въ которыхъ попа-

дается слово: „убѣжденъ“ (8° lieve), имѣютъ одинъ смыслъ въ общежитіи, а именно они обозначаютъ что я пришелъ къ заключенію. Здѣсь оканчиваются мои умственныя колебанія. Каково бы не было мое заключеніе, хорошее или дурное, я намѣренъ дѣйствовать на основаніи его не обинуясь, впредь до полученія болѣе полныхъ свѣдѣній. И такъ настоящій смыслъ слова: убѣжденіе слѣдующій. Оно обозначаетъ такое настроеніе сознанія, въ которомъ человѣкъ рѣшился дѣйствовать при всевозможныхъ обстоятельствахъ данпаго случая, руководствуясь извѣстнымъ положеніемъ принимаемымъ за истину.

Бэнтамъ полагалъ, что степени убѣжденія могутъ быть выражаемы числами, то есть что можно говорить: мое убѣжденіе о А равно 7 : 1, мое убѣжденіе о В равно 9 : 2 и т. д. Настоящій смыслъ подобнаго способа выраженій заключается въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, зависитъ отъ 8 или 11 одинаково вѣроятныхъ шансовъ, изъ которыхъ 7 или 9 ему благопріятны, а 1 или 2 неблагопріятны. Умственныя ощущенія не могутъ быть измѣряемы съ такою точностью, они слишкомъ неопредѣленны. Кромѣ того степени убѣжденія суть скорѣе степени устойчивости, нежели степени силы убѣжденія. Бываютъ моменты когда мыслъ о томъ, что избранный мною путя вѣренъ, стольже присуща моему уму и одобряема имъ, какъ и мысль о правильности извѣстной математической формулы, но послѣднее изъ этихъ убѣжденій несравненно прочнѣе коренится въ умѣ и упраздняется съ гораздо большимъ трудомъ. Въ обоихъ случаяхъ умъ пришелъ къ равновѣсію, но въ послѣднемъ къ устойчивому, а въ первомъ къ неустойчивому.

Объяснивши существо доказательства и убѣжденія, приступаю теперь къ великому вопросу о томъ, какимъ образомъ изъ перваго рождается послѣднее вообще, и въ особенности въ дѣлѣ суда.

III.

Какимъ образомъ доказательства порождаютъ убѣжденіе?

Доказательство извѣстнаго предложенія состоитъ изъ фактовъ, которые приводятся какъ основанія, изъ коихъ можно заключить объ истинѣ предложенія. Доказательство есть такимъ образомъ, меньшая посылка силлогизма, въ которомъ доказываемое предложеніе занимаетъ мѣсто заключенія. Для большей простоты я до сихъ поръ пропускалъ замѣчаніе, которое навязывается само собою. Обыкновенно въ общежитіи смѣшиваютъ подъ именемъ доказательства и само доказательство и заключеніе о томъ, что оно само по себѣ истинно. Обыкновенно разсуждаютъ такимъ образомъ: вопросъ въ томъ, укралъ ли А лошадь? доказательствомъ служитъ то, что лошадь найдена во владѣніи А въ ночь послѣдовавшую за ея потерею. Или: вопросъ въ томъ, существуетъ ли законъ тяготѣнія матеріи? доказательствомъ служитъ то, что всѣ небесныя тѣла движутся извѣстнымъ образомъ. Въ дѣйствительности данныя употребляемыя въ двухъ этихъ предложеніяхъ въ смыслѣ доказательствъ не суть еще факты, но только показанія свидѣтелей о фактахъ, настоящими же доказательствами являются удостовѣренія лица, видѣвшаго какъ А сѣдлалъ лошадь и удостовѣреніе астронома, который наблюдалъ свѣтила небесныя посредствомъ телескопа. Истина доказательства разсматриваемаго какъ отдѣльное предложеніе есть выводъ изъ факта, что извѣстное лицо утверждаетъ это предложеніе, фактъ же, что оно утверждаетъ это предложеніе, есть выводъ дѣлаемый слушателемъ изъ извѣстныхъ впечатлѣній, поразившихъ его собственныя чувства: зрѣніе и слухъ. Такимъ образомъ въ дѣятельности лица, которое должно составить себѣ мнѣніе объ извѣстномъ предметѣ, можно подмѣтить слѣдующіе моменты: 1) заключеніе о существованіи доказательства, выводимое изъ собственныхъ чувственныхъ впечатлѣній разсуждающаго лица; 2) заключеніе изъ

словъ свидѣтеля объ истинѣ утверждаемаго имъ положенія; 3) заключеніе изъ истины утверждаемаго свидѣтелемъ положенія объ истинѣ мнѣнія, которое разсуждающій долженъ себѣ составить. Правила, которыми обусловливаются правильныя заключенія составляютъ главный предметъ логики; такимъ образомъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ доказательства должны порождать убѣжденіе? есть вопросъ чисто логическій, на сколько онъ зависитъ отъ формы выводимыхъ заключеній. Но логика не имѣетъ ничего общаго съ самымъ содержаніемъ выводимыхъ заключеній. Предположите что свидѣтели говорятъ истину, тогда логика поможетъ вамъ привести ихъ показанія въ порядокъ, дать имъ симметрическій видъ, и показать въ какой степени будутъ они поддерживать положеніе, которое должно быть выведено изъ нихъ, но логика не можетъ касаться убѣждающей силы доказательства. — А. В. говоритъ: я былъ тогда-то въ такомъ-то мѣстѣ. Логика объяснитъ значеніе этого факта; она укажетъ ему приличное мѣсто среди множества другихъ фактовъ, но она не можетъ содѣйствовать ни въ чемъ рѣшенію вопроса существовалъ ли этотъ фактъ или нѣтъ?

Относительная важность формальной и матеріальной сторонъ въ заключеніяхъ бываетъ весьма различна смотря по роду изслѣдованій. На этомъ обстоятельствѣ основывается коренное различіе въ самыхъ методахъ изысканій. Въ изысканіяхъ научныхъ матеріальная сторона вывода, то есть заключеніе изъ показанія объ истинѣ показанія, рѣдко подлежитъ сомнѣнію, хотя, съ другой стороны процессъ наблюденія, то есть заключеніе изъ чувственныхъ впечатлѣній о дѣйствительномъ существованіи предмета къ которому они относятся, можетъ быть довольно тонокъ. За то формальная сторона вывода, то есть вопросъ о томъ, что доказываетъ фактъ? необычайно трудна и сложна и требуетъ порою сильнѣйшаго напряженія познавательныхъ способностей. Что иногда при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ роса осѣдаетъ на предметахъ выставленныхъ на открытый воздухъ—это такой фактъ, въ которомъ нетрудно убѣдиться по простому показанію умственно раз-

витаго наблюдателя. Какое заключеніе вывести изъ этого факта? это такой вопросъ, который можетъ быть достоинъ размышленій величайшихъ философовъ. Что А не могъ украсть овцу въ Дэрби въ то самое время, когда В видѣлъ его въ Іоркѣ — это очевидно, но иногда весьма трудно рѣшить, должны ли мы заключать, что А былъ въ Іоркѣ изъ того, что В говоритъ, что онъ его видѣлъ въ Іоркѣ. Всякій вопросъ вообще есть вопросъ о доказательствахъ. Въ сущности единственное доказательство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ состоитъ изъ впечатлѣній, поражающихъ чувства лица, которое составляетъ мнѣніе; изъ этихъ впечатлѣній оно заключаетъ о существованіи фактовъ, которые въ свою очередь служатъ основаніемъ слѣдующихъ заключеній. Такъ какъ заключеніе изъ впечатлѣній о существованіи предмета производящаго ихъ, выводится безъ всякаго затрудненія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ глубокихъ философскихъ изслѣдованій), то предметъ о которомъ заключили, что онъ существуетъ и былъ наблюдаемъ, слова о которыхъ заключили что они были сказаны, ножъ предъявляемый въ судѣ, фактъ что А отзывается: „Я видѣлъ В“ и прочія принимаются за самыя доказательства.

Надобно замѣтить что при образованіи мнѣнія тѣ заключенія, которыя приняты на вѣру становятся основаніями новыхъ заключеній. Изъ показанія что А. В. былъ въ Іоркѣ, я заключаю что онъ былъ дѣйствительно въ Іоркѣ. Изъ факта, что онъ былъ въ Іоркѣ я заключаю, что онъ не былъ въ то же время въ Лондонѣ. Изъ факта что онъ не былъ въ Лондонѣ, я заключаю что онъ не укралъ лошади, которая въ это время была украдена въ Лондонѣ.

Такимъ образомъ, процессъ зарожденія убѣжденій изъ доказательствъ можетъ быть раздѣленъ для цѣлей практики на два момента:

1) Заключеніе изъ доказательства объ истинѣ утверждаемаго имъ факта.

2) Заключеніе отъ утверждаемаго факта къ мнѣнію, которое должно быть о немъ составлено.

Каждую изъ этихъ статей слѣдуетъ разобрать по очереди.

Заключеніе изъ доказательства объ истинѣ утверждаемаго имъ факта.

Доказательство состоитъ или изъ предметовъ подлежащихъ чувственному опыту лица судящаго объ нихъ, или изъ показаній, даваемыхъ ему другими лицами. На этомъ основаніи доказательства дѣлятся на вещественныя и словесныя.

Вещественное (матеріальное) доказательство состоитъ въ предъявленіи частнаго случая подходящаго подъ общее правило, изъ чего слѣдуетъ, что заключеніе указываемое общимъ правиломъ примѣнимо и къ частному случаю. Присяжнымъ показываютъ вырѣзанный изъ почвы кусокъ земли съ отпечаткомъ слѣда ноги. Ученый отыскалъ кусокъ кремня обтесанный въ формѣ топорика. Присяжные заключаютъ, что по этой глинѣ ступала нога обутая въ сапогъ или башмакъ соотвѣтствующій отпечатку. Ученый заключаетъ, что какое-то разумное существо обтесало кремень и сообщило ему форму топорика. Подобныя заключенія не допускаютъ вообще сомнѣній, потому что подразумѣваемыя большія посылки состоятъ изъ законовъ вполнѣ понятныхъ и вообще, сколько мы знаемъ, непреложно истинныхъ. И такъ матеріальныя доказательства всегда заслуживаютъ довѣрія, насколько они способны что-нибудь объяснить.

Притомъ вещественное доказательство имѣетъ еще и то преимущество, что оно постоянное. Слѣды стопъ животнаго, жившаго милліоны лѣтъ тому назадъ, служатъ столь же достовѣрнымъ доказательствомъ нынѣ, какъ и въ то самое время, что какое-то твердое тѣло, имѣвшее форму стопы животнаго отпечатлѣлось на мягкой въ то время почвѣ.

Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что вещественное доказательство нейдетъ далеко при объясненіи фактовъ. Если нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, способныхъ соединить отпечатокъ стопы съ пунктами судебнаго состязанія, или если нѣтъ данныхъ для опредѣленія времени, когда кремень обтесанъ, то самые факты, что отпечатокъ стопы былъ произведенъ и кремень обтесанъ, имѣютъ весьма незначительную цѣнность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ изысканіяхъ объ устройствѣ какой-либо машины или въ геологическихъ изслѣдованіяхъ, цѣлая масса вещественныхъ доказательствъ можетъ быть слагаема въ одно цѣлое, безъ посредства доказательствъ словесныхъ. Но въ изслѣдованіяхъ судебныхъ, вся сущность дѣла опирается на словесныя доказательства. Такимъ образомъ вопросъ: когда должны мы заключать изъ утверждаемаго факта о томъ, что онъ дѣйствительно существуетъ? сводится обыкновенно къ вопросу: когда должны мы вѣрить человѣческому показанію? когда должны мы вѣрить человѣку, который говоритъ: „я видѣлъ“ или „я слышалъ“ то или другое.

Разбирая этотъ вопросъ слѣдуетъ имѣть присущими въ сознаніи тѣ замѣчанія, которыя мы сдѣлали о существѣ убѣжденія. Для прочности нашего убѣжденія необходимо, что бы мы имѣли побудительную причину, которая бы заставляла насъ составить мнѣніе о предметѣ. Относительно огромнаго большинства дѣлаемыхъ показаній мы никакъ не можемъ сказать, вѣримъ ли мы имъ или не вѣримъ. Мы только помнимъ ихъ нѣкоторое время болѣе или менѣе явственно. Хотя бы кто и сказалъ, что мы имъ вѣримъ, убѣжденіе наше о нихъ есть состояніе весьма неустойчиваго равновѣсія, которое можетъ уподобиться палкѣ, приставленной къ стѣнѣ; малѣйшее прикосновеніе къ этой палкѣ можетъ ее опрокинуть.

Предположимъ, что побудительная причина, заставляющая насъ составить мнѣніе о предметѣ, заключается въ присягѣ, данной нами въ качествѣ присяжнаго на произнесеніе праваго вердикта. Представимъ себѣ, что предъ нами нѣкто, могущій просто сказать тото

и тото, божится, что онъ видѣлъ, какъ это происшествіе случилось; что перекрестный допросъ, которому онъ былъ подвергаемъ, не обнаружилъ никакихъ противурѣчій, и не даетъ никакого повода считать его лицомъ предубѣжденнымъ или недостойнымъ вѣры. Спрашивается, слѣдуетъ ли ему вѣрить или нѣтъ? Безъ сомнѣнія, всѣ выше приведенные обстоятельства располагаютъ къ тому, чтобы убѣдиться въ пользу даваемаго этимъ лицомъ показанія, но мы возьмемъ на себя слишкомъ много, если скажемъ, что эти основанія всегда рождаютъ убѣжденіе. Послѣдствіемъ принятія на вѣру доказательства будетъ совершенная гибель обвиняемаго лица. Обстоятельства таковы, что нѣтъ средствъ повѣрить свидѣтеля и нѣтъ возможности добыть новыя доказательства по тому же предмету. При подобныхъ условіяхъ присяжные могутъ оправдать и часто оправдываютъ подсудимыхъ. Они могутъ сказать весьма резонно: мы не приписываемъ такой важности присягѣ одного только лица, о которомъ мы ничего не знаемъ, чтобы на основаніи его показанія погубить другое лицо. Подобные случаи бываютъ въ delicta facti transeuntis, то есть, въ преступленіяхъ не оставляющихъ никакихъ слѣдовъ послѣ себя, кромѣ воспоминаній свидѣтелей видѣвшихъ или слышавшихъ происходившее (напр., устная обида или одно изъ половыхъ преступленій).

Съ другой стороны предметъ показанія можетъ быть крайне не вѣроятенъ. Достойные вѣры, по видимому, свидѣтели писали и печатали не разъ многое, чему не вѣрилъ никто изъ ихъ читателей. Положимъ, что г. Юмъ спиритистъ утверждаетъ, что въ такомъ-то случаѣ, и при такихъ-то лицахъ онъ былъ поднятъ на воздухъ, безъ всякаго посредства матеріальныхъ средствъ и способовъ. Двое изъ лицъ, на которыхъ Юмъ сослался, подтверждаютъ его показаніе самымъ положительнымъ и обстоятельнымъ образомъ. Хотя бы всѣ эти лица втроемъ клялись, что разсказываемая ими исторія — сущая правда; хотя бы перекрестный допросъ не открылъ въ ихъ словахъ никакихъ противурѣчій и хотя бы никто не предлагалъ другаго объясненія, кромѣ вмѣшательства духовъ, рѣшился ли бы кто нибудь повѣрить этой сказкѣ?

Эти примѣры доказываютъ, по видимому, что человѣческое свидѣтельство имѣетъ вѣсъ весьма относительный. Есть вещи, которымъ никто не повѣритъ единственно потому, что они сказаны извѣстнымъ лицомъ, хотя это лицо имѣло всю возможность наблюдать, хотя оно принимаетъ на себя тягчайшую отвѣтственность за истину и хотя нельзя указать ни на какую особенную причину, заставляющую сомнѣваться. Подобное явленіе оправдывается тѣмъ, что способность лгать ничѣмъ не ограничена, причины лжи и самообольщенія многочисленны, многія изъ нихъ даже неизвѣстны, средства же обнаруженія лжи не такъ-то велики.

Положимъ, что вмѣсто одного свидѣтеля въ первомъ примѣрѣ и трехъ во второмъ, мы имѣемъ дѣло съ гораздо бо̀льшимъ ихъ числомъ. Положимъ, что пятеро свидѣтелей присягнули, что они были очевидцами преступленія, или что они слышали признаніе преступника; положимъ также, что двадцать людей, извѣстныхъ по своимъ свѣдѣніямъ научнымъ и опытности въ механикѣ, удостовѣряютъ, что нѣкто плавалъ въ воздухѣ безъ всякихъ видимыхъ опоръ и поддержекъ: результаты обоихъ удостовѣреній будутъ различные. Что касается до преступленія, то ни одно джюри не будетъ колебаться, но что касается до плаванія въ воздухѣ, то найдутся маловѣры, большинство же публики будетъ скорѣе сбито съ толку, нежели убѣждено. Будучи въ такомъ состояніи оно можетъ быть и рѣшится дѣйствовать на основаніи предположенія объ истинѣ факта, но по мѣрѣ того, какъ фактъ будетъ подвигаться въ прошедшее, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ слабѣть и стираться впечатлѣнія публики, оставленныя единогласными показаніями цѣлой толпы достопочтенныхъ людей. Съ теченіемъ лѣтъ люди перестанутъ вѣрить въ дѣйствительность событія, въ особенности если оно не повторялось потомъ и не было объяснено.

Надобно замѣтить, что свойство спора имѣетъ бо̀льшое вліяніе на образованіе убѣжденія по доказательствамъ. Положимъ, во-первыхъ, что нѣкто, будучи судимъ за убійство, защищался посредствомъ alibi и отозвался, что онъ принадлежалъ къ обществу, наблюдавшему въ тотъ моментъ странный фактъ плаванія по воздуху;

положимъ еще, что свидѣтели, на которыхъ онъ сослался, подтвердили его ссылку; потомъ, допустимъ, что явилось показаніе, что убійство совершено въ той самой комнатѣ, гдѣ происходило плаваніе по воздуху и что оно сдѣлано свидѣтелями по части обвиненія и подтверждено ими на ихъ перекрестномъ допросѣ. Убѣжденіе джюри образуется въ первомъ случаѣ при меньшемъ числѣ свидѣтелей, нежели при второмъ, потому что въ пользу подсудимаго обращаются всякія сомнѣнія, такимъ образомъ можетъ случиться, что тому же доказательству въ одномъ случаѣ повѣрятъ, а въ другомъ они не убѣдятъ.

Многочисленныя обстоятельства, неподлежащія вѣсу, ни счету вліяютъ на довѣріе къ словесному свидѣтельству. Свидѣтель впалъ въ противурѣчія при перекрестномъ допросѣ. Онъ смущается, допускаетъ невозможные факты, несетъ разную чушь, онъ, по видимому, глупъ, между тѣмъ какъ фактъ самъ требуетъ довольно тонкаго наблюденія. Важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ быть до безконечности разнообразна, они могутъ окончательно уронить доказательство или быть сочтены неважными, или повредить ему только отчасти.

Отсюда слѣдуетъ, что нельзя отвѣчать общими словами на вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ должно вѣрить словесному свидѣтельству, надобно же для оцѣнки его принимать въ соображеніе и послѣдствія убѣжденія и вѣроятность свидѣтельствуемаго факта и число свидѣтелей. Единственный способъ повѣрять цѣнность словеснаго свидѣтельства заключается въ непосредственномъ личномъ опытѣ повѣряющаго. Помѣстите двадцать человѣкъ на одной скамьѣ и посмотрите, станутъ ли они дѣйствовать, полагаясь на истину показанія, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ даннаго случая. Всякій взрослый и бывалый человѣкъ каждый день многократно соображаетъ, истинны ли показанія, которыя онъ слышитъ или лживы. Вопросъ: правда ли? навязывается ежеминутно въ частныхъ разговорахъ, во всякихъ дѣлахъ, во всякомъ чтеніи сколько нибудь серьезномъ. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ укладываетъ въ умѣ своемъ цѣлыя группы общихъ мнѣній, состав-

ляющихъ большія посылки силлогизмовъ, которыхъ меньшія посылки образуются изъ доказательствъ. Всѣ дѣла житейскія рѣшаются такимъ точно образомъ. Хотя правосудіе гражданское и уголовное принадлежитъ къ разряду самоважнѣйшихъ дѣлъ въ жизни, но и оно подчиняется тѣмъ же началамъ, какъ и всѣ другіе существенные вопросы, которые занимаютъ человѣка.

Одинъ или два пункта въ сдѣланномъ нами разборѣ требуютъ поясненія. Заявляемо было не разъ мнѣніе, что неправдоподобіе показанія не даетъ еще повода не вѣрить ему, когда свидѣтелей факта много и они люди почтенные. Г. Стерки говоритъ [1]): „одно неправдоподобіе рѣдко можетъ служить достаточнымъ основаніемъ недовѣрія къ непосредственнымъ и не могущимъ быть отведенными свидѣтелямъ факта, когда, по видимому, нѣтъ основаній полагать, что съ ихъ стороны было какое-либо заблужденіе“. Эти слова могутъ быть сопоставлены съ слѣдующимъ замѣчаніемъ епископа Бутлера [2]): „существуетъ сильное предубѣжденіе противъ общихъ умозрительныхъ истинъ, а равно противъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ до доказанія ихъ; впрочемъ это предубѣжденіе уступаетъ передъ самыми ничтожными доказательствами. Такимъ образомъ существуетъ недовѣріе, которое можетъ быть изображено отношеніемъ милліона къ единицѣ, касательно исторіи Цезаря или всякаго другаго человѣка“.

Эти замѣчанія заслуживаютъ вниманія. Слова: „вѣроятно“ и „невѣроятно“ (probable and improbable), слышатся столь часто въ разсужденіяхъ о силѣ доказательствъ, что нужно прежде всего отдать себѣ отчетъ въ ихъ точномъ значеніи. Форма слова: вѣроятность весьма поучительна. Вѣроятное въ отвлеченномъ смыслѣ должно означать: могущее быть доказаннымъ. Слѣдовательно, невѣроятное тоже, что съ трудомъ доказываемое, вѣроятное же употребляется наоборотъ въ смыслѣ того, что легко доказать. Слово: *likely* (или возможное, похожее) почти синонимъ слова *probable*,

---

[1]) *Starkie*, On Evidence 838.

[2]) Analogy, Part. II, ch. II, s. 3.

вѣроятное и бросаетъ свѣтъ на этотъ послѣдній терминъ; оно обозначаетъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, похоже на всѣ другія событія. Когда извѣстное лицо говоритъ: „я видѣлъ какъ А В ходилъ по набережной“, ему отвѣчаютъ: „очень можетъ быть“ (very likely), то есть, иными словами: „многіе ходятъ по набережной; приводимый фактъ, что А В ходилъ по набережной, весьма похожъ на другіе извѣстные факты относящіеся къ тому же предмету“. Если бы отвѣтъ былъ данъ: „весьма вѣроятно“ (very probable), то онъ бы обозначалъ: „я очень расположенъ вѣрить, что такъ было въ самомъ дѣлѣ. На вопросъ: почему расположены вы вѣрить? нельзя дать лучшаго отвѣта, какъ тотъ, что: это вещь возможная, то есть иными словами: этотъ поступокъ похожъ на всѣ другіе, къ которымъ я привыкъ; моя опытность внушаетъ мнѣ, что человѣческіе поступки имѣютъ между собою родовое сходство и суть послѣдствія подобныхъ и безпрерывно дѣйствующихъ причинъ.

Каждый изъ обоихъ терминовъ: *вѣроятность* и *возможность* предполагаетъ наличность извѣстной степени невѣдѣнія въ отношеніи къ предмету, къ которому они прилагаются. Изъ понятія, что извѣстное положеніе требуетъ немногихъ доказательствъ, явствуетъ однако, что оно требуетъ нѣкоторыхъ. Замѣчаніе, что это положеніе вещь возможная, то есть, что оно похоже на тысячу другихъ, въ которыхъ истинѣ никто не сомнѣвается, обозначаетъ, что лицо, дѣлающее замѣчаніе, ждетъ предъявленія доказательствъ относительно его истинности. Невѣдѣніе удостовѣряемое словами: вѣроятность и возможность, есть невѣдѣніе всѣхъ обстоятельствъ вспомогательныхъ и соприкосновенныхъ съ тѣми, которыя положительно утверждаются свидѣтелемъ. Такъ, напримѣръ, удостовѣреніе о томъ, чти X живущій въ Лондонѣ ходилъ по набережной Тэмзы въ такомъ-то часу, и вѣроятно и возможно. Съ прибавкою къ нему нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ оно можетъ сдѣлаться весьма вѣроятнымъ и очень возможнымъ, или весьма невѣроятнымъ. Прибавьте, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, X обыкновенно отправлялся по набережной къ мѣсту своихъ

занятій, тогда удостовѣреніе о томъ, что онъ шелъ по набережной въ данный день и часъ станетъ въ высшей степени вѣроятнымъ и возможнымъ. Прибавьте съ другой стороны, что X отправился за день до того дня на кораблѣ въ Америку, и удостовѣреніе о прогулкѣ его по набережной Тэмзы станетъ въ высшей степени неправдоподобнымъ и невозможнымъ. Такимъ образомъ вѣроятность и возможность — выраженія условныя. Они обозначаютъ только то, что данное предложеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ представляется, удостовѣряетъ о фактахъ, которымъ мы легко готовы повѣрить, если не обнаружатся и до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся факты противуположные первымъ; причина почему мы готовы повѣрить утверждаемымъ фактамъ заключается въ томъ, что эти факты вообще согласны съ общимъ порядкомъ и теченіемъ дѣлъ и событій человѣческихъ.

Эти замѣчанія показываютъ почему невѣроятность показанія служитъ поводомъ къ тому, чтобы ему не вѣрить и поводомъ притомъ столь сильнымъ, что имъ будетъ руководствоваться на практикѣ всякое лицо и всякое джюри. Есть цѣлыя области дѣлъ и отношеній человѣческихъ, о которыхъ знанія наши весьма точны и прочны. Мы знаемъ напримѣръ, что дважды два составляютъ четыре. Это положеніе значитъ, что и по нашему собственному опыту и по всѣмъ даннымъ, которыя имѣются о наблюденіяхъ дѣлаемыхъ другими лицами, намъ извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, что если къ двумъ вещамъ будутъ приложены двѣ другія вещи и кромѣ нихъ ничто не будетъ прибавлено, но въ результатѣ окажется, что въ наличности есть четыре вещи. Положимъ, что достовѣрные свидѣтели увѣряютъ, что когда къ двумъ апельсинамъ они прибавили еще два, у нихъ вышло пять апельсиновъ: этому никто не повѣритъ. Всѣ будутъ убѣждены, что хотя въ дѣйствительности и оказалось на видъ пять анельсиновъ, но одинъ изъ нихъ былъ введенъ въ счетъ надувательскимъ образомъ, посредствомъ какой-нибудь ловко выкинутой штуки. Какъ бы ни было положительно увѣреніе свидѣтелей, оно не въ состояніи поколебать сложившееся убѣжденіе, при остающемся томъ же порядкѣ вещей. Но

положимъ, что мы открыли сообщеніе съ какою-нибудь дальнею планетою и что всякій пріѣзжавшій оттуда и всякій побывавшій тамъ удостовѣряетъ, что здѣшнія отношенія чиселъ не годятся тамъ, что дважды два выходитъ всегда пять на этой планетѣ, что всѣ дѣла рѣшаются и всѣ счеты ведутся тамъ на этомъ основаніи. Если бы это удостовѣреніе подкрѣплено было тысячью доказательствъ, предъявленіемъ счетовъ, книгъ, строеніемъ языка и т. д., то родъ человѣческій убѣдился бы наконецъ, что въ томъ другомъ мірѣ дважды два пять, а не четыре. Это открытіе измѣнитъ всѣ предъидущія вѣроятности относительно показаній, имѣющихъ предметомъ числа, но отвлеченная возможность такого открытія въ будущемъ ни мало не уменьшаетъ трудности доказать, что дважды два образовало въ данномъ случаѣ пять. Особенныя удостовѣренія должны быть разсматриваемы въ связи съ существующею въ данный моментъ степенью знаній; если они не могутъ быть связаны съ установившимися въ знаніи принципами, ни объяснены посредствомъ этихъ принциповъ, то имъ никто не повѣритъ и никто не долженъ вѣрить. Чудеса христіанскія покажутся невѣроятными атеисту. Они вѣроятны христіанамъ, потому что христіане убѣждены на иномъ основаніи въ наличности причины, могущей производить чудеса, то есть, въ существованіи Бога способнаго и расположеннаго въ извѣстныхъ случаяхъ творить чудеса [1]).

Приводимые обыкновенно примѣры, невѣроятностей, которыя потомъ сбылись, относятся всѣ къ разряду случаевъ, въ которыхъ

---

[1]) Нельзя обойти молчаніемъ знаменитый Опытъ о чудесахъ Юма (Hume, Essay on Miracles). Юмъ расходился съ христіанствомъ не столько во взглядѣ своемъ на чудеса, сколько во взглядѣ на божескій характеръ. Онъ допустилъ бы, что воля Бога есть достаточная причина чуда, но онъ утверждалъ, что люди никакъ не могутъ знать, существуетъ ли такая воля. Онъ говоритъ: «Хотя Существо, которому приписывается чудо, всемогуще, однако, чудо само по себѣ не становится чрезъ то болѣе вѣроятнымъ ни на волосъ, коль скоро объ атрибутахъ или дѣляхъ этого Существа мы не можемъ ничего знать инымъ путемъ, кромѣ опыта, посредствомъ котораго мы изучаемъ дѣятельность его въ обыкновенныхъ явленіяхъ природы». Essays. II. 145, ed. 1793. Таже мысль проведена въ Опытѣ о Провидѣніи. Отвѣтъ Пэлея (Paley) Юму основанъ на предположеніи о существованіи Бога и сводится къ слѣдующему: «увѣруйте въ существованіе Бога, тогда и чудеса станутъ для васъ не невѣроятными».

невѣроятность была только кажущаяся, а не дѣйствительная; но доказательство того, что она только кажущаяся, не было дано, хотя и могло быть дано. При отсутствіи такого доказательства маловѣры, отрицавшіе фактъ, были вправѣ такъ дѣлать. Если бы голландскій посланникъ произвелъ одинъ или два опыта передъ царемъ сіамскимъ, то онъ бы уличилъ царя въ томъ, что сей послѣдній напрасно не хочетъ вѣрить въ существованіе льда; но если царь былъ неправъ, не вѣря въ существованіе льда, то слѣдовало бы признать его столь же неправымъ, если бы онъ не хотѣлъ повѣрить, что въ Голландіи нѣтъ огня, или что въ Голландіи дважды два составляютъ пять. Кто бы повѣрилъ сорокъ лѣтъ тому назадъ человѣку, который бы сказалъ голословно, не желая или не будучи въ состояніи подкрѣпить свои слова доводами на счетъ возможности своего положенія: „я буду сообщаться съ Нью-Іоркомъ въ одну секунду“. Вина тѣхъ, которые не вѣрили въ желѣзныя дороги, состояла не въ томъ, что они отказывались повѣрить вещи противной опыту, но въ томъ, что они не поняли значенія своего опыта. Они промахнулись, отвергая неневѣроятный разсказъ и не захотѣли вникнуть въ то, что онъ очень вѣроятенъ. Могъ ли бы комитетъ предложить парламенту принять билль о манчестерско-ливерпульской желѣзной дорогѣ, по голословному ничѣмъ не подкрѣпленному отзыву Стефенсона, что онъ устроилъ машину, которая будетъ дѣлать 20 миль въ часъ.

Возраженіе, что простѣйшее доказательство беретъ верхъ надъ предубѣжденіемъ, которое такъ сильно какъ 1,000,000 : 1, основано на смѣшеніи двухъ понятій: вѣроятности и шансовъ. Вѣроятность событія есть способность его быть доказаннымъ. Шансами событія называется численное отношеніе между количествомъ условій благопріятныхъ и количествомъ условій неблагопріятныхъ его осуществленію въ дѣйствительности. Шансы того, чтобы у играющаго въ вистъ всѣ 13 картъ были козыри, могутъ быть выражены отношеніемъ единицы къ сотнямъ милліоновъ. Никто, однако, не заподозритъ показанія достойной вѣры особы, которая скажетъ: „я игралъ въ вистъ съ такимъ-то и у него полна была рука однихъ козырей“.

Точно также никому не придетъ въ голову сомнѣваться, если эта же особа скажетъ, что когда отсвѣчены были пики, у него на рукѣ оказались дама, валетъ, пятерка козырей, пять маленькихъ трефовъ, четыре бубны и тузъ червей. Нѣтъ причины скорѣе повѣрить второму показанію нежели первому, за исключеніемъ, можетъ быть только того, что первая исторія болѣе похожа на выдумку по причинѣ бо́льшаго удовольствія, которое разсказываніе ея доставляетъ разскащику. Шансы того, что, въ 10 часовъ утра 15 апрѣля 1873 года, Джонъ Смитъ и Уилліамъ Кларкъ, одѣтые такимъ-то образомъ и имѣющіе въ карманахъ часы такихъ-то мастеровъ за такими-то номерами, будутъ сидѣть другъ противъ друга въ восточныхъ углахъ второкласснаго вагона № 9425 сѣверо-западной желѣзной дороги, въ трехъ миляхъ отъ Уатерфорда и будутъ толковать о теоріи вѣроятностей, могутъ быть выражены отношеніемъ единицы къ безконечному числу милліоновъ. На то, что это событіе сбудется въ дѣйствительности, столь же мало можно полагаться, какъ и на воскресеніе мертваго. Но первое изъ этихъ событій неневѣроятно, напротивъ того второе въ высшей степени невѣроятно. Шансы событія могутъ оставаться тѣже, при совершенно мѣняющихся свѣдѣніяхъ нашихъ объ условіяхъ событія. Я знаю, положимъ, что въ мѣшкѣ есть шары бѣлые и красные. Мнѣ кажется, что шансы совершенно о́динаковы на вынутіе бѣлаго или краснаго шара, но въ мѣшкѣ можетъ быть тысяча красныхъ шаровъ, а бѣлый одинъ. Я знаю, положимъ, что шаровъ только два и что они разноцвѣтные, тогда шансы въ самомъ дѣлѣ будутъ равные въ ту и въ другую сторону. Тогда я могу сказать, что знаю всѣ причины порождающія результатъ, всѣ сочетанія имѣющія вліяніе на результатъ фактовъ положительныхъ и отрицательныхъ. Шансы независимы отъ доказательствъ. Вѣроятность есть главный элементъ опредѣляющій ихъ значеніе. Шансы относятся вообще къ будущимъ событіямъ, но могутъ быть примѣняемы и къ прошедшимъ, которыхъ нельзя никакъ повѣрить посредствомъ доказательствъ. При совершенномъ отсутствіи всякихъ доказательствъ, шансы того, что у извѣстнаго лица полна была рука однихъ козы-

рей совершенно такіе же, какъ и шансы того, что онъ получитъ всѣ тринадцать козырей, когда карты еще не сданы.

Разборъ понятій о вѣроятности и о шансахъ важенъ еще для одной цѣли, имѣющей связь съ вопросомъ о доказательствахъ, были ли попытки опредѣлять математически вѣсъ и силу доказательствъ. Были дѣлаемы такого рода сужденія, что если два свидѣтеля, которыхъ достовѣрность можетъ быть выражена отношеніемъ 10 : 1, утверждаютъ одно и тоже, то ихъ совокупное удостовѣреніе выразится отношеніемъ 100 : 1, на томъ же основаніи, на которомъ при игрѣ въ кости до начала игры шансы того, что не выйдетъ шесть и шесть очковъ относятся какъ 35 : 1. На эти соображенія можно дать одинъ отвѣтъ: они прилагаютъ математику къ предмету, къ которому математика не приложима. Смыслъ отношенія 10 : 1 тотъ, что есть одиннадцать одинаково вѣроятныхъ случайностей, изъ которыхъ 10 благопріятны и 1 неблагопріятно осуществленію задуманнаго событія. Положеніе: „можно побиться объ закладъ, ставя 10 противъ 1, что А скажетъ правду“ обозначаетъ, что есть одиннадцать вещей, которыя А расположенъ сказать и изъ которыхъ 10 истинныхъ, а одна ложная. Разсуждающій думаетъ слѣдующее: „я, наблюдатель, надѣюсь, что онъ скажетъ правду, на столько же, на сколько вынимая шаръ изъ мѣшка, въ которомъ десять бѣлыхъ шаровъ и одинъ черный, я надѣюсь вынуть бѣлый шаръ“. Личныя мнѣнія наблюдателя не могутъ имѣть ничего общаго съ событіемъ, въ противномъ случаѣ слѣдовало бы полагать, что количество пари, держимыхъ противу извѣстной лошади, могутъ помѣшать ей выиграть призъ на скачкахъ. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: два свидѣтеля въ десять разъ лучше одного, три въ десять разъ лучше двухъ, четыре въ десять разъ лучше трехъ и т. д. весьма неправильны. Во-первыхъ, свидѣтели качественно неодинаковы, относительный вѣсъ каждаго показанія не можетъ быть измѣренъ; относительная цѣнность согласнаго удостовѣренія двухъ, трехъ и т. д. свидѣтелей зависитъ вполнѣ отъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть выражены цифрами. Кто рѣшится сказать, что 16 свидѣтелей вѣсятъ въ 10 разъ болѣе пят-

надцати? Относительная цѣнность множителей измѣряется даваемымъ ими въ результатѣ произведеніемъ. Производятъ ли шестнадцать свидѣтелей въ десять разъ бо̀льшее произведеніе, чѣмъ пятнадцать? если нѣтъ, то математическій методъ падаетъ самъ собою. Важность согласныхъ свидѣтельскихъ удостовѣреній зависитъ отъ того, чтобы отдѣльныя статьи итога были вполнѣ независимы одна отъ другой, что рѣдко бываетъ, когда два человѣка говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Иначе бываетъ съ вещественными доказательствами. На мѣстѣ разбоя найдены шляпа, слѣды стопъ преступника и ножъ. Всѣ три предмета какъ разъ идутъ къ подсудимому; доказательная сила этихъ трехъ стекающихся фактовъ гораздо сильнѣе силы каждаго изъ нихъ порознь взятаго, но напрасно и безполезно искать, равняется ли она простой суммѣ, или произведенію изъ всѣхъ трехъ множителей. Невозможно сказать, дѣйствительно ли эти факты независимы другъ отъ друга или нѣтъ. Если разбойникъ взялъ чужіе сапоги, чтобы совершить преступленіе, имѣя ихъ на своихъ ногахъ, то онъ могъ точно также взять и шляпу и ножъ у того же лица, чтобы отклонить отъ себя, а на него направить тѣмъ сильнѣйшее подозрѣніе.

Заключніе изъ принимаемыхъ за истину фактовъ объ истинѣ выводимаго изъ нихъ мнѣнія.

Вторая операція, которую должны совершить присяжные по соображеніи, слѣдуетъ ли вѣрить доказательству, состоитъ въ сложеніи доказательствъ и въ отысканіи заключенія, къ которому они ведутъ. Этотъ вопресъ чисто логическій; исчерпать его во всѣхъ отношеніяхъ можно лишь написавъ цѣлый пространный трактатъ о логикѣ. Мы намѣрены ограничиться весьма немногими замѣчаніями, относящимися къ такимъ заключеніямъ, которыя выводятся изъ скоропреходящихъ фактовъ, удостовѣряемыхъ ограниченными въ количественномъ отношеніи доказательствами и неподлежащихъ повѣркѣ посредствомъ новыхъ опытовъ. Разница между этого рода заключеніями и заключеніями основанными на общихъ

законахъ, которыя могутъ быть повѣряемы опытомъ, не заключается ни въ принципѣ ихъ, ни въ формѣ, но прямо зависитъ отъ содержанія большой посылки. Когда заключеніе касается научнаго вопроса, то большая посылка можетъ быть большею частію выражена опредѣлительно, со всѣми условіями и оговорками, такъ что совершенно ясно, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ меньшей посылки. Поставимъ слѣдующій вопросъ: какъ далеко отъ насъ разстояніе до громовой тучи? Доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что десять минутъ прошло между сверканіемъ молніи и раскатомъ грома. Извѣстно, что звукъ распространяется со скоростью 1250 футовъ въ секунду. Такъ какъ раскатъ грома дошелъ въ десять секундъ отъ тучи до моего слуха, то туча была отъ меня на разстояніи 12,500 футовъ.

Возьмемъ другой вопросъ: виновенъ ли А В въ кражѣ или нѣтъ? Доказательства, свидѣтельствующія противъ него, суть: недавнее обладаніе покраденною вещью, невѣроятный и бездоказательный разсказъ его о томъ, откуда она получена и лживыя показанія при задержаніи А В. Силлогизмы, которые построятъ присяжные, будутъ слѣдующіе:

1) Люди обладающіе краденымъ, вскорѣ послѣ кражи, бываютъ *обыкновенно* воры.

У А В нашли краденые часы, вскорѣ послѣ кражи.

Слѣдовательно на А В лежитъ одна изъ примѣтъ, которыми часто опознаются воры.

2) Когда люди дѣлаютъ невѣроятныя показанія о томъ, какъ имъ достались вещи, состоящія въ ихъ владѣніи, и не докажутъ этихъ показаній, хотя они сильно заинтересованы въ томъ, чтобы доказать, то оказывается весьма часто, что они пріобрѣли эти вещи нечестнымъ образомъ, это бываетъ тѣмъ чаще, чѣмъ неправдоподобнѣе разсказъ, чѣмъ сильнѣе они заинтересованы въ доказаніи его и чѣмъ больше имѣли къ тому удобныхъ случаевъ.

А В далъ неправдоподобное показаніе и т. д.

И такъ А В носитъ на себѣ вторую примѣту, свойственную всего чаще ворамъ; эта примѣта тѣмъ рѣзче, чѣмъ неправдоподоб-

нѣе былъ разсказъ, чѣмъ сильнѣе разсказчикъ былъ заинтересованъ въ доказаніи словъ своихъ и чѣмъ легче онъ могъ бы это сдѣлать, если бы разсказъ былъ согласенъ съ истиной.

3) Люди, которые врутъ при задержаніи ихъ, вообще бываютъ виноваты въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняются.

А В и т. д.

Слѣдовательно А В имѣетъ еще третью примѣту, которая часто встрѣчается на виноватыхъ.

Причина, почему въ примѣрѣ о громѣ большая посылка весьма опредѣленная, а заключеніе точно, между тѣмъ, какъ въ примѣрѣ о кражѣ и большая посылка и заключеніе весьма неточны, заключается въ томъ, что предложеніе о быстротѣ распространенія звука можетъ быть изслѣдуемо со всѣхъ сторонъ и что для подкрѣпленія его можно добыть какое угодно количество доказательствъ, посредствомъ неограниченнаго числа наблюденій. По вопросу о кражѣ новыя наблюденія невозможны, слѣдовательно большая посылка только тогда соотвѣтствуетъ истинѣ, когда облечена въ неопредѣленную форму, а такъ какъ этой формѣ недостаетъ точности, то этотъ недостатокъ отражается и въ заключеніи. Прибавимъ къ тому, что и меньшая посылка не всегда утверждена на незыблемомъ основаніи и можетъ колебаться. И такъ большая посылка не точна, вторая посылка не поставлена внѣ сомнѣнія, слѣдовательно и заключеніе выходитъ не только неопредѣленное, но и сомнительное.

Мы показали одинъ мелкій примѣръ выводовъ о силѣ судебныхъ доказательствъ. Преступленія слагаются часто изъ длиннаго ряда дѣйствій и могутъ быть совершаемы въ отсутствіи виновниковъ. Въ случаѣ заговора лицу можно вмѣнить въ вину дѣянія совершенныя, когда это лицо было на разстояніи сотней миль отъ мѣста событія людьми, которыхъ оно никогда не видало. Донеллэнъ убилъ своего шурина рукою невиннаго агента, будучи самъ вдали. Доказаніе мотива, исполненіе дѣянія, распоряженія вещами, добытыми преступленіемъ, требуютъ тщательныхъ розысканій о множествѣ разнообразныхъ дѣлъ и отношеній (напримѣръ, въ дѣлѣ Пальмера). Не только данныя, удостовѣряющія каждое изъ этихъ

дѣлъ и отношеній, подвержены критикѣ съ той стороны, на которую мы только что указали, но и послѣ сложенія всѣхъ доказательствъ вмѣстѣ, оказывается всего чаще, что они неполны, и что нѣкоторыя части событія не подтверждены никакими доказательствами, такъ что объ нихъ слѣдуетъ только заключать изъ фактовъ, которые, въ свою очередь, суть ничто иное, какъ заключенія изъ доказательствъ.

Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно говорится, что первая группа заключеній служитъ обстоятельственнымъ доказательствомъ другой группы; — эту фразу считаю я не только неправильною, но и весьма спорною; я полагаю что она изобрѣтена нарочно для прикрытія не очень пріятной истины, о чемъ я предоставляю себѣ поговорить обширнѣе впослѣдствіи. Теперь я обхожу ее и продолжаю разборъ предмета, которымъ теперь занимаюсь.

Какъ должны поступать присяжные, когда въ окончательномъ результатѣ оказывается, что часть событія не опирается ни на какія доказательства, а часть, которая подкрѣплена доказательствами, подлежитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ въ большей или меньшей степени тѣмъ критическимъ замѣчаніямъ, которыя нами сдѣланы относительно показаній о преходящихъ и изолированныхъ фактахъ? Результатомъ такого положенія вещей будетъ всегда сомнѣніе, весь вопросъ въ томъ, даетъ ли оно поводъ къ *основательному* сомнѣнію. Какія же сомнѣнія основательны (reasonable)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ нашихъ объясненій о существѣ убѣжденія. Въ случаяхъ, когда неблагоразумно вѣрить, благоразуміе велитъ сомнѣваться. Благоразуміе убѣжденія сводится въ каждомъ данномъ случаѣ къ балансу выгодъ и невыгодъ. Въ каждомъ умѣ, который не всевѣдущъ, есть мѣсто для сомнѣнія о каждомъ предметѣ, потому что такой умъ не можетъ увѣрять, что если его знаніе увеличится, то это обстоятельство не измѣнитъ теперешнихъ его убѣжденій. Научныя убѣжденія суть самыя сильныя изъ извѣстныхъ, но всякое наше убѣжденіе въ истинѣ всего болѣе упроченныхъ выводовъ науки есть только условное. Мы убѣждены, что солнце встанетъ завтра, но могутъ быть неизвѣстныя намъ

причины, которыя въ данный моментъ пріостановятъ дѣйствіе причинъ, производящихъ движеніе солнечной системы; эта пріостановка можетъ случиться также хорошо завтра, какъ и во всякій другой моментъ. Три достовѣрные свидѣтеля показываютъ подъ присягою нѣчто весьма вѣроятное; мы убѣждаемся этимъ, но если бы потомъ десять человѣкъ присягнули, что первые три показывали ложь, то мы должны были бы разувѣриться въ показаніи первыхъ трехъ свидѣтелей [1]). Несмотря на то, всякій на дѣлѣ вполнѣ увѣренъ, что солнце встанетъ завтра и что вѣроятная исторія, разсказанная достовѣрными свидѣтелями, истинна. Въ противномъ случаѣ, нельзя было бы жить и дѣйствовать между людьми. Лучше подвергнуться риску ошибиться, нежели сидѣть въ безвыходномъ бездѣйствіи изъ опасенія возможной ошибки.

Состояніе сознанія называемое: *безусловная увѣренность* (absolute certainty), или не существуетъ вовсе, или не прилагается къ роду человѣческому. Слово увѣренность обозначаетъ только состояніе нашего сознанія въ настоящую минуту. Фразы: достовѣрно, что солнце взойдетъ завтра, что дважды два четыре, что двѣ прямыя линіи не могутъ заключить между собою никакого пространства и т. под., обозначаютъ только, что я и всѣ лица, которыхъ я

---

[1]) Странный примѣръ подобнаго рода случился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ мидлэндскомъ округѣ. Десять человѣкъ судились за нападеніе на лѣсныхъ сторожей. Они осуждены всѣ десятеро на основаніи присяжныхъ весьма точныхъ удостовѣреній нѣсколькихъ свидѣтелей; присяжные отвергли приводимые въ оправданіе девяти подсудимыхъ доказательства посредствомъ alibi. Эти доказательства не были сильны и нѣкоторыя противорѣчія въ нихъ обнаружились при перекрестномъ допросѣ, такъ напр., одна изъ показательницъ отозвалась, что она пришла домой въ чепчикѣ, а мужъ ея уличилъ ее въ томъ, что она пришла покрывъ голову шалью, чепчикъ же свой повѣсила на вѣшалкѣ. Впослѣдствіи священникъ укорялъ одного изъ свидѣтелей по части обвиненія въ клятвопреступленіи или по крайней мѣрѣ въ лжесвидѣтельствѣ по опрометчивости. Укоряемый началъ противъ священника гражданскій искъ объ устной обидѣ (slander). Отвѣтчикъ оправдался. Всѣ десять бывшихъ подсудимыхъ уже отпущенныхъ на свободу по истеченіи сроковъ заключенія явились въ качествѣ свидѣтелей. Пятеро присягнули, что они были на мѣстѣ совершенія преступленія, другіе пятеро — что они не были. Тоже самое обнаружилось изъ другихъ данныхъ, которыми присяжные убѣдились, вслѣдствіе чего отвѣтчикъ выигралъ процессъ.

знаю и о которыхъ я слыхалъ, не сомнѣваются въ этихъ положеніяхъ. Никто, одаренный разумомъ, не долженъ опрометчиво утверждать, что ни онъ, ни какое бы то не было другое разумное существо не будетъ нигдѣ и никогда иного мнѣнія по тому же предмету.

Увѣренность, даже въ случаяхъ когда она доходитъ до сильнѣйшаго убѣжденія, есть только описаніе настроенія сознанія извѣстнаго лица или извѣстныхъ лицъ и можетъ быть произведена доказательствами разной степени и силы. Я увѣренъ, что дважды два четыре; точно также я увѣренъ, что Вильгельмъ Завоеватель выигралъ гэстингское сраженіе въ 1066 году. Мой умъ держится крѣпко каждаго изъ этихъ заключеній, хотя на поколебаніе одного изъ нихъ потребовалось бы меньше доказательствъ, нежели на поколебаніе другаго. Кусокъ свинца въ два фута толщиною и вѣсомъ въ 1,000 тоннъ, положенный на плоской почвѣ, находится въ состояніи устойчиваго равновѣсія; тоже можно сказать и о стулѣ, но для того, чтобы сдвинуть съ мѣста свинецъ потребуется страшной механической силы, стулъ же можетъ упасть отъ малѣйшаго толчка. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, увѣренъ ли извѣстный человѣкъ или нѣтъ, въ данный моментъ, въ извѣстномъ заключеніи, или онъ имѣетъ на счетъ его сомнѣніе, которое считаетъ основательнымъ, это вопросъ фактическій. Вопросъ же о томъ, долженъ ли этотъ человѣкъ настроить такимъ образомъ свое сознаніе, есть задача практическая первѣйшей важности, которой рѣшеніе зависитъ не отъ одного какого-либо соображенія, но отъ многихъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ причины побуждающія лицо составить мнѣніе, послѣдствія мнѣнія, когда оно выработается, вѣсъ и полнота свидѣтельствъ, наконецъ, вѣроятность удостовѣряемаго событія. Сила одного изъ этихъ мотивовъ убѣжденія можетъ быть столь велика, что лицо не обращаетъ уже вниманія на одновременное присутствіе всѣхъ другихъ мотивовъ. Такимъ образомъ, мы не сознаемъ элемента воли въ убѣжденіи, когда мы убѣждаемся въ достовѣрности таблицы умноженія. Наоборотъ, мы руководствуемся только элементомъ воли личной, за исключеніемъ всякаго другаго, когда избираемъ въ попыхахъ одинъ изъ двухъ

поѣздовъ желѣзной дороги, о которомъ мы смутно догадываемся, что онъ идетъ туда, куда намъ слѣдуетъ попасть.

Могутъ спросить: вправѣ ли джюри, составляя свое убѣжденіе по неполнымъ удостовѣреніямъ, дополнять умозаключеніями или лучше сказать догадками извлекаемыми изъ доказательствъ, пробѣлы въ исторіи событія. Я думаю, что они вправѣ это дѣлать до извѣстной, не вполнѣ опредѣляемой и неопредѣлимой мѣры. Весь вопросъ въ томъ, имѣютъ ли они основательное сомнѣніе? При отправленіи всѣхъ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ житейскихъ, пробѣлы въ доказательствахъ часто пополняются догадками. Если бы мужъ имѣлъ столь сильныя основанія вѣрить, что жена его ему невѣрна, какія имѣло джюри, которое осудило Пальмера за умерщвленіе Кука, то какъ бы онъ ее не любилъ, если только онъ умный и заботящійся о своей чести человѣкъ, онъ бы повѣрилъ и дѣйствовалъ на основаніи этого убѣжденія, хотя послѣдствіемъ было бы разрушеніе его домашняго счастія. Стараться начертить точныя границы этому процессу, пытаться дать опредѣленіе слову „основательный“ въ фразѣ: „основательная догадка“, значитъ тоже, что пробовать счесть неисчисляемое и промѣрить въ длину нѣчто неимѣющее протяженія.

Эти соображенія даютъ возможность отвѣчать на вопросъ: какое количество данныхъ потребно для образованія судебнаго доказательства (judicial proof)? или иными словами: какъ измѣряется вѣсъ доказательства?

Образованіе убѣжденія есть нѣчто сложное, предполагающее цѣлый рядъ процессовъ, неотдѣляющихся одни отъ другихъ, потому что они совершаются въ одно и тоже время. Единственное средство измѣрить вѣсъ доказательства, заключается въ наблюденіи надъ производимыми доказательствами послѣдствіями. Пытаться установить объективную мѣру силы доказательства, независимую отъ обстоятельствъ, среди которыхъ доказательство дается, значитъ тоже, что пробовать отыскать соотвѣтствующія единицы мѣры для цѣнности, длины и емкости. Что такое фунтъ стерлингъ! Такая-то часть унціи золота. Что какое унція? Такая-то часть вѣса ку-

бическаго дюйма очищенной воды, взвѣшенной на воздухѣ на мѣдныхъ вѣсахъ, при температурѣ 62° по термометру Фаренгейта и при 30-дюймовой высотѣ столба ртути въ барометрѣ [1]). Что такое дюймъ? Мѣра длины имѣющая извѣсное отношеніе къ длинѣ маятника, качающагося ежесекундно въ порожномъ пространствѣ въ мѣстѣ въ уровень съ поверхностью моря и при географической широтѣ Лондона [2]). Что такое судебное доказательство? То которое, будучи на законномъ основаніи предъявлено въ судѣ, склоняетъ двѣнадцать человѣкъ, избранныхъ въ силу статута о присяжныхъ, сказать, что по выслушаніи его ихъ совѣсть успокоилась на счетъ истины предложенія, подтверждаемаго этимъ доказательствомъ. Они могутъ быть предубѣждены, или застѣнчивы, или опрометчивы, или необразованны; но присяга, число и требуемыя отъ нихъ квалификаціи нейтрализируютъ по возможности эти недостатки и соотвѣтствуютъ какъ разъ условіямъ, требуемымъ отъ показателей цѣнности или длины.

Оказывается впрочемъ, что условія, полагаемыя для единицъ вѣса и длины, не измѣнились со времени установленія этихъ единицъ. Относительный вѣсъ очищенной воды тотъ же и нынѣ, какимъ онъ былъ искони, между тѣмъ какъ относительная мудрость и честность двѣнадцати присяжныхъ мѣняются въ каждомъ джюри и въ каждую эпоху. Тоже можно сказать и о золотѣ. Сто соверенов покроютъ долгъ въ 100 ф. стерл., но золото можетъ упасть въ цѣнѣ и сдѣлаться столь же обыкновеннымъ и дешевымъ, какъ серебро. Впрочемъ, оно берется за единицу цѣны, потому что нужна же какая нибудь единица, а золото годится для этой роли лучше нежели другіе металлы. Точно такимъ же образомъ, когда требуется опредѣлить единицу полнаго доказательства, законодатель постановляетъ: пусть двѣнадцать присяжныхъ скажутъ, что они удовлетворены доказательствомъ, этого и довольно“ [3]).

---

[1]) 5 Georg. IV, c. 4, s. 5.

[2]) Тамъ же, s. 3.

[3]) Противъ этой теоріи сдѣлано было возраженіе, что на основаніи ея выходитъ, что всѣ вердикты правы. Въ одномъ смыслѣ всякая истинная теорія

Изъ этого понятія о существѣ судебнаго доказательства легко вывести каковъ долженъ быть характеръ и каково значеніе правилъ о доказательствахъ. Они не похожи на методы научные, изобрѣтенные съ цѣлью руководить процессами или упрощать процессы, которые едвали бы могли быть совершаемы безъ этого пособія или суммировать быстро результаты огромной массы наблюденій. Они суть пріемы чисто практическіе, предназначенные къ тому, чтобы успокоивать публику на счетъ того, что мнѣніе присяжныхъ небудетъ построено на легкихъ основаніяхъ. Они похожи на условія, помѣщаемыя въ контрактѣ съ подрядчиками о томъ, что камни на постройку будутъ поставлены изъ такой-то каменоломни и что взводимые при постройкѣ лѣса будутъ такой-то доброты. Эти условія постановляются не потому, что есть какое нибудь качественное различіе между означенными въ контрактѣ камнями и лѣсами и всякими иного рода матеріалами, но потому чтобы какъ нибудь обезпечить себя, относительно хорошаго качества матеріаловъ. Похвала или порицаніе, подобающія извѣстнымъ правиламъ о доказательствахъ опредѣляются не тѣмъ, придерживался ли бы ихъ во всевозможныхъ случаяхъ безпристрастный и непорочный изслѣдователь исторической или научной истины, но тѣмъ, годятся ли эти правила для удержанія завзятыхъ спорщиковъ въ такихъ границахъ, внутри которыхъ присяжнымъ можно совладать съ предлагаемымъ имъ для рѣшенія предметомъ; иными словами, исключаютъ ли эти правила доводы, которые ведутъ скорѣе къ запутанію, нежели къ объясненію понятій, которыя можетъ имѣть о предметѣ это судилище, прежде же всего, составляютъ ли

должна бы доказать, что всѣ вердикты правы. Она не доказываетъ, что всякій вердиктъ изображаетъ истину, но что всякій человѣкъ осужденный законнымъ джюри, по законнымъ доказательствамъ, осужденъ законно, что по моему мнѣнію, равносильно положенію, что вердиктъ, осуждающій его, правъ. Я полагаю, что никакое правило о качествѣ доказательствъ не можетъ служить гарантіею истины всякаго вердикта. Одно изъ многочисленныхъ возраженій противъ системъ, пытающихся установить качественную мѣру доказательствъ то, что по нимъ выходитъ, что почти всякій вердиктъ неправъ, хотя бы и случилось, что онъ согласенъ съ истиной.

эти правила ручательство въ томъ, что ни одинъ подсудимый не будетъ наказанъ, пока его вина не будетъ доказана ясными и солидными данными, какими бы руководствовался опытный человѣкъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и допускаютъ ли они, что всѣ такого рода данныя предъявлены были присяжнымъ, долженствующими, дать мнѣніе о винѣ. На этомъ началѣ намѣренъ я основать критическую оцѣнку англійскихъ правилъ о доказательствахъ, которымъ посвящена слѣдующая глава.

О дѣленіи доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя.

Общія начала, разобранныя въ сдѣланномъ нами изслѣдованіи, существа судебнаго доказательства излагаются обыкновенно англійскими писателями-юристами въ главѣ о дѣленіи доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя (косвенныя). Мнѣ кажется эти термины дурно выбраны и ведутъ къ недоразумѣнію, что предполагаемое различіе между доказательствомъ прямымъ и обстоятельственнымъ, есть искуственное дѣленіе, не основанное на существенномъ между ними различіи и что весьма серьозныя практическія неудобства являются послѣдствіями этой неудачной фразы.

Естественный смыслъ термина: *обстоятельственное доказательство* (circumstantial evidence) тотъ, что оно обозначаетъ доказательство, основанное на подробномъ поименованіи обстоятельствъ. Если я говорю: „я встрѣтилъ АВ въ Лондонѣ“, то это удостовѣреніе не есть обстоятельственное. Оно сдѣлается весьма обстоятельственнымъ если я скажу: „я встрѣтилъ АВ во Флитъ-стритѣ насупротивъ типографіи въ половинѣ одиннадцатаго по часамъ церкви Св. Павла. АВ имѣлъ на себѣ широкое темное пальто, свѣтлые брюки, оксфордскіе башмаки и бѣлую шляпу, въ одной рукѣ держалъ палку съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, а въ другой книгу, формата октаво, переплетенную въ шагрэнъ“. Подобное показаніе внушаетъ болѣе довѣрія нежели голословное первое, потому что его труднѣе выдумать и легче обнаружить, что

оно лживое. Въ этомъ смыслѣ обстоятельственность является въ роли элемента укрѣпляющаго силу доказательства, но не таковъ смыслъ, въ которомъ техники употребляютъ обыкновенно этотъ терминъ. Его превратили въ основаніе послѣдовательной теоріи, имѣющей цѣлью установить мѣру силы доказательства независимо отъ обстоятельствъ, при которыхъ оно дается и отъ лицъ, которымъ оно предлагается, иными словами, ввести нѣчто похожее на материковыя теоріи о *probatio plena* и *semiplena*.

Сущность теоріи дѣленія доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя состоитъ въ томъ, что есть различіе между главнымъ фактомъ, который долженъ быть доказанъ на судѣ и второстепенными фактами, которые служатъ только доказательствами выше—упомянутаго главнаго факта; что доказательства главнаго факта суть прямыми доказательствами самаго преступленія, но что доказательства второстепенныхъ фактовъ суть обстоятельственныя доказательства, потому что они доказываютъ только обстоятельства, изъ которыхъ можно заключить о преступленіи. Сообразно этой фразеологіи обыкновенно говорятъ, что, когда главный фактъ не подтвержденъ прямыми способами удостовѣренія, тогда присяжные не должны признавать подсудимаго виновнымъ, если обстоятельственныя доказательства его вины не совмѣщаютъ въ себѣ извѣстнаго условія, которое опредѣляется такимъ образомъ въ сочиненіи одного хорошаго писателя, занимавшагося этимъ предметомъ (Уильза) [1]: „заключеніе объ уголовной винѣ подсудимаго изъ обстоятельственныхъ доказательствъ тогда только оправдывается, когда существованіе фактовъ служащихъ уликами совершенно несовмѣстно съ невинностью обвиняемаго и необъяснимо посредствомъ всякихъ иныхъ благоразумныхъ предложеній, кромѣ предположенія о его винѣ“.

Первое замѣчаніе, вызываемое такою теоріею, состоитъ въ томъ, что на практикѣ нельзя разграничить главнаго факта отъ второстепенныхъ. Преступленія суть такія дѣянія, которыхъ границы не

---

[1]) *Wills*, On Circumstantial Evidence p. 149. Мнѣніе Стэрки совпадаетъ въ сущности съ мнѣніемъ Уильза, см. 838 стр. и слѣд. 4-е изданіе.

могутъ быть со строгою точностію очерчены. Мы имѣли случай замѣтить, что преступленіе можетъ простираться на весьма продолжительное время и состоять изъ множества совершенно отдѣльныхъ поступковъ. Эти отдѣльные поступки, взятые въ совокупности и разсматриваемые въ связи съ намѣреніемъ, которое сообщаетъ имъ единство, образуютъ преступленіе; но бываетъ, что преступленіемъ нельзя назвать ни одинъ изъ отдѣльныхъ поступковъ порознь взятыхъ. Умерщвленіе Кука Пальмеромъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ дѣйствія предпринятыя Пальмеромъ съ цѣлью умертвить Кука, со включеніемъ самаго умысла на умерщвленіе. Доказаніе одного изъ этихъ дѣйствій нельзя считать доказаніемъ второстепеннаго, вспомогательнаго факта, но оно есть доказаніе самого преступленія на томъ же основаніи, на которомъ предъявленіе одной кости служитъ доказательствомъ существованія части цѣлаго скелета. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы было доказано только то, что Пальмеръ поднесъ ядъ Куку, вслѣдствіе чего Кукъ умеръ, то этого было бы достаточно, за исключеніемъ всякихъ другихъ данныхъ, для изобличенія Пальмера въ мэрдерѣ. Но случилось, что и другія дѣйствія Пальмера входили въ составъ его преступленія, хотя ихъ отсутствіе не видоизмѣнило бы характеръ преступленія. Сочиненіе не перестаетъ быть сочиненіемъ, несмотря то, заключается или оно въ одномъ томѣ или занимаетъ двадцать томовъ, но никому не придетъ въ голову утверждать, что двадцатый томъ служитъ обстоятельственнымъ доказательствомъ преступленія. Оно есть часть самого сочиненія, сочиненіе же есть общее названіе всѣхъ двадцати томовъ вмѣстѣ взятыхъ.

Невозможно сказать положительно, что составляетъ главный фактъ въ преступленіи. Въ смертоубійствѣ трудно рѣшить, что главное: образованіе ли злодѣйскаго умысла въ душѣ, или причиненіе поврежденія тѣлеснаго или послѣдовавшая отъ этого поврежденія смерть? Мэрдеръ немыслимъ, когда нѣтъ на лицо всѣхъ этихъ трехъ условій, но эти три факта могутъ случиться въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Считать ли всѣ эти три факта главными? Государственная измѣна (treason) посредствомъ

злоумышленія противъ жизни короля есть чисто умственное преступленіе, внѣшнее же дѣйствіе въ этомъ преступленіи не есть само преступленіе, но явственный признакъ преступленія, требуемый статутомъ. Въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ можетъ ли быть прямое доказательство преступленія? Есть преступленія совершаемыя многими лицами совокупно, такъ, что невозможно опредѣлить точнымъ образомъ моментъ ихъ совершенія. Какой главный фактъ заговора? это такое преступленіе, которое слагается изъ длиннѣйшаго ряда происшествій, какъ напримѣръ по дѣлу О'Коннеля или по дѣлу о директорахъ британскаго банка. Можно пріискать множество примѣровъ преступленій, совершенныхъ, такъ сказать, кусками; отдѣльныя статьи, изъ коихъ составляется преступленіе могутъ быть доказываемы поштучно, причемъ ни одна изъ нихъ не выдается впередъ и не заслуживаетъ того, чтобы назвать ее главнымъ фактомъ, а всѣ другія второстепенными. Нѣкто замыслилъ извести врага, собралъ матеріалы и построилъ изъ нихъ адскую машину, поставилъ на машину адресъ лица, котораго онъ хотѣлъ убить и вручилъ возчику для доставленія по назначенію. Машина доставлена по адресу во время отсутствія лица, которому она предназначалась, и стоитъ не вскрытая до его возвращенія. Наконецъ это лицо возвращается, открываетъ ящикъ; затѣмъ слѣдуетъ взрывъ, который убиваетъ это лицо на мѣстѣ. Спрашивается: гдѣ здѣсь главные факты и гдѣ второстепенные? Убійца могъ колебаться въ своемъ намѣреніи послать врагу машину до самого момента отсылки; самый рѣшительный и критическій актъ въ его дѣяніи есть, можетъ быть, отдача ящика съ машиною возчику, но не странно ли было бы утверждать, что прямое доказательство преступленія состоитъ изъ одного только показанія возчика о полученіи ящика отъ подсудимаго, всѣ же другія данныя должны считаться обстоятельственными доказательствами [1]).

Если скажутъ, что въ подобномъ дѣлѣ всѣ доказательства прямыя, потому что они подтверждаютъ фактъ преступленія, удо-

[1]) Смотри замѣчанія по поводу процесса Донелльна.

стовѣряя отдѣльныя составныя его части, то въ такомъ случаѣ обстоятельственныя доказательства сводятся къ такой малости, что дѣленіе теряетъ всякое значеніе. Если такъ понимать обстоятельственныя доказательства, то они совсѣмъ устраняются при судоговореніи на основаніи правила, что доказательства допускаются только относящіяся къ спорнымъ пунктамъ. Въ силу этого правила всѣ данныя предъявляемыя при судоговореніи непремѣнно клонятся къ доказанію или предполагаемаго мотива преступленія, или приготовленій къ исполненію злодѣйскаго намѣренія, или подробностей его исполненія, или поведенія преступника послѣ преступленія имѣющаго связь съ преступленіемъ и внушаемаго преступленіемъ— однимъ словомъ, къ доказанію составныхъ частей преступленія, причемъ трудно себѣ представить случай, въ которомъ бы осужденіе могло состояться безъ подобныхъ прямыхъ способовъ удостовѣренія. Всѣ доказательства, или по крайней мѣрѣ всѣ существенныя доказательства по дѣламъ Пальмера, Смиферста, и Доннелэна подходятъ подъ одну или подъ другую изъ названныхъ статей, но эти то дѣла и приводятся какъ примѣры примѣненія обстоятельственныхъ доказательствъ. Различіе, которое имѣютъ въ виду писатели, отстаивающіе обстоятельственное доказательство, имѣетъ въ сущности двойственное основаніе. Нѣкоторыя преступленія могутъ быть названы непрерывными, другія перемежающимися. Въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя перемежаются, разныя статьи, служащія доказательствами, пропорціонально болѣе многочисленны и требуетъ большей смѣтливости и сообразительности, нежели тѣ, которыя связаны въ одну группу. Неразборчивое примѣненіе термина: обстоятельственное доказательство къ перемежающимся преступленіямъ съ одной стороны, и къ преступленіямъ хотя и непрерывнымъ, но такимъ, по которымъ доказательства происшествія неполны съ другой стороны, имѣетъ то послѣдствіе, что оно отвлекаетъ вниманіе отъ серьознаго различія между непрерывными и перемежающимися преступленіями, которому нельзя не отказать въ значеніи, и даетъ благовидный предлогъ факту, что

присяжнымъ приходится порою дѣйствовать на основаніи неполныхъ доказательствъ.

Если бы ограничить этотъ терминъ одними случаями непрерывнаго преступленія, доказываемаго другими способами удостовѣренія, кромѣ показаній очевидцевъ въ тѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, которыя существенны для его понятія по закону, то и въ такомъ предположеніи терминъ вызывалбы сильныя возраженія. Одни видимыя обстоятельства, взятыя порознь или въ совокупности, не могутъ еще сами по себѣ составить преступленія. Оно немыслимо безъ умственнаго элемента. Только злой умыселъ въ общемъ своемъ видѣ или въ какомъ нибудь спеціальномъ, сочетаясь съ извѣстными внѣшними движеніями тѣла, образуетъ преступленіе, о настроеніи же сознанія преступника мы только догадываемся изъ обстоятельствъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ доказательства обстоятельственны и различіе между доказательствами прямыми и обстоятельственными не можетъ имѣть мѣста. Это возраженіе не есть игра словъ. Очень часто самый серьозный вопросъ въ дѣлѣ есть вопросъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго и нѣтъ вопроса, который бы требовалъ болѣе трудныхъ изслѣдованій. Нѣкто всталъ изъ-за стола во время обѣда въ присутствіи многихъ лицъ и убилъ вдругъ одного изъ собесѣдниковъ безъ повода и угрозъ. Существенный вопросъ въ такомъ дѣлѣ слѣдующій: опровергается ли предположеніе о зломъ умыслѣ состояніемъ умственныхъ способностей подсудимаго или нѣтъ? Его дѣйствіе было ли дѣйствіемъ здороваго человѣка или помѣшаннаго? Будетъ ли доказательство въ этомъ случаѣ прямое или обстоятельственное? Его слѣдуетъ считать прямымъ, если считать фактъ убіенія (фактъ неоспариваемый) главнымъ фактомъ или *factum probandum;* оно будетъ обстоятельственное, если главнымъ фактомъ считать состояніе умственныхъ способностей подсудимаго. Но кто же рѣшится назвать такое дѣло примѣромъ примѣненія обстоятельственнаго доказательства? Положимъ, что два человѣка поссорились въ публичномъ заведеніи не будучи ни совершенно пьяны, ни трезвы. Дошло до потасовки, при чемъ одинъ изъ дерущихся, произнося

страшнѣйшія проклятія, сказалъ другому: „я вырѣжу у тебя сердце“, причемъ поразилъ его ножемъ. Спрашивается: имѣемъ ли мы дѣло съ нанесеніемъ раны, причиненнымъ съ намѣреніемъ убить или преступленіе состоитъ только изъ противозаконнаго и злоумышленнаго нанесенія раны? Вопросъ прямо зависитъ отъ настроенія ума подсудимаго въ моментъ удара. Нѣкто обвиняется въ укрывательствѣ завѣдомо краденаго или въ выпускѣ поддѣльныхъ монетъ завѣдомо о ихъ фальшивости. Его видали, когда онъ получалъ краденыя вещи ночью, но онъ заплатилъ за нихъ хорошую цѣну и не таится съ тѣмъ, что онъ ихъ пріобрѣлъ. Нѣкто далъ фальшивую полукрону (72 к.) за сигару стоющую 3 пенса (7 к.), и получилъ сдачи 2 шиллинга 3 пенса (65 к.), притомъ онъ сдѣлалъ одно подозрительное замѣчаніе. Съ другой стороны у него не оказалось другихъ фальшивыхъ монетъ и человѣкъ онъ хорошаго характера. Эти вопросы вертятся всѣ около настроенія ума подсудимыхъ и ни въ какомъ отношеніи нельзя ихъ назвать легкими и удоборѣшимыми вопросами.

Было сказано, что когда подсудимый объявляетъ себя виновнымъ (pleads guilty), то онъ тѣмъ даетъ прямое доказательство своей вины; это ошибочно, потому что когда подсудимый объявляетъ себя виновнымъ нѣтъ спора и не представляется надобности въ предъявленіи доказательствъ. Еслибы подсудимый и далъ показаніе относительно состоянія своего сознанія, то и въ такомъ случаѣ это показаніе было бы обстоятельственнымъ доказательствомъ въ сравненіи съ показаніями другихъ людей и его же собственными относительно тѣлесныхъ его движеній.

Точно также ошибочно говорятъ, что нѣкоторые виды доказательствъ требуютъ вывода изъ нихъ умозаключенія, другіе же не требуютъ. Это мнѣніе основано на смѣшеніи доказательства съ предложеніемъ, удостовѣряемымъ посредствомъ доказательства. Доказательство состоитъ изъ произносимыхъ словъ или изъ предъявляемыхъ вещей: дабы воспользоваться доказательствомъ, какимъ бы то ни было образомъ, необходимо сдѣлать умозаключеніе, напримѣръ о томъ, что произносимое предложеніе истинно или что на-

стоящій видъ предъявляемой вещи есть послѣдствіе какой либо особенной причины. Одно изъ важнѣйшихъ практическихъ возраженій противъ дѣленія доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя состоитъ въ томъ, что оно не признаетъ всей важности и трудности этого рода заключеній и обращается съ ними легкомысленно. Нѣтъ вопроса труднѣе того, на сколько можно вѣрить прямому чьему либо удостовѣренію о какомъ либо фактѣ. Есть нѣсколько преступленій, въ которыхъ всѣ доказательства состоятъ изъ одного какого нибудь удостовѣренія въ такомъ родѣ: „я взглянулъ чрезъ дверь и увидѣлъ, что случилось то-то“. Эти преступленія по существу своему исключаютъ возможность всякаго инаго доказательства; нѣтъ процессовъ, въ которыхъ бы задача присяжныхъ была тяжелѣе и утомительнѣе, какъ именно процессы объ этого рода преступленіяхъ. Трудность вся заключается въ томъ, слѣдуетъ ли изъ удостовѣренія заключить объ истинѣ удостовѣренія. Затрудненіе въ этомъ случаѣ похоже на то, когда приходится пополнить пробѣлъ въ доказательствахъ догадкою, которая имѣетъ много шансовъ въ пользу ея истинности. Нѣтъ сомнѣнія, что форма заключенія всегда одна и та же, и что логика, какъ искуство сколачивать соображенія и сообщать стройность мыслямъ, оказываетъ весьма малое пособіе въ этомъ случаѣ или даже не оказываетъ никакого. При всей логикѣ отвѣтственность судящихъ остается та же, выводъ заключенія столь же тяжелъ, логика увеличиваетъ еще колебанія. Совѣсть становится спокойнѣе, когда уму открывается возможность дѣлать сближенія и соображенія, но когда вопросъ состоитъ въ томъ: „намѣрены ли вы положиться въ столь важномъ дѣлѣ на присягу этого человѣка“, то судья становится лицомъ къ лицу съ самою тяжкою частью своихъ обязанностей.

Настаиваніе на различіи будтобы существующемъ между доказательствами прямыми и обстоятельственными, и влекущемъ за собою различіе въ силѣ разныхъ видовъ доказательствъ, ведетъ къ тому, чтобы не только присяжные, но и судьи техники усвоили себѣ предположеніе, будто при прямомъ удостовѣреніи, которое не изобличено въ лживости, присяжные не имѣютъ свободы выбора,

причемъ и отвѣтственность ихъ падаетъ сама собою. Эта теорія какъ разъ бы нашла примѣненіе въ процессахъ требующихъ сильнѣйшаго напряженія чувства отвѣтственности, въ которыхъ судья обязанъ употребить всѣ усилія, чтобы помогать присяжнымъ и подстрекать ихъ воображеніе обыкновенно лѣнивое и неповоротливое, къ уразумѣнію того факта, что не легкое дѣло казнить неизвѣстное имъ лицо на основаніи присяги другаго человѣка, [illegible]тораго они никогда прежде не видали и только въ силу этой присяги.

Есть еще и другое, важное, практическое возраженіе противъ разбираемаго нами термина. Оно состоитъ въ томъ, что этотъ терминъ есть уловка, изобрѣтенная для сокрытія того, что присяжные обязаны дѣлать догадки въ дѣлахъ уголовныхъ. Я привелъ уже доводы въ подкрѣпленіе того, что составленіе основательныхъ предположеній есть обязанность, и даже можетъ быть самоважнѣйшая обязанность присяжныхъ. Фраза: „обстоятельственное доказательство“ маскируетъ эту обязанность робко и подъ благовиднымъ предлогомъ. Она предлагаетъ надувательскій критерій вѣса доказательства и старается вселить въ присяжныхъ убѣжденіе, что они основываютъ свое рѣшеніе на доказательствѣ особаго рода, весьма остроумномъ и вполнѣ научномъ, между тѣмъ какъ въ сущности они строятъ только догадку. Обманъ состоитъ здѣсь во введеніи слова: „благоразумный“ въ критерій достовѣрности обстоятельственнаго доказательства, заимствованный нами у Уильза. „Факты, служащіе уликами, должны быть совершенно не совмѣстны съ невинностью подсудимаго и не объяснимы посредствомъ всякихъ иныхъ благоразумныхъ предположеній, кромѣ предположенія о его винѣ“. Еслибы вмѣсто „благоразумныхъ“ поставить „возможныхъ“ предположеній, то сама формула измѣнитъ свой смыслъ. Она будетъ обозначать, что присяжные обязаны предполагать существованіе всякаго возможнаго склада обстоятельствъ, при которомъ гипотеза о невинности подсудимаго могла бы быть согласована съ доказательствомъ. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ можно бы сообщить этой фразѣ какой либо иной смыслъ, кромѣ того, который ее старается точнѣе выразить словами: „основательное сомнѣніе“, то есть,

что присяжные обязаны пополнять нѣкоторые пробѣлы въ дѣлѣ догадками. Это заключеніе можетъ не нравиться, но оно вѣрно. Предположимъ однако, что подъ формулу подложенъ иной смыслъ и посмотримъ какъ она будетъ дѣйствовать на практикѣ.

Возьмемъ дѣло Пальмера. Спрашивается: почему не назвать благоразумнымъ слѣдующее предположеніе, что Пальмеръ хотѣлъ отравить Кука и купилъ вещество, которое онъ считалъ стрихниномъ, и поднесъ Куку съ умысломъ умертвить его; что Кукъ скончался вскорѣ послѣ отвѣданія предполагаемаго яда, отъ припадка какой-то необыкновенной и неизвѣстной медикамъ болѣзни; что поднесенное вещество вовсе не стрихнинъ, но какой-то безвредный порошокъ случайно по ошибкѣ проданный Пальмеру вмѣсто стрихнина? Стрихнинъ можетъ быть взятъ по ошибкѣ вмѣсто другихъ веществъ и наоборотъ. Есть болѣзни, которыхъ припадки очень похожи на симптомы отравленія стрихниномъ. Нѣтъ причинъ отрицать возможность того, что припадки болѣзни случились двадцать минутъ послѣ вкушенія предполагаемаго яда, точно также, какъ и во всякое другое время. Всѣ эти соображенія не невозможны. Они могутъ быть согласованы со всѣми фактами дѣла. Несмотря на то, никакое джюри не могло бы и не должно бы было ни на минуту остановиться на подобномъ предположеніи. Однако они должны бы были принять его, еслибы имъ было внушено, что они обязаны предоставить подсудимому воспользоваться всякимъ возможнымъ построеніемъ выводовъ изъ фактовъ. Если ихъ обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы сказать благоразумно ли принять такую догадку, то они очевидно сказали бы что нѣтъ, потому что противоположная догадка объ отравленіи Кука Пальмеромъ подкрѣпляется весьма сильными доказательствами.

Вопросъ о томъ, существуетъ ли во всякомъ данномъ случаѣ *возможная* ипотеза объясняющая дѣло въ пользу невинности подсудимаго, долженъ быть всегда рѣшаемъ утвердительно, потому что всегда возможно предположить, что часть доказательствъ превратно понята, преувеличена или заражена лжесвидѣтельствомъ такъ, что всегда останется мѣстечко для основательнаго сомнѣнія, при суще-

ствованіи коего подсудимый долженъ быть оправданъ по формулированному выше критерію достовѣрности обстоятельственнаго доказательства. Нѣтъ причинъ отличать возможность подложности доказательства отъ возможности существованія такого стеченія обстоятельствъ, которое не подкрѣпляется никакими доказательствами. И такъ единственный способъ ставить разумно вопросъ, предлагаемый присяжнымъ состоитъ въ слѣдующемъ: „какъ вы относитесь лично къ этому предмету? думаете ли вы, что подсудимый совершилъ извѣстное дѣло?“ Можно парафразировать этотъ вопросъ такимъ образомъ: „есть ли у васъ основательное сомнѣніе?“ — „есть ли у васъ серьозное сомнѣніе?“ — „есть ли у васъ сомнѣніе, которое бы могло повліять на благоразумнаго человѣка при рѣшеніи имъ своихъ собственныхъ важныхъ дѣлъ?“ и т. д. Подобныя фразы не только безвредны, но даже весьма полезны, когда употребляются въ общепринятомъ смыслѣ и когда не имѣютъ никакого болѣе опредѣленнаго значенія, кромѣ внушенія присяжнымъ дѣлать только трезвыя и осторожныя предположенія. Возраженіе дѣлаемое противъ теоріи обстоятельственныхъ доказательствъ состоитъ въ томъ, что она играетъ фразою, употребляя ее для несвойственныхъ ей цѣлей и скрываетъ настоящее значеніе присяжническихъ функцій и притомъ скрываетъ ихъ не отъ того или другаго джюри, но и отъ тѣхъ лицъ, которыя обязаны руководить присяжными. Слова: „обстоятельственное доказательство“ какъ разъ приходятся въ пору и превосходно годятся для подобной уловки. Они не имѣютъ точно опредѣленнаго значенія и могутъ быть употребляемы въ томъ или въ другомъ смыслѣ. Съ одной стороны всякое данное доказательство можно считать прямымъ, а не обстоятельственнымъ. Слѣдъ стопы на мягкой почвѣ есть прямое доказательство того что чья-то нога попирала почву; показаніе о томъ, что подсудимый имѣлъ окровавленныя руки есть прямое доказательство того, что у него была кровь на рукахъ. Спрашивается: въ какомъ же смыслѣ считать эти данныя обстоятельственными доказательствами? Защитники теоріи отвѣчаютъ: въ томъ, что удостовѣряемые ими факты суть составныя части цѣлой группы об-

стоятельствъ, изъ которыхъ, когда они взяты въ совокупности, можно заключить о винѣ подсудимаго. Изъ этой діалектики слѣдуетъ, что вина выводится не изъ самыхъ доказательствъ, но изъ заключеній выведенныхъ изъ доказательствъ. Доказательства, то есть произнесенныя слова ими предъявленныя вещи, заставляютъ присяжныхъ заключать, что существуетъ извѣстная группа фактовъ, но существованіе этихъ фактовъ явствуетъ изъ умозаключенія, а не изъ очевидности. Такимъ образомъ терминъ: „обстоятельственное доказательство“ взятъ для обозначенія процесса сочетанія и разработки умозаключеній, выводимыхъ изъ доказательствъ. Нельзя злоупотреблять такимъ образомъ рѣчью.

Устранимъ всѣ заключенія противъ терминологіи и допустимъ, что есть существенное различіе между доказательствами прямыми и обстоятельственными. Спрашивается: какія практическія послѣдствія этого различія? Нѣтъ никакой разницы въ относительной силѣ доказательствъ того или другаго сорта, ни въ процессахъ, въ которыхъ доказательства сильныя, ни въ процессахъ, въ которыхъ они слабы. Сличимъ два примѣра сильныхъ доказательствъ. Нѣсколько достовѣрныхъ свидѣтелей показываютъ, что они видали, какъ воръ опустилъ руку въ чужой карманъ, вытащилъ оттуда кошелекъ и бѣжалъ. Спрашивается: въ какомъ отношеніи эти данныя слабѣе или сильнѣе столькихъ же показаній одинаково достовѣрныхъ свидѣтелей, утверждающихъ, что кошелекъ былъ кѣмъ-то взятъ изъ кармана у владѣльца его, послѣ чего тотчасъ увидѣли они, какъ подсудимый бѣжалъ, какъ его взяли и какъ при обыскѣ у него нашли кошелекъ въ потаенномъ карманѣ, причемъ онъ не могъ дать никакого объясненія. Возьмемъ теперь два примѣра слабыхъ доказательствъ. Нѣкто клянется что его ограбили темною ночью, и что подсудимый и есть то лицо, которое его ограбило. Онъ могъ разглядѣть грабителя въ лицо при свѣтѣ яркомъ, но перемежающемся отъ дальней кузницы, который освѣтилъ на одно мгновеніе всю фигуру грабителя. Положимъ также, что украденъ мѣшокъ, который въ три мѣсяца потомъ найденъ повидимому спрятаннымъ въ домѣ торгующаго корабельными снастями. Онъ далъ объясненіе

новой вѣроятности лживое. Иныя лица имѣли доступъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ мѣшокъ. Которыя изъ этихъ доказательствъ слабѣе? Ихъ относительная сила не зависитъ отъ качествъ присущихъ прямому или обстоятельственному доказательству.

Единственная польза, которая достигается въ дѣйствительности критикуемымъ нами терминомъ, состоитъ въ томъ, что онъ снабжаетъ адвоката подсудимаго весьма подходящимъ къ защитѣ софизмомъ. Вмѣсто того, чтобы доказывать, что доказательства неполны, потому что такой-то фактъ не доказанъ, или что изъ доказательствъ нельзя вывести такого-то заключенія, потому что можно дать фактамъ такое-то объясненіе, адвокаты подсудимыхъ утверждаютъ, что подсудимые уличаются только обстоятельственными доказательствами, всѣ же обстоятельственныя доказательства неполны или не допускаютъ дѣлать изъ нихъ положительнаго заключенія о винѣ. Присемъ адвокаты ссылаются на случаи осужденій на основаніи неполныхъ и неизобличающихъ доказательствъ, подобные знаменитому разсказу о дядѣ злодѣѣ, который Гэль заимствовалъ у Кока [1]), послѣ чего стараются внушить, что такъ какъ доказательства въ каждомъ случаѣ бываютъ только обстоятельственныя, то ни въ какомъ случаѣ нельзя ихъ признать изобличающими. Однимъ словомъ этотъ терминъ годится только на то, чтобы озадачить присяжныхъ и дать имъ возможность ускользать отъ исполненія тяжкой, но самоважнѣйшей части ихъ обязанностей. Случаи подобные приведенному у Гэля не могутъ ни въ какомъ отношеніи служить антецедентами. Кромѣ того, нѣтъ и не можетъ быть никакихъ антецедентовъ для вердиктовъ. Назначеніе антецедентовъ состоитъ въ установленіи общаго правила указаніемъ на то, что это правило было признано при рѣшительныхъ соображеніяхъ объ извѣстныхъ фактахъ, но нѣтъ и не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ для взвѣшиванія доказательствъ и вывода изъ нихъ заключеній. Работа присяжныхъ есть дѣло одной только личной проницательности и простаго здраваго смысла. Это такой вопросъ, въ

[1]) 2 Hale, P. C. 290 note.

которомъ присяжные должны разсуждать и разсуждаютъ, переходя отъ частнаго къ частному и не употребляя никакихъ посредствующихъ обобщеній, подобно тому какъ они дѣйствуютъ въ иныхъ дѣлахъ и случаяхъ житейскихъ.

Вся задача присяжныхъ изображена превосходно въ инструкціи, которую по отзывающемуся немного театральностью предписанію закона [1]), глава присяжныхъ обязанъ прочесть до приступленія къ обсужденію дѣла и которая сверхъ того вывѣшена на стѣнѣ въ комнатѣ присяжныхъ: „законъ не требуетъ отъ присяжныхъ отчета въ доводахъ, коими они убѣдились; онъ не предписываетъ имъ правилъ, на которыхъ они должны въ особенности основывать полноту и достаточность доказательствъ; онъ предписываетъ имъ только вопрошать самихъ себя молча и углубясь въ свои мысли, и искать въ глубинѣ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумѣ доказательства, представленныя противъ подсудимаго и доводы его защиты. Законъ не говоритъ имъ: считайте за истину фактъ удостовѣряемый такимъ-то или такимъ-то числомъ свидѣтелей; онъ не говоритъ имъ тѣмъ паче: признавайте недостаточнымъ всякое доказательство, которое не состоитъ изъ такого-то протокола, изъ такихъ-то документовъ, изъ столькихъ-то свидѣтелей или столькихъ-то уликъ. Онъ имъ предлагаетъ только одинъ слѣдующій вопросъ, который вмѣщаетъ въ себѣ всю мѣру ихъ обязанностей: имѣете ли вы искреннее убѣжденіе?“ (avez vous une conviction intime?).

[1]) Code d'Instr. Crim., art. 342.

ГЛАВА VIII.

АНГЛІЙСКАЯ ТЕОРІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

I. Правила о санкціи, подъ которою предлагаются доказательства. — Законы о лжесвидѣтельствѣ. — Ихъ недостаточность.

II. Правила о томъ какъ должны быть отбираемы доказательства. — Руководящіе вопросы. — Перекрестное допрашиваніе судьи. — Просторъ дѣятельности адвоката. — Власть судьи.

III. Правила о годности, числѣ и достовѣрности свидѣтелей. — Причины негодности: 1) супружескія отношенія; 2) недостатокъ разумѣнія; сумашествіе; 3) недостатокъ религіозной вѣры; атеизмъ. — Привилегированные свидѣтели.

Правила о числѣ свидѣтелей. — Особенности измѣны и клятвопреступленія.

Правила о достовѣрности свидѣтелей. — Опроверженіе довѣрія питаемаго къ свидѣтелю доказательствами дурнаго характера его, вопросами относительно его честности при перекрестномъ допросѣ, и оспариваніемъ его показанія. — Право стороны опровергать ея же собственныхъ свидѣтелей.

IV. Правила о достовѣрности доказательствъ. 1) На комъ лежитъ onus probandi. — 2) Доказательства должны ограничиваться спорными пунктами. — Свѣдѣнія о дурномъ или хорошемъ характерѣ лица. — 3) Должно быть предлагаемо наилучшее доказательство. — 4) Свидѣтельствованіе по слухамъ не допускается. — 5) Правила о собственномъ признаніи. — Внушенія, какъ обстоятельства уничтожающія силу признанія.

Общій выводъ изъ англійской теоріи доказательствъ.

Въ предъидущей главѣ я старался показать, какая цѣль имѣется въ виду при составленіи правилъ о доказательствахъ и на

какихъ началахъ они должны быть основаны. Настоящая глава посвящена англійской системѣ доказательствъ. Планъ настоящаго сочиненія не допускаетъ дать подробный отчетъ о всѣхъ особенностяхъ столь громаднаго и столь сложнаго цѣлаго. Я ограничусь очертаніемъ общаго характера этой системы и ея отношенія къ вышеизложеннымъ началамъ. Всѣ правила о доказательствахъ могутъ быть совмѣщены въ слѣдующихъ четырехъ статьяхъ:

I. Правила о санкціи, подъ которою предлагаются доказательства.

II. Правила о томъ, какимъ образомъ должны быть отбираемы доказательства.

III. Правила о годности къ свидѣтельствованію и о достовѣрности свидѣтелей.

IV. Правила о достовѣрности доказательствъ.

I.

Правила о санкціи, подъ которою предлагаются доказательства.

Общее правило то, что всякое показаніе въ уголовномъ судѣ должно быть подтверждено присягою, иными словами, что оно дается подъ страхомъ строгихъ наказаній или при особенныхъ обстоятельствахъ подъ страхомъ имѣющей тотчасъ наступить смерти. Много было толковъ о существѣ присяги, но нѣтъ надобности вдаваться въ этотъ вопросъ. Каково бы ни было нравственное различіе между клятвопреступнымъ лжесвидѣтельствомъ и иными особенно зловредными видами умышленной лжи, не подлежитъ сомнѣнію, что дача прясяги оказываетъ сильное вліяніе на умы людей и что посему весьма желательно пользоваться выгодами, проистекающими отъ этого вліянія, коль скоро тому благопріятствуютъ обстоятельства. Я разберу въ настоящей статьѣ вліяніе послѣдствія этого правила въ примѣненіи годности къ свидѣтельствованію разныхъ разрядовъ лицъ.

Есть одинъ пунктъ въ ученіи о присягѣ, который заслуживаетъ, чтобы на него обращали болѣе вниманія, нежели обращаютъ до сихъ поръ, а именно современное состояніе законодательства о клятвопреступленіи (perjury). Клятвопреступленіе не вошло въ новѣйшіе консолидирующіе статуты (1861); оно представляетъ собою замѣчательный примѣръ характеристическихъ дурныхъ сторонъ неисправленнаго опредѣленія преступленія. Законодательство о клятвопреступленіи дѣлится на двѣ главныя вѣтьви: клятвопреступленіе по обычному праву и клятвопреступленіе по статутамъ. Оно опредѣляется такимъ образомъ въ обычномъ правѣ: клятвопреступное лжесвидѣтельство (perjury) есть умышленная лживая присяга, данная лицомъ, которое будучи законнымъ образомъ призвано показать правду на судѣ (court of justice), поклялось относительно предмета, имѣющаго вліяніе на исходъ спорнаго дѣла, причемъ все равно повѣрили ли ея присягѣ или нѣтъ [1])".

По этому опредѣленію лживая присяга должна быть дана въ судѣ и относиться къ предмету имѣющему вліяніе на исходъ дѣла. Есть нѣкоторыя неизбѣжныя затрудненія при точнѣйшемъ разборѣ вопроса, что считать судомъ и что нѣтъ. Многіе акты парламента требуютъ или допускаютъ присяжныя показанія или объявленія имѣющія характеръ присяжныхъ, которыя однако никакъ не могутъ быть разсматриваемы какъ формы судебнаго производства. Для сообщенія этимъ присягамъ необходимой санкціи обыкновенно во всѣхъ подобныхъ статутахъ помѣщаема была оговорка, что приносящій лживую присягу въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ статутами подвергаетъ себя отвѣтственности, какъ за клятвопреступленіе. Списокъ всѣхъ подобныхъ статутовъ можно найти въ сочиненіи Росселя о преступленіяхъ [2]). Они касаются разныхъ предметовъ, гербовой бумаги, акциза, корабельныхъ матеріаловъ, и т. д. Во всѣхъ случаяхъ, когда актъ парламента требуетъ присяги, но не дѣлаетъ изъ лживой присяги клятвопреступленія, кажется что лжи-

[1]) 2 Russel, Cr. 596.
[2]) 2 Russel, Cr. 608.

вая клятва должна считаться просто мисдеминоромъ, а не клятвопреступленіемъ. Такъ напримѣръ законъ (4 Georg. IV c. 76 s. 14) требуетъ присаги передъ духовнымъ лицомъ (surrogate) со стороны бракосочетающагося для полученія разрѣшенія на женитьбу, но нѣтъ постановленія о томъ, что такая лжеприсяга составляетъ клятвопреступленіе. Было заявлено мнѣніе [1]), что совершить даже этого рода лживую присягу, значитъ совершить только мисдеминоръ. Вопросъ этотъ такъ и остался нерѣшеннымъ, потому что его свели на то, было ли производство передъ духовнымъ лицомъ судебное или внѣсудебное. Это усложненіе вопроса кажется безполезно потому, что наказаніе за клятвопреступленіе отличается отъ наказанія за другіе мисдеминоры только тѣмъ, что оно сопровождается тяжкими работами. Вся суть клятвопреступнаго лжесвидѣтельства заключается въ томъ, что какая либо законная власть обязываетъ человѣка сказать правду. Законъ былъ бы правильнѣе и лучше если бы его такимъ образомъ формировать, чтобы подъ него подошли всѣ лживыя присяги и всѣ лживыя показанія, чинимыя передъ судомъ или передъ лицомъ уполномоченнымъ или обязаннымъ по закону приводить къ присягѣ и принимать показанія.

Та часть опредѣленія клятвопреступленія, которая требуетъ, чтобы лжесвидѣтельство относилось къ „предмету имѣющему вліяніе на исходъ спорнаго дѣла“, порождаетъ множество затрудненій и не имѣетъ твердаго основанія. Кажется что она построена на недоразумѣніи. Древнѣйшіе процессы по этому предмету собраны у Гаукинса [2]), причемъ Гаукинсъ говоритъ: „Если присяжная ложь учинена безъ цѣли, если она совсѣмъ нематеріальная (несущественная) и не касающаяся спорнаго вопроса, если она не клонится къ преувеличенію или къ уменьшенію убытковъ, ниже направлена къ тому чтобы заставить присяжныхъ скорѣе повѣрить существенной части доказательства, то она неможетъ считаться клятвопреступленіемъ. Положимъ что въ судѣ, рѣшающемъ вопросъ о томъ, въ здравомъ,

---

[1]) 1 Den. Cr. C. 433.
[2]) 1 Pl. Cr. 433.

ли умѣ человѣкъ или нѣтъ, свидѣтель дѣлаетъ разсказъ о томъ, какъ онъ провелъ цѣлый день съ человѣкомъ о которомъ идетъ рѣчь и вводитъ нѣкоторыя ложныя подробности въ разсказъ. Положимъ, что судья спрашиваетъ свидѣтеля, привелъ ли онъ цѣлое стадо овецъ изъ одного города въ другой, свидѣтель отвѣчаетъ да, между тѣмъ оказывается что часть этихъ овецъ онъ привелъ прежде, а другую часть послѣ, за другимъ разомъ. Нельзя признать этого свидѣтеля клятвопреступникомъ, потому что весь вопросъ въ томъ, привелъ ли онъ овцы всѣ сполна или нѣтъ, способъ же привода овецъ есть обстоятельство совершенно побочное.“

Ссылаясь на разные авторитеты Гаукинсъ замѣчаетъ [1]), что есть случаи, когда свидѣтели не поняли сущности вопроса, такъ что вышло на дѣлѣ собственно недоразумѣніе, а не клятвопреступленіе. Если это такъ, то заключительный выводъ изъ приводимыхъ случаевъ долженъ состоять не въ томъ, что ложь нематеріальная (несущественная), но что свидѣтелю слѣдуетъ дать понять, что отъ суда требуется обстоятельный отвѣтъ на нѣкоторые пункты. Очевидно что совсѣмъ иное дѣло дать не вполнѣ точный отвѣтъ вслѣдствіе не пониманія всей важности предлагаемаго вопроснаго пункта, и иное намѣренно лжесвидѣтельствовать о какомъ либо обстоятельствѣ побочномъ, не имѣющемъ связи съ пунктами спора. Прямая обязанность свидѣтеля давать искренніе отвѣты на всѣ вопросы суда. Допускать свидѣтелю лжесвидѣтельствовать о несущественныхъ обстоятельствахъ, значитъ обезпечивать произвольно безнаказанность за извѣстнымъ числомъ клятвопреступленій, потому что нельзя предполагать, чтобы свидѣтель зналъ въ моментъ дачи присяги по какому обстоятельству онъ отвѣчаетъ: существенному или несущественному. Каково бы не было происхожденіе правила, оно принято въ менѣе разумномъ изъ двухъ вышеизложенныхъ толкованій его и много дѣлъ рѣшено въ ту или другую сторону на основаніи соображенія существенна ли или нѣтъ та или другая статья въ показаніи (то есть можетъ ли она имѣть вліяніе на исходъ

[1]) P. 434.

дѣла или нѣтъ). Весьма легко передѣлать опредѣленіе клятвопреступленія, выпуская это ненужное различіе.

Клятвопреступленіе есть одно изъ немногихъ преступленій, которыхъ наказуемость стоитъ въ большей части случаевъ ниже надлежащаго уровня. Оно можетъ быть орудіемъ совершенія мерзѣйшихъ видовъ смертоубійства и грабежа; оно можетъ причинить потерю свободы, чести, собственности; не смотря на то maximum наказанія за это преступленіе непревышаетъ четырехлѣтнихъ каторжныхъ работъ. Не было бы слишкомъ строго постановить, что клятвопреступленіе, съ цѣлью достигнуть чрезъ него уголовнаго осужденія извѣстнаго лица (виновнаго или невиновнаго въ этомъ преступленіи), должно быть наказываемо пожизненными каторжными работами. Клятвопреступленіе случается рѣдко, но могутъ быть обстоятельства въ которыхъ ни одна казнь, кромѣ смертной, небудетъ въ примѣненіи къ нему слишкомъ строгою [1]).

II.

Правила о томъ, какъ должны быть отбираемы доказательства.

Эти правила опредѣляютъ порядокъ, въ которомъ свидѣтели должны быть вызываемы къ отвѣту (мы касались уже этого предмета въ главѣ объ уголовномъ судопроизводствѣ), и способы ихъ допрашиванія. Главное правило состоитъ въ томъ, что и адвокатъ по части обвиненія и адвокатъ защитникъ подсудимаго допрашиваютъ сперва каждый своихъ свидѣтелей, или какъ выражается техника, подвергаютъ ихъ главному допросу (in chief), послѣ чего каждый изъ нихъ подвергаетъ свидѣтелей противной стороны перекрестному допросу (cross-examination). Нельзя задавать руководящихъ (leading) вопросовъ въ главномъ допросѣ, какъ первоначальномъ, такъ и вторичномъ, третьичномъ (re-examination), но

[1]) Процессъ Мак. Даніеля и др. 19 St. Tr. 745.

можно и слѣдуетъ задавать таковые вопросы при перекрестномъ допросѣ. Руководящимъ вопросомъ называется тотъ, который подсказываетъ допрашиваемому отвѣтъ, ожидаемый допрашивающимъ. Обыкновенно даютъ этому же понятію другое опредѣленіе, чисто практическое, которое не всегда оправдывается на дѣлѣ, а именно руководящимъ вопросомъ называютъ тотъ, на который можно отвѣчать просто словами: *да* или *нѣтъ*. Очевидно, что всѣмъ понятно какого отвѣта желаетъ вопрошающій въ данномъ случаѣ. Положимъ напримѣръ что свидѣтеля спрашиваютъ: „былъ ли тамъ-то А В?“ причемъ особенное удареніе, которое ставится на А В, указываетъ что онъ тамъ былъ. Однако на этотъ способъ различать вопросы руководящіе отъ неруководящихъ нельзя вполнѣ положиться, напр. изъ вопроса: могъ ли подсудимый слышать что онъ сказалъ? нельзя ничего догадаться, слѣдовательно это неруководящій вопросъ. Перемѣна въ фразѣ легко можетъ измѣнить характеръ вопроса, такъ напримѣръ: „былъ ли подсудимый въ духѣ?“ (had he high spirits?) есть руководящій вопросъ, — но: „въ какомъ расположеніи духа былъ подсудимый?“ не есть руководящій вопросъ. „Что дѣлалъ подсудимый съ кошелькомъ?“ есть руководящій вопросъ, потому что предполагаетъ, что извѣстное лицо имѣло въ своихъ рукахъ кошелекъ, которымъ такъ или иначе распорядилось. Собственно слѣдовало бы спросить: „что сдѣлалось съ кошелькомъ?“ Положимъ что данъ будетъ слѣдующій отвѣтъ: „подсудимый передалъ его В.“ Очевидно, что сама форма вопроса можетъ имѣть весьма важное значеніе. Всякій вопросъ, по существу случая, къ которому онъ относится, содержитъ извѣстную долю подсказыванія, необходимого для направленія ума свидѣтеля на пунктъ, по которому требуется его отвѣтъ; этимъ и ограничивается подсказываніе, допускаемое юридическою теоріею.

На практикѣ эта строгость теоріи испытываетъ значительныя послабленія. Право возражать противъ руководящихъ вопросовъ есть привилегія подсудимаго, если же онъ не считаетъ нужнымъ пользоваться этимъ правомъ, то эти руководящіе вопросы оказываются до извѣстной степени весьма полезными и производятъ зна-

чительное сбереженіе времени и хлопотъ. Они хороши по всѣмъ предметамъ, неоспариваемымъ въ сущности. Практика выработала обычай, что когда свидѣтель показалъ объ извѣстномъ фактѣ и не былъ допрошенъ перекрестнымъ допросомъ по этому пункту, то слѣдующимъ за нимъ свидѣтелямъ того же факта могутъ быть предлагаемы руководящіе вопросы. Причина этого обычая та, что упущеніе перекрестнаго допроса предполагаетъ, что фактъ признается несомнѣннымъ. Положимъ что по дѣлу о противозаконныхъ скопищахъ (riot) доказано, что были произведены значительные безпорядки; въ такомъ случаѣ вопросы основанные на предположеніи о томъ, что скопище имѣло мѣсто въ дѣйствительности, не могутъ вызвать никакого возраженія, такъ что допрашивающій вправѣ спросить свидѣтеля: „были вы при этомъ скопищѣ?“

На практикѣ почти всегда ясно съ перваго раза въ чемъ состоитъ споръ, вслѣдствіе чего для сбереженія времени допускаются даже въ главномъ допросѣ руководящіе вопросы, коль скоро они некасаются сущности спора. Въ судахъ сплошь и рядомъ слышатся слѣдующіе вопросы при главномъ допросѣ: „Вы ли А В и состоите ли золотыхъ дѣлъ мастеромъ въ Ноттингэмѣ?“ „Правда ли что вы шли по торговой площади въ понедѣльникъ вечеромъ 10 марта?“ „Видали ли вы на этой площади подсудимаго?“ „Говорилъ ли онъ съ вами?“ Положимъ что производится дѣло о мошенничествѣ и что разговоръ свидѣтеля съ подсудимымъ входилъ въ составъ этого мошенничества. Въ такомъ случаѣ первый вопросъ, слѣдующій за сдѣланными руководящими, будетъ неруководящій и выразится въ слѣдующей формѣ: „что онъ сказалъ?“ Если разговоръ на площади служилъ только введеніемъ къ обману, то позволительно спросить: „просилъ ли васъ подсудимый къ себѣ въ домъ?“ Эта практика предоставляетъ большой просторъ адвокату, и полагается на его сдержанность и честность. При допрашиваніи свидѣтеля вполнѣ и самымъ явственнымъ образомъ обнаруживаются умственныя и нравственныя качества, требуемыя отъ людей этого званія. Весьма легко увлечься и зайти за должное, сдѣлать вопросъ неправильный подсказывающій отвѣтъ, и встрѣтивъ возраженіе опровергнуть

его или, перевернувъ тотъ же вопросъ, поставить его въ иномъ видѣ. Такимъ образомъ отвѣтъ все таки подсказанъ, зло сдѣлано, противникъ же лишенъ гарантіи, предоставляемой ему закономъ.

Самымъ лучшимъ мѣриломъ честности адвокатовъ служитъ степень добросовѣстности, съ какой они сообразуются съ правилами о доказательствахъ, независимо отъ того, благопріятны ли для нихъ эти правила въ данномъ случаѣ или неблагопріятны. Положительнымъ отвѣтомъ на всѣ обращающіяся въ народѣ поговорки о безнравственности адвокатскаго сословія служитъ то обстоятельство, что это сословіе вполнѣ понимаетъ родъ сдержанности, коего требуютъ отъ адвоката правила о доказательствахъ и система судопроизводства, и что злоупотребленія наблюдаются столь же зорко и осуждаются столь же сильно со стороны адвокатскаго сословія, какъ и неправильности и нечестности въ другихъ званіяхъ. Главная защита публики отъ предосудительныхъ продѣлокъ со стороны адвокатовъ заключается въ заботливости всѣхъ членовъ сословія о чистотѣ и неопороченности характера ихъ званія.

Эти изъятія изъ правила, запрещающаго предлагать руководящіе вопросы, суть скорѣе дѣло практики нежели строгаго права, но есть одно исключеніе прямое и существенное, которое состоитъ въ слѣдующемъ. Когда судья убѣдится изъ поведенія свидѣтеля въ судѣ или изъ противорѣчій между его показаніемъ и другими данными, что онъ старается скрыть правду и помочь подсудимому, то судья можетъ своею властью предоставить адвокату по части обвиненія предлагать свидѣтелю руководящіе вопросы, или какъ выражается техника, онъ можетъ предоставить адвокату обвинителя обращаться съ свидѣтелемъ какъ съ „враждебнымъ“ (hostile) лицомъ. Эта мѣра оказывается на практикѣ слабою и недостаточною въ примѣненіи къ потворствующимъ и неохотнымъ свидѣтелямъ. Несомнѣнно слабая сторона англійской системы заключается въ томъ, что потворствующіе обвинители и неохотные свидѣтели имѣютъ много способовъ избавить виновнаго отъ отвѣтственности.

При перекрестномъ допросѣ лишнее руковожденіе неопасно. Вся теорія перекреснаго допроса основана на томъ, что свидѣ-

тели по части обвиненія неблагопріятны для подсудимаго, и будутъ показывать противъ него, посему онъ вправѣ повѣрять ихъ показанія всѣми мѣрами, какія состоятъ въ его власти, приводить имъ на память самымъ рѣзкимъ образомъ всѣ обстоятельства для него благопріятныя, которыя они могли позабыть или скрыть, раскрывать и обнаруживать всѣ малозамѣтныя недомолвки или противорѣчія въ ихъ показаніяхъ. Однако очевидно, что если свидѣтель расположенъ въ пользу того, кто его допрашиваетъ перекрестнымъ допросомъ, и если его показаніе обнаруживаетъ существованіе совершенно новыхъ фактовъ, то обстоятельство, что эти новые факты раскрыты посредствомъ руководящихъ вопросовъ, должно уменьшить или даже и разрушить силу показанія. Таковъ кажется смыслъ правила, формулируемаго нѣкоторыми писателями [1]), что „адвокатъ не долженъ доходить до влаганія словъ въ уста свидѣтеля, и до превращенія свидѣтеля въ свое эхо“. Авторитетъ, которымъ подкрѣпляется это правило состоитъ въ слѣдующемъ извлеченіи изъ процесса Гэрди (Hardi), относящагося къ 1794 году.

Адвокатъ Эрскинъ. „Слышали ли вы, чтобы кто нибудь изъ нихъ говорилъ, что подача прошеній частными обществами не можетъ оказать подобнаго вліянія на парламентъ?“

Лордъ Главный Судья Эйръ. „Не влагайте словъ въ уста свидѣтелей.“

Эрскинъ. „Вспомните, ваша милость, что я допрашиваю перекрестнымъ допросомъ.“

Л. Г. С. Эйръ. „Даже и при перекрестномъ допросѣ не слѣдуетъ влагать словъ въ уста свидѣтелей.“

Генералъ Атторней. „Если это бываетъ, то надобно сожалѣть.“

Эрскинъ. „Въ судѣ при которомъ я состою существуетъ обычай задавать такіе вопросы при перекрестномъ допросѣ.“

Л. Г. С. Эйръ. „Я васъ незадерживаю, но вашъ образъ дѣйствія противенъ моей практикѣ и моему убѣжденію“. Послѣ од-

[1]) Taylor, 124. Evid. 1115. 1 Starkie 197.

ного или двухъ замѣчаній Л. Г. Судья прибавилъ: „я не хочу по настоящему дѣлу полагать болѣе строгаго правила, нежели то, какое обыкновенно до нынѣ соблюдалось. Вы говорите, что такова была ваша обыкновенная практика“.

Генералъ Атторней. „Джентлемены, которые помогаютъ мнѣ и которые состоятъ при томъ же судѣ говорятъ, что нѣтъ“.

Л. Г. С. Эйръ. „Я полагаю что если вы будете допрашивать свидѣтеля такъ, чтобы мы слышали его собственные отвѣты вмѣсто эха вашихъ словъ, то допросъ произведетъ десять разъ сильнѣйшее впечатлѣніе на присяжныхъ“.

Изъ этого отрывка видно, что возраженія Лорда Главнаго Судьи Эрскину были вызваны особенными обстоятельствами дѣла. Мы ежедневно слышимъ слѣдующіе вопросы, задаваемые неохотнымъ свидѣтелямъ: „не случилось ли то-то?“ „Не сказалъ ли онъ того-то и не отвѣчали ли вы ему то-то?“ такъ что приличіе или неприличіе пріемовъ допрашивающаго зависитъ скорѣе отъ существа раскрываемаго обстоятельства, нежели отъ формы вопроса. Какъ въ томъ, такъ и въ другихъ правилахъ о способѣ отбиранія показаній, судьѣ долженъ быть необходимо предоставленъ широкій просторъ власти. Выраженное имъ мнѣніе, неодобряющее извѣстной постановки вопроса, вполнѣ достаточно на практикѣ, во всѣхъ почти случаяхъ, для опредѣленія надлежащей формы вопроса, потому что адвокату не выгодно вооружать противъ себя судью.

III.

Правила о годности, числѣ и достовѣрности свидѣтелей.

Нѣкогда правила о годности свидѣтелей составляли важнѣйшую отрасль теоріи доказательствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были весьма сложны, какъ-то правила о негодности заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Въ послѣдніе года отмѣнены всѣ почти отводы свидѣтелей, съ весьма немногими исключеніями. Въ дѣлахъ гражданскихъ это устраненіе отводовъ доведено до того, что даже истцы

считаются свидѣтелями по дѣлу. Это великое преобразованіе въ законахъ обязано своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вліянію Бэнтама. Одно изъ руководящихъ началъ въ его сочиненіи о судебныхъ доказательствахъ состоитъ въ томъ, что нельзя дать первенство ни одному изъ возраженій дѣлаемыхъ противъ годности свидѣтеля. Это начало основано на соображеніи, что хотя можно ожидать, что нѣкоторые классы свидѣтелей не всегда скажутъ правду, но что ихъ показанія состоятъ однако въ извѣстномъ отношеніи къ правдѣ, такъ что изъ нихъ можно заключить, какова эта правда въ дѣйствительности. Нѣкто клянется, что онъ былъ въ данномъ мѣстѣ въ данный моментъ. Истина показанія имѣетъ какую нибудь связь съ фактомъ, что такое-то показаніе дано, хотя показаніе можетъ быть лживое. Изъ того, что нѣкто удостовѣряетъ, что онъ былъ въ такомъ-то мѣстѣ, нельзя еще заключить съ полною увѣренностью что онъ тамъ былъ, но очень легко заключить, что онъ не былъ, если сообразить непослѣдовательности и противорѣчія въ его показаніяхъ, а равно и другія обстоятельства. Иными словами показаніе правдивое или лживое всегда поучительно и должно быть въ каждомъ случаѣ принимаемо за то, чего оно въ самомъ дѣлѣ стоитъ.

Это начало принято теперь въ практикѣ со слѣдующими изъятіями, образующими причины негодности къ свидѣтельствованію по уголовнымъ дѣламъ:

1) Негодность къ свидѣтельствованію самого обвиняемаго, и его супруга.

2) Негодность къ свидѣтельствованію по недостатку разумѣнія.

3) Негодность къ свидѣтельствованію по недостатку религіозной вѣры.

1) Недопрашиваніе обвиняемаго есть особенность скорѣе англійской системы судопроизводства, нежели теоріи доказательствъ вообще, тѣмъ болѣе что оно составляетъ отдѣльную и весьма важную черту предварительно слѣдствія, подготовляющаго дѣло къ судебному его рѣшенію. Я касался этого предмета, когда говорилъ о предварительномъ слѣдствіи. Иной характеръ имѣетъ неспособ-

ность супруговъ свидѣтельствовать въ пользу другъ друга или противъ другъ друга, единственное изъятіе этого рода допускаемое англійскими законами. Законъ не обращаетъ вниманія на чувства естественной любви при всякихъ другихъ отношеніяхъ. Родители и дѣти, братья и сестры могутъ быть вызываемы и постоянно вызываются свидѣтельствовать за или противъ другъ друга, и правильность ихъ допрашиванія никогда не была оспариваема. До 1853 г. супруги допускались свидѣтельствовать по гражданскимъ дѣламъ, извѣстно же, что подобные допросы часто подвергаютъ чувства и характеръ допрашиваемыхъ столь же тяжкому испытанію, какъ и бо́льшая часть процессовъ уголовныхъ. Слѣдуетъ помнить, что это правило установлено очевидно въ видахъ человѣколюбія и въ интересахъ обвиняемаго. Его нельзя защищать если смотрѣть на него съ точки зрѣнія обнаруженія истины, потому что хотя показаніе жены въ пользу мужа мало заслуживаетъ само по себѣ довѣрія, однако можетъ случиться, что ея показаніе будетъ въ сильнѣйшей степени противно ея собственному интересу; каковы бы ни была его цѣнность, нѣтъ причины, которая бы мѣшала присяжнымъ основывать на немъ свои убѣжденія.

Если смотрѣтъ на это правило только съ точки зрѣнія человѣколюбія, спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ оно гуманно? Это весьма сомнительно. Для невиннаго мужа показаніе его жены можетъ имѣть величайшую важность. Если обстоятельство таково, что лживыя ея изрѣченія могутъ быть опровергнуты или ихъ несостоятельность можетъ быть обнаружена при перекрестномъ допросѣ, то ея показаніе можетъ имѣть значительный вѣсъ. Нѣкто судился за нанесеніе раны другому лицу въ обыкновенной гостинницѣ. Главнымъ свидѣтелемъ противъ него явилась любовница раненаго. Онъ сослался на свою жену, которая по закону не могла быть допрошена. Тогда онъ воскликнулъ съ негодованіемъ и весьма резонно: „вы выслушали любовницу этого человѣка и не хотите выслушать мою жену!“ Жена обвинителя и самъ обвинитель всегда считаются годными свидѣтелями на томъ основаніи, что настоящій истецъ во всѣхъ преступленіяхъ есть сама королева, такъ что лицо

преслѣдующее подсудимаго именемъ королевы не есть собственно сторона, но такая фикція есть чистая уловка и даетъ сильнѣе почувствовать неравенство между обвинителемъ и обвиняемымъ.

Что касается до того, какой вѣсъ должно имѣть устраняемое показаніе супруга, слѣдуетъ замѣтить, что общественное мнѣніе было бы шокировано обычаемъ вызывать къ отвѣту женъ противъ мужей, что оно едвали бы осуждало жену, сдѣлавшую лживую присягу для спасенія мужа, и что присяжные, наконецъ, смотрѣли бы съ величайшимъ недовѣріемъ на женщину, доброхотно по видимому свидѣтельствующую противъ мужа. Всѣ возраженія, дѣлаемыя противу допущенія подсудимому быть свидѣтелемъ по собственному дѣлу, съ большею еще силою примѣняются къ супругамъ, потому что супружеская любовь, которая заставляетъ мужа или жену лгать для закрытія другаго супруга, есть мотивъ болѣе благородный и одинаково сильный сравнительно съ себялюбіемъ, которое заставляетъ человѣка лгать по своему собственному дѣлу. Чрезвычайно важно для общества, чтобы совершалось какъ можно менѣе клятвопреступленій и притомъ, чтобы они не совершались при условіяхъ, при которыхъ публика будетъ невольно сочувствовать клятвопреступнику. Гораздо важнѣе, чтобы правосудіе согласовалось съ нравственнымъ настроеніемъ общества, нежели чтобы оно исчерпывало непремѣнно всевозможныя средства изобличенія преступниковъ. Посему я полагаю, что единственное улучшеніе законодательства, которое можно присовѣтовать, могло бы состоять только въ дозволеніи обвиняемому сослаться на своего супруга, если онъ думаетъ, что этимъ себѣ поможетъ. Онъ рѣдко прибѣгнетъ къ этому средству для установленія факта, который бы только и доказывался однимъ показаніемъ супруга, напр. для того чтобы заставить вѣрить въ свое alibi. Но иногда показаніе супруга можетъ имѣть свою важность и крайне жестоко недопускать предъявленія его въ судѣ.

Единственное, нынѣ дѣлаемое, исключеніе изъ правила, устраняющаго жену отъ свидѣтельствованія, составляютъ посягательства со стороны мужа на личность жены. Но это исключеніе могло

бы быть весьма удобно распространено на многобрачіе, которое причиняетъ первой женѣ не меньшую обиду, какъ и насиліе или побои. Возникаетъ вопросъ, не слѣдовало ли бы распространить его на посягательства на личность дѣтей и другихъ членовъ семейства или на преступленія совершаемыя въ домѣ? Мужъ убилъ дитя въ присутствіи жены; странно и жестоко было бы признать ее негодною свидѣтельницею. Легко вообразить случаи, въ которыхъ жена только этимъ способомъ, можетъ освободиться сама отъ подозрѣній въ преступленіи и въ которыхъ обоюдная негодность сторонъ къ свидѣтельствованію другъ противъ друга обезпечиваетъ за каждою изъ нихъ безнаказанность. Въ домѣ ночуютъ мужъ, жена и дитя. Утромъ дитя найдено убитымъ. Мужъ и жена могутъ обвинять другъ друга, но не могутъ свидѣтельствовать въ судѣ, вслѣдствіе чего оба должны быть оправданы, если нельзя ихъ привлечь къ суду какъ соучастниковъ въ убійствѣ. Было заявлено мнѣніе, что жена можетъ быть свидѣтельницею въ дѣлахъ объ измѣнѣ, но нѣтъ ни одного примѣра, чтобы жена была вызвана въ судъ свидѣтельствовать въ дѣлѣ объ этого рода преступленіи [1]).

2) *Негодность къ свидѣтельствованію по недостатку разумѣнія.* Законы относящіеся къ этому предмету похожи на законы о невмѣняемости преступленій дитяти, впрочемъ есть между обоими предметами нѣкоторыя различія. Дитя моложе 7 лѣтъ не можетъ совершить преступленій, но его способность свидѣтельствовать вполнѣ зависитъ отъ того, имѣетъ ли оно умъ достаточно развитый для пониманія важности присяги. Этотъ критерій неудаченъ. Дитяти можетъ быть и внушили, что если оно солжетъ, то „пойдетъ по смерти въ дурное мѣсто“ (обыкновенно этимъ и довольствуются, считая дитя понимающимъ значеніе присяги); этому дитя можетъ быть научено гораздо прежде, нежели оно получитъ какое либо понятіе о практической важности своего показанія съ свѣтской точки зрѣнія, и гораздо прежде, чѣмъ оно пойметъ различіе между памятью и воображеніемъ или чѣмъ оно уразумѣетъ, что

[1]) Процессы собранные у Роско (Roscoe) Dig. Cr. Ev. 129.

слѣдуетъ понимать подъ точностью выраженій. Едвали возможно допрашивать дитя перекрестнымъ допросомъ. Это испытаніе слишкомъ тяжкое для незрѣлаго ума. Какъ бы мягко и ласково ни были предлагаемы вопросы, дитя конфузится и пугается, отчасти вслѣдствіе настаиванія на его воспоминанія, отчасти отъ необычайности своего положенія въ судѣ, вслѣдствіе чего на дѣлѣ оказывается, что показаніе доходитъ до присяжныхъ не повѣренное и пользуется бо̀льшимъ вѣсомъ, чѣмъ слѣдуетъ, потому что присяжные всегда почти ему сочувствуютъ. Это составляетъ большое зло, потому что въ дѣтствѣ воображеніе дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, нежели всѣ другія способности, такъ что дѣти говорятъ неправду, не изъ желанія обмануть, но просто потому, что имъ такъ приснилось, вообразилось. Злу этому законъ, однако, не можетъ помочь. Гораздо хуже будетъ постановить, что дѣти неспособны свидѣтельствовать до извѣстнаго возраста. Единственное средство противодѣйствія состояло бы въ томъ, чтобы судьи сильнѣе теперешняго внушали присяжнымъ понятія о недостаточности дѣтскихъ показаній и объ опасности быть слишкомъ довѣрчивыми къ дитяти по питаемому къ нему сочувствію.

Сумашедшіе поставлены по годности своей къ свидѣтельствованію въ такое же положеніе, какъ и по возможности совершать преступленія. Они считаются способными свидѣтельствовать, если окажется, что они понимаютъ значеніе присяги и свойства производства, въ которомъ призваны участвовать. Это обстоятельство вполнѣ подтверждаетъ наши мнѣнія объ уголовной отвѣственности сумашедшихъ.

3. *Негодность по свидѣтельствованію, по недостатку религіозной вѣры.* Коренное начало, служащее основаніемъ этому правилу, изложено слѣдующимъ образомъ въ знаменитомъ процессѣ *Omichund v. Barker:* „Маловѣры, которые вѣруютъ однако въ Бога и въ то, что онъ ихъ накажетъ за лжеприсягу, могутъ и должны быть допускаемы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ къ свидѣтельствованію, хотя эта страна есть христіанская страна. Съ другой стороны я (Willes, главный

судья) полагаю, что маловѣры, если таковые могутъ быть найдены, которые или не вѣруютъ въ Бога, или хотя и вѣруютъ, но не думаютъ, чтобы онъ ихъ награждалъ или наказывалъ въ семъ свѣтѣ или въ будущемъ, не могутъ быть свидѣтелями ни по какому дѣлу, ни при какихъ обстоятельствахъ, потому что присяга не дѣйствуетъ на нихъ и ни къ чему ихъ не обязываетъ."

На основаніи разныхъ статутовъ квакерамъ, моравскимъ братьямъ и сепаратистамъ разрѣшено давать простыя удостовѣренія, вмѣсто присяжныхъ. Въ статутѣ о процедурѣ по обычному праву 1854 г. (Common Law Procedure Act) [1]) постановлено, что, если лицо призываемое къ свидѣтельствованію „откажется отъ дачи присяги или будетъ неохотно давать присягу, то судъ, судья или иное предсѣдательствующее должностное лицо можетъ дозволить нежелающему присягать вмѣсто присяги дать торжественное удостовѣреніе или объявленіе въ слѣдующей формѣ: „Я А В утверждаю и объявляю торжественно, искренно и правдиво, что дача присяги противна правиламъ моего религіознаго вѣроисповѣданія..." и т. д... Это постановленіе относилось сначала только къ судамъ гражданскимъ, но оно распространено и на уголовные законом 24 и 25 Vict. c. 66. Эти статуты не касаются вовсе лица, которое будучи атеистомъ, хотя и не имѣетъ никакой религіозной вѣры, но не отказывается отъ дачи присяги [2]).

---

[1]) 17 и 18 Vict. c. 125 s. 20.

[2]) Самая обыкновенная изъ современныхъ формъ атеизма, извѣстная подъ именемъ секуляризма, допускаетъ существованіе религіознаго чувства въ душѣ, но отрицаетъ существованіе предмета, который возбуждаетъ это чувство. Секуляристы полагаютъ, что религіозное чувство служило естественною санкціею нравственности и присягамъ, разсматриваемымъ, какъ часть положительной нравственности народа. Атеисты этой школы не отказываются присягать по установленной формѣ (Madan v. Catanach, 31. L. I. Ex. 118). При такихъ условіяхъ можетъ возникнуть слѣдующій странный случай. Лицо, уличаемое въ недостаткѣ религіозной вѣры допрашивается, съ цѣлью узнать справедливо ли или нѣтъ дѣлаемое ему возраженіе. Оно отказывается отвѣчать на религіозные вопросы подъ предлогомъ, что его отвѣты могутъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Можетъ ли судъ заставить его отвѣчать? Можетъ ли судъ изъ его отказа заключить, что оно негодный свидѣтель? Если возраженіе не сдѣлано и атеистъ даетъ присягу, не протестуя противъ нея, то его показа-

Надобно сожалѣть, что подобное правило существуетъ; оно весьма стѣснительно и основано на теоріи доказательствъ, которая нынѣ признана вполнѣ несостоятельною. Оно забываетъ, что главная гарантія противъ заблужденій суда заключается не въ недопущеніи на судъ лжесвидѣтельствъ, но въ возможности обличать и опровергать лжесвидѣтельства. На практикѣ лжесвидѣтельства постоянно даются и опровергаются. Гарантіи искренности показанія, заключающейся въ присягѣ, не слѣдуетъ давать преувеличеннаго значенія. Въ вѣка варварства конечно существовало предположеніе, что нельзя повѣрить истину прямаго положительнаго удостовѣренія свидѣтеля и что посему это удостовѣреніе должно быть присяжное. Боязнь будущаго наказанія невидимою силою была единственною защитою отъ чужой клятвы. Уголовные законы временъ англосаксонскихъ и нормандскихъ, исполнены доказательства о механическомъ значеніи, придаваемомъ присягамъ. Судопроизводство англосаксовъ только и состояло въ взвѣшиваніи столькихъ-то клятвъ, въ пользу того, что подсудимый невиненъ, противъ столькихъ-то клятвъ, что онъ виновенъ. Болѣе разумная система введена и усовершенствована постепенно въ весьма недавнія времена. Сущность развитія новыхъ взглядовъ на этотъ предметъ заключалась въ уменьшеніи значенія придаваемаго голословному увѣренію и въ сознаніи, что задача судьи состоитъ и должна состоять не въ одномъ страдательномъ выслушиваніи показаній, но въ дѣятельномъ процессѣ разсужденія и умозаключенія.

Опытъ показываетъ, что человѣческая природа есть нѣчто въ высшей степени сложное и что мотивы заставляющіе людей говорить правду или ложь далеко не столь просты и непосредственны, какъ полагали въ прежніе вѣка, на основаніи поверхностныхъ наблюденій. Ученіе объ устраненіи атеистовъ отъ свидѣтельствованія

ніе принимается въ судѣ. Недавно подобный случай былъ на четвертныхъ засѣданіяхъ въ Линкольншайрѣ и судъ, по всей вѣроятности, представилъ бы этотъ вопросъ на высшее усмотрѣніе, если бы подсудимый не былъ по дѣлу оправданъ. Относительно религіи атеистовъ смотри Конта (Comte), *катехизисъ положительной религіи*. Г. Контъ имѣлъ многихъ послѣдователей въ Англіи. Недавно еще органомъ ихъ мнѣній служило еженедѣльное изданіе *The Reasoner*.

опирается на понятіе, что главная, или даже единственная твердая причина, заставляющая говорить правду, заключается въ боязни вѣчнаго осужденія за ложь. Мысль эта точь въ точь похожа на предложеніе, что люди ѣдятъ только изъ желанія поддержать свое существованіе, какъ будто бы привычка, голодъ, удовольствія вкуса и пріятная бесѣда съ другими не побуждали всякого изъ насъ обѣдать или ужинать, даже если бы и можно было безъ этого обойтись. Боязнь мукъ ада есть конечно одна изъ причинъ, почему люди говорятъ правду, но только одна. Никто не скажетъ, что онъ говоритъ правду по одному этому мотиву, никто не можетъ сказать того же опрометчиво и о другихъ.

Люди говорятъ правду по привычкѣ, изъ опасенія опозорить себя, по чувству чести, по чувству долга, которое они никогда почти не разлагаютъ на его составные элементы, наконецъ, просто потому, что таковъ уже ихъ характеръ. Этотъ характеръ есть результатъ тысячи причинъ. Нѣтъ сомнѣнія что глубокое чувство религіознаго долга, увѣренность въ томъ, что есть Богъ управляющій міромъ, и санкціонирующій неизбѣжно свои приказанія въ настоящей ли жизни или въ будущей, сильнѣе всякихъ другихъ причинъ содѣйствуютъ выработкѣ правдолюбиваго характера. Всякій скорѣе повѣритъ лицу, которое извѣстно тѣмъ, что находится обыкновенно подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей, нежели лицу, которое съ этой стороны неизвѣстно. Однако нелѣпо было бы утверждать, что присяга есть единственный источникъ правдивости показанія. Вообще можно сказать, что честность есть явленіе гораздо болѣе обыкновенное, нежели постоянное и неизмѣнное присущее религіозное настроеніе, которое свойственно весьма незначительному меньшинству людей. Религіозная вѣра есть дальная причину правдолюбія, ближайшая же заключается въ одномъ изъ разныхъ перечисленныхъ нами мотивовъ. Въ судѣ на свидѣтеля расположеннаго ко лжи гораздо сильнѣе дѣйствуетъ боязнь немедленнаго изобличенія при перекрестномъ допросѣ, нежели боязнь ада, такъ точно, какъ вора сильнѣе пугаетъ видъ одного полицейскаго на мѣстѣ, нежели стотысячная армія вдали. Я думаю, что ни одинъ разсуди-

тельный человѣкъ не предпочтетъ показаніе китайца или индѣйца, непровѣренное перекрестнымъ допросомъ, но подкрѣпленное присягою, произносимою надъ разбитою тарелкою, безприсяжному удостовѣренію англійскаго атеиста, провѣренному посредствомъ перекрестнаго допроса. Этимъ обстоятельствомъ устраняется правило отводящее отъ свидѣтельствованія цѣлый классъ свидѣтелей.

Обыкновенныя возраженія противъ правилъ о негодности лицъ къ свидѣтельствованію примѣняются къ настоящему случаю съ удвоенною силою. Оно тогда только было бы справедливо, еслибы можно было доказать, не только что лица на основаніи его устраняемыя всегда врутъ, но еще что не можетъ быть никакого соотношенія между ихъ показаніемъ и истиною, и что, слѣдовательно, присяжные совсѣмъ не должны ихъ слушать. Въ огромномъ большинствѣ дѣлъ, судимыхъ уголовными судами, свидѣтель не заинтересованъ въ томъ, чтобы лгать и никто не пытается заподозрить его добросовѣстность. Безчестнѣйшій человѣкъ едва ли расположенъ рисковать подвергнуться строгому наказанію, совершая преступленіе, за которое онъ ничего не получитъ противъ лица, котораго онъ никогда не видалъ и не слыхалъ, однако правило, о которомъ идетъ рѣчь, предполагаетъ, что таковъ именно образъ дѣйствій атеистовъ. Положимъ, что X ѣхалъ въ вагонѣ желѣзной дороги съ атеистомъ, котораго онъ никогда прежде того не видалъ, въ то самое время, въ которое говорятъ, что этотъ же X совершилъ преступленіе. Не будетъ ли до уродливости нелѣпо мѣшать обвиняемому доказать свое *alibi*, потому только что законъ считаетъ атеиста до такой степени злымъ человѣкомъ, что онъ готовъ добровольно и даромъ подвести себя подъ строгое наказаніе и подвергнуть себя немедленному раззоренію, свидѣтельствуя лживо о предметѣ, относительно котораго не можетъ быть недоразумѣнія и къ которому онъ совершенно равнодушенъ.

Человѣкъ признающій себя мужественно и честно атеистомъ въ судѣ, даетъ лучшій доводъ и залогъ своей искренности, однако его считаютъ неспособнымъ свидѣтельствовать, между тѣмъ какъ презреннѣйшій и подлѣйшій злодѣй, поддѣльщикъ документовъ,

клятвопреступникъ, вымогающій денегъ посредствомъ угрозы сдѣлать фальшивый доносъ, годятся въ свидѣтели. Годными свидѣтелями считаются лица, имѣющія сильнѣйшіе изъ всѣхъ извѣстныхъ мотивы лжесвидѣтельствовать въ данномъ случаѣ. Годными свидѣтелями считаются пособники преступленія и лица, которыя свидѣтельствуютъ подъ присягою противъ другихъ, чтобы спасти свою собственную жизнь или честь. По осужденіи г. Гэча за нескромное нападеніе на женщину, онъ допущенъ свидѣтельствовать для изобличенія въ клятвопреступленіи тѣхъ лицъ, на основаніи чьихъ показаній онъ былъ осужденъ. Если А и В винятъ себя взаимно въ одномъ и томъ же убійствѣ, то каждый изъ нихъ будетъ годнымъ свидѣтелемъ противъ другаго, даже и послѣ своего осужденія. Можетъ ли то обстоятельство, что свидѣтель не вѣруетъ въ адъ, быть сравниваемо съ вышеупомянутыми навожденіями къ преступленію? Кто станетъ нынѣ утверждать, что уста подобнаго свидѣтеля должны быть замкнуты. Приведемъ еще одинъ весьма рѣшительный примѣръ. Нѣкто судится за убійство. Свидѣтели, которые должны удостовѣрить его *alibi*, отведены по причинѣ атеизма. Подсудимый приговоренъ къ смертной казни. Можетъ ли статсъ-секретарь отказаться выслушать то, что отведенные свидѣтели сказали бы въ судѣ, еслибы были спрошены.

Правило, о которомъ идетъ рѣчь и пристрастно и неосновательно въ своемъ принципѣ. Его мотивъ тотъ, что атеистъ не вѣритъ, что онъ подвергаетъ себя чрезъ клятвопреступленіе сверхъестественному божескому наказанію здѣсь или за гробомъ. Есть и другія религіозныя мнѣнія, которыя ведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ, но не умаляютъ способности свидѣтельствовать. Едва ли есть человѣкъ вѣрующій, что за клятвопреступленіе его постигнетъ именно то, а не другое наказаніе въ сей жизни или въ будущей. Люди смотрятъ на клятвопреступленіе, какъ на одну изъ статей въ общемъ итогѣ поведенія, которое должно опредѣлить ихъ загробную участь, но они вѣруютъ также, что наказаніе можетъ быть отвращено покаяніемъ. Есть лица, придерживающіяся теорій, освобождающихъ ихъ отчасти отъ отвѣтственности. Они вѣруютъ, что

они стоятъ выше и внѣ наказанія; что они находятся въ состояніи благодати, въ которомъ они недоступны грѣху.

Главная причина существованія правила заключается въ туманномъ впечатлѣніи, что оно есть законный протестъ противъ атеизма, что оно клеймитъ позоромъ этотъ образъ мыслей и что отмѣна этого правила въ глазахъ большинства народа будетъ имѣть значеніе послабленія атеизму. Эти резоны понятны, но никому не хочется открыто въ нихъ признаться. Нынѣ сдѣлалось общимъ мѣстомъ изрѣченіе, что государство не должно клеймить мнѣнія людей и что главное послѣдствіе попытокъ его въ этомъ родѣ будетъ состоять въ предрасположеніи всѣхъ великодушныхъ людей въ пользу преслѣдуемаго мнѣнія. Между тѣмъ достойно замѣчанія, что безплодное удовольствіе протестовать противъ непопулярныхъ и весьма мало распространенныхъ мнѣній покупается дорогою цѣною справедливаго упрека въ томъ, что англійское право простираетъ безнаказанность на страшнѣйшія преступленія, совершаемыя противъ атеистовъ или въ присутствіи атеистовъ. Атеисты могутъ быть безнаказанно и явно разбиваемы; тоже можно сказать объ убійствѣ или изнасилованіи, которыхъ бы жертвы или необходимые свидѣтели были атеисты. Благопріятный свидѣтель можетъ спасти убійцу, объявивъ себя атеистомъ и дѣлаясь чрезъ то негоднымъ свидѣтелемъ. Благоразумно было бы устранить возможность столь страшнаго скандала, пока народъ не опозоренъ тѣмъ, что этотъ скандалъ дѣйствительно случился.

Съ правилами о неспособности свидѣтельствовать тѣсно связаны привилегіи на неявку къ допросу нѣкоторыхъ классовъ свидѣтелей. Супруги не только не годятся въ свидѣтели другъ противъ друга, но имѣютъ право не открывать тѣхъ сообщеній, которыя они дѣлали другъ другу во время брака. Ходатаи по дѣламъ, бэрристеры и атторнеи имѣютъ право хранить въ тайнѣ сообщенія, сдѣланныя имъ кліентами. Всякій можетъ безопасно признаться бэрристеру или атторнею, дѣйствующему въ характерѣ своего званія, въ совершеніи убійства или измѣны. Это одно изъ правилъ, противъ которыхъ настойчиво ратовалъ Бэнтамъ. Онъ доказывалъ,

что отмѣна этого правила лишитъ защиты только виноватыхъ, невиннымъ же нечего скрывать. На этотъ доводъ можно отвѣчать, что право не есть добро безъ всякой примѣси зла, что оно есть система положительныхъ правилъ и практическихъ пріемовъ производящихъ и добро и зло; оно есть сложный механизмъ вмѣщающій множество удилъ и зацѣпокъ. Обвинитель долженъ бы стремиться къ одной истинѣ и справедливости; на дѣлѣ онъ озабоченъ только, какъ одержать побѣду и добиться осужденія подсудимаго. Подсудимый долженъ имѣть также свои оружія; его слѣдуетъ ободрять, чтобы онъ сражался на жизнь и смерть, виноватъ ли онъ или невиненъ. Каковы бы не были формы права, оно есть въ сущности война. Юридическія правила должны быть приспособлены къ ощущеніямъ бойцовъ, одушевляемыхъ сильнѣйшими изъ свойственныхъ природѣ человѣка мотивовъ, а не къ настроенію философовъ спокойно занимающихся изслѣдованіемъ истины. Настоящій смыслъ какъ этого, такъ и другихъ правилъ англійскаго права объясняется популярною и выразительною фразою: „честная игра“ (fair play).

Правила о числѣ свидѣтелей.

Многія иностранныя законодательства содержатъ въ себѣ мелочныя и сложныя правила о томъ, какого рода доказательства должны быть именно предъявлены въ тѣхъ или другихъ преступленіяхъ. Единственный, сюда подходящій, примѣръ въ англійскомъ правѣ составляютъ постановленія, что въ дѣлахъ объ измѣнѣ необходимо, чтобы одно явное дѣйствіе было удостовѣрено двумя свидѣтелями или изъ двухъ явныхъ дѣйствій каждое однимъ свидѣтелемъ; равнымъ образомъ, что въ дѣлахъ о клятвопреступленіи недостаточно одного свидѣтельскаго показанія, потому что въ такомъ случаѣ одна присяга столько же вѣситъ, сколько и другая [2]). Настоящій смыслъ послѣдняго изъ этихъ положеній заключается не въ томъ, чтобы непремѣнно два свидѣтеля прямо опровергали

[1]) 5 Rat. Jud. Ex. 302.

[2]) 2 Russ. Cr. 649.

показаніе подсудимаго, но чтобы опроверженіе чье либо было подкрѣплено еще какими либо иными доказательствами. Недавно [1]) нѣкто поклялся въ судѣ одного изъ графствъ, что онъ уплатилъ своему кредитору звонкою монетою сумму 42 ф. стерлинговъ и что потомъ въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ еще ему уплатилъ 6 фунтовъ стерл. Кредиторъ присягнулъ, что должникъ только увѣрялъ, будто бы сумма, ему уплаченная состояла, изъ 48 ф. стерл., но въ послѣдствіи 6 ф. стерл. ему не давалъ; причемъ кредиторъ сослался на свидѣтеля, могущаго удостовѣрить, что уплаченная сумма содержала только 42 ф. стерл. Судья графства нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ присяга противополагается присягѣ и не зачѣмъ прибѣгать къ присяжнымъ, такъ какъ показаніе лица, присутствовавшаго при счетѣ монеты только въ такомъ случаѣ можетъ подкрѣпить слова обвинителя, если обвинитель говоритъ правду о неуплатѣ ему 6 ф. впослѣдствіи послѣ уплаты 42 ф.

Эти изъятія изъ общаго начала имѣютъ небольшую практическую важность. Законодательство объ измѣнѣ состоитъ на особомъ положеніи. Трудно представить себѣ случай, въ которомъ правило, примѣняемое къ измѣнѣ, могло бы причинить вредъ, добра же оно приносило и можетъ приносить много, хотя оно несогласно съ теоріею суда посредствомъ присяжныхъ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и въ отношеніи къ клятвопреступленію, хотя было бы послѣдовательнѣе и согласнѣе съ началомъ суда присяжныхъ представить имъ полную свободу дѣйствія, предваряя ихъ только объ опасности основывать свои убѣжденія на такихъ доказательствахъ, что и теперь дѣлается (по другимъ дѣламъ), когда приходится выслушивать соучастниковъ въ качествѣ свидѣтелей.

Правила о достовѣрности свидѣтелей.

Главное руководящее правило о достовѣрности свидѣтелей состоитъ въ томъ, что этотъ предметъ предоставляется исключи-

[1]) R. v. Braithwaite, 8 Cox. C. C. 444.

тельно усмотрѣнію присяжныхъ, о чемъ весьма пространно говорено было въ предъидущей главѣ.

Есть, однако, извѣстные пріемы опроверженія достовѣрности свидѣтеля. Правила о нихъ составляютъ важную и характеристическую часть теоріи доказательствъ.

Довѣріе питаемое къ свидѣтелю можетъ быть опровергаемо:

1) общими доводами дурнаго его характера;

2) вопросами касающимися его честности, чинимыми при перекрестномъ допросѣ;

3) оспариваніемъ его показанія.

Можно опровергать достовѣрность свидѣтеля общими доводами о дурномъ его характерѣ, ссылаясь на свидѣтелей въ томъ, что характеръ его имъ извѣстенъ и что по знакомству своему съ нимъ они готовы присягнуть, что его присяжному показанію не слѣдуетъ вѣрить. Въ прежнія времена этотъ способъ употреблялся часто, причемъ предоставляемъ былъ широкій просторъ изслѣдованію неотносящихся къ дѣлу обстоятельствъ. По дѣлу Мэскеля (Maskall) [1]) производимъ былъ распросъ о характерѣ нѣкоего Ингрэма, слѣдующимъ образомъ. *Вопросъ:* „знаете ли что либо вообще о его характерѣ.“ — Отвѣтъ: „Его характеръ вообще отличается тѣмъ, что онъ страшно вретъ. Его обыкновенно называли: лгунишка Дикъ.“ — По дѣлу Оливера Бонда 1798 г. [2]) вызываемы были свидѣтели для показанія, что очень извѣстный изобрѣтатель Рейнольдсъ былъ основательно подозрѣваемъ въ умерщвленіи своей тещи. Но въ 1817 г. по дѣлу Уатсона [3]) судъ отвергъ свидѣтелей долженствовавшихъ показать, что шпіонъ Кэстль, главный свидѣтель по части обвиненія, опороченъ множествомъ злодѣяній. Съ тѣхъ поръ, кажется, твердо установилось правило, что единственный вопросъ, который можно ставить — тотъ, можно ли довѣрять присяжному показанію свидѣтеля; вслѣдствіе чего этотъ способъ опровергать достовѣрность свидѣтельскаго показанія вышелъ изъ употребленія.

---

[1]) 21 Pt. Tr. 684.

[2]) 27 St. Tr. 584.

[3]) 32 St. Tr. 486.

Онъ въ самомъ дѣлѣ грубъ и неловокъ. Спрашиваютъ: „можно ли вѣрить присяжному показанію этого человѣка?“ — Отвѣтъ можетъ быть только слѣдующій: „это будетъ зависѣть отъ того, что онъ скажетъ.“ — Если величайшій лжецъ въ мірѣ скажетъ, что идетъ дождь, то немногимъ придетъ въ голову посмотрѣть въ окошко, въ особенности если говорящему нѣтъ причины лгать. Но если честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ станетъ увѣрять, что онъ видѣлъ привидѣніе, то едва ли ему повѣрятъ. Не свидѣтелямъ, но присяжнымъ приходится судить, надлежитъ ли вѣрить или нѣтъ предъявленному въ судѣ доказательству, характеръ же подсудимаго, разсматриваемый отдѣльно отъ его поведенія, въ данномъ случаѣ имѣетъ весьма малую связь съ достовѣрностью его показанія въ этомъ случаѣ.

Сознаніе того, что не репутація человѣка въ обществѣ, но отдѣльные его поступки составляютъ лучшій критерій его достовѣрности, ввело обычай повѣрять, достоинъ ли онъ довѣрія вопросами, чинимыми при перекрестномъ допросѣ. Этотъ обычай доведенъ нынѣ весьма далеко и едвали есть какая либо часть въ прошлой жизни свидѣтеля, о которой не могъ бы быть распрашиваемъ свидѣтель для показанія что ему не слѣдуетъ довѣрять.

Юридическія нормы регулирующія этого рода вопросы еще не выработались окончательно и колеблются до извѣстной степени, смотря по взглядамъ личнаго состава суда. Есть много приговоровъ по этому предмету, не всѣ они между собою согласны, но не смотря на разногласіе авторитетовъ, можно сказать вообще, что слѣдующія правила могутъ быть приблизительно признаны установившимися.

Могутъ быть предлагаемы вопросы, клонящіеся къ подведенію свидѣтеля подъ взысканія или наказанія, но свидѣтель не обязанъ отвѣчать на эти вопросы. Если онъ заблагоразсудитъ отвѣчать, то его отвѣтъ будетъ служить доказательствомъ противъ него. Судъ рѣшаетъ, привелъ ли свидѣтель основательные доводы въ пользу того, что отвѣтъ послужилъ бы къ обвиненію его самого. Большой просторъ дается свидѣтелю, но въ крайнихъ случаяхъ судъ рѣ-

шаетъ, имѣетъ ли существенное значеніе опасность, которой онъ боится [1]).

Вопросы, клонящіеся къ опозоренію свидѣтеля, но имѣющіе связь съ предметомъ спора могутъ быть предлагаемы, но свидѣтель не обязанъ отвѣчать на нихъ. Если онъ отвѣтитъ, то сторона допрашивающая связана его отвѣтомъ и не можетъ ему противорѣчить, но она можетъ потомъ начать противъ свидѣтеля уголовный искъ о клятвопреступленіи.

Немного есть предметовъ въ правѣ, которые бы подвергались болѣе сильной критикѣ со стороны непринадлежащей къ адвокатскому сословію части общества, какъ право адвоката допрашивать свидѣтелей перекрестнымъ допросомъ по предмету честности сихъ свидѣтелей. Случайные примѣры злоупотребленій произвели вѣроятно на публику болѣе сильное впечатлѣніе, нежели вопросъ самъ по себѣ заслуживаетъ. Конечно тутъ сталкиваются противоположные интересы. Интересъ публики заключается въ томъ, чтобы присяжные имѣли подъ рукою всѣ матеріалы для образованія здраваго рѣшенія. Интересъ свидѣтелей заключается въ томъ, чтобы ихъ характеръ и исторія ихъ жизни прошлой были уважаемы. Вопросы о честности свидѣтеля бываютъ часто весьма существенны, нетолько когда касаются фактовъ, состоящихъ въ связи съ спорными пунктами, но даже когда и не касаются этихъ фактовъ. Въ этихъ случаяхъ они должны быть предлагаемы, но слѣдуетъ замѣтить, что они могутъ быть безполезны и въ высшей степени мучительны для допрашиваемаго. Положимъ, что все обвиненіе основано на присяжномъ показаніи одного лица, которое заставляютъ признаться въ томъ, что оно дѣлало и прежде подобныя же обвиненія, что обвиняемые имъ были оправданы, что оно само судилось и наказано за вымогательство денегъ угрозою начать уголовный искъ; спрашивается, не будутъ ли эти обстоятельства имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла? Однако ни одно изъ нихъ не состоитъ въ прямой связи съ пунктами спора. Съ другой стороны если бы женщина об-

[1]) R v. Boyes, 1 Best and Smith, 811. Ex parte Fernandez, 10 C. B. N. S. 3.

винила мущину, который запустилъ руку въ ея карманъ, было бы уродливо и безобразно допрашивать ее, не родила ли она незаконнорожденнаго ребенка десять лѣтъ тому назадъ, хотя могутъ существовать обстоятельства, требующія уясненія этого факта. Можно предположить, что она питала злобу къ лицу, которое она обвинила, по поводу обстоятельствъ, сопряженныхъ съ вышеупомянутымъ событіемъ, вслѣдствіе чего она и взвела на него напрасно обвиненіе.

Невозможно формулировать правило, которое бы помогло отдѣлить на практикѣ случаи подобные первому примѣру, отъ случаевъ подобныхъ второму. Хотя нынѣ дѣйствующія правила не даютъ полнаго развитія ни одному принципу, я полагаю что въ совокупности взятыя и разсматриваемыя какъ практическая сдѣлка между противоположными интересами, они хороши и справедливы. Подобно всѣмъ другимъ правиламъ о доказательствахъ они предоставляютъ весьма многое произволу и усмотрѣнію, какъ адвокатовъ, такъ и судей. Если бэрристеръ честный человѣкъ и хочетъ добросовѣстно исполнять свою обязанность, то онъ можетъ быть часто принужденъ задавать на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній весьма непріятные вопросы, но онъ можетъ значительно смягчить причиняемое имъ страданіе, если возьметъ тотчасъ назадъ приводимое въ укоръ, когда свидѣтель прямо отрицаетъ вмѣняемое ему и если извинится за непріятность, которой былъ онъ причиною. Мнѣ кажется что адвокатъ обязанъ поступать такъ, если онъ честный человѣкъ, коль скоро свидѣтель положительно отвергаетъ невыгодный для него намекъ заключающійся въ вопросѣ, развѣ онъ имѣетъ сильныя основанія сомнѣваться въ искренности отрицанія. Когда вопросъ будетъ такимъ образомъ поставленъ и получитъ отрицательный отвѣтъ, за коимъ послѣдуетъ извиненіе, то этотъ оборотъ дѣла не только не будетъ обиденъ для свидѣтеля, но положитъ конецъ разнымъ сплетнямъ, которыя ходили тайкомъ, но не показывались явно. Еслибы адвокатъ не хотѣлъ добровольно извиниться, то судья вправѣ объявить, что по его мнѣнію адвокатъ

обязанъ это сдѣлать, что уже произведетъ совершенно иное впечатлѣніе.

Послѣдній способъ пошатнуть довѣріе, питаемое къ свидѣтелю состоитъ въ оспариваніи его показанія. Ученіе о томъ, какія показанія свидѣтеля могутъ быть оспариваемы доведено до значительной тонкости. „Вообще, говоритъ Тэйлоръ [1]), считается правиломъ что когда вопросъ относится къ фактамъ имѣющимъ связь съ дѣломъ, то отвѣтъ можетъ быть оспариваемъ посредствомъ самостоятельныхъ доказательствъ, но если онъ относится къ фактамъ неимѣющимъ связи съ дѣломъ, то отвѣта опровергать нельзя". Критерій, посредствомъ котораго можно отличить обстоятельства имѣющія связь съ дѣломъ отъ постороннихъ, опредѣляется такимъ образомъ [2]): „если отвѣтъ свидѣтеля касается предмета, относительно котораго вы бы сами желали, чтобы вамъ было дозволено привести его въ доказательство съ вашей стороны, то вы можете опровергать таковой отвѣтъ". Изъ приговора потому же дѣлу оказывается что можно оспаривать отвѣты, данные свидѣтелемъ на вопросы, о томъ какъ относится свидѣтель, безпристрастно или нѣтъ, къ заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ. Одна женщина не признавалась въ томъ, что она любовница истца, тогда допущенъ былъ къ свидѣтельствованію свидѣтель, показавшій что она была любовницею истца [3]). Но здѣсь и прекращается право оспаривать свидѣтеля, границы коего опредѣлены недавнимъ рѣшеніемъ. По дѣлу объ одномъ религіозномъ орденѣ спрошена была женщина, имѣла ли она любовную связь съ извѣстнымъ мущиною за шесть мѣсяцевъ до рожденія ребенка. Этотъ вопросъ могъ имѣть значеніе только какъ подрывающій довѣріе къ ней, потому что зачатіе ребенка должно было предшествовать по времени любовной связи, о которой ее распрашивали. Четвертное засѣданіе допустило къ присягѣ свидѣтеля, который оспаривалъ сдѣланное показательницею отрицаніе факта любовной связи. Онъ былъ потомъ

---

[1]) Taylor, Evid. 1120.

[2]) Thomas v. David. 7 C. et P. 350; также A. G. v. Hitchcock 1 Ex. 102.

[3]) A. G. v. Hitchcock, 1 Ex. 99.

обвиненъ и изобличенъ въ клятвопреступленіи. Высшій судъ рѣшилъ что свидѣтеля неслѣдовало допускать къ дачѣ показанія, но оставилъ впрочемъ осужденіе его въ своей силѣ [1]). Основанія постановленій объ оспариваніи свидѣтелей хорошо исложены лордомъ Крансуортомъ (въ то время его звали барономъ Вольфомъ по дѣлу *A. G. v. Hitchcock*: „законы достовѣрности въ этомъ случаѣ (онъ могъ бы сказать: во всѣхъ случаяхъ) должны быть считаемы основанными на нѣкоторомъ сравнительномъ соображеніи времени, которое могло бы быть занято этого рода изслѣдованіями и времени которое практически возможно имъ посвятить. Еслибы мы жили тысячу лѣтъ вмѣсто 60 или 70, и если бы всякое дѣло было одинаково важное, то было бы желательно чтобы брошенъ былъ на всѣ предметы одинаковый свѣтъ, при которомъ бы разбирались всевозможные возбуждаемые вопросы, съ цѣлью удостовѣриться посредствомъ того, не лишено ли основанія цѣлое или какая либо часть его, а равно подвергать строжайшей критикѣ истину данныхъ показаній. Но я не считаю этого возможнымъ. Родъ человѣческій признаетъ, что это невозможно.“

И такъ свидѣтель можетъ быть оспариваемъ, если при перекрестномъ допросѣ онъ отрекается отъ того, что далъ прежде извѣстное частное показаніе, несовмѣстное съ настоящимъ, относительно чего нибудь, имѣющаго связь съ дѣломъ. Но прежде того необходимо обратить вниманіе свидѣтеля на то, при какомъ именно случаѣ далъ онъ прежній отзывъ несогласный съ новымъ, напримѣръ: „Не говорили ли вы никогда что его тамъ не было и что то, что вы сказали передъ судьею ложь? Не говорили ли вы того Джону Тэйлору въ гостиницѣ подъ Бѣлымъ Оленемъ въ послѣдній четвергъ утромъ?“ Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ поводъ вызвать Тэйлора въ свидѣтели. Причина правила та, что подобное противорѣчіе непремѣнно ослабитъ силу показанія даннаго по дѣлу.

Если разнорѣчивое показаніе дано на письмѣ, то это письмо

---

[1]) R. v. Gibbons, 31 L. I. M. C. 98.

должно по уголовному дѣлу быть предъявлено и прочитано допрашивающимъ перекрестно адвокатомъ до предложенія имъ вопросовъ свидѣтелю.

Такое правило установилось впервые по дѣлу королевы Каролины. Оно отмѣнено въ гражданскомъ судопроизводствѣ статутомъ о процедурѣ по обычному праву 1854 года (Common Law Procedure Act).

Таковы пріемы для опроверженія достовѣрности свидѣтеля. Само собою разумѣется, что эта достовѣрность можетъ быть всячески оспариваема посредствомъ всевозможныхъ доводовъ. Есть одно общее мѣсто, діалектическое по своему характеру, которое пріобрѣло такую силу, что превратилось почти въ форму юридическаго обычая. Такое свойство имѣетъ доводъ, что соучастникъ въ преступленіи недостоинъ вѣры, если показаніе его неподкрѣплено другимъ независимымъ удостовѣреніемъ. Строго говоря присяжные вправѣ осудить человѣка по голословному показанію его соучастника, но судья обязанъ ихъ предостерегать о страшной опасности, съ которою сопряженъ подобный образъ дѣйствій. Это правило весьма характеристично въ системѣ суда присяжныхъ и заслуживаетъ вниманія, какъ тотъ пунктъ, въ которомъ англійское право всего ближе подходитъ къ сложнымъ узаконеніямъ о *probatio plena* и *semiplena*.

Въ связи съ этимъ предметомъ находится другое правило, состоящее въ томъ, что въ уголовномъ судопроизводствѣ ни одна изъ сторонъ не вправѣ опровергать своихъ собственныхъ свидѣтелей. Это правило есть прямое послѣдствіе состязательной теоріи уголовнаго судопроизводства. Оно основано на томъ, что свидѣтель является доказывать правоту той стороны, которая на него сослалась. Если онъ сдѣлалъ противное, то сторона не можетъ его дискредитировать, потому что это значило бы, что изъ однихъ устъ можетъ выходить и горячее и холодное. Оно было бы тоже, что сказать: „повѣрьте мнѣ на основаніи словъ этого свидѣтеля, о которомъ я покажу, что онъ недостоинъ довѣрія.“ Главное возраженіе противъ этой теоріи состоитъ въ томъ, что она преувеличи-

васъ степень связи, существующей между стороною и свидѣтелемъ. Свидѣтель могъ быть подкупленъ или могъ измѣнить свой взглядъ или могъ умышленно надуть лицо, которое его распрашивало. Во всѣхъ сихъ случаяхъ весьма стѣснительно для стороны, которая на него сослалась, что она не можетъ опровергать и изгладить такимъ образомъ дурное впечатлѣніе, произведенное этимъ свидѣтелемъ. Это оспараваніе допущено теперь въ судопроизводствѣ гражданскомъ. Статутъ 1854 г. о процедурѣ по обычному праву (17 и 18 Vict, c. 125 s. 20) постановляетъ, что „сторонѣ сославшейся на свидѣтеля не дозволяется ослаблять довѣріе къ нему общими доказательствами о дурномъ его характерѣ, но если по мнѣнію судьи этотъ свидѣтель даетъ показаніе противное сторонѣ, которая на него сослалась, то она можетъ оспаривать его посредствомъ иныхъ доказательствъ или съ позволенія судьи доказывать, *что онъ далъ прежде отзывъ несовмѣстный съ теперешнимъ своимъ удостовѣреніемъ*, но прежде чѣмъ она будетъ допущена къ предъявленію этихъ доказательствъ, свидѣтелю должно быть поставлено на видъ, по какому случаю и при какихъ обстоятельствахъ онъ далъ прежній отзывъ; равнымъ образомъ онъ долженъ быть спрошенъ далъ ли онъ этотъ прежній отзывъ или нѣтъ.“ Слово: *противное* (adverse) обозначаетъ не одно сколько неблагопріятное, но враждебное [1]). Кажется однако, что это толкованіе относится только до условія обозначеннаго нами курсивнымъ шрифтомъ, потому что всегда возможно было оспаривать показаніе неблагопріятнаго свидѣтеля. Напримѣръ если бы первый свидѣтель вызванный отвѣтчикомъ для доказанія, что отвѣтчикъ не получилъ векселя, показалъ, что онъ видѣлъ отвѣтчика получающимъ вексель, то судъ всегда допускалъ звать другихъ свидѣтелей для доказанія, что онъ этого векселя неполучалъ. По закону 1854 г. свидѣтель (напр. атторней отвѣтчика) можетъ быть вызванъ для доказанія, что другой свидѣтель отзывался, что отвѣтчикъ векселя не получалъ.

---

[1]) Greenough v. Eccles. 28 L. I. C. P. 160 См. Jackson et Thomason 1 Best v. Smith 745.

Основательность этого правила очевидна и оно пригодилось бы въ уголовномъ судопроизводствѣ еще болѣе, чѣмъ въ гражданскомъ. Многіе свидѣтели по уголовному дѣлу, свидѣтельствуютъ неохотно; если они въ связяхъ съ подсудимымъ, то они готовы отрицать въ судѣ, что они сказали судьѣ при предварительномъ слѣдствіи, чтобы спасти подсудимаго. Я видѣлъ многіе оправдывающіе приговоры, постановляемые при такихъ условіяхъ, лжесвидѣтели же ускользаютъ большею частью отъ наказанія вслѣдствіе указанныхъ нами выше тонкостей законодагельства о клятвопреступленіи. Въ этихъ случаяхъ адвокату по части обвиненія надлежало бы предоставить свободу отвергнуть показаніе, предоставляя присяжнымъ судить, не показываетъ ли отреченіе свидѣтеля отъ своихъ прежнихъ словъ, въ совокупности съ его поведеніемъ, что онъ высказалъ истину въ прежнемъ своемъ показаніи. Нѣтъ сомнѣнія что это значило бы заставлять присяжныхъ основываться на показаніи клятвопреступника, но подобное показаніе, когда оно противно интересамъ показывающаго, можетъ быть весьма убѣдительно. Постоянная погрѣшность присяжныхъ и характеристическій недостатокъ правилъ о доказательствахъ заключаются въ приписываніи излишней важности и силы присягѣ, независимо отъ обстоятельствъ, при которыхъ она дается. Въ высшей степени важно внушать присяжнымъ, что они должны дѣйствовать не только внимательно слушая, но и умозаключая, въ особенности, когда вопросъ состоитъ въ томъ, доказываетъ или извѣстный фактъ то обстоятельство, что извѣстное лицо утверждаетъ этотъ фактъ.

IV.

Правила о достовѣрности доказательства.

Правила, опредѣляющія годность доказательства и рѣшающія какія данныя могутъ быть предложены усмотрѣнію присяжныхъ, не составляютъ еще самой важной и самой характеристической части въ теоріи доказательствъ. Есть еще и другія правила, сложныя и

многочисленныя, которыя хотя одинаково примѣняются и въ гражданскомъ и въ уголовномъ судопроизводствѣ, однако болѣе употребительны въ послѣднемъ, нежели въ первомъ. Между этими правилами есть пять важнѣйшихъ, столь постоянно наблюдаемыхъ на практикѣ, что необходимо сдѣлать краткій очеркъ началъ, на которыхъ они построены и перечень главнѣйшихъ даваемыхъ имъ примѣненій. Этотъ очеркъ какъ разъ будетъ соотвѣтствовать нашей цѣли, состоящей въ изложеніи общихъ понятій о томъ, какое вліяніе оказываетъ англійская теорія доказательствъ на ходъ всей массы дѣлъ, производимыхъ въ уголовныхъ судахъ. Эти пять правилъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Бремя доказыванія лежитъ на обвинителѣ.

2) Доказательства должны ограничиваться спорными пунктами.

3) Должно быть предлагаемое наилучшее доказательство.

4) Свидѣтельствованіе по слухамъ не можетъ служить доказательствомъ.

5) Собственное признаніе при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не служитъ доказательствомъ.

1) *Бремя доказыванія лежитъ на обвинителѣ.* Общее правило о бремени доказыванія состоитъ въ томъ, что лицо, которое утверждаетъ что либо, должно его доказать, правило вполнѣ справедливое и вытекающее изъ существа понятія о доказательствахъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ порою сомнительно, на комъ лежитъ бремя доказыванія, слѣдовательно кто долженъ начать, но въ уголовныхъ искахъ бремя это лежитъ вообще на обвинителѣ, хотя по отдѣльнымъ статьямъ обвиненія подсудимому приходится очищаться. Вообще обвинитель долженъ доказать всѣ положенія обвинительнаго акта. Трудно и даже почти невозможно вообразить случай, въ которомъ бы обвинителю не пришлось что либо доказывать, за исключеніемъ развѣ, когда подсудимый объявилъ себя виновнымъ (pleaded guilty) и когда, слѣдовательно, на немъ лежитъ бремя доказать, почему онъ не долженъ быть присужденъ къ наказанію. Однако бываютъ въ частности случаи, что обязанность доказывать падаетъ на подсудимаго. Многіе акты парламента

запрещаютъ подъ страхомъ наказанія извѣстныя дѣйствія или обладаніе извѣстными предметами (напримѣръ корабельнымъ лѣсомъ не заклейменнымъ клеймомъ съ изображеніемъ стрѣлы) безъ законнаго оправданія, которое обязанъ представить тотъ, кто совершилъ дѣйствіе или кто имѣетъ въ своемъ владѣніи предметъ [1]). Болѣе прямое и болѣе частое примѣненіе принципа необходимо въ случаяхъ, когда подсудимый уличается уликами неполными, хотя наводящими на него подозрѣніе, однимъ словомъ въ большей части случаевъ, когда онъ уличается обстоятельственными доказательствами. Въ этихъ случаяхъ бываетъ моментъ (который невозможно опредѣлить напередъ съ точностью), когда обвинитель сдѣлалъ все, чего можно было отъ него ожидать и когда благоразуміе внушаетъ потребовать отъ подсудимаго объясненій и изъ отсутствія таковыхъ вывести неблагопріятныя для него заключенія. По дѣлу Пальмера, одна изъ сильнѣйшихъ уликъ заключалась въ необъясненномъ пріобрѣтеніи стрихнина. Обнаруженіе факта покупки Пальмеромъ вещества, которое едвали можетъ служить для достиженія какой либо законной цѣли, соединенное съ неспособностью Пальмера объяснить эту цѣль перенесло бремя доказыванія съ обвинителя на подсудимаго.

Хотя невозможно опредѣлить общимъ правиломъ моментъ, когда бремя доказыванія переходитъ на подсудимаго и формулировать его такимъ образомъ, чтобы подъ него могли подойти всевозможные случаи, однако возникло множество частныхъ правилъ весьма полезныхъ на практикѣ и касающихся самыхъ обыкновенныхъ случаевъ этой практики. Самое простое изъ нихъ то, что обладаніе краденными вещами вскорѣ послѣ кражи налагаетъ на обладающаго ими обязанность дать отчетъ о томъ, какъ они ему достались. Болѣе общее правило того же рода выражается словами: „законъ предполагаетъ что всякое лицо желаетъ естественныхъ послѣдствій своихъ дѣяній.“ Можно точнѣе, хотя менѣе наглядно, изобразить туже мысль слѣдующимъ образомъ. Доказаніе того что тѣло чело-

---

(1 Taylor, Ev. 326 перечисляетъ цѣлый рядъ такихъ статутовъ.

вѣка совершило извѣстный рядъ движеній, обыкновенно причиняемыхъ извѣстнымъ состояніемъ сознанія, рождаетъ предположеніе о наличности этого состоянія въ данномъ спорномъ дѣлѣ. Эта формула точнѣе и правильнѣе вышеприведенной и болѣе употребительной, потому что она обозначаетъ фактъ, что всякое дѣяніе состоитъ изъ душевныхъ чувствованій и тѣлесныхъ движеній, изъ которыхъ послѣднія служатъ доказательствами первыхъ. Если тѣло человѣка совершаетъ движенія, образующія процессъ заряжанія пистолета и стрѣлянія прямо въ сердце другаго лица, то на стрѣлявшемъ, когда онъ обвиняется въ стрѣлянiи съ намѣреніемъ убить, лежитъ обязанность доказать, что онъ не хотѣлъ совершить убійства, если же и причинилъ смерть, то былъ приведенъ къ тому состояніемъ сознанія, которое не имѣетъ характера злаго умысла (malice), требуемаго закономъ. Я описывалъ уже въ предъидущихъ главахъ какъ дѣйствуютъ термины „злостно“ и „фелонно“ (malicious and felonious), имѣющіе назначеніе переносить бремя доказыванія съ обвинителя на подсудимаго [1]).

Говорятъ иногда что это правило есть ничто иное, какъ парированіе уловки, къ которой обыкновенно прибѣгаетъ подсудимый. „Я не хотѣлъ причинить зла“ говоритъ подсудимый. „Мнѣ все равно, возражаетъ судья, хотѣли ли вы или не хотѣли, но въ отношеніи къ вамъ я вправѣ сказать, что вы намѣрены были сдѣлать то, что сдѣлали“. Юридическія фикціи всегда нехороши. Даже и тогда, когда онѣ практически полезны, онѣ клонятся къ тому, чтобы сдѣлать людей равнодушными къ истинѣ. Если бы намѣреніе подсудимаго было побочнымъ обстоятельствомъ, то лучше было бы дать иную форму закону; не вводя въ опредѣленіе преступленія признаковъ злаго умысла, просто постановить, что лицо совершившее дѣйствіе, чрезъ которое причинена смерть другому лицу, должно подлежать такому-то наказанію. Я думаю однако, что въ настоящемъ случаѣ обыкновенный доводъ основательнѣе, нежели полагаютъ многіе употребляющіе его. Что значитъ умыселъ? конецъ, который

[1]) III Глава.

имѣлся въ виду въ моментъ дѣйствія и который связываетъ всѣ видимыя части дѣйствія въ одно цѣлое. Этотъ умыселъ рѣдко остается неизмѣненъ въ теченіи долгаго времени, онъ часто мѣняется изъ минуты въ минуту, особенно у лицъ слабыхъ или злыхъ. Замышляющій преступленіе можетъ имѣть, и часто имѣетъ, двадцать разныхъ отношеній къ нему до совершеннаго приведенія его въ исполненіе. Можно ли знать какое именно намѣреніе руководило имъ въ данную минуту? Можетъ быть онъ самъ того не сознавалъ вполнѣ ясно; очень вѣроятно, что всѣ воспоминанія его крайне обманчивы. Единственное вѣрное доказательство по этому предмету заключается въ томъ, какъ онъ двигался, посему оно и есть во всѣхъ обыкновенныхъ дѣлахъ единственное основаніе, на которое должно быть устремлено все вниманіе присяжныхъ.

Многія вещи предполагаются закономъ съ такою силою, что никакія доказательства не допускаются въ опроверженіе ихъ. Объ нихъ говорятъ, что онѣ суду предписаны (judicially noticed). Въ этомъ смыслѣ суду считаются предписанными законы страны, существованіе независимыхъ народовъ, порядокъ природы, общепринятыя установленія, подобныя порядку дней въ недѣлѣ или мѣсяцевъ въ году и множество другихъ матерій, о которыхъ не считаю нужнымъ говорить.

2) *Доказательства должны ограничиваться спорными пунктами.* Спорными пунктами называются факты, утверждаемые обвинителемъ въ обвинительномъ актѣ и отрицаемые подсудимымъ въ его объявленіи о томъ, что онъ невиноватъ (plea of not guilty). Доказательства предлагаемыя въ судѣ должны доказать одно или нѣсколько такихъ положеній. Нѣкоторыя изъ этихъ положеній даются въ общихъ выраженіяхъ, напр. „убилъ и умертвилъ“, „похитилъ, взялъ и унесъ“. Такъ какъ эти общія слова служатъ знаками, подъ которыми кроются длинные и сложные процессы, состоящіе изъ множества отдѣльныхъ дѣйствій, то они совмѣщаютъ въ себѣ и доказательства по каждой изъ этихъ составныхъ частей. Для всевѣдущаго наблюдателя всякій фактъ во вселенной, который существовалъ когда либо или существуетъ, можетъ служить доказа-

тельствомъ всего остальнаго. Употребимъ одинъ изъ весьма старинныхъ аргументовъ: рука не рука если она не соединена съ остальными частями тѣла; тѣло не тѣло, если оно не связано съ душею; но душа предполагаетъ мысли и чувства, мысли и чувства предполагаютъ предметы, къ которымъ они относятся, такимъ образомъ вся вселенная предполагаетъ существованіе каждой изъ составныхъ ея частей [1]). Если бы нужно было подвергать изслѣдованію всякое дѣяніе до самаго его зачатка, то нетолько вся жизнь подозрѣваемаго въ совершеніи его лица, но и весь міровой порядокъ могли бы быть приводимы въ данномъ случаѣ въ доказательство. Невозможно точнымъ образомъ означить, гдѣ начинается или кончается дѣяніе, что и составляетъ одно изъ главныхъ возраженій противъ дѣленія доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя, что мы старались доказать въ предъидущей главѣ. Это дѣленіе, насколько оно практически важно и не сбивчиво, входитъ въ составъ разсматриваемаго теперь правила, которое, подобно всѣмъ другимъ правиламъ о доказательствахъ, есть норма практическая, или, если взять другой равнозначащій терминъ, норма произвольная, исключающая нѣкоторые источники познанія подобные въ сущности другимъ, допускаемымъ потому только, что надобно же провести какую нибудь границу.

Въ гражданскихъ дѣлахъ граничная черта, содержимая въ этомъ правилѣ, проводится съ большою точностью. Эта особенность есть послѣдствіе формы гражданскаго судопроизводства, которое основываетъ свои рѣшенія въ большей или меньшей степени на допущеніяхъ, дѣлаемыхъ обѣими сторонами. Въ протоколѣ отмѣчаются

---

[1]) Организація этого растенія (snowdrop, galanthus nivalis, подснѣжный левкой) такова, что когда оно разовьется до извѣстной степени, то стебель его нагибается и цвѣтокъ склоняетъ головку. Это наклоненіе необходимо для того, чтобы растеніе могло произвести сѣмя. Потомъ растеніе требуетъ, чтобы оно приподняло опять головку и держалось отвѣсно. Если бы масса земнаго шара была больше или менѣе, то сила притяженія оказываемаго имъ была бы иная; крѣпость волоконъ въ растеніи была бы слишкомъ велика или слишкомъ мала и растеніе не нагибалось бы и невыпрямлялось бы въ должное время. Оплодотвореніе растенія не могло бы имѣть мѣста и семейство погасло бы вмѣстѣ съ первымъ посаженнымъ въ землю недѣлимымъ (Maury, Sailing Directions p. 31)

только нѣкоторые факты, въ видѣ спорныхъ пунктовъ, причемъ предполагается, что сторона допускаетъ то, чего она не отрицаетъ. Особенныя послѣдствія объясненій сторонъ бываютъ различны, смотря по формѣ иска. Есть множество законодательныхъ правилъ и судебныхъ рѣшеній, опредѣлившихъ въ чемъ состоитъ спорный вопросъ при данномъ содержаніи протокола. Простота преній въ уголовномъ судоговореніи была причиною того, что правило имѣетъ значеніе скорѣе отрицательное, нежели положительное. Есть нѣкоторые предметы, которые не должны быть приводимы въ доказательство, напримѣръ, обвинитель не долженъ доказывать, что у подсудимаго дурной характеръ. Мнѣ неизвѣстно, есть ли какое либо точное правило, которое бы опредѣляло что онъ можетъ доказывать; отсутствіе такого правила понятно и удобообъяснимо. Нѣтъ родоваго различія между подозрѣніемъ и увѣренностью. Нѣкоторая доля догадокъ примѣшивается къ сильнѣйшимъ нашимъ убѣжденіямъ. Нѣкоторая степень достовѣрности даетъ начало мимолетнѣйшимъ подозрѣніямъ. Десять несомнѣнно достовѣрныхъ свидѣтелей присягаютъ, что они были очевидцами совершившагося дѣянія. Повѣривъ имъ, я долженъ отказаться отъ допущенія лжи или заблужденія съ ихъ стороны. Мнѣ кажется, что видъ у подсудимаго точно такой, какъ будто бы онъ былъ виноватъ. Я долженъ бросить эту мысль, когда убѣждаюсь, что подсудимый невиненъ. На практикѣ разница эта бываетъ тотчасъ ощутительна. Многіе факты столь далеки отъ разбираемаго предмета, что хотя они съ нимъ связаны и имъ видоизмѣнены, однако нѣтъ возможности полагаться на эту связь.

Доводы, основанные на доказательствахъ, состоятъ большею частью изъ умозаключеній отъ слѣдствій къ причинамъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ число возможныхъ послѣдствій одной причины, уменьшается сила довода. Невозможно обозначить съ точностью моментъ, съ котораго доводъ становится до того слабъ, что не заслуживаетъ болѣе вниманія. Причина, почему мы мало заботимся объ опредѣленіи подобныхъ моментовъ, состоитъ въ томъ, что если доказательство не очень сильно, то не стоитъ выставлять его или

опровергать. По сей причинѣ многія данныя предлагаются въ доказательствахъ, хотя они должны бы быть исключены, и многія опускаются, хотя они могли бы быть приведены въ доказательство.

Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно общихъ мѣстъ, которыя могутъ быть приводимы и приводятся въ доказательство обвинителемъ. Во первыхъ, обвинитель можетъ доказывать всѣ внѣшнія дѣйствія, предпринятыя для совершенія преступленія, чего вообще достаточно и для доказанія невидимыхъ (психическихъ) элементовъ преступленія. Во многихъ случаяхъ, особенно когда преступленіе тяжкое и образуетъ часть сложнаго ряда поступковъ, необходимо представить прямыя доказательства настроенія сознанія у подсудимаго. Съ этою цѣлью дозволяется, а иногда и необходимо, доказывать поступки, которые или обнаруживаютъ мотивы или показываютъ преступное знаніе послѣдствій. Наконецъ, поведеніе подсудимаго послѣ преступленія можетъ быть всегда приводимо въ доказательство, если оно такого рода, что изъ него можно заключать, что онъ совершилъ преступленіе. Такимъ образомъ многія преступленія могутъ быть изслѣдуемы за разъ на сколько они связаны одни съ другими.

Такъ, напримѣръ, священникъ Перкеръ нелюбимый приходомъ убитъ былъ Гэммингсомъ по наущенію Клюиса, который убилъ потомъ Гэммингса, чтобы скрыть убійство Перкера [1]). Въ этомъ случаѣ первое убійство доказывалось съ тѣмъ, чтобы вывести изъ него мотивъ для втораго убійства. Еще разительнѣе слѣдующее дѣло. Четыре обвинительные акта направлены были на однихъ ассизахъ противъ женщины, которая отравила мужа и двухъ сыновей мышьякомъ и поднесла мышьякъ третьему сыну, причемъ доказательства отравленія троихъ сыновей были основаны на фактѣ отравленія мужа, хотя сыновья были отравлены нѣсколько мѣсяцевъ спустя по смерти мужа. Эта женщина признана виновною по слѣдующимъ двумъ соображеніямъ: во первыхъ, потому что сходство

[1]) R. v. Clewes, 4 Cet. P. 221. Преступленіе совершено въ 1806 г., судилось же въ 1829.

симптомовъ болѣзни доказывало, что мужъ умеръ отъ мышьяка, и во вторыхъ, что повтореніе того же происшествія показывало, что оно не случайное [1]). Обыкновенно доказываютъ преступнику преступное знаніе послѣдствій въ дѣлахъ о выпускѣ въ обращеніе фальшивой монеты, посредствомъ обнаруженія факта, что до случая, за который онъ судится, онъ пускалъ въ обращеніе фальшивую монету, или что онъ дѣлалъ это и послѣ случая, за который судится, если обѣ монеты оказываются одной и той же работы. Принято за правило, что въ обвинительномъ актѣ о присвоеніи чужой собственности (embezzlement), если это преступленіе совершено посредствомъ поддѣлки счетовъ, дозволяется приводить множество ошибокъ въ счетахъ со стороны преступника для доказанія, что та невѣрность, на которой основанъ обвинительный актъ, не была случайная [2]). Иногда доказательства принимаютъ обширнѣйшіе размѣры. По дѣлу Гэрди по предъявленіи общихъ доказательствъ заговора, имѣющаго характеръ измѣны, дозволено привести доказательства безконечнаго числа отдѣльныхъ дѣйствій, совершенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время, для показанія существа и степени исполненія предполагаемаго измѣннического намѣренія [3]).

Хотя вообще подсудимый можетъ быть изобличенъ только посредствомъ его собственныхъ дѣяній, однако бываетъ, что и дѣйствія другихъ людей могутъ служить доказательствами предмета спора, такъ какъ они могутъ состоять видимымъ образомъ въ особенной связи съ какою либо частью преступнаго дѣянія. Необходимо звать къ допросу всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, чрезъ коихъ руки переходилъ извѣстный предметъ, на который опирается обвиненіе (напр. банковый билетъ). А. говоритъ, положимъ: „этотъ билетъ полученъ мною въ уплату отъ В.“ — В. говоритъ: „я получилъ этотъ билетъ отъ С.“ и т. д., пока мы не дойдемъ до лица, которое получило его отъ подсудимаго.

---

[1]) R. v. Geering, 18 L. J. M. C. 215. Очень похожее дѣло R. v. J. и E. Garner судилось 1863 г. на линкольнскихъ ассизахъ.

[2]) R. v. R. Richardson, 8 Cox. 448.

[3]) 23 St. Tr. 199.

Положительная сторона правила имѣетъ меньшую важность нежели отрицательная, но не легко сказать точнымъ образомъ, какое начало принято въ руководство при начертаніи линіи, отдѣляющей то, что можетъ и то, что не можетъ быть предлагаемо въ доказательство. Возможность ссылаться на другіе поступки лица для объясненія того, который разбирается судомъ, существуетъ въ самой значительнѣйшей степени въ дѣлахъ объ отравленіи и о предшествовавшемъ выпускѣ фальшивой монеты въ обращеніе, и въ самой меньшей степени въ дѣлахъ объ укрывательствѣ краденаго. По дѣламъ объ укрывательствѣ краденаго не разрѣшается ссылаться на фактъ, что подсудимый завѣдомо принималъ краденое когда либо прежде или что онъ зналъ, что тѣ или другіе предметы были украдены [1]). Трудно понять, на чемъ основано это различіе между укрывательствомъ краденаго и выпускомъ фальшивой монеты. Можетъ быть оно построено на томъ, что поддѣльныя штуки монеты отличаются отъ настоящихъ физическими признаками, цвѣтомъ, вѣсомъ и т. д., между тѣмъ какъ нѣтъ внѣшнихъ признаковъ, коими бы краденое отличалось отъ другихъ вещей. Доказавъ, что нѣкто понималъ смыслъ произнесенныхъ въ данномъ случаѣ французскихъ словъ вы докажете, что онъ зналъ по французски, но вы не можете доказать, что онъ зналъ языки нѣмецкій, испанскій и италіанскій и что слѣдовательно, какъ лингвистъ, онъ не могъ не знать и французскаго языка. Тѣмъ же путемъ можно оправдывать грань проведенную между названными нами преступленіями. Причина различія состоитъ вѣроятно въ практическомъ соображеніи, что въ дѣлахъ о выпускѣ фальшивой монеты нѣтъ часто иныхъ доказательствъ знанія о поддѣльности монеты, кромѣ факта, что подсудимый пускалъ и прежде того фальшивую монету въ обращеніе, но что въ дѣлахъ объ укрывательствѣ краденаго бываютъ обыкновенно подозрительныя обстоятельства, сопровождающія каждый отдѣльный случай укрывательства.

Прочно установившееся правило, что нельзя приводить общихъ

---

[1]) R. v. Oddy, 2 Den. 264.

доказательствъ дурнаго характера подсудимаго, лежитъ на одну ступень дальше за демаркаціонною линіею, которую мы старались изобразить. Дурной характеръ лица есть слабый резонъ для убѣжденія въ томъ, что оно замѣшано въ данномъ преступленіи, потому что этотъ признакъ есть общій ему и сотнямъ или тысячамъ другихъ людей, между тѣмъ, какъ интересъ въ совершеніи преступленія и слѣдовавшихъ за нимъ поступковъ могли имѣть весьма немногіе, можетъ быть два или три лица. Если дурной характеръ самъ по себѣ есть слишкомъ отдаленная улика, то *a fortiori* тѣмъ менѣе могутъ быть доказываемы отдѣльные дурные поступки подсудимаго, изъ которыхъ можно было бы заключить о его дурномъ характерѣ. Англійское право придерживается неуклонно правила, что подобные поступки не могутъ быть доказываемы, что и составляетъ особенность англійскаго права, между тѣмъ какъ во Франціи всякое обстоятельство изъ жизни подсудимаго можетъ быть приводимо и приводится въ доказательство противу него [1]). Мы одолжены этимъ взглядомъ состязательному характеру англійскаго судопроизводства. Во Франціи судьи считаютъ какъ будто бы долгомъ подвергать своей нравственной цензурѣ всякаго, кто попалъ подъ судъ, розыскивать, а въ случаѣ надобности, клеймить позоромъ всякую часть жизни дурнаго человѣка. Англійскій судья заботится только о спорномъ пунктѣ. Этотъ обычай дошелъ столь далеко, что по дѣлу Пальмера не было дѣлаемо никакихъ намековъ на то, что на Пальмера поступили обвиненія еще въ двухъ убійствахъ кромѣ того, за которое онъ осужденъ на смерть.

Въ цѣломъ взятое англійское правило безъ сомнѣнія человѣколюбиво, но на практикѣ оно подлежитъ одному весьма важному ограниченію. Характеръ подсудимаго извѣстенъ судьѣ и неизвѣстенъ только присяжнымъ. Когда противъ подсудимаго предъявлены разныя обвиненія и всѣ относящіяся къ нимъ данныя просмотрѣны судьею, то это обстоятельство не можетъ не имѣть на него вліянія, это же вліяніе вѣситъ страшно много противъ подсудимаго.

---

[1]) Дѣло сен-сирское.

Недавно Катерина Уильсонъ судилась въ Ольдъ Бейли за отравленіе, совершенное за нѣсколько лѣтъ до суда. Были и другія обвиненія противъ нея въ нѣсколькихъ послѣдовавшихъ потомъ убійствахъ. Судья въ своемъ заключительномъ словѣ высказался сильно за признаніе ее виновною, она признана виновною и казнена. Произнося приговоръ, судья описалъ обстоятельства другихъ обвиненій, о которыхъ онъ узналъ изъ актовъ дѣла, и сказалъ, намекая на одно изъ обвиненій: „если бы присяжные оправдали васъ по настоящему обвиненію, то вы бы тотчасъ опять судились за это убійство. Я читалъ показанія по этому дѣлу старательно и совѣстливо, и пришелъ къ тому, что совершеніе вами этого злодѣянія для меня столь же несомнѣнно, какъ будто бы я его видѣлъ моими собственными глазами [1])“. Вердиктъ можетъ быть и правъ, можетъ быть право и заключительное слово судьи, но были бы ли они одни и тѣ же въ случаѣ, еслибы противъ подсудимой не были предъявлены другія обвиненія? Можно ли согласиться съ тѣмъ, чтобы жизнь подсудимаго подвергалась опасности, вслѣдствіе вліянія производимаго на совѣсть судьи актами предварительнаго слѣдствія.

Очевидно, что заключительное слово судьи носило на себѣ признаки вліянія другихъ, затѣянныхъ противъ подсудимаго исковъ. Трудно рѣшить, должно ли оно быть произносимо подъ этимъ впечатлѣніемъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такъ и слѣдуетъ. Почему бы судьѣ не обращать вниманіе на то, что онъ обязанъ знать по долгу службы? Онъ дѣйствуетъ не по народному слуху, но руководствуясь правильно отобранными присяжными удостовѣреніями. Его званіе должно пріучить его къ тому, чтобы оцѣнивать надлежащимъ образомъ всякое подобное удостовѣреніе. Спрашивается: не должны ли эти же показанія быть доводимы до свѣдѣнія присяжныхъ? Нѣтъ, потому что присяжные не имѣютъ опытности судьи-техника, и еслибы имъ пришлось разбирать за одинъ разъ всѣ улики, свидѣтельствующія противъ подсудимаго, то они не совладали бы съ массою доказательствъ. Настоящая си-

[1]) Times отъ 29 сентября 1862.

стема потворствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи подсудимому, исключая извѣстныя доказательства, которыя могли бы подѣйствовать на присяжныхъ, но она вредитъ также подсудимому, допуская, чтобы эти доказательства вліяли на судью и не дозволяя подсудимому опровергать ихъ. Этотъ компромисъ имѣетъ цѣлью обойти затрудненіе весьма дѣйствительное, не вымышленное законодательствомъ, и состоящее въ громадномъ различіи судей отъ присяжныхъ и въ отношеніи опытности и въ отношеніи ума. Можетъ быть можно было бы постановить, что если подсудимый преданъ суду не по одному, а по многимъ обвиненіямъ (bills) и когда, какъ это дѣлается теперь, управляющій тюрьмою (gaoler) пришлетъ письменный отзывъ неблагопріятный для подсудимаго, то подсудимый долженъ бы получить копію съ рапорта управляющаго тюрьмою и имѣть право дѣлать возраженія, ради одного только судьи, въ которомъ бы онъ могъ дать объясненіе какъ относительно этой улики, такъ и относительно другихъ. Такимъ образомъ судья могъ бы имѣть во всякомъ случаѣ болѣе правильный взглядъ на предметъ.

Хотя въ судѣ не допускаются доказательства дурнаго характера подсудимаго, но доказательства хорошаго его характера всегда выслушиваются въ его пользу. Эта непослѣдовательность оправдывается или по крайней мѣрѣ становится понятна, если принять въ соображеніе гуманность англійскаго права, кромѣ того, она можетъ имѣть великое вліяніе на выставленіе поведенія подсудимаго въ настоящемъ свѣтѣ. А потерялъ часы. На другой день эти часы найдены В, который говорилъ что онъ нашелъ эти часы и берегъ ихъ для возвращенія собственнику. Если А и В незнакомы другъ другу и если В не можетъ сослаться ни на кого, кто бы сказалъ, что онъ хорошій человѣкъ, то оправданіе его будетъ весьма слабое, но если В другъ А, занимаетъ то же общественное положеніе и можетъ представить многихъ почтенныхъ людей, которые удостовѣрятъ, что они знали его съ дѣтства, какъ совершенно честнаго человѣка, то оправданіе В пріобрѣтетъ большую вѣроятность. Если бы то же самое приключилось вполнѣ почтенному и весьма зажи-

точному обывателю извѣстной мѣстности, напримѣръ ректору прихода, то никто бы не сталъ толковать происшедшаго въ дурную сторону. Эти примѣры вполнѣ объясняютъ сущность теоріи о доказательствахъ характера лица. Судьи внушаютъ часто присяжнымъ, что доказательства, касающіяся свойствъ характера безполезны, когда фактъ преступленія доказанъ, и годятся развѣ для смягченія (а можетъ быть и усиленія) наказанія; но что они весьма важны, когда присяжные сомнѣваются въ истинѣ факта преступленія. Мнѣ кажется, что эти внушенія могли бы быть выражены слѣдующимъ образомъ: „если вы думаете, что подсудимый виновенъ, то скажите, что онъ виновенъ, но если вы думаете что вы должны его оправдать независимо отъ доказательствъ характера, то оправдайте его тѣмъ охотнѣе по причинѣ этихъ доказательствъ.“ Доказательства характера сдѣлались бы такимъ образомъ излишними. Сущность значенія ихъ состоитъ въ томъ, что они могутъ объяснить поведеніе, но не измѣняютъ фактовъ. Я не перестаю вѣрить достовѣрному свидѣтелю, который увѣряетъ, что онъ видѣлъ какъ человѣкъ всѣмъ извѣстный по своей честности запустилъ въ его присутствіи руку въ карманъ сосѣда, но я не выведу изъ этого факта заключенія, которое бы вывелъ въ большей части случаевъ, а именно, что у запускавшаго руку въ карманъ было фелонное намѣреніе. Я припишу его дѣйствіе какому либо другому безвинному мотиву.

Есть однако цѣлый разрядъ дѣлъ, въ которыхъ доказательства о характерѣ подсудимаго имѣютъ большое значеніе по другимъ причинамъ. Это случается, когда судоговореніе получаетъ видъ прямаго спора между подсудимымъ и свидѣтелями. „Клянусь, что я видѣлъ какъ вы это дѣлали.“ „Я говорю, что вы врете.“ Такой прямой споръ бываетъ часто въ дѣлахъ, о половыхъ преступленіяхъ; если показанія свидѣтелей ни чѣмъ другимъ неподкрѣплены, то характеръ подсудимаго получаетъ при рѣшеніи дѣла самое существенное значеніе.

Правила о томъ, что доказательства должны ограничиваться спорными пунктами, тѣсно связано съ правиломъ, что одно только

существенное (substance) въ спорѣ должно быть доказано, иными словами, что изъ изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ фактовъ, нѣкоторые должны быть доказаны въ томъ видѣ, какъ описаны, другіе же нѣтъ. Я разбиралъ этотъ предметъ, на сколько дозволяютъ узкія рамки настоящаго труда, въ главѣ о судопроизводствѣ, къ которой онъ и относится по своей техничности [1]). Считаю долгомъ присовокупить еще одно замѣчаніе. Законодательство о варіантахъ въ обвинительномъ актѣ объясняетъ часто дѣлаемое, но неточное, замѣчаніе, что нравственная увѣренность въ винѣ подсудимаго можетъ совмѣщаться съ юридическимъ объ ней сомнѣніемъ. Это положеніе прямо противно всѣмъ выводамъ предъидущей главы нашей книги. Нравственная увѣренность обозначаетъ отсутствіе основательнаго сомнѣнія, въ каждомъ же судѣ присяжнымъ внушаютъ, чтобы они признали виновнымъ подсудимаго, когда не имѣютъ основательнаго сомнѣнія въ его винѣ. Какъ же согласовать отсутствіе основательнаго сомнѣнія въ винѣ съ вердиктомъ: невиновенъ? — На этотъ вопросъ можно отвѣчать, что вердиктъ: виновенъ не есть только утвержденіе о винѣ подсудимаго, но еще утвержденіе истины всякаго положенія обвинительнаго акта, которое признано существеннымъ (material) со стороны законодателя. Если развить вердиктъ, то онъ представится въ слѣдующемъ видѣ: „мы присяжные клянемся, что мы не имѣемъ основательнаго сомнѣнія въ томъ, что этотъ человѣкъ есть Джонъ Смитъ, что крестное имя того другаго человѣка есть Ѳома, а фамилія его Уильсонъ, и мы не имѣемъ основательнаго сомнѣнія въ томъ, что это случилось въ графствѣ Дэрби и т. д...“ Если присяжные могутъ отвѣчать на всѣ эти пункты утвердительно по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ, то они правы произнося вердиктъ: виновенъ, хотя бы и существовали нѣкоторыя сомнѣнія относительно того или другаго положенія въ обвинительномъ актѣ, недоходящія до уровня обозначаемаго словомъ: „основательное“ (сомнѣніе). Если есть хотя одно положеніе обвинительнаго акта, на которое

[1]) Глава № 1.

они не могутъ сказать: да, въ этомъ смыслѣ, то они обязаны произнести вердиктъ: невиновенъ. Они имѣютъ по этому-то обстоятельству основательное сомнѣніе, хотя можетъ быть что самъ законъ безразсуденъ, который требуетъ, чтобы они составили себѣ убѣжденіе относительно этого-то обстоятельства.

Лордъ Кэрдигенъ стрѣлявшій съ умысломъ въ Гэрви Гэрнета Фиппсъ Токкета оправданъ судомъ потому только, что не было доказано, называется ли раненное лицо Гэрнетъ Фиппсъ, хотя достовѣрно, что оно называлось Гэрви Токкетъ. Спрашивается: могла ли палата лордовъ не усомниться при отсутствіи такихъ данныхъ въ томъ, что человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, былъ то самое лицо, которое поименовано въ обвинительномъ актѣ? Она не имѣла конечно основательнаго сомнѣнія въ томъ, что должно бы было быть признаннымъ за достаточное для осужденія со стороны законодателя, если бы законодательство само было вполнѣ разумное, но законодатель постановилъ неблагоразумно, что фактъ совершенно посторонній, не существенный долженъ быть доказанъ прежде нежели возможно осудить подсудимаго. Неточность общеупотребительнаго выраженія заключается въ томъ, что здѣсь смѣшивается степень увѣренности, требуемая закономъ, съ самимъ предметомъ, относительно котораго законъ требуетъ чтобы присяжные имѣли эту степень увѣренности. Законъ требуетъ, отъ присяжныхъ только „нравственной“ увѣренности, но онъ требуетъ отъ присяжныхъ, чтобы они были нравственно увѣрены въ фактахъ столь же мало идущихъ къ дѣлу, какъ напримѣръ цвѣтъ волосъ того или другаго человѣка.

3) *Въ судъ должно быть предлагаемо наилучшее по обстоятельствамъ дѣла доказательство.* Очевидно, что разные роды доказательствъ имѣютъ разную степень цѣнности. Я съ большею увѣренностью основываюсь на передаваемомъ мнѣ содержаніи книги человѣкомъ, у котораго эта книга впередъ глазами, нежели на разсказахъ изъ книги дѣлаемыхъ человѣкомъ, который читалъ ее годъ тому назадъ, и т. д. до безконечности. Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ способовъ измѣрять степень увѣренности. Нельзя счи-

тать доказательства по числу саженей или фунтовъ, но хотя о точномъ измѣреніи не можетъ быть и рѣчи, законодательство ввело однако извѣстныя правила, расположивши, такъ сказать, по рангамъ, разные источники познанія. Протоколы считаются наилучшимъ доказательствомъ того, что происходитъ въ судѣ. Письменный документъ есть наилучшее доказательство его же содержанія.

Изъ всѣхъ сихъ правилъ самоважнѣйшее то, по которому лучшимъ доказательствомъ содержанія письменнаго акта, считается самъ письменный актъ. Изъ этого правила слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ пока не объяснится невозможность предъявленія письменнаго документа или тѣмъ, что онъ потерянъ, или тѣмъ, что онъ уничтоженъ, или тѣмъ, что онъ находится во владѣніи подсудимаго и что подсудимый былъ приглашаемъ предъявить этотъ актъ, никакое другое доказательство, удостовѣряющее содержаніе этого акта не допускается. Когда дано одно изъ вышеупомянутыхъ объясненій, тогда разрѣшается предъявленіе второстепенныхъ доказательствъ; тогда свидѣтеля допрашиваютъ о томъ, что содержалось въ бумагѣ; тогда копія акта можетъ быть принята и прочитана. Дальше того неидетъ классификація доказательствъ по степенямъ доброты. Нѣтъ, напримѣръ, надобности звать въ судъ человѣка для доказанія, что бумага писана его рукою, достаточно показанія о томъ всякаго другаго лица, знающаго почеркъ писавшаго. Бываютъ случаи въ которыхъ непредъявленіе свидѣтеля, о которомъ извѣстно, что онъ живъ въ моментъ производства суда, не только бываетъ причиною замѣчанія, но и влечетъ за собою отказъ въ искѣ. Искъ былъ предъявленъ противъ Остъ-индской компаніи о необъявленіи ею о томъ, что грузъ, сданный по ея распоряженію на корабль для доставленія по назначенію, состоялъ изъ горючихъ матеріаловъ. Два лица завѣдывали непосредственно сдачею и пріемомъ груза. Одно изъ нихъ умерло, о другомъ не показано, живо ли оно и гдѣ оно находится. Признано, что это обстоятельство не даетъ истцу право прибѣгать къ низшему и второстепенному роду удостовѣренія, а именно къ предположеніямъ и заключеніямъ вытекающимъ изъ не сообщенія свѣдѣній о качествѣ груза другимъ

лицамъ на кораблѣ, пока тотъ другой живой свидѣтель (военный начальникъ), непосредственно и больше другихъ заинтересованный въ нагрузкѣ товаровъ на корабль, не призванъ къ отвѣту [1]).“ Въ иныхъ случаяхъ суды не слѣдовали этому началу. Отсутствіе согласія собственниковъ на присвоеніе другимъ лицомъ ихъ собственности выводилось многократно изъ обстоятельствъ дѣла безъ позванія въ судъ этихъ лицъ [2]).

На практикѣ важнѣйшія примѣненія правила тѣ, которыя касаются судебныхъ протоколовъ и иныхъ оффиціальныхъ актовъ, и которыя требуютъ, чтобы содержаніе письменныхъ документовъ доказывалось предъявленіемъ самыхъ документовъ. Невозможно дать въ этой книгѣ хотя бы краткій очеркъ законодательства о первомъ изъ этихъ предметовъ, притомъ онъ не представляетъ особеннаго интереса. Въ послѣдніе года законодательство старалось всячески упрощать способы удостовѣренія всевозможныхъ оффиціальныхъ актовъ, постановляя, что вмѣсто подлинниковъ могутъ быть предъявляемы засвидѣтельствованныя копіи съ нихъ и предписывая судамъ полагаться на печати, штемпеля и т. д. разныхъ вѣдомствъ [3]). Кромѣ того нынѣ положено, что въ уголовномъ судопроизводствѣ документы принимаются въ доказательство всякіе, штемпелеванные или не штемпелеванные [4]).

Практическая мудрость втораго правила не можетъ подлежать сомнѣнію въ глазахъ всякаго, кто знаетъ, какъ измѣнчива память вообще и въ особенности память заинтересованной въ дѣлѣ стороны. Если это правило и стѣснительно, стѣсненіе ничтожно въ сравненіи съ доставляемою имъ пользою.

Есть однако случай, въ которомъ это правило не всегда соблюдается во всей его полнотѣ. Въ процессѣ королевы Каролины постановлено, что если свидѣтеля станутъ допрашивать при перекрестномъ допросѣ, не говорилъ ли онъ въ прежнее время чего

---

[1]) Williams v. Est-India Company, 3 East 201.
[2]) 2 Russ. Cr. 737.
[3]) 8 и 9 Vict. c. 113. 14 и 15 Vict. c. 99.
[4]) 17 и 18 Vict. c. 83 s. 37.

нибудь противнаго настоящему его показанію, то адвокатъ противной стороны можетъ спросить, было ли то прежнее показаніе письменное, и если оно было письменное, то онъ можетъ потребовать, чтобы означенное показаніе было предъявлено и подлинность его доказана, прежде нежели свидѣтель будетъ перекрестно допрошенъ о разнорѣчіяхъ въ своихъ показаніяхъ. Это правило отмѣнено въ гражданскомъ судопроизводствѣ статутомъ 1854 г. о процедурѣ по обычному праву (Law Procedure Act). Этотъ статутъ постановляетъ, что свидѣтель можетъ быть перекрестно допрашиваемъ о прежнихъ своихъ показаніяхъ, данныхъ имъ на письмѣ или облеченныхъ въ письменную форму и касающихся существа дѣла, причемъ не требуется предъявленія ему акта, содержащаго его показанія; но если противная сторона намѣрена опровергать свидѣтеля прежнимъ письменнымъ его показаніемъ, то она должна, до приведенія своего доказательства, обратить вниманіе свидѣтеля на тѣ части письменнаго показанія, на основаніи коихъ она будетъ уличать его въ противорѣчіи.

Въ уголовныхъ дѣлахъ дѣйствуетъ прежняя норма, которой самое обыкновенное примѣненіе состоитъ въ томъ, что адвокату подсудимаго возбраняется спрашивать свидѣтеля, не далъ ли онъ передъ судьею иного разнорѣчащаго съ настоящимъ показанія, пока означенный адвокатъ не представитъ это прежнее показаніе какъ доказательство съ своей стороны и не дастъ тѣмъ самымъ обвинителю права возражать. Въ сущности нельзя назвать этого правила стѣсненіемъ, потому что если разнорѣчіе серьозное, то нѣтъ причины, почему бы прежнее показаніе не было приведено въ доказательство, если же разнорѣчіе ничтожно (какъ бываетъ въ большей части случаевъ) то правило, о которомъ идетъ рѣчь, сберегаетъ время и устраняетъ лишніе нападки. Притомъ судья самъ долженъ справляться не разъ съ показаніями, данными при предварительномъ слѣдствіи; если онъ признаетъ разнорѣчіе важнымъ, то онъ прочтетъ въ слухъ эти показанія, что не даетъ еще обвинителю права возражать. Вообще однако нельзя не желать, чтобы правила о доказательствахъ были одни и тѣ же и по гражданскому

и по уголовному судопроизводству. Въ настоящую минуту практика начинаетъ отступать отъ болѣе строгаго правила уголовнаго. Гл. судья Уиллизъ (Willes) дѣйствовалъ такимъ образомъ въ теченіи цѣлыхъ весеннихъ ассизъ 1863 г. въ мидлэндскомъ округѣ.

4) *Свидѣтельствованіе по слухамъ* (hearsay) *не есть доказательство.* На первый взглядъ можетъ показаться, что это правило есть только видоизмѣненіе правила, требующаго представленія наилучшаго доказательства, но между ними есть однако разница. Правило о наилучшемъ доказательствѣ воспрещаетъ прибѣгать къ слабѣйшему роду доказательствъ, пока не объяснено отсутствіе надлежащаго сильнѣйшаго. Правило о свидѣтельствованіи по слухамъ состоитъ въ томъ, что всякое показаніе хорошее или дурное, относящееся къ тому, что по извѣстному предмету сказано, сдѣлано или писано, можетъ быть дано только очевидцемъ или самимъ подсудимымъ, но не другими какими либо лицами. Первое правило опредѣляетъ порядокъ послѣдовательности родовъ доказательствъ, второе исключаетъ возможность доказыванія извѣстнаго рода фактовъ. Устраненіе показаній по слухамъ подлежитъ дѣйствію изложенныхъ нами законовъ о спорныхъ пунктахъ. Если слова и поступки иныхъ лицъ, кромѣ подсудимаго, входятъ въ составъ затѣяннаго дѣла, то они могутъ быть доказываемы. Можно слѣдить за переходомъ собственности изъ рукъ въ руки. Во многихъ случаяхъ могутъ быть доказываемы происшествія весьма далеко отстоящія отъ разбираемыхъ судомъ пунктовъ. На томъ же основаніи можетъ быть доказываемъ фактъ, что лицо считающее себя обиженнымъ подавало жалобу вскорѣ послѣ нанесенія ей обиды. „Новѣйшая практика допускаетъ, что не только фактъ жалобы, но и особенности ея могутъ быть приводимы въ судѣ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобныя доказательства могутъ имѣть большую важность. Въ дѣлахъ объ изнасилованіи и покушеніяхъ на изнасилованіе отсутствіе жалобы поданной тотчасъ послѣ преступленія ведетъ къ оправданію подсудимаго, потому что доказы-

[1]) R. v. Eyre. 2 F. and F. 579. Судъ допустилъ и отвѣчалъ на жалобу.

ваетъ согласіе на преступленіе со стороны истицы. Въ дѣлахъ о грабежахъ оно также важно, потому что часто случается, что обиженный выдаетъ себя за жертву разбоя, между тѣмъ съ нимъ сыграли только штуку или ему досталось только въ дракѣ отъ пьяной компаніи.

Всегда дозволяется доказывать, что говорили третьи лица вслухъ подсудимому, но причина этой нормы заключается въ томъ, что все поведеніе подсудимаго свидѣтельствуетъ за него или противъ него и что суду важно знать всѣ обстоятельства его окружавшія. Напримѣръ А говоритъ къ В въ присутствіи С: „я видѣлъ какъ С обобралъ вашъ карманъ.“ Если въ эту минуту С побѣжитъ, то это обстоятельство будетъ сильною уликою противъ него. Если его не было на мѣстѣ, то слова А не будутъ вовсе доказательствомъ, то есть, что присяжнымъ не доведется даже слышать, что онъ говорилъ. Иногда допускаемо было доказательство даже того, что говорилось въ моментъ совершенія преступленія въ отсутствіи подсудимаго, на томъ основаніи, что сказанныя слова входятъ въ составъ событія. Лучшій примѣръ сего рода случился на весеннихъ лейстерскихъ ассизахъ въ 1856 по дѣлу, судимому передъ лордомъ Кэмпбелемъ. Нѣкто былъ застрѣленъ у себя дома среди компаніи. Братъ его былъ въ числѣ очевидцевъ происшествія и видѣлъ, какъ чрезъ окошко перелѣзалъ человѣкъ съ ружьемъ въ рукѣ за нѣсколько мгновеній до выстрѣла. Когда онъ давалъ свое показаніе съ нѣкоторымъ колебаніемъ, лордъ Кэмбель разрѣшилъ спросить его при главномъ допросѣ: „сдѣлали ли вы восклицаніе, когда увидали этого человѣка?“ „Да.“ „Что же произнесли вы?“ „Я сказалъ, что это мясникъ“ (обыкновенное прозвище подсудимаго) [1]).

Приведенные мною примѣры суть скорѣе подтвержденія правила о спорныхъ пунктахъ нежели изъятія изъ правила объ устраненіи показаній по слухамъ. Сіе послѣднее правило подлежитъ

[1]) R. v. Foulkes. Я обязанъ этимъ примѣромъ г. Серженту О'Бріену, который защищалъ подсудимаго.

однако исключеніямъ. Законъ допускаетъ показанія умершихъ, учиненныя въ противность собственнымъ ихъ интересамъ, равно какъ и удостовѣренія умершаго, учиненныя въ должностномъ его характерѣ или при отправленіи обязанностей его званія. Допускаются также показанія умершихъ о состояніи ихъ здоровья и о свойствѣ ихъ страданій. Г. Роско въ подтвержденіе этого правила, приводитъ въ видѣ авторитета дѣло Маріи Бленди [1]), но въ то время правило о доказательствахъ были несравненно менѣе выработаны чѣмъ теперь. Въ дѣлахъ Пальмера и Сминферста подобныя показанія умершихъ были многократно приводимы безъ всякаго опроверженія.

Доказательства о добромъ имени (reputation) лица допускаются въ вопросахъ генеалогическихъ (pedigree), но это правило не имѣетъ ничего почти общаго съ уголовнымъ судопроизводствомъ.

Важнѣйшее и обыкновенѣйшее изъятіе изъ правила о показаніяхъ по слухамъ относится къ показаніямъ предсмертнымъ. Предполагается, что предчувствіе близящейся смерти поражаетъ умъ, не менѣе какъ и торжественность присяги, вслѣдствіе чего принято принимать въ доказательство показаніе лица, потерявшаго всякую надежду на жизнь и дѣйствительно потомъ умершаго въ дѣлахъ объ убійствѣ, котораго жертвою былъ самъ показатель. Всякая черта въ этомъ правилѣ извлечена изъ множествъ судебныхъ рѣшеній, которые приводить считаю однако излишнимъ.

Если свидѣтель умеръ или слишкомъ боленъ или совсѣмъ не можетъ прибыть, то его показаніе данное судьѣ, производившему слѣдствіе, можетъ быть прочитано, если только оно дано въ присутствіи подсудимаго и если подсудимый имѣлъ случай передопросить свидѣтеля перекрестно. Это правило основано отчасти на обычномъ правѣ, отчасти на статутѣ 11 и 12 Vict. c. 42.

Причина, почему устраняется свидѣтельствованіе по слухамъ или лучше сказать свидѣтельствованіе объ отзывахъ третьихъ

---

[1]) 18 St. Fr. 1117 — годъ процесса 1752.

лицъ, учиненныхъ за глаза подсудимаго, состоитъ въ томъ, что эти показанія не обезпечены ничѣмъ. Они не носятъ на себѣ санкціи присяги и не могутъ быть провѣрены посредствомъ перекреснаго допроса. Всѣ изъятія изъ этого правила основаны на началѣ, что особенныя окружающія ихъ обстоятельства даютъ санкцію показанію и исключаютъ притомъ возможность призыва въ судилище давшаго показаніе. Очевидно, что это правило превосходное и никто не можетъ представить себѣ, въ какой степени оно полезно, кто не видалъ, какъ оно примѣняется. Это правило, а равно правило требующее предъявленія подлиннаго письменнаго акта или объясненія причинъ, почему онъ не можетъ быть предъявленъ, содѣйствуютъ значительно сообщенію англійскому уголовному судопроизводству той степени солидности и подлинности, которыми оно отличается.

5. Правила о собственномъ признаніи.

Они составляютъ весьма характеристическую часть англійской теоріи доказательствъ. Если въ судѣ англійскомъ подсудимый скажется виновнымъ (pleads guilty), то и дѣлу бываетъ конецъ; нѣтъ дальнѣйшихъ изысканій и приговоръ слѣдуетъ немедленно за признаніемъ. Во Франціи пренія идутъ своимъ чередомъ, не смотря ни на какое признаніе подсудимаго. Съ другой стороны цѣль, къ которой направлено все предварительное слѣдствіе, состоитъ въ томъ, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ исторгнуть признаніе подсудимаго, если же онъ признался подъ этимъ давленіемъ, то его признаніе разсматривается какъ рѣшительное, изобличающее его доказательство. Въ Англіи этотъ образъ дѣйствія не только воспрещенъ, но даже если бы подсудимый былъ приведенъ къ признанію какими либо, хотя бы и легчайшими внушеніями, то это признаніе устраняется совсѣмъ.

У одного знаменитаго юриста, это правило изложено такимъ образомъ[1]): „не можетъ быть допущено признаніе подсудимаго, ко-

[1]) *Roscoe* Dig. Cr. Ev. 38.

торое дано вслѣдствіе какого либо внушенія, имѣющаго свѣтскій характеръ, состоящаго въ связи съ обвиненіемъ противъ подсудимаго и учиненнаго лицомъ, пользующимся властью.“ Однако, если доказано, что послѣ такого внушенія впечатлѣніе произведенное имъ въ умѣ подсудимаго изгладилось, и если впослѣдствіи подсудимый сдѣлалъ признаніе, то это признаніе будетъ считаться доказательствомъ.

Трудно опредѣлить съ точностью, какъ далеко простирается это правило. Что значитъ слово: *внушеніе* (inducement). По одному дѣлу клеркъ производящаго слѣдствіе судьи сказалъ: „я предостерегалъ его, чтобы онъ самъ себѣ не вредилъ, потому что то, что онъ скажетъ, я долженъ записать, и это послужитъ въ пользу или во вредъ его въ судѣ.“ Подсудимый признался. Судья Колериджъ полагалъ, что это признаніе не можетъ быть принято въ доказательство. „Я не могу себѣ представить, сказалъ онъ, болѣе прямаго внушенія сдѣлать признаніе, какъ поставленіе кому либо на видъ, что слова его могутъ быть обращены въ пользу его въ судѣ [1]).“ По другому дѣлу [2]) тотъ же судья показалъ, что слѣдуетъ считать внушеніемъ, когда констэбль говоритъ: „вы обвиняетесь въ тяжкомъ преступленіи и вы должны остерегаться дать мнѣ или кому либо другому показаніе, которое бы могло повредить вамъ; но мы готовы выслушать все то, что вы можете сказать въ вашу защиту, и оказать вамъ пособіе.“ Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно вывести заключеніе, что все то, что говорится подсудимому относительно дачи имъ показанія и что выражено такимъ образомъ, что не исключаетъ прямо всякаго намека на возможность хорошихъ или дурныхъ послѣдствій отъ ожидаемаго показанія, есть или угроза или внушеніе.

Самоновѣйшее дѣло R. v. *Baldry*, рѣшенное не единолично однимъ судьею, но судомъ дѣлъ коронныхъ, представляемыхъ на высшее усмотрѣніе, дало поводу къ выраженію того же правила въ

---

[1]) R. v. Drew, 8 C. et P. 140.

[2]) R. v. Morton, 2 Mo. et Ro. 514.

формѣ гораздо болѣе опредѣлительной. Подсудимому сказаны были слѣдующія слова: „вы не должны сами себя обвинять; все, что ни скажете, запишется и будетъ служить доказательствомъ противъ васъ.“ Произнося приговоръ лордъ главный баронъ Поллокъ изложилъ правило слѣдующимъ образомъ: „Весь вопросъ въ томъ, составляютъ ли слова констэбля: „вы не должны сами себя обвинять и т. д.“, обѣщаніе или угрозу. Мы не должны брать на дыбу эту фразу и задаваться вопросомъ, могъ ли подсудимый превратно понять ея смыслъ. Точно такимъ же образомъ можно остроумно доказывать, что и слова статута возбуждаютъ въ умѣ преступника идеи, далеко отходящія отъ прямаго смысла статута. Слова надобно брать въ ихъ прямомъ очевидномъ смыслѣ. Для защиты невинныхъ людей весьма важно, чтобы обвиняемому въ преступленіи объявлено было при заарестовоніи, въ чемъ онъ обвиняется. Всякое сообщеніе дѣлаемое имъ въ этотъ моментъ должно быть принимаемо и уважено, потому что въ большей части случаевъ подсудимый не въ силахъ издерживаться на свидѣтелей. Обвиняемый можетъ быть въ одно и то же время расположенъ сказать, что онъ былъ тамъ-то и что онъ докажетъ свое alibi, и дать какое либо весьма важное показаніе съ тѣмъ, чтобы увѣрить, что не онъ совершилъ преступленіе и что не его слѣдовало бы обвинять. Въ уголовныхъ дѣлахъ обыкновенно обращаютъ особенное вниманіе на то, что показалъ подсудимый при своемъ заарестованіи; я знаю многія оправданія, которыя основаны главнымъ образомъ на томъ, что показалъ преступникъ въ моментъ взятія его подъ стражу. Конечно, надо предостерегать преступника, чтобы онъ самъ на себя не взводилъ обвиненій, но я думаю что то, что онъ говоритъ, должно служить доказательствомъ его вины или доказательствомъ въ его пользу.“

Страшная щепетильность законодательства по предмету внушеній одолжена своимъ происхожденіемъ теоріямъ, которыя теперь оставлены, потому что факты на которыхъ онѣ были построены перестали существовать. Старинная теорія доказательствъ была сильно пропитана понятіемъ, что законы и начала достовѣрности само-

бытны и независимы отъ воли ихъ создателей, такъ, что если бы случилось, что данное, не составляющее доказательства, ведетъ прямѣе къ истинѣ нежели то, что считается по закону доказательствомъ, то тѣмъ хуже для истины [1]). Большая часть правилъ о негодности къ свидѣтельствованію заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ основана была на этомъ понятіи, вѣроятно то же самое можно сказать и о правилѣ, которое составляетъ теперь предметъ нашего разбора. Первоначально руководящая мысль практики состояла въ томъ, что „признаніе добытое обольщеніями надежды или пыткою страха столь сомнительно, когда приводится въ доказательство вины, что ему нельзя вѣрить, а надобно его отвергать [2])“. Потомъ та же мысль получила слѣдующее развитіе: „законъ не можетъ (собственно надлежало бы сказать: судьи не рѣшаются) измѣрять силу вліяній дѣйствующихъ на душу преступника, вслѣдствіе чего признаніе его устраняется, если какая либо степень вліянія имѣла мѣсто“ (собственно надлежало бы сказать: если предполагается что какая либо степень вліянія могла имѣть мѣсто) [3]). Отъ сочетанія этихъ двухъ началъ правило о собственномъ признаніи запуталось въ непроходимыя тонкости подобно *special pleading* въ старинной его формѣ. Слова „брались на дыбу“, по счастливому выраженію г. лорда главнаго барона, дабы удостовѣриться не могъ ли бы какой либо остроумецъ перетолковать ихъ такимъ образомъ, что они могли имѣть какое либо вліяніе на подсудимаго. Современи процесса R.

---

[1]) Вліяніе этого заблужденія на умъ заматорѣвшій въ техникѣ изумительно, такъ что лицамъ чуждымъ этого вліянія трудно иногда объяснить какъ далеко оно идетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ при продажѣ недвижимыхъ имѣній платежи разсрочивались для «защищенія вотчины» отъ разныхъ рисковъ, которымъ она подвергалась вслѣдствіе извѣстныхъ тонкостей законодательства о поземельной собственности. Потомъ, изданъ былъ статутъ постановившій, что при извѣстныхъ условіяхъ вотчина защищается безъ разсрочки платежей точно такие какъ при разсрочкѣ. Одинъ знаменитый конвейенсеръ (спеціалистъ по части законовъ о недвижимой собственности) сказалъ по этому случаю съ негодованіемъ: «вотчина защищается безъ разсрочки платежей! постановите лучше статутомъ что дождь не промочитъ прохожаго, который будетъ ходить по улицѣ безъ зонтика».

[2]) Warwickshall's case, 1 Leach. C. L. 264.

[3]) 2 Russ. 826.

v. *Baldry* ученіе о признаніи получило иной видъ и болѣе правильную форму.

Правило о признаніи отличается и до сихъ поръ нѣкоторыми особенностями. Внушенія должны имѣть предметомъ какія либо свѣтскія выгоды. Такимъ образомъ рѣшенъ этотъ вопросъ практикою по дѣлу, по которому капелланъ тюрьмы употребилъ три съ половиною часа на сильнѣйшія увѣщанія о признаніи, читая подсудимому, между прочимъ, Commination Service изъ молитвенника, („угроженіе или возвѣщеніе гнѣва Божія и суда надъ грѣшниками“) [1]). Основаніе рѣшенія состояло по видимому въ томъ что религіозныя увѣщанія не могутъ никогда склонить человѣка къ произнесенію лжи.

Вторая странность та, что признаніе добытое хитростью, обманомъ или даже клятвопреступленіемъ допускается въ доказательство, коль скоро оно не исторгнуто угрозами или внушеніями [2]).

Нѣкоторая темнота существуетъ относительно того, должны ли внушенія имѣть связь съ обвиненіемъ или нѣтъ.

Одинъ пунктъ относительно признаній крѣпко упроченъ. Принято, что когда вслѣдствіе неправильно добытаго признанія получены другія данныя, то эти данныя могутъ быть употребленыя въ доказательство, хотя признаніе не дѣйствительно. Подсудимый сказалъ напримѣръ, гдѣ спрятано краденое; если оно тамъ найдено, то фактъ отысканія его и фактъ указанія, даннаго подсудимымъ для отысканія его, могутъ быть приводимы въ доказательство, хотя подробности показанія подсудимаго не могутъ сами служить доказательствами. Признаніе служитъ доказательствомъ только противъ того, кто его учинилъ; таково правило; но на практикѣ невозможно чтобы присяжные не принимали въ расчетъ того, что подсудимый говоритъ о своихъ соучастникахъ.

Относительно ученія о признаніяхъ въ цѣломъ, взятаго Лордъ Кэмпбель замѣтилъ по дѣлу R. v. Baldry: „если бы эта матерія

---

[1]) R. v. Gilham 2 R. C. 848.

[2]) Процессы у Roscoe, Dig. Cr. Ev. 45 — 46.

[3]) Дѣло Warwickshall, 1 Leach 265 Reg. v. Griffin. Russ et Ryan 151.

была *res integra*, то я бы, можетъ быть, усомнился, не было ли бы благоразумно допускать во всякомъ случаѣ собственное признаніе въ доказательство, съ тѣмъ, что присяжные уважатъ его по своему благоусмотрѣнію". Нѣтъ сомнѣнія, что подобное рѣшеніе было бы наилучшее, если имѣть въ виду одни интересы истины. Есть однако еще и другіе интересы которые слѣдуетъ брать въ расчетъ, а важнѣйшій между ними залючается въ большой популярности правилъ о признаніи. Нельзя забывать, что отъ уголовнаго правосудія наиболѣе страдаютъ бѣдные и необразованные; что органы правосудія съ которыми они преимущественно имѣютъ дѣло — полицейскіе, пользуются тою степенью превосходства по уму и общественному положенію передъ крестьянами и фабричными рабочими, которая дѣлаетъ ихъ особенно ненавистными и заставляетъ желать сохраненія разныхъ мѣръ предосторожности противъ злоупотребленія ими власти. Ихъ грубое и непросвѣщенное усердіе увлекало бы ихъ часто и заставляло бы совершать дѣйствія притѣснительныя, если бы перемѣна правилъ о признаніи сдѣлала подобныя притѣсненія полезными. Слѣдуетъ помнить, что не легко домогаться законнаго наказанія, даже въ отношеніи къ преступнику. Для общества важно не только, чтобы преступленіе было наказано, но и чтобы сочувствіе публики было по сторонѣ наказанія, чего конечно не могло бы быть, если бы допускалось въ судѣ признаніе, добытое угрозами или обѣщаніями; развѣ въ одно и тоже время положить, что лица прибѣгавшія къ угрозамъ или обѣщаніямъ для полученія признанія должны быть наказаны, но это наказаніе было бы сопряжено на практикѣ съ величайшими затрудненіями. По симъ причинамъ не только раціонально сохранить въ цѣлости правило о признаніи, но не мѣшало бы и распространить его на признанія добытыя духовными стращаніями или хитростью.

Давъ этотъ краткій и неполный очеркъ теоріи доказательствъ англійскихъ судовъ, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о ея достоинствахъ. Она вся состоитъ изъ практическихъ мѣропріятій клонящихся къ обезпеченію публики на счетъ того, что убѣжденія присяжныхъ будутъ построены на солидныхъ доводахъ и что остро-

умѣ, пытающееся выстроить рѣшеніе на болѣе тонкомъ основаніи, не найдетъ въ судѣ пріема ни мѣста. Можно всю эту теорію выразить немногими словами. Доказательства, по которымъ человѣкъ осуждается, должны удостовѣрить цѣлое или часть того дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется или какого либо другаго дѣянія не посредственно связаннаго съ первымъ. Они должны состоять или изъ матеріальныхъ вещей предъявляемыхъ присяжнымъ тѣлесно или изъ показаній свидѣтелей о томъ, что они сами испытали своими чувствами. Если доказываемый пунктъ есть собственное признаніе подсудимаго, то должно быть доказано, что онъ сдѣлалъ это признаніе свободно, безъ малѣйшаго признака угрозы или внушенія. Показанія должны быть даваемы подъ присягою; достовѣрность самихъ показателей можетъ быть оспариваема средствами, способными провѣрить ихъ искренность, на сколько позволяютъ необходимыя въ судѣ съ присяжными границы времени и вниманія. Показанія получаются посредствомъ задаваемыхъ вопросовъ, которые недолжны имѣть свойства подсказыванія отвѣтовъ; они могутъ быть провѣряемы самымъ подробнымъ передопрашиваніемъ о всѣхъ частяхъ показанія.

Таковы виды доказательствъ, допускаемые въ судѣ. Спрашивается, сколько доказательствъ требуется для образованія убѣжденія? На этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта, потому что само доказательство не имѣетъ качествъ которые бы могли быть положительно перечислены. Отвѣтъ можетъ состоять только въ слѣдующемъ: столько сколько потребуется для склоненія двѣнадцати человѣкъ сказать, что они не имѣютъ основательнаго сомнѣнія въ винѣ. Всякій другой болѣе обстоятельный отвѣтъ можетъ быть данъ по соображеніи обстоятельствъ извѣстныхъ уголовныхъ дѣлъ порознь взятыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приведены въ концѣ этого сочиненія. По дѣлу Донэллена дюри осудило подсудимаго по весьма слабымъ доказательствамъ. По дѣлу Пальмера доказательства были весьма сильны. По дѣлу Смиферста джюри и статъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ разошлись въ своихъ мнѣніяхъ, что показываетъ, что доказательства были средней силы. Такимъ

образомъ вѣсъ доказательствъ бываетъ различный, смотря по настроенію присяжныхъ, по духу времени и по другимъ обстоятельствамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было замѣтно больше колебанія, нежели теперь, при осужденіяхъ за преступленія, влекущія за собою смертную казнь. Нѣкоторые судьи болѣе взыскательны нежели другіе, относительно количества доказательствъ требуемыхъ для образованія убѣжденія, такимъ образомъ мѣрило достовѣрности колеблется между весьма неопредѣленными границами. Я думаю однако, что чѣмъ болѣе изучать вердикты присяжныхъ и свойства доказательствъ, на которыхъ они основаны, тѣмъ болѣе чувствуешъ уваженія къ нимъ и тѣмъ сильнѣе убѣждаешся въ солидномъ здравомъ смыслѣ правилъ о доказательствахъ, на которыхъ держится вся система судопроизводства.

ГЛАВА IX.

АНГЛІЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Законодательство парламентское и судейское. — Дурныя и хорошія стороны англійскаго права. — Возможность существованія законовѣдѣнія какъ науки. — Естественное право. — Проектъ учрежденія особаго департамента законодательства и юстиціи. — Кодификація рэпортовъ правительствомъ. — Возможныя послѣдствія этой реформы.

Описавъ въ предъидущихъ главахъ современное состояніе уголовнаго права въ Англіи, постараемся изобразить теперь, какъ оно производится.

Оно производится отчасти парламентомъ, отчасти судьями, такъ что оно можетъ быть раздѣлено по источникамъ на статутовое и приговорное. Нынѣшнее приговорное право (case law) соотвѣтствуетъ прежнему обычному (common law), которое вошло теперь въ составъ приговорнаго. Собственно приговорному праву служатъ матеріаломъ и акты парлемента и прежнія опредѣленія и аксіомы, изъ которыхъ состояло прежнее обычное право. Фактъ, что судьи

производятъ сами законъ подъ прикрытіемъ фикціи, что имъ служитъ право толковать законъ, признается теперь всѣми изучающими право серьозно и безъ предубѣжденія, по крайней мѣрѣ начиная со временъ Бэнтама. Мысль эта нуждается однако въ поясненіи для читателей неспеціалистовъ. Законъ отличается существенно отъ всякихъ правилъ нравственности, отъ методовъ, изслѣдованія, отъ подмѣченныхъ повторяющихся въ природѣ явленій, отъ теорій нравственности и другихъ предметовъ называемыхъ несвойственно законами, тѣмъ что онъ есть приказаніе, исходящее отъ верховной власти и сопровождаемое санкціею. Когда государь снабжаетъ судей властью сказать: отношенія бывшія въ нашемъ разсмотрѣніи должны быть опредѣлены тѣмъ-то спеціальнымъ правиломъ, за исключеніемъ всѣхъ другихъ, исполненіемъ чего долженъ озаботиться шерифъ, поддерживаемый всѣми силами графства, то тѣмъ самымъ государь дѣлаетъ судей *pro tanto* законодателями. Ихъ рѣшеніе, что такое-то правило есть законъ страны, имѣетъ на практикѣ такую же силу, какъ прямой актъ парламента. Этою властью суды пользовались такъ часто и въ столь важныхъ случаяхъ, что всѣ отрасли права носятъ на себѣ явственные слѣды этой дѣятельности, а нѣкоторыя изъ нихъ почти цѣликомъ выработаны одною дѣятельностью судейскою безъ посредства всякаго вмѣшательства со стороны парламента. До весьма недавнихъ временъ отчужденіе родовыхъ имѣній (entailed land) было основано на однихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, которыя, устанавливая систему фиктивнаго производства, извѣстнаго подъ именемъ common recovery, отмѣнили акты парламента, требовавшіе неотчуждаемости родовыхъ имѣній. Лордъ Мэнсфильдъ и его товарищи были главными создателями той части права о договорахъ, которая относится къ торговымъ сдѣлкамъ. Лордъ Эльдонъ въ первой половинѣ своей судейской дѣятельности проводилъ такія начала по дѣламъ о товариществахъ, которыя опережали и могли бы сдѣлать излишними послѣдующія затѣмъ законодательныя постановленія о товариществахъ на вѣрѣ (joint-stocks companies). Теорія доказательствъ выработана почти вся судьями съ весьма малымъ содѣй-

ствіемъ со стороны парламента; совершенно тоже можно сказать о всѣхъ почти опредѣленіяхъ преступленій по обычному праву.

Не только достовѣрно, что судейское законодательство имѣетъ широкій и важный кругъ дѣятельности, но самъ фактъ его существованія оказываетъ большое вліяніе на парламентское законодательство. Парламентское законодательство исходитъ изъ того предположенія, что внѣ его существуетъ связная и разумная система законодательства, которой слѣдуетъ придерживаться. Посему парламентъ рѣдко пробовалъ изрекать общія начала или общія опредѣленія и предпочиталъ предопредѣлять особенные случаи. Такъ, напр., парламентъ предполагалъ, что связная система кражи уже выработана юристами и ограничился исправленіемъ въ ней нѣкоторыхъ недостатковъ или дополнительными постановленіями о преступленіяхъ, появившихся послѣ выработки ученія юристовъ о кражѣ. Предъидущія главы содержатъ множество примѣровъ этой двойственной системы законодательства. Въ общемъ результатѣ выходитъ, что англійское уголовное право состоитъ изъ трехъ частей: 1) старинное обычное право, сырая и тощая теорія, соотвѣтствующая варварскому состоянію общества, которое давно миновалось; 2) громадная куча не систематическихъ и безпорядочныхъ актовъ парламента, вызванныхъ недостатками обычнаго права, не связанныхъ между собою, писанныхъ въ разное время, разнымъ слогомъ, съ разными цѣлями и наконецъ консолидированныхъ въ немногихъ новѣйшихъ статутахъ, которые остаются вѣрны смѣшенію и путаницѣ матеріаловъ, изъ коихъ они заимствованы; 3) бездна приговоровъ, наполняющихъ многіе тома и рѣшающихъ отдѣльные пункты по мѣрѣ ихъ возникновенія, неупорядоченныхъ, оставляющихъ мельномъ безчисленные вопросы, которыхъ они не рѣшаютъ, пока не явятся обстоятельства, которыя бы потребовали ихъ рѣшенія.

Такова дурная стороны англійскаго уголовнаго права. Хорошая его сторона заключается въ томъ, что оно есть работа многихъ поколѣній судей, изумительно подготовленныхъ къ этому дѣлу на столько, на сколько оно находится въ ихъ власти. Англійскіе

судьи образуютъ одно изъ лучшихъ въ свѣтѣ подначальныхъ законодательствъ. Они суть выдающіеся впередъ члены самаго дѣятельнаго и энергическаго сословія, которое зорко слѣдитъ и критикуетъ всякія ихъ рѣшенія. Суды служатъ другъ другу контролемъ, потому что они не связаны рѣшеніями другъ друга и могутъ идти въ прямомъ направленіи, противномъ рѣшеніямъ своихъ предшественниковъ. Судьи довольно многочисленны для сообщенія рѣшительнаго вѣса рѣшеніямъ, но не до того многочисленны, чтобы вслѣдствіе того терялось чувство личной ихъ отвѣтственности. Они образуютъ единственную въ своемъ родѣ корпорацію. Апелляціонные суды ліонскій и бордоскій могутъ расходиться въ своихъ взглядахъ, но рѣшеніе состоявшееся въ Вестминстер-Голлѣ есть законъ, дѣйствующій по всей Англіи. Этому обстоятельству обязано приговорное право своими достоинствами. Рѣшенныя дѣла вмѣщаютъ въ себѣ результатъ громаднаго опыта и тонкаго практическаго знакомства съ предметомъ, къ которому они относятся. Старинное обычное право было, безъ сомнѣнія, сырое и тощее; большая часть статутовъ отличается мелочностью и отсутствіемъ принциповъ, но современное приговорное право содержитъ страшную массу вѣрныхъ началъ и здраваго смысла, примѣняемыхъ къ дѣлу съ мастерскою ловкостью, впрочемъ, однако, до того перемѣшанныхъ съ особенными обстоятельствами, что они гораздо менѣе полезны, нежели могли бы быть полезны. И такъ обычное право, статутовое право и приговорное право, которое объясняетъ и первое и второе, поддерживаютъ собою удивительный уголовный кодексъ, хорошо приспособленный къ потребностямъ и чувствамъ народа, и опирающійся на практическое знакомство съ ними, но безпорядочный, искаженный странными тонкостями и содержащій множество постороннихъ примѣсей. Спрашивается: какимъ образомъ извлечь благородный металлъ изъ богатой содержаніемъ руды и какъ дать ему пригодную для употребленія форму?

Для совершенія этой операціи необходимо содѣйствіе законодательства, какъ парламентскаго, такъ и судебнаго. Главныя очертанія системы могутъ и должны быть проведены только однимъ вер-

ховнымъ законодательнымъ учрежденіемъ. Публика никогда не допуститъ и не должна допускать иной власти, кромѣ парламента, создавать новыя понятія преступленій или подводить многія существующія подъ одно опредѣленіе. Но точно также невозможно возложить на парламентъ судейскую работу. Смѣшно было бы предлагать законодательному народному собранію проектъ акта объ отношеніи сумашествія къ уголовной отвѣтственности или помѣщать въ статутѣ правило о принятіи или устраненіи свидѣтельствованія по слухамъ со всѣми его условіями и со всѣми исключеніями. Эти послѣдніе вопросы столь же судейски-юридическіе, какъ первые были законодательные. Это различіе надобно имѣть постоянно въ виду при уразумѣніи отношеній между областями парламентскаго и судейскаго законодательства.

Можетъ кому нибудь показаться противорѣчіемъ, что дѣлая власть единственнымъ источникомъ права, мы отводимъ однако извѣстную область законовѣдѣнію. Могутъ спросить: если государь, какъ государь, всевластенъ, можетъ ли существовать наука законовѣдѣнія. Если о законѣ издаваемомъ верховною властью скажемъ не только: legum prima, но и sola lex securis, то чѣмъ же можетъ бы юристъ, если не толкователемъ воли государя?

Въ извѣстномъ отношеніи парламентъ—государь въ Англіи, онъ всевластенъ. Парламентъ можетъ постановить закономъ, что третье дитя въ каждой семьѣ должно быть повѣшено, и этотъ законъ столько же будетъ юридически обязателенъ, какъ и всякій другой. Но это всевластіе, подобно всякому ему подобному другому, находитъ свои предѣлы въ свойствахъ природы человѣческой. Такъ, напримѣръ, данный парламентъ не обязываетъ слѣдующіе за нимъ парламенты. Настоящій законодатель тотъ, кто въ данное время издаетъ и санкціонируетъ приказанія, воплощаемыя въ законѣ. Еслибы настоящій государь могъ быть связанъ волею прошедшаго государя, то онъ не былъ бы государь, обладающій верховною властью. Законы изданные сто лѣтъ тому назадъ заимствуютъ свою силу не изъ того, что они изданы Георгомъ III, но изъ того, что они удерживаются королевою Викторіею. Этотъ примѣръ показы-

вать, какимъ образомъ законовѣдѣніе можетъ быть наукою, хотя государь всевластенъ. Кругъ дѣятельности юриста состоитъ въ томъ, чтобы обозначать грани, которыя существо человѣческихъ отношеній обводитъ кругомъ законодателя и опредѣлять характеръ задачъ, которыя законодатель долженъ рѣшить. Юристъ можетъ поставить законодателя въ извѣстность о разныхъ родахъ отношеній, въ которыя люди могутъ ставить себя другъ къ другу, напримѣръ посредствомъ договора. Онъ можетъ сказать: люди привыкли вѣрить другъ другу и условливаться такъ, что если ты А скажешь, что сдѣлаешь мнѣ завтра то-то, то я В говорю, что я тотчасъ сдѣлаю тебѣ то-то. Эти соглашенія называются договорами, они облекаются обыкновенно въ извѣстныя формы и имѣютъ содержаніемъ такіе-то предметы. Таково положеніе вещей, на которомъ ты, законодатель, долженъ основывать свои приказанія. Ты можешь, напримѣръ, постановить, что такой-то договоръ долженъ быть письменный или онъ будетъ недѣйствителенъ; такого-то рода договоры во всякомъ случаѣ недѣйствительны; такіе-то договоры обязываютъ однихъ только договаривающихся лично, иные обязываютъ и ихъ наслѣдниковъ. Притомъ если ты это постановишь и разовьешь законъ послѣдовательно, то послѣдствія будутъ такія-то.

Такимъ-то образомъ законовѣдѣніе можетъ быть такою же наукою, какъ и политическая экономія. Собственно оно не есть наука законовъ, но наука занимающаяся классификаціею и описаніемъ отношеній, которыми занимаются законы, слѣдовательно, оно указываетъ законодателю предѣлы его власти, зависящіе отъ предмета, на который простирается эта власть, точно такъ, какъ механика знакомитъ инженера со всѣми тайнами его искусства. Первая услуга, оказываема юристомъ законодателю состоитъ въ томъ, что онъ ставитъ на выборъ цѣлые ряды альтернативныхъ рѣшеній, вытекающихъ изъ хода дѣлъ человѣческихъ. Онъ можетъ сказать законодателю: на это преступленіе можно смотрѣть или какъ на грѣхъ противъ Бога, или какъ на посягательство на отвлеченное понятіе называемое государствомъ, или какъ на обиду государя, или какъ на обиду частныхъ лицъ. Если ты предпочтешь смотрѣть на это

преступленіе, какъ на грѣхъ, то по закону послѣдовательности ты долженъ положить наказаніе соразмѣрное степени, въ которой можно полагать, что оно оскорбляетъ Бога. Если это преступленіе есть обида частнаго лица, то мѣрою наказанія будетъ вредъ причиненный этому лицу. Но который изъ этихъ взглядовъ долженъ быть избранъ, это уже задача законодателя, а не юриста.

Эти соображенія рѣшаютъ вопросы, о которыхъ было столько толковъ, о томъ, что такое законы природы или *естественное* право. Они показываютъ, что хотя нѣтъ предмета, который можно было бы назвать естественнымъ правомъ, однако законы могутъ быть естественны или противоестественны, то есть, что они могутъ признавать или нѣтъ, и быть основаны или нѣтъ на отношеніяхъ существующихъ въ человѣческой природѣ. Если бы не было верховной власти, приказаній ея и ни какихъ, слѣдовательно, законовъ, все таки между людьми были бы родители и дѣти, мужья и жены, господа и служители, покупатели и продавцы. Ихъ поведеніе все таки облекалось бы въ извѣстныя формы и возбуждало бы чувства одобренія или порицанія. Такое состояніе вещей въ равнинахъ Сиріи описано въ книгѣ Бытія. Между Авраамомъ и Лотомъ не было законовъ, но Авраамъ былъ однако дядя Лота и мужъ Сарры; Авраамъ и Лотъ прекращали миромъ распри между своими пастухами. Въ великомъ разнообразіи перемѣнъ, происшедшихъ съ того времени по нынѣ, законы играли конечно важную роль, но они были только однимъ изъ многихъ производителей въ произведеніи нынѣ существующихъ юридическихъ понятій и человѣческихъ отношеній. И такъ отношенія людей предшествуютъ законамъ и въ значительной степени отъ нихъ независимы. Совокупность ихъ въ данный моментъ образуетъ то, что можно назвать человѣческою природою этого момента; законы основанные на вѣрномъ взглядѣ на природу человѣка могутъ быть по истинѣ названы „естественными“. И такъ фраза: естественное право“ значитъ то же, что „естественные пріемы“ (natural manner); естественными законами или пріемами называются тѣ, которые соотвѣтствуютъ природѣ или состоянію вещей, въ данный моментъ. Въ этомъ-то смыслѣ, разбирая опредѣленія

преступленій, я часто говорилъ о „естественномъ“ дѣленіи предмета, понимая подъ этимъ словомъ совокупность нравственныхъ различій, устанавливаемыхъ природою или современнымъ состояніемъ человѣческихъ мыслей и дѣйствій. Опредѣленіе кражи въ англійскомъ правѣ такой же законъ, какъ и опредѣленіе убійства, но первое натянуто и не естественно, второе же по большей части естественно и просто.

Классификацію отношеній, нормируемыхъ правомъ не ограничиваются услуги, которыя юристъ можетъ оказать законодателю. Законодатель долженъ давать свои приказанія въ общихъ выраженіяхъ, дабы сдѣлать ихъ удобопонятными, и по причинѣ того, что его знаніе ограниченно. Юристу свойственно обращать всѣ эти общія выраженія въ правила, достаточно опредѣленныя для цѣлей практики. „Кто посредствомъ мошенничества присвоитъ себѣ чужую собственность подлежитъ тюремному заключенію“, говоритъ законодатель. „То или другое дѣйствіе, есть или не есть мошенничество“ говоритъ юристъ. Собственно точнѣе пришлось бы ему сказать: „если бы законодатель имѣлъ въ виду этотъ случай, то я полагаю по аналогіи, что онъ бы призналъ или не призналъ это дѣйствіе мошенничествомъ“. Такимъ образомъ юристъ прочищаетъ путь законодателю и потомъ, идя по стопамъ законодателя, играетъ роль законодателя второстепеннаго, такъ сказать подначальнаго, который издаетъ не тѣ законы, которые онъ самъ лично считаетъ благоразумными, но тѣ, какіе по его мнѣнію законодатель призналъ бы благоразумными, если бы ему пришлось рѣшать извѣстный случай.

Отсюда слѣдуетъ, что законодательная власть судей не только не вредна, но крайне необходима для блага общества, такъ что не только не слѣдуетъ разрушать или ослаблять эту власть, но желательно признать ее и еще больше растянуть. Власть эта подлежитъ нынѣ многимъ ограниченіемъ, которыя парализируютъ полезныя ея послѣдствія. Во первыхъ она не признана. Фикція, что судьи несоздаютъ законовъ, а только ихъ толкуютъ, досихъ поръ дѣйствуетъ въ качествѣ общепринятой теоріи, вслѣдствіе чего судьи законода-

тельствуютъ со связанными руками и обязаны увѣковѣчивать многія правила, которыя по ихъ собственному сознанію и нелѣпы и зловредны. Во вторыхъ судейское законодательство есть по необходимости законодательство ex post facto (вспять дѣйствующее). Законъ придумывается для рѣшенія сообразно ему извѣстнаго дѣла и выведенія изъ обстоятельствъ этого дѣла послѣдствій. Едва ли возможно чтобы эти условія не вліяли до извѣстной степени на умъ самый свѣтлый и самый безпристрастный. Наконецъ законодательство судейское относится только къ одному спеціальному случаю, обставленному такими-то спеціальными условіями, вслѣдствіе чего рѣшаемый пунктъ можетъ быть безконечно дробенъ, самое же дѣло возбуждаетъ гораздо болѣе вопросовъ, нежели рѣшаетъ ихъ приговоръ. Эти недостатки могли бы быть исправлены посредствомъ признанія судей законодателями въ извѣстныхъ границахъ и въ согласованіи ихъ законодательной власти съ законодательною властью парламента.

Какъ поступить съ этою многотрудною, практическою задачею? Я предлагаю рѣшить ее учредивъ новое центральное установленіе подъ названіемъ „департамента законодательства и юстиція“ или министерства юстиціи“, на которое, сверхъ реформы уголовнаго права, можно бы возложить множество иныхъ весьма важныхъ обязанностей. Всего лучше было бы занять сначала это учрежденіе реформою уголовнаго права, такъ какъ эта отрасль законодательства имѣетъ обширный объемъ и сильнѣе можетъ интересовать общество, нежели всякая другая отрасль права. Во главѣ установленія надлежало бы поставить лорда канцлера; обязанности его подчиненныхъ должны бы состоять въ приведеніи законовъ въ совершеннѣйшую форму, а по приведеніи ихъ въ эту форму, въ предотвращеніи возвращенія ихъ опять въ хаотическое состояніе, въ которое они погрузятся, если не будутъ принимаемы надлежащія мѣры.

Въ вѣденіе этого министерства надлежало бы передать цѣликомъ все законодательство уголовное, содержимое и въ актахъ парламента и въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Оно должно бы составить сводъ

всѣхъ актовъ парламента по уголовному праву и пріурочить къ статьямъ этого свода извлеченія изъ рѣшеній (reports), съ означеніемъ мотивовъ судейскихъ опредѣленій и измѣненій. Глава настоящаго сочиненія, посвященная опредѣленіямъ преступленій, содержитъ въ себѣ обильныя указанія на широкій просторъ и важность неприща, которыя бы открылись передъ подобнымъ установленіемъ. Слѣдуя по этому пути оно бы вскорѣ привело статутовое право въ форму простую и симметрическую, давая же новую редакцію многимъ статьямъ законовъ въ виду имѣющихся судебныхъ рѣшеній, оно бы сдѣлало ненужными огромное количество приговоровъ.

Такъ какъ этому министерству пришлось бы перерабатывать судебныя рѣшенія, то въ его руки надлежало бы передать всю систему публикованія этихъ рѣшеній или такъ называемаго *reporting*. Изданія собраній судебныхъ рѣшеній или такъ называемыхъ *reports* составляютъ нынѣ предметъ частныхъ спекуляцій. Книгопродавецъ торгующій юридическими сочиненіями, когда расчитаетъ что подобное предпріятіе окупится, заключаетъ съ однимъ или съ двумя бэрристерами условіе о публикованіи рѣшеній извѣстнаго суда. Суды до извѣстной степени признали и утвердили своимъ авторитетомъ, нѣкоторые частные сборники рѣшеній нѣкоторыхъ судовъ, но они допускаютъ кромѣ того приводить всякіе рэпорты вообще, вслѣдствіе чего кромѣ собраній рѣшеній по каждому суду имѣющихъ почти оффиціальный характеръ, есть еще множество собраній и изданій нисколько не гарантированныхъ, издаваемыхъ еженедѣльно или ежемѣсячно и сильно конкирирующихъ одни съ другими [1]). Въ угоду своимъ подпищикамъ, чтобы дать имъ по больше матеріалу за ихъ деньги, они помѣщаютъ у себя въ той или въ другой формѣ всякое слово выходящее изъ устъ всякаго судьи Англіи и Ирландіи и всѣхъ сановниковъ Сити, пользующихся судейскою властью. Вслѣдствіе сего выходитъ ежегодно по каждому суду толстая и дорогая книжка in 8-vo, съ весьма скуднымъ содержаніемъ въ сравненіи съ ея объемомъ, члены же адвокатскаго со-

[1]) Law Journal, Jurist, Law Times, Weekly Reporter и Rew Reports.

словія обязаны ее покупать, потому что тамъ и самъ можно въ ней отыскать кое-что для нихъ существенное. Слѣдующій отрывокъ дастъ понятіе о томъ, какою чепухою могутъ быть наполняемы репорты при подобной системѣ. Привожу отмѣтку на поляхъ: Школьный учитель, который на второй день по возвращеніи мальчика въ школу, *написалъ къ отцу прося больно высѣчь его для укрощенія его строптивости*, и по полученіи согласія отца сѣкъ мальчика въ теченіи двухъ съ половиною часовъ, тайно, ночью, толстымъ прутомъ, вслѣдствіе чего мальчикъ умеръ: *признанъ* подлежащимъ суду за манслефтеръ [1])". Изъ этой отмѣтки, которая не всегда даже передаетъ смыслъ рѣшенія, можно заключить, что школьный учитель подлежитъ суду за то, что высѣкъ мальчика вмѣсто того чтобъ высѣчь отца, который согласился подвергнуться этой операціи. Но оставляя въ сторонѣ этотъ промахъ, есть ли надобность втолковывать кому либо въ свѣтѣ, что засѣченіе мальчика до смерти должно считаться по крайней мѣрѣ манслефтеромъ (непредумышленнымъ смертоубійствомъ); однако пять страницъ убористой печати посвящаются столь полезному наставленію. Если бы въ репортахъ помѣщались только рѣшенія дѣлъ, подвигающія законодательство на одинъ шагъ впередъ, то можно было бы уменьшить значительно число публикуемыхъ въ репортахъ рѣшеній. Если бы репортеры получали не вознагражденіе съ листа печати, какъ теперь, но жалованіе отъ общества, то ихъ работы были бы сжатѣе и занимали бы малую долю теперешняго объема.

---

[1]) R. v. Hopley, 2 F. and F. 202. Эта чепуха не есть единственный, хотя она довольно рѣзкій примѣръ безсмыслицы. Дѣло R. v. Pierpoint, 3 F. and F. 35 помѣщено для удостовѣренія что лекарь не подлежитъ отвѣтственности какъ за небрежность, за то только, что не оказался мастеромъ первой руки своего дѣла. Дѣло R. v. Train, ibidem p. 22 доказываетъ что загороженіе дороги есть нюйэнсъ и что фактъ несчастныхъ случаевъ причиненныхъ извѣстнымъ образомъ починки дороги служитъ доказательствомъ, что этотъ образъ починки подходитъ подъ понятіе загороженія дороги. R. v. Mc Carthie: 11 Ir. Com. Law. Rep. 188 утверждаетъ то ученіе, что судъ королевской скамьи можетъ по всѣмъ дѣламъ отпускать подсудимыхъ на свободу за представленіемъ ими залога, что совершенно безполезно, потому что это ученіе столь крѣпко усвоено законодательствомъ, какъ и любой изъ тезисовъ Блэкстона.

Само по себѣ это улучшеніе было бы уже великое дѣло, но предлагаемое установленіе имѣло бы многія дальнѣйшія цѣли. Его слѣдовало бы уполномочить обращаться къ судьямъ съ требованіемъ, чтобы они изрекли законъ по тому или другому сомнительному вопросу, возбужденному, но не рѣшенному по данному дѣлу, что освободитъ разомъ наше англійское законодательство отъ того груза, съ которымъ ему трудно совладать. Польза отъ такого уполномоченія явствуетъ изъ факта, что законодательство объ уголовной отвѣтственности сумашедшихъ почти цѣликомъ состоитъ изъ отвѣтовъ, данныхъ вестминстерскими судьями на вопросы, предложенные имъ палатою лордовъ. Если бы эти вопросы не были поставлены и если бы законодательство слагалось поштучно, смотря потому, какъ накопляются рѣшенія по случаямъ, то можетъ быть оно никогда несложилось бы въ систему или сложилось бы не скоро, сложившись же оно получило бы форму несравненно болѣе сложную и менѣе красивую, нежели та, въ какой оно является въ настоящее время.

Проектируемое нами министерство должно брать порознь отдѣльныя отрасли права и извлекая изъ рѣшеній судовъ нормы и начала, на которыхъ они построены, формулировать ихъ въ видѣ цѣлыхъ рядовъ правилъ, независимыхъ отъ обстоятельствъ дѣлъ, изъ которыхъ они возникли, причемъ можно сжать содержаніе рѣшенія въ весьма малый объемъ. Эти правила должны бы быть представляемы и поправляемы пятнадцатью вестминстерскими судьями или большинствомъ ихъ, послѣ чего, будучи освящены ихъ авторитетомъ, они сами будутъ приводимы желающими въ смыслѣ авторитетовъ, если парламентъ не заблагоразсудитъ отмѣнить ихъ въ теченіи извѣстнаго срока. Изумительная ясность и превосходный методъ многихъ существующихъ сводовъ рѣшеній (digests) и руководствъ (text-books) облегчитъ работу реформы. Судьямъ должна быть предоставлена власть измѣнять существующія правила, равно какъ и отвергать несостоятельныя рѣшенія. Примѣръ формы, которую бы надлежало давать новымъ правиламъ, можетъ представить изложенное выше законодательство о мэрдерѣ и мэнслефтерѣ. Если редакція будетъ дана имъ правильная и доведен-

ная до полноты, то они будутъ представлять собою чистый результатъ многихъ сотенъ судебныхъ рѣшеній.

Заявляемы были мнѣнія, что все, что желательно въ этомъ направленіи, можетъ быть совершено частными писателями и что единственный результатъ оффиціальной переработки приговоровъ могъ бы состоять только въ составленіи оффиціальнаго руководства къ законамъ. На это возраженіе можно отвѣтить, что правила издаваемыя съ такою санкціею будутъ пользоваться тѣмъ, чего никогда не можетъ имѣть наилучшее руководство, а именно авторитетомъ. Сочинители руководствъ сводятъ законы какіе есть, но судьи обладаютъ извѣстною степенью законодательной власти, формулируя правила. Незачѣмъ опасаться злоупотребленій этой власти, которая будетъ дѣйствовать явно и подъ контролемъ парламента.

Учрежденіе проектируемаго нами министерства было бы весьма выгодно еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Оно бы пригодилось для установленія сношеній съ должностными лицами относительно преслѣдованія преступленій, для подготовки дѣлъ, долженствующихъ восходить на разсмотрѣніе предлагаемаго нами одной изъ предъидущихъ главъ уголовнаго апеляціоннаго суда, для веденія коронныхъ уголовныхъ исковъ, для назначенія тарифовъ судебнымъ издержкамъ и для собиранія уголовно-статистическихъ свѣдѣній. Мы отказываемся говорить здѣсь о цѣляхъ, которыя могли бы быть чрезъ него достигаемы по части гражданскаго судопроизводства.

Это установленіе соотвѣтствовало бы какъ разъ того рода реформамъ, въ которыхъ уголовное право нуждается и будетъ всегда нуждаться, то есть, оно бы занималось малыми починками, скорѣе нежели преобразованіями, упрощеніемъ обрядовъ судопроизводства, опредѣленій, правилъ о доказательствахъ сообразно развитію общества и успѣхамъ опыта. Подобныя улучшенія никогда не бываютъ по силамъ реформаторамъ-волонтерамъ. Совѣты отдѣльныхъ лицъ или оставляются безъ вниманія, или усваиваются прихотливо и не систематически. Постоянное министерство, устроенное съ

этою цѣлью, дѣйствовало бы руководствуясь твердыми началами, занимаясь стоящими на очереди предметами. Оно не могло бы не оказать громадное вліяніе не только на англійское право, но и на науку права вообще. Есть причины думать, что вслѣдствіе терпѣливой и систематической обработки англійское право можетъ сдѣлаться столь совершенною и вліятельною юридическою системою, какъ и само римское право. Вспомнимъ о громадныхъ послѣдствіяхъ, которыми римское право отразилось въ цѣлой исторіи современной Европы и сообразимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что законы англійскіе будутъ въ будущемъ столѣтіи законами необъятнаго народонаселенія сѣверной Америки и Ость-Индіи; послѣ того едва ли можно сказать, что мы слишкомъ настаиваемъ на необходимости усовершенствованія этого законодательства. Изученіе уголовнаго права можетъ сдѣлаться весьма поучительною и интересною частью высшаго воспитанія, но для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы на него смотрѣли не какъ на ремесло, но какъ на искусство, опирающееся на науку: искусство — издавать мудрые законы; наука — понимать и правильно располагать всевозможные виды дѣяній человѣческихъ.

Я кончилъ настоящій краткій очеркъ уголовнаго права. Остальную часть книги за мутъ изображенія практическихъ результатовъ англійской системы, съ которыми я сопоставилъ для сравненія нѣсколько замѣчательнѣйшихъ процессовъ французскихъ.

Дѣло Джона Донэллена [1])

(1781).

30 марта 1781 г. Джонъ Донэлленъ судился передъ судьею Боллеромъ за отравленіе брата своей жены сэра Феодосія Эдуарда Эллесли Воутона.

---

[1]) Матеріалъ для этого разсказа взятъ изъ брошюры: Proceedings at large in the trial of John Donellen Esq. for the wilful Murder (by Poison) of Sir The. Edward Allesley Boughton Bart. late of Lawford Hill, in the County of

Сэръ Феодосій Боутонъ былъ молодой двадцатилѣтній человѣкъ, который, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ бы во владѣніе состояніемъ, приносящимъ до 2,000 ф. стерл. ежегоднаго дохода. Въ августѣ 1780 г. онъ жилъ съ матерью лэди Боутонъ въ Лофордъ-Голлѣ въ Варвикшайрѣ. Его шуринъ капитанъ Доэлленъ и его сестра мистриссъ Доэлленъ, вышедшая за мужъ въ 1777 г. входили въ составъ того же семейства. Они жили въ домѣ Боутоновъ съ іюня 1778 года. Феодосій вернулся къ матери изъ дома своего учителя (мистера Джонса) около дня св. Михаила того же года. Въ случаѣ если бы онъ умеръ, не женатый и бездѣтный, большая часть его состоянія перешла бы къ мистриссъ Доэлленъ. Подсудимый ссылался въ своей защитѣ на то, что женясь онъ заключилъ условіе относительно выдѣла слѣдующей ей части имущества, въ пользу ея и дѣтей, чѣмъ лишилъ себя возможности, получить ея часть въ пожизненное владѣніе, въ случаѣ ея смерти; онъ утверждалъ, что это условіе относилось не только къ наличному состоянію жены, но и къ тому, что могло достаться, ей по наслѣдству. Изъ дѣла не видно, существовало ли подобное условіе или нѣтъ.

Во время пребыванія своего у г. Джонса сэръ Феодосій Боутонъ страдалъ слегка венерическою болѣзнью, отъ которой лѣчилъ его докторъ Кэрръ изъ Нортгэмптона. Отъ того же недуга онъ лѣчился и лѣтомъ 1780 г. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ казался антекарю и инымъ свидѣтелямъ совершенно здоровымъ человѣкомъ. Однако за нѣсколько времени до его смерти Доэлленъ говаривалъ, что онъ здоровьемъ плохъ. Лэди Боутонъ показала: „много разъ до смерти покойнаго Доэлленъ говорилъ мнѣ, когда я ему совѣтовала уѣхать, что я не знаю, что можетъ приключиться въ семьѣ, и дѣлалъ многія замѣчанія о дурномъ здоровіи Феодосія... Когда я распологала ѣхать въ Бэтсъ, онъ сказалъ: „не думайте

Warwick. Tried before Mr. Justice Buller, at the Assizes of Warwick on Friday, the 3 1st day of March 1781, token in Short-hand by the permission of the Judge by W. Blanchard. London. Я справлялся съ сборникомъ in folio Горнея (Gurney).

оставлять Лофордъ, то или другое можетъ случиться пока вы вернетесь, потому что онъ то крайне плохъ.“ Я полагала, что Донэлленъ намекалъ на то, что мой сынъ, страшный и рисковный любитель охоты и плаванія, что и можетъ причинить ему смерть. „При перекрестномъ допросѣ обнаружилось, что лэди Воутонъ пріѣзжала въ Бэтсъ 1 ноября 1778 г. и, гостя въ этомъ городѣ, писала къ Донэлленамъ письмо, въ которомъ она жаловалась, что ея сынъ ведетъ безпутную жизнь и разстроилъ свое крѣпкое тѣлосложеніе. Священникъ Пирсъ Ньюсэмъ удостовѣрилъ, что онъ имѣлъ разговоръ съ Донэлленомъ, о здоровьѣ сэра Феодосія Воутона 26 августа, въ послѣднюю субботу передъ его смертью. „При этомъ случаѣ, показывалъ Ньюсэмъ, онъ (Донэлленъ) увѣдомилъ меня, что сэръ Феодосій весьма плохъ здоровьемъ, что онъ не раздѣлался съ тою болѣзнью, которую вынесъ изъ школы, напротивъ того, что онъ ее постоянно увеличивалъ, что онъ, столько проглотилъ уже ртути, что вся кровь его превратилась въ смѣсь ртути и гнилой матеріи.“ Потомъ онъ пересказалъ еще кой-какія подробности, которыя дали Ньюсэму поводъ сказать, что „если такъ, то едва ли онъ проживетъ еще два года,“ на что Донэлленъ возразилъ: „да онъ и года не протянетъ.“ Въ это самое время покойный казался г. Ньюсэму довольно крѣпкимъ, хотя и не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ прежде.

Во вторникъ 29 августа 1780 г. мистэръ Поуэль аптекарь въ Рогби прислалъ Воутону микстуру, состоящую изъ ялапы, лавенды, мускатнаго орѣха, сафраннаго сиропа и очищенной воды. Точно такую же микстуру, онъ ему присылалъ прежде того въ предъидущее воскресеніе. За исключеніемъ болѣзни, которою страдалъ сэръ Феодосій и которая была легка „онъ былъ въ то время бодръ и веселъ.“ Микстуру получилъ онъ самъ отъ служителя Самуила Фроста между 5 и 6 ч. вечеромъ во вторникъ; онъ взялъ ее съ собою на верхъ. Онъ отправился ловить рыбу по принятіи лекарства. Фростъ, который подавалъ ему лекарство, отправился за нимъ около 7 часовъ и возвратился вмѣстѣ съ нимъ домой около 9 часовъ. Все это время онъ провелъ на лошади вер-

хомъ (рыбу вѣроятно ловили сѣтями), на ногахъ онъ имѣлъ сапоги; ногъ онъ себѣ не замочилъ. Донэлленъ не присутствовалъ при ловлѣ. Семья пообѣдала рано; послѣ обѣда лэди Боутонъ и мистриссъ Донэлленъ прогуливались по саду. Около 7 ч. подсудимый присоединился къ нимъ и сказалъ, что сэру Феодосію слѣдуетъ взять лекарство, что онъ, Донэлленъ, ходилъ смотрѣть какъ сэръ Феодосій ловилъ рыбу и убѣждалъ его возвратиться домой, боясь, чтобы онъ не простудился. Изъ другихъ показаній оказывается, что эти показанія лживы. Сэръ Феодосій пришелъ домой когда пробило 9, поужиналъ и легъ спать. Слуга его Фростъ зашелъ къ нему въ 6 часовъ утра просить у него ремней для сѣтки, которую онъ долженъ былъ взять въ Дончерчѣ. Сэръ Феодосій всталъ съ кровати, и далъ ему просимое. Онъ казался совсѣмъ здоровъ. Вечеромъ наканунѣ того дня, онъ условился было съ лэди Боутонъ, что она должна прійти къ нему въ 7 часовъ утра, и поднести лекарство. За нѣсколько времени до смерти, сэръ Феодосій имѣлъ обыкновеніе держать лекарство въ одной изъ внутреннихъ комнатъ, причемъ забывалъ часто принимать его во время. Донэлленъ вслѣдствіе того замѣтилъ: „почему ты не держишь лекарства въ передней, тогда не столь часто будешь забывать про него.“ Послѣ сего разговора бутылки съ лекарствомъ помѣщаемы были на полкахъ въ передней, гдѣ по видимому всякій могъ имѣть къ нимъ свободный доступъ.

Въ семь часовъ утра въ середу лэди Боутонъ явилась по условію поднести сыну лекарство. Она обратила особенное вниманіе на бутылку, взболтала ее по просьбѣ сына и попробовала лекарство, когда сынъ пожаловался, что оно ему противно. Я нюхала, говоритъ она „и замѣтила, что запахъ его похожъ на запахъ горькаго миндаля. Я сказала: „не бойся,“ и подала ему, онъ выпилъ все. Когда въ судѣ лэди Боутонъ предложили понюхать лекарство, составленное изъ тѣхъ же матеріаловъ, но съ примѣсью лавровой воды, то она признала, что это лекарство весьма похоже по запаху на то, которое принялъ ея сынъ. Проглотивъ микстуру, сэръ Феодосій замѣтилъ, что онъ думаетъ, что его желудокъ, не выне-

сетъ этого лекарства. Послѣ чего онъ выполоскалъ ротъ. „Въ двѣ минуты или больше“ его сильно покоробило, съ нимъ случились по видимому судороги, у него „бурлило что-то въ глоткѣ и въ желудкѣ, причемъ онъ дѣлалъ усилія, чтобы лекарство прошло въ желудокъ.“ Послѣ десяти минутъ, онъ успокоился и казался расположеннымъ заснуть. Мать удалилась, чтобы одѣться и отправиться съ Донэлленомъ къ такъ называемымъ „Ньюгемскимъ водамъ“. Пять минутъ спустя мать вернулась въ комнаты сына и нашла его лежащимъ съ вытаращенными глазами, стиснутыми зубами и съ пѣною, истекающею изо рта. Она послала за докторомъ и сказала входящему въ эту минуту въ комнату Донэллену: „вотъ ужасная исторія! я поднесла сыну нѣчто дурное, вмѣсто того, что прислалъ аптекарь. Не можетъ быть, чтобы докторъ прислалъ это лекарство, потому, что если бы дать его собакѣ, то околѣла бы и собака!“ Донэлленъ спросилъ тогда, гдѣ бутылка съ лекарствомъ, взялъ ее, налилъ въ нее воды, взболталъ и вылилъ потомъ все, что въ ней содержалось въ рукомойный тазъ, который стоялъ въ комнатѣ съ грязною водою. Лэди Боутонъ вскликнула; „Господи! что вы сдѣлали! вамъ бы не слѣдовало трогать бутылку.“ Потомъ онъ налилъ воды въ другую бутылку, (вѣроятно въ ту, въ которой было присланное въ воскресеніе лекарство) и опустилъ туда палецъ. Лэди Боутонъ опять замѣтила ему: „что вы дѣлаете? вамъ не слѣдуетъ трогать этой бутылки.“ Онъ объяснялъ, что хотѣлъ только попробовать, какой вкусъ у остатковъ лекарства.

Потомъ вошли двѣ служанки: Сара Блондель (умершая до суда) и Катерина Аммосъ. Донэлленъ приказалъ Сарѣ убрать бутылку и тазъ и самъ вручилъ ей обѣ бутылки, но лэди Боутонъ взяла ихъ назадъ изъ рукъ служанки, и приказала сей послѣдней оставить комнату. Донэлленъ приказалъ служанкѣ убрать и платье для очищенія комнаты. Минуту спустя лэди Боутонъ, которая обернулась было въ другую сторону, увидала, что у Сары опять очутились въ рукахъ бутылки, которыя она и унесла изъ комнаты. Въ это самое мгновеніе Феодосій испускалъ послѣднее дыханіе. При очисткѣ комнаты Донэлленъ говорилъ служанкѣ: „возьми эти чулки, они

были мокрые, баринъ вѣроятно простудился, вотъ отчего онъ и умеръ.“ Лэди Боутонъ осмотрѣла чулки, но не нашла никакихъ слѣдовъ того, чтобы они были промочены.

Вскорѣ по смерти сэра Феодосія, тѣмъ же утромъ, Донэлленъ отыскалъ садовника и приказалъ ему поймать двухъ голубей, чтобы приставить ихъ къ ногамъ барина, „который теперь еле дышетъ отъ этой скверной болѣзни; ему не миновать смерти.“ Того же дня по полудни онъ сказалъ женѣ въ присутствіи лэди Боутонъ, что она, лэди Боутонъ, была довольна, когда увидѣла, какъ онъ полоскалъ бутылки; и что онъ самъ не знаетъ, чтобы сдѣлалъ, если бы ему не пришло въ голову налить туда воды, обмакнуть палецъ и попробовать, какой вкусъ имѣло лекарство. Потомъ онъ позвалъ кучера, которому привелъ въ память, что сей послѣдній, видѣлъ его, Донэллена, выходящимъ изъ дому около 7 ч. утра, причемъ Донэлленъ присовокупилъ, что не выходилъ до того времени изъ дому и не заходилъ вовсе на другую половину дома, наконецъ, настаивая на этихъ фактахъ, сказалъ: „будешь ли ты моимъ свидѣтелемъ?“ на что кучеръ отвѣчалъ: „да, сэръ.“ Вечеромъ Донэлленъ сказалъ садовнику Аммосу „теперь, садовникъ, можешь ты въ волю жить, въ волю работать, не такъ какъ за дней сэра Феодосія. Мнѣ слѣдовало быть хозяиномъ. Я сдѣлался хозяиномъ и буду хозяинъ.“

Въ день смерти сэра Феодосія Боутона Донэлленъ донесъ объ этомъ событіи попечителю умершаго сэру Уилліаму Уилеру въ письмѣ, въ которомъ обойдены молчаніемъ обстоятельства сопровождавшія кончину, но упоминалось о томъ, что покойный былъ пользуемъ въ послѣднее время докторомъ Поуэлемъ отъ недуга, подобнаго тому, которымъ онъ страдалъ въ Итонѣ и скончался такого-то числа утромъ. Сэръ Уилліамъ Уилеръ далъ вѣжливый отвѣтъ. Въ слѣдующее воскресеніе повидавшись съ м-ромъ Ньюсэмомъ, вслѣдствіе того, что сей послѣдній передалъ ему, онъ написалъ 4 сентября письмо къ Донэллену, въ которомъ упомянулъ о ходящихъ слухахъ относительно скоропостижности кончины, о томъ, что есть причины думать, что покойному дано не надлежа-

щее лекарство, отъ котораго онъ и умеръ, что онъ Уилеръ, обращался къ г. Поуэлю, котораго репутація сильно страдаетъ отъ происшедшаго и что г. Поуэль требуетъ для своего очищенія, чтобы тѣло покойника было вскрыто. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: „хотя теперь уже много времени упущено, однако анализъ желудка покажетъ, есть ли въ немъ что либо ядовитое. Въ качествѣ друга вашего долгомъ считаю сказать, что этимъ вы меня очень успокоите; я полагаю, что вы успокоите также и сами себя, и леди Боутонъ, и мистриссъ Донэлленъ, потому что увѣряю васъ, по всей странѣ ходятъ слухи о томъ, что покойный умеръ или отъ лекарства или отъ яда. Публика не убѣдится въ противномъ, пока не будетъ вскрыто тѣло, насъ же всѣхъ могутъ сильно порицать, если мы этого не сдѣлаемъ. Посему я требую отъ васъ и отъ семейства, чтобы тѣло было немедленно вскрыто Уильмеромъ изъ Ковентри или г. Сно изъ Соутэма, въ присутствіи доктора Реттри или инаго лѣкаря, котораго вы и семейство заблагоразсудите пригласить.“

Донэлленъ отвѣчалъ въ тотъ же день запискою слѣдующаго содержанія: „мы сами горячо желаемъ, чтобы тѣло сэра Феодосія было вскрыто во всеобщее удовольствіе. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше. Однако я бы желалъ, чтобы вы были здѣсь при этомъ.“ —Сэръ Уилеръ отписалъ: „я радъ, что лэди Боутонъ, мистриссъ Донэлленъ и вы соглашаетесь на вскрытіе тѣла.“ Онъ самъ пріѣхалъ сказать, что онъ не считаетъ приличнымъ присутствовать при вскрытіи, да и не совѣтуетъ быть никому кромѣ докторовъ.

Вслѣдствіе сей переписки приглашены доктора Уильмеръ и Реттри, которые прибыли въ Лофордъ-Голль того же дня вечеромъ. Донэлленъ принялъ ихъ, объявилъ, что онъ желаетъ, чтобы тѣло было вскрыто для успокоенія семейства, показалъ имъ второе письмо сэра Уилліама Уилера, не то, въ которомъ есть намекъ на отравленіе, но то, которое выражаетъ въ общихъ фразахъ удовольствіе писавшаго при полученіи соизволенія семейства на вскрытіе тѣла. Потомъ Донэлленъ извинился передъ докторами, что не можетъ оставаться съ ними. О подозрѣніяхъ относительно яда онъ

не сказалъ ни слова. Доктора нашли тѣло предавшимся уже въ значительной степени гніенію; не находя никакого удовольствія въ противной работѣ и не зная объ особенныхъ поводахъ для изслѣдованія причинъ смерти, они рѣшили, что теперь уже поздно и нельзя ничего открыть, отказались отъ вскрытія и уѣхали.

Слѣдующаго числа утромъ (5 сентября во вторникъ) Донэлленъ написалъ письмо къ сэру Уилеру, въ которомъ донесъ ему, что гг. Реттри, Уильмеръ и еще одинъ медикъ пріѣхали въ Лофордъ-Голль, и что д-ръ Поуэль присоединился къ нимъ. „По полученіи вашего послѣдняго письма, писалъ дальше Донэлленъ, я далъ его прочесть докторамъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать сообразно ему. Эти четыре джентлемена приступили къ дѣлу и я радъ донести вамъ, что они вполнѣ удовлетворили насъ. Я желалъ бы, чтобы вы могли сами слышать отъ нихъ въ эту минуту о состояніи, въ которомъ они нашли тѣло, но я льщу себя надеждою, что они передадутъ вамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.“

Эти выраженія внушили, какъ и слѣдовало ожидать Уилеру мысль, что тѣло было вскрыто, что однакоже не имѣло мѣста въ дѣйствительности.

Того же дня хирургъ Бокниль изъ Рогби пріѣхалъ и предложилъ свои услуги для вскрытія тѣла, но Донэлленъ объявилъ ему, что такъ какъ гг. Реттри и Уильмеръ отказались отъ производства слѣдствія, то было бы неучтиво допустить кого нибудь занять ихъ мѣсто.

На другой день 6 сентября сэръ У. Уилеръ узналъ о томъ, что тѣло вскрыто не было, а равно и о томъ, что Бокниль предлагалъ свои услуги на этотъ счетъ. Онъ опять написалъ къ Донэллену письмо слѣдующаго содержанія. Онъ заключилъ было изъ письма Донэллена, что тѣло было вскрыто, теперь же узналъ что доктора не заблагоразсудили приступить къ этому дѣлу, наконецъ, что предложеніе Бокниля было отклонено. Онъ присовокупилъ, что если гг. Бокниль и Сно согласятся сдѣлать вскрытіе, то имъ слѣдуетъ всячески пособить въ этомъ. Донэлленъ отвѣчалъ Уилеру письмомъ

отъ 8 сентября [1]) (въ самый день похоронъ), предлагая отложить похороны, если г. Уилеръ того желаетъ, до тѣхъ поръ пока онъ, Уилеръ, не увидится съ докторами Реттри и Уильмеромъ. Донэлленъ не предлагалъ произвести вскрытіе.

Между тѣмъ сэръ Уилеръ послалъ за Бокнилемъ и за Сно, прося ихъ прибыть для вскрытія тѣла. Бокниль пріѣхалъ въ пятницу — день похоронъ, въ два часа по полудни, Сно еще не былъ на мѣстѣ. Между тѣмъ за Бокнилемъ прислали звать его къ больному, будто бы умирающему; онъ и поѣхалъ сдѣлать этотъ визитъ, сказавъ, что вернется чрезъ часъ или чрезъ полтора часа. Когда онъ вернулся по истеченіи часа, то Донэлленъ сказалъ ему: „онъ уѣхалъ (изъ дѣла видно, что подъ этимъ словомъ: онъ, разумѣемъ былъ Сно); онъ далъ приказанія, что дѣлать; мы будемъ дѣйствовать сообразно съ этими приказаніями. Мнѣ очень жаль, что вы трудились пріѣзжать понапрасну!“ Тогда Бокниль удалился и тѣло похоронено не вскрытымъ.

Эти обстоятельства служатъ сильнѣйшими доказательствами того, что Донэлленъ дѣлалъ все, что могъ для уничтоженія всѣхъ данныхъ, могущихъ уяснить причину смерти Боутона. Когда лэди Боутонъ выразила сомнѣніе на счетъ свойствъ микстуры онъ ее вылилъ. Когда сэръ Уилеръ сообщилъ, что ходятъ слухи объ отравленіи, Донэлленъ скрылъ это обстоятельство отъ докторовъ, чѣмъ и предупредилъ вскрытіе тѣла. Потомъ онъ хитрилъ съ Уилеромъ, вводя его въ заблужденіе относительно того, что тѣло было вскрыто, чѣмъ разстроилъ и устранилъ предложеніе Бокниля о вскрытіи.

Сообразно тогдашней практикѣ Донэлленъ подалъ письменную защиту, которая была прочитана въ слухъ въ судѣ однимъ изъ служащихъ въ этомъ установленіи. Эта защита можетъ служить примѣромъ поясняющимъ наши замѣчанія о томъ косвенномъ допрашиваніи подсудимаго, которому онъ подвергался въ судѣ, когда

---

[1]) Это письмо приведено въ рѣчи Гоуарта, адвоката по части обвиненія. Объ немъ не было упомянуто при повѣркѣ доказательствъ въ судѣ.

его заставляли защищаться безъ пособія адвоката [1]). Доналленъ не объясняетъ полосканія бутылокъ. Онъ старается объяснить свои отношенія къ докторамъ, причемъ долженъ опровергать свидѣтелей. Онъ говоритъ: „эти джентлемены прибыли около 9 часовъ ночью; я предъявилъ имъ письмо сэра Уилера, и просилъ ихъ, чтобы они исполнили его требованія.„ — Письмо, которое предъявилъ Доналленъ, было второе, а не первое. Въ первой части своей защиты онъ упоминаетъ только объ одномъ письмѣ полученномъ отъ Уилера. Относительно пріѣзда Бокниля въ самый день похоронъ онъ показываетъ, что послѣ того какъ Бокниль удалился сдѣлать визитъ больному, прибылъ Сно и долгое время поджидалъ Бокниля, потомъ распрашивая свинцовыхъ дѣлъ мастера и другихъ о состояніи тѣла, сказалъ, что не рѣшился бы вскрыть его, еслибы ему дали все состояніе сэра Феодосія, наконецъ уѣхалъ. Тогда тѣло было погребено, „но не по моему распоряженію или желанію,“ присовокупляетъ подсудимый. Замѣчательно, что ни та, ни другая сторона не звали Сно въ свидѣтели. По обычаямъ теперешней практики онъ бы былъ вызванъ стороною обвиняющаго, развѣ были бы сильныя основанія, дѣлающія его показаніе сомнительнымъ.

Вообще кажется, что защита содержитъ одно ложное обстоятельство и одно недоказанное, которое могло бы быть доказано, еслибы было справедливо. Обо всѣхъ другихъ подробностяхъ поведенія подсудимаго хранитъ она знаменательное молчаніе, что тѣмъ важнѣе что она не устная, а писанная, слѣдовательно была на досугѣ изготовлена передъ судоговореніемъ.

Подозрѣнія въ отравленіи были столь сильны, что тѣло вынуто было изъ могилы въ субботу на другой день послѣ похоронъ (9 сентября) и вскрыто Бокнилемъ въ присутствіи докторовъ Реттри, Уильмера, Поуэля и Сно. Оно было въ состояніи полнѣйшаго разложенія и не представляло никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы было судить о причинахъ смерти, за исключеніемъ одного только обстоятельства. Замѣчательно, что это обстоятельство

[1]) Глава VI.

обнаружено не при главномъ допросѣ свидѣтеля, но получено отъ д-ра Реттри самымъ неловкимъ образомъ на вопросы защитника подсудимаго при перекрестномъ допрашиваніи. Приведемъ подлинныя слова дѣла.

Вопросъ. „Пробовали ли вы обоняніемъ, какой имѣло запахъ влажное вещество, наполняющее желудокъ?“ — *О.* „Какъ же, я нюхалъ, я не могъ не нюхать.“ — *В.* „Издавало ли оно тотъ же острый запахъ?“ — *О.* „Вообще да; нельзя и ожидать, чтобы этотъ запахъ можно было отличить отъ общаго зловонія, причиняемаго гніеніемъ тѣла. Но я почувствовалъ въ это мгновеніе особенный вкусъ во рту, родъ ѣдкаго и остраго ощущенія на языкѣ. Во всѣхъ моихъ опытахъ съ лавровою водою я ощущалъ тотъ же вкусъ, когда вдыхалъ въ себя эту воду, да иногда еще я испытывалъ и горечь на поднебьи.“

Сдѣлавши этотъ промахъ и раскрывъ эту улику, свидѣтельствующую противъ подсудимаго, адвокатъ не могъ остановиться. Онъ продолжалъ допрашивать, чѣмъ еще больше повредилъ подсудимому.

В. „Этой ли причинѣ вы приписывали обстоятельство, о которомъ идетъ рѣчь!“ — *О.* „Нѣтъ, я его приписывалъ летучимъ солямъ, выдѣляющимся изъ тѣла.

Еслибы адвокатъ на этомъ и покончилъ, то по всей вѣроятности онъ бы оставилъ д-ра Реттри при его заблужденіи, но обнадеженный своимъ успѣхомъ, онъ пошелъ еще дальше:

В. „Развѣ при подобномъ случаѣ выдѣляются летучія соли?“ — *О.* „Нѣтъ. Я жаловался д-ру Уильмеру и сказалъ ему: „у меня странный вкусъ на языкѣ, точно кровь идетъ изъ десенъ.“ *В.* „Вы приписывали этотъ вкусъ летучимъ солямъ?“ *О.* „Да; въ то время мнѣ такъ казалось. Но я дѣлалъ потомъ опыты съ лавровою водою и испаренія этой воды производили постоянно и неизмѣнно то же ощущеніе на языкѣ. Я убѣжденъ, что въ ней много летучаго масла.

Послѣ осмотра трупа произведено было коронерское слѣдствіе. Лэди Боутонъ упомянула при слѣдствіи о полосканіи бутылокъ Донэлленомъ. Тогда онъ схватилъ ее за руки и сильно дер-

нулъ, по возвращеніи же домой, по словамъ лэди Боутонъ, сказалъ женѣ, „въ моемъ присутствіи, что мнѣ не зачѣмъ было говорить о полосканіи бутылокъ, что я должна была отвѣчать только на вопросы, а что мнѣ не предлагали никакого о томъ вопроса“. Во время или по окончаніи слѣдствія Донэлленъ написалъ письмо къ коронеру и присяжнымъ, изъ котораго заимствуемъ слѣдующій отрывокъ: „въ теченіи большей части времени проведеннаго дома, сэръ Феодосій занимался изобрѣтеніемъ средствъ истребленія мышей, которыхъ развелось весьма много повсюду. Случалось ему имѣть по фунту мышьяку на разъ; онъ этотъ мышьякъ раскладывалъ по всѣмъ комнатамъ въ разныхъ видахъ. Мы часто были на него въ претензіи за то, что онъ неосторожно обращается съ этимъ веществомъ, что можетъ быть опасно и для него и для семейства; но онъ всегда намъ отвѣчалъ, что служители знаютъ, гдѣ онъ кладетъ мышьякъ, намъ же до мышьяку нѣтъ дѣла. Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ мы не ѣли, за столомъ, ничего къ чему мы видѣли, что онъ прикасался; мы знали его крайнюю безпечность относительно дурныхъ послѣдствій разныхъ вещей, которыя онъ скупалъ съ тою же цѣлью. Кромѣ того, онъ приготовлялъ самъ лекарства для лошадей“. — Оказалось при перекрестномъ допросѣ лэди Боутонъ, что сэръ Феодосій въ самомъ дѣлѣ купилъ фунтъ мышьяку для отравленія крысъ и рыбъ.

Независимо отъ того обнаружено, что Донэлленъ имѣлъ алембикъ, въ которомъ приготовлялъ розовую воду. Онъ держалъ этотъ алембикъ въ комнатѣ, которую онъ называлъ своею и гдѣ онъ спалъ, когда мистрисъ Донэлленъ удалялась почивать. Два или три дня по смерти Феодосія, онъ отдалъ этотъ алембикъ садовнику вычистить. Алембикъ былъ наполненъ мокрою грязью, о которой Донэлленъ отзывался, что употреблялъ ее для истребленія блохъ. Потомъ онъ принесъ тотъ же алембикъ къ кухаркѣ Катеринѣ Аммосъ и приказалъ поставить его въ печку и высушить, чтобы онъ не заржавѣлъ. Алембикъ былъ сухъ, хотя и чисто вымытъ. Кухарка сказала, что олово въ алембикѣ расплавится, если поставить его въ печь. Обвинитель доказывалъ, что Донэлленъ имѣлъ въ

семъ случаѣ въ виду отнять у алембика запахъ лавровой воды [1]).

По заарестованіи Донэллена, онъ толковалъ много объ уликахъ по своему дѣлу съ нѣкоимъ Дэрбишайромъ, содержащимся въ той же тюрьмѣ за долги. Въ своихъ бесѣдахъ онъ многократно выражалъ убѣжденіе, что братъ его жены умеръ отъ яда. „Я знаю, что это они между собою смастерили: онъ (покойный), леди Боутонъ, лакей его, да аптекарь“. Онъ отзывался о леди Боутонъ, что она страшно корыстолюбива; что на другой день по смерти сэра Феодосія, она получила безъимянное письмо, обвиняющее ее напрямикъ въ смерти сына; письмо это она показывала ему, Донэллену, причемъ она вся дрожала [2]).

Таковы были обстоятельства дѣла, невключая показаній медиковъ. Подсудимый мало прибавилъ новаго, а только показалъ, что въ іюнѣ 1778 г., за два года до смерти Феодосія, онъ помѣшалъ сему послѣднему выйти на дуэль, за годъ же до смерти, въ дру-

---

[1]) Въ замѣткахъ по дѣлу Донэллена въ сочиненіи Тоунсэнда: Жизнь судьи Боллера (Lives of English Judges p. 14) помѣщено слѣдующее показаніе. «Въ библіотекѣ Донэллена найдено много сочиненій по естественнымъ наукамъ, въ которыхъ листы разрѣзаны были обыкновенно въ одномъ только мѣстѣ, а именно въ томъ, гдѣ описывалось какъ получать лавровую воду посредствомъ перегонки». Рэпорты процесса не содержатъ въ себѣ ничего подобнаго этому извѣстію. Оно немного похоже на доказательство по дѣлу Пальмера, состоящее въ отмѣткѣ о стрихнинѣ, сдѣланной Пальмеромъ въ книгѣ.

[2]) Слѣдующій анекдотъ составляетъ курьезное дополненіе къ доказательствамъ по дѣлу. М. Джемсъ Стифенъ, бывшій впослѣдствіи депутатомъ палаты канцлера (master in chancery), членомъ парламента и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ общества для искорененія рабства (Anti Slavery Society) сильно интересовался дѣломъ Донэллена и написалъ даже памфлетъ противъ вердикта, имѣвшій въ свое время успѣхъ. Онъ познакомился съ атторнеемъ Донэллена, который сообщилъ ему, что онъ вѣрилъ въ невинность своего кліента, пока не предложилъ ему однажды взять къ себѣ въ защитники извѣстнаго адвоката Доннинга. Донэлленъ согласился, и просилъ атторнея обратиться къ мистрисъ Донэлленъ за деньгами на этотъ расходъ. Мистрисъ Донэлленъ отказалась отъ уплаты значительнаго гонорарія. Когда Донэллену сообщенъ былъ этотъ отказъ, то онъ пришелъ въ ярость и вскричалъ: «а кто же добылъ ей эти деньги!» Потомъ онъ вдругъ спохватился и замолчалъ. Я слыхалъ эту исторію разсказываемую не разъ дѣтьми моего дѣда, всегда въ одинаковой почти формѣ. Мой дѣдъ любилъ ее разсказывать. Доннингъ былъ еще практикующимъ адвокатомъ, когда производился судъ надъ Донэлленомъ. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣланъ пэромъ.

гомъ случаѣ, за нимъ, Донэлленомъ, послали звать его въ секунданты къ Феодосію, но дѣло сладилось какъ-то до его прибытія. Эти подробности доказываютъ только, что, если Донэлленъ и умертвилъ Феодосія, то онъ не имѣлъ намѣренія извести его за два года предъ тѣмъ.

Медицинскія улики противъ Донэллена состояли изъ показаній д-ра Реттри, м-ра Уильмера, д-ра Эша и профессора анатоміи въ Оксфордѣ Персонса. Всѣ эти лица въ сущности были согласны другъ съ другомъ, но теперь имъ бы не позволили давать показанія въ томъ видѣ, то есть, имъ недопустили бы смѣшивать личные ихъ взгляды на доказательства съ мнѣніями ихъ о существѣ симптомовъ болѣзни у покойнаго. Нынѣ практика старается предотвращать подобное смѣшеніе и обязываетъ экспертовъ давать мнѣнія чисто научныя, предоставляя оцѣнку силы доказательствъ присяжнымъ.

Д-ръ Реттри сказалъ: „независимо отъ внѣшняго вида тѣла, я полагаю, что микстура, отъ принятія которой послѣдовали описываемые лэди Боутонъ симптомы, была ядъ и послужила непосредственною причиною смерти“.

У д-ра Эша спросили: „какое ваше мнѣніе о смерти сэра Феодосія Боутона“.

Эшъ. „Я отвѣчаю, что онъ умеръ вслѣдствіе принятія микстуры, которая дана была ему въ тоже утро. Онъ умеръ самымъ страннымъ образомъ. Не видно изъ данныхъ, которыя были предлагаемы сегодня въ судѣ, чтобы сэръ Феодосій страдалъ недугомъ, сколько нибудь достаточнымъ или похожимъ на то, чтобы произвести тѣ страшныя послѣдствія, коими онъ былъ пораженъ столь непостижимымъ образомъ. Я не знаю никакого лекарства, даваемаго въ какой бы то ни было дозѣ и формѣ, которое бы могло повлечь за собою столь ужасныя послѣдствія“. Потомъ экспертъ замѣтилъ, что признаки посмертные у Боутона походятъ нѣсколько на тѣ, которые замѣчаются у животныхъ отравляемыхъ растительными ядами.

Д-ръ Персонсъ сказалъ: „я незатрудняясь объявляю, что по моему мнѣнію онъ умеръ вслѣдствіе принятія этой микстуры вмѣсто

лѣкарства, состоящаго изъ ялапны и ревеня. Свойство яда повидимому изображено удовлетворительно г-жею Боутонъ, когда она говоритъ о запахѣ микстуры въ ту минуту, когда она ее наливала для подачи сыну".

По дѣлу Пальмера экспертамъ непозволялось разсуждать ни о чемъ другомъ, какъ только о симптомахъ болѣзни вообще. Имъ не было дано высказать какія бы то ни было мнѣнія о томъ, чѣмъ были вызваны или произведены симптомы. Эта особенность была столь мало понимаема и наблюдаема въ то время, что когда великій анатомъ Джонъ Гонтеръ, былъ призванъ въ судъ по ссылкѣ подсудимаго, то ему не позволили ограничиться только мнѣніемъ относительно симптомовъ. Сущность его показанія состояла въ томъ, что всѣ симптомы болѣзни Боутона могли бы быть объяснены падучею болѣзнью или апоплексическимъ ударомъ, хотя они могли произойти также и отъ отравленія лавровою водою. Величіе имени Гонтера и противуположность тогдашней практики съ теперешнею извинятъ насъ за приведеніе довольно значительнаго отрывка изъ его показанія. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о частныхъ обстоятельствахъ дѣла его спросили:

В. „Считаете ли вы себя вправѣ, по этимъ признакамъ приписать смерть субъекта отравленію!"

О. „Конечно нѣтъ. Я скорѣе думаю, что смерть произошла отъ апоплексическаго удара и я бы желалъ чтобы голова умершаго была вскрыта. Это устранило бы всѣ сомнѣнія".

В. „Изъ наружности тѣла нельзя ли заключить что субъектъ умеръ отъ яда".

О. „Конечно нѣтъ. Она не внушаетъ ни малѣйшаго подозрѣнія".

Потомъ его допрашивали перекрестнымъ допросомъ.

В. "Услыхавъ, что лицо повидимому здоровое, проглотивши микстуру, испытало описанные здѣсь сегодня симптомы, можетъ ли благоразумный человѣкъ, спрашиваю я васъ, питать какое либо сомнѣніе относительно того, что эта микстура, изъ чего она ни состояла, произвела эти симптомы?"

О. „Я рѣшительно не знаю, что отвѣчать на этотъ вопросъ.“

В. „Я требую однако вашего мнѣнія. Вы слышали отчетъ о здоровьѣ этого молодого джентлемена до принятія имъ микстуры, а равно разсказъ о томъ, какіе симптомы произошли тотчасъ послѣ принятія микстуры. Я спрашиваю васъ, какъ человѣка разсудительнаго, не думаете ли вы что микстура была причиною смерти?“.

О. „Что касается до первой части вопроса, то есть до полнаго здоровья Феодосія Боутона, то это обстоятельство ничего не объясняетъ. Многіе здоровые люди и вообще здоровые люди умираютъ внезапно, и такъ я этому обстоятельству неприписываю особенной важности. Что касается до другихъ обстоятельствъ, то я признаюсь, что подозрѣнія есть, но объ этихъ подозрѣніяхъ можетъ судить всякій столь же хорошо, какъ и я“.

Судъ. „Вы должны дать ваше мнѣніе единственно только на основаніи симптомовъ, а не на основаніи другихъ доказательствъ.“

В. На основаніи симптомовъ обнаружившихся непосредственно вслѣдствіе принятія микстуры, я требую вашего суда и мнѣнія, причинила ли микстура смерть этому человѣку?“

Адвокатъ подсудимаго. „Я возражаю противъ вопроса, поставленнаго въ такой формѣ, но я не буду вправѣ возражать, если вопрошающій скажетъ: „послѣ принятія микстуры“ вмѣсто: „вслѣдствіе принятія микстуры“.

В. „И такъ да будетъ: „послѣ принятія“. Какое ваше мнѣніе, допустивъ, что Боутонъ принялъ микстуру?“

О. „Я могу только сказать что это есть обстоятельство располагающее въ пользу подобнаго мнѣнія“.

В. „И такъ микстура была причиною смерти?“.

О. „Нѣтъ, потому что послѣдовавшіе за тѣмъ симптомы были симптомами умирающаго человѣка, бывшаго до того въ совершенномъ здоровьи, притомъ человѣка умирающаго отъ падучей болѣзни или отъ апоплексическаго удара. Таковы общія идеи внушаемыя этими симптомами“.

Судъ. „Васъ спрашиваютъ объ общихъ идеяхъ, внушаемыхъ симптомами, кои были наблюдаемы въ сэрѣ Феодосіѣ Боутонѣ тот-

часъ по принятіи имъ микстуры, за чѣмъ столь быстро послѣдовала и смерь этого лица. Думаете ли вы, по этой части дѣла, что смерть его произошла отъ микстуры?“

О. „Если бы я зналъ что микстура ядъ, то вѣроятно я бы сказалъ, что она произвела эти симптомы, но такъ какъ я не знаю была ли она ядъ, и такъ какъ мнѣ извѣстно, что многія другія причины могли причинить Боутону смерть, то я не могу отвѣчать положительно на этотъ вопросъ“.

Потомъ слѣдовали другіе вопросы, изъ которыхъ важнѣйшій состоялъ въ томъ, не произвела ли бы этихъ же симптомовъ лавровая вода? Экспертъ отвѣчалъ: „я полагаю что произвела бы“. Наконецъ судья спросилъ:

В. „Я бы хотѣлъ, чтобы вы были такъ добры и дали мнѣ ваше мнѣніе самымъ опредѣлительнымъ образомъ, въ этой или въ иной формѣ; думаете ли вы вообще, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла (вы слышали описаніе симптомовъ) что смерть произошла отъ этого лекарства или отъ какой либо иной причины?“

О. „Этотъ вопросъ крайне смущаетъ меня. Я не хочу говорить двусмысленностей, передавая вамъ мои чувства, то что я ощущаю въ эту минуту. Я не могу сказать ничего рѣшительнаго.“

Тогда судья сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе, обращенное къ присяжнымъ:

„Вы слышали, со стороны подсудимаго, показаніе джентлемена, который принадлежитъ тоже къ лекарскому факультету, весьма свѣдующаго человѣка. Онъ не можетъ сказать, въ чемъ состоитъ его мнѣніе. Онъ, кажется, никакого мнѣнія не имѣетъ по этому предмету. Сперва онъ сказалъ, что не можетъ рѣшить, причинена ли смерть отравою или нѣтъ, потому что есть возможность представить себѣ, что смерть могла быть причинена и другими причинами. Я бы хотѣлъ добиться другаго отвѣта отъ г. Гонтера по вопросу: какой же общій результатъ его взгляда на это дѣло? Какъ думаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ теперь? Онъ на все отвѣчаетъ, что не можетъ сказать ничего рѣшительнаго. И такъ если вы будете рѣшать дѣло на основаніи показаній джентлеменовъ опытныхъ въ медицинскомъ

искусствѣ, то съ одной стороны вы будете имѣть весьма положительное мнѣніе четырехъ или пяти джентлеменовъ медицинскаго факультета, что покойный умеръ отъ яда, съ другой же стороны не болѣе какъ одно только сомнѣніе; это сомнѣніе принадлежитъ мистеру Гонтеру.“

Остальное въ заключительной рѣчи было столь же неблагопріятно для подсудимаго. Судья замѣтилъ, что въ дѣлѣ есть два главные вопроса: былъ ли отравленъ покойный и, если былъ, то кѣмъ? разборъ перваго вопроса онъ закончилъ приведенными выше заключеніями, потомъ онъ перешелъ къ особенностямъ поведенія подсудимаго, обнаруживающимъ, что онъ былъ отравителемъ. Говоря о ложномъ показаніи Донэллена о томъ, что Боутонъ будто бы простудился, судья спросилъ; правда ли это?... Что побуждало разсказывать безъ всякой нужды эту исторію? Если вы можете пріискать отвѣтъ не основанный на винѣ подсудимаго, то вы должны усвоить его. По этому факту и по другимъ, на которые я долженъ обратить ваше вниманіе, я могу только сказать, что ненужныя, странныя и разнорѣчивыя объясненія не могутъ быть отнесены на счетъ чего бы то ни было другаго, кромѣ вины.“ Потомъ судья прошелся по другимъ обстоятельствамъ съ ловкостью, которой нельзя передать въ краткомъ нашемъ изложеніи, смягчая мѣстами улики, указывающія на подсудимаго, догадками, располагающими въ его пользу. Напримѣръ, говоря о сокрытіи подсудимымъ перваго письма сэра Уилера, судья присовокупилъ: можно предположить, что подсудимый считалъ, что идеи сэра Уилера достаточнымъ образомъ передаются докторамъ и хирургамъ сообщеніемъ имъ втораго письма, такъ что нѣтъ надобности предъявлять имъ первое.“ Вообще однако всякое замѣчаніе судьи было направлено къ осужденію подсудимаго.

На основаніи этихъ доказательствъ и этой заключительной рѣчи Донэлленъ былъ почти немедленно признанъ виновнымъ, осужденъ и казненъ потомъ повѣшеніемъ.

Немногіе процессы породили болѣе толковъ. И поведеніе судьи и вердиктъ присяжныхъ подвергались жестокой критикѣ въ свое

время. Процессъ этотъ приводился притомъ, какъ блистательный примѣръ свойствъ обстоятельственнаго доказательства, противуполагаемаго прямому.

Что касается до поведенія судьи, то оно было порицаемо совершенно напрасно. Факты, наблюдаемые сильнымъ умомъ, укладываются тамъ тотчасъ въ логическій порядокъ, который самъ по себѣ указываетъ, какое заключеніе должно быть выведено изъ этихъ фактовъ. Безпристрастіе и нерѣшительность, это двѣ разныя вещи. Произносящій заключительную рѣчь судья, есть адвокатъ, который выбираетъ безпристрастно ту или другую сторону и даетъ присяжнымъ самое сильное по возможности показаніе объ основаніяхъ, на которыхъ опирается его заключеніе, и о своихъ взглядахъ на доводы, которые представлены противъ этого заключенія. Когда судья исполнилъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, то слова его служатъ величайшимъ пособіемъ присяжнымъ, при исполненіи ими ихъ обязанностей. Сильный умомъ судья и понятливое джюри—лордъ Мэнсфильдъ и двѣнадцать лондонскихъ купцовъ—образуютъ въ совокупности лучшее судилище въ свѣтѣ, но дабы дѣло пошло на ладъ, судья долженъ понатужиться. Если онъ будетъ только болтать о дѣлѣ, не указывая заключеній, если онъ будетъ только перечислять фактъ за фактомъ, то онъ надѣлаетъ болѣе зла, нежели добра. Нѣтъ сомнѣнія, что смотрѣть такимъ образомъ на судью значитъ давать ему въ руки страшную власть, но слѣдуетъ помнить, что по извѣстному мѣткому выраженію, судъ присяжныхъ есть собственно судъ посредствомъ судьи и присяжныхъ. Кто знаетъ, что такое джюри, тотъ не согласится ни на то, чтобы вліяніе судьи было уменьшено, ни на то, чтобы обойтись безъ присяжныхъ.

Что касается до различія между обстоятельственными и прямыми доказательствами, то я убѣжденъ, что это различіе само по себѣ несостоятельное. Спрашивается, какой былъ главный искомый фактъ, въ этомъ дѣлѣ (factum probandum)? Состоялъ ли онъ въ перегонкѣ лавровой воды, въ налитіи лавровыхъ капель въ бутылку съ лѣкарствомъ на полкѣ? Ни одно изъ этихъ дѣйствій порознь взятое не составляло преступленія, не составляли его также всѣ вышеупо-

мянутыя дѣйствія въ совокупности взятыя. Если бы сэръ Феодосій Боутонъ отказался принять лекарство, то никакого мэрдера не могло бы быть. Если бы все, что дѣлалъ Донэлленъ, сначала до конца было совершено на глазахъ цѣлыхъ десятковъ свидѣтелей, то ни одинъ изъ нихъ, ни всѣ они вмѣстѣ взятые, не видали бы преступленія. Преступленіе однако имѣлось на лицо, оно было нѣчто невидимое, не оставляющее мѣста для дѣленія фактовъ на главный и второстепенные и слѣдовательно не представляющее точки опоры для дѣленія доказательствъ на обстоятельственныя и прямыя.

Примѣните къ этому дѣлу мѣрило достовѣрности предлагаемое гг. Стерки и Уильзомъ; выйдетъ, что нельзя никакъ согласиться съ осужденіемъ подсудимаго. Поведеніе Донэллена заставляло прямо предполагать вину, но нельзя не злоупотребляя рѣчью утверждать, что это поведеніе не можетъ быть никакимъ инымъ образомъ объяснено, кромѣ въ смыслѣ вины. Допустимъ, что мистриссъ Донэлленъ—отравительница брата, и что Донэлленъ дѣйствовалъ только съ цѣлью закрыть ее. Эта ипотеза объясняетъ всѣ факты и не противорѣчитъ ни одному изъ нихъ. Нѣтъ ни малѣйшей причины думать, что такъ было въ дѣйствительности, но если джюри обязано обращать въ пользу подсудимаго всякую возможность, то простая возможность поставить догадку о томъ, что виновницею смерти могла быть мистриссъ Донэлленъ, должна бы пріостановить осуждающій вердиктъ. Если нѣтъ, то слѣдуетъ допустить, что вердикты присяжныхъ могутъ и должны вмѣщать въ себѣ нѣкоторую долю догадокъ.

Прихотливый характеръ теоріи, о которой идетъ рѣчь, всего виднѣе изъ того, что она потребовала бы отъ джюри обращенія въ пользу подсудимаго догадки о совершеніи преступленія г-жею Донэлленъ, но, что она не допускаетъ присяжнымъ обратить въ пользу подсудимаго догадку о возможномъ клятвопреступленіи со стороны лэди Боутонъ. Если показанія лэди Боутонъ о запахѣ лекарства и о поведеніи подсудимаго оказались лживыми, то съ тѣмъ вмѣстѣ и настоящему дѣлу былъ бы конецъ. Почему пре-

возносить одинъ классъ догадокъ и давать имъ предпочтеніе предъ другими?

Можетъ быть скажутъ, что присяжные не должны были осуждать Донэллена. Отвѣчаемъ, что всякое изъ доказательствъ указывало прямо на вину Донэллена и что совокупность ихъ удовлетворила присяжныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ всякій судитъ по себѣ лично. Я бы вполнѣ удовлетворился. Почему не признать подсудимаго виновнымъ? У него были мотивы, онъ имѣлъ всѣ средства, имѣлъ всю возможность совершить преступленіе. Его поведеніе сначала до конца походило на поведеніе виновнаго. Если присовокупить къ тому запахъ лекарства и полное согласіе симптомовъ болѣзни съ отравленіемъ, то я не вижу основаній для сомнѣнія, которое могло бы остановить мою рѣшительность въ дѣлѣ лично до меня касающемся.

Дѣло Уилліама Пальмера [1])

(1856).

14 мая 1856 г. Уилліамъ Пальмеръ судился по распоряженію суда королевской скамьи, дѣйствующаго на основаніи статута 19 Vict. c. 16, за отравленіе Джона Персонса Кука въ Роджели въ Стаффордшайрѣ. Судоговореніе продолжалось 12 дней до 27 мая; этого числа подсудимый былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни, которая надъ нимъ исполнена потомъ въ Стаффордѣ.

Пальмеръ былъ вольнопрактикующій лекарь въ Роджели (Rugely), занимавшійся разными сдѣлками по спорту. Кукъ, близкій другъ его, былъ тоже любитель спорта. Оба они вмѣстѣ присутствовали на шрюсберійскихъ конскихъ скачкахъ 13 ноября 1855 г., возвратились вмѣстѣ въ Роджели, послѣ чего Кукъ скончался вскорѣ послѣ полуночи, 21 ноября 1855 г. въ гостинницѣ „Тальбо-

[1]) Главный источникъ: A Verbatim Report of the Trial of William Palmer etc., transcribed from the short-hand Notes of W. Angelo Bennett. London Allen. 1856.

тово оружіе“ при обстоятельствахъ, которыя возбудили подозрѣніе, что онъ могъ быть отравленъ Пальмеромъ. Улики противъ Пальмера состояли въ томъ, что Пальмеръ былъ сильно заинтересованъ въ смерти своего друга и, что его поведеніе до смерти Кука, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, сопровождавшими эту смерть, не оставляло основательнаго сомнѣнія въ томъ, что онъ отравилъ Кука сурьмою (antimonium) и стрихниномъ.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ моментъ смерти Кука Пальмеръ вошелъ въ долги и запутался въ дѣлахъ, выдавъ на себя множество векселей, начиная съ 1853 года. Его жена умерла въ сентябрѣ 1854 года [1]). Такъ какъ жизнь ея была застрахована въ разныхъ обществахъ, то по смерти ея Пальмеръ получилъ 13,000 ф. стерл. по полисамъ; вся почти эта сумма ушла на уплату его обязательствъ. Въ теченіи 1855 года онъ занялъ опять значительныя суммы, доходящія въ сложности до 13,500 ф. ст. по переводнымъ векселямъ на свою мать. Векселя были возобновляемы отъ времени до времени, и были выдаваемы на страшные проценты (большею частью по 60% въ годъ) нѣкоему ростовщику Пратту, который въ моментъ смерти Кука имѣлъ 8 таковыхъ векселей, изъ которыхъ четыре выданы ему лично, а четыре на имя его кліента. Изъ этихъ 8 векселей, два были уже просрочены, а шести другимъ истекалъ срокъ или въ ноябрѣ или въ январѣ. Пальмеръ уплатилъ около 1,000 ф. ст. въ теченіи года, такъ, что въ общей сложности то, что онъ долженъ былъ уплатить Пратту или немедленно или въ непродолжительномъ времени доходило до 12,500 ф. стер. Единственная естественная гарантія, которою могли обезпечиваться эти долги, состояла въ полисѣ на жизнь брата—Вальтера Пальмера въ 13,000 ф. ст. Вальтеръ Пальмеръ скончался въ августѣ 1855 года [2]) и Уилліамъ Пальмеръ поручилъ было Пратту взять сумму, въ которую застрахована была жизнь брата въ стра-

[1]) Пальмеръ былъ преданъ суду по предмету ея убійства, но такъ какъ его осудили за убіеніе Кука, то обвиненіе въ убіеніи жены не имѣло послѣдствій.

[2]) Пальмеръ обвиненъ былъ и въ умерщвленіи брата, но и это дѣло оставлено за осужденіемъ виновнаго на смертную казнь.

ховомъ обществѣ, но страховое общество отказалось платить, вслѣдствіе чего Праттъ сильно прижималъ Пальмера, чтобы заставить его уплатить что либо по векселямъ въ счетъ процентовъ и на погашеніе капитальной суммы. Праттъ подалъ вексель ко взысканію съ Пальмера и съ матери его 6 ноября и объявилъ, что они будутъ посажены въ долговую, если Пальмеръ не заплатитъ ему сколько нибудь въ счетъ долга. Не задолго до шрюсберійскихъ скачекъ Пальмеръ заплатилъ вслѣдствіе того три суммы, доходящія въ сложности до 800 ф. ст., изъ которыхъ 600 шли на погашеніе долга, а 200 на уплату процентовъ. Само собою разумѣется, что Пальмеръ обязался и къ дальнѣйшимъ платежамъ при первой къ тому возможности.

Кромѣ обязательствъ въ отношеніи къ Пратту, Пальмеръ долженъ былъ по векселямъ 10,400 ф. ст. Мистеру Райту (Wright) изъ Бирмингэма; часть этой суммы 6,500 была переведена на мистриссъ Пальмеръ, часть же была обезпечена запродажною записью на все имѣніе Пальмера. Сроки этимъ векселямъ приходились въ первой или второй недѣлѣ ноября. Кромѣ, то у м-ра Пэдвика былъ вексель въ 2,000 ф., изъ которыхъ 1,000 ф. оставались неуплаченными; платежъ этой тысячи былъ просроченъ двѣнадцатью мѣсяцами съ 6 октября 1855 года. 12 ноября Пальмеръ выдалъ нѣкоему Эспину чекъ, помѣченный впередъ 28 числомъ ноября на 1,000 р. Всѣ почти вышеупомянутые векселя посили на себѣ акцептаціи г-жи Сары Пальмеръ, притомъ всѣ эти акцептаціи были подложныя.

И такъ въ моментъ шрюсберійскихъ скачекъ Пальмеръ принуждаемъ былъ къ уплатѣ по векселямъ съ поддѣльными акцептаціями на сумму до 20,000 ф. ст., единственныя же его средства уплаты заключались въ извѣстной поземельной собственности запроданной уже Райту и въ полисѣ въ 13,000 ф. ст., по которому страховое общество отказало въ платежѣ. Если бы ему удалось получить деньги изъ страховаго общества, то онъ могъ бы выпутаться изъ бѣды, но еще оставались 1,000 ф. ст. должные Эспину по антедатированному чеку, относительно которыхъ слѣдовало такъ или

иначе что нибудь предпринять. Никакихъ собственныхъ фондовъ онъ не имѣлъ въ это время, что доказывается тѣмъ, что къ 19 ноября балансъ его въ банкѣ равнялся 9 ф. ст. 6 шиллингамъ, и что отправляясь на скачки въ Шрюсбери онъ долженъ былъ занять на эту поѣздку 25 ф. ст. отъ нѣкоего фермера Уольбэнка. Слѣдовательно ему, какъ говорится, до зарѣзу нужно было достать значительную сумму денегъ, самая же краткая проволочка въ полученіи этихъ денегъ могла не только сдѣлать его несостоятельнымъ, но еще и повлечь за собою уголовный искъ о поддѣлкѣ акцептацій на векселяхъ.

Кромѣ затрудненій, проистекающихъ отъ векселей въ рукахъ у Пратта, Райта и Пэдвика, Пальмеръ имѣлъ дѣла съ Кукомъ, которыя имѣли важное вліяніе на весь ходъ дальнѣйшихъ событій. Онъ и Кукъ обязались векселемъ въ 500 ф. ст., за который Праттъ заплатилъ имъ 365 ф. наличными деньгами и 65 ф. ассигнаціею на вино, остальные же 60 считалъ себѣ за учетъ и издержки. Кромѣ того онъ потребовалъ обезпеченіе векселя закладомъ двухъ лошадей Кука—Полярной Звѣзды и Сиріуса. По требованію Пальмера подъ адресомъ его посланы были въ Донкастеръ по почтѣ 375 ф. ст. въ формѣ чека, подлежащаго уплатѣ по востребованію Кука и ассигнаціи на вино. Пальмеръ сдѣлалъ на оборотѣ чека бланковую надпись именемъ Кука и, получивъ по чеку деньги, внесъ ихъ на свой собственный кредитъ въ роджелійскій банкъ. Обвиняющая сторона доказывала, что эта сдѣлка была причиною, почему Пальмеръ долженъ былъ желать раздѣлаться съ Кукомъ, такъ какъ Кукъ посредствомъ этого подлога лишился денегъ 375 ф. стерл. Съ другой стороны однако оказывается, что къ письму содержащему чекъ приложены были еще какія-то обязательства на 300 ф, ст., относящіяся къ другой какой-то сдѣлкѣ. Такъ какъ не видно, чтобы Кукъ жаловался на неполученіе денегъ по чеку, то защита доказывала, что онъ уполномочилъ Пальмера сдѣлать отъ имени его банковую надпись на чекѣ, обязательство же въ 300 рублей получилъ обратно. Это объясненіе имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, иначе трудно предвидѣть, какимъ образомъ Кукъ по-

мирился съ мыслью, что онъ ничего не получитъ по чеку, а между тѣмъ есть доказательства того, что онъ намѣренъ былъ брать мѣры для уплаты долга по этому же чеку. Обнаружилось также, что былъ еще одинъ вексель въ 500 ф. ст., за который Кукъ и Пальмеръ оба вмѣстѣ приняли на себя отвѣтственность.

Таково было положеніе Пальмера, когда онъ прибылъ на скачки въ Шрюсбери 12 ноября 1855, въ понедѣльникъ. Кукъ былъ также на скачкахъ. Во вторникъ 13 числа клячь Кука Полярная Звѣзда выиграла первый призъ, вслѣдствіе чего Кукъ получилъ право на ставки въ количествѣ 380 ф. и на пари на сумму до 2,000 ф. ст. Изъ выигранныхъ пари онъ получилъ немедленно въ Шрюсбери отъ 700 до 800 ф., остальное онъ долженъ былъ получить по обѣщанію 19 ноября въ Тэтерсалѣ. Послѣ скачекъ Кукъ пригласилъ нѣкоторыхъ друзей своихъ обѣдать въ гостинницѣ подъ Ворономъ; и въ тотъ же день и на другой онъ былъ трезвъ и здоровъ. Въ середу ночью нѣкто Измаилъ Фишеръ зашелъ въ общую гостинную, занимаемую Пальмеромъ и Кукомъ и засталъ ихъ съ нѣсколькими собесѣдниками пьющихъ въ компаніи грогъ. Кукъ жаловался, что эта водка „жжетъ его страшно въ горлѣ,“ послѣ чего онъ поставилъ свой стаканъ съ небольшимъ количествомъ недопитаго. Пальмеръ выпилъ остатокъ и, передавая стаканъ Риду, спросилъ, полагаетъ ли онъ, что въ стаканѣ было что-то особенное. Ридъ отвѣчалъ: „зачѣмъ же мнѣ брать стаканъ, когда онъ пустой.“ — Вскорѣ потомъ Кукъ вышелъ изъ комнаты, позвалъ къ себѣ Фишера и сказалъ ему [1]), что онъ былъ очень боленъ: „я думаю, что этотъ проклятый Пальмеръ подмѣшалъ мнѣ чего-то.“ При этомъ случаѣ онъ передалъ для сбереженія Фишеру отъ 700 до 800 ф. ст. Потомъ съ нимъ опять сдѣлалось дурно, онъ проболѣлъ всю ночь и требовалъ доктора. Доктору Гибсону онъ объявилъ, что ему кажется, что онъ отравленъ; докторъ пользовалъ его сообразно этому предположенію. На слѣдующій день Пальмеръ

[1]) Это обстоятельство замѣчательно, какъ примѣръ изъятія изъ правила, недопускающаго свидѣтельствовать по слуху, за исключеніемъ случая, когда надобно удостовѣриться, жаловался ли обиженный послѣ причиненія ему обиды.

сказалъ Фишеру, что Кукъ въ претензіи на него, Пальмера, за подмѣшаніе чего-то къ грогу, но что онъ Пальмеръ никогда подобныхъ штукъ съ людьми не выкидывалъ, а Кукъ страдаетъ просто отъ того, что онъ напился пьянъ въ прошлую ночь, что оказалось однако ложью. Фишеръ не говоритъ положительно, возвратилъ ли онъ деньги Куку обратно, но кажется, что онъ это сдѣлалъ, потому что, какъ видно по дѣлу, Кукъ просилъ его уплатить 200 ф. ст. Пратту, и уполномочилъ его удовлетворить себя на эту сумму въ слѣдующій понедѣльникъ изъ пари, которое онъ долженъ былъ получить въ Тэтерсалѣ.

Около половины десятаго въ середу, вѣроятно незадолго до того, какъ Кукъ выпилъ грогъ, на котораго вкусъ жаловался, нѣкто мистеръ Брукъсъ видѣлъ, какъ Пальмеръ присматривался въ проходѣ при свѣтѣ лампы сквозь стекло бокала, жидкости, заключенной въ этомъ бокалѣ и похожей на воду, причемъ онъ вертѣлъ бокалъ въ своихъ рукахъ и болталъ жидкость. Повидимому онъ не дѣлалъ изъ этихъ дѣйствій секрета, потому что продолжалъ держать и болтать бокалъ, разговаривая съ Бруксомъ. Джорджъ Мыаттъ былъ вызванъ со стороны защиты для опроверженія этого показанія. Онъ показалъ, что находился въ гостиной, когда вошли туда Пальмеръ и Кукъ, что Кукъ сдѣлалъ замѣчаніе о водкѣ, впрочемъ не такое, какъ его передаютъ Фишеръ и Ридъ, что онъ Мыаттъ не замѣтилъ, чтобы къ водкѣ было что либо подмѣшано, но долженъ былъ бы замѣтить, еслибы это было сдѣлано. Мыаттъ показывалъ еще, что Пальмеръ не выходилъ изъ комнаты до той минуты, пока Кукъ не отправился въ постель. Все разсказываемое случилось будто бы позднѣе, нежели можно заключить изъ словъ Фишера и Рида. Впрочемъ показаніе Мыатта немного помогло Пальмеру; оно разнилось отъ другихъ только въ мелкихъ деталяхъ, что бываетъ безпрестанно въ дѣлахъ уголовныхъ. Мыаттъ былъ другъ Пальмера, и можетъ быть безъ всякой лжи съ его стороны, событія представлялись въ его воспоминаніи въ видѣ болѣе благопріятномъ для подсудимаго, нежели у другихъ свидѣтелей.

Изъ показаній Брука и нѣкоего Герринга оказывалось, что

кромѣ Кука еще и другимъ лицамъ въ Шрюсбери сдѣлалось дурно въ тотъ же вечеръ, причемъ симптомы болѣзни были подобные же. М. Брукъ показалъ: „мы замѣтили, что вода какъ будто бы отравлена въ Шрюсбери.“ По словамъ Мьятта самаго Пальмера рвало на возвратномъ пути въ Роджели.

Доказательства, относящіяся къ тому, что происходило въ Шрюсбери, обнаруживаютъ, что Пальмеръ, крайне нуждающійся въ деньгахъ, зналъ, что у Кука есть въ рукахъ отъ 700 до 800 ф. ст. въ банковыхъ билетахъ и что въ слѣдующій понедѣльникъ онъ долженъ получить еще 1,400 ф. ст. Вѣроятно также, что Пальмеръ поднесъ ему извѣстную дозу сурьмы, хотя вѣсъ поддерживающихъ это предположеніе доказательствъ ослабляется извѣстіемъ о томъ, что въ тоже время въ Шрюсбери свирѣпствовали поносъ и рвоты. Это обстоятельство имѣетъ однако нѣкоторую важность въ связи съ послѣдующими событіями.

Въ четвергъ 15 ноября Пальмеръ и Кукъ отправились въ Роджели, куда прибыли около 10 часовъ ночью. Кукъ пошелъ ночевать въ гостинницу Тальботово Оружіе, а Пальмеръ въ свой собственный домъ насупротивъ гостинницы. Кукъ жаловался на то, что нездоровъ. Въ пятницу онъ обѣдалъ у Пальмера съ нѣкоимъ атторнеемъ Іереміею Смитомъ, послѣ чего возвратился въ гостинницу совершенно трезвый около 10 часовъ вечера. На слѣдующій день (17 ноября) въ 8 часовъ утра явился Пальмеръ и потребовалъ чашку кофе для Кука. Кофе подано было Куку служанкою Миллзъ въ присутствіи Пальмера. Когда она въ часъ или въ два часа потомъ пришла въ ту же комнату, то увидала это кофе на полу, Кука рвало и онъ его выбросилъ. Среди дня, вѣроятно около полудня, Пальмеръ посылалъ работницу по имени Роули купить въ гостинницѣ Альбіонъ бульону для Кука. Она принесла его въ домъ Пальмера, поставила на огнѣ, потомъ вышла изъ комнаты. Вскорѣ послѣ того Пальмеръ вышелъ изъ той же комнаты съ бульономъ, налилъ его въ чашку и послалъ въ Тальботово Оружіе съ тѣмъ, чтобы сказано было, что этотъ бульонъ присылаетъ Іеремія Смитъ. Бульонъ поданъ былъ Куку, который

не хотѣлъ его принимать, но Пальмеръ появился и заставилъ больнаго выпить. Тогда служанка принесла опять въ комнату Кука бульонъ, который былъ уже снесенъ внизъ. И этотъ бульонъ выброшенъ былъ Кукомъ, котораго не переставало рвать. Въ послѣобѣденное время Пальмеръ звалъ къ Куку мистера Бэмфорда, хирурга имѣющаго около 80 лѣтъ и сообщилъ ему, что за обѣдомъ у него, Пальмера, Кукъ пилъ слишкомъ много шампанскаго. Бэмфордъ не нашелъ однако желчныхъ симптомовъ у Кука, который отозвался, что выпилъ только два бокала этого вина. Въ субботу ночью, такъ какъ Куку нездоровилось, то въ его комнатѣ ночевалъ Іеремія Смитъ. Въ воскресенье между двѣнадцатью и первымъ часомъ Пальмеръ прислалъ опять бульонъ для Кука съ садовникомъ своимъ Гоули. Служанка въ гостинницѣ Тальботово Оружіе Лизавета Миллзъ попробовала бульонъ и проглотила двѣ или три ложечки его, послѣ чего въ полчаса ей сдѣлалось дурно и ее рвало до 5 часовъ вечера. Она разболѣлась до того, что должна была лечь въ постель. Бульонъ былъ опять занесенъ къ Куку, а чашка возвращена потомъ Пальмеру. Кажется, что этотъ бульонъ былъ взятъ Кукомъ и выброшенъ, хотя этотъ пунктъ не вполнѣ выясненъ доказательствами. Съ воскресною почтою Пальмеръ писалъ письмо къ аптекарю Джонсу, ближайшему другу Кука, и звалъ его навѣстить больнаго, Пальмеръ писалъ, что Кукъ „лежитъ въ постелѣ, страдая желчными припадками, соединенными съ поносомъ.“ Служанка Миллзъ утверждаетъ, что Кукъ поносомъ не страдалъ. Защитникъ подсудимаго силился выставить письмо Пальмера къ Джонсу сильнымъ доказательствомъ его невинности. Обвинитель утверждалъ, что „оно входило въ злодѣйскій планъ и имѣло назначеніемъ создать поддѣльное доказательство въ пользу подсудимаго.“ Кажется, что по своей двусмысленности оно не можетъ быть принимаемо ни за, ни противъ Пальмера, хотя лживость его относительно симптомовъ болѣзни Кука не можетъ не быть подозрительна.

Въ ночи съ воскресенья на понедѣльникъ съ Кукомъ случился припадокъ. Когда служанка Миллзъ вошла къ нему въ понедѣль-

никъ утромъ, онъ сказалъ: „я былъ точно сумашедшій въ теченіи какихъ нибудь двухъ минутъ.“ — „Зачѣмъ же вы не позвонили?“ сказала Миллзъ. Онъ отвѣчалъ: „я думалъ, что вы всѣ спите и что вы звонка не услышите.“ Онъ говорилъ также, что его безпокоила какая-то ссора на улицѣ, но что онъ не увѣренъ проснулся ли отъ этого шуму или слышалъ его сквозь сонъ. Это обстоятельство было пропущено свидѣтелями Бэрнсомъ и Миллзъ, въ первоначальныхъ ихъ показаніяхъ, но обнаружилось, когда эти свидѣтели были вторично вызваны адвокатомъ Пальмера Ши, который старался на основаніи этого обстоятельства доказать, что Кукъ имѣлъ уже болѣзненный припадокъ, прежде чѣмъ поданъ ему былъ стрихнинъ. Съ этой точки зрѣнія посмотрѣлъ на дѣло главный экспертъ, медикъ со стороны защиты мистеръ Ноннели.

Въ понедѣльникъ въ четверть седьмаго или въ половинѣ седьмаго утромъ Пальмеръ опять навѣстилъ Кука; такъ какъ онъ былъ уже въ Лондонѣ въ половинѣ втораго, то должно быть онъ уѣхалъ туда съ утреннимъ поѣздомъ. Въ теченіи понедѣльника Кукъ значительно поправился. Онъ самъ одѣлся, видѣлся съ однимъ джокеемъ и съ обучавшимъ его берейторомъ; болѣзнь прекратилась.

Между тѣмъ Пальмеръ былъ въ Лондонѣ, и сошелся тамъ по условію съ нѣкоимъ Геррингомъ, занимавшимся сдѣлками по турфу. Пальмеръ сказалъ ему, что онъ хочетъ выручить выигрыши Кука, послѣ чего прочелъ ему изъ особой записки тѣ пари, которые Кукъ долженъ былъ получить. Геррингъ списывалъ эти пари со словъ Пальмера; они доходили до 984 ф. стерл. Изъ этой суммы Пальмеръ поручилъ Геррингу заплатить Пратту 450 и Пэдвику 350. Въ чемъ состоялъ долгъ Пальмера Пэдвику не раскрыто, вслѣдствіе того, что самъ Пэдвикъ не былъ вызванъ въ судъ свидѣтельствовать. Пальмеръ сказалъ Геррингу, что 450 ф. ст. должны идти на уплату векселя, который обезпечивается закладомъ лошадей Кука. Того же дня Пальмеръ писалъ къ Пратту слѣдующее письмо: „милостивый государь, отнесите 50 ф. ст., которые я недавно заплатилъ вамъ, также 450 ф. ст., которые выплатитъ вамъ Геррингъ, всего 500 ф., а также 200 ф., которые вы получили въ субботу

(отъ Фишера) на уплату векселя акцептованнаго моею матерью въ 2,000 ф., которому срокъ истекъ 25 октября.

Геррингъ получилъ вышеупомянутые 800 ф. и распорядился частью ихъ сообразно полученнымъ отъ Пальмера инструкціямъ. Праттъ далъ квитанцію въ полученіи 450 ф., но 350 ф. не были выплачены Пэдвигу, какъ требовалъ Пальмеръ. Геррингъ удержалъ эти деньги за долгъ, который онъ имѣлъ на Кукѣ и котораго Кукъ ему не выплатилъ. Въ своемъ возраженіи защитнику генералъ-атторней сказалъ, что 350 ф. предполагаемые къ уплатѣ Пэдвику изъ выигранныхъ пари, имѣли цѣлью успокоить Пэдвика на счетъ помѣченнаго 28 числомъ ноября чека въ 1,000 ф., выданнаго Эспину по требованію Пэдвика. Это предположеніе ничѣмъ не подтверждается, но и надобности въ немъ нѣтъ никакой. Ясно, что эти 350 ф. ст. предназначались на уплату долга не Кука, но Пальмера (малая только часть этого долга могла лежать на Кукѣ). И такъ Пальмеръ распорядился или намѣренъ былъ распорядиться въ понедѣльникъ 19 ноября всѣми выигрышами Кука въ свою собственную пользу.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть объ окончательномъ результатѣ сдѣлокъ и отношеній, касающихся векселя въ 500 ф. ст., которымъ обязались совокупно Кукъ съ Пальмеромъ. Въ пятницу (16 ноября) обѣдая у Пальмера Кукъ написалъ къ своему агенту Фишеру слѣдующую записку: „и для меня и для Пальмера весьма важно чтобы 500 ф. ст., были выплачены м. Пратту, проживающему 5 Queen's Street, Mayfair. 300 ф. *посланы ему сегодня ночью.* Будьте такъ добры, внесите остальныя 200 фун. завтра, тотчасъ по полученіи сей записки, чѣмъ премного обяжете. Я возвращу вамъ эти деньги завтра въ Тэтерзалѣ.“ Фишеръ внесъ по этой запискѣ 200 ф., надѣясь выручить въ понедѣльникъ выигрыши Кука и возвратить изъ нихъ свои деньги. Въ субботу 17 ноября (на другой день по написаніи записки) „неизвѣстная мнѣ особа, говоритъ Праттъ, обратилась ко мнѣ съ чекомъ и заплатила мнѣ 300 ф. ст. на счетъ подсудимаго, (т. е. вѣроятно вручила мнѣ чекъ въ 300 ф.); это былъ чекъ г. Фишера.“ Когда Праттъ узналъ

о смерти Кука, то онъ писалъ къ Пальмеру: „Смерть м. Кука заставляетъ васъ озаботиться уплатою векселя въ 500 ф. ст., которому срокъ 2 декабря.“

Защитникъ подсудимаго придавалъ этимъ письмамъ необыкновенно важное значеніе и старался на основаніи ихъ доказать, что Кукъ помогалъ Пальмеру и расположенъ былъ вырвать его изъ когтей Пратта, что Кукъ не только брался удовлетворить по векселю въ 500 ф. ст., но уполномочилъ Пальмера обратить еще 800 ф. на подобныя же уплаты, употребляя на этотъ предметъ посредствомъ Герринга, вмѣсто Фишера, деньги отъ выигрышей и лишая Фишера возможности выручить изъ этихъ выигрышей 200 ф., которые были имъ уже выданы Пратту. Защитникъ спрашивалъ: могла ли быть въ интересѣ Пальмера смерть Кука, если первымъ послѣдствіемъ этой смерти, должно было неминуемо быть требованіе со стороны Пратта уплаты денегъ по векселю въ 500 ф. ст.

Эти доводы не лишены повидимому основанія. Смерть Кука дѣйствительно ставила Пальмера въ необходимость подумать объ уплатѣ по векселю въ 500 ф. ст., но съ другой стороны возможно ли предполагать, чтобы Кукъ всѣ свои выигрыши передалъ Пальмеру? Можно ли предположить, чтобы Кукъ дозволилъ Пальмеру обратить въ свою пользу на погашеніе однихъ нальмеровскихъ долговъ тѣ 200 ф., которые Фишеръ внесъ изъ своего кармана, въ счетъ уплаты по векселю, по которому совмѣстно обязывались къ уплатѣ оба, и Кукъ и Пальмеръ? Можно ли предполагать, чтобы Кукъ вошелъ въ стачку съ Пальмеромъ съ цѣлью обойти Фишера и лишить его того обезпеченія, на основаніи котораго онъ рѣшился внести свои деньги въ уплату Пратту? Защита недаетъ отвѣта на эти вопросы. Что касается до 300 ф. ст., то въ письмѣ Кука къ Фишеру сказано: „300 ф. ст. посланы сегодня ночью“, но доказано, что денегъ этихъ Фишеръ не получалъ, вслѣдствіе чего онъ и потребовалъ этихъ денегъ съ Пальмера тотчасъ по смерти Кука. Кромѣ того Праттъ показалъ, что въ субботу онъ получилъ 300 фун. ст. *отъ Пальмера* на уплату по векселю съ подложною акцептаціею въ 2,000 ф. ст. Откуда досталъ Пальмеръ эти деньги? Обвини-

тель утверждалъ, что эта сумма дана была Кукомъ Пальмеру для уплаты по векселю, которымъ они обязались оба, но что Пальмеръ обратилъ эти деньги на уплату своихъ собственныхъ долговъ. Кажется, что это объясненіе вѣрно и согласно съ дѣйствительностью. При разборѣ того обстоятельства, что слыша о смерти Кука Праттъ тотчасъ потребовалъ съ Пальмера уплаты 500 ф., не слѣдуетъ терять изъ виду, что этотъ вексель былъ настоящій, неподдѣльный и что онъ былъ обезпеченъ закладомъ скаковыхъ лошадей Кука, между тѣмъ какъ другіе векселя имѣли поддѣльныя акцептаціи и должны были слѣдовательно быть удовлетворены во всякомъ случаѣ. Въ концѣ концовъ оказывается, что въ понедѣльникъ вечеромъ Пальмеръ былъ сильнѣйшимъ образомъ заинтересованъ въ смерти Кука, котораго онъ обобралъ начисто и за которымъ оставалось только право выкупить своихъ скакуновъ.

Въ понедѣльникъ вечеромъ (19 ноября) Пальмеръ вернулся въ Роджели и зашелъ въ лавку хирурга Сальта около 9 часовъ. Онъ засталъ прикащика Сальта-Ньютона и потребовалъ отъ него три грана стрихнина, которые и были ему даны. Хотя Ньютонъ былъ спрошенъ при коронерскомъ слѣдствіи, но объ этомъ обстоятельствѣ онъ разсказалъ впервые только за два или за три дня до своего допроса въ качествѣ свидѣтеля на судѣ въ Ольдъ-Бэйли. Онъ объяснялъ свое молчаніе тѣмъ, что Пальмеръ былъ въ ссорѣ съ хозяиномъ его, Ньютона, Сальтомъ, и что посему онъ думалъ, что Сальтъ будетъ сердиться на него Ньютона за то, что онъ отпустилъ Пальмеру стрихнинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это молчаніе было неблаговидное, но при перекрестномъ допросѣ не открыто никакихъ поводовъ думать, чтобы свидѣтель лжесвидѣтельствовалъ умышленно.

Куку было гораздо легче въ теченіи всего понедѣльника. Въ понедѣльникъ вечеромъ пользовавшій его мистеръ Бэмфордъ принесъ для него пилюли, которыя и оставилъ въ гостинницѣ. Въ этихъ пилюляхъ не было ни сурьмы, ни стрихнина. Онѣ лежали въ коробочкѣ и съ коробочкою вмѣстѣ принесены служанкою въ комнату Кука, гдѣ и положены на туалетъ около 11 часовъ вечера. По словамъ служанки Бэрнсъ, Пальмеръ пріѣхалъ между 8 и 9 часами,

а служанка Миллзъ показала, что она видѣла его сидящимъ при каминѣ, между 9 и 10 часами.

Если вѣрить этимъ показаніямъ, то слѣдуетъ признать, что Пальмеръ имѣлъ возможность подмѣнить пилюли, присланныя Вэмфордомъ, другими пилюлями, отравленными, вскорѣ послѣ полученія стрихнина отъ Ньютона. Впрочемъ эти показанія опровергаются показаніемъ свидѣтеля со стороны защиты атторнея Іереміи Смита. Смитъ говоритъ, что онъ встрѣтилъ Пальмера, ѣхавшаго въ 10 минутъ одинадцатаго изъ Штаффорда въ коляскѣ; что они оба вмѣстѣ зашли въ комнату Кука, простояли тамъ двѣ или три минуты, послѣ чего отправились на домъ къ матери Пальмера. Кукъ сказалъ имъ при этомъ случаѣ, что „Вэмфордъ прислалъ пилюли, которые онъ, Кукъ, принималъ, что Пальмеръ запоздалъ, и что онъ, Кукъ, не бралъ бы вэмфордовскихъ пилюль, если бы зналъ что Пальмеръ зайдетъ къ нему.“ Если это показаніе справедливо, то изъ него вышло бы, что Кукъ бралъ тѣ самыя пилюли, которыя присланы ему были Вэмфордомъ. Смитъ былъ подвергнутъ по этой причинѣ самому обстоятельному перекрестному допросу [1]). Крайне неохотно и послѣ всевозможныхъ изворотовъ сознался онъ въ томъ, что онъ подписался свидѣтелемъ при застрахованіи Уилліамомъ Пальмеромъ жизни брата его Вальтера въ 13,000 ф., что онъ писалъ въ одно общество о застрахованіи въ 10,000 жизни Вэтса—грума Пальмера, съ обязанностью платить по 1 ф. еженедѣльно; что по смерти Вальтера Пальмера онъ убѣдилъ его вдову отказаться отъ своихъ притязаній на полученіе денегъ по полису, что онъ участвовалъ въ составленіи проектовъ сдѣлокъ по застрахованію жизни Вальтера Пальмера въ другихъ обществахъ на подобныя же суммы и что онъ получилъ чекъ въ 5 ф. за свою подпись на этихъ сдѣлкахъ.

---

[1]) Нельзя передать въ отрывкахъ впечатлѣнія, которое произвелъ этотъ перекрестный допросъ. Усилія свидѣтеля, чтобы выиграть время и его замѣшательство при вопросахъ, на которые съ величайшимъ трудомъ и постепенно изторгались отъ него отвѣты, все это пропадаетъ въ письменномъ рэпортѣ. Лица, присутствовавшія при допросѣ не скоро его забудутъ.

Лордъ Кэмпбель сказалъ объ этомъ свидѣтелѣ въ своей заключительной рѣчи: „можемъ ли вѣрить человѣку, который позоритъ себя до такой степени на скамьѣ свидѣтелей? Ваше дѣло — сказать въ какой мѣрѣ можно полагаться на человѣка, который по собственному признанію замѣшанъ въ столь мошенническихъ (fraudulent) сдѣлкахъ.“

Курьезно, то, что хотя довѣріе къ означенному свидѣтелю было подорвано при перекрестномъ допросѣ и хотя его показаніе опровергнуто было показаніями Миллзъ и Ньютона, однако по всей вѣроятности онъ былъ правъ, а они не правы при опредѣленіи времени, когда вернулся Пальмеръ въ Роджели того дня вечеромъ. Полицейскій надзиратель на эустонской станціи желѣзной дороги м. Мэтьюсъ показалъ, что единственный поѣздъ, на которомъ Пальмеръ могъ уѣхать изъ Лондона послѣ половины втораго (когда онъ имѣлъ свиданіе съ Геррингомъ), отправлялся въ 5 часовъ и прибылъ въ Стаффордъ въ четверть девятаго вечеромъ. Изъ Стаффорда въ Роджели десять миль, пространство требующее покрайней мѣрѣ часа времени на проѣздъ. Однако не смотря на то, Ньютонъ утверждаетъ, что онъ видѣлъ Пальмера около 9 часовъ, а Миллзъ видала его между 9 и 10. Впрочемъ нѣтъ ничего труднѣе сохраненія строгой точности при расчетѣ времени. Съ другой стороны, если Смитъ говоритъ правду, то Ньютонъ не могъ видѣться съ Пальмеромъ въ эту ночь, а Миллзъ должна была видѣть Пальмера въ компаніи со Смитомъ. Миллзъ не упомянула о Смитѣ ни разу въ своихъ показаніяхъ, Смитъ же съ своей стороны не упомянулъ ни разу о томъ, видала ли его Миллзъ или кто либо другой въ гостинницѣ Тальботово Оружіе. Весьма подозрительно то, что адвокатъ Ши не распросилъ обстоятельнѣе Смита передъ присяжными по этому предмету. Клятвопреступленію свидѣтеля какъ разъ способствовало то обстоятельство, что другіе свидѣтели сдѣлали очевидный промахъ относительно расчета времени, который могъ бы быть доказанъ посредствомъ удостовѣренія полицейскаго надзирателя. Если Смитъ расположенъ былъ лгать, то подмѣченный имъ

промахъ со стороны другихъ свидѣтелей давалъ ему возможность лгать, придавая своимъ словамъ всѣ признаки правдоподобія.

Какъ бы то не было съ этими свидѣтелями, доказано, что въ ночи съ понедѣльника на вторникъ Кукъ имѣлъ какой-то страшный, болѣзненный припадокъ. Около полуночи онъ позвонилъ, онъ кричалъ отъ боли. Когда взошла служанка Миллзъ, онъ сидѣлъ на постелѣ и требовалъ, чтобы къ нему позвали тотчасъ Пальмера. Онъ рвалъ простыни и говорилъ что задохнется, если только ляжетъ. Голова, шея и все тѣло у него тряслись. Онъ дышалъ съ трудомъ и глаза были у него навыкатѣ. Рука его окоченѣла и онъ просилъ натирать ее. Пальмеръ явился, далъ ему микстуру и нѣсколько пилюлей. Кукъ ухватился за стаканъ зубами и стиснулъ между ними край стакана и ложечку. Пилюли проглотилъ онъ также съ величайшимъ трудомъ. Потомъ ему стало легче. Пальмеръ оставался нѣкоторое время при немъ, расположившись спать въ покойныхъ креслахъ.

Защитникъ старался всячески ослабить силу словъ Миллзъ при перекрестномъ допросѣ и обнаружить, что она измѣнила свое показаніе въ судѣ, отступая отъ показанія даннаго ею при коронерскомъ слѣдствіи, съ тѣмъ, чтобы согласовать свое описаніе симптомовъ болѣзни Кука съ симптомами отравленія стрихниномъ. Защитникъ намекалъ на то, что служанку Миллзъ научили какъ показывать лица, участвующія въ обвиненіи. Миллзъ отвѣчала отрицательно на большую часть подсказывающихъ отвѣты вопросовъ, которые ей были предлагаемы; на иные же вопросы она дала удовлетворительныя объясненія. Что касается до разнорѣчій въ ея показаніяхъ предъ коронеромъ и въ судѣ, то вызванъ былъ одинъ свидѣтель (атторней Гэрднеръ), который удостовѣрилъ, что коронерское слѣдствіе не было ведено какъ слѣдуетъ.

На слѣдующій день, во вторникъ 20 ноября, Куку было гораздо лучше. Въ полдень онъ послалъ кельнера спросить Пальмера, можно ли ему выпить чашку кофе. Пальмеръ сказалъ что можно, пришелъ самъ, попробовалъ чашку, принесенную служителемъ и

взялъ ее въ свои руки, чтобы поднести Куку. Этотъ кофе Кукъ выбросилъ изо рта.

Не много раньше или не много спустя (точное опредѣленіе часа неважно въ этомъ случаѣ), Пальмеръ зашелъ въ лавку Гаукинса москотильнаго торговца и получилъ отъ прикащика Робертса двѣ драхмы прусской кислоты, 6 гранъ стрихнина и 2 драхмы унимающей боль примочки Бэтли. Во время производства имъ этихъ покупокъ взошелъ Ньютонъ, у котораго онъ купилъ стрихнинъ въ прошлую ночь. Пальмеръ отвелъ его за двери, говоря что желаетъ объясниться съ нимъ на сторонѣ и спросилъ его о фермѣ г. Эдвина Сальта, то есть о такомъ предметѣ, о которомъ Ньютонъ не могъ ему ничего сказать. Между тѣмъ появилось еще третье лицо, которое заговорило также съ Ньютономъ, чѣмъ воспользовался Пальмеръ, вошелъ опять въ лавку Гаукинса и забралъ купленное, которое Ньютонъ могъ такимъ образомъ невидѣть. Это обстоятельство рождало прямое подозрѣніе, что Пальмеръ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы непоказывать Ньютону своихъ покупокъ. Со стороны защиты не было сдѣлано никакихъ попытокъ не только опровергнуть, но и въ какомъ либо отношеніи поколебать показаніе прикащика Робертса.

Около 4 часовъ по полудни прибылъ изъ Лоттеруорта мистеръ Джонсъ, другъ Кука, котораго звалъ письмомъ Пальмеръ. Онъ осматривалъ Кука въ присутствіи Пальмера, и замѣтилъ, что на языкѣ у больнаго онъ не видалъ признаковъ разлитія желчи; Пальмеръ возразилъ: „о, если бы вы видали раньше его языкъ!“ Куку было лучше во вторникъ и онъ повеселѣлъ. Около 7 ч. прибылъ Бэмфордъ; Кукъ сказалъ ему при Пальмерѣ, что онъ, Кукъ, не хочетъ брать пилюль, такъ какъ отъ этихъ пилюль онъ сильно страдалъ ночью. Потомъ всѣ три медика имѣли консультацію. Пальмеръ предложилъ Бэмфорду приготовить такія же пилюли, какъ и въ прошлую ночь, но просилъ Джонса не говорить Куку, изъ чего онѣ составлены, такъ какъ Кукъ не соглашается принимать морфинъ, который будетъ содержаться въ пилюляхъ. Бэмфордъ согласился, Пальмеръ послалъ къ нему на домъ, присутствовалъ при заготовленіи пилюль, укладываніи ихъ въ коробочку, въ

надписяніи на нихъ адреса. Пилюли эти онъ взялъ съ собою между 7 и 8 часами. Кукъ былъ здоровъ и хорошо расположенъ весь этотъ вечеръ; онъ не имѣлъ ни желчныхъ симптомовъ, ни рвоты, ни поноса.

Около 11 часовъ Пальмеръ пришелъ въ гостинницу съ коробкою съ пилюлями, заготовленными у Бэмфорда въ рукахъ. Онъ обратилъ вниманіе на твердость почерка, которымъ писанъ былъ адресъ, замѣчательную въ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ. Обвинитель намекалъ на то, что это замѣчаніе имѣло цѣлью произвести на Джонса то впечатлѣніе, что пилюли составлены именно Бэмфордомъ. Пальмеръ настаивалъ на Кука, чтобы сей послѣдній взялъ пилюли. Кукъ отказывался, говоря, что отъ нихъ онъ страдалъ прошедшую ночь. Наконецъ отъ принялъ пилюли, послѣ чего съ нимъ сдѣлалась рвота. Джонсъ и Пальмеръ осматривали выброшенное, дабы удостовѣриться нѣтъ ли въ немъ пилюль, но пилюль они тамъ не нашли. Одиннадцать часовъ пробило. Джонсъ отъужиналъ и отправился въ комнату Кука, гдѣ ему была приготовлена постель около 12 часовъ. Только что онъ легъ въ постель, по прошествіи какихъ нибудь десяти минутъ, Кукъ поднялся и сталъ кричать: „докторъ, вставайте! мнѣ опять становится дурно! позвоните за д-ромъ Пальмеромъ!“ Кромѣ того онъ сказалъ: „патирайте мнѣ шею.“ Задняя часть шеи была у него тугая и твердая. Миллзъ сбѣгала чрезъ улицу къ Пальмеру и позвонила, Пальмеръ появился немедленно въ окнѣ своей спальни и сказалъ, что онъ тотчасъ будетъ. Въ двѣ минуты, потомъ онъ былъ уже въ комнатѣ Кука и сказалъ, что никогда въ жизни не одѣвался съ такою скоростью. Обвиненіе выводило изъ этихъ данныхъ заключеніе, что онъ не раздѣвался вовсе, ожидая, что его призовутъ.

Въ минуту входа Пальмера, Кукъ былъ крайне плохъ. Джонсъ, Лизавета Миллзъ и Пальмеръ находились въ комнатѣ, Бэрнсъ стояла у дверей. Мускулы шеи были напряжены; Кукъ громко стоналъ. Пальмеръ далъ ему двѣ пилюли, будто бы содержащіе аммоніакъ. Немедленно потомъ, когда пилюли не могли еще произвести никакого дѣйствія, съ Кукомъ начались страшныя судороги,

въ началѣ которыхъ онъ сказалъ: „подымите меня, а не то я задохнусь!“ Пальмеръ и Джонсъ пытались сдѣлать это, но не могли по причинѣ окоченения членовъ. Онъ просилъ, чтобы его по крайней мѣрѣ перевернули на бокъ, что и было сдѣлано. Сердце стало биться слабѣе. Джонсъ сказалъ Пальмеру, что больному слѣдуетъ дать аммоніаку для ускоренія біенія. Пальмеръ отправился на одну минуту изъ комнаты и принесъ какую-то бутылку, но когда онъ возратился, Кукъ уже не жилъ. Кукъ скончался спокойно; весь припадокъ продолжался около десяти минутъ. Тѣло его было изогнуто назадъ и имѣло видъ дуги, такъ, что его можно было бы уставить стоять на головѣ и пяткахъ. Когда его укладывали, то оно все было въ отвердѣломъ состоянiи. Рукъ нельзя было никакъ уложить, чтобы они лежали посторонамъ, пока не перевязали ихъ сзади тѣла снурками. Ноги пришлось также перевязывать. Пальцы одной руки были искривлены и судорожно сжаты такъ, что ихъ нельзя было выпрямить. Таково было состояніе трупа въ часъ ночи, въ полчаса или въ три четверти часа, послѣ смерти.

Откладывая на время заключенія, которыя были выведены медиками изъ этихъ симптомовъ, перехожу къ описанію того, что происходило послѣ кончины Кука. Тотчасъ по смерти Кука, Джонсъ сошелъ внизъ поговорить съ хозяиномъ гостинницы, оставивъ Пальмера наединѣ съ трупомъ. Онъ послалъ въ комнату Кука служанку Миллзъ, которая видѣла какъ Пальмеръ шарилъ по карманамъ пальто Кука, а также подъ подушкою и подъ тюфякомъ. По возвращенiи Джонса Пальмеръ сказалъ ему, что такъ какъ онъ Джонсъ ближайшій другъ умершаго, то онъ и долженъ принять его собственность въ свое владѣніе, вслѣдствіе чего Джонсъ взялъ на сохраненіе часы Кука и кошелекъ его, содержащій 5 ф. ст. и 5 шиллинговъ. Другихъ денегъ не найдено. Пальмеръ сказалъ: „смерть Кука меня разстраиваетъ, такъ какъ я поручился за него въ 3 или 4 тысячи фунтовъ. Я думаю, что друзья г. Кука не допустятъ меня потерять эти деньги. Если они мнѣ не помогутъ, то всѣ мои лошади будутъ у меня взяты и проданы.“ Вспомнили и о памятной книгѣ Кука для записыванія сдѣлокъ по

скачкамъ. Пальмеръ сказалъ: „эта книжка теперь ни на что никому не пригодна,“ и выразилъ надежду, что она гдѣ либо отыщется.

Въ середу 21 ноября мистеръ Уитерби лондонскій маклеръ по скачкамъ, который держалъ родъ банка для спортсменовъ, получилъ отъ Пальмера письмо со вложеніемъ чека въ 350 р., относящагося къ тѣмъ ставкамъ, которыя были выиграны на шрюсберійскихъ скачкахъ и которыя Уитерби долженъ былъ получить. Чекъ этотъ написанъ былъ во вторникъ въ 7 часовъ вечера при особенныхъ обстоятельствахъ. Пальмеръ послалъ за роджелійскимъ почмейстеромъ Чешайромъ, причемъ просилъ его взять съ собою штемпельную бумагу для чековъ, потомъ когда Чешайръ прибылъ, Пальмеръ просилъ его переписать начисто предъявленный ему черновой чекъ отъ имени Кука на Уитерби. Пальмеръ объяснялъ, что этотъ чекъ дается на деньги, которые Кукъ долженъ ему Пальмеру и, что когда чекъ будетъ написанъ, то онъ понесетъ его подписать Куку. Чешайръ списалъ начисто чекъ, послѣ чего Пальмеръ взялъ этотъ чекъ съ собою. Когда мр. Уитерби получилъ чекъ, ставки еще не были уплочены въ пользу Кука, вслѣдствіе чего онъ и отослалъ чекъ обратно Пальмеру, отъ котораго обвинитель требовалъ предъявленія этого чека суду. Пальмеръ чека не представилъ. Въ цѣломъ дѣлѣ Пальмера это обстоятельство составляетъ одну изъ сильнѣйшихъ обвиняющихъ его уликъ. Если бы онъ представилъ чекъ и если бы оказалось, что чекъ дѣйствительно подписанъ Кукомъ, то вышло бы, что Кукъ по той или по другой причинѣ переуступилъ Пальмеру свое право на ставки, что подорвало бы само собою силу другой улики, возникающей изъ присвоенія Пальмеромъ пари выигранныхъ Кукомъ и обращенія ихъ исключительно въ свою пользу. Представленіе чека ослабило бы или устранило бы всѣ предложенія о мотивахъ, которые могъ имѣть Пальмеръ къ изведенію Кука. Съ другой стороны непредставленіе чека равносильно признанію въ подложности его. Если чекъ подложенъ, то значитъ Пальмеръ поддѣлывалъ подпись своего друга съ цѣлью присвоить себѣ его ставки въ ту самую минуту,

когда были основанія надѣяться скораго поправленія въ здоровьи этого друга, а слѣдовательно существовала вѣроятность скораго обнаруженія подлога. Если онъ зналъ, что Кукъ скончается въ ту же ночь, то поведеніе его было какъ нельзя болѣе естественное. При всякихъ другихъ предположеніяхъ, это поведеніе покажется крайне легкомысленнымъ.

Въ четвергъ 22 или въ пятницу 23 ноября Пальмеръ послалъ опять за Чешайромъ и показалъ ему бумагу данную будто бы Пальмеру за нѣсколько дней до смерти. Бумага эта содержала удостовѣреніе, что по нѣкоторымъ векселямъ, поименованнымъ въ бумагѣ, долженъ отвѣчать онъ, Кукъ, а не Пальмеръ. Векселя простирались въ сложности на значительную сумму, по крайней мѣрѣ одинъ былъ въ 1,000 а другой въ 500 ф. На документѣ была подпись Кука; Пальмеръ требовалъ, чтобы Чешайръ ее засвидѣтельствовалъ, на что однако послѣдній не согласился. Этотъ документъ былъ потребованъ отъ Пальмера въ судѣ, Пальмеръ его не представилъ. Къ нему относятся тѣ же замѣчанія, которыя сдѣланы о чекѣ.

Независимо отъ сего доказано, что Пальмеръ, имѣвшій незадолго предъ тѣмъ всего 9 ф. 6 шил. въ банкѣ, и бравшій взаймы 25 ф. на поѣздку въ Шрюсбери, выплатилъ значительныя суммы денегъ тотчасъ по смерти Кука, а именно Пратту далъ онъ 100 ф. 24 ноября; фермеру Спильсбери далъ онъ въ уплату 46 ф. 2 шил. билетъ англійскаго банка въ 50 ф. 22 ноября; торгующему сукномъ Боуну уплатилъ онъ посредствомъ двухъ банковыхъ билетовъ изъ коихъ каждый въ 50 ф., долгъ въ 60 ф. 20 ноября. Изъ этихъ оборотовъ видно, что Пальмеръ присвоилъ себѣ всѣ выигранныя Кукомъ пари, что онъ пытался присвоить и выигранныя Кукомъ ставки, наконецъ, что передъ самою смертью или тотчасъ по смерти Кука онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ отъ 500 до 600 ф. изъ коихъ онъ уплатилъ Пратту 400 ф., хотя незадолго предъ тѣмъ онъ былъ въ крайней нуждѣ.

Въ середу 21 ноября Джонсъ отправился въ Лондонъ и увѣдомилъ вотчима Кука, мистера Стифенса, о смерти его пасынка. Сти-

фенсъ пріѣхалъ въ Лоттерворть, нашелъ тамъ духовное завѣщаніе, по которому Кукъ назначалъ его душеприкащикомъ, потомъ онъ отправился въ Роджели, куда прибылъ въ четвергъ около полудня. Онъ распрашивалъ Пальмера о дѣлахъ Кука, Пальмеръ отвѣчалъ: „по рукамъ ходятъ векселя выданные Кукомъ на сумму до 4,000 ф., къ сожалѣнію я долженъ сказать, что эти векселя носятъ мое имя, но я имѣю бумагу, составленную юристомъ, и подписанную Кукомъ, которая удостовѣряетъ, что я не воспользовался нисколько взятыми по этимъ векселямъ деньгами.“ Стифенсъ сказалъ что во всякомъ случаѣ надобно же позаботиться о похоронахъ Кука. Пальмеръ предложилъ самъ заняться этимъ дѣломъ и объявилъ, что тѣло должно быть какъ можно скорѣе уложено и закрыто. На этомъ разговоръ и покончился. Пальмеръ ушелъ и, самъ, не предваряя Стифенса, заказалъ крѣпкій дубовый гробъ.

Вечеромъ, Стифенсъ, Пальмеръ, Джонсъ и шуринъ Кука Брэдфордъ обѣдали вмѣстѣ, послѣ чего Стифенсъ просилъ Джонса достать записную книжку Кука. Джонсъ отправился искать ее, но не нашелъ. Лицомъ, которое въ послѣдній разъ видѣло эту книжку была служанка Миллъзъ. Она подавала эту книжку въ понедѣльникъ лежащему въ постелѣ Куку, который вынулъ при этомъ случаѣ печатку изъ боковаго кармана этой книжки. Услыхавъ что книжка не отыскана, Пальмеръ отозвался что въ ней нѣтъ никакой надобности, Стифенсъ замѣтилъ, что, по ходящимъ слухамъ, Кукъ выигралъ много денегъ на скачкахъ въ Шрюсбери, на что Пальмеръ возразилъ: „она ненужна, увѣряю васъ; когда кто умираетъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ пропадаютъ выигранные имъ пари.“ Онъ не упомянулъ при этомъ случаѣ, что пари уплачены были Геррингу въ понедѣльникъ. М. Стифенсъ сказалъ тогда, что книжка должна быть все таки найдена, Пальмеръ отвѣтилъ, что безъ всякаго сомнѣнія она отыщется. До отъѣзда изъ гостинницы Стифенсъ пошелъ посмотрѣть на тѣло Кука, до закрытія гроба, причемъ онъ замѣтилъ что пальцы обѣихъ рукъ сжаты. Онъ возвратился въ Лондонъ и имѣлъ свиданіе съ своимъ атторнеемъ. Въ субботу 24 ноября онъ отправился опять въ Роджели и сообщилъ Пальмеру

о своёмъ желаніи произвести осмотръ и вскрытіе тѣла, что и совершилось въ понедѣльникъ 26 ноября.

Осмотръ трупа произведенъ былъ въ присутствіи Пальмера докторомъ Гэрляндомъ, студентомъ медицины ученикомъ д-ра Монктона Дэвонпайромъ и мистеромъ Ньютономъ. Сердце было сжатое и порожнее. На поверхности широкаго конца желудка замѣчено множество маленькихъ желтовато-бѣлыхъ пятенъ величиною въ горчичное зерно. Верхняя часть позвоночнаго столба найдена въ естественномъ состояніи; нижняя часть не подвергалась осмотру по 25 января, когда найдены въ ней какіе то бугорки (granules). На языкѣ открыты многіе пузырьки, вѣроятно издавна появившіеся. Легкія показались здоровыми доктору Гэрлянду, но м-ръ Дэвонпайръ утверждалъ, что замѣтенъ былъ нѣкоторый приливъ къ нимъ крови. Нѣкоторыя особенности въ поведеніи Пальмера обратили на себя вниманіе до осмотра трупа и послѣ осмотра. Ньютонъ показалъ что въ воскресенье ночью Пальмеръ присылалъ за нимъ и спросилъ сколько нужно стрихнина, чтобъ убить собаку; Ньютонъ отвѣчалъ: одинъ граиъ. Пальмеръ спросилъ: можно ли найти стрихнинъ въ желудкѣ и какой видъ долженъ имѣть желудокъ по смерти отъ стрихнина? Ньютонъ сказалъ что воспаленія въ желудкѣ не будетъ и что едва ли можно будетъ найти стрихнинъ. Ньютону показалось, что Пальмеръ при этихъ словахъ произнесъ: „хорошо,“ какъ будто-бы разговаривая мысленно самъ съ собою и щелкнулъ при этомъ случаѣ пальцами. Когда Дэвонпайръ открывалъ желудокъ, Пальмеръ толкнулъ его, при чемъ часть содержимаго въ желудкѣ пролилась. Когда ничего особеннаго въ желудкѣ не найдено, Пальмеръ замѣтилъ обращаясь къ Бенфорду: „за это насъ еще не повѣсятъ.“ Такъ какъ производившіе осмотръ и вскрытіе толпились вокругъ тѣла, то толчекъ могъ быть случайный; а такъ какъ подозрѣнія г. Стифенса были всѣмъ извѣстны, то замѣчаніе Пальмера Бенфорду могло быть естественное, хотя и грубое. Послѣ вскрытія, внутренности вынутые изъ тѣла уложены были въ горшокъ, котораго отверстіе закрыто двумя пузырями. Пальмеръ взялъ горшокъ со стола, отнесъ его къ дверямъ, когда же спохватились

что горшка нѣтъ, тогда онъ объяснилъ, что горшку покойнѣе стоять у дверей. Когда горшокъ былъ опять поставленъ на столъ оказалось, что оба закрывающіе его пузыря перерѣзаны.

Послѣ осмотра трупа м. Стифенсъ и клеркъ одного атторнея взяли съ собою горшки съ внутренностями и проч. Кука, чтобы отвезти ихъ въ Стаффордъ. Пальмеръ спросилъ почталіона онъ ли повезетъ горшки въ Стаффордъ? Почталіонъ отвѣчалъ: „я думаю что да.“ — „Возьмешь ли ты съ собою и м-ра Стифенса?“ спросилъ Пальмеръ. — „Я думаю что да“ былъ отвѣтъ. Пальмеръ спросилъ не хочетъ ли онъ опрокинуть ихъ? Почталіонъ отвѣчалъ: „нѣтъ не хочу.“ — Пальмеръ замѣтилъ что, если онъ это сдѣлаетъ то получитъ 10 фунт. стерлинговъ. Пальмеръ толковалъ еще, что дѣло это плевое и вздорное (humbug concern). При перекрестномъ допросѣ защитникъ подсудимаго старался сбить съ толку свидѣтеля и показалъ, что Пальмеръ имѣлъ въ виду опрокинуть не горшки, а м-ра Стифенса, но почталіонъ (Дж. Мьяттъ) повторилъ, что здѣсь разумѣемы были не м-ръ Стифенсъ, а горшки. Въ концѣ концовъ разница не велика, хотѣлъ ли Пальмеръ чтобы опрокинуть былъ Стифенсъ или горшки, такъ какъ и первый и послѣдніе помѣщались въ одной повозкѣ, слѣдовательно и вывалились бы изъ повозки въ одно и тоже время.

Вскорѣ послѣ вскрытія трупа произведено было слѣдствіе коронеромъ Уардомъ, которое началось 29 ноября и кончилось 5 декабря. Въ воскресенье 3 декабря Пальмеръ спросилъ почмейстера Чешайра нѣтъ ли у него чего нибудь новенькаго?“ Чешайръ отвѣтилъ, что онъ невправѣ вскрывать письма. Не смотря на то онъ вскрылъ однако письмо отъ д-ра Альфреда Тэйлора, изслѣдовавшаго химически вещество, содержавшееся въ желудкѣ Кука, къ м-ру Гэрдинеру атторнею по части обвиненія. Чешайръ сообщилъ Пальмеру, что Тэйлоръ пишетъ, что онъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ стрихнина. Пальмеръ ему отвѣчалъ: „я зналъ что они не найдутъ, я вѣдь невиненъ.“ — Вскорѣ потомъ Пальмеръ писалъ къ Уарду, сообщая ему разные вопросы, которые по его мнѣнію должны быть предложены свидѣтелямъ при слѣдствіи, послѣ чего онъ добавилъ,

что ему извѣстно что д-ръ Тэйлеръ писалъ къ г. Гэрдинеру, что во внутренностяхъ Кука нѣтъ слѣдовъ стрихнина, синильной кислоты, ни опіума. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, 1 декабря, Пальмеръ прислалъ г. Уарду въ подарокъ одну штуку трески, боченокъ устрицъ, пару фазановъ и индѣйку. Эти обстоятельства показываютъ безъ сомнѣнія, что образъ дѣйствій Пальмера былъ неприличный и даже преступный. Чешайръ подвергся тюремному заключенію за свой проступокъ. Лордъ Кэмпбель сильнѣйшимъ образомъ заклеймилъ въ своей рѣчи поведеніе коронера; но злой и неразборчивый въ средствахъ человѣкъ, какимъ представляется Пальмеръ, могъ дѣйствовать точно также и не будучи виноватымъ въ главномъ преступленіи, которое на него взводилось.

Медицинская книга найденная у Пальмера имѣетъ на поляхъ нѣкоторыя рукописныя отмѣтки, касающіяся стрихнина. Одна изъ этихъ отмѣтокъ гласитъ: „Убиваетъ, причиняя тетаническое сокращеніе мускуловъ дыханія.“ — Обвинитель не доказывалъ чтобы эта отмѣтка была составлена съ какою либо опредѣленною цѣлію. Онъ старался только показать, что Пальмеръ знакомъ былъ съ свойствами и послѣдствіями стрихнина.

Эти данныя дополняютъ доказательства касательно поведенія Пальмера до смерти, во время смерти и послѣ смерти Кука. Они ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что Пальмеръ, нуждаясь до послѣдней крайности въ полученіи значительной суммы денегъ, обобралъ своего пріятеля, лишивъ его всѣхъ выигранныхъ пари, которые получилъ въ понедѣльникъ Герринъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда разныхъ продѣлокъ; и что тотъ же Пальмеръ пытался забрать и всѣ ставки выигранныя Кукомъ; есть весьма сильныя улики что Пальмеръ присвоилъ себѣ и 300 ф. Кука, о которыхъ Кукъ думалъ, что они посланы Пратту 16 ноября и похитилъ деньги, которыя Кукъ имѣлъ при себѣ отъ шрюсберійскаго выигрыша. Они доказываютъ что Пальмеръ поддѣлалъ подпись Кука въ вечеръ, предшествовавшій его смерти и что онъ пытался добиться мошеннически засвидѣтельствованія другаго поддѣльнаго документа, касающагося имущества Кука на другой день по смерти его. Они доказываютъ также,

что Пальмеръ имѣлъ полную возможность поднести ядъ Куку, что онъ многократно лгалъ говоря о состояніи здоровья Кука, что онъ покупалъ смертельный ядъ, для употребленія коего не представлялось никакого законнаго основанія; двукратно передъ двуия похожими одинъ на другой припадками, изъ которыхъ второй лишилъ Кука жизни.

Остальныя данныя имѣли цѣлью доказать, что симптомы, сопровождавшіе смерть Кука происходили отъ отравленія его стрихниномъ и что въ его тѣлѣ найдена сурьма (antimonium), которая не прописывалась ему въ лекарствахъ. Были даны также показанія объясняющія состояніе здоровья Кука, которыя всего приличнѣе будетъ привести въ этомъ мѣстѣ.

Въ минуту смерти Куку было около 28 лѣтъ отъ роду. И отецъ и мать его умерли, когда онъ былъ ребенкомъ. Ни сестра его, ни братъ его не были крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ наслѣдовалъ послѣ отца 12,000 ф. ст. и готовился въ ходатаи по дѣламъ (solicitor), но вмѣсто того, чтобы заняться законами, пристрастился къ спорту и велъ жизнь самую безпутную. Онъ страдалъ венерическою болѣзнью и обращался постоянно по этому предмету къ д-ру Сэведжу. Д-ръ Сэведжъ осматривалъ его въ ноябрѣ 1854 г., въ маѣ, іюнѣ, концѣ октября и въ началѣ ноября 1855 г. за двѣ недѣли до смерти, такъ что имѣлъ полную возможность дать удовлетворительное показаніе по этому предмету. По словамъ д-ра Сэведжа Кукъ имѣлъ два малые нарыва на языкѣ противу испорченныхъ зубовъ. Кромѣ того онъ имѣлъ недостатокъ въ горлѣ, состоящій въ томъ, что одна изъ желѣзъ называемыхъ миндалинами была весьма широка, красновата и чувствительна, между тѣмъ какъ другая была весьма мала. Кукъ думалъ, что этотъ симптомъ имѣетъ связь съ сифилисомъ, но д-ръ Сэведжъ увѣрялъ его что нѣтъ. Онъ замѣтилъ также признаки раздраженія легкихъ въ лѣвомъ легкомъ. Желая оторвать Кука отъ его товарищей по спорту д-ръ Сэведжъ совѣтовалъ ему ѣхать за материкъ на зиму. Вообще состояніе его здоровья казалось Сэведжу хорошимъ, если принять въ соображеніе, что сложенія онъ не крѣпкаго. При послѣднемъ свиданіи Кукъ ка-

зался ему еще здоровѣе, нежели незадолго предъ тѣмъ. Д-ръ Сэведжъ замѣтилъ по этому случаю: „вы не похожи теперь на инвалида.“ Кукъ ударилъ себя по груди и сказалъ, что ему теперь хорошо. Другъ Кука, Джонсъ, показалъ, что состояніе здоровья Кука было вообще хорошее, хотя онъ былъ не очень крѣпокъ и что онъ охотился и игралъ въ крикетъ.

Съ другой стороны вызваны были свидѣтели по части защиты, которые дали совершенно иныя показанія о здоровьѣ Кука. Мистеръ Серджентъ отозвался, что онъ билъ съ Кукомъ въ Ливерпулѣ за недѣлю до прюсберійскихъ скачекъ. Кукъ ему показывалъ свой ротъ и свою гортань. Вся задняя часть языка образовала какъ бы одинъ большой нарывъ. „Я сказалъ ему, говоритъ свидѣтель, что я удивляюсь, какъ онъ можетъ ѣсть и пить при такой порчѣ рта, но онъ отвѣтилъ что это состояніе длится у него цѣлые недѣли и мѣсяцы, такъ что онъ пересталъ обращать на него вниманіе.“ — Это обстоятельство очевидно противорѣчило показанію д-ра Сэведжа.

Таково было состояніе здоровья Кука въ моментъ смерти. Спрашивается: какая же была причина этой смерти? Обвинитель доказывалъ, что всѣ симптомы, сопровождавшіе кончину, указываютъ на отравленіе стрихниномъ. Нѣсколько знаменитыхъ медиковъ и хирурговъ, м-ръ Керлингъ (Curling), д-ръ Тоддъ, сэръ Веньяминъ Броди (Brodie), м-ръ Даніель и м-ръ Солли дали объясненія относительно характера и причинъ столбняка (tetanus). Керлингъ показалъ, что столбнякъ состоитъ въ судорожномъ сжатіи произвольныхъ мускуловъ тѣла, которое оканчивается смертью или вслѣдствіе задушенія, производимаго закрытіемъ дыхательнаго горла или вслѣдствіе истощенія силъ отъ непрестанныхъ болѣзненныхъ припадковъ, причиняемыхъ спазмами мускуловъ. Есть три вида этого страданія: идіопатическій столбнякъ, происходящій безъ всякой видимой внѣшей причины; травматическій столбнякъ отъ ранъ, и столбнякъ причиняемый принятіемъ стрихнина, брущина и челибухи (nux vomica), трехъ разныхъ видовъ одного и того же яда. Идіопатическій столбнякъ крайне рѣдокъ въ Англіи. Сэръ Веньяминъ

минъ Броди наблюдалъ одинъ только случай его, да и то сомнительный, м-ръ Даніель только два, во время 28-лѣтней практики, въ Бристольскомъ госпиталѣ; д-ръ Коннели профессоръ хирургіи въ Лидсѣ четыре случая. Въ Ост-Индіи случаи идіопатическаго столбняка гораздо обыкновеннѣе. М-ръ Джексонъ наблюдалъ ихъ около 40 въ теченіи своей 20 лѣтней практики. Всѣ эксперты согласны въ томъ, что какъ ни различны причины возбуждающія столбнякъ, симптомы его однако одни и тѣ же. Они описываются совершенно одинаково многими свидѣтелями. Д-ръ Тоддъ говоритъ, что они начинаются сжатіемъ челюстей, послѣ чего симптомы распространяются на всѣ другіе мускулы туловища и тѣла, развиваясь послѣдовательно и постепенно. Когда столбнякъ начался, то бываютъ минуты, когда недугъ становится слабѣе, но нѣтъ совершеннаго перерыва въ симптомахъ. Въ острыхъ болѣзняхъ столбнякъ причиняетъ смерть въ три или четыре дня; въ хроническихъ онъ можетъ длиться до трехъ недѣль. Возбужденъ былъ вопросъ о наибольшей быстротѣ, съ которою столбнякъ причинялъ смерть въ извѣстныхъ по наблюденіямъ случаяхъ. Въ случаѣ приведеннонъ м-ромъ Россомъ, однимъ изъ свидѣтелей со стороны защиты, больной пораженъ былъ столбнякомъ поутру, примѣрно въ 11 часовъ или раньше и умеръ въ половинѣ 7 вечеромъ. Это былъ примѣръ наиболѣе скоропостижной смерти отъ столбняка, изъ всѣхъ примѣровъ приведенныхъ съ той и съ другой стороны, хотя и здѣсь продолжительность страданій не была съ точностью опредѣлена. Вообще же оказалось, что столбнякъ идіопатическій и травматическій длятся не по минутамъ и не по часамъ, но по цѣлымъ днямъ.

Послѣ такого опредѣленія существа столбняка рождались четыре вопроса. Умеръ ли Кукъ отъ столбняка? Умеръ ли онъ отъ травматическаго столбняка! Умеръ ли онъ отъ идіопатическаго столбняка? Умеръ ли онъ отъ столбняка, причиненнаго стрихниномъ? Обвиняющая сторона силилась прежде всего доказать, что Кукъ умеръ отъ столбняка. М-ръ Керлингъ сказалъ, что судорожное сжатіе мускуловъ у Кука неподлежитъ сомнѣнію. Даже главный свидѣтель въ пользу подсудимаго, д-ръ Коннели, утверждав-

шій что смерть Кука послѣдовала не отъ обыкновеннаго столбняка и не отъ столбняка, причиненнаго стрихнинемъ, долженъ былъ согласиться, что описываемые м. Джонсомъ симптомы весьма похожи на припадокъ столбняка. Поразительное общее сходство симптомовъ болѣзни Кука съ симптомами столбняка было признано всѣми свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ, допрошенными подробно со стороны обвинителя для обнаруженія различій между припадками болѣзни Кука и симптомами идіопатическаго или травматическаго столбняка, и со стороны защитника для отличенія припадковъ болѣзни Кука отъ симптомовъ отравленія стрихнинемъ. И такъ, можно принять за положительный фактъ, что Кукъ умеръ отъ столбняка въ той или въ другой его формѣ.

Затѣмъ обвинитель старался доказать что Кукъ не могъ умереть ни отъ идіопатическаго, ни отъ травматическаго столбняка, потому что и на тѣлѣ его неоказалось ранъ и порядокъ симптомовъ былъ не такой, какой слѣдуетъ. Потомъ обвинитель доказывалъ что всѣ симптомы указываютъ на отравленіе стрихнинемъ. Показанія даны были слѣдующія. Д-ру Керлингу заданъ былъ вопросъ: „Согласны ли симптомы у Кука съ какою нибудь формою травматическаго столбняка, который былъ вами наблюдаемъ, или о которомъ вы читали или слышали?“ *Отвѣтъ.* “Нѣтъ.“ — *В.* „Что отличаетъ эти симптомы отъ описываемыхъ вами симптомовъ травматическаго столбняка?“ — *О.* „Внезапное появленіе этихъ симптомовъ. Во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ я знаю, сильнымъ припадкамъ предшествовали слабѣйшіе признаки столбняка.“ — *В.* „Шли ли эти симптомы постепенно развиваясь и доходя до смерти“? *О.* „Да“. Свидѣтель утверждалъ, что внезапные припадки и быстрое потомъ прекращеніе спазмовъ не согласны съ теоріею идіопатическаго или травматическаго столбняка; онъ удостовѣрилъ, что ни одинъ изъ извѣстныхъ ему случаевъ столбняка непродолжался менѣе 8 или 10 часовъ. Въ единственномъ примѣрѣ столь скоропостижной смерти, періодъ страданій не опредѣленъ точнымъ образомъ. Вообще столбнякъ длится отъ одного до нѣсколькихъ дней. Сэра Веніамина Броди спросили: „суть ли это, по вашему мнѣнію,

симптомы травматическаго столбняка или нѣтъ?" — Онъ отвѣчалъ: „что касается до судорожнаго сокращенія мускуловъ, то въ этомъ отношеніи симптомы у Кука похожи на симптомы травматическаго столбняка, но они совершенно расходятся съ сими послѣдними относительно порядка своего проявленія. Симптомы травматическаго столбняка начинаются, сколько я замѣчалъ, постепенно; прежде всего начинается сжатіе челюстей (по крайней мѣрѣ такъ бывало въ случаяхъ, которыя я наблюдалъ), потомъ гораздо позднѣе наступаетъ сокращеніе мышцъ шеи. Мышцы оконечностей бываютъ поражены въ гораздо меньшей степени, нежели мышцы туловища и шеи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда членъ тѣла поврежденъ и корчи начались именно съ этого члена. Я неприпомню случая обыкновеннаго столбняка, въ которомъ бы было такое сокращеніе мышцъ руки, о которомъ я слышу показанія свидѣтелей, видѣвшихъ тѣло Кука. Обыкновенный столбнякъ рѣдко кончается ранѣе двухъ или трехъ дней, часто же онъ протягивается на многіе дни. Я знаю одинъ только случай, въ которомъ говорятъ, что смерть послѣдовала отъ столбняка въ 12 часовъ." Въ заключеніе Броди замѣтилъ: „я невидалъ случая, въ которомъ бы описываемые симптомы произошли отъ какой либо болѣзни. Произнося эти слова, я имѣю въ виду не тотъ или другой признакъ, порознь взятый, но общую совокупность и порядокъ симптомовъ." На вопросъ, можно ли отнести симптомы замѣченные у Кука къ случаямъ идіопатическаго или травматическаго столбняка, м-ръ Даніель отвѣчалъ: „по моему разумѣнію нельзя;" при чемъ онъ присовокупилъ, что онъ готовъ повторить всѣ слова сэра Веніамина Броди. М-ръ Соллн сказалъ, что симптомы у Кука не подходятъ ни къ одной изъ болѣзней, которую онъ когда либо наблюдалъ. Д-ръ Тоддъ сказалъ: „я полагаю что симптомы у Кука суть симптомы стрихнина." Тоже мнѣніе выражено д-ромъ Альфредомъ Тэйлоромъ, д-ромъ Рисомъ (Rees) и м-ромъ Христисономъ.

Для подкрѣпленія сего общаго положенія, вызваны были свидѣтели, наблюдавшіе три смертные случая отравленія стрихниномъ, и одинъ случай, въ которомъ больной оправился отъ отравленія.

Жертвою перваго смертнаго случая была Агнеса Франчъ иначе Сенетъ, отравленная случайно въ Глазгоуской больницѣ въ 1845 г. пилюлями, которые были предназначены для субъекта, разбитаго параличемъ. По показанію больничной прислужницы, эта дѣвушка впала въ столбнякъ черезъ $^3/_4$ часа по принятіи пилюль; по показанію же одного медика въ 20 минутъ (впрочемъ медикъ не былъ очевидцемъ принятія Агнесою пилюль). Больная упала навзничь на полъ; когда съ нея сняли платье, разрѣзавъ его, то она окоченѣла „точно кочерга.“ Руки ея были вытянуты, кулаки сжаты. Ее рвало слегка. Челюсти у нея не были стиснуты, замѣтно было искривленіе рта и лица. Голова загнута была назадъ и спина искривлена. Она имѣла сильные припадки, повторяющіеся чрезъ нѣсколько секундъ и скончалась въ часъ послѣ перваго появленія симптомовъ. Она была въ полномъ самосознаніи. Сердце найдено порожнимъ при вскрытіи тѣла.

Второй случай, мистриссъ Серджентсонъ Смитъ отравлена случайно въ 1848 г. стрихниномъ, который положенъ былъ въ лекарство вмѣсто салицина. Она взяла лекарство въ 5 или 10 минутъ восьмаго. Черезъ 5 или 10 минутъ потомъ, служанка услышала сильный ударъ звонка. Она застала госпожу свою опирающуюся на спинку креселъ, когда же побѣжала внизъ послать кого нибудь за докторомъ и вернулась назадъ, то мистриссъ Смитъ уже лежала на полу. Она громко стонала. Она просила выпрямить ея ноги и обливать ее водою. За нѣсколько минутъ до кончины она сказала: „переверните меня.“ Ее перевернули, вслѣдъ затѣмъ она тотчасъ же скончалась. Припадокъ длился около часу. Руки были сжаты, ноги согнуты, при вскрытіи сердце оказалось порожнимъ.

Третій случай. Мистриссъ Довъ отравлена была мужемъ въ Лидсѣ въ февралѣ 1856 (за что мужъ ея былъ потомъ повѣшенъ). Начиная съ 24 февраля она имѣла пять припадковъ, въ понедѣльникъ, середу, четвергъ, пятницу и субботу. Она ощущала колотье въ ногахъ и подергиванія въ рукахъ. Передъ спазмами она просила мужа натирать ей руки и ноги, но когда спазмы усиливались, то она не допускала прикасаться къ своимъ ногамъ. Послѣдній

припадокъ длился $2^1/_2$ часа. Руки были вполовину вытянуты; ноги сильно согбены дугою. Легкія оказались наполненными кровью, равно какъ и спинной мозгъ. При вскрытіи прежде всего открытъ былъ черепъ, изъ котораго вытекло много крови, часть которой могла происходить и отъ сердца.

Случай выздоровленія былъ слѣдующій. Разбитый параличемъ паціентъ м-ра Мура, взялъ слишкомъ большую дозу стрихнина, послѣ чего въ $^3/_4$ часа мистеръ Муръ нашелъ, что всѣ члены тѣла больнаго коченѣютъ, голова откидывается назадъ. Больной громко стоналъ и просилъ, чтобы его поворачивали, натирали, шевелили. Его спина была искривлена назадъ. При поданіи ему лекарства, онъ стиснулъ зубами ложку съ лекарствомъ. Онъ обладалъ полнымъ самосознаніемъ въ теченіи всего припадка.

Докторъ Тэйлоръ и Оуэнъ Рисъ изслѣдовали химически тѣло Кука; они не нашли стрихнина, но нашли сурьму въ печени, лѣвой почкѣ, селезенкѣ, а также и въ крови.

Обвиняющая сторона выводила изъ этихъ данныхъ, что симптомы были тетаническіе, тетанусъ же причиненъ былъ стрихниномъ. Защита основывалась на томъ, что многіе изъ замѣченныхъ симптомовъ не согласуются съ дѣйствіемъ стрихнина, и что всѣ симптомы могутъ быть объяснены посредствомъ совсѣмъ иныхъ гипотезъ. Защита строила свои выводы частью на показаніяхъ своихъ свидѣтелей, частью на показаніяхъ свидѣтелей обвиняющей стороны при перекрестномъ ихъ допрашиваніи. Возраженіе обвинителя основывалось отчасти на прежнихъ показаніяхъ свидѣтелей, по части обвиненія, отчасти на показаніяхъ свидѣтелей со стороны подсудимаго, полученныхъ посредствомъ перекрестнаго допроса.

Первый и главный доводъ въ пользу подсудимаго состоялъ въ томъ, что неотысканіе стрихнина д-рами Тейлоромъ и Рисомъ, не согласно съ предположеніемъ объ отравленіи стрихниномъ. Д-ръ Тэйлоръ показываетъ, что онъ подвергалъ анализу желудокъ и кишки Кука съ цѣлью узнать, не найдутся ли тамъ разные яды, между прочимъ стрихнинъ, но что анализъ его былъ безуспѣшенъ. Вещество, содержавшееся въ желудкѣ пропало, сохранилось содержи-

мое въ кишкахъ, самъ же желудокъ разрѣзанъ съ одного конца до другаго и развернутъ такимъ образомъ, что слизистая его оболочка, на которой надлежало бы искать слѣдовъ яда, соприкасалась съ поверхностями кишекъ и подвергалась тренію. Эти обстоятельства д-ръ Тэйлоръ считалъ самыми неблагопріятными условіями для открытія яда, съ чѣмъ согласился и д-ръ Христисонъ. Напротивъ того многіе свидѣтели подсудимаго, м-ръ Ноннели, д-ръ Летиби и м-ръ Роджерсъ думали что означенныя обстоятельства увеличиваютъ только трудность операціи, но не отнимаютъ у нея всѣхъ шансовъ успѣха.

Кромѣ того д-ръ Тэйлоръ выразилъ мнѣніе, что образъ дѣйствія стрихнина таковъ, что открыть стрихнинъ въ тѣлѣ невозможно, даже и при благопріятныхъ для изслѣдованія условіяхъ. Единственный способъ удостовѣриться о присутствіи стрихнина въ желудкѣ состоитъ въ томъ, чтобы подвергать его разнымъ операціямъ, пока не получится осадокъ, который при употребленіи извѣстныхъ химическихъ реактивовъ долженъ окраситься извѣстнымъ цвѣтомъ, если только въ немъ есть доля стрихнина. Всѣ свидѣтели согласны въ томъ, что стрихнинъ дѣйствуетъ посредствомъ всасыванія; то есть, что изъ желудка проходитъ въ млечный сокъ, потомъ въ кровь, наконецъ чрезъ кровь въ твердыя части тѣла; дошедши до извѣстной степени своего распространенія, онъ причиняетъ смерть поражая дѣйствіемъ своимъ мускулы и нервы. Вредныя послѣдствія стрихнина начинаются только съ того момента, когда стрихнинъ вышелъ изъ желудка, изъ чего д-ръ Тэйлоръ выводилъ заключеніе, что если субъекту дана малая доза стрихнина, то въ желудкѣ не останется ничего въ моментъ смерти, ничего слѣдовательно нельзя и открыть. Притомъ Тэйлоръ замѣтилъ, что если стрихнинъ перешелъ уже въ кровь, то онъ расходится по всей массѣ крови, такъ что въ каждой части тѣла обрѣтается безконечно малая доля стрихнина. Положимъ, что больному дано полграна, крови же у него въ тѣлѣ 25 фунтовъ, очевидно что каждый фунтъ будетъ содержать лишь $^1/_{50}$ грана стрихнина. По мнѣнію Тэйлора стрихнинъ испытываетъ также нѣкоторую химическую перемѣну, вслѣд-

ствіе которой его присутствіе въ малыхъ дозахъ въ тканяхъ тѣла незамѣтно. Вообще смыслъ показанія былъ тотъ, что если стрихнинъ данъ въ весьма малой дозѣ, то неизвѣстно, будетъ ли онъ находиться въ желудкѣ по смерти, если же стрихнина нѣтъ въ желудкѣ, то сомнительно можетъ ли онъ быть найденъ въ другихъ частяхъ тѣла. Тэйлоръ присовокупилъ, что онъ считаетъ повѣрку стрихнина посредствомъ окрашиванія имъ извѣстныхъ веществъ невѣрною, потому что тотъ же цвѣтъ можетъ быть произведенъ иными веществами кромѣ стрихнина.

Д-ръ Тэйлоръ сообщилъ результаты опытовъ надъ животными, которые онъ производилъ вмѣстѣ съ д-ромъ Рисомъ, дабы удостовѣриться можетъ ли стрихнинъ быть во всякомъ случаѣ открытъ въ тѣлѣ. Онъ отравилъ четырехъ кроликовъ стрихниномъ и пробовалъ потомъ найдутся ли признаки этого яда въ тѣлахъ ихъ при употребленіи химическихъ реакцій. Въ одномъ случаѣ, когда даны были два грана съ промежутками, присутствіе стрихнина обнаружилось и по горькому вкусу и по цвѣту. Въ другомъ случаѣ данъ одинъ гранъ, причемъ стрихнинъ замѣтенъ былъ уже только по вкусу, а не цвѣту. Въ двухъ другихъ случаяхъ когда даны были 1 гранъ и $^1/_2$ грана, въ тѣлахъ кроликовъ не найдено уже никакихъ признаковъ стрихнина. Изъ этихъ опытовъ можно было заключить что хотя Тэйлоръ не нашелъ стрихнина въ тѣлѣ Кука, изъ сего не слѣдуетъ чтобы стрихнина въ этомъ тѣлѣ вовсе не было. Это объясненіе ослабляло значеніе факта не отысканія стрихнина въ тѣлѣ Кука и дѣлало излишними большую часть показаній свидѣтелей по части защиты. Это обстоятельство составляло одинъ изъ самыхъ рельефныхъ пунктовъ въ настоящемъ процессѣ.

М-ръ Ноннели, м-ръ Герапетъ, м-ръ Роджерсъ, д-ръ Летиби и м-ръ Райтсонъ опровергали показанія докторовъ Тэйлора и Риса. Они отвергали гипотезу о химическомъ измѣненіи стрихнина въ крови; утверждали, что могутъ открыть присутствіе стрихнина въ малѣйшихъ дозахъ во всякомъ организмѣ и полагали, что измѣненіе цвѣта есть вполнѣ удовлетворительный критерій присутствія стрихнина. М-ръ Герапетъ показалъ, что нашелъ стрихнинъ въ

крови и въ части печени отравленной этимъ ядомъ собаки; онъ утверждалъ что берется открыть $^1/_{20}$ часть грана, если только стрихнинъ не смѣшанъ съ органическими веществами. М-ръ Райтсонъ, котораго лордъ Кэмпбель расхвалилъ за отчетливость его показанія, сказалъ, что онъ надѣется найти стрихнинъ, если только это вещество находится въ тѣлѣ и что онъ находитъ этотъ ядъ въ тканяхъ отравленныхъ имъ животныхъ.

Очевидно что здѣсь происходило столкновеніе противуположныхъ показаній по вопросу, по которому лица не знакомыя съ наукою едва ли могутъ составить какое либо мнѣніе. Впрочемъ возникшій споръ мало касался сущности дѣла, такъ какъ всѣ показанія экспертовъ по сторонѣ подсудимаго клонились не къ доказанію, что въ тѣлѣ Кука не было стрихнина, но къ доказанію, что еслибы стрихнинъ былъ въ тѣлѣ Кука, то д-ръ Тэйлоръ долженъ былъ его тамъ найти. Иными словами весь этотъ споръ вертѣлся не вокругъ вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, но вокругъ вопроса кто лучше какъ аналитическій химикъ, д-ръ ли Тэйлоръ или гг. Ноннели и Герапетъ. Показанія свидѣтелей не могли служить къ уясненію дѣла даже и въ томъ случаѣ, еслибы они ниспровергли авторитетъ доктора Тэйлора, потому что ни одинъ фактъ дѣла не опирался на показаніе Тэйлора за исключеніемъ факта открытія сурьмы въ тѣлѣ Кука, въ чемъ показаніе Тэйлора подкрѣплено было показаніемъ доктора Бранда и не было вовсе оспариваемо свидѣтелями подсудимаго. Мнѣніе Тэйлора о существѣ симптомовъ болѣзни Кука было подтверждено множествомъ первѣйшихъ медицинскихъ авторитетовъ, которыхъ никто не думалъ опровергать. Защитники подсудимаго были поставлены въ курьезное по затруднительности своей положеніе. Они должны были нападать и нападали сильно на авторитетъ д-ра Тэйлора для уничтоженія его заключенія объ отравленіи Кука стрихниномъ. Въ тоже время они должны были стараться поддержать репутацію, его, какъ искуснаго химика аналитика, потому что съ уничтоженіемъ убѣжденія въ его искусствѣ и опытности фактъ не отысканія Тэйлеромъ стрихнина потерялъ бы всякое значеніе. Изъ этой роковой дилеммы они

не могли выпутаться. Допустить что онъ искусный химикъ значило допустить вину ихъ кліента. Опровергать его искуство значило подорвать силу всѣхъ своихъ доводовъ, которые по большей части опирались на данныя, едва идущія къ дѣлу. Единственное средство выйти изъ затрудненія состояло бы въ допущеніи, что онъ мастеръ своего дѣла, но въ заподозрѣніи его добросовѣстности, что также не принесло бы никакой пользы по изложеннымъ выше причинамъ.

Другой доводъ, употребленный въ защиту подсудимаго состоялъ въ томъ, что нѣкоторые симптомы смерти Кука были несовмѣстны съ отравленіемъ стрихниномъ. Гг. Ноннели и Летиби полагали, что то обстоятельство, что Кукъ сидѣлъ въ кровати при началѣ припадка, что онъ двигалъ руками и глоталъ, что онъ просилъ чтобы его натирали и шевелили, обнаруживаетъ бо́льшую способность произвольнаго движенія, нежели та, которая возможна у человѣка, отравленнаго стрихниномъ. Но г-жа Серджентсонъ Смитъ вставала также съ постели и звонила. И она и мистриссъ Довъ и пацiентъ д-ра Мура просили чтобы ихъ шевелили и натирали до наступленія судорогъ. Движенія Кука предшествовали припадку, отъ перваго же припадка больной скончался.

Д-ръ Ноннели останавливался на фактѣ что сердце найдено порожнимъ и утверждалъ, что при произведенныхъ имъ опытахъ правая половинка сердца отравленныхъ животныхъ была полна крови. Однако и въ случаѣ смерти мистриссъ Смитъ и въ случаѣ смерти дѣвушки Сенетъ сердце найдено порожнимъ, при этомъ прежде всего вскрыты были грудь и животъ, такъ что нельзя и допустить, чтобы сердце опорожнилось вслѣдствіе вскрытія черепа. М-ръ Христисонъ показалъ, что если больной умираетъ отъ спазмовъ сердца, то сердце опорожняется отъ крови вслѣдствіе этихъ спазмовъ, и по смерти должно быть найдено пустымъ, такъ что присутствіе или отсутствіе крови въ сердцѣ не доказываетъ еще ничего.

М-ръ Ноннели и д-ръ Летиби утверждали, что промежутокъ времени между принятіемъ пилюлей и появленіемъ симптомовъ не совмѣстенъ съ предположеніемъ объ отравленіи стрихниномъ. Время протекшее между принятіемъ пилюлей и появленіемъ симптомовъ

не измѣрено съ точностью. Оно могло быть равно часу, или немного меньше или немного больше. Но если Кукъ былъ отравленъ, то эта отрава содержалась въ пилюляхъ, и не могла начать дѣйствовать пока пилюли не растворились въ желудкѣ, скорость же растворенія ихъ должна была зависѣть отъ того, изъ какого вещества они были составлены. М-ръ Христисонъ замѣтилъ, что если пилюли сдѣланы изъ смолистыхъ веществъ, извѣстныхъ всякому медику, то ихъ дѣйствіе должно быть весьма медленное. Онъ присовокупилъ: „я не думаю чтобы при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній мы могли опредѣлить съ точностью время, когда ядъ долженъ начать дѣйствовать.“ По показанію одной свидѣтельницы, присутствовавшей при смерти Агнесы Сенетъ ядъ обнаружилъ свое дѣйствіе по истеченіи $^3/_4$ часа (впрочемъ трудно повѣрить чтобы воспоминанія этой свидѣтельницы были свѣжи и точны по истеченіи 10 лѣтъ отъ событія). При перекрестномъ допросѣ д-ръ Тэйлоръ ссылался на случаи, въ которыхъ первые симптомы появились по истеченіи $1^1/_2$ часа или 2 часовъ.

Таковы были главныя черты въ симптомахъ смерти Кука, которыя приводились какъ несовмѣстныя съ отравленіемъ стрихниномъ. На всѣ эти пункты даны были повидимому удовлетворительные отвѣты. Защита слабо поддерживала положеніе о несовмѣстности симптомовъ у Кука съ симптомами отравленія стрихниномъ; она старалась только доказать, что симптомы у Кука совпадаютъ съ симптомами разныхъ другихъ болѣзней, причемъ строились различныя гипотезы. При перекрестномъ допросѣ свидѣтелей со стороны обвиненія, защитникъ намекалъ на то, что Кукъ умеръ отъ травматическаго столбняка, происходящаго отъ сифилитическихъ ранокъ, но эта догадка несостоятельна по тремъ причинамъ. Во первыхъ у Кука не было сифилитичесчихъ ранокъ; во вторыхъ ни одинъ экспертъ со стороны подсудимаго не полагалъ, чтобы у Кука могъ быть травматическій столбнякъ, наконецъ въ третьихъ доктора весьма опытные въ венерическихъ болѣзняхъ, въ особенности же д-ръ Локскаго госпиталя Ли объявили, что они никогда не слыхали о столбнякѣ отъ ранъ сифилитическихъ. Два свидѣтеля были

вызваны со стороны подсудимаго для показанія, что нѣкто умеръ отъ столбняка имѣя на локтѣ и въ другихъ мѣстахъ раны можетъ быть сифилитическія, но ничто не доказываетъ, чтобы эти раны не были раздражены треніемъ или вообще задѣты чѣмъ нибудь, притомъ же у Кука такихъ ранъ не было вовсе.

Была выставлена и другая гипотеза, что смерть вообще причинена судорогами. Эту догадку поставилъ м-ръ Ноннели, впрочемъ онъ не могъ привести примѣра, въ которомъ бы обыкновенныя судороги причинили смерть не отнимая сознанія, а сказалъ весьма неопредѣленно, что слыхалъ что подобные случаи бывали хотя видѣть ихъ ему не удалось. Д-ръ Мэкъ-Дональдъ изъ Гэрнкирка близъ Глэсгоу показалъ, что по его мнѣнію смерть Кука произошла „отъ падучей болѣзни сопровождаемой признаками столбняка“ (epileptic convultions with tetanic complications), но и онъ также не могъ привести примѣра, въ которомъ бы падучая болѣзнь не отнимала сознанія у субъекта. Этотъ экспертъ прибѣгалъ къ страннымъ натяжкамъ для поддержанія своей догадки о падучей болѣзни, напримѣръ онъ допускалъ что припадокъ могъ произойти отъ возбужденія половой похоти, хотя извѣстно что Кукъ проболѣлъ въ Роджели почти цѣлую недѣлю и хотя нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы тѣлесное соитіе съ женщиною могло произвести эпилептическій припадокъ по истеченіи какихъ нибудь двухъ недѣль.

И м-ръ Ноннели и м-ръ Мэкъ-Дональдъ были весьма обстоятельно допрошены перекрестными допросами. Каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣчать отдѣльно о всѣхъ симптомахъ болѣзни Кука, о томъ, чѣмъ эти симптомы отличаются по ихъ мнѣнію отъ симптомовъ отравленія стрихниномъ и о томъ, почему они полагаютъ, что эти симптомы проистекаютъ отъ другихъ какихъ либо причинъ кромѣ стрихнина. Послѣ разныхъ увертокъ м-ръ Ноннели долженъ былъ однако признать, что симптомы припадка были „весьма похожи на симптомы отравленія стрихниномъ, и что нельзя доказать, чтобы существовали у Кука другія причины, о которыхъ извѣстно, что они предрасполагаютъ къ судорогамъ. Такъ напримѣръ

онъ сказалъ что возбужденіе или упадокъ духа располагаютъ къ судорогамъ, но единственное возбужденіе могло состоять у Кука въ радости, испытанной имъ при выиграніи приза на скачкахъ за недѣлю до смерти; что касается до упадка духа то извѣстно, что за нѣсколько часовъ до смерти Кукъ шутилъ и смѣялся съ м-ромъ Джонсомъ. М-ръ Мэкъ-Дональдъ не умѣлъ также выпутаться изъ этихъ затрудненій. Нельзя передать въ краткихъ словамъ впечатлѣнія, которое произвели эти перекрестные допросы. Они должны быть тщательно изучаемы всякимъ, кто только желаетъ разумѣть великую пригодность этого орудія не только для обнаруженія истины но и для раскрытія ея съ величайшею точностью и въ совершенной полнотѣ.

Изъ другихъ свидѣтелей со стороны подсудимаго м-ръ Гераетъ допускалъ, что сказалъ, что по его мнѣнію въ тѣлѣ Кука есть стрихнинъ, но что д-ръ Тэйлеръ не умѣетъ его найти. Онъ присовокупилъ, что это впечатлѣніе вынесъ онъ изъ чтенія отчетовъ о дѣлѣ Пальмера въ газетахъ, но невидно чтобы отчеты газетъ разнились отъ доказательствъ предъявленныхъ при судоговореніи. Д-ръ Летиби показалъ, что симптомы у Кука не похожи ни на какіе ему извѣстные, не исключая и симптомовъ отравленія стрихниномъ, впрочемъ тотъ же Летиби долженъ былъ допустить что они согласны съ симптомами, замѣченными у мистриссъ Серджентсонъ Смитъ, несомнѣнно отравленной стрихниномъ. М-ръ Пэртриджъ вызванъ былъ въ судъ для показанія, что смерть Кука могла произойти отъ *arachnitis* или отъ воспаленія одной изъ оболочекъ спиннаго мозга, причиненнаго двумя бугорками, замѣченными въ спинномъ мозгу. Но при перекрестномъ допросѣ Пэртриджъ объявилъ съ полною откровенностью что онъ отказывается отъ мнѣнія будто смерть Кука произошла отъ arachnitis, такъ какъ симптомы ея были совершенно на то не похожи. Кромѣ того, когда его спросили соотвѣтствуютъ ли симптомы описываемые м-ромъ Джонсомъ симптомамъ отравленія стрихниномъ, онъ отвѣчалъ: „совершенно.“ Онъ заключилъ свое показаніе увѣреніемъ, что въ теченіи своей практики онъ никогда не видалъ чтобы такая смерть происходила отъ

естественныхъ причинъ. Д-ръ Робинсонъ изъ Ньюкестля вызванъ былъ для показанія, что смерть произошла отъ тетаническихъ судорогъ предшествуемыхъ падучею болѣзнью. Однако при перекрестномъ допросѣ онъ прямо призналъ симптомы у Кука согласными съ отравленіемъ стрихниномъ, а нѣкоторые изъ нихъ несогласными съ падучею болѣзнью. Онъ думалъ, что при отсутствіи всякой другой причины и по устраненіи гипотезы о стрихнинѣ, надлежало бы приписать смерть падучей болѣзни, и что по его мнѣнію бугорки въ спинномъ мозгу могли причинить падучую болѣзнь. Различные свидѣтели приписывали различную степень важности этимъ бугоркамъ. Всѣ почти свидѣтели обвиняющей стороны считали ихъ неважными. Послѣдній изъ свидѣтелей подсудимаго былъ д-ръ Ричардсонъ, который сказалъ что болѣзнь Кука была *angina pectoris*. Однако онъ замѣтилъ что симптомы anginae pectoris до того похожи на симптомы стрихнина, что онъ бы затруднился отличить одни отъ другихъ.

Фактъ отысканія въ тѣлѣ Кука сурьмы не былъ серьезно оспариваемъ. Нельзя было не признать, что поднесеніемъ сурьмы Куку объясняются всѣ болѣзненные симптомы, которыми Кукъ страдалъ на послѣдней недѣлѣ передъ смертью. Только Пальмеръ могъ поднести сурьму Куку.

Общій выводъ изъ всѣхъ доказательствъ представленныхъ обѣими сторонами по видимому состоитъ въ томъ, что внѣ всякаго основательнаго сомнѣнія стоитъ тотъ фактъ, что симптомы смерти Кука вполнѣ совпадаютъ съ симптомами отравленія стрихниномъ и что есть сильныя основанія полагать что они не объяснимы никакою другою причиною. Прибавимъ къ тому что Пальмеръ покупалъ стрихнинъ передъ каждымъ изъ двухъ припадковъ и что онъ обобралъ Кука, воспользовавшись всѣми его деньгами. Послѣ того нельзя сомнѣваться въ совершенной основательности вердикта.

Дѣло Уилліама Дова [1]).

(1856).

16 іюля 1856 г. Уилліамъ Довъ (Dove) преданъ суду въ Іоркѣ за умерщвленіе (murder) своей жены Генріетты Довъ и осужденъ послѣ судоговоренія, которое продолжалось четыре дня подъ предсѣдательствомъ барона Брамуэля. Дѣло Дова замѣчательно какъ примѣненіе на практикѣ юридическихъ началъ объ уголовной отвѣтственности сумасшедшихъ, которыми занималась III глава настоящаго сочиненія.

Довъ имѣлъ около 30 лѣтъ и былъ уже женатъ четыре или пять лѣтъ, когда жена его умерла. Онъ имѣлъ до 100 ф. дохода съ своего состоянія и жилъ съ женою въ разныхъ мѣстахъ. Въ день ея смерти (суббота 1 марта 1855) они жили въ Лидсѣ, гдѣ поселились незадолго до Рождества 1855 г. Служанка Лизавета Фишеръ, жившая у нихъ около года до смерти мистриссъ Довъ, показываетъ, что въ послѣднее время супруги жили весьма неладно, онъ порою напивался пьянъ и становился наглъ, слѣдствіемъ чего бывали ссоры. При одной такой ссорѣ Довъ до того озлился, что служанка прибѣжала помогать барынѣ, вслѣдствіе чего Довъ бросилъ въ служанку бутылкою. Въ другой разъ Фишеръ видала какъ Довъ схватилъ одною рукою жену, и грозилъ что зарѣжетъ ее ножемъ, который держалъ въ другой рукѣ. Впослѣдствіи когда мистриссъ Довъ требовала чтобы онъ ей далъ часть полученныхъ имъ денегъ, Довъ сказалъ „что онъ готовъ дать эти деньги всякому, но только не ей, а что онъ ей дастъ пилюлю, которая ее успокоитъ.“ Эти слова произвели такое впечатлѣніе на мистриссъ Довъ, что въ присутствіи мужа она объявила служанкѣ, что вотъ что мужъ сказалъ ей. Въ день когда Лизавета Фишеръ отходила

---

[1]) Я заимствовалъ мой разсказъ изъ записокъ барона Брамуэля, который позволилъ мнѣ ими воспользоваться. Я придерживался даже подлинныхъ выраженій записокъ хотя слогъ ихъ порою весьма сжатъ, а мѣстами есть одинъ или два недосмотра.

отъ Дововъ со службы, мистриссъ Довъ сказала ей: „Лизавета, если я умру, а тебя здѣсь не будетъ, я хочу чтобы ты передала моимъ друзьямъ, что мое тѣло должно быть вскрыто.“ Лизавета Фишеръ отошла отъ господъ 19 февраля во вторникъ, въ слѣдующую же субботу (23 февраля) мѣсто ее заняла мать ея Анна Фишеръ. Въ понедѣльникъ до завтрака мистриссъ Довъ была здорова. Послѣ завтрака она пошла на верхъ убрать постель и жаловалась что съ нею дѣлается нѣчто странное. Вскорѣ появились симптомы, которые объясняются безъ сомнѣнія тѣмъ, что она была отравлена стрихниномъ. Припадокъ прошелъ, но она слегла въ постель и была пользуема м-ромъ Морли, котораго пригласилъ къ ней самъ Довъ.

Подобные же припадки повторились въ середу, четвергъ, они стали еще хуже въ пятницу ночью. Рано утромъ въ субботу (1 марта) больной было лучше, но около половины восьмаго наступилъ новый припадокъ, отъ котораго она скончалась въ двадцать минутъ одинадцатого. Осмотръ и вскрытіе тѣла произведены мистерами Морли и Ноннели и доказали несомнѣнно что она умерла отъ стрихнина. Вещества извлеченныя изъ трупа отравили нѣсколькихъ животныхъ, которыя околѣли, являя симптомы точь въ точь похожіе на симптомы отравленія стрихниномъ.

Обнаружено также что ядъ поднесенъ былъ г-жѣ Довъ съ намѣреніемъ лишить ее жизни, съ предумышленіемъ и съ предосторожностями относительно сокрытія преступленія. Мистрисъ Довъ хворала, впрочемъ неопасно, за нѣсколько времени до своей смерти. Ее пользовалъ м-ръ Морли около трехъ мѣсяцевъ. Довъ ходилъ обыкновенно въ его докторскій кабинетъ (surgery) за лекарствомъ. Воспитанникъ м-ра Морли Элетсонъ показалъ: „Г. Довъ приходилъ за мѣсяцъ до смерти жены. Онъ толковалъ о судѣ надъ Пальмеромъ. Онъ говорилъ что Пальмеръ извелъ свою жену поднося ей многократно сурьму и упомянулъ, что Кукъ отравленъ стрихниномъ. Довъ утверждалъ, что стрихнина нельзя найти въ тѣлѣ по смерти, я же доказывалъ что можно. Я рекомендовалъ селитряную кислоту, какъ реактивъ и сослался на сочиненіе Перейры, *Materia medica*. Онъ

взялъ изъ рукъ моихъ книгу и прочелъ страницу 903 и слѣд. Онъ говорилъ что въ домѣ у него много одичалыхъ кошекъ, которыхъ надо извести и что всего лучше приготовить для нихъ отраву. Я сказалъ да. Довъ попросилъ у меня стрихнина. Я далъ ему немного стрихнина, около 10 гранъ, завернулъ этотъ стрихнинъ въ бумажку въ видѣ порошка и надписалъ сверху „ядъ“. Впослѣдствіи Довъ пріобрѣлъ еще отъ 3 до 5 гранъ стрихнина такимъ же манеромъ; кромѣ того кучеръ м-ра Морли видалъ его въ кабинетѣ доктора, когда ни кого тамъ не было. Такъ какъ при разговорѣ своемъ съ Элетсономъ, онъ могъ замѣтить гдѣ помѣщается бутыль съ стрихниномъ, то онъ имѣлъ уже потомъ возможность брать оттуда ядъ не спросясь, когда оставался наединѣ. Онъ отравилъ двѣ кошки и одну крысу, показывая видъ, что пользуется ядомъ только съ цѣлью отравлять животныхъ.

Независимо отъ семейныхъ несогласій съ женою и отъ угрозъ, доказано было, что Довъ имѣлъ дурные замыслы на ея жизнь. Въ теченіе болѣзни жены онъ говорилъ вдовѣ Торнгиль, что онъ ходилъ къ ворожеѣ, которая ему сказала, что мистрисъ Довъ не долго жить. Онъ присовокупилъ что тотчасъ по смерти ея онъ сдѣлаетъ предложеніе о бракѣ госпожѣ, которая живетъ рядомъ съ ними. Когда жена хворала, Довъ много разъ говорилъ доктору м-ру Морли, что ей никогда невыздоровѣть, хотя м-ръ Морли былъ совсѣмъ иного мнѣнія. Онъ говорилъ также нѣкоей Гикъ, что жена его неоправится отъ болѣзни, но что онъ, Довъ, женится вѣроятно на другой женѣ, такъ какъ нельзя ожидать чтобы онъ, будучи молодъ, оставался одинокимъ. Той же свидѣтельницѣ онъ сообщилъ въ день смерти мистрисъ Довъ, что у мистрисъ Довъ второй припадокъ будетъ не ранѣе половины одиннадцатаго или одиннадцати часовъ. Когда его спросили возвращаются ли припадки періодически, онъ недалъ никакого отвѣта. Наконецъ извѣстно, что въ то самое утро когда мистрисъ Довъ скончалась, мужъ далъ ей лекарство. Она жаловалась что это лекарство весьма ѣдкое на вкусъ, потомъ по истеченіи четверти часа она была поражена всѣми

признаками отравленія стрихниномъ, которые продолжались до самой ея смерти.

Нѣтъ надобности входить въ разборъ другихъ представленныхъ по дѣлу доказательствъ. Довольно сказать, что доказано обвиняющею стороною превыше всякаго сомнѣнія и безъ всякаго отрицанія со стороны защиты, что Довъ причинилъ смерть женѣ многократнымъ поднесеніемъ ей стрихнина, который онъ получалъ подъ лживыми предлогами и который онъ давалъ женѣ съ цѣлью лишить ее жизни, отчасти потому что былъ съ нею не въ ладахъ, отчасти потому что хотѣлъ жениться на другой женщинѣ.

Главный и самый интересный пунктъ защиты состоитъ въ томъ, что дѣяніе Дова не было произвольное ни злоумышленное, потому что Довъ помѣшанъ и слѣдовательно или лишенъ знанія того, что его дѣяніе злое или увлеченъ былъ непреодолимымъ порывомъ къ совершенію его. Доказательства объясняющія его умственное состояніе даны отчасти свидѣтелями по части обвиненія, отчасти свидѣтелями со стороны защиты. Всего удобнѣе расположить ихъ въ формѣ историческаго разсказа о жизни Дова, начиная съ шестилѣтняго возраста до открытія суда.

Первая свидѣтельница въ этомъ порядкѣ была его мачиха, которая знала его съ шестаго до двадцатаго года его жизни. Она говоритъ; „я никогда не думала, чтобы онъ былъ въ своемъ умѣ.“ Это сужденіе основывалось главнымъ образомъ на привычкѣ Дова выкидывать весьма непріятныя и злостныя штуки. Такъ напр. онъ поджигалъ занавѣси у кроватей, гнался за сестрами съ раскаленною до красна кочергою, открылъ опять у себя на рукѣ рану, которая уже заживала, отзываясь, что она дурно заживаетъ. Нянька присовокупила: „Его отецъ и семья были всѣ благочестивые и порядочные веслеянцы. Много они потрудились, чтобы обучить дитя, но не было средствъ учить его урокамъ и обязанностямъ. Вотъ почему я думаю, что онъ былъ не въ своемъ умѣ.“ М-ръ Чарльзъ Гэррисонъ учитель школы, въ которой обучался Довъ съ 10 до 13 лѣтъ, отзывается объ немъ такимъ образомъ: „Я считалъ его мальчикомъ весьма ограниченнаго ума. Мнѣ никогда не довелось

имѣть дѣло съ субъектомъ, въ которомъ бы въ такой степени совмѣщались слѣдующія условія: большое тупоуміе и большое отсутствіе нравственной силы, дурныя и порочныя наклонности.“ Онъ разсказывалъ, что Довъ однажды досталъ откуда то пистолетъ и объявилъ мальчикамъ-товарищамъ, что онъ намѣренъ застрѣлить своего отца. Когда отцу это передали, то отецъ сказалъ, что онъ выпоретъ сына порядкомъ. При перекрестномъ допросѣ Гэррисонъ показалъ: это былъ тупой и злой мальчикъ. Я считалъ его помѣшаннымъ. Я никогда не возражалъ когда его хотѣли сѣчь, но самъ никогда не требовалъ чтобы его наказывали розгами за мои уроки. Его сѣкли часто за лѣнь.“ Школьный учитель Гайли выразился сильно о дурномъ поведеніи Дова и сказалъ: „его сообразительность была весьма слаба. Казалось, что онъ не имѣлъ понятія о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій. Казалось, что онъ былъ лишенъ разума. Я думаю что его умственныя способности были не въ порядкѣ.“ Впрочемъ Гайли не подкрѣпилъ своего отзыва никакими заслуживающими вниманія доказательствами. Онъ сказалъ, что сѣкъ Дова частенько до тѣхъ только поръ, пока не убѣдился что у сего послѣдняго недостаетъ ума; однако онъ присовокупилъ что высѣкъ его слегка (давъ ему одинъ или два удара) наканунѣ оставленія Довомъ училища.

По изгнаніи Дова изъ школы Гайли, отецъ его совѣтовался съ м-ромъ Лордомъ, содержателемъ другой школы, что ему дѣлать съ мальчикомъ. М-ръ Лордъ показалъ въ судѣ: „по просьбѣ отца я взялъ его къ себѣ учить закону Божію, причемъ я познакомился съ его умомъ и характеромъ. Я не могъ подѣйствовать ни на голову его, ни на сердце. Онъ не цѣнилъ нисколько того, что я ему говорилъ. Онъ слушалъ, но я не могъ произвести на него впечатлѣнія, не могъ добиться отъ него толковаго отвѣта. Отецъ совѣтовался со мною, какъ онъ долженъ распорядиться съ сыномъ. Я далъ совѣтъ. Довъ не былъ способенъ распоряжаться собственностью на какую бы то ни было сумму. Я не отказалъ ему входа въ мой домъ, но не приглашалъ его къ себѣ по причинѣ его недостатковъ и дурныхъ наклонностей. По моему мнѣнію онъ былъ не вполнѣ въ

здравомъ умѣ.“ При перекрестномъ допросѣ м-ръ Лордъ сказалъ, что услыхавъ о томъ, что Довъ женится, онъ сказалъ брату его будущей жены „что надо бы освидѣтельствовать Дова въ состояніи умственныхъ способностей по причинѣ его безотчетно неразумнаго поведенія.“ Отвѣчая на разные вопросы м-ръ Лордъ выражалъ многократно свое глубокое убѣжденіе въ „неразуміи“ Дова въ поведеніи его и разговорахъ, но не могъ привести никакихъ примѣровъ поясняющихъ это убѣжденіе.

Вслѣдствіе совѣщаній съ м-ромъ Лордомъ или покрайней мѣрѣ вскорѣ послѣ этихъ совѣщаній отецъ Дова отдалъ его м-ру Френкишу учиться земледѣлію. У Френкиша, Довъ прожилъ пять лѣтъ съ половиною. М-ръ Френкишъ показалъ: „я полагаю что были извѣстныя поры, когда онъ былъ не въ своемъ умѣ. Это случалось часто. Онъ не могъ научиться земледѣлію“. Свидѣтель привелъ многіе примѣры дѣйствій Дова, на которыхъ онъ и основывалъ свое сужденіе. Довъ обливалъ сѣрной кислотой хвосты коровамъ; сначала запирался въ томъ, но потомъ сознавался и сожалѣлъ о сдѣланномъ. Онъ обжогъ на смерть купоросными масломъ пару котятъ. Онъ наливалъ купороснаго масла лошадямъ въ корыта и поджигалъ на фермѣ сухой вересъ, чѣмъ причинилъ значительный убытокъ. Разставшись съ Френкишомъ онъ пробылъ годъ въ ученіи у м-ра Гибсона, тоже фермера. Гибсонъ показалъ о немъ слѣдующее: „я не считаю его человѣкомъ даровитымъ, обладающимъ обширнымъ умомъ. Я пробовалъ учить его практически фермерству, разведенію и чередованію растеній въ плодопеременномъ хозяйствѣ. Я не успѣлъ съ нимъ въ такой мѣрѣ, въ какой бы желалъ.“

Потомъ Довъ отправился въ Америку, съ какою цѣлью? неизвѣстно. Онъ поѣхалъ и кажется недолго пробылъ тамъ; возвратившись онъ разсказывалъ дикія вещи о своихъ похожденіяхъ. Онъ устроился потомъ на заарендованной для него фермѣ въ мѣстности извѣстной подъ именемъ Уайтуэль; около того же времени онъ женился. Джемсъ Шо, Мэри Пикъ, Робертъ и Уилліамъ Томлинсоны, Эмма Спенсъ и Фанни Уильсонъ, бывшіе у него въ услуженіи

показываютъ о сумасбродности его поведенія во время содержанія фермы. Онъ прицѣливался изъ заряженнаго ружья въ слугъ своихъ и грозилъ что будетъ стрѣлять въ людей, которые ничѣмъ его не обидѣли. Онъ разсказывалъ странныя исторіи о разбойникахъ, которые будто бы за нимъ слѣдовали и на него нападали. Онъ порѣзалъ въ куски чепчикъ одной служанки. Онъ и жена его ссорились иногда, а иногда играли другъ съ другомъ по дѣтски. Нѣкоторые изъ слугъ видали, какъ онъ ходилъ по полямъ и плакалъ безъ всякаго повода. Шо отозвался: „мнѣ много разъ приходило въ голову, что онъ дѣлалъ вещи, которыхъ бы никто другой въ здравомъ умѣ не сдѣлалъ.“ Томлинсонъ сказалъ: „я не думаю, чтобы онъ когда либо былъ здравомыслящимъ человѣкомъ“. Многіе свидѣтели: два школьные учителя, почталіонъ, проповѣдникъ Веслеянецъ, жившій у отца Дова и одинъ пріятель его жены разсказали о множествѣ дикихъ выходокъ и разговоровъ Дова, похожихъ на приведенные выше. Они удостовѣрили, что его рѣчь была безсвязная, „переходящая скачками отъ предмета къ предмету,“ что онъ ложился на земь и плакалъ безъ причины, что онъ жаловался на шумъ въ домѣ, что онъ жалъ хлѣбъ свой еще зеленымъ, потому что будто бы другіе снали свой, онъ же не хочетъ отъ нихъ отстать; что онъ разсказывалъ дикія сказки о своихъ похожденіяхъ въ Америкѣ и казалось самъ вѣрилъ разсказываемому. Въ добавокъ, во время своего содержанія въ тюрьмѣ онъ написалъ кровью своею письмо къ черту. Обвинитель намекалъ на то, что этотъ послѣдній поступокъ сдѣланъ съ цѣлью создать поддѣльное доказательство сумашествія.

Въ добавокъ къ этимъ фактамъ спрошены три свидѣтеля медика, состоявшіе врачами въ домахъ умалишенныхъ или занимавшіеся спеціально изученіемъ психическихъ болѣзней въ теченіи многихъ лѣтъ. Всѣ они сходились въ томъ, что Довъ не можетъ считаться психически здоровымъ человѣкомъ. Двое изъ нихъ, д-ръ Пайменъ Смитъ содержатель дома умалишенныхъ въ Лидсѣ и д-ръ Китченъ изъ Іорка согласились при перекрестномъ допросѣ, что по ихъ мнѣнію, онъ былъ способенъ отличать добро отъ зла, въ теченіи не-

дѣли, въ которой онъ занимался отравленіемъ жены. Д-ръ Пайкенъ Смитъ присовокупилъ, что многіе сумашедшіе отличаютъ добро отъ зла, что сумашедшіе имѣющіе этого рода познаніе, могутъ не обращать вниманіе на послѣдствія и быть совершенно неспособными воздержаться отъ зла. Онъ потомъ отозвался: „я не могу сказать того о подсудимомъ, въ теченіи этой недѣли; обстоятельства могли заставить его воздерживаться. Иныя обстоятельства. Не бо́льшія шансы открытія. Не обладаніе ядомъ. Маловажныя обстоятельства могли заставить его отложить это на другое время. По моему мнѣнію, обладая средствомъ, онъ необращалъ вниманія на послѣдствія.“ М-ръ Китченъ сказалъ: „я считаю правдоподобнымъ, что онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о различіи между добромъ и зломъ въ теченіи первой недѣли. Если это справедливо, то я не сомнѣваюсь, что онъ зналъ, что совершаетъ убійство, если же онъ зналъ, то и долженъ быть наказанъ.“ При передопросѣ Китченъ присовокупилъ: „я считаю его поведеніе въ теченіи этой недѣли естественнымъ послѣдствіемъ того, что онъ дѣлалъ прежде. Вся прежняя жизнь его поясняетъ то, что онъ сдѣлалъ. Я думаю что онъ былъ сумашедшимъ всю жизнь. Я говорю что онъ зналъ, что совершаетъ убійство; я думаю, онъ зналъ что убиваетъ жену. Я недумаю чтобы онъ зналъ, что дѣлаетъ зло. Я полагаю, что онъ зналъ о томъ въ такой же мѣрѣ, въ какой различалъ вообще добро и зло.“

Д-ръ Уилліамсъ, бывшій въ теченіи 30 лѣтъ врачемъ въ домѣ умалишенныхъ въ Іоркѣ, изложилъ свое мнѣніе весьма пространно. Важнѣйшая часть его показанія слѣдующая. Выразивъ мнѣніе, что письмо Дова къ чорту — искреннее, и что Довъ вѣрилъ въ то, что онъ подлежитъ сверхъестественнымъ вліяніямъ, Уилліамсъ присовокупилъ: „изо всего, что я слышалъ о событіяхъ роковой недѣли, я заключаю, что будучи склоненъ къ дѣланію зла или къ лишенію жены жизни, онъ испыталъ еще вліяніе своихъ понятій о сверхъестественныхъ агентахъ, вслѣдствіе чего онъ былъ въ состояніи иллюзіи. Человѣкъ пораженный такою иллюзіею можетъ сохранить способность судить о средствахъ ведущихъ къ цѣли и

о послѣдствіяхъ дѣйствій относительно предмета, имѣемаго имъ въ виду. Находясь подъ вліяніемъ этой иллюзіи онъ могъ не имѣть силы противустоять этому влеченію.“ При перекрестномъ допросѣ д-ръ Уилліамсъ сказалъ: „я не знаю примѣра (сумашедшаго) человѣка, который бы давалъ ядъ малыми дозами, повторяя ихъ многократно. Непреодолимая страсть къ лишенію жизни ядомъ рѣдка. Если бы ядъ былъ поднесенъ шесть или семь разъ, то я бы не называлъ этого маніею, я бы сказалъ что это безотчетное влеченіе къ разрушенію, причиненію мученій или лишенію жизни. Эта склонность можетъ продолжаться въ видѣ постояннаго настроенія характера. Она можетъ избрать спеціальный какой нибудь предметъ и не вредить никому и ничему. Такое лицо могло незнать, что оно дѣлало зло. Оно могло бояться послѣдствій наказанія. Оно вѣроятно знало, что нарушаетъ законъ. Оно можетъ быть не знало въ моментъ совершенія, что оно будетъ повѣшено за убійство. Таково мое мнѣніе о занятіи сознанія психически-болѣзненною склонностью. Неизвѣстно зналъ ли о томъ Довъ до совершенія; онъ могъ узнать по совершеніи.“

Послѣ разныхъ вопросовъ, клонящихся къ выводу заключенія, что въ людяхъ подобныхъ Дову причиною злодѣянія могъ быть порокъ, не только сумашествіе, д-ра Уилліамса спросили: „если нѣкто живя съ женою ненавидѣлъ ее, рѣшился на убійство и убилъ ее, какая разница между такою рѣшимостью, когда она порокъ и такимъ влеченіемъ, когда оно слѣдствіе душевнаго разстройства?“ Онъ отвѣтилъ: „прежняя жизнь подсудимаго должна служить поясненіемъ того, былъ ли это порокъ или умственное разстройство.“ Въ отвѣтъ на другіе вопросы, онъ присовокупилъ: „Питая извѣстную идею, человѣкъ можетъ рехнуться, тогда онъ не въ силахъ совладать съ нею. Это психическая болѣзнь. Она можетъ имѣть примѣненіе и къ другимъ случаямъ, напримѣръ къ изнасилованію. Если мужчина питалъ желаніе обладать извѣстною женщиною и если это желаніе превратилось въ непреодолимое влеченіе, вслѣдствіе чего онъ совершилъ изнасилованіе, то это будетъ нравственное помѣшательство. Тоже бываетъ съ кражею.

Когда кто поддается внушеніямъ страсти или желанія, пока она не овладѣетъ имъ совершенно, то это будетъ нравственное помѣшательство.“ При передопросѣ, Уилліамсъ показалъ слѣдующее: *Вопросъ:* Представьте себѣ что этотъ человѣкъ былъ раздражителенъ съ дѣтства, употреблялъ безъ причины огнестрѣльное оружіе, грозился застрѣлить отца и мать, жаловался на какой то шумъ въ домѣ и дѣлалъ еще многое подобное, о чемъ намъ показали вчера свидѣтели и притомъ обращался съ женою нѣжно и плакалъ?“ *Отвѣтъ.* „Я не сомнѣваюсь, что этотъ человѣкъ психически больной, котораго нельзя оставлять на свободѣ. Я бы призналъ его сумашедшимъ при освидѣтельствованіи еще до роковой недѣли.“

Присяжные дали слѣдующій вердиктъ: „виновенъ, но мы представляемъ его къ помилованію, по причинѣ недостаточности умственныхъ способностей.“ Довъ былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ въ Іоркѣ.

Я входилъ во всѣ подробности дѣла, потому что оно представляетъ хорошій примѣръ состоянія души, на которое намекаетъ Эрскинъ, не опредѣляя его подробно въ своей знаменитой рѣчи по дѣлу Гэдфильда [1]). Невозможно не принять заключенія, явствующаго изъ доказательствъ, что Довъ не былъ здравомыслящій человѣкъ. Невозможно также сомнѣваться, что онъ умертвилъ жену свою добровольно, намѣренно и съ злостнымъ предумышленіемъ, въ полнѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Изъ всего дѣла видно, что онъ былъ (по крайней мѣрѣ) предрасположенъ къ сумашествію съ дѣтства, что симптомы разстройства обнаруживались довольно часто въ теченіе всей его жизни, не доходя впрочемъ до такой степени, чтобы заставлять другихъ обращаться съ нимъ какъ съ сумашедшимъ. Ему позволили ѣхать одному въ Америку, держать ферму въ арендѣ, жениться (хотя брата его жены предостерегали о характерѣ Дова),

---

[1]) Вы должны рѣшить, должны ли вы все приписать злому умыслу или все приписать сумашествію или смѣси того и другаго. Если вы полагаете что въ этомъ случаѣ есть на лицо сознательный злой умыселъ, смѣшанный съ сумашествіемъ, то я предоставляю суду сказать, что дѣлать съ подсудимымъ. Этотъ вопросъ слишкомъ труденъ для меня. 27 S. T. 1328.

жить самостоятельно въ Лидсѣ и вообще вести себя какъ лицо, несущее на себѣ отвѣтственность за свои дѣянія. При такихъ условіяхъ кажется что онъ допустилъ разыграться въ своемъ сознаніи страшной мысли о смерти жены и о вступленіи въ бракъ съ другою, что онъ составилъ планъ лишенія жены жизни и выполнилъ этотъ планъ со всѣми признаками обдуманности и предосторожности. При такихъ данныхъ присяжнымъ предстояло рѣшить два вопроса: зналъ ли онъ что дѣлаетъ зло? могъ ли онъ отъ этого зла воздержаться?

Что онъ зналъ о томъ, что дѣлаетъ зло, можно заключать изъ слѣдующаго обстоятельства: фактъ, что убійство есть зло, общеизвѣстенъ всему міру. Нѣтъ основаній доказывать, что умъ Дова въ особенности или умы сумашедшихъ вообще до того бываютъ разстроены, вслѣдствіе той болѣзни, которою они страдаютъ, что теряютъ сознаніе этого общеизвѣстнаго факта. Изъ доказательствъ явствовало совсѣмъ противное: поведеніе Дова показываетъ ту скрытность и хитрость, которыя встрѣчаются обыкновенно у лицъ, завѣдомо творящихъ зло. Нѣтъ данныхъ для опроверженія законнаго предположенія объ умыслѣ по этому предмету. Съ другой стороны, если бы потребовались прямыя доказательства, то нашлось бы многое въ подтвержденіе того, что въ этомъ особенномъ случаѣ предположеніе закона было вполнѣ согласно съ истиною.

Допустимъ что Довъ зналъ, что онъ чинитъ зло, убивая жену; могъ ли онъ воздержаться отъ этого зла? Было ли дѣяніе его свободное или добровольное въ полномъ смыслѣ слова [1])? Очевидно да. Если взять всю жизнь его, то нельзя отрицать что повременамъ языкъ его и поведеніе были непослѣдовательны, капризны и не подходили ни подъ одинъ изъ обыкновенныхъ мотивовъ дѣйствій, чему примѣрами можетъ служить то, что онъ ложился на земь и плакалъ, что онъ блуждалъ по полямъ, что ему слышался шумъ и т. под. Съ другой стороны это дѣлалось только по временамъ, вообще же онъ дѣйствовалъ довольно благоразумно и обдѣлывалъ

[1]) Глава II, стр. 115, 116 и послѣд.

какъ слѣдуетъ свои обыденныя житейскія дѣла. Куда отнести убіеніе жены, къ разумной ли или къ неразумной части его поведенія? Всѣ данныя заставляютъ остановиться на первомъ изъ этихъ предположеній. Въ его дѣйствіяхъ имѣются всѣ признаки мотива и намѣренія. Оно состоитъ изъ ряда обдуманныхъ и повторяемыхъ покушеній на жизнь, которыя увѣнчались наконецъ успѣхомъ.

Единственная тѣнь доказательства противнаго содержится въ предположеніи, высказанномъ д-ромъ Уилліамсомъ, что Довъ допустилъ уму своему играть съ мыслью о смерти жены, пока не сдѣлался жертвою непреодолимаго влеченія къ убіенію ея. Если бы и такъ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что это дѣйствіе не было произвольное. Духовную сторону дѣянія составляетъ направленіе и устремленіе психическихъ способностей на ясно сознаваемую цѣль. Всякое дѣяніе становится неудержимымъ въ отношеніи къ своему виновнику еще до своего совершенія. Положимъ, что одинъ человѣкъ поразилъ другаго; въ моментъ опущенія руки онъ можетъ раскаяться, но есть мгновеніе, когда онъ не въ состояніи уже лишить руку сообщеннаго ей движенія, какъ не можетъ остановить пули, которая выстрѣлена изъ ружья. Положимъ что онъ забавляется преступною мыслью въ теченіи извѣстнаго времени, пока не преисполнился до того страстнымъ и напряженнымъ стремленіемъ къ извѣстному предмету или результату, что превратился въ родъ машины въ своихъ же собственныхъ рукахъ. Этотъ случай совершенно подобенъ первому. Дѣяніе перестаетъ быть добровольнымъ, хотя актъ воли, сообщившій ему неудержимость, предшествовалъ совершенію дѣянія на большее противу обыкновеннаго время.

Надобно помнить, что предположеніе о непреодолимомъ влеченіи есть только догадка. Непреодолимое влеченіе, которое сдерживается случайными затрудненіями или боязнью быть открытымъ и откладывается отъ времени до времени, есть состояніе души непостижимое. Есть ли малѣйшее основаніе предполагать, что если бы г-жѣ Довъ приключился несчастный случай и она бы слегла въ постель и была при смерти до подачи ей мужемъ яда, то не-

преодолимое влеченіе мужа къ убіенію ея заставило бы его все таки, не смотря на приключившееся съ нею несчастіе поднести ей ядъ? Если нѣтъ, то это влеченіе похоже на всѣ другія дурныя чувства. Оно было несдержанное и могло быть сильное, но нѣтъ причины думать, что оно не могло бы быть обуздано.

Легко придумать обстоятельства, при которыхъ присяжные дали бы вѣроятно иной вердиктъ. Если бы Довъ обходился съ женою ласково и жилъ съ нею ладно и если бы онъ убилъ ее въ пылу внезапнаго непонятнаго бѣшенства, то доказательства, поясняющія его душевное настроеніе, внушили бы вѣроятно заключеніе, что его дѣяніе не было частью правильнаго обыкновеннаго теченія его жизни, что оно не было задумано и исполнено подобно тому, какъ осуществляютъ разумные люди свои намѣренія, но что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ случайностей, которыя отталкиваютъ предположеніе о волѣ или злоумышленности со стороны виновника и что, слѣдовательно, оно стоитъ внѣ области уголовнаго права. Это заключеніе могло бы быть сдѣлано болѣе или менѣе вѣроятнымъ, посредствомъ сопоставленія множества побочныхъ обстоятельствъ. Скрытность напримѣръ, уменьшаетъ эту вѣроятность но она бы повысилась при открытомъ образѣ дѣйствій и при наличности слѣдовъ душевнаго волненія. Каковы бы ни были доказательства разстройства Дова, результатъ могъ быть только одинъ. Присяжнымъ пришлось рѣшать, убѣждаютъ ли ихъ обстоятельства дѣла въ томъ, что дѣяніе произвольное и совершено съ знаніемъ его существа и качествъ. При такой постановкѣ вопроса они должны были сказать: виновенъ, не смотря на то, былъ ли подсудимый сумашедшій или здравомыслящій, свободный или обитатель дома умаишенныхъ. Если бы присяжнымъ показалось, что дѣяніе его непроизвольно или несвободно, то они должны были бы сказать: не виновенъ. Во всякомъ случаѣ былъ ли подсудимый здоровъ или помѣшанъ, тотъ фактъ, что онъ страдалъ душевнымъ недугомъ, могъ бы быть доказательствомъ его вины или невинности въ отдѣльномъ данномъ его поступкѣ, но не могъ составлять сущности всего дѣла, предлагаемаго рѣшенію суда. Нѣтъ сомнѣнія что сумашествіе есть силь-

ное доказательство невинности, но оно не есть еще доказательство безусловное. Вопросъ о томъ, устраняетъ ли существованіе сумашествія предположеніе о винѣ въ данномъ случаѣ, есть вопросъ, который долженъ быть представленъ цѣликомъ совѣсти присяжныхъ.

Дѣло Фомы Смитгерста.

(Smithurst) [1]).

Фома Смитгерстъ былъ преданъ суду за умерщвленіе Изабеллы Бэнксъ и судился въ Ольдъ-Бейли 7 іюля 1859 года. Въ теченіи судоговоренія одинъ изъ присяжныхъ заболѣлъ, вслѣдствіе чего судъ отсрочилъ засѣданія свои до 15 августа. Тогда послѣдовало новое судоговореніе, продолжавшееся четыре дня и руководимое лордомъ главнымъ барономъ казначейства. Подсудимый былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни, но получилъ полное помилованіе на томъ основаніи, что вина его недостаточно доказана.

Смитгерстъ, женившійся много лѣтъ предъ тѣмъ на женщинѣ старѣе его, жилъ съ женою въ ноябрѣ 1858 г. въ одной гостинницѣ въ Бэйсуатерѣ, гдѣ и познакомился съ покойною миссъ Бэнксъ. 9 декабря онъ вѣнчался съ миссъ Бэнскъ и поселился съ нею въ Ричмондѣ, между тѣмъ какъ настоящая его жена осталась жить въ гостинницѣ въ Бэйсуатерѣ. Онъ ее посѣтилъ разъ или два раза и посылалъ деньги на содержаніе ея владѣлицѣ гостинницы. Нѣтъ доказательствъ того, чтобы мистрисъ Смитгерстъ знала о связи мужа своего съ миссъ Бэнксъ, хотя трудно допустить, чтобы

---

[1]) Настоящій разсказъ основанъ на статьѣ въ Saturday Review, написанной тотчасъ послѣ суда. Я передѣлалъ эту статью и сообразилъ ее съ отмѣтками Лорда главнаго барона, который былъ такъ добръ, что сдѣлалъ мнѣ отмѣтки и сообщилъ мнѣ притомъ свое отношеніе къ статсъ-секретарю, Г. К. Люису. Отрывки показаній взяты изъ отмѣтокъ Л. Гл. барона. Я сравнилъ ихъ съ репортомъ въ 50 томѣ отчетовъ о засѣданіяхъ въ Ольдъ-Бэйли. Отмѣтки судьи и стенографа почти совпадаютъ, у судьи онѣ немного короче, но вообще въ нихъ содержится почти тоже самое слово въ слово. Это обстоятельство важно, какъ доказательство того, съ какимъ вниманіемъ и стараніемъ судятся дѣла въ Англіи.

ея подозрѣнія не были возбуждены тѣмъ, что мужъ оставилъ гостинницу за двѣ недѣли послѣ отъѣзда миссъ Бэнксъ и что отъѣздъ миссъ Бэнксъ былъ причиненъ представленіями о неприличномъ ея поведеніи со стороны хозяйки гостинницы.

По совершеніи подложнаго вѣнчанія Смитгерстъ и покойная Бэнксъ поселились въ Ричмондѣ, гдѣ и прожили четыре мѣсяца. Съ 4 февраля по 15 апрѣля они жили въ Old Palace Gardens, потомъ съ 15 апрѣля по 3 мая, день смерти миссъ Бэнксъ, въ 10 № Alma Villas. Миссъ Бэнксъ захворала въ концѣ марта или началѣ апрѣля; состояніе ея здоровья дѣлалось все хуже и хуже. Д-ръ Юліусъ изъ Ричмонда позванъ былъ къ ней 3 апрѣля по требованію Смитгерста и по рекомендаціи первой ея квартирной хозяйки. Уже заболѣвшая миссъ Бэнксъ была перевезена на другую квартиру 10 Alma Villas; причина переѣзда заключалась въ томъ, что цѣна за первую квартиру была повышена. Д-ръ Бирдъ, товарищъ Юліуса, лечилъ ее съ 18 апрѣля, по желанію подсудимаго ее осматривалъ д-ръ Тоддъ. Въ воскресенье 1 мая составлено было духовное завѣщаніе миссъ Бэнксъ. Составлялъ его одинъ изъ ричмондскихъ стряпчихъ по дѣламъ (solicitor) Сеніоръ; по этому завѣщанію миссъ Бэнксъ отказала Смитгерсту все свое имущество за исключеніемъ одной брошки. Имущество ея состояло изъ капитала въ 1740 ф. отданнаго въ займы подъ залогъ недвижимаго имѣнія; кромѣ того покойная получала пожизненную ренту съ капитала въ 5000 ф.; дивидендъ, причитающійся съ этого капитала она получила предъ смертью и вручила его подсудимому. 1 мая въ воскресеніе состоялось завѣщаніе, 2 же мая подсудимый позванъ былъ къ ричмондскому судьѣ по обвиненію въ отравленіи завѣщательницы. Онъ былъ освобожденъ послѣ допроса. Миссъ Бэнксъ скончалась на другой день 3 мая. Сестра ея Луиза Бэнксъ посѣщала ее 19 и 30 апрѣля и была при ней отъ освобожденія д-ра Смитгерста до ея смерти. При осмотрѣ тѣла покойной оказалось что она сдѣлалась беременною за 5 или 7 недѣль до того. При вторичномъ заарестованіи подсудимаго по смерти миссъ Бэнксъ найдено при немъ письмо къ его настоящей женѣ.

Первый вопросъ, рождающійся изъ фактовъ состоитъ въ томъ, имѣлъ ли подсудимый какой либо мотивъ къ лишенію жизни миссъ Бэнксъ?

Если разчитывать послѣдствія смерти миссъ Бэнксъ на деньги, то Смитгерстъ выигрывалъ отъ этой смерти 1740 ф. отданныхъ въ займы подъ залогъ недвижимаго имѣнія и терялъ возможность получать дивиденды, слѣдующія ей пожизненно съ капитала въ 5000 ф. ст. Шансы его на полученіе дивиденда зависѣли вполнѣ отъ продолженія любовной связи и отъ личнаго его вліянія на миссъ Бэнксъ. Связь эта была не только безнравственна, но и положительно преступна. Если бы г-жа Смитгерстъ знала настоящій ея характеръ, то она бы могла ежеминутно наказать своего вѣроломнаго мужа прелюбодѣя, тюрьмою. Пока продолжалась эта связь, свобода Смитгерста и его положеніе были въ полной зависимости отъ всякаго, кто бы открылъ обстоятельства, относящіяся къ этой связи. Можно было предполагать еще, что или ему надоѣстъ связь съ любовницею или она захочетъ оставить его, по причинамъ, которыя легко могли бы открыться. Въ обоихъ случаяхъ онъ бы терялъ возможность пользоваться дивидендомъ. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что получаемые дивиденды шли бы при жизни Бэнксъ на содержаніе ихъ обоихъ. Смитгерстъ не могъ бы присвоивать ихъ исключительно себѣ и отказать ей отъ дому, потому что въ такомъ случаѣ она бы удержала дивиденды исключительно для себя. Невѣрная надежда на полученіе 150 ф. ст. ежегоднаго дохода по смерть женщины, которую слѣдовало еще кромѣ того содержать какъ жену и которая могла въ скоромъ времени стать матерью, не можетъ конечно идти въ сравненіе съ правомъ получить за разъ почтенную сумму въ 1740 ф. ст., необремененную такими условіями. Кажется несомнѣнно, что Смитгерстъ былъ въ денежномъ отношеніи заинтересованъ въ смерти миссъ Бэнксъ, но нѣтъ никакихъ основаній полагать, что онъ особенно нуждался въ деньгахъ, напротивъ того есть данныя, удостовѣряющія, что онъ въ нихъ не нуждался. По дѣлу Пальмера существенную важность имѣлъ тотъ фактъ, что Пальмеръ вдругъ сдѣлался обладателемъ значи-

тельной суммы денегъ въ самый моментъ смерти Кука, но Смиттерсту принадлежала значительная сумма денегъ по счетамъ его банкира, при томъ кажется что онъ жилъ въ Ричмондѣ на свои средства, ненуждаясь по видимому въ заработкахъ.

Одно соображеніе имѣло большой вѣсъ по вопросу о существованіи мотива къ отравленію, оно основывалось на существѣ связи соединявшей подсудимаго съ покойною. Говорятъ иногда, что когда есть на лицо мужъ и жена, то не зачѣмъ спрашивать о мотивахъ къ преступленію. Рѣзкость этого сужденія не должна мѣшать намъ признать, что оно содержитъ частицу истины. Супруги обходятся обыкновенно другъ съ другомъ прилично по наружности, ласково и любезно, но только имъ однимъ извѣстно, что кроется подъ этою завѣсою; супружескія отношенія способны порождать горькую ненависть и злобу, соразмѣрную близости этихъ отношеній. Въ особенномъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, связь между сторонами была такого рода, что она не могла не изобиловать обстоятельствами, порождающими досаду и отвращеніе. Обѣ стороны дѣйствовали скверно, оба (если предположить, что миссъ Бэнксъ знала о первомъ бракѣ Смиттерста) совершали и нравственное и юридическое преступленіе; въ то самое время, когда миссъ Бэнксъ захворала, она сдѣлалась беременною. Для человѣка находящагося въ положеніи подобномъ тому, въ какомъ былъ Смиттерстъ, уже одно это обстоятельство (если бы оно было ему извѣстно) должно бы было служить нѣкоторымъ мотивомъ для совершенія преступленія, въ которомъ онъ обвинялся, потому что рожденіе дитяти не могло бы не усилить затрудненій и хлопотъ неразлучныхъ съ положеніемъ, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Нѣкоторыя выраженія разговора миссъ Бэнксъ съ сестрою ея Луизою Бэнксъ, бросаютъ свѣтъ на эту сторону предмета. Миссъ Луиза Бэнксъ видалась съ сестрою въ первый разъ послѣ совершеннаго въ день 9 декабря обряда вѣнчанія, 19 апрѣля въ Ричмондѣ. Она показываетъ слѣдующее; „Я была введена въ спальню покойной. Она была взволнована; сказала что все будетъ ладно, если я буду покойна. Онъ сказалъ: да, все будетъ ладно.“ Эти выраженія заставляютъ сомнѣваться, знала

ли вполнѣ миссъ Бенксъ о настоящемъ характерѣ связи своей съ Смитгерстомъ, и не полагала ли она, что она его настоящая жена, хотя было еще и другое лицо, носящее этотъ титулъ. Если Смитгерстъ обманулъ ее на этотъ счетъ и зналъ о ея беременности, то его положеніе должно было быть весьма опасное и оно можетъ объяснить желаніе его выйти во что бы то ни стало изъ этого положенія.

Противу этихъ предположеній свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе покойной, подписанное ея дѣвичьимъ именемъ, что заставляетъ догадываться, что она знала что она не жена Смитгерста, хотя нѣтъ данныхъ, которыя бы удостовѣряли, что она была ознакомлена съ дѣлами. Кромѣ того, такъ какъ духовное завѣщаніе ея составлено только за 48 часовъ до ея кончины отъ истощенія силъ, то обстоятельству, что она подписалась такъ или иначе на завѣщаніи, не слѣдуетъ придавать большаго значенія. Заслуживаетъ вниманія письмо, найденное въ карманѣ у Смитгерста при вторичномъ его заарестованіи и адресованное къ женѣ. Оно содержитъ слѣдующее:

K. W. C.

Понедѣльникъ 2 мая 1859.

Дражайшая Мэри, я не могъ пріѣхать изъ города, какъ располагалъ сдѣлать, потому что моя медицинская помощь потребовалась для одного больнаго. Я пріѣду къ тебѣ какъ можно скорѣе. На всякій случай еслибы какое либо непредвидѣнное обстоятельство помѣшало мнѣ уѣхать изъ города до 11 числа, я пришлю тебѣ чекъ на деньги Смита. Я пришлю 5 ф. Я здоровъ и думаю что ты также здорова и что я найду тебя здоровою, когда я увижусь съ тобою, что не можетъ замедлить, какъ я надѣюсь. Кланяйся отъ меня Смитамъ и всѣмъ старымъ друзьямъ въ домѣ. Я слыхалъ нѣчто отъ Джемса намедни; онъ говорилъ что былъ у тебя, не засталъ тебя потому, что ты ушла гулять. Съ любовью, повѣрь мнѣ,

твой преданнѣйшій

Ф. Смитгерстъ.

Письмо содержитъ въ себѣ нѣкоторыя выраженія, заставляющія усомниться, имѣла ли мистриссъ Смитгерстъ какое либо свѣдѣніе о связи своего мужа съ миссъ Бэнксъ. Хотя писавшій письмо имѣлъ жительство въ Ричмондѣ, письмо помѣчено: K. W. C., какъ будто бы оно было писано изъ какого нибудь мѣста, начинающагося съ буквы К въ предѣлахъ западно-центральной части города (West-Central district). Изъ письма оказывается будто Смитгерстъ условился съ женою уѣхать изъ города до 11 мая и намѣренъ былъ къ ней ѣхать. Въ письмѣ есть недописки и намеки, какъ будто бы оно было частицею цѣлаго ряда писемъ и какъ будто бы мистриссъ Смитгерстъ была убѣждена, что мужъ оставилъ ее на короткое время и скоро возвратится къ ней опять. Если она знала о связи его съ миссъ Бэнксъ, то трудно понять — какъ могъ Смитгерстъ не упомянуть ни слова о миссъ Бэнксъ, которая умерла на слѣдующій день послѣ письма.

За день до письма Смитгерстъ устроилъ все относящееся до духовнаго завѣщанія. Если г-жа Смитгерстъ переписываясь съ мужемъ, незнала о его отношеніяхъ и ожидала его возвращенія, то отношенія Смитгерста къ миссъ Бэнксъ должны были сильно его тяготить. Впрочемъ это только догадка.

И такъ изслѣдованіе вопроса о мотивахъ приводитъ къ слѣдующему результату. Смитгерстъ былъ въ денежномъ отношеніи заинтересованъ въ смерти миссъ Бэнксъ, но не доказано чтобы онъ нуждался въ деньгахъ. Его связь съ миссъ Бэнксъ могла ему надѣлать много разныхъ непріятностей. Нѣтъ положительныхъ данныхъ, но есть не безосновательные поводы предполагать, что Смитгерстъ сознавалъ непріятность своего положенія.

Два обстоятельства, относящіяся къ поведенію Смитгерста, были приводимы противу него въ качествѣ уликъ. Во первыхъ то, что онъ недопускалъ никого кромѣ медиковъ къ миссъ Бэнксъ во время ея болѣзни и отказалъ даже сестрѣ видѣться съ нею; во вторыхъ то, что онъ дѣйствовалъ возбуждающимъ подозрѣніе образомъ при составленіи ея духовнаго завѣщанія. Доказательства, относящіяся къ этимъ двумъ пунктамъ состоятъ въ слѣдующемъ.

На первой своей квартирѣ, въ Ричмондѣ, миссъ Бэнксъ пользовалась услугами квартирной хозяйки и ея дочери. Смитгерстъ ѣздилъ часто въ городъ; въ отсутствіе его миссъ Бэнксъ была посѣщаема д-ромъ Юліусомъ. На второй квартирѣ, въ которой миссъ Бэнксъ провела послѣднія три недѣли своей жизни, все напротивъ того было устроено иначе. Въ теченіи сего послѣдняго періода Смитгерстъ самъ ухаживалъ за миссъ Бэнксъ, и отказался нанять къ ней сидѣлку, говоря что ему не по средствамъ, хотя онъ имѣлъ въ рукахъ переданные ему больною 70 ф. ст. дивиденда отъ пожизненной ея ренты. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что услуги, которыя онъ долженъ былъ оказывать больной не таковы, которыя прилично было бы мущинѣ оказывать женщинѣ, когда была возможность пріискать для этихъ услугъ лицо женскаго пола. Обвиняющая сторона доказывала, что тотъ же характеръ носитъ поведеніе Смитгерста въ отношеніи къ миссъ Луизѣ Бэнксъ. Онъ приглашалъ два раза Миссъ Луизу навѣстить сестру, ни при одномъ изъ этихъ свиданій онъ нехотѣлъ оставить ихъ наединѣ. Въ промежутокъ между двумя визитами миссъ Луизы, онъ написалъ къ ней четыре письма, въ которыхъ онъ убѣждаетъ ее не дѣлать визитовъ сестрѣ, потому будто бы, что доктора запрещаютъ больной имѣть эти свиданія по причинѣ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ визитомъ Луизы. Д-ръ Юліусъ сказалъ: „я никогда не давалъ совѣтовъ въ смыслѣ недопущенія свиданій между сестрами. При томъ никогда этотъ вопросъ не былъ затрогиваемъ.“ Д-ръ Бирдъ сказалъ; „сколько мнѣ помнится подсудимый говорилъ мнѣ о визитѣ, сдѣланномъ миссъ Луизою Бэнксъ 19 апрѣля, при чемъ онъ упоминалъ, что больная была сильно тронута свиданіемъ съ сестрою и что это свиданіе увеличило ея страданія. На это я замѣтилъ: „можетъ быть ей слѣдовало бы не приходить опять.“

Обстоятельства, относящіяся къ составленію духовнаго завѣщанія, разсказаны въ подробности м-ромъ Сеніоромъ ричмондскимъ атторнеемъ. Онъ показалъ что Смитгерстъ, котораго онъ не зналъ, пришелъ къ нему въ субботу и спросилъ не согласится ли онъ со-

ставить для миссъ Бэнксъ духовное завѣщаніе на воскресенье, на что онъ, Сеніоръ, согласился послѣ нѣкотораго колебанія. Смитгерстъ сказалъ; „вотъ въ чемъ должно состоять это духовное завѣщаніе," и показалъ проектъ завѣщанія въ свою пользу, составленный будто бы какимъ-то лондонскимъ барристеромъ. Это показаніе легко могло бы быть подкрѣплено доказательствами, еслибы было справедливо, но Смитгерстъ доказательствъ не представилъ. Смитгерстъ открылъ совершенно напрасно г. Сеніору характеръ своихъ отношеній къ миссъ Бэнксъ и пытался убѣдить его взять кого либо въ свидѣтели духовнаго завѣщанія, скрывая отъ вышеозначеннаго свидѣтеля сущность этого акта. Правда, что завѣщаніе выражало столько же волю умершей сколько и его собственную, но пріемы его при составленіи акта были запечатлѣны, по удостовѣренію г. Сеніора, фальшивостью и отсутствіемъ приличія, обнаруживающимъ жадность въ отношеніи къ имуществу, которое должно было составлять предметъ завѣщанія.

Таковы были подозрительныя обстоятельства въ поведеніи Смитгерста въ отношеніи къ умершей. Съ другой стороны въ пользу его свидѣтельствуютъ то, что онъ звалъ письмомъ миссъ Луизу Бэнксъ пріѣхать въ воскресеніе и нанять квартиру гдѣ нибудь по близости, а также что онъ приглашалъ къ больной д-ра Тодда. Впрочемъ вѣсъ сихъ послѣднихъ данныхъ уменьшается вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній. Когда миссъ Луиза пріѣхала въ воскресеніе навѣстить больную, Смитгерстъ, какъ видно изъ показаній, воспротивился всѣмъ ея попыткамъ повидаться съ сестрою. Онъ отозвался разъ что сестра не вынесетъ ея присутствія въ своей комнатѣ; другой разъ, когда Луиза предлагала сидѣть у больной всю ночь, что онъ самъ будетъ наблюдать за больной ночью. Въ понедѣльникъ Смитгерстъ посовѣтовалъ Луизѣ поѣхать въ Лондонъ за какимъ то лекарствомъ, посредствомъ чего онъ удалилъ ее изъ дому на два или на три часа. Относительно визита д-ра Тодда слѣдуетъ имѣть въ виду, что миссъ Луиза совѣтовала позвать д-ра Лэна, родственника своего, на что Смитгерстъ не согласился. Д-ръ Вирдъ сказалъ: „покойница многократно выражала желаніе, въ присут-

ствіи подсудимаго, чтобы къ ней были позваны другіе доктора; только вслѣдствіе этого требованія приглашенъ былъ докторъ Тоддъ." И такъ Смитгерстъ пригласилъ Тодда не по своему собственному побужденію; еслибы онъ это сдѣлалъ и по своей волѣ, то является подозрѣніе, не звалъ ли онъ Тодда для приготовленія доказательства въ свою пользу. Впрочемъ это подозрѣніе можетъ быть и напрасное. Во всякомъ случаѣ оказывается, что фактъ приглашенія д-ра Тодда ничего не доказываетъ ни въ пользу ни противъ подсудимаго. Такъ какъ д-ра Юліусъ и Бирдъ были свободно допущены слѣдить за ходомъ болѣзни, то приглашеніе новаго, хотя и болѣе извѣстнаго медика, едвали могло увеличить рискъ со стороны Смитгерста. Защитникъ обращалъ вниманіе на то, что самъ Смитгерстъ доставилъ д-ру Бирду матеріалъ для химическаго анализа, что совершенно вѣрно. Но слѣдуетъ замѣтить, что Смитгерстъ не могъ отказать въ томъ Бирду не навлекая на себя сильнѣйшаго подозрѣнія и что въ случаѣ отказа, по всей вѣроятности, Бирдъ попытался бы получить то, чего онъ требовалъ иными путями. Д-ръ Бирдъ обратился съ своимъ требованіемъ къ Смитгерсту подъ вымышленнымъ предлогомъ, скрывая настоящую цѣль своего требованія, по причинамъ весьма понятнымъ и въ этомъ случаѣ заслуживающимъ одобренія. И такъ это обстоятельство можетъ быть оставлено въ сторонѣ.

У подсудимаго никакого яда не найдено, между тѣмъ какъ находка яда составляетъ обыкновенно одинъ изъ главныхъ фактовъ въ процессахъ объ отравленіи. Нужно помнить, что Смитгерсту, какъ медику, легко было достать ядъ; притомъ кажется, что его оставили свободно распоряжаться въ квартирѣ нѣкоторое время послѣ заарестованія. Изъ отмѣченныхъ у лорда главнаго барона показаній не видно на сколько Смитгерстъ имѣлъ возможность отдѣлаться отъ яда въ этомъ промежуткѣ времени, не подвергаясь наблюденію. Д-ръ Бирдъ сказалъ: „онъ былъ заарестованъ около 5 часовъ по полудни и былъ выпущенъ потомъ за представленіемъ денежнаго залога. Я возвратился въ домъ подсудимаго съ подсудимымъ и съ Мэк-Интайромъ (полицейскій начальникъ) втроемъ. Мэк-

Интайръ взялъ всѣ вещи въ свое владѣніе (бутылки и сосуды въ комнатѣ умершей). Вещи эти были всѣ вручены Мэк-Интайру стоявшему у дверей.“ Мэк-Интайръ показываетъ: „Смитгерста освободили за представленіемъ имъ залога. Я вернулся съ нимъ и съ Бирдомъ на дачи Альма. Они мнѣ передали бутылки и банки, которыя я вручилъ д-ру Тэйлору. Я осмотрѣлъ бюро (оно принадлежало домовому хозяину и стояло у входа въ комнату миссъ Вэнксъ; сказывали что Смитгерстъ пользуется этимъ бюро и имѣетъ у себя ключи отъ него). Онъ былъ свободенъ цѣлый вечеръ и до 11 часовъ, (11 часовъ утра 3 мая) то есть до того времени, когда услыхавъ о смерти миссъ Вэнксъ я взялъ его опять подъ стражу.“ Если это показаніе удостовѣряетъ, что Смитгерстъ оставался одинъ въ квартирѣ всю ночь и былъ притомъ свободенъ, то неотысканіе яда ничего не доказываетъ. Если допустимъ, что Мэк-Интайръ сторожилъ Смитгерста и если изъ показанія Мэк-Интайра заключить, что онъ не только осмотрѣлъ бюро снаружи, но и обыскалъ его внутри, то неотысканіе яда будетъ фактомъ свидѣтельствующимъ въ пользу Смитгерста.

Результатъ всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ доказательствъ можетъ быть изображенъ такимъ образомъ: Смитгерстъ могъ выиграть въ денежномъ отношеніи и извлечь еще другія выгоды изъ смерти миссъ Вэнксъ; поведеніе его съ нею было подозрительно во многихъ отношеніяхъ; если она была отравлена, то онъ былъ единственное лицо имѣвшее возможность поднести ей ядъ.

Всѣ остальныя доказательства медицинскаго свойства; они дѣлятся на два класса: 1) показаніе медиковъ дѣйствительно пользовавшихъ умершую и 2) мнѣнія другихъ медиковъ о причинахъ, которыми могутъ быть объяснены симптомы замѣченные первыми медиками у умершей. При соображеніи данныхъ этой части дѣла слѣдуетъ помнить, что самъ Смитгерстъ дѣйствовалъ какъ медикъ въ

---

[1]) Отчеты засѣданій повидимому показываютъ, что въ бюро произведенъ былъ обыскъ, но изъ нихъ невидно могъ ли подсудимый свободно распоряжаться въ квартирѣ ночью. Мэк-Интайръ нашелъ при вторичномъ осмотрѣ квартиры такія банки, которыхъ онъ не замѣтилъ при первомъ.

теченіи болѣзни миссъ Бэнксъ, что онъ давалъ ей ѣсть и пить, подносилъ ей лекарства и многократно вступалъ въ пренія съ другими врачами о способахъ ея леченія, они же, какъ кажется главнымъ образомъ полагались на него относительно симптомовъ болѣзни.

Ходъ симптомовъ и леченія былъ слѣдующій. Д-ръ Юліусъ призванъ былъ 3 апрѣля; Смитгерстъ сообщилъ ему что миссъ Бэнксъ страдаетъ поносомъ и рвотою; 5 апрѣля Смитгерстъ сказалъ что у нея разлилась желчь и что много этой желчи вышло. Рвоты и испражненія продолжались. Цвѣтъ извергаемаго изо рта былъ травянисто-зеленый. Поносъ у нея сдѣлался кровавый 8 числа; симптомы болѣзни усилились. Она жаловалась на жаръ и раздраженіе въ горлѣ и въ кишкахъ. Когда д-ръ Тоддъ осматривалъ ее онъ замѣтилъ слѣдующее: „животъ очень твердый, заставляющій предполагать сильное раздраженіе; особенное выраженіе лица, какъ будто бы она была подъ вліяніемъ какого-то страха независимо отъ болѣзни.“ Д-ръ Тоддъ предписалъ ей опіумъ и мѣдный купоросъ. Д-ра Юліусъ и Бирдъ показываютъ, что Смитгерстъ сообщалъ имъ, будто пилюли Тодда произвели сильное біеніе сердца, какъ будто бы сердце готово было выскочить изъ тѣла и сильный жаръ въ горлѣ, постоянную рвоту и пятнадцать испражненій съ кровью.“ По словамъ д-ра Юліуса, Смитгерстъ отзывался, будто раздраженіе отъ пилюлей обнаруживалось по всему протяженію пищепріемнаго канала; (онъ выразился еще рѣзче: „отъ самаго рта до задняго прохода“). По удостовѣренію д-ровъ Юліуса, Бирда и Тодда это послѣдствіе не могло никакъ имѣть мѣста. Въ послѣдніе полтора дня своей жизни больную рвало дважды, причемъ она выбрасывала лекарства. Она три раза испражнялась до 12 часовъ ночи въ понедѣльникъ. Лекарства и пища, которыя она приняла послѣ этого момента остались уже въ ней. Она скончалась отъ истощенія силъ во вторникъ въ 10 часовъ 55 минутъ до полудня.

Таковъ былъ ходъ симптомовъ. Мнѣнія медиковъ были слѣдующія.

Сначала д-ръ Юліусъ а потомъ д-ръ Бирдъ пришли отдѣльно

одинъ отъ другаго къ заключенію, что независимо отъ того какова бы ни была болѣзнь миссъ Бэнксъ, естественное дѣйствіе предписываемыхъ ими лекарствъ было парализовано сообщеніемъ ей какого то сильно раздражающаго яда. Вотъ слова д-ра Юліуса: „я употреблялъ множество лекарствъ, но результатъ ихъ былъ одинъ и тотъ же. Никакое средство не производило тѣхъ послѣдствій, которыхъ я отъ него ожидалъ для пріостановленія болѣзни. Послѣ каждаго лекарства продолжались тѣ же симптомы. 18 апрѣля я составилъ себѣ мнѣніе о причинахъ страданій. Я подумалъ, что больной дано было нѣчто имѣющее свойство производить раздраженіе въ желудкѣ и въ кишкахъ. Я и теперь не умѣю себѣ объяснить инымъ образомъ причины постояннаго раздраженія. Вслѣдствіе того я и упросилъ моего товарища д-ра Бирда осмотрѣть ее и далъ ему время составить себѣ самостоятельно мнѣніе о ней.“ Г. Бирдъ сказалъ: „я пришелъ къ убѣжденію, что больной дано было нѣчто раздражающее, что и уничтожало дѣйствіе даваемыхъ ей нами лекарствъ. Я имѣлъ разговоръ объ этомъ съ д-ромъ Юліусомъ черезъ три дня послѣ того, какъ началъ ее пользовать, то есть 21 апрѣля. Онъ спросилъ сначала каково мое мнѣніе, а потомъ сообщилъ свое собственное.“ Д-ръ Тоддъ сказалъ: „я распросилъ д-ра Юліуса объ обстоятельствахъ леченія;“ потомъ упомянувши объ особенномъ выраженіи лица умершей онъ присовокупилъ: „я былъ сильно пораженъ мыслью, что она страдала отъ какого-то сильно раздражающаго яда. Я желалъ, чтобы получены были ея испражненія для разбора (они были подвергнуты потомъ анализу д-ромъ Тэйлоромъ). „Я предписалъ больной опіумъ и мѣдный купоросъ“. И такъ, данныя медицинскаго свойства начинаются съ того, что три медика, видавшіе больную при жизни ея пришли независимо другъ отъ друга къ заключенію, что она была отравлена. Оба ричмондскіе лекаря были до того поражены этою мыслію, что сочли долгомъ обратиться къ судьѣ, между тѣмъ какъ д-ръ Тоддъ предлагалъ подвергнуть испражненія умершей химическому изслѣдованію.

По смерти миссъ Бэнксъ тѣло ея подвергнуто было осмотру

и вскрытію д-ромъ Бэрвелемъ, который нашелъ кусокъ черной спекшейся крови близъ кардіи или верхней части желудка, краснoту во многихъ мѣстахъ въ тонкихъ кишкахъ, и признаки опасной болѣзни въ слѣпой кишкѣ или въ первомъ отдѣленіи толстыхъ кишекъ, а именно воспаленіе, изъязвленіе и нагноеніе. Въ прямой кишкѣ найдены три изъязвленія. Изъ этихъ данныхъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ признаковъ въ тѣлѣ умершей, а равно изъ симптомовъ ея болѣзни до смерти м-ръ Бэрвель заключилъ, что „они не соотвѣтствуютъ ни одной изъ естественныхъ болѣзней, которыя онъ знаетъ;“ потомъ онъ присовокупилъ: „я вывожу заключеніе, что эти симптомы произошли отъ частаго сообщенія больной при жизни ея какого либо раздражающаго яда.“ Д-ръ Уильксъ сказалъ: „я бы приписалъ ея смерть принятію какого нибудь раздражающаго вещества. Мнѣ неизвѣстна ни одна болѣзнь, которая бы соотвѣтствовала этимъ признакамъ и симптомамъ.“ Доктора Бэбингтонъ, Боуэрбенкъ, Тэйлоръ и Коплендъ выразили тоже самое мнѣніе.

Въ противность этимъ доказательствамъ защитникъ подсудимаго утверждалъ, что симптомы болѣзни несоотвѣтствовали симптомамъ медленнаго отравленія; доводы его, подкрѣпляющіе это мнѣніе состояли: 1) въ несогласіи симптомовъ болѣзни миссъ Бэнксъ съ симптомами медленнаго отравленія мышьякомъ или сурьмою; 2) въ объясненіи симптомовъ у миссъ Бэнксъ предположеніемъ о происхожденіи ихъ отъ какой нибудь естественной болѣзни. Доказательство несовмѣстности симптомовъ у миссъ Бэнксъ съ отравленіемъ ея мышьякомъ состояло въ томъ, что у больной не замѣчено нѣкоторыхъ явленій, которыхъ можно бы было ожидать, если бы она была отравлена мышьякомъ. По удостовѣренію д-ра Ричардсона важнѣйшіе изъ этихъ сопровождающихъ отравленіе мышьякомъ явленій суть: нервные симптомы, какъ-то: судороги и трясеніе всѣхъ членовъ тѣла, воспаленіе оболочки глаза, болѣзненное состояніе ноздрей и другихъ слизистыхъ отверстій, наконецъ накожная сыпь, свойственная отравленію мышьякомъ. Ни одинъ изъ свидѣтелей ни по части обвиненія, ни со стороны защиты никогда не видалъ самъ случая медленнаго отравленія мышьякомъ. Ихъ мнѣ-

нія основывались большею частью на наблюденіяхъ надъ животными; притомъ обнаружилось изъ отзывовъ, что симптомы отравленія мышьякомъ бываютъ весьма различны въ отдѣльныхъ случаяхъ. Д-ръ Тэйлоръ сказалъ; „нѣтъ двухъ случаевъ совершенно похожихъ во всѣхъ подробностяхъ.“ Д-ръ Ричардсонъ сказалъ, что онъ не могъ ожидать чтобы данный случай вмѣщалъ въ себѣ всѣ исчисленные имъ симптомы, хотя ему кажется невозможнымъ, чтобы всѣ эти симптомы могли отсутствовать.

Доводы опровергающіе отравленіе сурьмою были слабѣе доводовъ опровергающихъ отравленіе мышьякомъ. Одинъ изъ свидѣтелей подсудимаго д-ръ Ричардсонъ сказалъ, что въ случаѣ смерти послѣдовавшей отъ отравленія сурьмою онъ бы ожидалъ найти приливъ крови къ легкимъ и холодный потъ. М-ръ Роджерсъ (объявившій впрочемъ, что онъ мало знакомъ съ патологіей и занимался преимущественно химіей), показалъ, что онъ бы ожидалъ размягченія печени, съ чѣмъ согласился и д-ръ Тудичемъ. Д-ръ Ричардсонъ отозвался, что онъ мало знакомъ съ отравленіемъ сурьмою; его показаніе было осторожное и обставленное ограниченіями. Онъ сказалъ: „симптомы въ болѣзни миссъ Бэнксъ едва ли могутъ быть согласованы съ медленнымъ отравленіемъ сурьмою. Нѣтъ вѣрныхъ выводовъ въ наукѣ относительно дѣйствія сурьмы на человѣческую печень. Доказательства весьма шатки.“

Таковы главныя показанія по вопросу о томъ, имѣло ли мѣсто или нѣтъ медленное отравленіе мышьякомъ. Очевидно что показанія въ пользу подсудимаго не отвѣчаютъ вполнѣ на показанія противъ подсудимаго. Свидѣтели по части обвиненія говорятъ неопредѣленно о какомъ-то „раздражающемъ“ веществѣ. Свидѣтели медики со стороны подсудимаго не отрицаютъ сходства признаковъ болѣзни съ признаками отравленія какимъ либо раздражающимъ ядомъ, но удостовѣряютъ только объ отсутствіи нѣкоторыхъ признаковъ сопровождающихъ отравленіе двумя особенными ядами: мышьякомъ и сурьмою. Что было общее сходство между симптомами у миссъ Бэнксъ и симптомами отъ сильно раздражающаго вещества, это повидимому доказано и поставлено внѣ всякаго

основательнаго сомнѣнія не только тѣмъ, что три лекаря, пользовавшіе больную пришли къ этому заключенію каждый отдѣльно отъ другихъ, но и показаніями семи другихъ медицинскихъ свидѣтелей по части обвиненія, а равно показаніемъ д-ра Тайлэра Смита, который былъ вызванъ въ судъ со стороны защиты. Онъ отозвался, что когда беременная женщина заболѣетъ поносомъ, то этотъ поносъ можетъ превратиться въ кровавый поносъ; онъ самъ, Смитъ, видалъ одинъ такой случай, въ которомъ думали что имѣютъ дѣло съ отравленіемъ. Медики со стороны подсудимаго приписывали смерть миссъ Бэнксъ кровавому поносу въ соединеніи съ беременностью. Изъ показанія Тайлэра Смита явствуетъ, что они приписывали эту смерть болѣзни, которая весьма похожа по своимъ признакамъ на отравленіе сильно раздражающимъ ядомъ.

Подсудимый опровергалъ теорію обвиненія не только отрицая сходство признаковъ съ признаками медленнаго отравленія, но и утверждая, что это были признаки кроваваго поноса. Всѣ вызванные имъ въ судъ медики показали подъ присягою, что по ихъ убѣжденію всѣ признаки могутъ согласоваться съ этимъ предположеніемъ [1]). Съ другой стороны всѣ они, за исключеніемъ одного, согласились со свидѣтелями по части обвиненія, что кровавый поносъ, есть болѣзнь весьма рѣдкая въ Англіи и что они имѣли мало случаевъ наблюдать ее. Д-ръ Ричардсонъ сказалъ: „это слово употребляется съ весьма неопредѣленнымъ значеніемъ; я видѣлъ мало случаевъ кроваваго поноса въ этой странѣ — два или три; я самъ страдалъ кровавымъ поносомъ.“ Д-ръ Тудичемъ видалъ въ Лондонѣ два случая, такъ называемой имъ дифтерической диссентеріи, которой онъ приписывалъ смерть миссъ Бэнксъ. Д-ръ Гирдвудъ сказалъ: „кровавый поносъ довольно рѣдокъ; кровавый поносъ, о которомъ я говорю, встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, въ Англіи.“ Напротивъ того докторъ Уэббъ сказалъ; „кровавый поносъ есть болѣзнь, весьма обыкновенная въ нашей странѣ.“ Кажется

---

[1]) Ричардсонъ, Тудичемъ, Уэббъ, Гирдвудъ, Эдмундсъ, Тайлэръ Смитъ. М-ръ Роджерсъ былъ собственно химикъ, а не медикъ практикъ.

что и Гирдвудъ и Уэббъ толковали объ особенномъ видѣ этой болѣзни, рознящемся во многихъ особенностяхъ отъ того, что извѣстно въ жаркихъ странахъ подъ именемъ диссентеріи.

Нѣкоторые свидѣтели со стороны обвиненія оказались поопытнѣе по части кроваваго поноса. Д-ръ Бирдъ наблюдалъ многіе случаи его въ Крыму. Д-ръ Боуэрбенкъ практиковалъ 23 года на островѣ Ямайкѣ, гдѣ острый кровавый поносъ есть одна изъ обыкновенныхъ болѣзней. Онъ сказалъ: „симптомы, способъ леченія и посмертные признаки не совмѣстны ни съ однимъ видомъ кроваваго поноса.“ Д-ръ Коплендъ видѣлъ многіе случаи этой болѣзни въ Англіи въ 1815 и 1816 году и въ Африкѣ въ 1817 году. Онъ сказалъ: „смерть ея нельзя отнести къ острому кровавому поносу.“ Д-ръ Бэбингтонъ наблюдалъ 6 или 8 случаевъ эпидемическихъ въ Чельси и два случая въ Гаммерсмитѣ. Онъ сказалъ: „я слышалъ описаніе симптомовъ, средствъ леченія и результатовъ осмотра трупа; сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я не думаю, чтобы она умерла отъ остраго кроваваго поноса.“

Съ другой стороны объявивъ свое мнѣніе, что причиною смерти было медленное отравленіе, д-ръ Тоддъ сказалъ: „острый кровавый поносъ одинъ можетъ служить объясненіемъ сквернѣйшихъ симптомовъ“ [1]). Кажется однако, что самъ онъ никогда не наблюдалъ случая этой болѣзни. Два свидѣтеля подсудимаго, которыхъ свидѣтельство было чрезвычайно важно въ настоящемъ дѣлѣ, описывали случаи, похожіе во многихъ подробностяхъ на тотъ, который былъ съ миссъ Бэнксъ и въ коихъ женщины умирали отъ кроваваго поноса сопряженнаго съ беременностью. М-ръ Эдмундсъ пользовалъ больную, которая выкинула плодъ на седьмомъ мѣсяцѣ беременности и скончалась потомъ отъ кроваваго поноса. Д-ръ Тайлеръ Смитъ показалъ, что онъ знаетъ случаи, въ которыхъ болѣзнь стекаясь съ беременностью, въ особенности съ первыми пе-

---

[1]) Вся сила показанія въ словахъ «острый» и «одинъ». Въ отчетѣ о засѣданіи это показаніе такъ изложено: «единственный видъ кроваваго поноса, который можетъ объяснить часть этихъ важныхъ симптомовъ, извѣстенъ подъ именемъ остраго кроваваго поноса».

ріодами беременности, причиняла смерть. Онъ присовокупилъ, что эта болѣзнь „могла быть сопровождаема поносомъ, который могъ превратиться въ кровавый“ [1]). Кажется, что за два года предъ тѣмъ миссъ Бэнксъ страдала болѣзнью матки, что по мнѣнію д-ра Тайлера Смита могло усилить болѣзнь, послѣдовавшую за беременностью. Были нѣкоторыя данныя, доказывающія, что миссъ Бэнксъ была желчная женщина, что могло произвести подобныя же послѣдствія.

Д-ръ Тайлеръ Смитъ и м-ръ Эдмундсъ были допрошены послѣ другихъ свидѣтелей подсудимаго; до дачи ими показаній уже былъ разобранъ съ обѣихъ сторонъ и притомъ довольно поверхностно вопросъ о послѣдствіяхъ беременности. Большинство свидѣтелей указывало на хорошо извѣстный фактъ, что болѣзнь случается весьма часто въ первыхъ періодахъ беременности; нѣкоторые изъ нихъ присовокупляли, что сколько имъ извѣстно, болѣзнь эта сопровождается поносомъ, хотя всѣ они отзывались объ этомъ поносѣ, какъ объ обстоятельствѣ не совсѣмъ обыкновенномъ. Д-ра Юліусъ и Бирдъ сказали, что ихъ мнѣніе о причинахъ смерти не измѣнилось отъ принятія въ соображеніе факта беременности. Д-ръ Тоддъ думалъ, что беременность не можетъ служить объясненіемъ нарывовъ въ кишкахъ. Д-ръ Бэбингтонъ, весьма опытный акушеръ, сказалъ: „я не думаю, чтобы смерть ея была въ какомъ либо отношеніи причинена начинающеюся беременностью. Я не могу припомнить случая, въ которомъ бы на первыхъ порахъ беременности, жизнь матери была спасена выкинутіемъ плода.“ Случай выкинутія плода, приводимый д-ромъ Эдмундсомъ относился къ седьмому мѣсяцу беременности.

Общіе результаты показаній медиковъ приводятся къ слѣдующему:

Во первыхъ относительно связи симптомовъ болѣзни миссъ Бэнксъ съ отравленіемъ.

Симптомы, предшествовавшіе смерти миссъ Бэнксъ до того по-

[1]) Онъ ссылался на случай бывшій съ мистрисъ Николльсъ, сочинительницею романа: «Дженъ Эйръ».

ходили на симптомы медленнаго отравленія какимъ либо раздражающимъ веществомъ, что три лекаря, наблюдавшіе ее при жизни пришли, каждый отдѣльно отъ другихъ, къ заключенію, что означенные симптомы должны быть приписаны именно этой причинѣ. Двое изъ нихъ находясь подъ этимъ впечатлѣніемъ, обратились съ своими предположеніями къ судьѣ. Восемь другихъ лекарей, судившихъ по слышаннымъ ими разсказамъ о симптомахъ, пользованіи и посмертныхъ признакахъ, пришли къ тому же заключенію. Правда, что недоставало нѣкоторыхъ симптомовъ, которыхъ можно было бы ожидать при медленномъ отравленіи мышьякомъ или сурьмою, но было доказано, что эти симптомы не бываютъ непремѣнные.

Во вторыхъ относительно связи симптомовъ съ кровавымъ поносомъ.

Есть много сходства вообще между симптомами кроваваго поноса и отравленія. Кровавый поносъ есть болѣзнь крайне рѣдкая въ Англіи. Мнѣнія свидѣтелей со стороны обвиненія и со стороны защиты разнятся по вопросу, можетъ ли одинъ кровавый поносъ произвести всѣ эти симптомы, но свидѣтели со стороны обвиненія обнаруживаютъ гораздо большее практическое знакомство съ этою болѣзнью.

Въ третьихъ относительно беременности умершей.

Есть нѣкоторыя данныя, доказывающія возможность того, что симптомы болѣзни миссъ Бэнксъ могли быть причинены стеченіемъ беременности съ кровавымъ поносомъ.

Если взять всѣ три класса соображеній въ совокупности, то можно заключить изъ всѣхъ показаній медиковъ, вмѣстѣ взятыхъ, что симптомы болѣзни миссъ Бэнксъ не только согласовались съ медленнымъ отравленіемъ посредствомъ какого то раздражающаго вещества, но привели докторовъ, пользовавшихъ ее къ положительному убѣжденію, что они были причинены именно этою причиною.

Здѣсь какъ разъ умѣстно упомянуть объ обстоятельствѣ, касающемся беременности миссъ Бэнксъ, которое получило большую важность послѣ осужденія подсудимаго, нежели въ судѣ, хотя и въ судѣ оно не лишено было значенія. Д-ръ Юліусъ сказалъ:

„Очень скоро послѣ того какъ я началъ пользовать больную, я сталъ распрашивать о томъ, не находится ли она въ интересномъ положеніи. Д-ръ Смитгерстъ сказалъ, что она нездорова, потому что имѣла мѣсячное очищеніе. Это было въ пятый или въ шестой день послѣ перваго моего визита“ (т. е. около 10 апрѣля). Такъ какъ въ моментъ смерти (3 мая), она была на пятой или седьмой недѣлѣ беременности, то весьма неправдоподобно, чтобы она могла имѣть мѣсячныя очищенія въ апрѣлѣ. Д-ръ Тайлеръ Смитъ сказалъ: „иногда мѣсячныя очищенія случаются и послѣ того какъ забеременитъ женщина, одинъ такой случай бываетъ на нѣсколько сотъ другихъ, по крайней мѣрѣ одинъ на нѣсколько сотъ.“ Медикъ едва ли бы могъ дать отзывъ, подобный тому, который по присяжному удостовѣренію Юліуса данъ былъ Смитгерстомъ, развѣ съ полнымъ сознаніемъ о его лживости. Удостовѣреніе д-ра Тайлера Смита обнаруживаетъ что независимо отъ того, въ моментъ суда было по крайней мѣрѣ сто шансовъ противъ одного, что этотъ отзывъ ложный. Слѣдовательно, если вѣрить словамъ д-ра Юліуса, Смитгерстъ сдѣлалъ показаніе, которое, если оно лживо, то было по всей вѣроятности завѣдомо лживое; шансы лживости этого показенія были по крайней мѣрѣ такъ велики какъ 100 : 1.

Третій и послѣдній классъ доказательствъ состоитъ изъ химическихъ данныхъ. Д-ръ Тэйлоръ показалъ, что онъ нашелъ мышьякъ въ испраженіяхъ миссъ Бэнксъ, полученныхъ докторомъ Бирдомъ 1 мая, за три дня до ея кончины; и сурьму въ двухъ мѣстахъ въ тонкихъ кишкахъ, въ слѣпой кишкѣ или въ верхнемъ отдѣленіи толстыхъ кишекъ, въ одной изъ почекъ, въ крови бывшей въ сердцѣ и въ жидкости, которая вытекла изъ части внутренностей и осталась въ сосудѣ, въ которомъ содержались внутренности. По исчисленію Тэйлора четыре унціи испраженій содержали менѣе $\frac{1}{4}$ грана мышьяку. Относительно сурьмы удостовѣреніе д-ра Тэйлора подкрѣплено удостовѣреніемъ д-ра Одлинга, который помогалъ ему при изслѣдованіи тѣхъ частей тѣла, въ которыхъ найдена сурьма по слевамъ д-ра Тэйлора.

Противная сторона старалась опровергнуть это доказательство,

освѣщивая знаніе дѣла г-номъ Тэйлоромъ. Прежде всего она подвергла критикѣ его опыты относительно мышьяка. Оказалось, что Тэйлоръ въ своихъ поискахъ съ цѣлью открыть мышьякъ, подвергалъ анализу бутылку, содержащую хлорноватокислое кали въ микстурѣ, которая дана была подсудимому дантистомъ Педлеемъ для уничтоженія сквернаго запаха изо рта. Анализируя содержаніе бутылки, Тэйлоръ употреблялъ мѣдную ткань, которая растворилась въ хлорноватокисломъ кали, вслѣдствіе чего освободилось нѣкоторое количество мышьяка, которое обыкновенно содержится въ мѣди. Послѣ соединенія всего хлорноватокислаго кали съ растворенною мѣдною тканью, онъ ввелъ въ жидкость новую мѣдь, на поверхности которой и осадились кристаллы мышьяка. Такимъ образомъ онъ нашелъ въ жидкости тотъ самый мышьякъ, который онъ въ нее же и ввелъ. Изъ этихъ данныхъ выводимо было защитою заключеніе, что показаніе д-ра Тэйлора не заслуживаетъ довѣрія, какъ вообще, такъ и въ особенности, относительно присутствія мышьяка въ испражненіяхъ.

При оцѣнкѣ значенія показанія г. Тэйлора, м-ръ Брандъ, весьма хорошій химикъ, сказалъ, что онъ впалъ бы въ точно такую же ошибку. „Фактъ этотъ новъ въ химіи,“ сказалъ онъ. Что касается до ошибки при предполагаемомъ открытіи мышьяка, то навязываются два замѣчанія. При изслѣдованіи и микстуры и испражненій, употребляемъ былъ способъ Рейнша. Этотъ способъ повторенъ былъ болѣе семидесяти разъ; извѣстно что онъ есть вѣрное и испытанное средство для выдѣленія мышьяка и нѣкоторыхъ другихъ минераловъ изъ веществъ, въ которыхъ они содержатся. Мѣдная дощечка вводится въ изслѣдуемую жидкость; на ней, вслѣдствіе разныхъ химическихъ реакцій осаждаются кристаллы мышьяка. Въ опытахъ надъ микстурою, о которой идетъ рѣчь, осадившійся на дощечкѣ мышьякъ былъ безъ сомнѣнія тотъ самый, который содержался въ мѣдной ткани, растворенной передъ тѣмъ въ той же микстурѣ. По дѣлу Смитерста произведено 77 опытовъ. При одномъ опытѣ, мѣдь растворилась и мышьякъ былъ найденъ. При 74 другихъ мѣдь не растворилась и мышьяка не нашли. Въ двухъ

опытахъ надъ испражненіями мѣдь не растворилась, но мышьякъ найденъ. Первый опытъ подтверждаетъ общее правило, что способъ Рейнша служитъ къ открытію мышьяка, такъ какъ посредствомъ его мышьякъ введенный въ жидкость, былъ изъ нея извлеченъ. 74 случая въ которыхъ не нашли мышьяка, показываютъ, что этотъ процессъ не можетъ самъ собою произвести мышьяка. Первый опытъ въ соединеніи съ 74 другими усиливаетъ то впечатлѣніе, что остальные два опыта доказываютъ присутствіе мышьяка въ испражненіяхъ и что мышьякъ не былъ введенъ въ эти испражненія докторомъ Тэйлоромъ.

Второй доводъ въ опроверженіе показанія д-ра Тэйлора выставленъ былъ тремя свидѣтелями химиками со стороны подсудимаго — д-рами Ричардсономъ, Роджерсомъ и Тудичемъ. Д-ръ Ричардсонъ сказалъ: „невозможно, чтобы въ случаѣ смерти отъ отравленія мышьякомъ не было найдено сколько нибудь мышьяка въ тканяхъ, причемъ все равно какими бы путями и въ какихъ соединеніяхъ мышьякъ бы не былъ введенъ въ тѣло.“ Свидѣтель сослался на свои опыты надъ тремя собаками, которыхъ онъ отравилъ малыми повторяемыми пріемами мышьяка и сурьмы. Одной собакѣ онъ далъ 18 гранъ мышьяка въ теченіи 16 дней и убилъ ее въ 12 часовъ послѣ послѣдняго пріема; онъ нашелъ немного мышьяка въ ея печени, легкихъ и сердцѣ, а также признаки мышьяка въ селезенкѣ и почкахъ; всего больше мышьяка было въ печени. Ричардсонъ присовокупилъ: „я не могу сказать сколько именно мышьяка найдено мною, я не смѣю сказать гранъ или полграна. Я думаю, что я вправѣ сказать, что нашелъ четверть грана.“

Это показаніе едва ли способно поколебать теорію приводимую въ обвиненіи. Дѣло въ томъ, что мышьякъ, сообщенный въ пищѣ, проходитъ въ желудокъ, откуда и распространяется по всему тѣлу вмѣстѣ съ кровью, такимъ образомъ онъ проникаетъ въ мясо и въ концѣ концовъ выходитъ изъ организма чрезъ поры кожи. Когда со смертью больнаго прекращаются всѣ жизненныя его отправленія, ядъ можетъ быть найденъ въ томъ періодѣ прохожденія чрезъ тѣло, котораго онъ достигъ въ моментъ смерти. Ядъ безостано-

вочно проходитъ и распространяется по тѣлу въ такой степени, что д-ръ Ричардсонъ могъ сказать только что нашелъ четверть грана въ собакѣ, которой далъ 18 гранъ. Впрочемъ наблюденія надъ собакою усложнялись еще и тѣмъ, что собакѣ дано было значительное количество хлорновато-кислаго кали съ цѣлью испробовать дѣйствіе этого вещества на освобожденіе мышьяка. Если бы собаку допустили издохнуть отъ послѣдствій отравленія, то вѣроятно въ ней нашли бы еще меньше мышьяка или даже не нашли бы вовсе мышьяка. Показаніе д-ра Ричардсона доказываетъ повидимому только то, что если предположить отравленіе миссъ Бэнксъ мышьякомъ, то мышьякъ долженъ былъ находиться въ разныхъ частяхъ ея тѣла въ моментъ когда она испражнилась тѣмъ мышьякомъ, который найденъ былъ д-ромъ Тэйлоромъ, но не доказываетъ того, чтобы мышьякъ долженъ былъ находиться въ тѣлѣ Бэнксъ по ея смерти. Мышьякъ могъ выйти изъ тѣла. Отсутствіе мышьяка въ тканяхъ можетъ служить доказательствомъ не того, что покойницѣ не былъ даваемъ мышьякъ, но того, что ей не былъ даваемъ мышьякъ въ послѣдніе два или три дня ея жизни.

Опыты д-ра Ричардсона не подтверждаютъ рѣзко выраженнаго имъ положенія о невозможности смерти отъ мышьяка по неотысканію мышьяка въ тканяхъ. Д-ръ Ричардсонъ недостаточно различилъ прямыя послѣдствія мышьяка отъ дальнѣйшихъ. Всѣми признано что ближайшая причина смерти миссъ Бэнксъ заключалась въ истощеніи силъ.

Что касается до сурьмы, то показаніе д-ра Тэйлора было опровергаемо только д-рами Ричардсономъ и Роджерсомъ. Ричардсонъ надѣялся найти сурьму въ печени, но онъ говорилъ нерѣшительно объ этомъ предметѣ. М-ръ Роджерсъ отозвался въ томъ же родѣ, но присовокупилъ: „моя спеціальность химія, а не патологія.“ Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ положительнымъ удостовѣреніемъ о фактѣ съ одной стороны и съ выраженіемъ одного только научнаго мнѣнія съ другой стороны. Д-ръ Тэйлоръ говоритъ: „я нашелъ сурьму въ кишкахъ. Д-ра Ричардсонъ и Роджерсъ отвѣчаютъ: „она должна бы находиться и въ

печени.“ Д-ръ Тэйлоръ не былъ допрашиваемъ перекрестно и не предъявлено никакихъ обстоятельныхъ доказательствъ, которыя бы клонились къ указанію на ошибочность пріемовъ, посредствомъ которыхъ онъ открылъ сурьму въ кишкахъ миссъ Бэнксъ.

Относительно сурьмы слѣдуетъ замѣтить, что по преданію Смитгерста суду, онъ писалъ три письма къ д-ру Юліусу, требуя отъ него копій съ рецептовъ лекарствъ, предписанныхъ д-ромъ Юліусомъ для миссъ Бэнксъ. Первое письмо 5 мая состоитъ въ слѣдующемъ: Д-ръ Смитгерстъ будетъ премного обязанъ, если съ обратною почтою ему будутъ присланы требуемыя для защиты рецепты на слѣдующія лекарства предписанныя и выданныя формою д-ра Юліуса и Бирда: 1) мѣдный купоросъ и опіумныя пилюли (д-ра Тодда); 2) пилюли съ азотнокислымъ серебромъ; 3) микстура съ висмутомъ.“ 6 мая во второмъ письмѣ съ тѣмъ же требованіемъ лекарства названы слѣдующимъ образомъ: уксусно-кислый свинецъ и опіумъ, азотно-кислое серебро, микстура съ висмутомъ, пилюли съ мѣднымъ купоросомъ. 9 мая Смитгерстъ писалъ опять, давая своему письму такую отмѣтку: „второе требованіе: „Сэръ, я просилъ васъ о присылкѣ рецепта на уксусно-кислый свинецъ, прописанный вами и д-ромъ Бирдомъ, съ числомъ; также о недостающихъ числахъ когда были выданы рецепты на слѣдующія лекарства: 1) сурьму, 2) мѣдный купоросъ; 3) азотнокислое серебро. Сурьма не предписывалась для миссъ Бэнксъ, объ ней не было и помину до этого письма. Невидно изъ показанія д-ра Тэйлора открылъ ли онъ уже 9 мая сурьму въ кишкахъ или нѣтъ.

Была дѣлаема попытка объяснить присутствіе открытыхъ будто бы д-ромъ Тэйлоромъ мышьяка и сурьмы предположеніемъ, что они могли содержаться въ лекарствахъ, которые принимала миссъ Бэнксъ. Мышьякъ содержится обыкновенно въ висмутѣ, а извѣстно, что миссъ Бэнксъ принимала въ теченіи трехъ или четырехъ дней дозы висмута въ 5 или въ 6 гранъ. Д-ръ Ричардсонъ полагалъ, что въ унціи бисмута можетъ содержаться около $\frac{1}{2}$ грана мышьяка, а такъ какъ въ унціи 480 гранъ, то каждый пріемъ могъ содер-

жать около $^1/_{140}$ грана мышьяка [1]), слѣдовательно если миссъ Бэнксъ приняла 12 разъ висмутъ, то и въ такомъ случаѣ количество мышьяка, который она проглотила въ теченіи четырехъ дней могло бы простираться отъ $^1/_{11}$ до $^1/_{12}$ грана мышьяка. Хотя показанія на этотъ счетъ не совсѣмъ ясны, кажется изъ словъ д-ра Бирда, что пользованіе висмутомъ имѣло мѣсто за недѣлю до полученія испражненій, которыя анализировалъ д-ръ Тэйлоръ и въ которыхъ онъ нашелъ около $^1/_4$ грана мышьяка.

По вопросу о довѣріи какого заслуживаютъ показанія химиковъ со стороны защиты обнаружено при перекрестныхъ допросахъ, что всѣ они, со включеніемъ д-ра Уэбба принадлежали къ т. н. Гросвеноровской медицинской школѣ [2]), и что двое изъ нихъ (Ричардсонъ и Роджерсъ) давали уже показанія въ пользу подсудимаго по дѣлу Пальмера. Изъ нихъ Ричардсонъ старался доказать, что симптомы смерти Кука соотвѣтствуютъ болѣзни angina pectoris, а Роджерсъ утверждалъ, что еслибы Кукъ умеръ отъ стрихнина, то этотъ ядъ долженъ былъ бы быть найденъ въ его тѣлѣ.

Результатъ доказательствъ химическаго свойства былъ тотъ, что были данныя удостовѣряющія, что мышьякъ былъ извергаемъ миссъ Бэнксъ при жизни ея и что сурьма открыта въ тѣлѣ ея по смерти. Доказательства относительно сурьмы сильнѣе доказательствъ относительно мышьяка. Были также данныя способныя поколебать авторитетъ д-ра Тэйлора какъ аналиста, а также данныя заставляющія предполагать существованіе извѣстнаго корпоративнаго духа между свидѣтелями медиками со стороны подсудимаго, духа который, если онъ дѣйствительно существовалъ, могъ вредить ихъ безпристрастію.

Если соединить всѣ заключенія выводимыя изъ каждаго класса доказательствъ, которыя какъ водится, подкрѣпляютъ себя взаимно, то едва ли можно сомнѣваться, что если присяжные убѣди-

---

[1]) «Количество бываетъ весьма различное. Самое большое какое мнѣ извѣстно доходитъ до $^1/_2$ грана въ унціи».

[2]) Д-ра Ричардсонъ, Роджерсъ (его связи съ школою прекратились до начала суда), Тудичемъ.

лись въ томъ, что ядъ найденъ въ тѣлѣ миссъ Бэнксъ, они должны были признать подсудимаго виновнымъ. Если бы даже отбросить всѣ доказательства химическія представленныя съ обѣихъ сторонъ, то и тогда оставались бы еще данныя, по которымъ, если присяжные были нравственно убѣждены въ его винѣ, они могли осудить его, хотя это осужденіе опиралось бы на болѣе слабыя основанія, нежели тѣ, какихъ обыкновенно требуютъ современные намъ присяжные въ дѣлахъ возбуждающихъ большой интересъ въ обществѣ и влекущихъ за собою смертную казнь.

Дѣло Смитгерста обратило бы на себя вниманіе во всякомъ случаѣ. Такъ какъ оно судилось въ концѣ августа, по закрытіи засѣданій парламента, то оно возбудило въ публикѣ любопытство до того времени безпримѣрное. Газеты были наполнены письмами относящимися къ этому дѣлу. Одна или двѣ газеты объявили себя доброхотными бойцами-защитниками подсудимаго и открыто отстаивали право, такъ называемаго народнаго инстинкта брать верхъ надъ вердиктомъ присяжнымъ. Прошенія были подаваемы, всякаго рода сообщенія присылаемы къ сэру Джорджу Корнваль Люису статсъ-секретарю внутреннихъ дѣлъ. Всѣ эти письма были сообщены на заключеніе лорду главному барону, который принялъ ихъ въ соображеніе при составленіи особой записки для статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя письма были весьма замѣчательны, но большинство ихъ состояло изъ патетическихъ выраженій личныхъ мнѣній, не основанныхъ на изученіи обстоятельствъ дѣла, для чего лица, знакомившіяся съ нимъ только изъ отчетовъ въ газетахъ, не имѣли достаточно матеріаловъ. Нѣкоторыя письма просто напросто глупы. Нѣкто написалъ записку карандашемъ изъ почтовой конторы въ Путни (Putney) требуя исполненія казни надъ Смитгерстомъ; другой, называющій себя „любителемъ справедливости“ отзывался, что если голосъ народа не будетъ выслушанъ и подсудимый не будетъ освобожденъ, то лучше быть подъ игомъ деспота. Получено множество столь же ребяческихъ и дурацкихъ посланій и всѣ они были повидимому разсмотрѣны. Я упоминаю объ нихъ только какъ объ образчикахъ невѣжества,

самонадѣянности и тупоумія, съ которыми публика часто вмѣшивается въ дѣла общественныя.

Лордъ главный баронъ сказалъ, сообразивъ всѣ обстоятельства переданныя ему на обсужденіе и въ особенности записку весьма существенную, хотя составленную немного поспѣшно д-рами Бэли и Дженнеромъ, а также разобравъ обстоятельно всѣ медицинскія показанія данныя при слѣдствіи: „медицинскія сообщенія полученныя вами бросаютъ новый свѣтъ на дѣло и весьма сильно располагаютъ къ заключенію, что медицинская сторона слѣдствія не была представлена присяжнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ бы она могла и должна бы была быть представлена въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) „На беременность миссъ Бэнксъ (неподлежащую сомнѣнію по вскрытіи ея тѣла) слѣдовало обратить болѣе вниманія, нежели было обращено свидѣтелями-медиками со стороны обвиненія.

2) „По мнѣнію многихъ медиковъ, весьма извѣстныхъ и опытныхъ, симптомы обнаруженные осмотромъ и вскрытіемъ тѣла двусмысленны и могутъ быть отнесены и на счетъ яда и на счетъ болѣзни. Многіе медики доходятъ до того что утверждаютъ, что эти симптомы и признаки несовмѣстны и несогласны съ отравленіемъ.“

Съ другой стороны лордъ главный баронъ сообщилъ, что послѣ суда „сдѣланы открытія,“ которыя по его мнѣнію „подтверждаютъ вину подсудимаго.“ Эти открытія состояли *во первыхъ*, изъ записки, которую Смитгерстъ подалъ принцу-супругу Альберту; въ ней было сказано что одна „дама пріятельница покойной“ могла засвидѣтельствовать, что покойная знала о томъ, что онъ, Смитгерстъ женатъ и настаивала однако на томъ чтобы ихъ повѣнчали. Эту даму надлежало допросить, „но м-ръ Парри счелъ это излишнимъ: „я не вѣрю чтобы серджентъ Парри могъ дать подобный совѣтъ, но еслибы и было подобное доказательство подъ рукою, то почему дама не названа и почему ея показаніе или отзывъ не представ-

лены вамъ? Подобное показаніе измѣнило бы значительно, какъ мнѣ кажется, весь видъ дѣла“ [1]).

Во вторыхъ отношеніе л. гл. барона ссылается на нѣкоторыя отмѣтки въ дневникѣ, который приписывается подсудимому, но на который никто не обратилъ вниманія при судоговореніи. Изъ этихъ отмѣтокъ лордъ гл. баронъ заключилъ, что одно изъ показаній Смитгерста о болѣзни миссъ Бэнксъ было завѣдомо лживое. Этотъ фактъ былъ бы безъ сомнѣнія весьма важенъ, но отношеніе не объясняетъ какая связь между Смитгерстомъ и дневникомъ, когда открытъ дневникъ и почему онъ не былъ предъявленъ въ судѣ.

Отношеніе оканчивается слѣдующими словами: „я думаю, что во всѣхъ сообщенныхъ вами бумагахъ, которыя я просматривалъ, взятыя въ совокупности или отдѣльно, нѣтъ данныхъ, на которыя бы можно было положиться и дѣйствовать. Записка д-ровъ Бэли и Дженнера кажется мнѣ достовѣрнѣе и уважительнѣе всѣхъ другихъ, но она содержитъ въ себѣ несомнѣнную и непонятную ошибку, которую надлежитъ исправить прежде, нежели взять эту записку за основаніе какого либо рѣшенія. Если на васъ произвела благопріятное впечатлѣніе какая либо изъ этихъ бумагъ и если вы имѣете намѣреніе испросить прощеніе или смягченіе наказанія, замѣняя его краткосрочными каторжными работами, то я полагаю, что слѣдовало бы основать подобное рѣшеніе на усмотрѣніи медиковъ и ученыхъ, избранныхъ вами самими для соображенія значенія симптомовъ и признаковъ, а равно результатовъ анализа. Я думаю, что

---

[1]) Послѣ помилованія Смитгерста онъ былъ судимъ за многобрачіе и приговоренъ къ годовому заключенію. По выходѣ изъ тюрьмы онъ началъ въ Court of Probate искъ объ исполненіи духовнаго завѣщанія миссъ Бэнксъ. Искъ этотъ оспариваемъ былъ родными завѣщательницы; одинъ изъ доводовъ отвѣтчиковъ состоитъ въ томъ, что завѣщаніе составлено было вслѣдствіе обмана со стороны Смитгерста, такъ какъ миссъ Бэнксъ введена была имъ въ заблужденіе относительно настоящаго своего званія и считала себя его женою въ моментъ составленія завѣщанія. Вопросъ объ обманѣ предоставленъ рѣшенію присяжныхъ и рѣшенъ ими въ пользу Смитгерста. Это обстоятельство указываетъ на то; что болѣе обстоятельное изслѣдованіе дѣла было необходимо и ослабляетъ отчасти силу свидѣтельствующихъ противъ Смитгерста уликъ.

вы бы должны были приказать, въ интересѣ подсудимаго, изслѣдовать и сообразить вопросы, которые возбуждаетъ письмо Герапета. Я воздерживаюсь отъ умозаключеній изъ недоказанныхъ фактовъ, но если бы д-ръ Тэйлоръ былъ по этимъ пунктамъ допрошенъ перекрестно и если бы онъ недалъ удовлетворительнаго объясненія, то судоговореніе могло бы получить совершенно иной исходъ.

Намекъ на ошибку въ запискѣ д-ровъ Бэли и Дженнера относится къ слѣдующимъ словамъ этой записки: „мы замѣтимъ относительно настоящихъ симптомовъ, что д-ръ Юліусъ кажется пользовалъ Изабеллу Бэнксъ пять дней прежде нежели узналъ, что она подвержена рвотамъ. Отсутствіе рвотъ въ началѣ пользованія несовмѣстно съ предположеніемъ, что болѣзнь причинена сильно раздражающимъ ядомъ.“ Эти слова прямо противны показанію д-ра Юліуса, который говоритъ о поносѣ и о рвотахъ, какъ о симптомахъ, сопровождавшихъ весь ходъ болѣзни отъ самаго перваго его визита.

Вопросы, которые возбуждаетъ письмо Герапета, состоитъ въ слѣдующемъ. Герапетъ написалъ письмо въ *Times*, въ которомъ утверждаетъ, что д-ръ Тэйлоръ извлекъ изъ микстуры содержащей хлорноватокислое кали болѣе мышьяка, нежели сколько могло бы освободиться отъ употребленія мѣдной ткани, которую онъ растворилъ въ микстурѣ. Если бы это было правда, то вѣсъ показанія Тэйлора сталъ бы еще меньше, но съ другой стороны надлежало бы заключить, что въ микстурѣ былъ мышьякъ независимо отъ введеннаго въ нее д-ромъ Тэйлоромъ, это же заключеніе было бы рѣшительнымъ ударомъ для подсудимаго.

Получивъ это отношеніе, сэръ Джорджъ Люисъ предпринялъ мѣры, которыя описаны въ письмѣ его къ лорду главному барону. (Копія съ этого письма сообщена Таймсу и напечатана въ нумерѣ его отъ 17 ноября 1859 г.). Сославшись на совѣтъ, данный лордомъ главнымъ барономъ, сэръ Люисъ говоритъ: „я послалъ показанія, отношеніе вашей милости и всѣ бумаги, касающіяся медицинскихъ пунктовъ дѣла къ сэру Веніамину Броди (Brodie),

отъ коего я получилъ письмо, прилагаемое при семъ въ копіи. Онъ думаетъ, что хотя факты исполнены бросающихъ подозрѣніе на Смитгерста обстоятельствъ, но нѣтъ безусловной и совершенной достовѣрности его вины.

„Послѣ весьма стараетельнаго и совѣстливаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, я пришелъ къ заключенію, что вина подсудимаго достаточно сомнительна для того, чтобы я могъ по долгу моему испросить ему полное прощеніе .... Необходимость, въ которую я былъ поставленъ совѣтовать Ея Величеству помиловать Смитгерста не проистекаетъ по моему мнѣнію, отъ какихъ либо недостатковъ въ составѣ или порядкѣ производства дѣлъ въ нашихъ уголовныхъ судахъ; она происходитъ отъ несовершенства медицины и отъ шаткости сужденій даже искусныхъ и опытныхъ практиковъ о болѣзни, которой свойства неопредѣлены.“

Письмо сэра Веніамина Броди основано на соображеніи всѣхъ сообщенныхъ ему матеріаловъ и состоитъ изъ шести доводовъ вины Смитгерста и изъ восьми доводовъ его невинности. Оно оканчивается такимъ образомъ: „принимая въ соображеніе все вышесказанное, я признаю, что по впечатлѣнію, которое я вынесъ, нѣтъ безусловной и совершенной достовѣрности вины Смитгерста.“ Доводы Броди не ограничиваются медицинскою стороною дѣла, но обнимаютъ собою всѣ части дѣла со включеніемъ выводовъ изъ поведенія и характера подсудимаго. Изъ доводовъ противъ подсудимаго только два, а изъ доводовъ въ его пользу только четыре основаны на данныхъ медицинскихъ или химическихъ. Мнѣнія ученаго запечатлѣны осторожною умѣренностью, которая хотя дѣлаетъ честь уму и совѣстливости пишущаго, заставляетъ однако сожалѣть о томъ, что не было случая подвергнуть его перекрестному допросу, причемъ его мнѣнія раскрылись бы полнѣе и обнаружилась бы степень спеціальнаго знакомства его съ предметами, относительно которыхъ требовалось его мнѣніе.

Я передалъ весьма подробно всѣ показанія и другія обстоятельства по этому замѣчательному дѣлу, потому что оно представляетъ лучше, нежели какое либо другое дѣло изъ новѣйшей прак-

тики, образецъ характеристическихъ особенностей англійскаго судопроизводства, и потому еще, что я часто приводилъ это дѣло въ примѣръ для подкрѣпленія мнѣній, выраженныхъ въ разныхъ частяхъ настоящаго сочиненія.

Дѣло монаха Леотада [1]).

(1848).

Луи Бонафу, извѣстный въ своемъ монастырѣ подъ именемъ брата Леотада, судился въ Тулузѣ въ 1848 г. за изнасилованіе и убіеніе 15 апрѣля 1847 г. четырнадцатилѣтней дѣвушки Сесили Комбеттъ. Судъ продолжался съ 7 по 26 февраля 1848 г. послѣ чего былъ отложенъ по случаю революціи. Онъ возобновленъ 16 марта предъ новымъ комплектомъ присяжныхъ и конченъ 4 апрѣля. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Сесиль Комбеттъ дѣвушка, которой начался пятнадцатый годъ, была въ ученіи у переплетчика Конта, получавшаго много заказовъ отъ *братьевъ ученія Христова* (frères de la doctrine chretienne) въ Тулузѣ. 15 апрѣля въ 9 часовъ утра Контъ собрался доставить въ монастырь книги, которые даны ему были въ переплетъ братьями. Онъ уложилъ ихъ въ двѣ корзины; меньшую корзину понесла Сесиль, а большую женщина Маріонъ. Контъ увѣряетъ, что послѣ входа въ монастырь, онъ увидѣлъ въ корридорѣ двухъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ Жюбріенъ имѣлъ на головѣ шляпу, а другой Леотадъ — капишонъ. Контъ поздоровался съ Жюбріеномъ, оставилъ зонтикъ въ сѣняхъ, опорожнилъ корзины и отослалъ служанку Маріонъ съ кусками кожи, которыми корзины были прикрыты. Онъ отправился на верхъ къ настоятелю, сопро-

[1]) Главный источникъ: Procès du frère Leotade accusé du double crime de viol et d'assassinat sur la personne de Cecile Combettes. Leipsig 1851. Отчетъ о первомъ производствѣ полонъ, хотя не столь полонъ какъ англійскіе репорты. Отчетъ о вторичномъ производствѣ есть только очеркъ, но въ сущности здѣсь было тоже что въ первомъ, тѣже свидѣтели и тѣже доказательства.

вождаемый монахомъ-привратникомъ; Сесиль оставлена была внизу; она должна была наблюдать за зонтиками и отнести назадъ прежнія корзины. Конть пробылъ три четверти часа у настоятеля. Когда онъ возвратился Сесили не было, зонтикъ же стоялъ у стѣны. Контъ спросилъ у отца-привратника гдѣ Сесиль? Тотъ отвѣчалъ что не знаетъ, что можетъ быть она ушла домой, а можетъ быть она въ *пансіонъ*. Духовное заведеніе состояло изъ двухъ строеній, раздѣляемыхъ улицею и сообщившихся посредствомъ подземнаго тоннеля: пансіона и новиціата. Сзади за новиціатомъ тянулся большой садъ.

Не нашедши Сесили, Конть отправился къ ея дядѣ. Потомъ онъ торговалъ пару колесъ, отправился въ мѣстечко Ошъ (Auch), ночевалъ тамъ и возвратился на другой день въ Тулузу. Такъ какъ Сесиль пропала безъ вѣсти, то и начаты были разные поиски за нею. Тетка ея г-жа Вейлякъ ходила распрашивать объ ней въ монастырѣ, но безуспѣшно. Родители Сесили обратились въ полицію и искали ее понапрасну. Въ живыхъ никто уже ее не видалъ.

Рано на слѣдующій день гробокопатель Распо зашелъ на кладбище, которое граничитъ съ двухъ сторонъ со стѣною сада монастырскаго, а съ третьей (представляющей ломаную линію) огорожена собственною своею стѣною, отдѣляющею его отъ улицы Рике. Обѣ стѣны примыкаютъ одна къ другой подъ прямыми углами. Въ углу образуемомъ ихъ пересѣченіемъ Распо нашелъ на землѣ трупъ дѣвушки. Дѣвушка лежала скорчившись и опираясь на колѣна и на оконечности пальцевъ. Ноги ея были направлены къ саду монастырскому, а голова въ противуположную сторону. Надъ мѣстомъ гдѣ она лежала, у самой стѣны кладбища отъ улицы Рике, висѣлъ головной платокъ умершей, повѣшенный на воткнутомъ въ землю колу. Когда прибылъ полицейскій комиссаръ (Лямарль), онъ уже засталъ тѣло окруженное множествомъ любопытныхъ; другіе любопытные собирались проникнуть въ кладбище чрезъ проломъ въ одномъ изъ угловъ стѣны. Эти лица истоптали всю почву вокругъ тѣла, такъ что невозможно рѣшить были ли кругомъ ея слѣды ногъ человѣческихъ до того времени или нѣтъ. Комиссаръ послалъ за солдатами и вы-

проводилъ публику, послѣ чего онъ занялся осмотромъ ограды кладбища, но не нашелъ ни слѣдовъ отъ приставленія лѣстницы, ни слѣдовъ отъ ногъ. Въ восемь часовъ прибылъ судья-слѣдователь. Въ судѣ онъ являлся въ качествѣ свидѣтеля, причемъ предсѣдатель обратился къ нему съ слѣдующими словами: „само собою разумѣется что вы потому только повинуетесь сдѣланному вамъ вызову, что вамъ такъ угодно,“ — на что судья-слѣдователь отвѣчалъ: „прежде всего, въ видѣ общаго правила, я ссылаюсь на мои протоколы и на все то, что у меня въ бумагахъ отмѣчено.“

Протоколы не напечатаны въ отчетахъ засѣданій, но обвинительный актъ утверждаетъ, что онъ передаетъ точнымъ образомъ ихъ содержаніе. Изъ обвинительнаго акта видно, что судья слѣдователь нашелъ на монастырской стѣнѣ, примыкающей къ кладбищу, мѣсто, отъ котораго недавно отвалилось кусокъ мхомъ покрытой поверхности. Это обстоятельство могло бы быть объяснено треніемъ вѣтвей кипарисовыхъ деревьевъ, осѣняющихъ ограду кладбища со стороны улицы Рике и касающихся монастырской стѣны. Въ волосахъ умершей нашли землистыя части такого же рода какого былъ отвалившійся кусокъ стѣны. На вершинѣ монастырской стѣны немного измяты были кусты крестовника и кустъ дикаго геранія, одинъ изъ цвѣтковъ котораго потерялъ всѣ свои лепестки. Въ волосахъ умершей найденъ лепестокъ, по словамъ экспертовъ, того же точно рода, а также пукъ прядева, происходящій вѣроятно отъ веревки; такой же пукъ повисъ на кипарисовыхъ вѣтвяхъ. На стѣнѣ кладбища отъ улицы Рике не было никакихъ знаковъ за исключеніемъ пространства близъ соединенія двухъ стѣнъ и еще одного отстоящаго на футъ и 8 дюймовъ (50 centimetres) отъ вершины стѣны, гдѣ кустъ крестовника казался измятымъ, какъ будто онъ былъ придавленъ рукою. Близъ пункта пересѣченія обѣихъ стѣнъ видно было, что небольшое растеніе недавно вырвано съ корнемъ; надъ пунктомъ пересѣченія замѣчена недавно отломленная вѣтвь кипариса. Стѣна отдѣляющая садъ монастырскій отъ улицы Рике найдена въ порядкѣ, хотя на ней росли растенія и стояли воткнутые еловые колочки, которые были бы вѣроятно сдви-

нуты съ мѣста, еслибы пришлось перетащить трупъ чрезъ стѣну. Лѣвая щека умершей и лѣвая сторона ея одежды покрыты были грязью.

Изъ этихъ данныхъ обвинительный актъ заключалъ что тѣло не могло быть перекинуто чрезъ стѣну со стороны улицы Рике, но было перетащено чрезъ стѣну монастырскаго сада. Въ подкрѣпленіе этого вывода обвинительный актъ присовокупляетъ: „наконецъ невозможность, на которую мы указывали усиливается (выраженіе весьма сильное и во вредъ обвиняемому) вслѣдствіе существованія фонаря на стѣнѣ монастырской оранжереи, который освѣщаетъ то самое мѣсто на вершинѣ стѣны съ улицы Рике, на которомъ долженъ былъ бы помѣститься убійца, еслибы ему нужно было бросить трупъ Сесили на кладбище. Прибавимъ, что недалеко отъ фонаря расположены казармы Линьерскія, у которыхъ стоитъ караулъ.“ Актъ доказываетъ, что по этимъ обстоятельствамъ неправдоподобно чтобы тѣло могло быть перекинуто въ этомъ пунктѣ, но онъ умалчиваетъ о томъ, что видно изъ показанія полицейскаго коммиссара Лямарля, что дождь шелъ всю ночь и что судья слѣдователь самъ замѣтилъ или по крайней мѣрѣ замѣчено было въ его присутствіи (*il fut dit* — неозначено кѣмъ) то еслибы тѣло было перекинуто съ улицы Рике, то караульный невидалъ бы его, потому что онъ вѣроятно стоялъ запрятавшись въ своей будкѣ и обвинительный актъ говоритъ противное показаніямъ въ ущербъ подсудимому еще въ другомъ отношеніи, а именно онъ отзывается слѣдующимъ образомъ о проломѣ въ углу стѣны: „брешь эта въ то время (когда прибылъ судья слѣдователь) была разширена движеніями лицъ, которыя изъ любопытства взлѣзали на нее или опирались на нее, не можетъ располагать къ предположенію будто тѣло Сесили могло быть перетащено чрезъ нее въ то мѣсто, на которомъ оно найдено. Почва у стѣны поросшей травою не носитъ на себѣ слѣдовъ ногъ, которые были бы замѣтны, еслибы убійца прошелъ и утопталъ ногами эту часть почвы.“ Г. Лямарль показалъ, что когда онъ позвалъ солдатъ толпа взбиралась на брешь, окружала трупъ и оставила слѣды ногъ на почвѣ.

Эти несообразности дают повод думать, что еслибы комиссаръ и судья слѣдователь были допрошены перекрестно какъ слѣдуетъ защитникомъ подсудимаго, то большая часть выводовъ изъ ихъ показаній была бы устранена. Всѣ данныя въ совокупности взятыя далеко не доказываютъ, чтобы тѣло попало на кладбище чрезъ монастырскую стѣну. Земля могла отвалиться отъ стѣны вслѣдствіе тренія о стѣну вѣтвей качаемыхъ вѣтромъ, или могла отвалиться даже сама собою, что случается порою самымъ естественнымъ образомъ, съ мшистою коркою когда она достигнетъ извѣстной толщины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что геранiй могъ въ дождливую ночь потерять свои лепестки. Весьма естественно, что одинъ изъ лепестковъ могъ вцѣпиться въ волоса умершей лежащей подъ стѣною. Другія обстоятельства, какъ-то: пукъ прядева, отломанная вѣтка, измятые кусты могутъ конечно служить уликами подкрѣпляющими до извѣстной степени заключенія акта но они маловажны. Еслибы кто нибудь бросилъ трупъ четырнадцати-лѣтней дѣвушки съ вершины стѣны покрытой землею и поросшей кустами и травою, то можно было бы ожидать что это дѣйствіе оставитъ послѣ себя слѣды далеко не столь двусмысленные.

Весьма натурально, что эти обстоятельства, хотя и маловажныя побудили власти къ дальнѣйшимъ поискамъ въ самомъ монастырѣ. Жандармскій бригадиръ Куме посланъ былъ осмотрѣть садъ и нашелъ слѣды стопъ вдоль оранжереи и близъ стѣны, за которою лежало тѣло. Слѣды были свѣжіе. Между монахами и бригадиромъ завязался разговоръ, который далъ потомъ поводъ въ судѣ къ большому разнорѣчію въ показаніяхъ.

Посмертный осмотръ трупа обнаружилъ, что смерть произошла отъ сильныхъ ударовъ по головѣ, которая была во многихъ мѣстахъ проломана, вслѣдствіе чего мозгъ получилъ такого рода поврежденія, кои должны были причинить непосредственно смерть. Таковы заключенія экспертовъ-медиковъ, приводимыя въ извлеченіи въ обвинительномъ актѣ. Раны на головѣ были причинены какимъ либо широкимъ тупымъ орудіемъ, но они могли произойти и отъ ударовъ головою объ стѣну или о мостовую. На тѣлѣ умер-

шей были знаки, обнаруживающіе покушеніе на изнасилованіе, которое однако не увѣнчалось успѣхомъ (дѣвушка не достигла еще половой зрѣлости). Нижнее платье было замарано испражненіями. Изъ вещества содержимаго въ желудкѣ оказалось что смерть наступила черезъ часъ или два послѣ послѣдней ѣды. Въ испражненіяхъ найдено нѣсколько фиговыхъ зеренъ. Въ складкахъ нижняго платья найдено немного сѣна, стебель ячменя и перышко. При осмотрѣ оказалось, что сѣно какъ будто бы похоже на клеверъ (tréfle).

Эти данныя дали поводъ думать, что осмотръ бѣлья монаховъ можетъ бросить новый свѣтъ на преступленіе. Около 200 человѣкъ проживало въ обители, которая дѣлилась на двѣ части: пансіонъ и новиціатъ. Члены братства въ каждомъ изъ заведеній пользовались бѣльемъ сообща. Рубахи новиціата были шифрованы; рубахи пансіона носили только мѣтку F + P (frères du pensionnat). Дѣленіе соблюдалось не очень строго; нѣсколько рубашекъ новиціата носились въ пансіонѣ и наоборотъ. Рубахи перемѣнялись еженедѣльно каждую субботу. При обыскѣ найдена рубаха за № 562 слѣдовательно принадлежащая новиціату. Она была очень загрязнена, на рукавахъ, на внутренней сторонѣ передней части и на внѣшней сторонѣ задней части ея были пятна испражненій. На внутренней сторонѣ передней части найдены еще зерна, которыя приняты были экспертами сначала за зерна клевера, а потомъ при болѣе тщательномъ изслѣдованіи за фиговыя. Сдѣлано было весьма старательное сличеніе этихъ зеренъ съ зернами на платьѣ умершей, причемъ эксперты признали тѣ и другіе сходными. Нѣкто Нуле, спрошенный въ первый разъ при вторичномъ производствѣ суда, показалъ, что сходство между обѣими родами зеренъ было столь совершенное, что онъ не могъ получить подобнаго, хотя и сдѣлалъ до 200 опытовъ съ винными ягодами нарочно имъ покупаемыми. Профессоръ химіи Фильоль отозвался менѣе рѣшительнымъ образомъ. На вопросъ, можетъ ли онъ сказать, что зерна вполнѣ того же качества, онъ отвѣчалъ, что это только правдоподобно. Г. Фи-

льель осмотрѣлъ всѣ другія рубахи въ монастырѣ, числомъ до 200 и не нашелъ на нихъ фиговыхъ зеренъ.

Обвинительный актъ утверждаетъ, (хотя этотъ фактъ неподтвержденъ никакими доказательствами въ отчетахъ о засѣданіяхъ суда), что судья-слѣдователь допросилъ особо и порознь всѣ лица, находившіяся въ монастырѣ о состояніи ихъ бѣлья, и въ особенности о рубахахъ снятыхъ ими съ себя 17 апрѣля, черезъ два дня послѣ убійства, и „что всѣ монахи сообщили ему съ точностью о пятнахъ на своихъ рубахахъ, но ничей разсказъ не соотвѣтствовалъ пятнамъ на рубахѣ, найденной при обыскѣ.“ Изъ этихъ данныхъ выводилось заключеніе что рубаха была носима убійцею. Пятна и фиговыя зерна были безъ сомнѣнія важныя обстоятельства; равнымъ образомъ въ высшей степени существенъ могъ бы быть результатъ спроса 200 монаховъ относительно того помнятъ ли они знаки бывшіе на ихъ рубахахъ, еслибы этотъ результатъ былъ вполнѣ достовѣренъ. Но никто не можетъ составить мнѣнія о томъ было ли или нѣтъ доказано допросомъ, что грязная рубаха принадлежитъ убійцѣ, пока не услышитъ показаній или не прочтетъ ихъ подробно списанными. Все что доказываютъ данныя собранныя въ обвинительномъ актѣ приводится только къ тому, что судья-слѣдователь убѣдился этими данными. Всякій кто по опыту знаетъ, какимъ образомъ служебное усердіе порождаетъ иногда вполнѣ добросовѣстное, но въ высшей степени ложное убѣжденіе въ винѣ подсудимаго, не можетъ приписывать этимъ даннымъ ровно никакого значенія.

Вопросъ о томъ, была ли рубаха носима убійцею или нѣтъ, ничего бы незначилъ, еслибы не было доказано что ее носилъ Леотадъ. Этотъ послѣдній фактъ выводимъ былъ изъ однихъ только его отвѣтовъ въ судѣ. Невидно изъ отчетовъ ни когда онъ взятъ подъ стражу, ни когда найдена рубаха. По словамъ обвинительнаго акта Леотадъ сказалъ, до предъявленія ему рубахи, что онъ не перемѣнялъ своей рубахи 17 апрѣля въ воскресенье и возвратилъ чистую рубаху, которая ему была дана въ тотъ день монаху завѣдывавшему бѣльемъ. Предлогъ почему онъ оставилъ на себѣ грязную рубаху состоялъ въ томъ, что онъ носилъ пластырь на рукѣ, ру-

кавъ же грязной рубахи былъ шире нежели въ той, которая ему была предлагаема, слѣдовательно грязную рубаху удобнѣе ему было носить. Еслибы это показаніе оказалось лживымъ, то слѣдовало бы допустить, что Леотадъ имѣлъ какой либо мотивъ чтобъ лгать; еслибы лжи повѣрили, то это избавило бы Леотада признать за свою одну изъ грязныхъ рубахъ. Съ другой стороны ему неудобно было сказать ложь, которая подвергала бы его опасности опроверженія со стороны монаха завѣдывавшаго бѣльемъ; сей послѣдній отозвался, что онъ не помнитъ ничего похожаго на то, что показываетъ Леотадъ. Обвинительный актъ присовокупляетъ, что Леотадъ „желая сдѣлать благовиднымъ изобрѣтенное имъ объясненіе,“ во время своего содержанія въ тюрьмѣ и узнавъ что рубаха взята при обыскѣ, сталъ требовать чтобы ему прислали рубахи болѣе широкія нежели тѣ какія ему доставлялись, но что монахъ завѣдывающій бѣльемъ показываетъ, что прежде того онъ никогда не домогался рубахи съ широкими рукавами. Все это объяснимо если представить себѣ робкаго человѣка, который теряетъ присутствіе духа въ одиночномъ заключеніи подъ натискомъ слѣдствія и который изъ страха выдумываетъ ложныя оправданія.

Еще одно обстоятельство было въ прямой связи съ совершеніемъ преступленія, а именно то, что монастырскій садъ вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько построекъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хранились сѣно, солома и другой фуражъ, однородный съ немногими растеніями найденными на трупѣ. Леотадъ имѣлъ свободный доступъ въ эти строенія, изъ чего и выведено было предположеніе, что онъ увлекъ дѣвушку въ одно изъ этихъ зданій, гдѣ и совершилъ злодѣяніе. Никакихъ признаковъ злодѣянія въ этомъ мѣстѣ не найдено, но обвинительный актъ замѣчаетъ: „что эти строенія какъ будто судьбою предназначены служить для преступленія совершеннаго въ условіяхъ, похожихъ на тѣ, какія сопровождали преступленіе 15 апрѣля.“

Поводомъ къ подозрѣнію послужило еще и то, что по совершеніи преступленія, судья-слѣдователь спросилъ Леотада гдѣ онъ спитъ. Леотадъ повелъ его въ комнату, находящуюся за однимъ

изъ большихъ дортуаровъ и расположенную такимъ образомъ, что по мнѣнію судьи-слѣдователя изъ нея нельзя было выйти свободно ночью для того, чтобы упрятать трупъ. Потомъ судья-слѣдователь спросилъ Леотада, гдѣ онъ спалъ въ ночь, послѣдовавшую за злодѣяніемъ, тогда Леотадъ показалъ ему комнату въ первомъ этажѣ, въ которой Леотадъ помѣщался одинъ и изъ которой онъ могъ выйти незамѣченнымъ и пройти въ садъ, отворяя двѣ двери, которыя запирались такимъ же точно ключемъ. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что у Леотада найденъ ключь, отпирающій обѣ эти двери, — такъ что въ садъ онъ могъ ходить когда угодно. Перемѣна кровати совершена 17 апрѣля, черезъ два дня послѣ убійства. Причина перемѣны подвергнута изслѣдованію. Другой монахъ, братъ Лука, помѣщенъ былъ въ комнатѣ, куда переведенъ Леотадъ 17 числа. До того времени каждый изъ нихъ занималъ особую келью, причина же почему они помѣщены въ комнатѣ за дортуаромъ дана была та, что братъ Лука испугался вслѣдствіе преступленія и не хотѣлъ спать наединѣ. Эта уступка была собственно нарушеніе монастырскихъ правилъ. Обвинительный актъ замѣчаетъ, что трудно понять, какъ могъ старикъ въ родѣ брата Луки быть испуганъ преступленіемъ, подобнымъ тому, коего жертвою сдѣлалась Сесиль Комбеттъ, послѣ чего онъ замѣчаетъ: „ничтожество этихъ поводовъ заставляетъ догадываться о существованіи другихъ, важнѣйшихъ, скрываемыхъ настоятелемъ. Слѣдуетъ въ этомъ фактѣ видѣть (il faut y voir) дисциплинарную домашнюю мѣру, предназначенную къ удаленію отъ другихъ членовъ общины брата, запятнаннаго двойнымъ злодѣяніемъ.“ На эту догадку можно возразить, что мѣра, о которой идетъ рѣчь, имѣла цѣлью перенести лицо, подозрѣваемое въ преступленіи, изъ кельи гдѣ оно спало одно, въ комнату, въ которой оно должно было спать съ другимъ лицомъ и которая притомъ примыкаетъ къ общему дортуару. Подозрѣніе оказывается такимъ образомъ не только опрометчивымъ, но противурѣчащимъ фактамъ дѣла и нелѣпымъ.

Таковы всѣ улики собранныя противъ Леотада изъ иныхъ источниковъ, кромѣ его показаній при слѣдствіи. Главныя улики,

выводимыя изъ этого послѣдняго источника состояли въ томъ, что онъ давалъ разнорѣчивыя показанія, относительно своихъ занятій утромъ 15 апрѣля. Когда онъ былъ заарестованъ — съ точностью неизвѣстно, повидимому въ апрѣлѣ; съ тѣхъ поръ и до февраля слѣдующаго года его постоянно допрашивали, передопрашивали, сводили на очныя ставки со свидѣтелями и держали постоянно въ одиночномъ заключеніи (au secret). Въ судѣ по прочтеніи обвинительнаго акта и указаніи предсѣдателемъ главныхъ пунктовъ обвиненія, Леотадъ былъ опять допрошенъ весьма подробно, причемъ обвиняющая сторона уличала его въ винѣ, потому что его отвѣты, данные въ разное время, не совсѣмъ между собою согласны и что одно или два обстоятельства въ отвѣтахъ опровергаются другими свидѣтелями. Главныя несообразности въ отвѣтахъ касаются того, чѣмъ было занято его время утромъ 15 апрѣля. Сущность его показаній состоитъ въ томъ, что вставъ съ постели, онъ слушалъ обѣдню, которая кончилась въ 8 часовъ или въ четверть девятаго, потомъ ходилъ въ пансіонъ, оттуда прошелъ въ другую часть монастыря, гдѣ пробылъ отъ 9 до половины десятаго, потомъ завтракалъ. Потомъ онъ выдалъ ученикамъ нѣкоторые припасы въ которыхъ они нуждались и написалъ une lettre de conscience къ начальнику ордена въ Парижъ. Онъ вручилъ это письмо настоятелю монастыря около четверти одиннадцатаго, послѣ чего приступилъ къ разнымъ другимъ занятіямъ, которыя исчислилъ обстоятельно. Обвинитель сильно напиралъ на то, что подсудимый не упомянулъ при первомъ допросѣ объ lettre de conscience, которая заняла полчаса, отъ трехъ четвертей десятаго до четверти одиннадцатаго, и что во всѣхъ многочисленныхъ допросахъ, снятыхъ съ него при слѣдствіи, онъ упомянулъ о письмѣ всего только разъ. Наряжена была въ Парижѣ комиссія для снятія допроса съ начальника ордена, къ которому писано было письмо. Изъ показанія начальника и изъ справки на почтѣ оказалось что отъ настоятеля тулузскаго посланъ былъ 15 апрѣля пакетъ къ начальнику ордена въ Парижъ, что этотъ пакетъ полученъ и что онъ содержалъ письмо Леотада. На первый взглядъ кажется какъ будто

бы эти данныя подкрѣпляютъ показаніе Леотада, впрочемъ подкрѣпленіе это неважное, потому что оно не объясняетъ нисколько существеннаго вопроса о томъ, когда написано письмо. Предсѣдатель допросилъ однако весьма сурово подсудимаго по этому обстоятельству, намекая на то, что не смотря на свое одиночное заключеніе Леотадъ узналъ отъ братьевъ о томъ, что они посылали пакетъ въ Парижъ и измѣнилъ сообразно съ тѣмъ свое показаніе. Кажется однако, что если было какое либо соглашеніе, то не полное, потому что настоятель обители, братъ Ирлидъ показалъ, что Леотадъ вручилъ ему свое письмо около 9 часовъ, послѣ чего онъ, Ирлидъ, послалъ его въ больницу посмотрѣть за мальчикомъ, который боленъ былъ скарлатиною. Надобно замѣтить, что показанія Леотада не были опровергнуты порядкомъ и что другія показанія согласовались съ его разсказомъ. Прокуроръ заключалъ, что его показаніе лживое, потому что оно дано не вдругъ съ перваго раза, если же оно лживое, то мотивъ лжи долженъ заключаться въ желаніи скрыть фактъ, что его время было употреблено на совершеніе убійства.

Другую статью въ допросѣ Леотада составляла рубаха. Предсѣдатель прочелъ отзывъ Леотада отъ 15 мая, изъ коего слѣдовало, что онъ не перемѣнялъ рубахи въ субботу, что онъ возвратилъ чистую рубаху отцу завѣдывавшему больницею и что онъ обращалъ вниманіе врача осматривавшаго его 18 апрѣля, что его рубаха грязна. Обвинительный актъ объявляетъ, что всѣ эти обстоятельства были опровергаемы, между тѣмъ опровергаемо было только одно. Докторъ сказалъ, что онъ помнитъ, что рубаха не была грязна, но ничего неупомнитъ о разговорѣ съ Леотадомъ. Монахъ, завѣдывавшій больницею сказалъ только, что онъ не помнитъ о полученіи обратно рубахи.

Другое противорѣчіе, будто бы обнаруженное при допросахъ состояло въ томъ, что Леотадъ однажды сказалъ, что подштанники которые онъ носилъ, должны находиться въ снятыхъ имъ штанахъ, между тѣмъ оказалось, что подштаники надѣты на немъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что былъ смущенъ обвиненіемъ. Леотадъ былъ

допрошенъ о томъ, былъ ли онъ въ корридорѣ вмѣстѣ съ Жюбріеномъ въ моментъ прихода Конта. Онъ отвѣчалъ отрицательно. Первоначально онъ отозвался что не помнитъ былъ ли тамъ, но когда Контъ описалъ ихъ положеніе, нарядъ и другія подробности, то и Леотадъ и Жюбріенъ объявили, что этого быть не могло, а Леотадъ присовокупилъ, что весь этотъ день онъ въ новиціатѣ не былъ.

Наконецъ на вопросъ говорилъ ли онъ жандармскому бригадиру о томъ, что онъ оставилъ нѣсколько слѣдовъ отъ ногъ своихъ въ монастырскомъ саду, Леотадъ отвѣчалъ что нѣтъ. Ему поставили на видъ это обстоятельство, но здѣсь онъ былъ правъ, а предсѣдатель виноватъ. Обвинительный актъ упоминаетъ о разговорѣ Леотада, но не съ бригадиромъ а съ докторомъ Эстевеномъ, который сказалъ въ своемъ показаніи: „видя слѣды ногъ, Леотадъ отозвался, что вѣроятно эти слѣды сдѣланы нѣкоторыми изъ нашихъ братьевъ и садовникомъ.“ Леотадъ допустилъ, что онъ могъ сказать эти слова, хотя и не въ тотъ самый день, который указанъ докторомъ; докторъ призналъ, что онъ могъ ошибиться на счетъ дня. Эти обстоятельства доказываютъ неточность и пристрастіе какъ предсѣдателя, такъ и обвинительнаго акта.

Таковы были главные пункты обвиненія противъ Леотада. Кромѣ того были еще и другіе — второстепенные, потому что споры возникали и подозрѣнія подымались по каждому почти сказанному имъ слову и по всякому ничтожнѣйшему разнорѣчію, которое можно было открыть между отвѣтами его при многочисленныхъ снятыхъ съ него допросахъ. Если допустить, что Контъ говоритъ правду и если предположить, что всѣ улики объяснены наивыгоднѣйшимъ для него образомъ, то и въ такомъ случаѣ мнѣ кажется, что едва ли можно вывести изъ нихъ что либо другое, кромѣ подозрѣнія. Тотъ фактъ, что онъ видалъ дѣвушку въ корридорѣ, доказываетъ только возможность совершенія имъ преступленія. Самая сильнѣйшая изъ уликъ — это пятна и фиговыя зерна на рубахѣ, но доказательства того, что именно онъ носилъ эту рубаху неудовлетворительны. Разнорѣчія относительно того, чѣмъ было занято его

время утромъ 15 апрѣля, самыя ничтожныя; можно удивляться что онъ ихъ не надѣлалъ гораздо больше въ теченіи многомѣсячнаго одиночнаго заключенія, когда его почти ежедневно допрашивали. Два замѣчанія его заслуживаютъ вниманія. Когда его строго выпытывали, почему онъ раньше не упомянулъ о своей lettre de conscience, Леотадъ отвѣтилъ: „да это потому, что судья-слѣдователь и генералъ-прокуроръ обходились со мною, какъ съ человѣкомъ, который не можетъ быть невиненъ. Они чинили мнѣ насиліе (violentaient), они мучили меня; только поступивъ въ эту тюрьму, я нашелъ судью и отца. Вы, г. предсѣдатель, вы одни меня не мучили. Остальные обходились со мною какъ съ несчастнымъ обреченнымъ на смерть.“ Въ концѣ судоговоренія, когда Леотада спросили желаетъ ли онъ прибавить что либо къ своей защитѣ, онъ сказалъ: „я объявляю, что я не лгалъ передъ правосудіемъ. Въ моихъ словахъ одна только искренность. Если есть разнорѣчія въ моихъ показаніяхъ, они должны быть приписаны одиночному заключенію, которому я былъ подвергнутъ. Ахъ, господа, если бы вы знали, что такое одиночное заключеніе (le sècrét)! Вчера я видѣлъ сцену, которая сильно огорчила меня. Я видѣлъ человѣка, котораго выводили изъ одиночнаго заключенія слушать обѣдню. О ужасъ! онъ былъ тощъ, какъ скелетъ. Какъ долженъ онъ былъ страдать!“

Предсѣдатель осмѣивалъ эту будто бы пытку, но его же поведеніе показывало что она возможна и вѣроятна. Чинимый предсѣдателемъ допросъ исполненъ грубыхъ выходокъ и остротъ, которыя весьма неприличны въ отношеніи къ человѣку, судимому на смерть. Онъ спрашивалъ напримѣръ Леотада видалъ ли тотъ работницу у Конта? — *Леотадъ:* „нѣтъ, сколько упомню.“ — Предсѣдатель: „постойте. Вы опять употребляете выраженіе съ подразумѣваемою оговоркою.“ — Или: „я перехожу къ вашему показанію отъ 3 мая, здѣсь я нахожу цѣлый рядъ противорѣчій и недомолвокъ“..... Или: „братъ Ирлидъ будетъ лично допрошенъ. Онъ вспомнитъ и сдѣлаетъ признаніе, что вы имѣли многократныя сообщенія съ заведеніемъ и въ особенности съ нимъ.“ (Ирлидъ

вовсе не былъ потомъ спрошенъ по этой статьѣ) — ... „Лучше бы вамъ сказать правду.“ Когда Леотадъ объяснялъ ошибку въ показаніи тѣмъ, что былъ смущенъ обвиненіемъ, предсѣдатель замѣтилъ: „теперь, по крайней мѣрѣ, ваше смущеніе не объясняется вами мнимымъ насиліемъ, котораго вы будто бы были мнимою жертвою. Это лучше.“

Что касается до судьи-слѣдователя, то отчетъ объ образѣ своихъ дѣйствій ниже всякой критики. Послѣ длиннаго допроса предсѣдатель сказалъ: „я хочу воспользоваться вашимъ присутствіемъ здѣсь и спросить васъ, не заблагоразсудите ли вы сообщить намъ, съ цѣлію возможно большаго объясненія дѣла, тѣ факты, которые не показаны въ протоколахъ, но которые не лишены важности для насъ судей?“

Судья-слѣдователь. Вы подразумѣваете впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ моихъ неоффиціальныхъ бесѣдъ съ подсудимымъ (en dehors de mes fonctions). Я посѣщалъ подсудимаго часто, убѣждалъ его переносить съ терпѣніемъ долгое его заключеніе и старался, по долгу моей обязанности, внушить ему мысль сдѣлать искреннее и полное признаніе. Я находилъ обыкновенно брата Леотада молящимся на колѣняхъ въ его кельѣ и до того повидимому погруженнымъ въ размышленія, что онъ какъ будто бы и незамѣчалъ моего присутствія, такъ что я долженъ былъ заговаривать съ нимъ первый. Я дѣлалъ все что могъ, чтобы убѣдить его, что съ религіозной точки зрѣнія единственный способъ искупить преступленіе состоитъ въ томъ, чтобы сказать всю правду правосудію. Однажды онъ сказалъ мнѣ: „да, я понимаю; и такъ, если бы я былъ виноватъ, то я бы немедля упалъ къ ногамъ вашимъ. Боже мой, сказалъ я, не преувеличивайте себѣ вашего преступленія; оно конечно ужасно, но человѣческое правосудіе принимаетъ все въ расчетъ. Оно пойметъ, что вы дѣйствовали въ одномъ изъ тѣхъ случайныхъ порывовъ той внезапной страсти, когда умъ помрачается и воля почти исчезаетъ. Всевидящій Богъ вдохновитъ вашихъ судей, которые оцѣнятъ правосудно размѣры вашего преступленія“ ... Леотадъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, потомъ взглянувъ на меня

пристально, сказалъ; „допустимъ на одну минуту.... но смерть!“ — Хорошо, сказалъ я, кто знаетъ былъ ли виновникъ перваго преступленія совершителемъ и втораго? Дѣвушка могла сама броситься внизъ съ высоты. Смерть ея могла быть случайная. Я долженъ сказать, что я думалъ и теперь еще думаю, что Леотадъ готовъ былъ сдѣлать признаніе въ винѣ (était sur le point de me faire un aveu).“ — *Предсѣдатель*: „Какое значеніе придаете вы слову: смерть.“ — *Судья-слѣдователь:* „О Боже мой, я думаю что Леотадъ хотѣлъ выразить: они можетъ и оправдаютъ первое, но будутъ неумолимы ко второму преступленію.“ Отчетъ о засѣданіяхъ замѣчаетъ, что Леотадъ протестовалъ энергически противу смысла, придаваемаго его словамъ.

Человѣку, имѣющему англійскія понятія о справедливости, эти хитрыя попытки вызвать у подсудимаго признаніе, сопровождаемыя подсказываніемъ осязательно лживаго, напримѣръ намекомъ па то, что дѣвушка могла убиться сама собою, не только недостойны служителя правосудія, но и всякаго человѣка, который по чувству чести не согласился бы принять на себя роль подлѣйшаго тюремнаго шпіона. Во Франціи иначе смотрятъ на это дѣло. Адвокатъ обиженной стороны поспѣшилъ воспользоваться слѣдующимъ образомъ этимъ обстоятельствомъ: „сошлетесь ли вы, Леотадъ, на ваше поведеніе передъ д-ромъ Эстевенэ, который замѣтилъ ваше смущеніе и безсвязность въ вашихъ рѣчахъ, или передъ судьею-слѣдователемъ, которому, будучи мучимы упреками совѣсти, вы были готовы признаться въ винѣ? Я отъ васъ требую теперь этого признанія. Я заклинаю васъ во имя всего святаго; я заклинаю васъ во имя этой семьи, въ слезахъ, которую я представляю; я заклинаю васъ во имя этой бѣдной дѣвушки, сошедшей въ могилу; я заклинаю васъ во имя этой религіи, которой вы служитель, скажите, сознайтесь....! — Онъ молчитъ. Онъ виновенъ. Человѣческое правосудіе осудитъ его и будетъ предвозвѣстникомъ другаго, Божія суда“.... Любопытно что бы сказалъ адвокатъ, если бы Леотадъ въ самомъ дѣлѣ признался.

Леотадъ признанъ виновнымъ со смягчающими вину обстоятельствами и приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Онъ скончался послѣ двухъ или трехъ лѣтъ заключенія. Очевидно что если онъ былъ виноватъ, то въ одномъ изъ страшнѣйшихъ и мерзѣйшихъ злодѣяній; трудно повѣрить, чтобы смягчающія обстоятельства были признаны ради вины, собственно они признаны ради недостатка доказательствъ.

Я старался извлечь всю суть дѣла изъ длиннаго запутаннаго и несовершеннаго отчета о немъ, причемъ я обошелъ молчаніемъ громадное количество показаній, отъ которыхъ дѣло само увеличилось невѣроятнымъ образомъ въ своемъ объемѣ. Считаю однако нужнымъ дать общее понятіе объ этихъ уклоненіяхъ отъ настоящаго пути, съ тѣмъ, чтобы показать къ чему ведетъ на практикѣ отсутствіе правилъ о доказательствахъ и изслѣдованіе до корней всякаго побочнаго недоразумѣнія, неимѣющаго никакой, даже отдаленной связи съ обсуживаемымъ вопросомъ.

Процессъ Леотада представляетъ многочисленные образчики такихъ отступленій отъ дѣла; незачѣмъ описывать всѣ, приведемъ только нѣкоторые. Обвинительный актъ дѣлится на двѣ части: одна имѣетъ цѣлью показать, что преступленіе совершено въ монастырѣ, другая — что оно совершено Леотадомъ. Первая часть развита полнѣе второй. Монахи старались освободиться, конечно, отъ обвиненія, что ихъ обитель сдѣлалась театромъ изнасилованія и убійства и пріискать данныя, свидѣтельствующія, что преступленіе совершено въ иномъ мѣстѣ. Съ этою цѣлію они распрашивали лицъ, бывшихъ въ корридорѣ въ минуту когда явились тамъ Контъ и двѣ его служанки. Оказалось что въ это время въ пріемной (parloir) выходящей на корридоръ, было нѣсколько молодыхъ людей; обвинительный актъ упоминаетъ что тотчасъ по заарестованіи Леотада, газеты возвѣстили о показаніи, которое должно было дать новое направленіе процессу. „Прошелъ въ самомъ дѣлѣ слухъ, что юноша Видаль, бывшій въ числѣ другихъ въ пріемной, видѣлъ какъ Сесиль уходила изъ монастыря. Это было не болѣе какъ газетное извѣстіе. Невидно были ли монахи съ нимъ въ какой либо

связи, но судья-слѣдователь приготовился принять это показаніе и взялъ свои мѣры къ обнаруженію его несостоятельности.“

Вслѣдствіе этого были допрошены Видаль и другой молодой человѣкъ — Рюдель. Изъ ихъ отзывовъ обнаружилось, что настоятель монастыря посылалъ за ними узнать, могутъ ли они доказать, что дѣвушка ушла изъ монастыря. Оба отозвались сначала, что они не видали какъ ушла дѣвушка, но во время вторичной бытности въ монастырѣ, когда имъ показана была мѣстность, Видаль отозвался, что „ему помнится, что дѣвушка прошла сзади его, хотя онъ не могъ видѣть, какъ она вышла, потому что былъ обращенъ къ улицѣ спиною.“ Рюдель, Наваръ, Ляфіенъ, Жаниссіенъ и привратникъ, бывшіе въ одномъ мѣстѣ съ Видалемъ, отозвались, по словамъ обвинительнаго акта, что они невидали дѣвушки, изъ чего обвинительный актъ выводитъ, что „судъ не затруднился признать показаніе Видаля незаслуживающимъ довѣрія.“ Вмѣсто того, чтобы предоставить подсудимому сослаться на Видаля, обвиненіе вызвало его само къ отвѣту съ тѣмъ, чтобы оспорить его показаніе. Первое замѣчаніе Видаля при дачѣ показанія было слѣдующее: „Когда я былъ позванъ къ судьѣ-слѣдователю, я сказалъ, что мнѣ показалось, что я видалъ эту дѣвушку гдѣ-то по близости, но черезъ нѣсколько дней потомъ, я сообразилъ и убѣдился, что этого быть не могло.“ Эти слова лишили показаніе Видаля всякой силы, которую оно могло бы имѣть, въ пользу подсудимаго, но обвиненіе недовольствовалось тѣмъ. Видаля стали допрашивать, почему ему показалось, что онъ видалъ дѣвушку. Онъ отвѣтилъ, что монахи убѣдили его въ томъ, что онъ дѣйствительно ее видѣлъ, и что они составили родъ репетиціи, въ которой лица, бывшія въ монастырѣ, поставлены были на мѣста, которыя они занимали 15 апрѣля въ коридорѣ, послѣ чего пошли толки о томъ, что имъ слѣдуетъ показывать. Потомъ участвовавшія въ этомъ дѣйствіи лица, пошли на верхъ въ другую часть монастыря, гдѣ и продолжались совѣщанія. Видаль показалъ, что далъ убѣдить себя на этихъ совѣщаніяхъ, что ему показалось, что онъ видѣлъ дѣвушку выходящею, хотя

онъ вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрилъ, что мысль о томъ, что онъ видѣлъ дѣвушку, пришла ему сразу и прежде всякихъ убѣжденій.

Прокуроръ старался представить эти факты какъ подговоръ на клятвопреступленіе. Всѣ усилія были употреблены на то, чтобы представить показаніе Видаля въ этомъ видѣ. Предсѣдатель сказалъ: „не разсуждали ли они такимъ образомъ, не говорили ли они: дѣвушка должна была пройти въ эту минуту; скажите что вы видѣли какъ она уходила, когда вошелъ капелланъ. Не присовокупляли ли они: это будетъ вполнѣ согласоваться съ показаніемъ Мадлены Сабатье, которая покажетъ, что она видала дѣвушку близъ la Moulinade?“ *Видаль:* „Нѣтъ о Сабатье не упоминалось.“ *Предсѣдатель:* „Хорошо, но вообще не разсуждали ли они въ этомъ родѣ?“ — *Видаль:* „Они спросили меня видѣлъ ли я дѣвушку выходившею, я сказалъ что мнѣ показалось что да.“ *Предсѣдатель:* „Вы не изъ угодливости имъ (complaisance) сказали; мнѣ показалось что да?“ — *Видаль:* „Нѣтъ, я прямо сказалъ, что мнѣ такъ показалось.“

Оба настоятеля Ирлидъ и Флоридъ были допрошены. Они сказали, что они говорили съ Видалемъ объ этомъ предметѣ, но они объявили, что Видаль утверждалъ положительно, что видѣлъ какъ дѣвушка ушла, они же совѣтовали ему сказать истину. Вышелъ споръ между Видалемъ и Ирлидомъ относительно того, гдѣ происходилъ ихъ разговоръ. Видаль утверждалъ, что они разговаривали въ такъ называемой *Procure*. Флоридъ сначала опровергалъ это извѣстіе, но когда нашелся еще другой монахъ, подтвердившій слова Видаля, то Флоридъ согласился съ тѣмъ, что это могло быть такъ, какъ разсказываетъ Видаль.

Другія лица бывшія въ корридорѣ показали, что во время бывшаго между ними разговора вошелъ капелланъ, что подтвердилъ и самъ капелланъ. Трое изъ нихъ показали подъ присягою, что въ минуту, когда капелланъ вошелъ, они видѣли что то или кого то проходящихъ чрезъ двери. Привратникъ показалъ, что послѣ прибытія Конта онъ выпустилъ служанку Маріонъ, ушедшую изъ монастыря, самъ же отправился съ Контомъ къ настоятелю, вернув-

шись назадъ видалъ многихъ монаховъ въ корридорѣ, но незамѣтилъ была ли тамъ дѣвушка. Впослѣдствіи онъ открылъ опять двери предъ капелланомъ. Трудно понять изъ этого показанія въ чемъ именно заключается его сила. Кажется, что привратникъ хотѣлъ представить, что дѣвушка могла уйти изъ монастыря, не бывъ имъ замѣчена, предсѣдатель же выпытывая его весьма сурово, хотѣлъ обнаружить, что если бы дѣвушка ушла изъ монастыря, то привратникъ не могъ бы этого не видѣть. Жюбріенъ, который по словамъ Конта, находился съ Леотадомъ въ корридорѣ, былъ допрошенъ весьма подробно, причемъ сдѣлано ему много замѣчаній. Онъ показалъ что не былъ съ Леотадомъ въ указанное время въ указанномъ мѣстѣ, но на всѣ другіе вопросы по дѣлу отвѣчалъ, что не помнитъ или что не можетъ сказать. Отчетъ о засѣданіяхъ очень кратокъ, но изъ него видно, что происходилъ родъ спора между Жюбріеномъ, подсудимымъ, предсѣдателемъ и генералъ-прокуроромъ, споръ, который не оставилъ послѣ себя никакого опредѣленнаго впечатлѣнія.

Результатъ всей той части изслѣдованія, которой начало дано показаніемъ Видаля состоитъ въ томъ, что это показаніе предложено присяжнымъ въ обратномъ порядкѣ и что большая часть его не имѣетъ никакого значенія. Вопросъ былъ въ томъ, убилъ ли Леотадъ дѣвушку въ монастырѣ? Если бы Видаль могъ доказать, что онъ видѣлъ какъ она ушла, то дѣлу былъ бы конецъ. Первое показаніе Видаля обнаружило, что онъ не можетъ этого сдѣлать и притомъ, что онъ или слишкомъ слабъ или склоненъ ко лжи, слѣдовательно, что ему нельзя вѣрить. Если бы даже и оказалось что его подговорили, то это обстоятельство не имѣло бы важности, потому что не Леотадъ заключенный въ тюрьмѣ его подговаривалъ, а другіе; нельзя же обременять Леотада отвѣтственностью за невоздержность или даже за недобросовѣстность неблагоразумныхъ его пріятелей. Никакихъ другихъ доказательствъ подговора къ лжесвидѣтельству не было, кромѣ собственнаго показанія Видаля, а такъ какъ обвиняющая сторона обнаружила, что онъ слабъ и лжецъ, то его показаніе не должно бы имѣть ни-

какого значенія. Нелѣпо утверждать, что это показаніе имѣетъ силу противъ подсудимаго и не имѣетъ никакой силы въ пользу подсудимаго. Другіе свидѣтели дали весьма неудовлетворительные отзывы, такъ что если бы подсудимый сослался на нихъ въ свое оправданіе, посредствомъ удостовѣренія, что дѣвушка ушла изъ монастыря, то весьма сомнительно, можно ли бы имъ въ какой либо степени повѣрить. Но утверждать, что непрямота ихъ отвѣтовъ по вопросу о томъ, ушла ли дѣвушка изъ монастыря, доказываетъ что она не уходила изъ монастыря, значитъ тоже что заключать, что подсудимый виноватъ изъ того, что его пріятели сплетники или плуты. Изъ всего спора вытекаютъ слѣдующіе результаты: съ одной стороны недоказано что дѣвушка ушла изъ монастыря, съ другой стороны недоказано могла ли она незамѣтнымъ образомъ уйти изъ монастыря, хотя не совсѣмъ вѣроятно могла ли она уйти не бывъ замѣчена.

Нельзя передать всей неловкости и путаницы при отбираніи показаній. Видаль былъ семь разъ вызываемъ для очныхъ ставокъ съ другими свидѣтелями, причемъ возникали жаркіе споры и пререканія. Всякія сплетни вносились въ показанія. Нѣкто Эвраръ сказалъ, что слышалъ отъ Видаля, будто Видаль видѣлъ какъ дѣвушка разговаривала съ двумя монахами. Видаль отозвался что онъ ничего подобнаго не видалъ и не разсказывалъ. Эвраръ взялъ назадъ свое показаніе. Потомъ тотъ же Эвраръ объявилъ, что онъ взялъ назадъ прежнее показаніе потому, что ему дѣлалъ угрозы нѣкто Лямберъ, но что, несмотря на это отреченіе, фактъ вѣренъ, то есть, что Видаль разсказывалъ ту же исторію прокурору въ Ляворѣ. Послали за ляворскимъ прокуроромъ, который отозвался, что Эвраръ разсказывалъ ему, будто Видаль говорилъ ему, Эврару, что онъ видѣлъ какъ дѣвушка разговаривала съ двумя монахами и какъ одинъ изъ нихъ дѣлалъ ей знаки; потомъ на другой день тотъ же Эвраръ пришелъ къ нему и сказалъ, что все сказанное имъ прежде — ложь; потомъ на слѣдующій день Эвраръ опять явился утромъ и сказалъ, что разсказъ его вѣренъ, а отреченіе лживо, и что Лямберъ дѣлалъ ему угрозы. Потомъ онъ, прокуроръ,

послалъ за Лямберомъ, который сказалъ что Эвраръ вретъ. Наконецъ прокурору предложили вопросъ, какъ онъ полагаетъ правда ли или неправда, что Видаль говорилъ Эврару о томъ, что онъ будто бы видѣлъ. Прокуроръ отвѣчалъ: „я право не знаю что и думать объ этомъ," послѣ чего предсѣдатель отозвался: „тѣмъ болѣе не знаю и я." Эти слова представляютъ хорошій образчикъ лабиринта противорѣчій и нелѣпостей, въ которомъ потеряется изслѣдованіе, если оно будетъ останавливаться на всякомъ предметѣ, который находится въ какомъ бы то ни было отношеніи съ предметомъ спора.

Я приведу еще одинъ примѣръ того же рода. Контъ, котораго показаніе о томъ, что онъ видѣлъ Леотада въ корридорѣ дало поводъ ко всему этому розысканію, былъ въ свою очередь заподозрѣнъ, вслѣдствіе чего обвиняющая сторона „вошла въ тщательнѣйшее разсмотрѣніе всей его прошлой жизни," причемъ обнаружилось, что семь лѣтъ предъ тѣмъ онъ обольстилъ сестру своей жены; книгопродавецъ Алязаръ, съ которымъ она была помолвлена былъ вызванъ въ судъ для допроса о томъ, точно ли онъ разошелся съ нею вслѣдствіе этого и представилъ письмо ея (она скончалась шесть лѣтъ предъ тѣмъ), объясняющее ея поведеніе. Контъ хотѣлъ въ свою очередь разсказать въ чемъ было дѣло, но предсѣдатель прервалъ его рѣчь восклицаніемъ: Mon Dieu! ou cela nous menerat-il? Этотъ вопросъ былъ бы гораздо болѣе кстати въ началѣ дѣла.

Показаніе Мадлены Сабатье представляетъ второй образчикъ того, что французы называютъ incidents. Въ началѣ слѣдствія и гораздо ранѣе судоговоренія Мадлена объявила, что однажды въ апрѣлѣ (числа она не могла показать, она думаетъ что это случилось 8 или 9, слѣдовательно за недѣлю до убійства) она видала Сесиль Комбеттъ стоявшею у окна въ одномъ изъ домовъ, близъ кладбища. „Сомнительно, говоритъ обвинительный актъ, было ли число, въ которое будто бы Сабатье видала Сесиль — 15 апрѣля (несомнѣнно, что это число не 15, Сабатье сама думала что это число было 9); „но другіе болѣе положительные факты обнаружи-

ваютъ лживость свидѣтельницы.“ Нельзя не видѣть страшно утонченнаго пристрастія въ доказываніи, что должно быть извѣстное лицо было подстрекаемо къ лжесвидѣтельству, потому что обстоятельство, котораго оно невысказало могло бы послужить въ пользу подсудимому и оказалось бы ложью, если бы было сказано. Обвинительный актъ берется доказывать лживость разсказа Сабатье, если сія послѣдняя покажетъ, что дѣвушка была въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстномъ костюмѣ 15 апрѣля и т. д. Самый простѣйшій образъ дѣйствій состоялъ бы въ слѣдующемъ: оставить безъ послѣдствій женщину и ея разсказъ или дать подсудимому сослаться на нее, если онъ сочтетъ это для себя выгоднымъ. Но судъ заблагоразсудилъ, что если эта женщина будетъ призвана и показаніе ея опровергнуто, то изобличеніе ея во лжи возбудитъ предположеніе, что она была подговорена лицами, старающимися выпутать Леотада. Она была вызвана и повторила свое показаніе, которое было опровергнуто показаніями шести другихъ свидѣтелей, изъ коихъ нѣкоторые стали другъ другу противорѣчить. Сабатье была тутъ же предана суду за клятвопреступленіе.

Цѣлый рядъ показаній обязанъ своимъ происхожденіемъ слѣдамъ стопъ открытымъ жандармскимъ бригадиромъ въ монастырскомъ саду. Садовникъ монахъ Лавріанъ призналъ ихъ за свои. Онъ и бригадиръ вступили въ споръ относительно обстоятельствъ разговора, который они имѣли по этому случаю. Такъ какъ между этимъ разговоромъ и Леотадомъ не было никакой связи и такъ какъ никто не пытался установить связь между Леотадомъ и слѣдами стопъ, то это обстоятельство было не важное. Изъ него можно бы заключить что одинъ изъ монаховъ пытался дать показаніе выгодное для монастыря, но оно не годилось для удостовѣренія вины подсудимаго. Лавріанъ былъ однако взятъ подъ стражу по подозрѣнію въ лжесвидѣтельствѣ и подвергся строгимъ замѣчаніямъ. Нельзя не видѣть, что арестованіе благопріятныхъ для подсудимаго свидѣтелей по подозрѣнію въ клятвопреступленіи, потому только, что ихъ показанія были опровергаемы другими свидѣтелями, должно было произвести страшно невыгодное

для подсудимаго впечатлѣніе и испугать всякаго чье показаніе могло бы быть для него благопріятно. Вліяніе этого страха всего виднѣе въ Видалѣ. Какъ только онъ показывалъ расположеніе сказать, что по его мнѣнію дѣвушка ушла изъ монастыря, тотчасъ ему грозили тюрьмою, вслѣдствіе чего онъ путался и говорилъ вздоръ.

Еще одинъ примѣръ съ какою грубостью и жестокостью судъ можетъ обходиться съ свидѣтелями, когда ихъ показанія непонутру властямъ. Нѣкто Лассю (Lassus) далъ показаніе клонящееся къ тому, чтобы удостовѣрить о alibi Леотада. Тогда генералъ-прокуроръ сдѣлалъ о свидѣтелѣ слѣдующее замѣчаніе: „Для полнѣйшаго назиданія вашего, господа присяжные, относительно этого свидѣтеля, я думаю, что слѣдуетъ прочесть письмо отца его, которое дастъ вамъ возможность судить о его нравственности. Присутствіе этого свидѣтеля въ судѣ есть верхъ безнравственности: онб доказываетъ что они (монахи) не только злоупотребляютъ религіею, но и вступаютъ въ союзъ съ порокомъ. Представленіе подобнаго свидѣтеля, есть крайній предѣлъ неправоты и низости.“ Эти слова вывели наконецъ изъ себя адвоката защитника подсудимаго, который началъ: „если подобнымъ анаѳемамъ подвергнутся всѣ свидѣтели подсудимаго....“ Предсѣдатель прервавъ его замѣтилъ: „По совѣсти этотъ свидѣтель заслуживаетъ того что ему досталось.“

Третья группа свидѣтелей состояла изъ лицъ, спрошенныхъ для уничтоженія предположенія о совершеніи злодѣянія Контомъ посредствомъ обнаруженія, что онъ былъ въ то время въ другомъ мѣстѣ. Кажется, что не было причинъ предполагать что преступленіе было совершено Контомъ, подозрѣніе направленное противу него блеснуло только мимоходомъ въ умахъ властей на первыхъ порахъ.

Много другихъ свидѣтелей было спрошено для дачи отвѣтовъ о разныхъ слухахъ, догадкахъ и обстоятельствахъ не имѣвшихъ ни малѣйшей связи съ предметомъ. Обойщикъ Базергъ показалъ, что когда услыхалъ, что дѣвушка пропала въ мона-

стырѣ, то тотчасъ сказалъ сообщившему ему эту вѣсть, что она не выйдетъ оттуда живою. „Я имѣлъ предчувствіе, прибавилъ онъ, и замѣтилъ, что если она осталась въ монастырѣ, то интересъ монаховъ не допуститъ чтобы она вышла оттуда за-живо.“ „Это можетъ быть названо почти пророческимъ словомъ, замѣтилъ предсѣдатель, если самъ фактъ истиненъ.“ Живописецъ Мурэвъ (Muraive) сказалъ, что 20 апрѣля какой-то человѣкъ купилъ у него розовой краски, замаралъ себѣ лицо углемъ, а потомъ разкрасилъ щеки купленною краскою. „J'ai mon idée, присовокупилъ свидѣтель, это переодѣтый монахъ.“ Нѣкто Жильберъ, записывавшій въ дневникѣ все что происходило въ Тулузѣ за послѣдніе 29 лѣтъ, представилъ его въ судъ и прочиталъ изъ него отмѣтку о томъ, что тѣло дѣвушки найдено и что о причинахъ ея смерти ходятъ разные слухи. Другой свидѣтель показалъ, что видѣлъ въ саду нѣсколько раздавленныхъ кочановъ капусты.

Множество свидѣтелей вызвано со стороны защиты для доказанія alibi въ пользу Леотада и alibi въ пользу Жюбріена. Что касается Леотада, то надлежало доказать, что онъ былъ въ другой части монастыря въ ту минуту, когда Контъ будто бы видалъ его въ корридорѣ. Что касается до Жюбріена, то показываемо было, что онъ ходилъ изъ корридора въ конюшню продавать лошадь нѣкоему Бугуру, котораго сопровождалъ нѣкто Салинье. Бугуръ показалъ, что онъ видѣлъ Видаля и Рюделя; когда сіи послѣдніе отозвались что его не видали, Бугуръ былъ арестованъ. Эти показанія изложены столь неудовлетворительно въ отчетахъ, что трудно въ нихъ что либо понять. Кажется, что самъ Жюбріенъ ни разу не упомянулъ о продажѣ лошади и объявилъ, что онъ вовсе не былъ въ конюшнѣ.

Я изложилъ далеко не всѣ показанія по дѣлу Леотада; это задача невозможная и безполезная, но мое изображеніе хода судоговоренія точно и достаточно для сообщенія нѣкотораго понятія о томъ, какъ дѣйствуетъ на практикѣ система французскаго судопроизводства.

Сен-сирское дѣло [1]).

(1860).

Въ іюнѣ 1860 г. въ Ліонѣ судились Жанъ Жоанонъ (Joanon), Антонъ Дешанъ (Dechamps) и Жанъ-Франсоа-Кретіенъ (Chretien) за убіеніе Маріи Дефаржъ, за убіеніе и изнасилованіе ея невѣстки Жанны-Маріи Гайе и ея внучки Пьерретты Гайе и за ограбленіе дома, въ которомъ были совершены эти изнасилованія и убійства. Въ тоже время жены Дешана и Кретіена судились за укрывательство заграбленныхъ вещей. Судъ начался 7 іюня, но 12 того же мѣсяца онъ былъ отложенъ до слѣдующихъ ассизовъ, которые открылись 10 іюля. 15 іюля Жоанонъ, Дешанъ и Кретіенъ признаны всѣ трое виновными, приговорены къ смертной казни и казнены. Жена Кретіена признана виновною въ укрывательствѣ похищеннаго и приговорена къ 6 лѣтнему строгому заключенію (réclusion). Жена Дешана освобождена. Обстоятельства дѣла были слѣдующія.

70 лѣтняя старуха Марія Дефаржъ проживала въ St. Cyr-au-Mont-d'Or близъ Ліона, вмѣстѣ со своею 38 лѣтнею невѣсткою Маріею Гайе и своею внучкою Пьерреттою Гайе, имѣвшею 13 лѣтъ и 3 мѣсяца, въ домѣ принадлежавшемъ г-жѣ Гайе. Эта семья имѣла до 64,000 франковъ состоянія не считая драгоцѣнныхъ вещей и наличной монеты. Вышеупомянутыя женщины жили однѣ, не держали людей у себя въ услуженіи и нанимали работниковъ для обработки полей. 15 октября 1859 г. домъ ихъ былъ весь день запертъ, точно также и 16 октября. Обезпокоенный этимъ сосѣдъ Бене заглянулъ въ окно спальни и увидѣлъ, что постели убраны, но ящики отворены и вещи раскиданы въ большомъ безпорядкѣ. Въ верхнемъ этажѣ всѣ три женщины найдены мертвыми на полу въ кухнѣ. У бабки ноги были скрещены, у другихъ

[1]) Отчетъ о засѣданіяхъ суда по этому дѣлу изданъ въ Ліонѣ, 1860 г. и составленъ, кажется, адвокатомъ Гранома (Grand).

женщинъ раздвинуты. Бабка имѣла раны, причиненныя тупымъ орудіемъ по головѣ съ проломомъ черепа, изъ коихъ одна образовала скважину, сквозь которую можно было бы просунуть палецъ до самаго мозга. Кромѣ того, ея горло было порѣзано чѣмъ-то въ родѣ топора. Мать была поражена ударомъ въ сердце, кромѣ того у нея была другая рана отъ удара на правой сторонѣ груди. Она имѣла, кромѣ того, рану отъ порѣза, разсѣкавшую височную артерію надъ правымъ ухомъ и ссадины на рукахъ, на горлѣ же знаки давленія, которые могли быть причинены колѣномъ. Дочь имѣла рану отъ тупаго орудія на большомъ пальцѣ руки и рану отъ порѣза въ сердце острымъ орудіемъ, вѣроятно тѣмъ же, которое было употреблено противъ ея матери. Тѣла матери и дочери носили на себѣ слѣды изнасилованія. Два деревянные сосуда стояли близъ труповъ съ окрашенною кровью водою, въ которыхъ, кажется, что убійцы умывали свои руки. Домъ былъ ограбленъ.

Изъ трехъ подсудимыхъ Дешанъ и Кретіенъ были родственниками убитыхъ женщинъ. Тетка Кретіена приходилась теткою по отцу г-жѣ Гайе. Кретіенъ былъ ея повѣренный (mandataire). Дешанъ изъявилъ притязаніе на наслѣдованіе послѣ убитыхъ, не извѣстно на какомъ основаніи. Жоанонъ не былъ и родня, но находился въ услуженіи по найму у г-жи Гайе, какъ земледѣлецъ и предлагалъ жениться на ней за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Г-жа Бошаръ, которая взялась быть его свахою показываетъ, что г-жа Гайе отказала Жоанону, говоря, „что она не хочетъ связываться съ этою семьею и что она полагаетъ, что и самъ Жоанонъ пьяница, лентяй и обжора.“ Кажется, однако, что г-жа Бошаръ не считала этого отказа окончательнымъ и сказала Жоанону, что бракъ можетъ состояться впослѣдствіи. Кажется, что и послѣ того онъ продолжалъ служить у г-жи Гайе, по словамъ его адвоката, около двухъ лѣтъ. Обвинительный актъ говоритъ, что послѣ отказа барыня его искала случая отпустить его, но это непонятно, потому что она могла ежеминутно отказать ему отъ службы неприводя никакихъ резоновъ.

Много показаній дано для доказанія, что вслѣдствіе отказа

г-жи Гайе вступить въ бракъ съ Жоаномъ, сей послѣдній выражалъ къ нимъ свое недоброжелательство, что мать и дочь боялись его и что вообще онъ былъ человѣкъ дурнаго характера. Ни одно изъ этихъ показаній не было рѣшительное. Недоброжелательство Жоанона выражалось тѣмъ, что онъ сказалъ женщинѣ Лопиталь: „эти женщины боготворятъ свои деньги, но никто незнаетъ, что можетъ приключиться женщинамъ живущимъ одиноко.“ Эти слова были сказаны за 7 мѣсяцевъ до преступленія. Нѣкоему Бернару Жоанонъ сказалъ, что онъ позволилъ себѣ многое въ отношеніи г-жи Гайе, но что она воспротивилась его ласкамъ. Нѣчто подобное сообщилъ онъ г-жѣ Лора. Бертрану онъ сказалъ: „я сдѣлалъ предложеніе о женитьбѣ вдовѣ Гайе, она отказала, но она въ томъ раскается,“ причемъ онъ побожился. Женщина Делормъ заходила разъ къ г-жѣ Гайе за четыре года до убійства и нашла ее въ слезахъ; чепецъ ея былъ въ безпорядкѣ; когда Делормъ намѣревалась уйти, Гайе давала ей знаки, чтобы остаться. Обвинительный актъ приводитъ слѣдующіе доводы того, что Гайе опасались Жоанона: „Гайе не заблуждались нисколько насчетъ дурнаго расположенія Жоанона въ отношеніи къ нимъ. Будучи боязливыми и зная, что этотъ человѣкъ на все готовъ, онѣ *едва дерзали открыть ближайшимъ друзьямъ своимъ частицу своихъ подозрѣній.* Менѣе воздержная Пьерретта упомянула объ нихъ нѣсколькимъ лицамъ.“ Едва ли можно одобрить подобный оборотъ, вслѣдствіе котораго, посредствомъ остроумнаго пріема, даже молчаніе убитыхъ женщинъ превращается въ улику, свидѣтельствующую противъ подсудимаго.

Мало было данныхъ доказывающихъ, что г-жа Гайе жаловалась на Жоанона. Одинъ свидѣтель Дюшармъ сказалъ, что за 8 дней до преступленія г-жа Гайе жаловалась ему на ночныя посѣщенія и докучливость Жоанона, вслѣдствіе чего онъ совѣтовалъ ей обратиться къ меру или къ полиціи. При допросѣ Жоанона предсѣдатель сказалъ, что г-жа Гайе жаловалась меру общины, что Жоанонъ ее безпокоитъ. Меръ однако показалъ, что въ послѣднемъ своемъ посѣщеніи въ канцеляріи, Гайе хотѣла разговориться

о Жоанонѣ, но успѣла только сказать: *il m'ennuie*, на этомъ разговоръ былъ прерванъ. Дѣвушка Пьерретта жаловалась также и говорила одному изъ свидѣтелей, что Жоанонъ перелѣзалъ къ нимъ черезъ стѣну и испугалъ всѣхъ, кромѣ матери. Случилось, что именно этому свидѣтелю предложенъ былъ вопросъ въ духѣ англійскаго перекрестнаго допрашиванія: „выражала ли Пьерретта серьезное опасеніе или чувство неопредѣленное?“ „Не совсѣмъ (т. е. не совсѣмъ серьезное) былъ отвѣтъ, одно только, что онѣ боялись быть въ любой часъ зарѣзанными, не относя этого опасенія къ Жоанону. Однако онѣ его боялись.“ Этотъ отвѣтъ изображаетъ хорошо всю цѣнность подобнаго рода сплетенъ. Пьерретта сказала другому свидѣтелю Дюпону, что онѣ опасались насильственной смерти. Дѣвушка Марія Винья, подруга Пьерретты показала, что Пьерретта выражала и ей свое опасеніе быть убитою. „Вечеромъ, предъ самымъ убійствомъ, я сказала ей: прощай до завтра. Она отвѣчала: нельзя отвѣчать за завтра. Ты приходишь къ намъ иногда по вечерамъ, приходи лучше по утрамъ — тогда по крайней мѣрѣ ты поднимешь всѣхъ на ноги, если найдешь насъ убитыми.“ Кажется, что она не говорила что боится, что Жоанонъ ихъ убьетъ, но она выражалась объ немъ неодобрительно предъ Маріею Винья. Она сказала: „говорятъ, что ты выходишь за мужъ за Жоанона. Лучше бы ты бросилась въ Сону, повязавъ камень на шею. Онъ страшный человѣкъ. Матушка и я боимся его и нежелали бы ни за что въ свѣтѣ встрѣтиться съ нимъ на пути.“

Ни одно изъ этихъ показаній не было бы допущено въ англійскомъ судѣ. Нельзя сказать, чтобы они не имѣли никакого вѣса. Фактъ существованія дурныхъ отношеній между людьми доказывается хорошо и даже лучше тѣмъ, что они другъ о другѣ говорятъ за глаза, нежели тѣмъ, что они говорятъ другъ къ другу въ глаза. Однако эти рѣчи очень мало служатъ къ уясненію вѣроятности того, что преступленіе было совершено. Ясно было, что Пьерретта не любила и боялась Жоанона, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ далъ основательный поводъ къ опасеніямъ. Ея рѣчи объясняются простѣйшимъ образомъ тѣмъ,

что онъ ей не нравился и хотѣлъ жениться на ея матери. Ея боязнь быть зарѣзанною доказываетъ только, что она была трусиха, да это чувство понятно въ дѣвушкѣ, живущей одиноко съ матерью и бабкою.

Послѣдствія этихъ обстоятельствъ описаны слѣдующимъ образомъ въ обвинительномъ актѣ: „послѣ 16 октября (день открытія труповъ), общественное мнѣніе высказалось сильно противъ Жоанона. Онъ поселился въ Сен-Сирѣ лишь за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Его домъ былъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ дома Гайе. Хотя Жоанонъ былъ сынъ зажиточныхъ родителей, кажется однако, что его родня отказалась отъ него. Его дѣдъ по матери лишилъ его наслѣдства по домашнему духовному завѣщанію (testament holographe) отъ 21 февраля 1857 года, присовокупляя слѣдующія слова, имѣющія видъ проклятія: „я „дарю и отказываю моему внуку Жану Жоанону старшему, десять „франковъ, потому что велъ себя прескверно.“ Жоанонъ жилъ одиноко; свидѣтели называютъ его безнравственнымъ человѣкомъ, имѣющимъ мрачный, фальшивый и злой характеръ. Главные свидѣтели по этой статьѣ были меръ и мировой судья. Меръ сказалъ съ перваго раза: „Жоанона боялись и не любили.... Я не слыхалъ, чтобы онъ былъ развратный человѣкъ.“ При вторичномъ допросѣ онъ отозвался иначе. — *Предсѣдатель:* „дайте мнѣ свѣденія о нравственности Жоанона?“ — *Отвѣтъ:* „Жоанонъ велъ себя очень дурно въ Сен-Сирѣ. Я дважды слыхалъ о его шалостяхъ (niaiseries), которыя оканчивались предъ мировымъ судьею. Онъ любилъ общество глупыхъ дѣвокъ и дрянныхъ бабъ.“ — Мировой судъ отозвался, что у Жоанона былъ дурной характеръ. „Онъ долженъ былъ 5 франковъ полевому стражу и не заплатилъ ихъ; онъ кралъ люцерну; изъ жадности, скупости или по недобросовѣстности онъ отказался заплатить долгъ въ 50 франковъ булочнику. Я знаю, что онъ развратничалъ и извѣстно что онъ зналъ съ дурными женщинами.“ Судья упомянулъ также о связяхъ Жоанона съ дѣвками идіотками. Когда Жоанона спросили, что онъ на

это скажетъ, онъ отозвался: „г. мировой судья наслушался того, что говорятъ сен-сирскіе злые языки.“ Весьма разумное замѣчаніе.

Я подробно изложилъ эту группу показаній, чтобы объяснить, какого рода данныя устраняются англійскими правилами о доказательствахъ.

19 октября Жоанонъ былъ вызванъ и допрошенъ подобно многимъ другимъ о томъ, гдѣ онъ былъ во время совершенія преступленія. Онъ сказалъ сначала, что пришелъ домой въ 8 часовъ 30 минутъ вечера и что потомъ ходилъ къ булочнику. На другой день онъ заходилъ къ булочнику Піоншону и просилъ его сказать, что онъ, Жоанонъ, покупалъ въ булочной хлѣбъ въ тотъ вечеръ и провелъ этотъ вечеръ съ Піоншономъ. Таково было показаніе Піоншона въ судѣ, которое разнилось немного отъ показанія, даннаго имъ при слѣдствіи. Жоанонъ оправдывался такимъ образомъ: „я сказалъ ему, что далъ маху у судьи-слѣдователя, но я не подговаривалъ Піоншона къ лжесвидѣтельству.“ Жоанонъ былъ въ самомъ дѣлѣ у Піоншона за день до убійства. При слѣдующемъ допросѣ (20 октября) Жоанонъ отозвался, что онъ могъ ошибиться относительно булочника, но что онъ былъ у Винья и вернулся домой въ 7 ч. 30 минутъ. 21 октября онъ показалъ, что пробылъ у Винья до 7 ч. 30 м., послѣ чего вернулся домой. Г-жа Винья и ея дочь показали, что онъ отъ нихъ ушелъ около 4 часовъ. Онъ присовокупилъ, что его должны были видѣть три лица Мандару, Лора и Леноаръ. Мандару видѣлъ его около 5 часовъ, Лора слышалъ голосъ его въ домѣ въ 7 ч. 15 минутъ; двѣ женщины Ноаръ и Дюри встрѣтили его въ 30 или 40 шагахъ отъ дому Гайе около 7 часовъ 30 минутъ. Одна изъ нихъ Дюри слышала, какъ били часы въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ. Жоанонъ отозвался, что онъ встрѣтился съ Ноаръ и Дюри не въ 7 ч. 30 м., но въ 6 ч. 30 минутъ. Защитникъ Жоанона доказывалъ, что по словамъ Лора обѣ женщины Ноаръ и Дюри, занимавшіяся у него стиркою бѣлья, вышли отъ него

въ 5 ч. 45 м. и, что отъ его дома до мѣста, гдѣ онѣ встрѣтили Жоанона всего 1748 метровъ или меньше мили съ четвертью. Отсюда защитникъ заключалъ, что сдѣланный Жоаномъ разсчетъ времени вѣренъ. Извѣстно, какъ трудно опредѣлять точнымъ образомъ время. Преступленіе совершено по всей вѣроятности между 6 ч. 30 м. и 7 ч. 30 м. Домъ Жоанона былъ всего на разстояніи 200 шаговъ отъ дома Гайе, слѣдовательно, вернулся ли онъ домой въ 6 ч. 30 м. или въ 7 ч. 30 м., все-таки онъ былъ близъ мѣста совершенія преступленія въ то время, когда оно совершено.

При допросѣ въ судѣ Жоанонъ показалъ, что онъ ходилъ осмотрѣть принадлежащій ему участокъ земли, вернулся въ началѣ ночи а больше никуда невыходилъ. Предсѣдатель замѣтилъ: вы дали много разногласныхъ показаній при слѣдствіи; вы даете ежедневно новыя. *Отвѣтъ:* „Они мнѣ столько наговорили, они меня столь мучительно пробирали (ils m'ont si pèniblement retourné), что я самъ не знаю, что говорилъ“ ... Въ общемъ результатѣ выходитъ, что хотя онъ не доказалъ своего alibi, но онъ и не пробовалъ установить alibi, такъ какъ его разговоръ съ Піоншономъ относился только къ одной части вечера. И такъ, хотя съ одной стороны несомнѣнно, что онъ находился вблизи того мѣста, гдѣ совершалось преступленіе, но съ другой стороны очень естественно приходилось ему быть тамъ, такъ какъ онъ былъ у себя дома. Мнѣ кажется, что разнорѣчивыя его показанія при шести или семи допросахъ ровно ничего не доказываютъ. Слабая или сбивчивая память, суровость слѣдователя, которая располагала къ мелкой и близорукой хитрости и лжи, боязнь быть заподозрѣннымъ, объясняютъ это разнорѣчіе столь же хорошо или лучше нежели сама вина. Виноватый едва ли бы наименовалъ видавшія его лица и почувствовалъ бы вѣроятно необходимость изобрѣсти какую либо исторію и раскрасить ее. Разнорѣчія Жоанона можно привести какъ примѣръ замѣшательства, производимаго слишкомъ большими требованіями отъ памяти человѣка. Труднѣе сказать въ чемъ собственно состоятъ разнорѣчія въ показаніяхъ Жоанона и какія заключенія

слѣдуетъ вывести изъ этихъ разнорѣчій, нежели составить себѣ, независимо отъ его показаній, мнѣніе о его невинности или винѣ. Свидѣтельство человѣка такимъ образомъ повѣряемое, походитъ на рукопись, въ которой столько подскобленнаго и столько помарокъ, что наконецъ она превратилась въ какой то непонятный узоръ. Излишнее допрашиваніе производитъ такимъ образомъ иногда мракъ вмѣсто свѣта.

Несмотря на возбужденное противъ Жоанона подозрѣніе онъ не былъ арестованъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ никакихъ новыхъ свѣдѣній о преступленіи не получено. Наконецъ 14 февраля черезъ 4 мѣсяца послѣ происшествія, Жоанонъ былъ однажды въ кабакѣ и пилъ вино вмѣстѣ съ полевымъ сен-сирскимъ сторожемъ, (garde champêtre) который потребовалъ отъ него 5 франковъ, кои Жоанонъ былъ ему долженъ. Жоанонъ сказалъ; „я дамъ вамъ эти деньги, но скажите прежде того, что я хорошій человѣкъ.“ Стражъ отвѣчалъ: „Всякій въ сосѣдствѣ обвиняетъ васъ; вамъ бы слѣдовало по крайней мѣрѣ дѣвушку то пощадить.“ — „Я дѣлалъ что могъ, я не могъ предупредить; но я не подпишу.“

Въ такихъ то именно случаяхъ всего нужнѣе перекрестный допросъ. Очень можетъ быть, что при перекрестномъ допросѣ выраженія, вырвавшіяся у Жоанона, получили бы иной смыслъ и оборотъ, нежели тотъ, какой былъ имъ данъ человѣкомъ, очевидно охотившимся на признаніе. Отчетъ о дѣлѣ неполонъ (подобно всѣмъ французскимъ) и перекрестный допросъ не имѣлъ мѣста. Другой свидѣтель Бизайонъ слышалъ тѣ же слова, но передаетъ ихъ совершенно иначе: „вы хотите заставить меня говорить, но я не подпишу.“ Два другіе свидѣтеля, Жераръ и Клеманъ, выразились не много посильнѣе. По показанію Жерара слова Жоанона были: „я старался предупредить преступленіе;“ — по показанію Клемана они были: „я старался предупредить злодѣяніе, постигшее семью Гайе.“ Клеманъ жаловался, что Жоанонъ пытался надуть его на 50 франковъ, посредствомъ поддѣльной квитанціи. Жераръ присовокупилъ, что Жоанона закидали вопросами относительно его участія въ убійствѣ и что онъ говорилъ въ полной увѣренности,

что обвиненіе его въ преступленіи уже оставлено. Самъ Жоанонъ сказалъ, что онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ сторожа, который мучилъ его вопросами. Какъ бы то ни было, его тотчасъ арестовали. Передъ моромъ онъ отозвался, что лучше бы ему сломать ногу, нежели сказать то, что онъ сказалъ. Жоанонъ отрекся отъ этихъ словъ, но они ничего не доказываютъ. Замѣчаніе было вполнѣ вѣрное, былъ ли онъ виноватъ или невиненъ.

Таковы всѣ доказательства вины Жоанона, за исключеніемъ собственныхъ признаній двухъ другихъ подсудимыхъ, которыя были получены при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 16 февраля, черезъ два дня по заарестованіи Жоанона, Кретьенъ продавалъ пару золотыхъ часовъ въ Ліонѣ. Часовыхъ дѣлъ мастеръ нашелъ на нихъ пятна, какъ будто бы отъ крови и снесъ ихъ къ полицейскому комиссару. При изслѣдованіи оказалось, что пятна не были кровяныя, но что часы принадлежали Гайе, вслѣдствіе чего Кретьенъ и былъ арестованъ. Сначала онъ отозвался, что при продажѣ вещей съ аукціона, онъ укралъ часы, найденные имъ въ одномъ изъ ящиковъ. Это показаніе было опровергнуто свидѣтелями. Въ имуществѣ его произведены обыски. При первомъ обыскѣ у него нашли 670 франковъ, которыхъ происхожденія онъ не могъ объяснить. При второмъ обыскѣ у него нашли кошелекъ съ 1380 фр. золотомъ, мѣшокъ съ жемчугомъ и разными мелочами, которые признаны принадлежащими Гайе. Кретьенъ отозвался, что онъ о деньгахъ ничего не знаетъ, что это деньги его жены.

Жена Кретьена показала, что вступая въ бракъ имѣла 600 фр., которые спрятала отъ мужа; что 12 лѣтъ тому назадъ имѣла любовника, который по ее же словамъ, давалъ ей по 120 фр. въ годъ (эту сумму предсѣдатель назвалъ громадною) [1]), наконецъ, что она получала доходы съ домашнихъ птицъ. Она отозвалась, что какъ только ей удавалось выручить золотую монету, она тотчасъ опускала эту монету въ мѣшокъ и никогда не вынимала ее

[1]) Dans la situation pécuniaire où vous êtes à raison de vos dettes cette somme de 120 fr. était énorme.

назадъ. Она была замужемъ 20 лѣтъ. При разборѣ монетъ оказалось, что только 220 франковъ старѣе по чекану 1839 г., когда по ея словамъ у нея было 600 фр.; что 200 фр. приходятся на время отъ 1839 по 1852 г. и 900 фр. на время отъ 1852 по 1859 годъ. Это остроумное средство привело жену Кретьена къ молчанію. Кретьенъ затруднялся отдать отчетъ о томъ какъ онъ провелъ время. Домой онъ вернулся въ 8 часовъ, а съ работы ушелъ въ половинѣ пятаго.

Такъ какъ предполагалось что Кретьенъ могъ совершить убійство для полученія наслѣдства, то по этой же причинѣ арестованъ былъ и Дешанъ, также заинтересованный какъ наслѣдникъ. Обвинительный актъ говоритъ, что у него найдены разныя вещи и что отца его видѣли копающимъ яму, въ которую, по его же словамъ, онъ упряталъ разныя мѣдныя вещи, данныя ему сыномъ. Дешанъ былъ арестованъ, потомъ выпущенъ изъ тюрьмы, послѣ чего скрылся. Онъ точно также какъ Кретьенъ и Жоанонъ, затруднялся доказать свое alibi. Его жена просила сосѣда показать, что сей послѣдній видалъ ее въ промежуткѣ отъ 5 до 8 часовъ. При обыскѣ въ колодезѣ у Дешана найдено орудіе для рубки винограда. Ручка этого орудія была отрублена, поверхность остающагося куска обуглѣна, желѣзо носило слѣды пребыванія въ огнѣ. Жена Дешана давала взятку лицамъ, производившимъ обыскъ, чтобы они небрали этого орудія. Инструментъ этотъ принадлежалъ Гайе и могъ быть употребленъ для нанесенія ранъ, найденныхъ на горлѣ у бабки и у внучки. Его видали въ домѣ Гайе вскорѣ послѣ убійства, запрятаннымъ между хворостомъ въ погребѣ, потомъ онъ исчезъ. Конечно со стороны Дешана было непростительно глупо, что онъ взялъ къ себѣ это орудіе, но на эту глупость попадаются часто виновные; поведеніе жены Дешана обнаружило ясно, что орудіе было нарочно брошено въ колодезь. По англійскимъ правиламъ о доказательствахъ, это доказательство было бы устранено. Показаніе жены въ отсутствіе мужа не допускается противъ мужа по англійскому праву. Однако важность этого показанія несомнѣнна.

Кретьенъ и Дешанъ были арестованы и отправлены въ Ліонъ.

3 апрѣля Кретьенъ послалъ за судьею-слѣдователемъ и сдѣлалъ предъ нимъ полное признаніе, состоящее въ томъ, что убійство было задумано Жоанономъ изъ мести за испытанный имъ со стороны г-жи Гайе отказъ. Онъ, Кретьенъ, подговорилъ на убійство Дешана, представляя ему, что и Дешанъ получитъ часть наслѣдства. Дешанъ согласился за двѣ недѣли до убійства. Жоанонъ назначилъ день убійства 14 октября около 6 часовъ; Дешанъ зашелъ къ Кретьену и отправился съ нимъ въ тутовую рощу, близъ дома Гайе, гдѣ они застали Жоанона. Они отправились всѣ вмѣстѣ въ домъ Гайе, который нашли незапертымъ и застали семью за ужиномъ. Женщины встрѣтили ихъ ласково, разговаривали съ ними въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, послѣ чего Жоанонъ далъ сигналъ къ убійству словомъ: *allons*. Кретьенъ державшій въ рукахъ камень, ударилъ бабку и убилъ ее сразу, Дешанъ зарѣзалъ дѣвушку ножемъ, а Жоанонъ напалъ на мать. Она защищалась орудіемъ, которое потомъ найдено въ колодезѣ, но Дешанъ вырвалъ у нея это орудіе, послѣ чего Жоанонъ убилъ ее. Затѣмъ Жоанонъ и Дешанъ совершили изнасилованіе надъ трупами. Изъ дѣла невидно, какъ объяснялъ Кретьенъ раны на шеѣ.

На очной ставкѣ съ Дешаномъ и Жоаномъ, Дешанъ уличалъ Кретьена во лжи, а съ Жоаномъ случилось что то странное, что передается такимъ образомъ въ обвинительномъ актѣ: „чтобы дать понятіе о его видѣ и странныхъ выходкахъ во время очныхъ ставокъ, необходимо переписать дословно весь протоколъ судьи-слѣдователя.“ Послѣ первой очной ставки Жоанонъ утверждалъ, что невидалъ Кретьена и желаетъ опять быть сведеннымъ съ нимъ съ очей на очи. Кретьена предъявляли ему многократно. Порою Жоанонъ отзывался, что онъ не знаетъ этого человѣка, и что говоритъ съ нимъ первый разъ; порою онъ просилъ, чтобы его оставили съ Кретьеномъ на единѣ на часъ, что онъ заставитъ его признаться во лжи и измѣнить свои рѣчи; порою Жоанонъ пробовалъ обольстить Кретьена обѣщаніями взять на себя попеченіе о его женѣ и дѣтяхъ, разсказами о богатствѣ своей семьи, увѣреніями, что онъ, Жоанонъ, привязанъ къ Кретьену словно братъ и желаетъ

оказать ему всяческія услуги. Кретьенъ не поколебался, онъ привелъ на память своему сообщнику всѣ обстоятельства ихъ преступленія. Тогда Жоанонъ обругалъ его, назвалъ его лицемѣромъ и бѣснующимся и обвинилъ его въ исковерканіи событія, въ сокрытіи настоящихъ сообщниковъ преступленія: своихъ друзей, родныхъ и сына. Потомъ вдругъ мѣняя тонъ, онъ сдѣлался мягокъ и сладокъ, говорилъ Кретьену что интересуется имъ, что не подозрѣваетъ его въ злоумышленности и проситъ его образумиться. Онъ упоминалъ и о деньгахъ, которыми располагаетъ и объ услугахъ, которыя можетъ оказать женѣ и дѣтямъ Кретьена, если только Кретьенъ сдѣлаетъ настоящее признаніе; если Кретьенъ причинитъ ему, Жоанону, смерть, то онъ Жоанонъ ничего не будетъ въ состояніи для него сдѣлать.“

Поведеніе Жоанона, когда онъ услыхалъ о показаніи Кретьена, есть безъ сомнѣнія важная улика, которая могла бы служить или къ обвиненію его или къ оправданію. По англійскимъ понятіямъ это и было бы единственное доказательство, которое могло бы быть противъ него допущено въ судѣ. Лучшимъ примѣромъ того, до какой степени французское судопроизводство беретъ дѣло изъ рукъ присяжныхъ и передаетъ его властямъ, можетъ служить то обстоятельство, что по отношенію къ этому самоважнѣйшему доказательству, присяжнымъ пришлось руководствоваться только личными впечатлѣніями генералъ-прокурора, писавшаго обвинительный актъ, полученными имъ при чтеніи протоколовъ судьи-слѣдователя. Чтобы сказали въ Англіи, если бы присяжныхъ заставляли рѣшать дѣла по впечатлѣніямъ, адвоката по части обвиненія, когда онъ читалъ показанія свидѣтелей.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла генералъ-прокуроръ заблагоразсудилъ прочесть цѣликомъ протоколъ. Этотъ протоколъ столь характеристиченъ, что я приведу дословно ту часть его, которая описываетъ очную ставку Кретьена съ Жоанономъ.

Судья-слѣдователь къ Кретьену: „Стоите ли вы на томъ, что никакихъ болѣе объясненій вы не можете дать юстиціи?“

Отвѣтъ. „Да, господинъ судья, я не имѣю ничего больше

сказать. Я подтверждаю мое признаніе, которое выражаетъ истину.“

Мы, судья-слѣдователь, вызвали подсудимаго Жоанона изъ тюрьмы въ нашу камеру. Кретьенъ повторилъ въ его присутствіи свое признаніе, причемъ Жоанонъ отвѣчалъ только: „что съ вами Кретьенъ? можете ли вы обвинять меня въ томъ, что я участвовалъ въ этомъ злодѣяніи?“ — Кретьенъ возразилъ энергически: „да, да, Жоанонъ, я обвиняю тебя, потому что ты виноватъ и потому что ты вовлекъ меня въ злодѣяніе.“

Того же числа въ четыре часа Жоанонъ просилъ переговорить со мною, вслѣдствіе чего будучи вызванъ изъ тюрьмы въ мой кабинетъ, онъ могъ сказать только: „я невиненъ, я невиненъ!“

В. „Вы присутствовали при томъ, какъ Кретьенъ приводилъ вамъ на память всѣ обстоятельства злодѣянія, къ которому вы были подстрекателемъ.“ — *О.* „Я слышалъ что Кретьенъ обвиняетъ меня, но я не видалъ его. Я былъ смущенъ.“

В. „Ваше смущеніе не могло помѣшать вамъ видѣть Кретьена. Онъ стоялъ въ четырехъ шагахъ отъ васъ въ вашей камерѣ.“ — *О.* „Однако я не видалъ его, до того я былъ смущенъ.“

В. „Вы видѣли его и даже говорили съ нимъ.“ *О.* „Признаюсь, что я говорилъ къ нему, но невидя его.“

Мы, судья-слѣдователь, потребовали опять Кретьена въ нашу камеру.

В. (къ Жоанону) „Видите ли теперь Кретьена? узнаете ли вы его?“ *О.* „Я никогда прежде не видалъ этого человѣка.“

Кретьенъ (по собственному побужденію). „Каналья! Ты видалъ меня хорошо въ тутовой рощѣ, да и я тебя видалъ, къ моему несчастію. Ты всему этому виною, безъ тебя не быть бы мнѣ здѣсь.“

Жоанонъ: „Я никогда не говорилъ съ тобою до сегодняшняго дня.“

Кретьенъ: „Видалъ тебя я не часто, но слишкомъ хорошо и говорилъ слишкомъ много съ тобою 14 прошлаго октября въ тутовой рощѣ, вечеромъ въ 7 часовъ.“

Эти отвѣты важны, но выводы, которые можно изъ нихъ сдѣлать пропадаютъ въ томъ извлеченіи, которое представилъ обви-

нительный актъ. Изъ нихъ видно, что Кретьенъ самъ сознается, что онъ почти не зналъ человѣка, по подговору коего рѣшился совершить страшное злодѣяніе надъ своими же родными.

Жоанонъ. „Господинъ судья, поищите виновныхъ и вы найдете ихъ.“

В. „Въ какомъ мѣстѣ тутовой рощи находился Жоанонъ.“ *О.* „Насупротивъ малаго окошка, возлѣ кухонной трубы; чрезъ это окошко можно видѣть что дѣлается въ кухнѣ. Жоанонъ сообщилъ намъ, что обѣ вдовы Дефаржъ и Гайе ужинаютъ и указалъ каждому изъ насъ на его жертву.“

В. „Что же вы скажете Жоанонъ?“ *О.* „Этотъ человѣкъ дастъ вамъ болѣе обстоятельное и болѣе полное показаніе. Посадите насъ на одинъ часъ въ одну и туже камеру и я вамъ ручаюсь, что онъ вамъ скажетъ еще нѣчто.“

В. „Почему хотите вы остаться на единѣ съ Кретьеномъ?“ *О.* „Потому, что когда я исповѣдаю (confessé) Кретьена, то онъ перестанетъ меня обвинять. Этотъ человѣкъ не знаетъ, какія услуги я могу оказать ему и его дѣтямъ. Онъ, бѣднякъ, не знаетъ, что моя семья богатая; онъ не знаетъ, какъ я привязанъ къ нему, точно къ брату. Я хочу оказать ему всяческія услуги. Сдѣлайте то о чемъ я прошу, ради разъясненія настоящаго дѣла.“

В. (къ Кретьену). „Слышите что онъ говоритъ?“ *О.* „Слышу и остаюсь при моемъ признаніи, потому что оно истинное. Мы были втроемъ: Жоанонъ, Дешанъ и я. Жоанонъ сказалъ, что мы должны явиться къ этимъ женщинамъ и сказать, что мы ищемъ убѣжища отъ грозы (гроза была страшная въ то время) и что по сигналу, который онъ, Жоанонъ, дастъ словомъ *allons*, каждый изъ насъ долженъ броситься на свою жертву.“

Жоанонъ. „Я этого не говорилъ; (послѣ нѣкотораго молчанія) я былъ дома.“

Кретьенъ (продолжая). „Жоанонъ обращаясь къ Дешану сказалъ: „Ты убьешь Пьерретту, Кретьенъ возметъ вдову Дефаржъ, а я раздѣлаюсь съ вдовою Гайе.“

Жоанонъ (прерывая). „Оставьте меня на одинъ часъ съ нимъ.

Я заставлю его взять назадъ свои слова. (Къ Кретьену). Слушай парень, ты думаешь что ты поправляешь свои дѣла, но ты ошибаешься. Умереть придется только однажды. Подумай. Этотъ человѣкъ хочетъ спасти сына, который безъ сомнѣнія помогалъ ему."

Кретьенъ. „Сынъ мой вотъ уже три года, какъ не былъ въ Сен-Сирѣ. 14 октября онъ находился на разстояніи 160 миль отъ этого мѣста. (Это обстоятельство подтвердилось при слѣдствіи).

Жоанонъ. „Надѣюсь, что Дешанъ сдѣлаетъ лучшее признаніе."

В. „И такъ вы знали, что Дешанъ виноватъ!» (замѣчательна готовность, съ которою слѣдователь пытается поймать на словахъ подсудимаго). *О.* „Я сказалъ что Дешанъ признается если онъ виноватъ."

В. (къ Кретьену) „Продолжайте вашъ разсказъ о событіяхъ 14 октября." *О.* „Получивъ наставленія отъ Жоанона, мы перелѣзли чрезъ ограду, отдѣляющую дворъ отъ тутовой рощи. Когда мы дошли до двери, ведущей въ кухню, то Жоанонъ вошелъ первый." Жоанонъ (прерывая). „Ты все выставляешь меня первымъ." *Кретьенъ.* „Дешанъ вошелъ второй — я третій. Когда мы вошли Жоанонъ сказалъ, что мы зашли укрыться отъ грозы. Женщины ужинали. Онѣ встали и предложили намъ стулья. Онѣ приняли насъ хорошо, бѣдныя женщины."

Жоанонъ. „Все это ложь. Я былъ дома."

В. (къ Жоанону), „Вы слышали эти подробности. Что скажете вы на нихъ?" *О.* „Мнѣ жаль Кретьена, онъ не злой человѣкъ, да и я не злой. Онъ образумится, я же прійму на мое попеченіе его жену и дѣтей, если только онъ сдѣлаетъ тѣ признанія, которыя онъ обязанъ сдѣлать."

Кретьенъ. „Подлецъ, моя жена и дѣти не нуждаются въ твоемъ попеченіи."

В. „Если вы невинны, то почему же Кретьенъ обвиняетъ васъ, не щадя себя самъ при этомъ." *О.* „Не знаю; можетъ быть онъ надѣется скрыть пріятеля (un des siens). Бѣднякъ, онъ думаетъ что онъ выпутается, но онъ только ухудшаетъ свое положеніе."

В. „Кретьенъ продолжайте.“ *О.* „Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, посвященнаго грозѣ, Жоанонъ поднялся говоря: *allons!* По этому знаку мы устремились на наши жертвы, по условію, состоявшемуся въ тутовой рощѣ. Я убилъ вдову Дефаржъ камнемъ, бѣдняжка упала къ моимъ ногамъ. Жоанонъ и Дешанъ, вооруженный ножемъ бросились на вдову Гайе и ея дочь Пьерретту. Вдова Гайе вырываясь изъ рукъ Жоанона, схватила съ буфета орудіе, которое вы мнѣ показывали и хотѣла защищаться. Увидѣвъ это, Дешанъ пришелъ на помощь къ Жоанону и обезоружилъ Гайе.“ Потомъ обѣ женщины были убиты и изнасилованы. „Дешанъ и Жоанонъ омыли руки, ушли въ другую комнату, гдѣ я взялъ изъ шкафа пару часовъ, которыя потомъ хотѣлъ продать въ Ліонѣ. Жоанонъ и Дешанъ взяли драгоцѣнности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, спрятаны были потомъ въ домѣ Жоанона, я же отправился прямо домой.“

В. „Жоанонъ, вы слышали слова Кретьена, что вы скажете на эти точныя подробности?“ *О.* „Кретьенъ можетъ говорить что ему угодно; я невиноватъ. Господинъ судья, оставьте меня на единѣ съ Кретьеномъ на одинъ только часъ. Я объясню все какъ слѣдуетъ. Онъ знаетъ что моя семья богатая, въ деньгахъ недостатка не будетъ; моя родня должна была внести деньги въ тюрьму на мой счетъ. Оставьте насъ на одинъ часъ, я выведу все наружу ради правосудія.“ Потомъ онъ спросилъ: „Пусть Кретьенъ скажетъ, какъ былъ я одѣтъ.“

Кретьенъ. „Я не могу сказать, я не замѣчалъ.“

Послѣдній вопросъ замѣчателенъ и походитъ на проблескъ здраваго смысла и присутствія духа среди безумнаго и возбуждающаго отвращеніе страха. Какъ только Кретьенъ поставленъ былъ на почву, на которой онъ могъ бы быть опровергаемъ, тотчасъ память его отказала ему въ своихъ услугахъ. Очныя ставки (confrontation) французскаго судопроизводства замѣняютъ собою англійскій перекрестный допросъ. Они столь же приспособлены къ розыскному, сколько перекрестный допросъ къ состязательному процессу. Очевидно что студенту, который вноситъ въ слѣдствіе духъ

научнаго изслѣдованія, очныя ставки могли бы показаться поучительнѣе, но для нападенія и защиты онѣ далеко не такъ хороши, какъ перекрестный допросъ.

При судоговореніи Кретьенъ допрошенъ былъ прежде другихъ подсудимыхъ, которые выведены были изъ залы засѣданій, послѣ чисто формальныхъ спросовъ объ именахъ и о возрастѣ. Кретьенъ повторилъ свой разсказъ, данный при слѣдствіи, утверждая однако, что кошелекъ съ 1380 фр. не принадлежитъ къ числу загребленныхъ вещей. Тогда введенъ былъ Жоанонъ и спрошенъ по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла. Онъ опровергалъ почти каждое показаніе всякаго свидѣтеля, повторяя что онъ невиненъ какъ младенецъ, что возбуждало хохотъ въ публикѣ. Судя по отчету о засѣданіяхъ, кажется, что его поведеніе въ судѣ, хотя и непротиворѣчило предположенію о винѣ и даже наводило на мысль о винѣ, могло бы быть однако отнесено и на счетъ испуга и замѣшательства слабохарактернаго человѣка, который потерялъ присутствіе духа и всякую власть надъ собою, вслѣдствіе долгаго заключенія, многократныхъ допросовъ и тяготѣющаго надъ нимъ общественнаго негодованія и подозрѣнія. Съ нимъ обходились крайне грубо, по обычаю судей французскихъ. Когда при вторичномъ производствѣ онъ сказалъ: „я жертва двухъ мерзавцевъ; клянусь Богомъ что я невиненъ,“ — предсѣдатель отозвался: „не присовокупляйте богохуленія къ вашимъ отвратительнымъ злодѣяніямъ.“ Дешанъ отрицалъ также все, въ чемъ его обвиняли, съ бо̀льшимъ спокойствіемъ и достоинствомъ нежели Жоанонъ. Онъ не могъ объяснить присутствіе орудія въ колодцѣ, а также присутствія вещей Гайе въ своемъ домѣ [1]). Ночью съ четвертаго на пятый день суда, Дешанъ пытался повѣситься въ тюрьмѣ. Тюремный сторожъ нашелъ его лежащимъ въ кровати съ повязанною на шеѣ веревкою. Адвокаты говорили свои рѣчи къ присяжнымъ. Потомъ Кретьенъ былъ еще разъ допрошенъ и отозвался, что всѣ его прежнія показанія лживы, что объ убійствѣ онъ ничего не знаетъ, но что онъ составилъ свой

[1]) Мы пропускаемъ обстоятельства дѣла относящіяся до двухъ женщинъ.

обстоятельный разсказъ изъ того, что видалъ и слыхалъ въ Сен-Сирѣ. Впрочемъ онъ не могъ дать никакого, нетолько удовлетворительнаго, но даже сколько нибудь понятнаго объясненія причинъ, почему онъ признался, или какимъ образомъ ему извѣстны подробности злодѣянія. Затѣмъ генералъ-прокуроръ объявилъ, что онъ желаетъ произвести дополнительное слѣдствіе для объясненія одного по его мнѣнію, таинственнаго обстоятельства въ дѣлѣ. По его требованію дѣло было отложено до слѣдующихъ ассизовъ.

Въ теченіи этого промежутка каждый изъ подсудимыхъ былъ многократно допрошенъ предсѣдателемъ ассизнаго суда. Кретьенъ взялъ назадъ свое отреченіе и повторилъ первоначальное свое признаніе съ тою разницею, что по его словамъ, во второмъ показаніи, Дешанъ заговорилъ съ нимъ о преступленіи и то только разъ и что онъ Кретьенъ не сообщался съ Жоаномъ ни объ этомъ ни о какомъ либо другомъ предметѣ, ни до, ни послѣ преступленія. Дешанъ сталъ признаваться и показалъ, что Жоанонъ началъ подстрекать его къ злодѣянію за нѣсколько мѣсяцевъ до совершенія, что онъ Дешанъ не поддавался подстрекательству, что за двѣ недѣли до событія тоже предложеніе сдѣлалъ ему Кретьенъ, что въ вечеръ совершенія преступленія Кретьенъ зашелъ къ нему и сказалъ, что настало время и что онъ Кретьенъ условился съ Жоаномъ. Онъ Дешанъ отказался сразу, но потомъ уступая настоятельнымъ предложеніямъ Кретьена, согласился „въ припадкѣ умопомраченія.“ Они нашли Жоанона въ тутовой рощѣ, вошли въ домъ и совершили преступленіе. Онъ Дешанъ убилъ бабку камнемъ, Кретьенъ зарѣзалъ дочь, а Жоанонъ мать. Гадкій споръ завязался между Кретьеномъ и Дешаномъ, причемъ они сваливали другъ на друга убіеніе дѣвушки и изнасилованіе ея. Дешанъ одержалъ верхъ въ этомъ спорѣ вслѣдствіе того, что состояніе его здоровья дѣлало мало вѣроятнымъ, чтобы онъ былъ виновенъ въ самой мерзкой части злодѣянія. На одномъ изъ допросовъ самъ Кретьенъ согласился, что дѣло было такъ, какъ разсказываетъ Дешанъ. Дешанъ показалъ, что Кретьенъ взялъ монету, а Жоанонъ драгоцѣнности, онъ же Дешанъ воспользовался только 15 фр.

85 сантимами. Когда онъ домогался потомъ на другой день, чтобы Кретьенъ подѣлился съ нимъ добычею, Кретьенъ отказалъ ему, отзываясь: пускай Дешанъ зоветъ меня въ судъ если хочетъ. Съ другой стороны Кретьенъ показалъ, что деньги были забраны Жоанономъ. Подсудимые взваливали другъ на друга горловые порѣзы острымъ орудіемъ, оказавшіеся у женщинъ.

Жоанонъ объявилъ при допросѣ, что онъ не причастенъ преступленію, что онъ шелъ своей дорогой домой и видѣлъ, какъ къ Гайе заходили вмѣстѣ Кретьенъ, Дешанъ и еще нѣкто Шампіонъ; онъ присовокупилъ, что онъ слышалъ какъ Шампіонъ дѣлалъ Кретьену нѣкоторыя замѣчанія подозрительнаго свойства.

При судотвореніи, которое началось 10 іюля и тянулось нѣсколько дней сряду, всѣ три подсудимые подтвердили свои прежнія показанія; впрочемъ Жоанонъ взялъ назадъ сдѣланный имъ оговоръ Шампіона, коего невинность по удостовѣренію обвинительнаго акта была доказана посредствомъ несомнѣннаго alibi. Немного новыхъ свѣденій доставлено многочисленными допрошенными по дѣлу свидѣтелями, которые большею частью только повторяли сказанное ими прежде. Всѣ три подсудимые приговорены были къ смертной казни и казнены.

Нѣтъ сомнѣнія въ виновности Кретьена и Дешана, хотя надобно сказать, что они вѣроятно ускользнули бы отъ наказанія при англійской системѣ судопроизводства. Единственныя, свидѣтельствующія противу нихъ улики заключались въ найденныхъ у нихъ вещахъ Гайе, и инструментѣ, открытомъ въ колодцѣ Дешана, но вещи могли быть похищены послѣ убійства, а такъ какъ инструментъ былъ замѣченъ въ домѣ Гайе послѣ убійства, похищеніе его и сокрытіе Дешаномъ, если бы оно и было доказано, подало бы только поводъ къ подозрѣнію. Есть правда сильный поводъ привлечь къ отвѣту подозрительное лицо, у котораго оказались похищенныя вещи убитыхъ, но успѣшный результатъ долженъ быть главнымъ образомъ приписанъ пріемамъ французскаго судопроизводства. Иное дѣло Жоанонъ; въ отношеніи къ нему не только не было на лицо данныхъ, которыя бы англійскій судья

представилъ разсмотрѣнію присяжныхъ, но даже весьма сомнительно, былъ ли онъ виноватъ. Никто знакомый съ характеромъ убійцъ не удостоилъ бы никакого вниманія оговоры такихъ негодяевъ, каковы Кретьенъ и Дешанъ. Страсть ко лжи у крупныхъ злодѣевъ служитъ страннымъ, хотя и оборотнымъ доказательствомъ силы истины. Трудно найти прямую логическую связь между ложью и убійствомъ, но дознано, что убійца всегда почти лжецъ. Почти всегда его признаніе перемѣшано съ ложью; большею частью онъ отправляется на висѣлицу съ устами полными притворства и лицемѣрныхъ увѣреній.

Если отложить въ сторону оговоръ Кретьена и Дешана, то Жоанонъ уличается только неосторожнымъ своимъ выраженіемъ въ присутствіи полеваго стража и своимъ показаніемъ о Шампіонѣ. Опасно положиться на которую нибудь изъ этихъ уликъ. Слова обращенныя къ полевому сторожу могутъ значить что либо другое, или вовсе ничего не значить. Показаніе противъ Шампіона могло быть и было по всей вѣроятности ложью, изобрѣтенною по глупости съ тѣмъ, чтобы самому какъ нибудь спастись. Есть значительныя несообразности въ разсказахъ Кретьена и Дешана. Ничто не доказываетъ, чтобы Жоанонъ былъ знакомъ съ Кретьеномъ, что касается до Дешана, то единственная связь между ними по обвинительному акту состояла въ томъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ до преступленія, лѣтомъ 1859 г. Жоанонъ молотилъ хлѣбъ для Кретьена и отца его. Обвинительный актъ присовокупляетъ еще объ одномъ „весьма важномъ фактѣ, проливающемъ свѣтъ на отношенія обоихъ подсудимыхъ,“ что Жоанонъ имѣлъ прелюбодѣйную любовную связь съ женою Дешана. Замѣчательно, что Кретьенъ и Дешанъ противурѣчили другъ другу въ своихъ признаніяхъ. Каждый изъ нихъ отзывался, что онъ поддался подстрекательству другаго, которому будто бы преступленіе внушено было Жоанономъ. Едва ли вѣроятно, чтобы Жоанонъ подсылалъ къ человѣку котораго онъ незналъ другаго человѣка почти незнакомаго, котораго чести онъ нанесъ смертельную обиду, съ тѣмъ, чтобы подговорить

перваго изъ нихъ къ убійству, отъ коего оба другіе подсудимые могли ожидать себѣ выгодъ, но онъ не получалъ никакихъ. Ему приписываются два мотива: месть и половая похоть. Что касается до перваго мотива, то должно быть онъ былъ страшно долготерпѣливъ въ своей мстительности, потому что отказъ г-жи Гайе выйти за него замужъ случился за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, онъ же не смотря на то оставался у этой женщины на службѣ. Кажется, что онъ помирился со своею неудачею. При допросахъ на вторичномъ судоговореніи предсѣдатель ставилъ ему на видъ разные безнравственные поступки и сказалъ: „вы дѣлали предложенія тремъ дѣвушкамъ за разъ: Винья, Бэнсонъ и Тарди.“ „Чтожъ тутъ дурнаго, если я имъ предлагалъ выйти за меня замужъ.“ Жоанонъ сознался въ любовныхъ связяхъ съ другими женщинами. Всѣ эти данныя не доказываютъ того, чтобы отказъ вдовы Гайе лежалъ у него на сердцѣ или чтобы онъ питалъ къ ней страсть, могущую довести его до того преступленія, въ которомъ его обвинили. Если мотивъ его заключался въ любострастіи, то почти непостижимо, зачѣмъ онъ соединился съ двумя другими лицами для удовлетворенія своей похоти. Трудно понять, вслѣдствіе какого неестественнаго и требующаго строгой повѣрки сочетанія злодѣйства и безумія могъ рѣшиться человѣкъ убѣдить двухъ другихъ помочь ему въ совершеніи тройнаго убійства, съ тѣмъ только, чтобы доставить себѣ потомъ возможность совершить изнасилованіе.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣтъ надобности предполагать, чтобы преступленіе совершено было не двумя, а болѣе лицами. Убійцы употребили два только способа убійства: ударъ камнемъ и порѣзаніе; раны отъ порѣза могли быть нанесены однимъ только ножемъ. Трупы двухъ женщинъ носили на себѣ слѣды орудія для рубки винограда, но это орудіе находилось въ домѣ у Гайе и нанесены имъ раны были послѣ убійства по увѣренію Кретьена и Дешана. Изнасилованіе было двойное; можно полагать, что само присутствіе лица, не рѣшающагося на подобную мерзость, могло бы дѣйствовать въ качествѣ нравственной за-

держки на другихъ злодѣевъ, если только они не потеряли еще всѣхъ свойствъ природы человѣческой. Но съ другой стороны Дешанъ былъ въ числѣ этихъ злодѣевъ, его же здоровье дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ участвовать въ этой части преступленія, что и оправдываетъ до извѣстной степени догадку объ участіи въ дѣлѣ еще третьяго лица.

Взвѣсивъ безпристрастно всѣ данныя можно прійти къ тому заключенію, что Дешанъ и Кретьенъ положительно изобличаются въ винѣ, потому что собственное признаніе каждаго изъ нихъ обстоятельно, обдуманно и дано безъ всякаго особаго притѣсненія. Притомъ оно подтверждено было подсудимыми и подкрѣплено сильнѣйшею изъ всѣхъ уликъ: найденнымъ у подсудимыхъ поличнымъ, принадлежавшимъ убитымъ женщинамъ. Притомъ оба убійцы были друзья, сосѣди и родственники убитыхъ и были въ одинаковой степени заинтересованы въ совершеніи преступленія. Что касается до Жоанона, то мнѣ кажется, что на него падало только подозрѣніе, и притомъ не сильное подозрѣніе. Кретьенъ зналъ, что Жоанонъ заподозрѣнъ, слѣдовательно ему легко было упомянуть имя Жоанона въ своемъ признаніи. Дешанъ узналъ это обстоятельство при первомъ судоговореніи, слѣдовательно имѣлъ возможность согласовать свое признаніе съ показаніемъ Кретьена. Онъ услыхалъ въ судѣ (можетъ быть въ первый разъ) о связи своей жены съ Жоаномъ, что и могло послужить ему достаточно сильнымъ мотивомъ къ попыткѣ увлечь съ собою Жоанона въ одну общую погибель.

Если бы кто спросилъ, какой мотивъ могъ руководить Кретьеномъ къ тому, чтобы сверхъ другихъ злодѣяній взять еще на душу новое убійство посредствомъ лжесвидѣтельства, то на это мы бы отвѣтили словами его адвоката, который просилъ присяжныхъ признать его виновнымъ со смягчающими вину обстоятельствами. Адвокатъ клалъ на вѣсы съ одной стороны жизнь трехъ убитыхъ женщинъ, потомъ съ другой жизнь Жоанона, Дешана и отца Дешана, послѣ чего онъ замѣтилъ, что безъ признанія Кретьена трудно было бы и даже невозможно изобли-

чить другихъ въ преступленіи. Потомъ онъ присовокупилъ: „если у васъ нѣтъ милосердія, пріймите во вниманіе хотя бы то, что когда нибудь при подобныхъ обстоятельствахъ, послѣ подобнаго же преступленія, послѣ подозрѣній, арестовъ и обвиняющихъ уликъ, какой нибудь злодѣй отозвется: чтобы я сознался? чтобы я наложилъ самъ на себя руку? — вспомните Кретьена и то, чего онъ добился собственнымъ признаніемъ! нѣтъ, нѣтъ, я не сдѣлаю признанія!“ То, что адвокатъ могъ употребить въ пользу подсудимаго подобные доводы и, что присяжные выслушивали эти доводы, служитъ достаточнымъ поясненіемъ всякой лжи со стороны убійцы, если притомъ сообразить, что судъ основывается въ своемъ рѣшеніи на всякихъ извѣтахъ убійцы.

Дѣло Франсуа Ленье (Lesnier [1]).

(1848 — 1855).

Дѣло Франсуа Ленье есть замѣчательный образчикъ практическаго примѣненія правилъ французскаго Code de l'Instruction criminelle, относящихся къ ошибочно осудившимъ кого либо приговорамъ присяжныхъ [2]).

---

[1]) Affaire Lesnier. Bordeaux. 1855.

[2]) Настоящій процессъ представляетъ собою примѣненіе слѣдующихъ двухъ статей этого кодекса.

443) Если одинъ подсудимый былъ осужденъ за преступленіе (crime) и если другой подсудимый осужденъ тоже по другому приговору, какъ виновникъ того же преступленія; если притомъ оба приговора не могутъ согласоваться и служатъ доказательствомъ невинности того или другаго изъ осужденныхъ, тогда исполненіе обоихъ приговоровъ пріостанавливается, даже тогда, когда бы было отвергнуто прошеніе о кассаціи того или другаго приговора. Министръ юстиціи, или своимъ собственнымъ починомъ, или по жалобѣ осужденныхъ, или одного изъ нихъ, или по отзыву генералъ-прокурора, препоручаетъ генералъ-прокурору кассаціоннаго суда ввести оба приговора на разсмотрѣніе этого суда. Означенный судъ въ уголовномъ своемъ отдѣленіи, повѣривъ что оба осужденія несогласимы одно съ другимъ, уничтожитъ оба приговора и отошлетъ обоихъ подсудимыхъ въ какой либо другой судъ кромѣ тѣхъ, кои произнесли оба приговора, для поступленія съ подсудимыми на основаніи имѣющихся обвинительныхъ актовъ.

Въ іюлѣ 1848 года Франсуа Ленье былъ осужденъ съ допущеніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ въ Бордо, за убіеніе Клода Ге и за поджогъ его дома.

16 марта 1855 г. Пьеръ Леспань (Lespagne) осужденъ былъ въ Бордо за то же самое преступленіе, а Деньо и г-жа Леспань за лживыя показанія противъ Ленье.

Оба рѣшенія признаны несогласимыми одно съ другимъ кассаціоннымъ судомъ и кассированы. Третій судъ назначенъ въ Тулузѣ для новаго сужденія каждаго изъ подсудимыхъ по состоявшимся противъ нихъ обвинительнымъ актамъ.

При этомъ третьемъ судопроизводствѣ въ составъ дѣла входилъ и прежній обвинительный актъ противъ Ленье, какъ единственный источникъ для изученія доказательствъ, на основаніи коихъ Ленье былъ въ то время осужденъ. Отчеты о второмъ и третьемъ производствѣ дѣла изданы въ Бордо и Тулузѣ. Для начертанія возможно полной картины обрядовъ французской процедуры, которая весьма любопытна въ цѣломъ, я переведу дословно обвинительный актъ 1848 года и отмѣчу главнѣйшіе моменты двухъ производствъ бывшихъ въ 1855 году.

---

445) Если послѣ осужденія подсудимаго одинъ или болѣе свидѣтели показывавшіе противъ него будутъ привлечены къ отвѣтственности за лжесвидѣтельство по этому дѣлу, и если обвиненіе ихъ въ лжесвидѣтельствѣ допущено или даже если только отданы приказы о заарестованіи ихъ, то исполненіе осуждающаго приговора пріостановливается, хотя бы даже кассаціонный судъ и отвергъ прошеніе осужденнаго. Если потомъ свидѣтели будутъ суждены за лжесвидѣтельство по обвиненію, министръ юстиціи или самъ своимъ починомъ, или по прошенію лица осужденнаго прежнимъ приговоромъ или по отзыву генералъ-прокурора, препоручаетъ генералъ-прокурору кассаціоннаго суда довести объ этомъ фактѣ до свѣденія этого суда. Означенный судъ, повѣривъ объявленіе присяжныхъ, на основаніи коего произнесенъ второй приговоръ, уничтожитъ прежній приговоръ, если по объявленію присяжныхъ свидѣтели признаны виновными въ лжесвидѣтельствѣ къ обвиненію осужденнаго прежде того лица и отошлетъ сего послѣдняго въ какой либо ассизный судъ иной, нежели тѣ, которые произнесли первый или второй приговоръ, для поступленія съ нимъ по имѣющемуся обвинительному акту. Если обвиняемые въ лжесвидѣтельствѣ будутъ оправданы, то пріостановленіе исполненія прекращается само собою по закону и осуждающій приговоръ приводится въ исполненіе.

Обвинительный актъ.

Генералъ-прокуроръ апелляціоннаго Бордосскаго суда сообщаетъ, что обвинительная палата апелляціоннаго суда, основываясь на слѣдствіи сдѣланномъ либурнскимъ трибуналомъ первой инстанціи, отослала по постановленію своему отъ 24 мая 1848 г. Жана и Франсуа Ленье, отца и сына, въ ассизный судъ департамента Жиронды для поступленія съ ними по законамъ.

Въ исполненіе этого постановленія, сообразно 214 ст. кодекса уголовнаго судопроизводства, нижеподписавшійся составилъ настоящій обвинительный актъ и объявляетъ, что слѣдующіе факты явствуютъ изъ новаго разсмотрѣнія актовъ процесса.

Семидесятилѣтній старикъ Клодъ Ге (Gay) жилъ одиноко въ уединенномъ домѣ въ общинѣ Фьё (Fieu) въ мѣстѣ называемомъ Petit-Massé. Ночью съ 15 на 16 ноября прошлаго года домъ его загорѣлся. Нѣкоторые жители общины Фьё, увидавъ огонь, прибѣжали на мѣсто пожара. Дверь дома и ставень отъ окошка единственной комнаты изъ которой состоялъ домъ были отворены. Огонь до того времени почти совершенно разрушилъ сарайчикъ подъ навѣсомъ, примыкавшій сзади къ дому Ге.

Друго (Drouhaut) младшій пытавшись проникнуть въ домъ задѣлъ ногою предметъ, который оказался мертвымъ, но еще неостывшимъ тѣломъ Пьера Клода Ге. Оно лежало навзничь, съ ногами обращенными къ порогу, съ руками опущенными вдоль туловища. Тарелка съ кушаньемъ помѣщалась на тѣлѣ, между ногами, ложка лежала близъ правой руки, а неподалеку отъ ложки находилась другая пустая тарелка.

Огонь былъ скоро остановленъ и потушенъ вслѣдствіе того, что пылавшій навѣсъ былъ раскинутъ и сброшенъ.

Явились власти: собранные ими факты доказывали, что Ге былъ убитъ, и что злодѣи подожгли домъ съ тѣмъ, чтобы скрыть слѣды убійства. Доказано также, что три или четыре боченка съ виномъ, хранившіеся въ подожженномъ сараѣ были предварительно оттуда взяты. На одной изъ деревянныхъ боковыхъ досокъ кровати Ге,

найдены слѣды сдѣланные повидимому окровавленною рукою. Рѣзакъ найденный въ домѣ Ге имѣлъ кровяное пятно на оконечности.

Голова покойнаго лежала на колпакѣ (serre-tête) также замаранномъ кровью.

Доктора Эмери и Суле позваны были осмотрѣть тѣло. Они нашли рану на затылкѣ и на боковой сторонѣ черепа, причиненную рѣжущимъ и бьющимъ орудіемъ, и пришли къ убѣжденію, что смерть произошла отъ этой раны.

Три или четыре боченка и кадка, которые завѣдомо сосѣдямъ находились во владѣніи Ге не были найдены подъ развалинами сарая. На мѣстѣ гдѣ стояли боченки неотыскано обожженныхъ кусковъ дерева; земля была тверда и суха.

Сосновый лѣсъ почти касался дома Ге. Свидѣтель Дюбрель замѣтилъ, что вереск былъ измятъ въ лѣсу на разстояніи одного метра отъ опушки, въ томъ же мѣстѣ лежало сломанное осью отъ колесъ сосновое деревцо, мимо котораго повидимому проѣхала повозка. Слѣдъ повозки направленъ былъ къ деревнѣ Фье и выходя изъ лѣсу соединялся съ большою дорогою. Изъ формы отпечатковъ отъ ногъ Дюбрель заключилъ, что повозка запряжена была волами. Эти обстоятельства не оставляли сомнѣнія въ томъ, что боченки были увезены.

Юстиція не знала съ самаго начала кто виновные. Потомъ открылось, что внушаемый ими страхъ сдерживалъ въ теченіи нѣкотораго времени общественный голосъ. Только въ декабрѣ указаны были правосудію и подвергнуты аресту отецъ Ленье и сынъ Ленье, жительствующіе въ общинѣ Фье.

21 сентября 1847 г. Ленье сынъ пріобрѣлъ недвижимую собственность отъ Клода Ге, по смерти сего послѣдняго, обязавшись платить ему пожизненно 6 франковъ 75 сантимовъ ежемѣсячно.

Онъ не обходился съ Клодомъ Ге съ должнымъ вниманіемъ и снисходительностью. Старикъ жаловался горько на его образъ дѣйствій всѣмъ лицамъ съ коими говорилъ о своемъ положеніи. Въ октябрѣ 1847 г. онъ сказалъ Барбарону: я думалъ, что я буду счастливъ въ послѣдніе дни мои. Ленье долженъ бы былъ имѣть

попеченіе обо мнѣ, но вмѣсто того, чтобы стараться продлить мою жизнь, онъ бы хотѣлъ, чтобы эта жизнь прекратилась. О, они не люди, они тигры!“ присовокупилъ онъ указывая на отца и сына Ленье.

Въ другой разъ Ге сказалъ приходскому священнику: „Ленье сынъ оставляетъ меня безъ хлѣба и не навѣщаетъ меня.“ Бѣдность Ге была столь велика, что дабы получить деньги на хлѣбъ, онъ продалъ нѣкоторыя земледѣльческія орудія г. Лябуаньеру. При этомъ случаѣ онъ сказалъ: „молодой Ленье подлецъ, негодяй; онъ бы хотѣлъ услыхать что я умеръ.“

9 и 14 октября Ге сказалъ Пьеру Лякуду, что онъ связался съ канальями (canaille à pot et à plat) и что ему бы лучше хотѣлось отправится въ больницу.

Молодой Ленье упросилъ Барбарона пойти къ Ге забрать боченки, при чемъ онъ сказалъ, что Ге отдаетъ ему половину вина своего подъ условіемъ, что онъ Ленье заплотитъ за издержки уборки винограда. Барбаронъ передалъ свое порученіе Ге, который отвѣчалъ: „я никогда не уступалъ ему моего вина;“ видите что онъ все хочетъ забирать въ свою пользу.“

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что молодой Ленье приходилъ къ Барбарону 12 сентября въ Petit-Massé и спрашивалъ его можетъ ли онъ различить боченки Клода Ге.

Жалобы Клода Ге оправдались вполнѣ достойными убійцы выраженіями Ленье въ отношеніи къ этому несчастному старику. Чрезъ нѣсколько дней послѣ покупки земли (у Клода Ге), 21 сентября онъ сказалъ Жаку Готей, что погуляетъ, когда Ге помретъ. Жакъ Готей замѣтилъ, что Ге переживетъ пожалуй Ленье, но Ленье перебилъ его словами: „нѣтъ онъ все равно что мертвый (il est mort là ou il est); да при томъ докторъ Лямотъ увѣрялъ меня, что онъ скоро помретъ.“

Онъ сказалъ также Жаку Мажеръ: „я побьюсь объ закладъ въ 35 франковъ, что онъ не проживетъ шести мѣсяцевъ,“ и Другому младшему: „я побьюсь объ закладъ, что онъ помретъ въ три мѣсяца.“

Леонаръ Констанъ слышалъ какъ Ленье произнесъ слѣдующія слова: „я собираюсь отправить старика Ге въ бордосскій госпиталь; я попрошу одного изъ моихъ пріятелей, студента, чтобы онъ далъ ему крѣпкую дозу, въ пятнадцать дней его уже не будетъ. По смерти его я выстрою домъ въ Petit-Massé и переведу туда мою школу.

Впослѣдствіи колесникъ Жанъ Бернаръ говорилъ съ нимъ о намѣреніи Ге помѣститься въ больницѣ. „Онъ не пойдетъ туда, сказалъ Ленье; я думаю что скоро придется вамъ сколотить для него гробъ.“

Въ началѣ ноября Ленье сказалъ г-жѣ Леспань, что Ге боленъ и что черезъ 8 дней его не станетъ.

Черезъ восемь дней потомъ Ге былъ убитъ. Въ ночи съ 15 на 16 ноября пономарь Жакъ Готей поднялся, услыхавъ крики: огонь. Онъ пробовалъ разбудить молодаго Ленье, который, говорятъ имѣетъ весьма легкій сонъ, и стучался въ дверь его тремя сильными ударами дѣлая между ними промежутки. Ленье поднялся прежде нежели спросилъ кто стучится, но вмѣсто того чтобы бѣжать на мѣсто пожара, ждалъ пока къ нему не присоединилось нѣсколько сосѣдей. Пономарь Жакъ Готей хотѣлъ ударить въ набатъ; Ленье замѣтилъ ему, что не лучше ли подождать приказаній отъ г. мера, впрочемъ пускай онъ, пономарь дѣлаетъ что ему угодно. Въ эту минуту подошелъ священникъ прихода Фье, который приказалъ Готею ударить въ набатъ.

На мѣстѣ происшествія Ленье не принималъ участія въ усиліяхъ къ потушенію огня. Онъ сказалъ лицамъ, которыя удивлялись его равнодушію: „чего вы отъ меня хотите, я болѣе не могу.“ Онъ спросилъ у одного свидѣтеля умеръ ли Ге, на его же утвердительный отвѣтъ замѣтилъ: „оно и лучше; Богъ сжалился надъ нимъ.“ На возвратномъ пути въ деревню Ленье былъ необыкновенно веселъ, что поразило всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Онъ все шутилъ съ двумя дѣвками Катериною Робенъ и Секондою Биро и заставлялъ ихъ смѣяться.

Маргарита Мотъ слыхала какъ онъ сказалъ: „я увидѣлъ огонь,

но не слыша никого кто бы подымалъ тревогу, легъ спать.“ Онъ говорилъ также, что онъ уладилъ дѣло съ Ге 29 сентября, что онъ навѣрное знаетъ что его обвинятъ въ убійствѣ. Пономаря онъ просилъ, чтобы тотъ пошелъ за отцомъ, присовокупляя: „я нуждаюсь, въ его руководствѣ.“

На слѣдующій день послѣ преступленія, Ленье явился утромъ въ Petit-Massé. Между тѣмъ какъ мировой судья дѣлалъ дознаніе, Пьеръ Рено, стоявшій возлѣ Ленье сказалъ, замѣтивъ кровь на стульяхъ: „я думаю что Ге былъ убитъ. Смотрите, здѣсь кровь!“ „Пустяки, сказалъ Ленье; мы одни только видѣли ее, не надо ничего говорить.“ Того же утра жандармъ Давидъ Віардонъ замѣтилъ слѣды ногъ на полѣ Ге и сличивъ ихъ съ слѣдами стопъ Ленье былъ пораженъ сходствомъ сихъ послѣднихъ съ первыми.

16 числа Ленье старшій явился на мѣстѣ происшествія съ слугою своимъ Жаномъ Франье, который указавъ ему на кучи недогорѣвшихъ остатковъ хвороста. Хозяинъ его сказалъ: „не тронь ничего и положи языкъ свой въ карманъ.“

15 числа два свидѣтеля Гильомъ Друго и Пьеръ Рено замѣтили въ Petit-Massé кровяныя пятна на рубахѣ Ленье старшаго, на груди. Въ тотъ же день Ленье ѣздилъ въ Кутра и встрѣтился на дорогѣ съ Жозефомъ Шепо, которому сказалъ: „случилось большое несчастіе. Ге умеръ и домъ его сгорѣлъ. Должно быть онъ ходилъ въ сарай за виномъ, зажегъ его случайно и умеръ самъ отъ страха.“ При этихъ словахъ Жозефъ Шепо замѣтилъ на рубахѣ Ленье кровяныя пятна въ означенномъ выше мѣстѣ.

Жанъ Франье показалъ сначала предъ судьею-слѣдователемъ, что хозяинъ его Ленье перемѣнилъ свою рубаху по возвращеніи изъ Petit-Massé до поѣздки въ Кутра, но что Ленье научилъ его показывать такъ, если его спросятъ по этому предмету. Притомъ Ленье самъ согласился, что не перемѣнялъ бѣлья. Мы должны присовокупить еще тотъ важный фактъ, что три свидѣтеля согласны относительно числа кровяныхъ пятенъ, мѣста ихъ на рубахѣ и величины.

Послѣ похоронъ Ге нѣсколько человѣкъ зашли къ Ленье. Отецъ

и сынъ Ленье толковали другъ съ другомъ шопотомъ у огня. Два свидѣтеля слышали, какъ отецъ говорилъ къ сыну: „бѣда что не все сгорѣло, процессъ тѣмъ бы и кончился. Ты хорошо сдѣлалъ положивъ деньги въ сундукъ Ге. Ты видишь, мой малый, что все сталось какъ я тебѣ говорилъ. Я знаю дѣло такъ же хорошо, какъ и эти господа.“ Послѣ этихъ словъ старикъ Ленье вышелъ.

Молодой Ленье зашелъ къ Барбарону и сказалъ: „нѣкто заходилъ къ моему отцу, говорилъ ему то-то и то-то и научилъ его показывать такимъ-то образомъ. Мой отецъ успокоилъ меня. Мнѣ было дурно вчера, я чувствую себя хорошо сегодня. Знаете ли что это было такое дѣло, за которое могли бы мнѣ голову отрѣзать.“

Отецъ и сынъ Ленье пытались дать ложное направленіе подозрѣніямъ правосудія, устремивъ ихъ на почтеннаго человѣка. Ленье уже начинали намекать на него, какъ они въ томъ и признались, посредствомъ слѣдующихъ темныхъ и лживыхъ замѣчаній.

Послѣ преступленія, Ленье старшій спросилъ у Мажера, что онъ думаетъ о дѣлѣ Ге. Мажеръ молчалъ. Тогда старикъ Ленье замѣтилъ: „Эту штуку состроили или сами Ленье или ихъ враги.“ Младшій Ленье имѣлъ въ тоже время подобный разговоръ съ Жакомъ Санте, которому онъ сказалъ: „враги наши убили Ге и подожгли домъ его, чтобы насъ окомпрометировать.“

Младшій Ленье сказалъ также Ламоту: „Злодѣи убившіе его знали, что я обязался платить ему ежегодно ренту; они убили его, чтобы погубить меня, но я вернулся изъ Либурна, куда меня звали, тамъ напали на слѣдъ виновныхъ. Ахъ, подлецы, они будутъ отысканы!“ Другой разъ Ленье младшій указалъ прямо на то лицо, которое онъ бы желалъ подвергнуть строгости закона. Онъ сказалъ Гильому Колброшу и Лагарду, что вечеромъ передъ убіеніемъ Ге, Леспань возилъ вино въ Сен-Медаръ и что это вино вѣроятно принадлежало Ге. Нѣтъ надобности замѣчать, что только одни Ленье отецъ и сынъ обвиняли Леспаня и, что всѣ, чьи подозрѣнія они пытались возбу-

дить, отвергли съ негодованіемъ ихъ неблагоразумныя обвиненія.

Ленье самъ такимъ образомъ отзывался объ убійствѣ Ге, въ присутствіи г-жи Леспань: „Если бы я убилъ человѣка, то мнѣ это было бы ни почемъ. Я правительственный человѣкъ (онъ былъ школьнымъ учителемъ), я получилъ бы прощеніе.“

Въ другомъ случаѣ Ленье сказалъ Мишелю Ляфону, что онъ могъ бы убить человѣка и былъ бы прощенъ; что правительство, коему онъ служитъ, покровительствуетъ ему.

По заарестованіи онъ сказалъ бригадиру (Віардону), что чрезъ нѣсколько дней боченки будутъ доставлены пустые въ домъ Ге.

Послѣ убіенія Ге оба Ленье, отецъ и сынъ, казались многимъ свидѣтелямъ озабоченными и смущенными.

Описанныя нами улики весьма сильны, безъ сомнѣнія. Однако свидѣтельница первостепенной важности г-жа Леспань, съ которою Ленье явно имѣлъ преступную связь, рѣшилась не сразу открыть все, что было ей извѣстно. Убѣждаемая мэромъ общины Фье и нѣкоторыми другими лицами, сказать истину безъ ограниченія, она являлась дважды къ судьѣ-слѣдователю и повѣдала ему слѣдующіе факты:

Страхъ удержалъ ее отъ открытія истины. Она знала, что оба Ленье содержатся въ тюрьмѣ, но она опасалась ихъ возвращенія. Однажды, пользуясь отсутствіемъ мужа, молодой Ленье заставилъ ее удовлетворить его преступнымъ желаніямъ. Потомъ онъ подстрекалъ ее отравить мужа, слѣдующими словами: „ты должна пойти въ аптеку, купить мышьяку, послѣ чего, чтобы разсѣять подозрѣнія мужа, ты должна съѣсть свой супъ, а потомъ налить его супъ въ ту же тарелку, подмѣшавъ туда яду.“

Чрезъ нѣсколько времени потомъ Ленье склонялъ ее оставить домъ мужа. Онъ пробовалъ уговорить ее начать искъ о разлученіи отъ сожитія съ мужемъ и отказать ему Ленье, все что она имѣла.

Однажды онъ бесѣдовалъ съ г-жею Ленье о томъ, что онъ намѣренъ для нея сдѣлать: Она сказала: „ты стѣсненъ, ты дол-

женъ содержать столько человѣкъ; ты сдѣлалъ плохую сдѣлку съ Ге о его землѣ.“ Тогда Ленье сказалъ: „ахъ онъ мошенникъ! онъ не долго будетъ стѣснять меня.“

Въ началѣ ноября, г-жа Леспань была опечалена бѣдственнымъ положеніемъ угрожавшимъ ей. Ленье младшій сказалъ для ободренія ея: „я отдѣлаю домъ Ге, ты пойдешь туда и будешь жить съ моею матерью и моимъ отцомъ.“ „Что же ты сдѣлаешь съ Ге?“ спросила Леспань? „Ге не проживетъ восьми дней. Я научу его обходиться безъ хлѣба. Я его заставлю вытаращить глаза, какъ онъ ихъ никогда не таращилъ.“

Ходилъ слухъ, что Ге продаетъ свои орудія. Г-жа Леспань сообщила о томъ Ленье, который сказалъ: „Ге старый плутъ! кажется, что онъ не хочетъ идти въ больницу. Онъ увидитъ, что съ нимъ случится.“ —„Что же ты хочешь съ нимъ сдѣлать?“ спросила г-жа Леспань. „Я его убью,“ сказалъ Ленье шепотомъ.

Въ другой разъ онъ сказалъ этой женщинѣ: „Ге старый, ни на что негодный злодѣй. Мой отецъ говоритъ мнѣ, что онъ освободится отъ него тѣмъ или другимъ путемъ.

Г-жа Леспань сказала: „что же ты хочешь сдѣлать съ этимъ старикомъ?“ „Онъ не силенъ, отвѣчалъ Ленье, добрый ударъ молоткомъ уложитъ его на мѣстѣ.“ —„Такъ этотъ человѣкъ много тебѣ мѣшаетъ, сказала г-жа Леспань?“ „Онъ увидитъ, увидитъ,“ сказалъ Ленье, кивая головою.

Г-жа Леспань продала Ге хлѣба въ домъ на 43 франка. Ге обѣщалъ ей дать 16 ноября вина въ счетъ уплаты. Г-жа Леспань сообщила о томъ Ленье младшему, который сказалъ ей: „не разсчитывай на это вино; оно не простоитъ долго тамъ, гдѣ оно есть. Ты можешь вычеркнуть долгъ этотъ изъ книжки. Ты никогда ничего не получишь.“ Потомъ, какъ бы въ утѣшеніе г-жи Леспань онъ присовокупилъ: „я приберегу для тебя полъ боченка.“

Въ самомъ дѣлѣ, 14 ноября, въ четыре часа вечера, когда г-жа Леспань стояла на крыльцѣ дома отца своего, Ленье младшій проходилъ мимо нея по дорогѣ. Она его спросила, куда онъ идетъ? „Я иду въ Grave d'Or условиться съ отцомъ на счетъ

перевозки вина Ге.“ Она спросила, какой извощикъ повезетъ вино? „Я не нуждаюсь въ извощикѣ, отвѣчалъ онъ; развѣ у моего отца нѣтъ телѣги и воловъ?“ Она замѣтила, что ему трудно будетъ подъѣхать на телѣгѣ къ дому Ге. Онъ сказалъ, что онъ съ отцемъ постарается прокатить боченки чрезъ сосновый лѣсъ Шатара, и указалъ ей на дорогу, по которой проѣдетъ съ телегой. Молодой Ленье говорилъ многократно той же свидѣтельницѣ, что его отецъ и онъ перевезутъ вино въ Grave d'Or.

На другой день около 7 часовъ утра, г-жа Леспань опять увидала молодаго Ленье на дорожкѣ ведущей въ Petit-Massé. Г-жа Леспань стояла на крыльцѣ дома отца своего, мимо котораго идетъ дорожка. Проходя подлѣ нея Ленье сказалъ: „я усталъ! я жду отца, а его нѣтъ.“ Потомъ Ленье направился къ дому Ге.

Утромъ 16 числа, въ 6 или 7 часовъ, свидѣтельница пошла за водою къ колодезю г. Шатара. Проходя мимо дома Ленье младшаго, она увидала его на порогѣ. Его руки были скрещены, лицо было блѣдное и печальное. На ногахъ его были деревянныя башмаки, на которыхъ виднѣлись кровяныя пятна. Въ теченіи дня г-жа Леспань ходила въ Petit-Massé. Тамъ былъ Ленье, онъ имѣлъ на себѣ тѣ же башмаки, но на нихъ она уже не замѣтила тѣхъ кровяныхъ пятенъ, которыя она видала за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ.

Того же числа Ленье младшій сказалъ г-жѣ Леспань, что онъ первый замѣтилъ огонь, но не слыша шума, не звалъ никого, отправился домой и легъ спать.

Того же числа г-жа Леспань спросила молодаго Ленье, почему ни онъ, ни отецъ его не подходили къ трупу. „Мы не нуждались въ томъ, отвѣчалъ онъ, мы его и такъ порядочно обработали (nous l'avions bien assez bouliqué).“

Три дня спустя послѣ убійства, молодой Ленье встрѣтилъ г-жу Леспань близъ ея дома. Онъ казался встревоженъ; она спросила его въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ: „я провелъ скверныя двѣ ночи, но послѣдняя была лучше. Я боялся, что они будутъ искать

вина Ге, но я думаю, что теперь розыски кончены и я уже покойнѣе."

Она замѣтила, что слѣдствіе не кончено. „Чертъ побери! отозвался онъ, пускай ихъ дѣлаютъ что хотятъ. Я не буду отвѣчать за Ге. Притомъ они не найдутъ доказательствъ." Того же числа онъ приходилъ къ женщинѣ, которая видѣла его во рву близъ церкви Фье, и спросилъ звали ли ее къ слѣдствію. „Прежде чѣмъ вы дадите показаніе я долженъ съ вами переговорить. Я не могу говорить съ вами здѣсь, потому что насъ видятъ." (Пеллеренъ каменщикъ работалъ въ то время на крышѣ дома приходскаго священника). „Никто не долженъ слышать того, что я вамъ скажу."

За 8 и 9 дней до своего ареста, молодой Ленье заходилъ къ г-жѣ Леспань и сказалъ, вручая ей кусокъ мягкой бумажной матеріи: „тебя потребуютъ къ слѣдствію; помни, не упоминай моего имени и говори побольше о мужѣ."

Наконецъ, при другомъ случаѣ, молодой Ленье выразилъ сими словами надежду, что онъ избѣгнетъ опасности, которою грозилъ ему процессъ: „теперь мнѣ лучше; я выйду цѣлъ изъ этого." Послѣ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній, Ленье на минуту замолчалъ; потомъ онъ продолжалъ: „не повторяй того, что я тебѣ довѣрилъ по секрету, ты въ томъ раскаешься; ты не можешь знать, что случится."

Таковы главные пункты уничтожающаго (Ленье) показанія г-жи Леспань.

Оба Ленье, старикъ и молодой, отвергаютъ сдѣланныя противъ нихъ обвиненія. Они утверждаютъ предъ властями, что убійство Ге и поджогъ его дома совершены врагами, которые рѣшились погубить ихъ; что уличающіе ихъ свидѣтели подкуплены, или даютъ свои показанія по злобѣ къ нимъ.

Молодой Ленье дошелъ до того, что отрицалъ даже свою связь съ г-жею Леспань, связь которая общеизвѣстна. Оба подсудимые пользуются репутаціею злыхъ людей, которая внушаетъ страхъ въ цѣломъ ихъ околодкѣ. Эта репутація подтверждается

отзывами ихъ, обнаруживающими убійственные замыслы о приходскомъ священникѣ въ Фье, о Друго и о поземельномъ владѣльцѣ Леспань, — отзывами, которые удостовѣряются достовѣрными свидѣтелями. Нѣкто Деньо былъ задержанъ ночью на публичной дорогѣ двумя лицами. Онъ вполнѣ узналъ въ одномъ изъ нихъ молодаго Ленье; ему показалось только, что другой былъ отецъ Ленье.

Послѣ заарестованія обоихъ подсудимыхъ, жена Ленье старшаго отзывалась, что она получаетъ ежедневно письма отъ отца и сына; что оба они вернутся; что они знаютъ какіе свидѣтели показали противъ нихъ, и что по возвращеніи ихъ, эти свидѣтели раскаются въ своихъ поступкахъ.

Страхъ, который старались внушить оба Ленье, очевидно, имѣлъ цѣлью предотвращеніе разоблаченія истины, которая должна была быть гибельна для нихъ.

Вслѣдствіе сего Ленье старшій и младшій обвиняются:

1) Въ томъ, что они вмѣстѣ и по соглашенію другъ съ другомъ злоумышленно похитили съ мѣста именуемаго Petit-Massé въ общинѣ Фье, нѣкоторое количество вина, въ ущербъ Клоду Ге.

2) Что они ночью съ 15 на 16 ноября добровольно подожгли домъ, обитаемый означеннымъ Клодомъ Ге и ему принадлежащій.

3) Что при тѣхъ же условіяхъ и въ томъ же мѣстѣ они добровольно причинили смерть означенному Клоду Ге.

Что они совершили это человѣко-убійство съ предумышленіемъ; что это человѣко-убійство предшествовало или сопровождало или послѣдовало за вышеупомянутыми преступленіями кражи и зажигательства.

Вслѣдствіе чего присяжные имѣютъ рѣшить, виновны ли подсудимые.

Составлено въ паркетѣ апелляціоннаго бордосскаго суда, 4-го іюня 1848 года.

Генералъ-прокуроръ

Тролонъ (Troplong).

Я перевелъ этотъ актъ цѣликомъ, во первыхъ потому, что это есть единственный источникъ, дающій понятіе о судѣ надъ Ленье въ 1848 г., и во вторыхъ, чтобы представить образецъ французскаго обвинительнаго акта.

Доказательства, приводимыя въ этомъ актѣ самаго низкаго сорта; за исключеніемъ весьма ничтожныхъ данныхъ, не заслуживающихъ быть упомянутыми, актъ состоитъ цѣликомъ изъ передаваемыхъ разныхъ разговоровъ, изъ коихъ самоважнѣйшія основываются на показаніи одной только свидѣтельницы. Въ цѣломъ дѣлѣ нѣтъ ни одного доказаннаго факта, который бы можно было, согласно какой бы то ни было теоріи, представить какъ составную часть или приготовленія къ преступленію или совершенія его, или, какъ признакъ поведенія зависящаго отъ преступленія или связаннаго съ нимъ. Цѣлый процессъ держится на показаніи г-жи Леспань, женщины завѣдомо всѣмъ дурной, которая притомъ не открыла рта, пока Ленье не былъ посаженъ въ тюрьму. Показаніе Деньо о разбойническомъ нападеніи на него, учиненномъ обоими Ленье, которое по англійскому праву было бы сочтено неидущимъ къ дѣлу и не было бы допущено, постановлено на концѣ обвинительнаго акта для большаго вѣсу. Этотъ актъ не упоминаетъ по какому случаю дано показаніе Деньо или г-жи Леспань. Дальнѣйшій ходъ происшествій обнаруживаетъ существенную важность этихъ обстоятельствъ и неправоту устраненія всякаго свѣденія объ нихъ.

Отецъ Ленье былъ оправданъ, Ленье сынъ осужденъ съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ (обстоятельства эти заключались конечно, не въ винѣ, а въ шаткости доказательствъ), и приговоренъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Недовольный приговоромъ отецъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы добыть новыя данныя по дѣлу, въ чемъ и успѣлъ лѣтомъ 1854 г. Результатомъ его изысканій было то, что Леспань обвиненъ былъ въ убійствѣ и зажигательствѣ, а г-жа Леспань и Деньо въ лжесвидѣтельствѣ въ отношеніи къ Ленье. Леспань самъ обвиненъ еще въ подстрекательствѣ къ лжесвидѣтельству. Судъ длился долго и

на немъ представлено громадное количество доказательствъ, которыя не стоитъ приводить. Главныя данныя перечислены въ обвинительномъ актѣ, который присовокупляетъ къ прежнему обвинительному акту противу Ленье еще нѣкоторые крайне важные факты, бывшіе уже извѣстными властямъ во время перваго производства, но неудостоенные ими вниманія.

Важнѣйшій изъ этихъ фактовъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ г-жа Леспань открыла правосудію свои тайны. Первое ея показаніе дано 20 декабря 1847 г., второе за тѣмъ 4 января 1848, слѣдующее затѣмъ 1 февраля, потомъ 10 февраля. Она была спрошена и передъ тѣмъ, но не сказала ничего замѣчательнаго. При каждомъ новомъ показаніи она добавляла что нибудь новое къ прежнему и оставляла самое сильнѣйшее изъ своихъ отзывовъ на послѣдокъ, а именно слова Ленье „мы его и такъ порядочно обработали,“ сказанные будто бы на вопросъ, почему ни онъ ни отецъ его не подходили къ трупу. Оказалось также, что г-жа Леспань помирилась съ мужемъ до суда надъ Ленье. „Она была выгнана мужемъ изъ его дома, говоритъ обвинительный актъ, но возвратилась туда по заарестованіи молодаго Ленье. Тогда и начался рядъ лживыхъ ея показаній противъ Ленье. Это совпаденіе само по себѣ весьма замѣчательно.“ Замѣчаніе, какъ нельзя больше справедливо, но его слѣдовало сдѣлать семь лѣтъ назадъ. Если бы вмѣсто допросовъ дѣлаемыхъ Ленье, содержимому въ келейномъ заключеніи, ему дозволено было взять адвоката для подготовленія защиты и если бы его адвокатъ произвелъ перекрестный допросъ свидѣтелямъ противной стороны, то тотчасъ обнаружилось бы все злодѣйство погубившей Ленье женщины. Тотчасъ при производствѣ вторичнаго слѣдствія обнаружилось, что вся ея исторія объ обольщеніи ее младшимъ Ленье лжива до смѣшнаго. Разные очевидцы удостовѣрили, что она позволяла себѣ въ отношеніи къ Ленье непристойнѣйшія вольности и манила его къ себѣ. При первомъ строгомъ допросѣ, она тотчасъ созналась въ томъ, что все, что она на него наговорила — ложь. Она показала, что къ лжесвидѣтельству подговорилъ ее при-

ходскій священникъ, котораго Ленье уличилъ въ ухаживаніи за его сестрою. Священникъ внушилъ ей, что она должна сказать, заставилъ ее заучить это показаніе какъ урокъ, и грозилъ, что не допуститъ ее до причащенія, если она не исполнитъ всего по наставленію. Она сказала также, что мужъ ея сознался ей въ винѣ. Деньо признался, что его разсказъ о разбойническомъ нападеніи на него Ленье вымышленъ. Онъ присовокупилъ, что побудительная причина, заставившая его лгать, состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ Леспаню 15 франковъ, которыя Леспань подарилъ ему за его показаніе.

Эти отступленія отъ прежнихъ показаній получены посредствомъ сопоставленія разныхъ фразъ вырвавшихся у г-жи Леспань и у другихъ лицъ, и имѣющихъ тотъ смыслъ, что Ленье невиненъ, а Леспань виноватъ. Въ особенности важенъ былъ отзывъ молодаго человѣка по фамиліи Малефиль, жившаго у Леспаня во время убійства Ге, и умершаго до вторичнаго производства дѣла, который разсказалъ разнымъ лицамъ, что злодѣяніе совершено Леспанемъ и шуриномъ его Бомэномъ, что Леспань долженъ былъ забрать вино у Ге, въ уплату долга въ 45 фр., что у нихъ завязался споръ изъ за одного боченка, что Ге не хотѣлъ отдать его, вслѣдствіе чего Леспань нанесъ ему смертельный ударъ молоткомъ по головѣ. Этотъ разсказъ вполнѣ совпадалъ со свойствами раны и съ другими обстоятельствами дѣла. Леспаня видѣли, какъ онъ на другой день послѣ убійства перевозилъ къ себѣ вино вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ и еще однимъ человѣкомъ. Представлены доказательства, удостовѣряющія что у него и у жены его прорывались многія подозрительныя фразы и странные намеки. Что касается до показанія Деньо, то многіе свидѣтели удостовѣрили alibi въ пользу каждаго изъ Ленье.

Леспань взятъ былъ подъ стражу и обвиненъ въ убійствѣ. Обвиненіе держалось на показаніяхъ жены его и Деньо. Его жена была прелюбодѣйная женщина. Деньо по собственному признанію учинилъ лжесвидѣтельство, могущее стоить жизни чело-

вѣку, за 15 франковъ. Оба показанія сами по себѣ были лишены всякой достовѣрности. Способъ обращенія съ подсудимымъ на основаніи этихъ доказательствъ представляетъ поучительный образчикъ того, какъ дѣйствуетъ на практикѣ система французскаго судопроизводства. Леспань былъ арестованъ и чрезъ нѣкоторое время приведенъ къ признанію. Въ судѣ онъ отрекся отъ своего признанія, объявляя, что оно было вынуждено насиліемъ. Это объясненіе сочтено невозможнымъ, однако, вотъ какъ отзываются объ немъ свидѣтели. Полицейскій коммиссаръ Надаль показываетъ: „на четвертый день Леспань былъ допрошенъ. Императорскій прокуроръ сообщилъ ему о многочисленныхъ свидѣтельствующихъ противъ него уликахъ. Леспань отрицалъ энергически всякую вину въ теченіи часа слишкомъ. Наконецъ, смущенный собранными противъ него доказательствами, онъ упросилъ меня пойти и позвать его родныхъ, передъ которыми онъ скажетъ все, какъ было. Я направился къ дому его съ этою цѣлію, но едва отошелъ пятдесятъ шаговъ, какъ вдругъ жандармскій бригадиръ нагналъ меня и сказалъ, что идти дальше не нужно и что Леспань признался во всемъ.“ Немного спустя генералъ-прокуроръ спросилъ Надаля: „правда ли, что императорскій прокуроръ грозилъ Леспаню эшафотомъ?“ *О.* „Нѣтъ, неправда; напротивъ того, онъ старался одолѣть его сладкими рѣчами (prendre par la douceur)? Прокуроръ ограничился тѣмъ, что просилъ Леспаня сказать правду и признаться, если онъ виноватъ; *онъ далъ ему понять, что своимъ молчаніемъ онъ подвергаетъ себя опасности быть съ большею суровостью судимымъ за свое поведеніе.*“ Другой жандармъ Бернаду былъ спрошенъ: „подсудимый говоритъ, что онъ сдѣлалъ это признаніе, потому что былъ напуганъ?“ *О.* „Никто не грозилъ ему; *напротивъ того, ему говорили о его семействѣ и сказали, что единственный способъ заслужить какое либо снисхожденіе состоитъ въ томъ, чтобы повѣдать всю правду.*“ Степень давленія узаконеннаго на основаніи этой системы, можетъ быть превосходно уяснена этими отвѣтами и тѣмъ еще, что когда въ

судѣ Леспань взялъ назадъ свои показанія, то адвокатъ его, мировой судья, шуринъ Леспаня и предсѣдатель упрашивали публично въ засѣданіи суда Леспаня о томъ, чтобы онъ признался. Онъ стоялъ на своемъ отреченіи [1]), но былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ.

Вслѣдствіе этого осужденія наступило третье производство, которое было повтореніемъ втораго. Въ промежуткѣ между обоими производствами, новыя попытки дѣлаемы были для склоненія Леспаня къ признанію [2]). Онѣ такимъ образомъ описываются мировымъ судьею. — „Въ качествѣ мироваго судьи и въ силу того вліянія, которое, сколько мнѣ казалось, я имѣлъ на подсудимаго, когда я увидѣлъ, что въ засѣданіяхъ 12, 13 и 14 числа онъ постоянно отрицаетъ показанія, данныя во время содержанія его подъ арестомъ, я счелъ долгомъ посѣтить его въ тюрьмѣ и убѣдить его сказать правду. Адвокатъ его Пренсето, побывавшій тамъ прежде меня, напрасно пытался склонить подсудимаго къ тому же. Я нашелъ подсудимаго непреклоннымъ. Вскорѣ потомъ я посовѣтовалъ его роднымъ сдѣлать новыя усилія въ этомъ же смыслѣ, послѣ чего вмѣстѣ съ ними и съ г. Пренсето отправился въ тюрьму. Будучи сильно уговариваемъ, онъ сказалъ наконецъ: „хорошо, вы будете имѣть его, я потеряю мою голову; я долженъ признаться, что я былъ невольнымъ виновникомъ его смерти. Я толкнулъ его, онъ упалъ навзничь; его голова ударилась должно быть о какое нибудь земледѣльческое орудіе или о другой какой либо предметъ, отчего и произошла рана.“

Степень страха и предубѣжденія порождаемыя усердіемъ жандармовъ и другихъ мѣстныхъ агентовъ центральной власти, то есть иными словами, примѣненіемъ на практикѣ розыскной теоріи уго-

---

[1]) Это обстоятельство невѣрно. Адвокату подсудимаго удалось склонить его къ учиненію новаго признанія на письмѣ, которое и было прочитано въ судѣ. Ст. *Fouquier*, Causes celebres de tous les peuples T. V.

Прим. перевод.

[2]) Опять ошибка автора. Эти попытки предшествовали произнесенію втораго, а не третьяго приговора. *Прим. перевод.*

ловнаго права, всего лучше видна изъ того, что всѣ свидѣтели, доказавшія лжесвидѣтельство Деньо отвѣчали на вопросъ, почему они не явились сказать правду при первомъ производствѣ, что они боялись, потому что вина Ленье была рѣшенное дѣло. Одного свидѣтеля, который доказалъ alibi старика Ленье въ опроверженіе разбойническаго нападенія на Деньо, спросили: „почему вы не сказали о томъ въ 1848 году? *О.* „Я боялся, потому что думалъ что буду одинъ.“ Другой свидѣтель сказалъ: „я боялся потому что былъ одинъ, всѣ же говорили, что Ленье виноватъ.“ Практическое приложеніе этой системы описано съ большею рельефностью и силою генералъ-прокуроромъ въ его рѣчи къ присяжнымъ. Его слова представляютъ лучше всякихъ доводовъ, оправданіе практической мудрости многихъ правилъ о доказательствахъ англійскаго уголовнаго судопроизводства. Описавъ какія были отношенія Ленье къ приходскому священнику, меру и другимъ вліятельнымъ лицамъ общины, генералъ-прокуроръ сказалъ: „вы понимаете теперь, господа присяжные, что происходило въ 1847 году. Правосудіе шло по своему торному пути (ses errements ordinaires). Оно дѣлало то, что обязано неизбѣжно дѣлать, когда розыскиваетъ само о преступленіи. Такъ какъ оно не обладаетъ искуствомъ ясновидѣнія, то оно и заимствовало первыя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ властей, руководствующихся своими собственными впечатлѣніями. Сбитое съ толку и введенное въ заблужденіе ими, оно къ несчастію дало себя втянуть въ ихъ образъ мыслей. Въ его глазахъ, какъ и въ ихъ глазахъ улики виновности Ленье выступали на свѣтъ, улики же вины Леспаня скрывались въ тѣни.

„При такомъ состояніи дѣла и при такомъ настроеніи чувствъ, появились вдругъ два ошеломляющія показанія противъ Ленье. Принятыя почти единогласно пристрастнымъ мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ и сгруппированныя съ достойнымъ сожалѣнія искуствомъ, они легко снискали себѣ довѣріе судьи.“

Судимый вторично Леспань, приговоренъ былъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Онъ сдѣлалъ еще другія признанія, болѣе правдоподобныя нежели прежнія, но вообще его вина до-

казана не многимъ удовлетворительнѣе нежели вина Ленье. Не будемъ входить въ этотъ подробный разборъ этого втораго дѣла. Его вся важность заключается только въ томъ, что оно представляетъ примѣръ духа, проникающаго розыскную систему судопроизводства.

Такова сущность уголовнаго правосудія, что если бы величайшіе юридическіе авторитеты стояли во главѣ мелкихъ тирановъ и полицейскихъ шпіоновъ, то процессы, подобные дѣлу Ленье, не могли бы не повторяться непрестанно. Мы, англичане, избѣгаемъ подобнаго зла, заставляя обвинителя и обвиняемаго состязаться въ ихъ спорѣ предъ безпристрастнымъ судьею, и позволяя имъ брать въ помощь адвокатовъ, вполнѣ независимыхъ отъ какихъ бы то ни было мѣстныхъ властей и атторнеевъ, адвокатовъ, которые являются только агентами тѣхъ лицъ, кои нанимаютъ ихъ. Наши англійскія правила о доказательствахъ могутъ иногда отстранять истину, но они замыкаютъ дверь передъ разными злостными сплетнями, отъ которыхъ не можетъ защититься невинность и устанавливаютъ такое мѣрило достовѣрности доказательствъ, которое само по себѣ уже охраняетъ подсудимыхъ весьма дѣйствительно отъ лжесвидѣтельства и заговоровъ на ихъ погибель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	III
Глава I. Область уголовнаго права	1
Глава II. Очеркъ исторіи уголовнаго права Англіи	13
Глава III. Опредѣленіе преступленія вообще	97
Глава IV. Классификація и опредѣленіе отдѣльныхъ преступленій	126
Treason (измѣна)	143
Murder (убійство)	147
Theft (кража)	161
Forgery (подлогъ)	181
Offences against the coin (поддѣлка монеты)	183
Злоумышленное поврежденіе и истребленіе чужой собственности (malicious injuries to property)	184
Misdemeanors	186
Глава V. Объ уголовномъ судопроизводствѣ вообще	197
Глава VI. Англійское уголовное судопроизводство	218
I. Отсутствіе общественнаго обвинителя	220
II. Система уголовныхъ преній и въ особенности обвинительный актъ	232
III. Обычай не допрашивать подсудимаго	249
IV. Вердиктъ присяжныхъ	264
Показанія экспертовъ	272
Единогласіе присяжныхъ	283
V. Апелляція по уголовнымъ дѣламъ	289
Глава VII. Начала достовѣрности въ связи ихъ съ уголовнымъ правомъ	302
I. Что такое доказательство?	305
II. Что такое убѣжденіе?	309

стр.
III. Какимъ образомъ доказательства порождаютъ убѣжденіе? . . 317
Заключеніе изъ доказательства объ истинѣ утверждаемаго имъ факта 320
Заключеніе изъ принимаемыхъ за истину фактовъ объ истинѣ выводимаго изъ нихъ мнѣнія 332
О дѣленіи доказательствъ на прямыя и обстоятельственныя 341
Глава VIII. Англійская теорія доказательствъ 355
I. Правила о санкціи, подъ которою предлагаются доказательства 356
II. Правила о томъ, какъ должны быть отбираемы доказательства 360
III. Правила о годности, числѣ и достовѣрности свидѣтелей . . . 365
Правила о числѣ свидѣтелей 377
Правила о достовѣрности свидѣтелей 378
IV. Правила о достовѣрности доказательства 387
V. Правила о собственномъ признаніи 409
Глава IX. Англійское уголовное законодательство 417
Дѣло Джона Донэлиена 430
Дѣло Уилліама Пальмера 450
Дѣло Уилліама Дова 489
Дѣло Фомы Смиттерста 502
Дѣло монаха Леотада 531
Сен-сирское дѣло 555
Дѣло Франсуа Ленье 577